

ТРУДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ
10

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ
2

ПАМЯТНИКИ СМУТНОГО
ВРЕМЕНИ

ТУШИНСКИЙ ВОР
ЛИЧНОСТЬ, ОКРУЖЕНИЕ, ВРЕМЯ

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2001

ТРУДЫ
ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
МГУ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ТРУДЫ
ИСТОРИЧЕСКОГО
ФАКУЛЬТЕТА
МГУ

Под редакцией С.П. Карпова

[10]

СЕРИЯ I
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ
(2)

МОСКВА
2001

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ПАМЯТНИКИ СМУТНОГО
ВРЕМЕНИ

**ТУШИНСКИЙ ВОР:
ЛИЧНОСТЬ, ОКРУЖЕНИЕ, ВРЕМЯ**

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

СОСТАВЛЕНИЕ, ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
И КОММЕНТАРИИ
В.И. КУЗНЕЦОВА И И.П. КУЛАКОВОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2001

УДК 93/99
ББК 63.3(2)4

П15

Серии Трудов исторического факультета МГУ:

- ◆ Исторические источники ◆ Исторические исследования
- ◆ Instrumenta studiorum ◆ Биобиблиографии

Редакционный совет:

С.П. Карпов (*председатель*), А.Г. Голиков, В.Н. Гращенков,
В.И. Кузищин, Ю.С. Кукушкин, А.С. Леонова, Г.Ф. Матвеев,
А.В. Милов, А.И. Морозов, В.В. Пименов, Г.М. Степаненко,
Н.С. Тимофеев, В.А. Федоров, Е.Ф. Язьков, В.А. Янин

П15 Памятники Смутного времени. Тушинский вор: личность, окружение,
время. Документы и материалы / Составление, вступительная статья и ком-
ментарии В.И. Кузнецова и И.П. Кулаковой. — М.: Изд-во МГУ, 2001. — 464 с.
(Труды исторического ф-та МГУ: Вып. 10; Сер. I. Исторические источники: 2)

ISBN 5—211—03999—8

Представленные в книге документы и материалы повествуют о событиях 1607–1610 годов, кульминационном моменте Смуты — первой «гражданской» войны в России. В центре внимания — появление Лжедмитрия II (Тушинского вора), образование и распад его лагеря, а также драматические вооруженные столкновения, в которые помимо русских оказались втянуты представители нескольких стран Европы — поляки, шведы, немцы и др. Стремясь осветить события с максимальной объективностью, показать мотивацию действий их участников, составители включили в подборку разнообразный материал: сочинения иностранцев, в которых выделяется значительный массив произведений польских авторов, переписку, нарративные источники русского происхождения, произведения устной народной прозы, данные нумизматики.

Для специалистов-историков, преподавателей вузов, учителей, студентов, а также широкого круга читателей.

УДК 93/99
ББК 63.3(2)4

ISBN 5—211—03999—8

© Кузнецов В.И., Кулакова И.П.
Составление, вступительная статья,
комментарии, 2001 г.
© Пономарева В.В. Оформление, 2001 г.

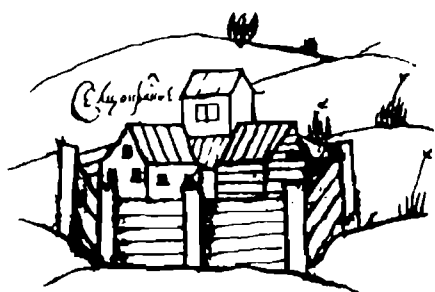

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Записки гетмана Жолкевского о Московской войне	36
Дневник осады Смоленска польским королем Сигизмундом III	46
Дневник Маскевича	59
Дневник Марины Мнишек	65
Дневник Яна Велевицкого	104
История Дмитрия царя Московского и Марины Мнишек, дочери Сandomирского воеводы, царицы Московской	120
История ложного Дмитрия (из дневника Будилы)	167
Мартин Бер. Летопись московская	205
Исаак Масса. Краткое известие о Московии в начале XVII в.	243
Петр Петрей де Ерлезунда. История о Великом Княжестве Московском	271
Юхан Видекинд. История десятилетней шведско-московитской войны	308
Конрад Буссов. Московская хроника 1584–1613 гг.	324
Депеша французского агента к своему двору о состоянии дел в России в апреле 1610 г.	341
Письмо Марины Мнишек к Сигизмунду III	344
Грамоты Ажедмитрия II воеводе Сandomирскому Ю. Мнишеку	346
Грамоты Ажедмитрия II Яну Петру Сапеге	349
Грамоты от разных лиц Яну Петре Сапеге	357
Письмо князя Рожинского к королю Сигизмунду III	366
Актóвый материал, относящийся к внутреннему состоянию Российского государства	367

Пискаревский летописец	400
Сказание Авраамия Палицына	404
Бельский летописец	409
Баркулабовская летопись	413
Повесть достоверная о победах Московского государства	416
Новый летописец	427
Устные исторические предания	440
Материалы «слова и дела государева» из следственных дел о «непригожих речах»	446
П р и л о ж е н и е. <i>Мельникова А.С.</i> О чеканке монет Тушинским вором	449
Именной указатель	452
Список иллюстраций	461

*...Восташа бо наша сами на ся
и разделишася в разделения зла,
прифразишася к иноплеменным сонмом...*

Временник Ивана Тимофеева

ПРЕДИСЛОВИЕ

15 мая 1591 г. в удельном городе Угличе гулкий звон набатного колокола возвестил о смерти царевича Дмитрия, младшего брата царя Федора Иоанновича, восьмилетнего сына Марии Нагой, наследника русского престола. Со звоном колокола поползли и слухи о чуде спасшемся Дмитрии. Самозванщина растеклась от южных и западных рубежей до далеких таежных окраин России.

Смутное время начала XVII столетия было результатом глубоких противоречий в обществе, порожденных незавершенностью процесса государственной централизации, незрелостью общества. Вспомним, что лишь в правление Ивана III Россия обрела относительное единство и независимость. Жизнь только начала отливаться в новые формы, но процесс проходил болезненно. Англичанин Джильс Флетчер, побывавший в Москве в 1588 г., отмечал, что политика Ивана IV «так потрясла все государство и до того возбудила всеобщий ропот и непримиримую ненависть, что это должно окончиться не иначе, как гражданской войной».

Разорение страны Ливонской войной и опричниной, постоянные вторжения крымских татар, «моровое поветрие», возросшие неизменно государственные повинности и неурожаи конца века не могли не отразиться на положении как крестьянина, так и всех социальных слоев Российского государства. Беглые крестьяне и холопы стремились

укрыться в труднодоступном «диком поле» (Авраамий Палицын писал о скоплении там 20 тысяч беглых холопов). На юге страны скапливались массы людей, недовольных своим положением. Сохраняющаяся постоянная угроза нападения крымских и ногайских татар привела к тому, что в 80–90-е гг. XVI в. само правительство решило создать на «украине»¹ ряд укрепленных городков (так возникли Воронеж и Ливны, Белгород и Оскол, Курск и Царев-Борисов). Для заселения же пустых земель старались использовать этот горючий материал — «охочих», «гулящих людей», чтобы «приручить», привлечь их «на государеву службу» (сделав «приборными людьми»), и включить в орбиту государственных интересов. Однако, как и беглые крестьяне и холопы, этот контингент оказался ненадежным в пору кризиса власти.

«Не менее острыми оказались к концу XVI в. противоречия интересов столичного и провинциального дворянства: ведь именно тогда окончательно сложилось деление всех дворян — служилых людей «по отчеству» — на две неравные по численности и привилегиям группы: «Государев двор», ставший опорой власти, и многотысячный и весьма неоднородный корпус провинциального дворянства.

«Государев двор», элита и опора государства, в конце XVI — начале XVII в. был достаточно замкнутой привилегированной корпорацией, которая противостояла массе рядового уездного дворянства. В ней обнаруживаются два социальных слоя. Верхушка двора — бояре, окольные и представители московского дворянства — по своему происхождению принадлежала в подавляющем большинстве к княжеско-боярской знати. Такой аристократический состав Думы и московских чинов сохранялся на всем протяжении правления Бориса Годунова (только при самозванцах появились лица из худородных). Иным был социальный облик нижнего слоя Двора, выборных дворян: по своему происхождению они принадлежали к верхушке уездного дворянства и были в основном выходцами из служилых фамилий, традиционно связанных с «Государевым двором». Основная масса служилых людей уже с XVI в. была организована в особые территориальные корпорации — «служилые города» (их было более 80). Свою службу служилый человек начинал обычно с 15-летнего возраста

(«в новиках») и затем постепенно повышался в чинах — до звания «выборного дворянина».

Таким образом, обособленность «Государева двора» от всей массы городского дворянства все же не была абсолютной: «выборный дворянин» одновременно был как нижним чином «Государева двора», так и высшим чином уездных дворянских корпораций. Но попасть в высший чин «выборного дворянина» было непросто, «выслуживались» лишь немногие.

Служилый город был не только военной организацией основного элемента военных сил Российского государства, но вместе с тем сословной организацией провинциального дворянства, представлявшей и защищавшей интересы уездных служилых людей. Города в свою очередь различались между собой по старшинству и по «чести», которым соответствовали различия в служебном положении, например более высокие и более низкие размеры земельных окладов. *От места в иерархии городов зависела очередь в смотрах при раздаче жалования и самые его размеры.* Именно поэтому в годы «лихолетья» служилые люди южных городов постоянно находились в оппозиции к официальной власти, в то время как старинные корпорации западных и северных городов склонны были поддерживать московское правительство.

Сложными были и отношения государства с посадским сословием. На посад обрушились все общероссийские тяготы, о которых шла речь выше, — Ливонская война и опричнина, мор и голод. Верхушка торгового слоя городов была сосредоточена в Москве. Хорошо известно, что московские посажане, как и жители северских городов, поддерживали первого самозванца, способствуя его воцарению. Торгово-ремесленное население было недовольно правительственной политикой Годуновых: горожане страдали в результате проведения политики «заповедных лет» и нового налогообложения². Что же касается казачества, то этот материал в начале XVII в. оказался самым горячим³.

Таким образом, противоречия интересов самодержавия и сословий, а также внутри сословий, в конечном счете сводившиеся к противоречиям в области распределения «прибавочного продукта», подвижки в общественном сознании — все это привело Россию в

начале XVII в. к крупнейшему в ее истории вооруженному конфликту больших социальных групп, «гражданской войне» (так все чаще именуют историки Смуту — события 1606–1613 гг.). Ни одному из правительств, последовательно сменявших друг друга, не удалось развязать этот клубок интересов путем реформ. Голодные бунты 1601–1603 гг., смерть Бориса Годунова и переворот 1605 г., скоротечное царствование Лжедмитрия I, выборы на престол Василия Шуйского и осада Москвы И.И. Болотниковым — кризис развивался по нарастающей. Самозванщина пустила свои корни. Наивно было бы считать зачинщиком всех бед Смутного времени первого самозванца. То, что он появился, разумеется, не случайно. Но еще более не случайно то, что он имел поддержку и успех. Ведь имеются, например, известия о существовании сына жены Василия III Соломонии Сабуровой, постриженной в монашество в 1525 г., который якобы был рожден в монастыре. Примечательно, однако, что эта фигура не была использована в политической игре, хотя слухи о ней в Москве ходили. Толки же о Дмитриии, царевиче-избавителе, появились задолго до появления реального первого самозванца. О якобы спасшемся царевиче говорили: «а в него место будто убиша немчина подобна ево лицу». В толках, слухах в те времена выражалось не только назревшее недовольство масс, но и программа и сценарий будущих движений¹. Слух о спасении царевича стал катализатором обстановки. Между тем в основе роковых событий мая 1606 г. лежали нерешенные противоречия дворян-землевладельцев, недовольство политикой правительства со стороны торговых людей и умение последних влиять на настроения московского «мира», который и поднялся против «лжецаря» с его приспешниками-еретиками².

Но ведь с гибелью Лжедмитрия I проблемы не были исчерпаны, раскол страны на два лагеря сохранялся. Казалось бы, Василий Шуйский имел все законные права на престол, исходя из рода нижегородско-суздальских князей-рюриковичей. Он постарался обставить свой приход к власти как всенародное избрание, посулив в своей крестоцеловальной грамоте процветание всем слоям населения. Тем не менее воцарение Шуйского было воспринято многими как узурпация царской власти, то есть «измена». Часть дворянства покинула Москву, чтобы затем из Путивля пойти в составе войска борцов под

знаменем Ивана Болотникова в защиту истинного (якобы вновь «спасшегося») царевича Дмитрия. Казалось бы, у Шуйского не должно было быть проблем с силами для подавления восстания: ведь, собираясь идти войной на Азов, Лжедмитрий I как раз провел мобилизацию, стянул войска к Москве. Но опять вступают в силу социальные и психологические факторы. В отсутствие реальной фигуры «царевича» идет движение целой армии в защиту его прав, в защиту «государевой отчины». Здесь можно говорить о важной роли комплекса царистских представлений, господствовавших в русском обществе. В моменты кризиса они выливались в понятие «измена», причем к изменникам, как известно, традиционно причислялись бояре из царского окружения⁶. В свете этих представлений и Б. Годунов, и В. Шуйский выглядели узурпаторами, «изменниками», превысившими свои полномочия; изменниками были и те феодалы и чиновники, которые оставались на стороне Шуйского. Меры, предпринимаемые правительством Шуйского в попытках поправить положение, только усугубляли его: земельные пожалования, раздаваемые сторонникам, оценивались как несправедливые, нарушающие обычай (раздача «через меру», «не по достоинству»).

В литературе советского периода было популярно отождествлять царистские представления масс феодального периода с «наивным монархизмом». Этот термин подразумевал господство неких идеализированных представлений, порождающих совершенно утопические надежды народа на улучшение положения. Предполагалось, таким образом, что народ столетиями верил в царя, не имея на то никаких оснований в реальной жизни. Между тем современные исследователи отмечают, что царистские представления опирались на веками существовавший своеобразный «консенсус» княжеской, великокняжеской, наконец, царской власти с земскими институтами и их представителями⁷. К тому, насколько были сильны земские традиции в рассматриваемый период, вернемся несколько позднее.

Итак, царевича ждали. И Лжедмитрий II появился 23 мая 1607 г. в Стародубе. К нему потянулись часть польской шляхты, участвовавшей в неудачном восстании против короля Сигизмунда⁸, и казаки⁹. В России его поддержали Путивль, Чернигов, Новгород-Северский. В Стародуб из Тулы прибыл атаман И.М. Заруцкий, гонец от И.И. Бо-

лотникова. Собрав войско, весной 1608 г. Лжедмитрий II блокировал Москву в боях у Химок и на Пресне был остановлен и разбил свой лагерь в селе Тушино. При самозванце образовалась Боярская дума. Главой правительства стал Филарет, принявший сан патриарха от Тушинского вора. (Почти два года Россия имела две столицы, двух царей, двух патриархов.)¹⁰

Как состав войска Лжедмитрия II, так и интересы его участников были чрезвычайно пестры. «Царь» раздавал земли на захваченной территории польским, литовским и казацким «панам» — «в жалование, в вотчины, как и преж сего уделья бывали»¹¹. В один из периодов реальная власть находилась у комиссии децемвиров — десяти шляхтичей при особе Тушинского вора, которые опирались на войско казаков и польских наемников (в войске находилось до 30 тысяч украинских и 15 тысяч донских казаков, 20 тысяч поляков). Тем не менее нельзя игнорировать роль русского дворянства в деятельности тушинцев. В Тушине находились прибывшие из Москвы бояре и стольники: кн. Д.Т. Трубецкой, кн. Д.М. Черкасский, кн. А.Ю. Сицкой, М.М. Бутурлин, князья Засекины. Массовые переходы феодалов на сторону самозванца приходится на весну и осень 1608 г.

Одним из известных эпизодов «тушинского» периода является осада 30-тысячным отрядом во главе с Я. Сапегой и А. Лисовским Троице-Сергиева монастыря. Шестнадцатимесячная осада не принесла успеха тушинцам: призыв «стать» «за дом пресвятой Троицы» означал для его защитников верность национальным традициям, а не просто службу царю против его внутренних и внешних врагов.

Смута достигла своего апогея. Противоречия между боярством, дворянством, казачеством, а также и внутри этих сословий, вмешательство Речи Посполитой и Швеции привели к небывалому размаху вооруженной борьбы. И только угроза потери национальной независимости заставила в конце концов большинство населения сплотиться в борьбе за независимость своей отчизны. Следует заметить, что освобождение Москвы и выборы на царствование в январе 1613 г. Михаила Романова опять-таки не снимали всех противоречий в обществе, а были лишь временным компромиссом между противоборствующими сторонами. Как показал в своем капитальном исследовании А.А. Станиславский, «гражданская война» отнюдь не закон-

чилась с воцарением новой династии¹². Слишком уж большие массы людей пришли в движение, слишком много неразрешенных противоречий накопилось в обществе со времен «молчания мира» в опричные времена.

В Смуту стирались грани между различными слоями; в этот тяжкий для России период многие из поместной «мелкоты» пытались сделать и делали блестящую карьеру. Так, например, Гаврила Григорьевич Пушкин (предок великого поэта) начинал свою службу в 1601 г. в должности головы в одном из сибирских городков. Однако уже в 1605 г. мы находим его среди доверенных лиц Григория Отрепьева, который поручает ему расправиться с Годуновыми. Гаврила Пушкин успешно справился с заданием, и «Расстрига» пожаловал его чином окольничего и местом в Думе. Позднее Пушкин участвовал в сведении с престола Василия Шуйского. Наконец, в 1619 г. он прибыл в Звенигород в составе лиц, встречающих патриарха Филарета, в чине думного дворянина.

Но перипетии Смутного времени позволили выдвинуться и ряду крупных общественных деятелей, которые при иных обстоятельствах вряд ли могли реализовать себя с подобным размахом. Это, например, такие выходцы из незнатных слоев, как И. Болотников, И. Заруцкий, К. Минин. Хотя, разумеется, нельзя отрицать, что и блестящие представители феодальной аристократии, как, например М.В. Скопин-Шуйский, сумели сказать свое слово. Недаром историки литературы отмечают возросшее значение личностного начала в произведениях периода Смуты, обусловленное повышенной активностью, резким скачком в накоплении общественного опыта. «Земское дело» понимается уже как не менее важное, чем «государево». Впервые в русской истории на уровне менталитета в обществе (и прежде всего в дворянском сословном сознании) начинают укореняться идеи о коллегиальном участии в выборах на царство, о праве и законности (или незаконности) участия в политической жизни страны¹³.

В Смутное время была разрушена незримая грань между боярством и дворянством, были устранены основные законодательные положения, препятствовавшие экономическому становлению поместной системы, осуществилось размежевание казачества с другими сословиями. Таким образом, события, произошедшие в период появления

и активности Тушинского самозванца, по своим последствиям выходят далеко за хронологические рамки Смуты начала XVII века.

*   *
*

Задача настоящего издания — продолжить традиции при публикации исторических источников, заложенные В.О. Ключевским, С.В. Бахрушиным, А.И. Яковлевым и другими историками, представить по возможности широкую и разнообразную подборку материалов за небольшой хронологический период (1607–1610 гг.), которая позволила бы наиболее полно осветить события, связанные с появлением Лжедмитрия II, образованием Тушинского лагеря и его распадом. Издание такого комплекса материалов представляется весьма важным в наше время уже в силу того, что отразившиеся в них процессы и явления пронизывают столетия российской истории и находят отклик в современных событиях.

Современный читатель может полнее и конкретнее представить своих предков — русских людей, их противников и союзников из числа иноземцев — со всеми их добродетелями и недостатками; познакомиться с такими личностями, как Василий Иванович Шуйский, Михаил Васильевич Скопин-Шуйский, Михаил Борисович Шеин, Марина Мнишек, гетман Станислав Жолкевский, Ян Петр Сапега, Яков Делагарди и многие другие. Этот интереснейший, на наш взгляд, этап «гражданской войны» начала XVII в. до последнего времени не был предметом пристального внимания современной отечественной историографии, фигурируя в немногих специальных исследованиях¹⁴. А ведь это весьма драматический, можно сказать, кульминационный период Смуты. Представленные источники, на наш взгляд, дают возможность акцентировать внимание читателя на ряде пока еще недостаточно разработанных проблем.

*   *
*

Одна из центральных тем данной подборки, разумеется, связана с *личностью Тушинского вора и его окружением*; составом тушинцев.

В литературе, с легкой руки высокомерных шляхтичей, описывавших перипетии своего пребывания в России, устоялся взгляд на Лжедмитрия II как на ничтожную личность. Однако Тушинский вор, хотя и значительно уступал как личность первому самозванцу, но, думается, заслуживает несколько большего внимания. Согласимся, что на его долю выпала непростая роль и ему удавалось достаточно долгое время «удерживаться на коне».

Видимо, несколько преувеличенно анархичной представлялась до сих пор и *жизнь Тушинского лагеря*: источники свидетельствуют о том, что при «дворах самозванцев» (Лжедмитрия II, Петра, Марины и др.) последовательно создается военно-административная система, своя «иерархия», то есть структуры, копирующие традиционные русские; мы видим подобие царского обихода — чины, аудиенции, молебны и пр. После того, как к осени 1608 г. значительная часть дворянства и боярства окончательно разочаровалась в политике В. Шуйского, начался массовый переход их на сторону Лжедмитрия. Тогда в лагере возникает «Боярская дума», потеснившая тех, кто возвысился в «стародубский период». Но тем и интересен редкостный момент столь близкого общения двух культур: какие-то нормы, новые составляющие социальных структур привносились польской стороной (типа комиссии «децемвиров» — десяти шляхтичей при царской особе, которые избирались из среды польско-литовских наемников и контролировали расходы и доходы самозванца, и др. Сбор налогов с населения для оплаты службы наемников и казаков велся (согласно польской традиции) по «приставствам», на которые были поделены дворцовые волости. (Проявившееся позднее польское влияние специалисты отмечают также, анализируя договоры России с Польшей 1610 и 1611 гг.). Все эти явления весьма ценны для тех, кого интересует процесс общения культур. Пространственная организация Тушинского лагеря в общих чертах угадывается по публикуемому описанию начала XIX в., помещенному в примечаниях к сочинению Маскевича Н. Устряловым. Описание принадлежит перу К.Ф. Калайдовича, одного из первых исследователей древностей Московского края. Интересно также упоминание о контрабандных поставках пищи, оружия, лекарств и припасов в Тушино из Москвы (А. Палицын).

Одной из малоисследованных сторон данного периода, прослеживающихся по публикуемым источникам, является «земское» движение, вовлечения представителей различных сословий, а также городов как самоуправляющихся «миров», чья самодеятельность резко выросла в период ослабления центральной власти и политического кризиса в решении общенациональных вопросов. В условиях, когда на большей части территории страны буйствовала казацко-шляхетская анархия, когда карательные отряды А. Лисовского и подобные им рыскали по Замосковью и Поморью, единственным организующим началом оставались мирские организации, с одной стороны, уходящие своими корнями к традициям функционирования территориальной общины, с другой — представляющие собой ячейки местных органов самоуправления¹⁵. (Позднее, к концу XVII в. «земское дело» было поглощено «государственным».) Между тем деятельность *межсословных объединений городов* в рассматриваемый период прослеживается по грамотам, которыми они обменивались между собой. Интересны в этом отношении и сообщения П. Петрея, свидетельствующие об активной позиции московского «мира» в период нахождения у власти В. Шуйского, о сношениях москвичей с Тушинским вором. В «Дневнике Марины Мнишек» находим данные о выступлениях «мира» г. Ярославля и т. д. Следует отметить, что использование всех этих данных требует большой осторожности, так как авторы-иностранцы мыслили категориями «своей» реальности и могли приписывать действиям русских «свои» мотивы.

Исследуя взаимоотношения противоборствующих сторон, можно наметить еще одну малоисследованную проблему историко-культурного свойства. Смутное время, сопровождавшееся ломкой многих традиций, поколебало традиционную «закрытость» русского общества, и россиянам пришлось испытать на себе непривычное обилие *общения с иностранцами*. Большинство из них были выходцами из Речи Посполитой (хотя ратники Скопина активно сотрудничали и с членами многонационального корпуса Делагарди). Польско-литовские и русские дворяне тесно соприкасались в Тушинском лагере и лагере под Смоленском. Следует иметь в виду неравноправное положение русских тушинцев по сравнению с польскими сторонниками самозванца (см. об этом у А. Палицына).

Хитросплетения политики двух держав, разумеется, не могли не наложить отпечаток на представления народов друг о друге. Взаимоотношения осложнялись и целенаправленной идеологической деятельностью правительств. Польские власти, вероятно, могли возлагать надежды на общность интересов польско-литовского и русского дворянства, надеясь, что перспектива получения шляхетских вольностей подтолкнет верхушку русского дворянства к согласию на династическую унию. Эти надежды не оправдались, хотя исследователи отмечают «прокоролевские» симпатии части верхушки господствующего сословия и некоторых купцов.

Взаимоотношения двух крупнейших держав Европы — России и Речи Посполитой — в начале XVII в. осложнялись тем, что обе они, издавна имея ряд территориальных претензий, переживали период внутренних осложнений. Исход Ливонской войны (1558–1583) не разрешил противоречий государств. В 1569 г. Литва и Польское королевство заключили Люблинскую унию, в результате которой возникло государство Речь Посполитая. Но сфера интересов польской правящей элиты имела тенденцию к смещению все дальше на восток: уже на самом Люблинском сейме слышались голоса членов литовской рады о том, что «никогда не будет лучшего времени [чтобы идти] на московского»¹⁶. Успешное объединение показало, какие возможности таит в себе «мирная» экспансия — путь заключения уний, соглашений, постепенная колонизация. Польские политики надеялись убедить Россию принять вариант «соединения» на переговорах 1598 и 1600 гг. Однако предложенный проект «слияния» государств на якобы формально равноправной основе предполагал на самом деле главенство польско-литовских интересов и свободу католической проповеди в России и, разумеется, был отвергнут русской стороной¹⁷. Дальнейшие переговоры также проходили неудачно, поэтому «с межправительственных контактов центр... интересов стал перемещаться на контакты межсословные и на первый план стали выдвигаться расчеты на привлечение русского дворянства к идее “унии” обещанием шляхетских “вольностей” по польскому образцу. Критическое испытание основательности этих расчетов... произошло в бурные годы «Смуты», — пишет Б.Н. Флоря. В условиях «великого разорения» первых ее лет и ослабления Русского государства в Речи

Посполитой активизируются выразители открыто агрессивной политики в отношении России, которые считают русские земли тем заманчивым и доступным резервом обогащения, каким стал Новый Свет для Испании и Португалии. Эти экспансионистские планы даже принимают форму идеи «крестового похода» на Восток, поскольку русские, православные — «не подлинные христиане» («не заслуживают того, чтобы называть их христианами»)¹⁸. Справедливости ради надо сказать, что в Речи Посполитой всегда существовала шляхетская оппозиция, выступавшая против вмешательства во внутренние дела России и заставлявшая даже короля Сигизмунда корректировать свои планы¹⁹.

Сигизмунд III в своих открытых обращениях к русскому населению прибегал и к другому приему — ставке на сохранение традиционных основ русского общества и его общественного устройства²⁰.

Правительство же В. Шуйского в тот период делало ставку на идею борьбы за чистоту православной веры. Читая русские повести Смутного времени, надо учитывать, что защита Родины, национальных традиций приобрела в этих описаниях характер также и защиты веры. Но еще П.Н. Милюков отмечал, что межнациональные влияния как ничто другое способствуют общественному осознанию национального своеобразия. «...Есть своя резкая разница между черным фоном чужой национальности и белым контуром собственной — разница, которая отмечается в сознании прежде всего». И здесь вероисповедание, его чистота — «всем известное, доступное и понятное знамя, вокруг которого сосредоточивается борьба за национальные особенности»²¹. Таким образом, события Смутного времени стали фактором развития русского национального самосознания.

Отличия в облике и поведении, фиксируемые источниками, воспринимались как признак «чужого», а значит, враждебного, что сказалось на отношении к полякам. Ведь для средневекового сознания вообще была характерна подчеркнутая знаковость поведения, придание большого значения обрядам. Русский человек для автора начала XVII в. мог быть только православным, в то время как католики приравнивались к язычникам и мусульманам (появление в 1596 г. униатской церкви только усилило недоверие). Отторжение

иноземцев-иноверцев населением усиливалось и их зачастую совершенно варварским поведением как безжалостных интервентов и грабителей, осквернявших местные святыни²² (недаром Ю.М. Лотман, исследуя проблему психологии интервента, отмечал, что когда последний находится на чужой территории, для него не действуют привычные культурные нормы, оставшиеся «дома», за рамками актуального действия). Следует, правда, указать и на то, что острота социальных противоречий заставляла не щадить и собственных единоплеменников. А. Палицын, в своем сочинении осуждающий разрыв среди русских и братоубийство, говорит о жестокости друг к другу русских представителей двух лагерей и отмечает, что порой эта вражда и жестокость («пытки и злое мучительство от своих своим и единоверным») поражали и устрашали выходцев из Речи Посполитой. Русские же «смиловавшихся литву и поляков худяками и жонками тех нарицаху».

В Смуту представители разных народностей столкнулись с чуждыми им стереотипами мышления и поведения. Для А. Палицына, например, борьба с Речью Посполитой — не только политическая, но и борьба с еретиками (для него они — «тьма», «темная сила», «воинство сатанино»: ведь они оскверняют храмы, играют в «бесовские игры», «очаровывают» русских девушек). Осмысление нового опыта шло через «подстановку» своих взглядов и убеждений в сознание других (такая установка является характерной чертой средневекового народного мировосприятия). Простейший пример: для русских казалось диким и кощунственным ношение поляками креста «ниже пояса» (этот обычай возмущал москвичей еще в период пребывания на троне окруженного поляками первого самозванца).

В целом же взаимоотношения в ходе Смуты в конечном счете были формой диалога нескольких культур, поэтому можно говорить о потоке различных «текстов» в ходе межкультурного общения²³. Именно это время стало необходимым этапом на пути знакомства с чуждой культурой, выработки того языка общения, который и позволил России в XVII в. влиться в общеевропейские процессы. Этот аспект публикуемых документов еще ждет своих исследователей, хотя проблема общения совершенно различных в этническом, политическом, идеологическом и религиозном отношении людей требует

особого историко-культурного подхода на базе самых разнообразных источников, в особенности неопубликованных или малоизвестных источников польского происхождения.

*   *
*

Смутное время оставило большой пласт письменных источников в виде частной переписки и мемуаров, актов, донесений, дневников, сказаний и т. д. Условно их можно разбить на несколько групп: 1) сочинения иностранцев, в которых выделяется значительный массив произведений польских авторов; 2) переписка «тушинцев»; 3) актовый материал; 4) летописи и другие нарративные источники русского происхождения.

Первая группа источников включает ряд дневников, охватывающих, частично или целиком, период с 1607 по 1610 г.

«*Записки гетмана Жолкевского*» — один из наиболее важных и ярких польских источников о Тушинском лагере. Впервые они были переведены на русский язык и опубликованы П.А. Мухановым в 1835 г., последний раз переиздавались в 1871 г.

Сигизмунд III, начиная безрассудную войну против России в 1609 г., возложил решение основных военных задач кампании на пана Станислава Жолкевского, воеводу киевского, напольного коронного гетмана. Жолкевский не был сторонником войны с Россией, но повиновался долгу и присяге. Возглавляя польские войска в «Московской войне» до взятия Смоленска в 1611 г., он проявил себя не только как талантливый полководец, но и как прозорливый, тонкий политик. В его «Записках» содержатся многочисленные подробности, которых нет в других источниках по Смуте, даны яркие характеристики главных военных и политических деятелей «Московской войны», представлено окружение Ажедмитрия II. Гетман не только излагает основные события, но и пытается объяснить причины поведения тех или иных лиц, их политические позиции. Особенностью «Записок» является то, что автор пишет о себе в третьем лице.

«*Записки о Московской войне*», как полагал П.А. Муханов, были написаны Жолкевским по его возвращении в апреле 1611 г. из королевского лагеря под Смоленском в родовое имение, но не ранее 1612 г.

Их, на наш взгляд, удачно дополняет *«Дневник осады Смоленска польским королем Сигизмундом III»*, переведенный и впервые опубликованный Д. Бутурлиным в 1846 г. Он начинается росписью польских отрядов, шедших в поход под Смоленск с королем, и затем следуют ежедневные записи с 5 октября 1609 г., дня приезда Сигизмунда III в Оршу по 7 января 1611 г. Дневник не закончен — в нем нет описания последнего приступа и взятия Смоленска. Автор дневника располагал большим объемом информации. Очевидно, он был участником многих сражений и обладал сведениями о делах внутри страны. Однако часть известий, излагаемых в дневнике, требует более пристального внимания и анализа, так как писавший получал их из третьих рук.

Особое место занимает *«Дневник Самуила Маскевича»*, который был издан Н. Устряловым в 1834 г. и выдержал несколько переизданий в середине XIX в. Последнее издание вышло в 1859 г.

С. Маскевич — дворянин, родом из Великого Княжества Литовского, имел обширные поместья в Новогрудском, Пинском и Слонимском поветах. Вся его жизнь связана с войнами и военным делом. В России он оказался с войсками Сигизмунда III. В польское войско Маскевич пришел со своим отрядом наемников и в звании поручика вошел в состав хоругви князя Пoryцкого. Восемь месяцев он простоял под Смоленском, а затем присоединился к отряду гетмана Жолкевского, посланного королем навстречу войскам Дмитрия Шуйского, спешившим на помощь смолянам. Участвовал в сражении под Клушином, приводил москвичей к присяге Владиславу, а после ухода Жолкевского под Смоленск остался под начальством гетмана Гонсевского в Москве. Еще до прихода второго ополчения, поняв, что полякам не удержать за собой Москву, бежал на родину. В Польше присоединился к конфедератам, требовавшим от короля жалованья за поход в Россию. Конец жизни, уже в звании полковника, провел в своем родовом имении.

С 1594 по 1621 г. Маскевич вел подробный дневник, куда записывал все, что ему представлялось важным, что сам он большей частью видел и в чем принимал участие. Дневник такого рода представляет несомненный интерес, так как в нем описаны многие события, сведения о которых нельзя найти в официальных государственных грамотах и актах. Его автор был наблюдательным

человеком и стремился по возможности быть правдивым. Как поляк, противник русских, Маскевич допускает эмоциональные оценки по отношению к «москвитянам», но его дневник лишен высокопарного самодовольства, презрения к русским, что отличает многих других польских писателей того времени.

Перечисленные выше материалы связаны в основном с королевским лагерем. Другая часть сведений происходит из окружения Тушинского вора и его супруги Марины Мнишек.

История многих памятников Смутного времени весьма запутанна и сложна. *«Дневник Марины Мнишек»*, к примеру, не имеет прямого отношения к самой Марине, а представляет собой записки поляка из ее свиты, сопровождавшего Мнишек и в ярославской ссылке. В нем описываются события 1604–1609 гг.

А. Гиршберг, первый публикатор *«Дневника»*, считал его автором В. Диамантовского. Второй публикатор *«Дневника»*, А. Титов, приписывал авторство А. Рожнятовскому. В.Н. Козляков, проведший большую работу по изучению списков этого важного источника и осуществивший последнюю капитальную публикацию своего перевода источника по копии краковского списка²⁴, разделяет последнюю точку зрения.

«Дневник Марины Мнишек» — это поденные записки автора, основанные на его личных впечатлениях и доступной ему информации. В тот период, когда автор вместе с Мнишеками оказывается в изоляции, источником информации стали слухи, письма и рассказы тех, кому удавалось общаться с опальными поляками. Таким образом, сомнительные сведения сочетаются в *«Дневнике»* с данными очевидцев, отличающимися порой от официальной информации. Автор уважительно относится ко второму самозванцу, именуя его царем (в отличие от В. Шуйского). В источнике имеются важные сведения об активности посадского населения («мира») Ярославля и другие оригинальные известия.

«История Димитрия царя Московского и Марины Мнишек, дочери Сандомирского воеводы», изданная в 1906 г. А. Титовым, традиционно называется записками Мартина Стадницкого, гофмейстера Марины Мнишек, находившегося в ссылке в 1606–1609 гг. Памятник этот представляет собой свод записок нескольких лиц, в

основе которого лежит вышеупомянутый «Дневник Марины Мнишек».

Фрагменты из дневника ксендза *Яна Велевицкого* — члена ордена иезуитов, отобранные, переведены и впервые изданы на русском языке П.А. Мухановым. Рукопись, очевидно, была написана после 1635 г. Я. Велевицкий широко использовал материалы дневника паптера Каспара Савицкого, который 30 марта 1607 г. встречался во дворце Ю. Мнишека в Кракове с Ажедмитрием I. Насколько успешными были переговоры между представителями иезуитского ордена и Ажедмитрием I, свидетельствует тот факт, что к середине апреля самозванец выбирает своим духовным отцом К. Савицкого, а 17 апреля принимает римско-католическую веру. В начале 1605 г. Савицкий выехал в Москву в составе свиты Ю. Мнишека и его дочери Марины. По дороге он подробно описывает в дневнике все увиденное. В Москву Мнишеки прибыли незадолго до гибели Ажедмитрия I, после которой были взяты под стражу. Описание событий с конца августа 1606 г. по август 1608 г. нуждается в тщательной проверке, так как Савицкий вместе с другими поляками находился под стражей и источники его информации до настоящего времени не выяснены.

Ксендз Я. Велевицкий использует материалы дневника Савицкого, дополняя их перепиской папы Павла V с Ажедмитрием I, Мариной Мнишек, Ю. Мнишеком. Определенная редакторская правка Велевицкого в рукописи прослеживается, но она несущественна, чтобы говорить о значительном изменении текста.

Дневник К. Савицкого заканчивается сентябрем 1608 г. Последующие события, с конца 1608 по 1611 г., представлены в лаконичной форме, фрагментарно, и, как отмечает Я. Велевицкий, сведения о них почерпнуты им «из разных дневников». Предлагаемый источник представляет собой своеобразную трактовку отдельных событий, связанных с Тушинским вором.

Документ, известный под названием «*История ложного Дмитрия*» был переведен и опубликован М. Кояловичем в 1872 г. Это дневниковые записи, охватывающие период с 1603 по 1613 г. События 1603–1607 гг., относящиеся к Ажедмитрию I, изложены кратко, отрывочно. Собственно дневник начинается со 2 сентября 1607 г., с

прибытия к Ажедмитрию II в Стародуб мозырского хорунжего Будилы, и заканчивается его же письмом к королю от 14 января 1613 г. из Нижнего Новгорода. Исследователи склонны считать, что дневник был составлен самим хорунжим Будилой, так как здесь довольно подробно описаны события, связанные с ним: участие его в сражениях на стороне Тушинского вора, сдача в плен, жизнь в ссылке в Нижнем Новгороде.

Присущее большинству польских мемуаристов тщеславие и высокомерие, пренебрежение к непросвещенным «московитам» выражены в дневнике Будилы, когда им описываются события 1612 г. Речь идет о предложении князя Д. Пожарского осажденным в Кремле полякам сдаться, и ответе на него Стравинского и Будилы оскорбительным письмом, в котором они глумятся над Д. Пожарским и К. Мининым, русскими людьми, называя их «коварными варварами, самыми трусливыми во всем мире».

После сдачи Кремля русским Будила жил у князя Д. Пожарского, а затем, сосланный в Нижний Новгород, был спасен от самосуда матерью князя. Княгиня не позволила нижегородцам расправиться с пленными поляками, призывая их к уважению присяги. Будило, однако, не понял благородства поступка как самого князя, так и его матери и остался недоволен тем, что его как пленного «не держали в чести», а посадили в тюрьму.

В целом «История ложного Дмитрия» содержит много важных сведений о лагере Тушинского вора, движении тушинцев от Калуги к Москве в 1611 г., подробные описания основных сражений.

Конрад Буссов, немец, типичный кондотьер, бывший всегда в центре событий, сражавшийся в войсках Бориса Годунова против Ажедмитрия I, а затем перешедший на сторону самозванца, был очевидцем событий 17 мая 1606 г. в Москве, когда совершилась расправа с Ажедмитрием I. В конце 1606 г. перешел из войск Василия Шуйского на сторону И. Болотникова, а после сдачи Тулы в числе других немцев отправился к Сигизмунду III под Смоленск. В составе отряда Жолкевского вступил в Москву, после ее освобождения вторым ополчением в сентябре 1611 г. выехал с посольством М.Г. Салтыкова из Москвы. Прибыв в Ригу, приступил к работе над записками о «Московской войне», которые были закончены к лету 1612 г.

«Московская хроника» К. Буссова — это рассказ о войне, написанный профессиональным солдатом и отличающийся обилием информации. Правда, автор не всегда точен, однако ему нельзя отказать и в объективности. Сочувствуя ограбленным крестьянам, он описывает жестокость поведения тушинцев, их разбои и убийства. Красочно его описание Тушинского лагеря, ломящегося от награбленной снеди; уникальны свидетельства о методах агитации Лжедмитрия II — обещаниях крестьянам и холопам, перешедшим на его сторону, не только земель, но и жен и дочерей их бывших господ.

Лишившись поддержки со стороны Польши, при нарастающем сопротивлении русского народа, Тушинский лагерь разваливается. К. Буссов видит причину поражения Лжедмитрия II в народном движении против него.

М. Бер, родом из Нейштата, жил в России более 12 лет: при Борисе Годунове, Лжедмитрии I, Василии Шуйском и во время междоусарствия. Выпускник Лейпцигского университета, он с 1601 г. учительствовал в Немецкой слободе, затем проживавшие в Москве лютеране избрали его пастором в церкви за р. Яузой, построенной при Годунове. В период правления Шуйского Бер переселился в Козельск, где его ждала расправа — участь, постигшая здесь других немцев. Однако он вместе с товарищами по несчастью нашел покровительство у Марины Мнишек. После гибели Лжедмитрия II Бер перебирается в Москву, а затем, после освобождения города от поляков Д. Пожарским и К. Мининым, уезжает из России в Нарву.

Очевидец многих событий, М. Бер вел дневниковые записи. Ими, очевидно, пользовался его тесть, К. Буссов, при написании своей «Московской хроники». Помогая последнему в работе над текстом, Бер создал своеобразное произведение «Летопись Московскую», охватывающую значительный период — с 1584 по 1612 г., т. е. со времени восшествия на престол Федора Иоанновича до разорения Москвы поляками. Следует отметить, что он был в хороших отношениях с Я. Маржаретом, П. Басмановым, знал лично обоих Лжедмитриев, Марину Мнишек, гетмана Я. Сапегу. Характеристики отдельных лиц передают своеобразное восприятие автора, не схожее с трафаретными оценками, встречающимися в дневниках очевидцев событий тех бурных лет.

Работа голландского купца *Иссака Массы «Краткое известие о Московии в начале XVII в.»* является одним из наиболее часто используемых источников при изучении истории Смутного времени.

И. Масса, человек общительный по природе, общался с боярской и приказной прислугой, с жителями голландской колонии, получая самую широкую информацию о событиях. Новостями же тогда Москва была переполнена, о происходящем говорили повсюду, стоило только отобрать нужное из услышанного и дополнить личными наблюдениями.

Исследователи отмечают, что, несмотря на отсутствие у автора письменных источников: дипломатических протоколов, царских указов, переписки приказов с городами, в его работе можно найти подробности, отсутствующие у других авторов, и даже «не вполне достоверные известия И. Массы находят себе параллель в русских источниках: летописях, хронографах и, следовательно, имеют за собой какую-то общую устную традицию». Таким образом, отдельные ошибочные суждения И. Массы находят себе объяснение не в его недобросовестности, а в «стоустой московской народной молве» и в дошедших до него тревожных и взволнованных рассказах.

Читая произведение И. Массы, невольно начинаешь испытывать те же ощущения, которые испытывал, очевидно, и сам автор рукописи. Не случайно исследователи постоянно обращаются к этому источнику.

Петр Петрей попал в Россию в 1601 г. и прожил здесь около четырех лет. В конце 1605 г. он через Речь Посполитую, где побывал на аудиенции у Сигизмунда III, вернулся в Швецию, где стал придворным историографом. Здесь же Петрей создает свое первое сочинение о России — «Реляцию», опубликованную в 1608 г. Как эмиссар и политический агент шведского короля он еще не раз побывал в России, собирая информацию о происходящих в ней событиях, прежде чем было издано его второе сочинение.

«*История о великом княжестве московском*» П. Петрея была издана в Стокгольме в 1615 г., затем в Лейпциге в 1620 г. Долгое время историки спорили, что первично — «Хроника» Буссова или «История» Петрея. Ю.А. Лимонов выяснил, что при написании своей «Истории» Петрей использовал материалы из «Хроники» Буссова

в такой же степени, как и материалы собственной «Реляции». Россия для Петра — прежде всего опасный соперник Швеции в районе Восточной Балтики. Им старательно подчеркиваются жестокость «москвитов», их коварство и суеверия. Однако он проявляет неподдельный интерес к самым разнообразным сторонам жизни русских — истории, религии, праву, занятиям, географии и обычаям.

Сочинение *Юхана Видекинда*, шведского королевского историографа второй половины XVII в., «*История десятилетней шведской войны в Московии*», отрывок из которого публикуется на русском языке впервые²³, принадлежит к особому роду сочинений иностранцев — специально подготовленным печатным иностранным изданиям, посвященным России. Оно было издано в Стокгольме в 1671 г. на шведском языке, а в 1672 г. на латыни. Видекинд не был современником излагаемых им событий. Однако его «История» — не просто компиляция произведений предшественников. Она включила в себя как документальные материалы Государственного архива Швеции, так и подлинные письма участников событий и рассказы о воспоминаниях их современников. Наиболее подробно рассматривается период 1608–1617 гг. Примечательно, что автор видит в русской Смуте прежде всего борьбу между Речью Посполитой и Швецией, происходящую волею случая на территории «Московии». Россия для Видекинда — союзник Швеции, и этим определяются его симпатии. Он — апологет шведских военных действий на территории России; все заслуги союзной армии приписываются в основном войску Швеции, при том, что видение событий у Видекинда иное, чем, например, у П. Петра. Сочинения шведских авторов дают подход, в корне противоположный подходу польских мемуаристов, и таким образом, помогают восстановлению достоверной картины противоборства трех держав.

Денеша французского агента из Москвы от 15 апреля 1610 г., переведенная и опубликованная П. А. Мухановым, позволяет сравнить позицию версальского двора и Речи Посполитой на события, происшедшие в России к началу 1610 г. Примечательно, что при французском дворе не было сомнений в том, что, как Дмитрий I, так и Дмитрий II, являются самозванцами без каких-либо прав на русский престол.

Незаменимым источником по истории русской Смуты является актовый материал — грамоты, отписки, распросные речи. В настоящем сборнике они сгруппированы в несколько блоков: 1) грамоты Лжедмитрия II Сandomирскому воеводе Ю. Мнишеку; 2) грамоты Лжедмитрия II Я. Сапеге; 3) грамоты от разных лиц Я. Сапеге и материал, относящийся к внутреннему состоянию России.

В разделе *актового материала* представлены три письма. Письмо Марины Мнишек Сигизмунду III от 15 января 1610 г. было написано ею после бегства Лжедмитрия II от взбунтовавшегося войска в Калугу. Текст письма в ярких красках рисует тяжелое положение Марины при втором ее супруге. Однако дух ее не был сломлен. Оставшись одна с взбунтовавшимся войском, несмотря на отчаянную ситуацию, Марина в письме польскому королю последовательно доказывает свои права на московский престол. Письмо Марины Мнишек «тушинскому воинству» от февраля 1610 г., по всей видимости, было написано перед отъездом из Тушина в Калугу, где уже находился после бегства из лагеря Лжедмитрий II.

Письмо князя Романа Наримунтовича Рожинского Сигизмунду III от 27 февраля 1601 г. было написано после бегства Лжедмитрия II и отъезда Марины Мнишек из Тушина. Войско самозванца значительно сократилось. Многие из оставшихся в нем были склонны обвинять Рожинского в бегстве самозванца в Калугу, так как в последнее время неприязнь между ними приобрела открытый характер. Волнения в Тушине продолжались. Меньшая часть войска склонялась к тому, чтобы уйти к Смоленску в королевский лагерь, большая часть — хотела идти к «царику» в Калугу. Для Рожинского положение было критическим. Постоянные распри внутри Тушинского лагеря, угроза войск М.В. Скопина-Шуйского и войск самозванца заставили его искать выход из создавшейся ситуации. К этому времени и относится письмо князя к польскому королю.

Грамоты Я. Сапеги представляют собой его официальную переписку с Лжедмитрием II и городскими воеводами, присягнувшими Тушинскому вору. Сапега пришел на службу к Лжедмитрию II в конце лета 1608 г. Его войско осаждало Троице-Сергиев монастырь, нанесло поражение отряду Скопина-Шуйского под Колязиным. В 1610 г., после бегства Лжедмитрия II в Калугу из Тушина,

Сапега был избран гетманом. Умер он под Москвой с 14 на 15 сентября 1611 г. Его послужной список свидетельствует о том, что он, по существу, был главнокомандующим войск Тушинского вора. Не случайно значительная часть грамот адресована не Ажедмитрию II, а Я. Сапеге.

Следующий корпус грамот относится к русскому лагерю. Это переписка городских воевод с правительством Василия Шуйского, переписка между городами, оставшимися верными Москве.

Отдельный блок представляют собой нарративные русские источники, прежде всего — источники летописного характера. *Баркулабовская летопись* создавалась в конце XVI — начале XVII в. Автором ее предположительно был дьякон (либо псаломщик) сельской церкви в Северо-Восточной Белоруссии (памятник написан народным старобелорусским языком). Селение Баркулабово было расположено близ г. Старого Быхова, между Пропойском и Чечерском, т. е. как раз в той местности, где появился очередной претендент на имя царевича Дмитрия. Обстоятельства его появления и сведения о его происхождении, приводимые летописью, весьма интересны. Под 1607 г. идет описание социальных столкновений, охвативших в это время Речь Посполитую, что позволяет погрузиться в атмосферу, в которой созревала авантюра с Ажедмитрием II.

Пискаревский летописец — крупнейшее летописное произведение начала XVII в., охватывающее период с древнейших времен до 1615 г. Как показал М.Н. Тихомиров, это сложный по составу памятник, состоящий из нескольких пластов. Исследователями высказывалось несколько версий о составителе (составителях) Пискаревского летописца; наиболее убедительной кажется версия о происхождении его из московских приказных кругов. Последняя по времени часть летописца представляет собой, вероятно, записи личных наблюдений, слухов, рассказов современников. Подобно Баркулабовской летописи, Пискаревский летописец предлагает свою версию о происхождении второго самозванца. В нем можно найти ряд оригинальных известий (в частности, об амнистии по случаю возвращения «царицы» в Тушинский лагерь; о судьбе ее и И. Заруцкого и др.).

Бельский летописец был составлен, по версии В.И. Корецкого, в начале 1630-х гг. в кругах служилых людей Западного региона

России (возможно, в районе г. Белая на Смоленщине), переселившихся во внутренние районы страны с приходом интервентов. Текст памятника представляет собой версию событий интересующего нас периода, поданную с позиций провинциального дворянства.

Введенная в научный оборот совсем недавно Г.П. Ениным «*Повесть о победах Московского государства*», автором которой был смоленский помещик, также отражает взгляд провинциального дворянства, причем того же региона, что и Вельская летопись. «Повесть...» была написана во второй половине 1620-х гг. В ней с мельчайшими подробностями описаны: сражение с войсками Лжедмитрия II под Москвой 25 июня 1608 г., героическая оборона Смоленска. Автор обнаруживает прекрасную осведомленность во всем, что касается истории Смоленска и действия смолян во время Смуты. Безусловно, автор отводит жителям Смоленска решающую роль в борьбе с Лжедмитрием II и Сигизмундом III, хотя заслуги смолян не были столь впечатляющими. «Повесть о победах Московского государства» наряду с другими историческими повестями той эпохи позволяет более полно представить отдельные стороны гражданской войны.

Новый летописец, составленный около 1630 г. в кругах, близких к патриарху Филарету, носит, в отличие от предыдущих летописцев, официальный характер. Он отражает сложившуюся к тому времени оценку Смуты и событий начала царствования Романовых. Являясь одним из памятников позднего летописания, Новый летописец стал, по мнению исследовавшей его В.Г. Вовиной, компиляцией нового качественного уровня, сущностью которой была уже не столько достоверность и точность передачи сведений, как у традиционной летописи, а концепция, подчиняющая громадный массив фактов. Трудно вычлениаются источники, как бы «переплавленные» в процессе создания памятника. И тем не менее летописец не утрачивает своего значения как собрание богатейшего фактического материала.

«Сказание» *Авраамия Палицына*, келаря Троице-Сергиева монастыря, — один из самых обширных и ярких памятников публицистики Смуты. Центральная часть «Сказания» — описание героической обороны Троицкого монастыря, продолжавшейся в течение года

и трех с половиной месяцев. Сложное по составу произведение было составлено из отдельных разделов и завершено автором в 1620 г., став впоследствии одним из популярнейших сказаний XVII в. Особую ценность представляет собой попытка автора, одного из представителей русской интеллектуальной элиты, осмыслить и объяснить события, потрясшие общество. Палицын чутко уловил основное противоречие эпохи: «всяк от своего чину выше начаша восходить: раби убо господие хотяще быти, и неволнии к свободе прескачюще». В сочинении публициста находим как общие картины разорения страны, морального падения представителей противоборствующих сторон, так и более конкретные оригинальные сведения по интересующей нас проблеме (например, о сношениях Тушина и Москвы, о попытках москвичей вести «между делом» коммерческие дела в Тушинском лагере, об отношении русских пленниц к пленившим их полякам и т. д.).

Традиционный круг источников о тушинском периоде может быть расширен за счет записанных уже в позднее время сохранившихся в народной памяти рассказов о «Смутных временах». В основе избранных для публикации немногих памятников лежит *устная история* — многократно переиначенные, но сохранившие подлинные реалии XVII века рассказы очевидцев или участников событий. Десятилетиями и даже веками такие рассказы передавались по памяти, сохранялись, обрастая чудесными подробностями, становясь фактом общественного сознания: ведь сохраниться до наших дней рассказ мог только в том случае, если он отражал типичный взгляд той общественной среды, где предание бытовало. Историческое предание как памятник устной народной прозы особого рода имеет установку на достоверность рассказа. Народная историческая память интерпретировала в духе традиционных фольклорных мотивов достаточно мелкие, но впечатляющие сюжеты. Легенды объясняют происхождение местных топонимов и фамилий, но при этом передают общую атмосферу беспокойного и кровавого времени, отношение населения к грабителям-мародерам — в основном беспощадно-мстительное, но в тех случаях, когда враг повержен, — трогательно-заботливое (как, например, в легенде «Свадебный камень»).

В приложении к изданию помещается *прорись монеты*, которая, по гипотезе А.С. Мельниковой, крупнейшего специалиста по отечественной нумизматике (ГИМ), относится к «чекану Лжедмитрия II». Это копейка, чеканенная на псковском денежном дворе в 1608–1609 гг., когда Псков принял подданство самозванцу. Документальных сведений об этом чекане не сохранилось, поэтому открытию этого факта мы обязаны тонкому нумизматическому анализу кладов (помимо прориси монеты, публикуется диаграмма весов монет, на которой основана гипотеза²⁶, и комментарий А.С. Мельниковой.

Остается добавить, что публикаторы постарались украсить издание изображениями, относящимися к XVII веку, они призваны проиллюстрировать не столько события «тушинского периода», сколько саму обстановку, в которой они развивались: села и деревни безбрежных равнин России, бывшие мощным фоном и естественной средой исторических событий. Особый интерес представляют публикуемые фрагменты географических чертежей — миниатюры, которыми древний художник украсил эти чертежи, предназначенные для целей межевания земель местности, в которой находились дворянские владения²⁷. Для отображения характера местности обычно использовались значки — лесная растительность, дома, церкви и колодцы. В данном случае автор чертежей не стремился к формализации. Живые и даже лиричные рисунки (достаточно реально передающие облик различных построек, их архитектурные особенности, цветы и травы) — все это, на наш взгляд, позволяет приблизиться к пониманию человека XVII в.

В заключение скажем, что представленные источники могут быть полезны не только студенту или специалисту, но и широкому кругу читателей, интересующихся как историей русской культуры и общественной мысли, так и более широкими проблемами социальной психологии и межкультурного общения. Обращение к этим проблемам на материале смуты XVII в. может стать особенно актуально в наши дни, на исходе XX столетия, как никогда ранее обострившего вопросы межнациональных отношений. Ибо, как писал Лев Копелев (посвятивший свою жизнь борьбе за преодоление национальных предрассудков), «гуманистическое и культурное становление человека вклю-

чает и знакомство народов друг с другом. Для того чтобы этот процесс был действительно «независим от варварского хода истории» и способствовал воспитанию гуманности, необходимо исследовать, по возможности непредвзято, влияние «хода истории» на конкретных людей, их взгляды и поступки»²⁸.

В.И. Кузнецов, И.П. Кулакова

Примечания

- ¹ Под «украиной» в XVI–XVII вв. понимались земли на краю русских владений, служащие преградой татарским набегам.
- ² Подробнее об этом см.: *Назаров В.Д.* Классовая борьба горожан и правительственная политика Бориса Годунова // Города феодальной России. М., 1966; *Флорья Б.Н.* Привилегированное купечество и городская община в Русском государстве (вторая половина XV — начало XVII в.) // История СССР. 1977. № 5; *Кулакова И.П.* Восстание в Москве 1605 г. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1985. № 4. С. 75–77.
- ³ Подробнее об этом см.: *Станиславский А.А.* Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990.
- ⁴ См. об этом: *Усенко О.Г.* Психология социального протеста в России XVII–XVIII вв. Тверь, 1994. Ч. 2. С. 18. Отметим, кстати: не случайно, что, по слухам, вместо царевича якобы был убит именно немчин, а не русский (пролитие православной крови не могло лежать в основе освободительной миссии царевича Дмитрия).
- ⁵ См.: *Кулакова И.П.* Восстание 1606 г. в Москве и воцарение Василия Шуйского // Социально-экономические и политические проблемы истории народов СССР. М., 1985.
- ⁶ См.: *Усенко О.Г.* Указ. соч. С. 10–11, 26–29.
- ⁷ См.: *Кривошеев Ю.В.* О средневековой русской государственности (К постановке проблемы). СПб., 1995. С. 70–72.
- ⁸ То, что Сигизмунд III не имел отношения к авантюре самозванца, доказал в своих исследованиях польский историк Я. Мацишевский (*Maciszewski J.* Polska a Moskwa, 1603–1618. Opinie i stanowiska szlachty polskiej. Warszawa, 1968. См. также: Краткая история Польши. С древнейших времен до наших дней. М., 1993. Гл. III.
- ⁹ О месте и роли казачества в тушинском войске см.: *Пронштейн А.П., Мининков Н.А.* Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков и донское казачество. Ростов-на-Дону, 1983. С. 54–61.

¹⁰ Что касается событийного ряда истории «тушинского вора» и его союзников, то он в основных чертах восстановлен в трудах, например, таких классиков дореволюционной историографии, как С.М. Соловьев и С.Ф. Платонов, а также в работах Г.В. Есипова («Тушинский вор». Москва, 1893) и Б. Агинского («Царь Василий Шуйский и Тушинский вор». СПб., 1913). Серьезными исследованиями периода советской историографии были работы Ю.В. Готье («Смутное время». М., 1921) и И.С. Шепелева («Освободительная и классовая борьба в русском государстве в 1608–1610 гг.» Пятигорск, 1957, и др.). Из более позднего времени, имея в виду наш предмет, можно выделить работу В.И. Корецкого («Подвиг русского народа в начале XVII ст.» // Вопросы истории. 1970. № 5–6), В.И. Буганова («Крестьянская война в России начала XVII века». М., 1976. Гл. 6) и книгу Б.Н. Флоря «Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в.» (М., 1978), которая освещает ряд важных для данного издания проблем. Наконец, в 90-е годы вышел ряд статей И.О. Тюменцева, посвященных различным аспектам «тушинского периода» Смутного времени; материал статей был обобщен в его докторской диссертации, посвященной всестороннему анализу движения Лжедмитрия II («Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II». Автореферат дисс. ... докт. ист. наук. СПб., 1999).

¹¹ Акты археографической экспедиции. СПб., 1836. Т. 2. № 86.

¹² См.: *Станиславский А.А.* Указ. соч.

¹³ Подробнее об этом см.: *Кулакова И.П.* Взаимоотношения государства и сословий в России второй половины XVI — начала XVII века (терминологические заметки) // *Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.): Сб. статей.* М., 1994.

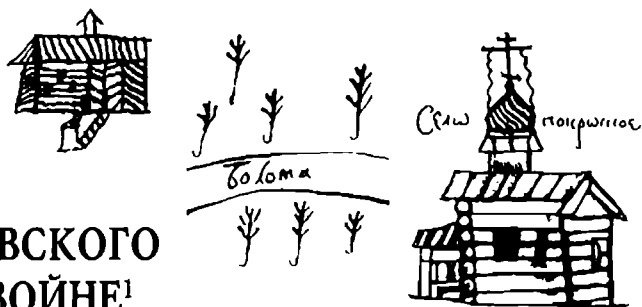
¹⁴ См., например: *Назаров В.Д., Флоря Б.Н.* Крестьянское восстание под предводительством И.И. Болотникова и Речь Посполитая // *Крестьянские войны XVII–XVIII веков: проблемы, поиски, решения.* М., 1974; *Флоря Б.Н.* Указ. соч.; *Иванов Ю.А.* Проблемы освободительной и классовой борьбы в Русском государстве в 1608–1615 гг. в советской историографии 50–70-х гг. // *Историографический сб.* Вып. 12. Саратов, 1983; *Скрынников Р.Г.* Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л., 1988; *Станиславский А.А.* Указ. соч. Современный взгляд на события содержит, например, краткий очерк В.Д. Назарова в академическом издании «История России. С древнейших времен до конца XVII века». (Отв. ред. А.Н. Сахаров, А.П. Новосельцев. М., 1996. С. 477–485), а также диссертация И.О. Тюменцева, содержащая подробный историографический очерк проблемы. Важный вклад внесли исследования польских историков В. Чаплиньского (Сзар-

- liński W. Propaganda w służbie wielkich planów politycznych. — O Polsce siedemnastowiecznej. Problemy i sprawy. Warszawa, 1966), Я. *Мацисhevского* (Указ. соч.).
- ¹⁵ Понятие «совет», традиционное для русского средневекового сознания, приобретает в Смуту особый смысл (см.: *Кулакова И.П.* Взаимоотношения... С. 60–62, 66–70).
- ¹⁶ *Флоря Б.Н.* Указ. соч. С. 30.
- ¹⁷ Подробнее см.: там же. С. 248–250.
- ¹⁸ Там же. С. 270–271.
- ¹⁹ *Maciszewski J.* Op. cit.
- ²⁰ См.: *Флоря Б.Н.* Указ. соч. С. 274–275.
- ²¹ *Милюков П.Н.* Националистическая традиция в конфликте с иноземным влиянием // Очерки по истории русской культуры: В 3 т. Т. 3. Национализм и европеизм. М., 1995. С. 95.
- ²² Еще в 1804 г. в 30 верстах от Москвы по Смоленской дороге в Больших Вяземах митрополит Платон мог видеть «в церкви на стенах в некоторых местах на подмазке или начертаны ножичком или каким острым орудием слова на польском языке, а литерами латинскими... цифирью 1611, 1618 и 1620 годы и некоторые имена польских панов» (цит. по кн.: *Новиков В.И.* Большие Вяземы. Памятники Подмосковья). М., 1988. С. 10.
- ²³ См.: *Лотман Ю.М.* Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении // Лотман Ю.М. Избр. статьи. Т. 1. Таллин, 1992. С. 121–123.
- ²⁴ Дневник Марины Мнишек / Пер. *В.Н. Козлякова*. СПб., 1995. Публикации предпослана статья В.Н. Козлякова, подробно освещающая историю памятника и его публикаций.
- ²⁵ Подробнее об этом источнике см.: *Плигузов А.И., Хорошкевич А.А.* Юхан Видекинд как историограф русской Смуты // Архив Русской истории. М., 1993. Вып. 3.
- ²⁶ Подробнее об этом см.: *Мельникова А.С.* Русские монеты от Ивана Грозного до Петра I. М., 1989. С. 118–119.
- ²⁷ В.И. Кузнецов обратил на них внимание, просматривая столбцы Поместного приказа, относящиеся к 70–90 гг. XVII в. (РГАДА, ф. 1909). О графике географических чертежей XVII в. подробнее см.: *Кусов В.С.* Картографическое искусство Русского государства. М., 1989. С. 5–27.
- ²⁸ *Копелев Л.З.* Чужие // «Одиссей». Человек в истории. Образ «другого» в культуре. М., 1994. С. 9.

ЗАПИСКИ ГЕТМАНА ЖОЛКЕВСКОГО О МОСКОВСКОЙ ВОЙНЕ¹

Глава III

...Бояре Московские, противники Шуйского, разослали людей по разным местам, в особенности в Самбор, чтобы расспрашивать о Дмитриии. Между тем появился другой самозванец в Стародубе, вовсе не похожий на первого (разве тем, что был человек), однако Северяне по ненависти к Шуйскому охотно приняли его сторону; к ним присоединились еще Велегловские с Меховицким. Потом князь Роман Рожинский² своим прибытием усилил партию второго самозванца; поразив войско Шуйского при Болхове, он подступил к Москве, после чего города и области начали сдаваться ему, так что наконец только несколько главных городов придерживались стороны Шуйского.

Видя это, Шуйский и бояре, которые при нем находились, испугались и начали искать средств к отклонению наших от самозванца. Василий освободил послов е. в. короля, и воеводу Сендомирского, заключивши с ним такой уговор, какого только сам желал, и повелел им против воли учинить присягу в исполнении онаго. Воевода Сендомирский также присягнул, что не будет вступать ни в какие сношения с этим самозванцем. И так они отправились в путь, и ехали той дорогою, где могли быть в неопасности от войск самозванца; но воевода Сендомирский, забыв о присяге, только что данной им, а наиболее дочь его, которой очень хотелось царствовать, несмотря на то что многие достоверные люди извещали, что это совсем не тот обманщик, который был прежде, и даже не похож на него, не хотели ехать той дорогою, которую назначил им Шуйский, но нарочно замедляли поход и тайно известили войско самозванца, где можно было бы их пе-

рехватить. И действительно случилось так, что послали за ним Александра Зборовского с Иоанном Стадницким, которые, настигнув их, несколько сот русских, приставленных Шуйским для конвоя, частью убили, частью же разогнали, а воеводу Сендомирского с его дочерью, Малаговского [т. е. Николая Олесницкого, кастеляна Малогостского]³, посла е. в. короля, помогавшего им, и прочих с ними находившихся отвели в свой стан, расположенный под Москвою. Прочие же послы, ехавшие дорогою, указанной им Шуйским, благополучно прибыли на границы Великого княжества Литовского.

Глава VI

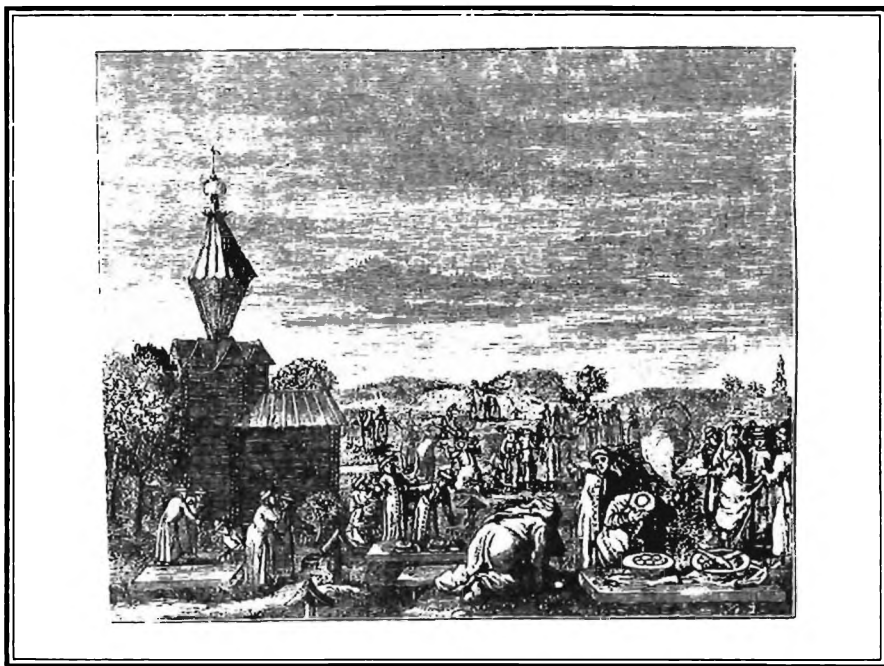
...Через два дня [т. е. 29 августа н. ст. 1610 г.] после окончания всех дел, приехал из Смоленска некто москвитянин Федор Андронов⁴, который доставил гетману письмо от е. в. короля, заключавшее в себе то, чтобы гетман принимал власть не на имя королевича, а на имя самого е. в. короля. Потом приехал через несколько дней староста Велижский [Гонсевский] с письмом и инструкцией е. в. короля, которая в себе заключала то же самое. Но поелику дела уже были устроены, то гетман и не хотел в этом открываться, и староста Велижский, хотя приехал с этой инструкцией, однако же сам не советовал, видя (как хорошо сведущий в делах Московских), что это вещи невозможные: напротив, ему нравилось и он весьма радовался, что дела были приведены гетманом в такое положение, и так почли за нужное не открывать этого, боясь чтобы москвитяне (коим имя е. в. короля было ненавистно) не восстали и не обратили желаний своих к самозванцу или к кому-нибудь другому.

Оставалось дело с обманщиком и войсками, при нем бывшими. В условиях было постановлено, чтоб гетман взял на себя отвлечь от самозванца Сапегу и войско Польское и Литовское, присоединившееся к нему, а если бы не захотели добровольно отстать от него, то действовать против них силою и вместе с Московскими боярами стараться об истреблении и уничтожении обманщика. И так чтоб удовлетворить требованиям договора, гетман послал к Сапеге и к тому войску, с увещанием, чтоб они, зная, что столица Московского царя присягнула и отдалась на имя королевича Владислава, довольствовались бы этим

и не затрудняли дел е. в. короля и Речи Посполитой, своего отечества, в котором они родились, а чтобы этого человека самозванца, при котором они до сего времени оставались, быв им обманываемы, или бы довели добрыми способами до того, чтобы он изъявил покорность е. в. королю (гетман говорил, что хотел употребить свое ходатайство у е. в. короля и выпросить ему у е. в. Гродно или Самбор), но если бы самозванец не захотел сделать сего добровольно, чтобы или выдали его, или от него отложились.

Гетман поступил так потому, что князь Василий Шуйский, бывший царь, и братья его к. Дмитрий и к. Иван были ему выданы вследствие договора, и ему хотелось бы и этого самозванца отправить к е. в. королю, дабы освободить эту страну от сих людей; впоследствии же е. в. король во всяком случае мог воспользоваться ими, смотря по обстоятельствам. Сапега охотно бы желал согласоваться с волею гетмана, но товарищество имел упрямое, своевольное, дерзкое, которое давало дерзкие ответы гетману и объявило, что не хочет отступить от Москвы и желает с этим своим паном (т. е. самозванцем) испытать счастья.

Русские женщины оплакивают своих покойников

Гетман, увидев тогда, что справедливые увещания и убеждения его не действуют, согласившись с думными боярами, заняв бдительными стражами брод и прочие места для того, чтоб не дошла до них [т. е. до партии самозванца] о сем весть, двинулся ночью с хорошо устроенным войском, оставив стан на месте и на рассвете был уже с войском, устроенным в боевой порядок пред их лагерем. Бояре Московские также вывели из Москвы в поле до пятнадцати тысяч войска, ибо так было им приказано гетманом, дабы не оставить города без войск (гетман знал, что там было множество людей, приверженных к самозванцу). Несмотря на то что занят был войсками столь обширный город, каковым была Москва, все-таки собралось в поле до пятнадцати тысяч добрых людей, способных к бою. Князь Мстиславский, приехавши к гетману с знатнейшими боярами, со всеми головами, приветствовал его как правителя (что на латинском языке называют губернатором), желая повиноваться ему.

Гетман отправил к Сапеге краткое письмецо, которое написал еще на месте. Это письмецо заключало в себе, что он не жаждет крови их, но будучи вынужденным их безрассудными ответами, пришел сюда с войском, желая уговариваться с ними не через послов, но лично, дабы сегодня положить конец в пользу той или другой стороны; а посему приглашает приехать Сапегу и с знатнейшими для словесного с ним объяснения¹.

Сапега, или, лучше сказать, войско его, увидев пред собою войско гетмана и Московскую рать, весьма утрашилось. Москвитяне были того мнения и просили гетмана, чтобы он позволил им напасть на испуганных и не готовых; но гетман не согласился.

Между тем, прежде нежели дошло до Сапеги письмецо гетмана, прибыл Побединский с пятью ротмистрами, прося гетмана с величайшею покорностью, чтоб он не велел наступать войску. Гетман и сам не думал действовать против них неприязненно; а только хотел сим страхом заставить их последовать правому делу.

Действительно, Сапега выехал тотчас, и там сообразно с тем, что было предложено гетманом, объявили и пожатием руки подтвердили: что если бы пан их не захотел довольствоваться тем, что предложено гетманом (а касалось сие до Гродна и Самбора), они не хотели более оставаться с ним. Самозванца в то время не было в

лагере: он находился за две мили оттуда, у своей жены в монастыре, который москвитяне называют Нове-гроши⁶. И так они отложили до следующего дня уведомление гетмана, доволен ли этим обманщик или нет. Но он не думал сим удовольствоваться, а тем более жена его, которая, будучи женщиной властолюбивою, довольно грубо отозвалась: пусть е. в. король уступит е. в. царю Краков, а е. в. царь отдаст королю Варшаву.

Гетман, услыша об этом, снесся с думными боярами, имея намерение двинуться ночью, настигнуть этого злодея в монастыре и стараться поймать его. И так мы двинулись в час ночи; нам надлежало из лагеря идти чрез самый город Москву, а бояре, прежде нежели мы пришли (ибо нам надобно было идти две мили от города), вывели до 30 000 войска в поле. Наше войско вошло в город, в замки почти пустые [т. е. без войск], но мы прошли не причинив никакого вреда и не сходя с лошадей; вследствие этого москвитяне возымели большую доверенность к гетману и к нам за то, что мы, вошедши со всем войском и имея в руках город и укрепления, обошлись с ним так добросовестно.

Сие предприятие не было тщетно, если бы один изменник москвитянин, ушедший из Москвы к обманщику, не предостерег его. Самозванец, узнавши тогда от этого москвитянина, что гетман идет с войском против него, вскочил на коня и посадив на коней свою барыню и женщин, бежал из монастыря; с ним отправился один только Заруцкий с несколькими сотнями донских казаков; бежал же он, как после оказалось, через Серпухов, к Калуге, ибо многие думали, да и он сам распустил такой слух, что отправляется к Коломне. Этот город (Калуга) имеет хорошие укрепления наподобие Смоленска, каменные, половиною меньше Смоленска, но на весьма выгодном месте, при впадении реки Москвы в Оку. Неизвестность о дороге, которой отправился обманщик, помешало войску тотчас выступить за ним в погоню, — наступила ночь, — и около шести часов имел он впереди.

И так гетман возвратился в лагерь, а бояре в город. На другой день тотчас бояре и все знатнейшие вельможи московские, которые оставались в войске обманщика (коих было немалое число), приехали к гетману, поручая себя его покровительству; присягу же желали дать такую, как принималась в столице на имя королевича Владислава, и просили о том, чтобы их оставили при боярском, т. е. сенаторском,

звании, которое они имели при самозванце, ибо предвидели, что столичные бояре сделали бы им трудности в этом отношении.

Глава VII

...Другую заботу гетман имел с войском Сапеги, которое, оставшись после бегства самозванца, хотело непременно участвовать во всем том, чем пользовалось войско королевское, служившее под начальством гетмана. Они хотели также жить в столице, и когда отказали им в этом, намеревались идти в Рязань (а страна та Рязанская весьма обильна); однако мы и это воспретили им, и были готовы сражаться с ними в случае, ежели бы они туда пошли; ибо из той страны мы наиболее ожидали съестных припасов для нашего войска. Наконец кончилось тем, что гетман дал им на бумаге, что по прежнему обещанию своему желает исходатайствовать у е. в. короля, чтобы они в плате уравнены были с полком Зборовского; но чтобы

Василий Шуйский

за то не опустошали уже Рязани и других областей, присягнувших на имя королевича Владислава, но чтобы лучше отправились в Северскую землю, державшую еще сторону самозванца и приводили ее к повиновению е. в. королю. Поелику это войско терпело великий недостаток и находилось в нем большое число больных и раненых, то, для снабжения его и успокоения, гетман приказал выдать 10 000 злотых из казны Московской и тайно некоторым из начальников дал по несколько сот злотых, чтоб только без хлопот избавиться от них честным образом, и направить туда, где они были нужны. В самом деле они так сделали и пошли в Северскую землю⁷ мимо Калуги, не в дальнем расстоянии от коей, ожидая заморозей, остановились при Мосальске и Мещайске [Мещевск].

Гетман, как всегда, так и в это время, не переставал действовать с тонкостью, разными уловками. Когда уже Сапега отступал с войском своим, он позволил какому-то Валявскому, бывшему и почти главным наперсником самозванца, отправиться к самозванцу и обнадеживать его в милости е. в. короля, обещая представительство за него гетмана; приказывая убеждать его, дабы он с полною надеждою прибегнул к милости е. в. короля, добровольным образом. Но это было тщетно; обманщик и жена его не согласились на то.

Глава X

В это время, как упомянуто выше, самозванец находился в Калуге, посылая, однако, в Москву, через своих поверенных, тайным образом письма и не переставая тем возмущать народ. С таковыми его письмами пойман был поп; в числе писем было одно из них к почетнейшему боярину, князю Воротынскому; этот же поп на пытке оговаривал князя Андрея Голицына (родного брата Василия, бывшего послом) сказав, что он о том знает, да и о самом князе Василии объявил, что с дороги, едучи в Смоленск, писал будто к самозванцу письмо. Князей Воротынского и Андрея Голицына тотчас взяли под стражу, а помянутый поп наказан с другими, оказавшимися виновными.

Самозванец, видя, что наши твердою ногою расположились в столице и что сверх того полк Сапеги, поставленный в Можайске и Мещовске, — близко примыкал к нему, не имея при себе никого из вер-

ных людей и не полагаясь на свои дела, думал уходить к низовьям Дона в Воронеж; ибо он знал, что это войско Сапеги договаривалось с е. в. королем о некоторых статьях, и был уверен, что, получив требуемое, оно было намерено покуситься против него. Крепость Воронеж, построенная царем Борисом на Дону, была на дороге, которою ходили обыкновенно в Москву татары: ее-то на всякий случай укрепил было самозванец и снабдил всеми потребностями в надежде иметь там убежище при клонившихся к упадку делах своих. Однако не пришлось ему сие исполнить, ибо много было при нем таких людей, которые, узнав обман самозванца, желали истреблением его возвратить стране мир и тишину. К тому же он, как человек безрассудный, царствовал нагло и жестоко: незадолго умертвил царя Касимовского⁸ из Ногайской Орды, находящейся под правлением великого хана, москвитянами Золотым царем называемого; во власти сего великого хана был этот царь, называвший себя царем Казацкой Орды. Он был еще молод, когда во время войны с москвитянами взят был в сражении в плен князем Петром Горчаковым, теперь вторым воеводою после Шеина.

Царь Иван, в царствование коего он был взят в плен, не предал его смерти во уважение знатности происхождения, но, напротив того, даровал ему Касимов, подарок достойный, от коего москвитянами назван царем Касимовским; у царя Ивана он был в великой почести и получил первое место пред всеми боярами; таким же образом обходились с ним царь Федор, царь Борис и первый самозванец Растрига; по умерщвлении же последнего он жил в своем поместье.

После, когда второй самозванец остановился под Москвою в Тушине с князем Рожинским и когда многие области и города передавались к нему от Шуйского, тогда же приехал к нему и царь Касимовский с немалым числом людей и блестящею свитою; как он был человек щедрый, в чем соглашались знавшие его, то и раздал более 300 000⁹ солдатам, а наиболее самому самозванцу. После бегства обманщика из под Москвы царь Касимовский поехал к е. в. королю под Смоленск, оставив многолюбимого им сына в стане под Москвою при князе Рожинском. Но этот сын не столько любил отца, сколько отец сына, ибо, когда стали наши разделяться на две партии, он предпочел ехать с теми, которые шли к самозванцу в Калугу, где имел также мать и бабу.

Потом царь Касимовский ехал с гетманом из Смоленска и в продолжение всего этого времени вел себя степенно и верно. По заключении трактатов, в то время, когда самозванец бежал из Москвы в Калугу, царь Касимовский, соскучившись по жене и по сыну, скрытно уехал в Калугу, где, помня, однако, милость е. в. короля и обходительность, оказанную ему гетманом и рыцарством, принял намерение уехать оттуда, уговаривал и сына ехать с собою; но сын не только не хотел с ним ехать, но напротив того, предупредил о том самозванца, который и приказал умертвить его, ускорив этим собственную свою гибель; весьма многие сожалели о сем царе Касимовском, особенно Юртовские татары, между коими был некто князь Петр Урусов, человек воинственный и отважный; он сговорился с несколькими десятками татар на его жизнь и воспользовался против самозванца следующим случаем. Напившись допьяна за обедом, как это он часто делал (а случилось это 20 декабря 1610 г.), приказал он запрячь сани, положив в оные фляги с медом, и пил с некоторыми боярами.

Князь Петр Урусов с несколькими десятками тех, сговорившихся с ним, всадников, ехал за самозванцем, будто провожая его, и когда самозванец с боярами подпил, Урусов, прискачив к саням, сначала выстрелил в него и ранил, а потом, отрубив саблею голову и руку, пустился в обратный путь, в Калугу. Некоторые думали, что на сие

Польская знать

навел Урусова гетман; подозревали же в сем вероятно потому, что гетман, после бегства самозванца из-под Москвы, обращался с Урусовым обходительно и ласково. Как бы то ни было, бездельничества самозванца прекратились и, по убиении его, бояре, между коими были князь Дмитрий Трубецкой и князь Григорий Шаховской, запершись в Калуге и снесясь с боярами столичными, учинили также присягу на имя королевича Владислава. Жену самозванца и всех ее слуг, родом поляков, взяли под бдительную стражу; госпожа эта выдавала себя за беременную, и в Калуге же, в заточении, родила сына, которого, для снискания расположения москвитян, приказала окрестить в русскую веру.

Примечания

¹ Печатается по: Записки гетмана Жолкевского о Московской войне. СПб., 1871. Гл. III. С. 13–15. Гл. VI. С. 78–84. Гл. VII. С. 90–92. Гл. X. С. 109–113.

² Князь Иван Роман Рожинский из рода князей Наримунтовичей (Наримунт, сын Гедимины), последний потомок сего имени. Набравши отряд из 1000 человек конницы, князь Рожинский отправился к первому самозванцу, а по его убиении помогал второму самозванцу; умер 8 апреля 1610 г. (н. с.) в лагере, похоронен с великими почестями в Киеве, по обрядам Греческой церкви.

³ Комментарии в квадратных скобках даны первым публикатором «Записок...» П. А. Мухановым.

⁴ См.: Соловьев С. М. Сочинения. М., 1989. Кн. 4. Т. 8. С. 594–596.

⁵ В дневнике Яна Сапеги сказано: «5 сентября (н. с.) Сапега намеревался собрать генеральный совет, но тому воспрепятствовал коронный гетман (Жолкевский), став против нас со всем своим войском, а равно с москалями и немцами. Того же дня Жолкевский прислал к нам письмо, в коем обязывался, что ежели царь его милость (т. е. самозванец) прибегнет к его милости и не будет мешать его делам, то король, его милость, отдаст ему Самбор или Гродно, и на будущем сейме обязан это подтвердить согласиём всех чинов».

⁶ Монастырь Никольский на Угреше, под Москвой.

⁷ Дневник Сапеги: «24 сентября выступил Сапега с войском из-под столицы в землю Северскую».

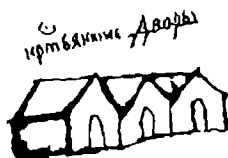
⁸ Царевич Киргизский, Ураз-Магмет (Мегмет, Урмамет) пожалован в цари Касимовские Борисом Годуновым в 1598 г.

⁹ Вероятно, злотых.

ДНЕВНИК ОСАДЫ СМОЛЕНСКА ПОЛЬСКИМ КОРОЛЕМ СИГИЗМУНДОМ III¹

1610 год. Январь.

1. Получены письма от панов послов из Дмитриева лагеря, в который вступили они 14 декабря довольно пышно с 3800 (вероятно 380)² человек пехоты и 400 отличных копейщиков: прочих оставили они позади в нескольких милях для удобнейшего продовольствования. Видно что Скопин наступлением своим так стеснил тот лагерь в отношении продовольствия, что в оном ощущают не только дороговизну и недостаток, но даже и некоторое опасение. Встречу им делал сперва пан Зборовский с 200 человек, а потом выехал и сам князь Рожинский в санях, по причине болезни; с ним находился пан староста Сандецкий. У самого же лагеря приветствовал послов москаль Плещеев от имени Дмитрия.

На третий только день они имели аудиенцию, ибо до того времени от них домогались, чтобы они почли Государя их своим приветствием, но так как к нему они не имели никакого поручения, то и отозвались, что не могут сами от себя войти в сношение с ним. За сим рыцарство вынуждено было выслушать королевских послов. Пан Пржемыский отправлял посольство с успехом, ибо знатнейшие казались довольными; другие же или не хотели понимать, или, не дослышав, не поняли. Затем требовали от послов сообщения данного им наставления: послы выдали записку с изъяснением причин как посольства, так и вступления короля в Россию.

Рыцарство, собравшись на другой день, вместо совещания занялось ругательством Яниковского, возводя на него, будто бы он самовольно отменил наставление, с коим посланцы их отправлялись к королю: даже чуть его не убили, говоря, что он мерзавец и что ему не следовало

распоряжаться их честью, когда своей уберечь не умел. При сем случае произошло великое замешательство; жолнеры разбили решетку, сделанную для преграждения сообщений, — едва старшины успели их унять. Яниковский советовал на словах и немедленно отвечать послам, но прочие и рассуждать о сем не допустили. Пишут, что много есть доброжелательствующих государю и отечеству — и, что хотя почти каждый ротмистр ценит заслуженное жалованье свое во сто тысяч, но видя невозможность получить такую сумму и с другой стороны, будучи теснимы Скопиным, который начинает их одолевать, они рады были бы лишь что-нибудь получить. Письма из лагеря и показания приезжающих оттуда людей согласуются в том, что им пришлось бы уже отступить со стыдом и уроном, если бы король не вступил в Россию, но что поход королевского войска столько же их ободрил, сколько Скопина встревожил, но всего более их обуздывало войско, пришедшее с панами послами, которое по разнесшимся слухам они полагали в большом числе, ибо от нас отправлено только 2000 человек, а они считали их до 7000. Однако ж знатнейшие пишут, что хотя с ними послы и уговорятся и хотя Москва, при Дмитриии находящаяся, также передастся нам, все еще дело нельзя будет полагать конченным и придется Скопина отражать оружием, а может быть даже и окончательные трактаты заключать с Шуйским. На 27 декабря велено было отправить по два товарища с каждой роты на переговоры. Полк пана Сапеги и люди пана Вильковского и Копыцинского не хотели подписать конфедерации, что много поможет к лучшему и скорому успеху.

Царица с тем ложным Дмитрием не устыдилась смотреть на въезжающих панов послов, которые по отправлении посольства возвратились в свой лагерь. Царь объявил желание ехать прогуляться под Москву; как слышно, пан Вышневецкий не хотел было его пускать и лошадей велел запереть, но он настоял на своем и выехал с 400 донцев и столько же москалей. Из них наших никто с ним не поехал. Напротив того, пан Рожинский погнался за ним и привел его обратно в лагерь, не доверяя ему, ибо дело его плохо, и хотя желают, чтобы в договоре и он, и царица были уважены, но как не менее того его жестоко ругают и он то знает, то, не полагаясь на наших, он хочет бежать.

2. Донесено пану гетману, что пан Вержбицкий, занимавший Дорогобуж на имя Дмитрия, возвратился в лагерь с бывшими при

нем людьми. Вследствие сего известия отправили ротмистра казацкого Нелюбовича с казаками и стрельцами, который и занял на имя короля Дорогобуж и тамошние волости, приказав разбежавшимся крестьянам возвратиться в деревни.

11. Получены известия от наших послов от 24 и 31 декабря. Доносят, что вследствие первого посольского предложения, сделанного паном Пржемычком, назначено было 27 декабря явиться из каждой роты по два товарища, чтобы узнать от панов послов о воле короля Его Милости и для объявления собственных своих желаний. А потому паны послы принуждены были ожидать назначенного дня, в который, съехавшись, сперва предложили, чтобы король Его Милость довольствовался согласием Ажедмитрия, которого они поддерживают, на уступку Северской земли и Смоленска и за то способствовал бы к возведению на престол самозванца. В ответ им поставили на вид неудобисполнительность и даже непристойность их предложений, ибо может быть, труднее было занять предлагаемые области, чем саму столицу, а с другой стороны, не было бы никакого приличия возводить на престол человека, не имеющего ни малейшего права на оный. Тогда они сказали: «Пусть же нам король Его Милость заплатит заслуженные нами 20 миллионов, и притом удовлетворит и Дмитрия и Царицу; тогда мы ему и Речи Посполитой рады будем доброжелательствовать». Когда же и на сие им возразили, что для столь огромной суммы не достанет ни Москвы, ни половины света, то они начали требовать, чтобы король Его Милость обеспечил 5 миллионов на своих столовых имениях в Польше, а остальное позволил им отыскивать на Северской земле. Паны послы и на то отозвались, что королям государям нашим не вольно обременять долгами столовые имения, только в пожизненном пользовании у них находящиеся, и что для сего нужно согласие всех чинов; к сему они присовокупили, что хотя бы и согласие было дано, то и тогда такую значительную сумму не в Польском королевстве найти можно, а разве только на испанских галионах. Так же напоминаемо им было и то, что они дело имеют с собственным государем своим, что речь о пользе не одного короля, а общего отечества и что им предстоит случай оказать услугу не кому другому, как самой республике. Рыцарство, усовещенное возражениями послов, ограничилось, наконец, требованием, чтобы король

Его Милость удовлетворил жолнеров наличными деньгами как за две протекшие четверти жалованья, так и вперед за третью четверть и чтобы затем, что останется недоплаченным из заслуженных ими денег, было им выдано после окончательного завоевания России, обеспечив, впрочем, сей долг на Северной земле. Паны посланники, и на то не соглашаясь, спросили у них, за что королю платить за две четверти, в которые они ему не служили, и откуда взять деньги на оплату третьей четверти вперед, когда они знают, что государственные доходы незначительны и собираются с трудом. Притом, заметили им, что они обязаны более сделать для отечества чем для чужого, которому служили долго и мужественно, не получая от него платы,

Сигизмунд III Ваза, король польский

что, впрочем, не оспаривали права их требовать от России заслуженного жалованья, но не в такой мере как они написали в списках, поданных Дмитрию, по коим не предстоит никакой возможности удовлетворить их, и что, наконец, если бы когда дошло до платежа, то предстояло бы сделать расчет соразмерно цене, какую прочее рыцарство получает от короля, и только за то время, в какое кто действительно служил, а не за произвольно показанное ими о себе в списках, а также и в исчислении четвертей просимых в награду сверх службы, должно будет руководствоваться умеренностью и не требовать выше возможного. Кончилось тем, что знатнейшие из рыцарства, дали знать, что жолнеры соглашаются допустить проверку списков, не требовать в награду четвертей сверх службы и ожидать платежа из московской казны, но настаивают на том, чтобы получить немедленно одну четверть и обеспечить участь своего Дмитрия и Царицы. С сим вместе согласились, хотя и неохотно, и на то, чтобы паны послы дали знать Шуйскому, что желают вести с ним переговоры об обидах и насилиях, причиненных Речи Посполитой и нашим людям. О том же сообщено было и думным людям, и боярам, и духовенству. Наших в Тушинском лагере считают всего до 7000. Москвы множество, которая того только и ожидает, чтобы мы между собой согласились, и готовится обратиться на ту сторону, к которой пристанет польское войско, ибо между ними нет единомыслия, да и в самой Москве многим боярам, а кажется, и всему миру наскучило уже царствование Шуйского. Пока не ведали о нашествии короля, желали иметь государем Голицына. Находящееся же в поле московское войско нарекает на царство Скопина. Отправляли лазутчиков в столицу. Пан Доморацкий, снесясь с теми, с коими в бытность свою в Москве имел связи, узнал, что купцы наши, негодная Русь, дали знать миру и духовенству, что король Его Милость хочет восстать против их веры и церквей, а потому увещевали их не приставать к королю. Да и Шуйский распространяет молву, что воюет не для сохранения своего престола, а за веру, желая тем москвичей приманить к себе. Однако ж паны послы отправили других лазутчиков, дабы как можно лучше успокоить мир, бояр и духовенство на счет их веры и обрядов. Да и сами послы делают такие же уверения, как тайно, так и открыто, находящимся в лагере москалям, обещая им под присягой, что король Его Милость не обма-

нет их. Хуже всего того, что под Троицею Скопин сильнее пана Сапег-ги, которому князь Рожинский, по личной злобе, по сию пору не хочет давать помощи. Если же пан Сапега принужден будет отступить от Троицы, то тамошняя Москва возымеет более отваги, а, напротив, здешняя потеряет дух. Ежедневно ожидаем дальнейших известий, умоляя Бога, дабы сильною рукою своею споспешествовал начатому к славе своего имени и к утверждению святой веры. О том ложном государе своем и сами громко говорят, что не тот который был, да и Москва признается также, что не тот. Но наши за неимением лучшего предлога хотят под его именем отыскивать заслуженной платы, а бедная Москва, боясь лютости Шуйского, желает держаться хоругви его противника, каков бы сей ни был. Удивительно однако ж, что наши ведая, что он не тот, за кого себя выдает и видя, что он человек ничтожный, необразованный, без чести и совести, ужасный богохульник, пьяница, негодяй, сам ничего придумать не умеющий и ничьего совета слушать не хотящий, некресть, который даже о поляках, или, как Москва говорит, о Литве, не только никогда хорошо не отзывается, но даже если бы имел власть и возможность, то хотел бы их истребить — за всем сим чтят его, хотя, впрочем, Бог весть как. Так, например, недавно князь Рожинский, в его присутствии ударил по щеке и бил палкой любимца Вишневецкого, а пан Тышкевич тут же то же сделал без всякого уважения к его особе. От того, наверное, если бы нашел возможность, бежал бы в другое место, как и в самом деле о том помышляет, но его стерегут, одним словом, наши держатся предлога, а не человека.

15. Получено известие, что ложный Дмитрий, увидев готовность поляков на соглашение с королевскими послами и к близкому заключению договоров, 6 января, оставя царскую почесть и жену, бежал из лагеря в Калугу, незадолго до вечерней зари.

17. Несколько бояр из Дорогобужского уезда били челом королю, и для других просили покровительства; из них одного послали за людьми, пошедшими к Калуге по повелению царя, для приведения и их к присяге королю Его Милости. Над сими людьми начальствуют один из Шаховских и Кернозицкий.

25. Приехали из Тушина князь Збаражский, пан Скумин, пан Домарацкий, а под вечер и пан Людовик Вайер. Они о трудах и стараниях своих

так рассказывают: во-первых, что во все время, пока ложный Дмитрий не бежал, или не скрылся, он занимал их разными прениями и пирами; но 15 января (очевидная ошибка в числе) бежал, когда трубили зорю. В происшедшем тогда замешательстве почти все царское имущество было разграблено; кто что схватил, то и уносил, а притом досталось и некоторым богатым боярам. 17 (должно читать 7) января собралось Коло близ квартиры князя Збаражского, и там возводили разные нарекания, то на князя Рожинского, что будто бы он спяна проиграл царя, то на послов, что они были причиною его побега. Все, как пешие, так и конные, люди панов послов стояли под ружьем, ибо неоднократно рвались искать в их казенных повозках Дмитрия и королевских денег. Сие продолжалось до вечера: наконец после долгих прений пан Бучинский одержал верх и стал обуздывать начинщиков возмущения, которые были по большей части из пахоликов, мастеровых, портных и сапожников. Поддержали Бунинского, пан Андрей Млоцкий, пан Яйковский и много других. Затем распустя Коло созвали на следующий день другое близ лагеря. Князь Рожинский сам оправдывался. А паны послы начали собираться в дорогу, дабы более не слышать подобных ругательств. Когда о том узнали, то начали поступать смирнее, и послали просить их, чтобы приостановились до третьего дня, обещая благоприятный ответ. Королю Его Милости послы на сие согласились тем охотнее, что приготовления их к отъезду были только притворные; имея от короля, они знали, что в таких обстоятельствах нельзя было уезжать, решились лучше все перетерпеть, чем оставить в таком положении дела Речи Посполитой и короля. Между тем московские люди начали переговоры с панамы послами и явно обнаруживали свое благорасположение к королю. Заметив сие, паны послы просили, дабы народ московский собрался в Коло. На сей призыв собрались патриарх с духовенством, Заруцкий с военными людьми и Салтыков с думными боярами и придворными чиновниками. Также князь Касимовский явился на Коло. Прибыли туда и паны послы и вследствие данного им наставления привезли с собою русские грамоты за подписью короля с возвещением Москве о королевской милости. Переговоры открыл пан Пржемыский прекрасной и убедительной речью, доказывая, что король Его Милость пришел в Россию не для разрушения их законов и веры, не для

угнетения их народа, но для прекращения разлития христианской крови и для обеспечения государства и народа русского. Потому если они не будут отвергать божеского на их милосердия и воззрения, то король Его Милость, за неимением наследников их государей, готов их принять под свою защиту и покровительство, и освободить от невольнического подданства тиранам, без всякого права посягающим на московский престол. Было между Москвою радости и слез довольно. Начав с патриарха все охотно слушали и приняв грамоты, целовали королевскую подпись и превозносили Речь Посполитую за то, что приспешила час их избавления. Тут же они вступили в конфедерацию с польским войском, обязуясь взаимно не оставлять друг друга и не приставать ни к бежавшему вору, ни к Шуйскому и его братьям. Тайно же многие из них целовали крест королю Его Милости. Войско польское также обратилось на лучший путь. Жолнеры изъявляют верность и ревность свою к королю и отправляют своих посланников к королю Его Милости с некоторыми требованиями.

Между тем Дмитрий писал тайно из Калуги Царице и другим, что уехал на охоту, и что соглашается возвратиться, если поляки обяжутся новою присягою, а изменившие москали будут казнены. Казимирский разносил письма его и успел некоторые раздать. Когда о том узнали, призвали его в Коло и отняли у него не розданные письма. Так же определили, что кто, имея письма, не возвратит (а узнать было легко, ибо Казимирский мог указать, кому отдал), будет казнен жестоко. Тут же начали сносить письма; принесенные бросали в огонь. Казимирскому обещана смертная казнь, если он осмелится более мутить войско и давать повод к неустройствам. Затем прислала Царица просить позволения ехать к мужу; ей в том не отказано, но под смертной казнью запретили ехать с ней кому-либо из войска. Раздумав, она просила дозволения жить в Можайске, до приезда короля Его Милости. Но на сие не согласились, опасаясь, чтобы самозванец (в квартире коего, слышно, найден талмуд) не пришел к ней.

И так поляки и Москва отправляют посольства со своими требованиями.

Посылает и Царица, передав все свои права на усмотрение и совесть короля Его Милости.

Требования наших, как слышно, преувеличены, но могут быть уменьшены. В рассуждении несогласия войска и силы Скопина, по-

слам нельзя было иначе действовать, однако же есть надежда и средство все исправить. Дрянь, которая там всем заправляет, может очиститься.

28. Приехали в королевский лагерь послы от московского войска, стоявшего при самозванце под столицею. Принятые с почестью, они были встречаемы паном старостой Белокаменским и паном старостой Слонимским. Впереди ехали 5 хоругвей запорожских казаков, много гусар и еще множество народа с королевскими дворянами. Сами послы, богато одетые, ехали на хороших лошадях. Из крепости стреляли очень часто и из больших пушек, но нашим вреда причинили немного, и убит один только казак запорожский.

Ночью также был весьма сильный огонь из крепости.

Того же числа пан староста Пуцкий подложил порох под московский подкоп, с хорошим успехом и, вероятно, много им нанесено вреда.

29. Получено известие, что из Серпухова (где пан Андрей Млоцкий стоял со своим полком) отошли донские казаки. Пан Млоцкий желал их отворотить от верности к самозванцу, но они отозвались, что присягали ему прежде, чем королю. Наши, не стерпев сего, бросились на них, оставив в городе при своих повозках и вещах немного челяди. Пока наши в поле с ними сражались, обыватели умертвили и растерзали тех, которые были в городе. За сим наши, опрокинув донских казаков, вместо Серпухова обратились к Борису и заняли Боровск.

30. Пришли к королю Его Милости посланцами от рыцарства польского, стоявшего под Москвою, паны Хруслинский, Стаборовский, Яйковский, Стравинский, Войтковский, Дворжицкий, Павловский и Пепловский.

31. После обедни паны московские послы были на аудиенции у короля Его Милости в многочисленном собрании панов сенаторов и рыцарских людей. Старый Салтыков как первый посланник поцеловал руку короля Его Милости, начал краткую речь, в которой свидетельствовал о благорасположении московского народа к королю, благодарил от имени его за милость, изъявленную королем в письме своем и через панов послов и, наконец, молил Бога о вожденном здравии короля и о благополучном окончании начатого предприятия.

Потом сын его Иван Салтыков бил челом королю Его Милости от имени Филарета Патриарха Московского и всего московского духовенства, благодаря, что король Его Милость как государь христианский и милосердный, зная об общем смятении всех людей Московского государства и о повсеместном разорении и опустошении онаго областей, заботится о том, чтобы старанием своим при помощи Божией водворить в Московском государстве по-прежнему мир и тишину. Затем, исчисляя по порядку государей московских, он упомянул о тех, которые после смерти наследственных владетелей неприлично похитили престол. Наконец (Иван Грамотин) от имени думных бояр, окольничих, дворян, думных дьяков, стольников, чашников и всякого звания людей бил челом королю и его детям и, приветствуя их, объявлял, что в Московском государстве и во всех государствах Российского царства желают иметь королевича Его Милость государем, ежели король Его Милость сохранит ненарушимо святую Апостольскую церковь и веру Греческую и не только не коснется ни в чем древних

Медаль на взятие Смоленска

прав и вольностей московского народа, но еще прибавит такие права и вольности, каких прежде не бывало в Московском государстве. То же повторил и старый Салтыков, со слезами, прося, чтобы король Его Милость сохранил ненарушимо обряды их веры. За сим они просили о немедленном назначении для переговоров панов сенаторов, с коими они обещали договариваться не только от своего имени, но и от имени всей Москвы, как стоящей в Тушино, так и державшейся в столице, уверяя, что на то имеют поручение.

Подканцлер Литовский отвечал им, что король изволит милостиво принимать их доброжелательство и ревность, и обещает ни в чем не тревожить их совести и веры, предоставляя, впрочем, обо всем условиться на общем с сенатом совещании. Полчаса спустя оправляли посольство паны посланцы от польского рыцарства, пан Хруслинский от рыцарства, стоящего под Москвою, а пан Стравинский от пана Сапеги и рыцарства, находящегося под Троицею. Изъявляли верность свою королю, и что не хотят служить иноземцу, а только собственному своему королю и отечеству, и им посвящают свою жизнь. При том поднесли на бумаге некоторые требования.

1610 год. Март

1. Паны посланцы подмосковного войска уехали, получив достаточный на все ответ от короля и удовлетворение по действительной возможности.

2. Приехали паны Низневский и Обалковский, посланные к рыцарству, находящемуся под столицей, с письмами короля Его Милости. Они сказали, что то войско, возбужденное какими-то неблагоприятными известиями от некоторых людей из здешнего лагеря, очень взволновалось, к чему также способствовали и козни Царицы, возмущившей казаков донских до того, что в один почти день более 3000 из них бежало в Калугу с несколькими московскими начальниками, а именно с князем Трубецким и с Засекиным, но поступок сей обрек их на гибель, ибо князь Рожинский пустился их преследовать, и так поразил, что из них мертвыми пало до 3000 и Трубецкой был убит. Спаслось только несколько сот, которых на пути их бегства встретил и разбил еще Млоцкий. Сказывают также, что вследствие тех же козней и чьих-то писем, из Польши полученных, тамошнее рыцарство до того разделилось, что одни идут в Калугу, другие соби-

раются возвратиться в Польшу, а третьи хотят отправиться на добычу за Волгу. Знатнейшие, однако, ж держат сторону отечества и короля.

7. Получено известие, что Царица, переодевшись, в сопровождении только одной служанки и мальчика 2 марта ночью бежала с намерением пробраться в Калугу и приехала в Дмитров. Она оставила в лагере письмо, в коем объясняла, что не имея терпения дотоле переносить обиды и насмешки, и опасаясь лишиться жизни, поневоле принуждена была бежать к мужу. В лагере после ее побега сделалось большое замешательство. Многие из рыцарства восстали против князя Рожинского, обвиняя его, что он или удалил ее своею гордостью, или сам отправил в какую-либо крепость на границу. Но она, приехав верхом в Дмитров, где пан Сапега стоял со своим полком, прислала сказать, что ушла от рыцарства в одном платье. Вероятно, сжалась над женскими слезами, некоторые отправились к ней и отвезли ее в Осипов. Там взяв старуху свою панью Казановскую (ибо туда уже приехала женская ее прислуга с братом ее паном старостой Саноцким, который впоследствии отъехал в королевский лагерь), она поехала в Калугу.

8. Получено известие, что 2000 донских казаков и 2000 москалей, над коими по повелению самозванца начальствовал Плещеев, вознамерились овладеть Можайском; казаки для доставления надежной опоры оставили москалей в Борисове, а сами, снесясь с некоторыми можайскими жителями, вошли в город и там днем скрывались между народом, которого в столь великом посаде было множество. Однако ж пан Вильчек, воевода Можайский, заметил их и тотчас же известил полк пана Млоцкого, дабы пришел на помощь. Млоцкого люди ночью прискакали в Можайск и, найдя казаков, готовящихся к приступу на замок, окликнули и затрубили тревогу. Казаки, встревоженные неожиданным подкреплением, побежали, но им перерезали дорогу и вышедшие из замка убили много из них. Так же удалось сильно разбить и москалей, поспешивших из Борисова к ним на помощь. Пало в сем сражении до 2000 казаков и москалей; взято много пленных и несколько хоругвей.

16. Пришло известие, что Царица в Дмитрове явилась на рыцарское Коло в том же гусарском платье, в коем бежала, и там плачевным своим лицом и речью взбунтовала многих из товарищества пана Сапеги, так что некоторые провожали ее до Осипова, где взяв

с собою старую панью, поехала прямо в Калугу, к тому самозванцу, с которым тайно обвенчалась.

17. Рыцарство полка пана Млоцкого прислало королю хоругви, отнятые у самозванцевых людей в сражении под Можайском.

20. Пан староста Саноцкий из подмосковного лагеря приехал к королю и рассказывает о больших в том войске несогласиях, что среди произошедшего замешательства выстрелили несколько раз в Рожинского и что он едва мог спастись. Он говорит также, что пан Лисовский с полком своим разбил значительную часть войска Скопина и, кажется, убил у него до 7000 человек, и что сам Скопин ранен опасно, но сие еще не достоверно. Он уверяет, что только в первый раз в Осинове узнал от своей сестры, уезжающей в Калугу, что она венчалась с обманщиком, присвоившим себе имя Дмитрия.

1610 год. Апрель

14. ...Того же числа получено известие из Калуги, что товарищество, которое из бывшего под столицей войска отошло к Ажедмитрию, быв прельщено его обещаниями, не видя никакого исполнения по оным восстало против своих начальников. В сем замешательстве убиты Козелевский и Бозовский, главнейшие бунтовщики.

21. ...Того же числа пан староста Саноцкий получил достоверное известие из Калуги, что Ажедмитрий желает снискать милость королевскую и чтобы король его принял в свое покровительство, но от глупости или от гордости ожидает, чтобы король первый прислал к нему посольство. Между прочим, в полученных из Калуги письмах значится, что дела его идут плохо, ибо передовая московская стража подходит к самой Калуге, а людей при нем очень немного. Москве также не доверяет, и, как кто-то пишет, одно Божие заступление может упрочить его безопасность и благоденствие.

Примечания

¹ Печатается по: Бутурлин Д. История смутного времени в России в начале XVII в. СПб., 1846. Ч. 3. С. 160–167, 169–174, 179–181, 182, 188, 191.

² Комментарии в скобках даны Д. Бутурлиным.

ДНЕВНИК МАСКЕВИЧА¹

1607 год. Около этого времени, вместо убитого царя Московского Дмитрия, явился другой Дмитрий и распустил молву, что он тот самый царь Московский, которого москвитяне, призвав в столицу и короновав, хотели убить; но что он с помощью Божьей спасся от смерти. Так он говорил, в надежде славою первого венчанного Дмитрия привлечь к себе войско и обмануть самую Москву, и хотя был Самозванец, однако же при содействии наших едва не достиг своей цели: все государство Московское ему покорилося, кроме трех только городов — Москвы, Новгорода и Смоленска. Царицу также взял к себе, как жену; только сочетался браком с нею тайно. Этого Дмитрия воскресил Меховецкий, который, зная все дела и обыкновения первого Дмитрия, заставлял второго плясать по своей дудке.

Октября 30-го войско из лагеря под Завихостем отправилось в разные стороны: одна часть на квартиры, а другая в Валахию для возведения на престол господарский Константина, сына Иеремеева. В этом походе участвовали все паны Потоцкие, пан Струс, князь Вишневецкий Михайло. Они сладили дело, успокоили Валахию и счастливо воротились. Иные же пошли в Московию к Царику с князем Рожинским, который был у него гетманом...

1609 год... После нового года в январе месяце король отправил из Смоленского лагеря под столицу послами к войску Царикову пана Стадницкого Леского, каштеляна Перемышльского, пана Скумина, старосту Брацлавского и пана Андрея Казановского. Каждый из них имел свою роту; сверх того им дано еще несколько других рот, так что с послами было до 800 всадников. В то время Царик стоял лагерем в Тушине, в одной миле от столицы, с многочисленным войском коронным, привлеченным славою первого, венчанного Дмитрия и служившего ему в долг. Лагерь его был весьма хорошо укре-

плен самую природою: с двух сторон протекали реки, а на пространстве между ними были проведены высокие валы и глубокие рвы так, что лагерь считали неприступнее самой столицы². Говоря о Царике, считая неизлишним сказать, откуда он взялся и каким образом явился.

По злодейском умерщвлении в 1606 году первого царя Дмитрия, мужа Марины, дочери воеводы Сandomирского, о чем я кратко упомянул в своем месте и впоследствии расскажу подробнее, Меховецкий, бывший у царя не в последней чести, нашел в 1607 году одного Москаля, телосложением похожего на покойника, решился его возвысить, и стал разглашать в народе, что Дмитрий ушел от убийственных рук Москвитян теми же средствами, коими еще в младенчестве спасся от Годунова; но как этот Царик был мужик грубый, обычаев гадких, в разговорах сквернословный, то Меховецкий для своих выгод учил его вежливости и нашим обыкновениям по примеру первого Дмитрия, более учтивого и светского. Без нас обойтись, однако, было нельзя: почему именем Царика, рассылая письма к кому хотел, Меховецкий набирал войско: по 70 золотых на коня гусарского и по 50 на казацкого. Для большего удостоверения людей в истине своих слов, Меховецкий, зная все тайны покойного, зная, кому и что он поверял изусно и письменно, присоветовал Царику написать письма к пану воеводе Краковскому и припомнить ему как изустные условия, так и письменные обещания. Подобными средствами, во имя первого Дмитрия, Царик привлек к себе множество народа, тем скорее, что в республике войско было без дела; оно радовалось случаю и весьма охотно шло на войну, как на мед.

Прежде всех явился к нему князь Роман Рожинский. После победы, выигранной в 1606 году в присутствии Короля над рокошанами под Гузовом, князь около полугода оставался без дела; когда же войско из-под Завихоста частью разошлось по квартирам частью отправилось в Валахию, Рожинский, собрав до 1000 всадников, прибыл к Царику, который стоял в Орле на границе, ожидая наших. Туда же, после Гродненской конфедерации, отправился пан Андрей Млоцкий с несколькими сотнями всадников. За ними шло все, что жило. Вскоре явились к Царику пан Ян Сапега, староста Усвятский с несколькими тысячами всадников, пан Александр Зборовский с 500 гусар, пан Веламовский, избранный товарищами в полковники, с 700 всадников, далее с своими отрядами Руцкий, Орылковский,

Копычинский и весьма многие другие, которых имен для краткости не упоминаю.

Не миновало и года, когда Царик двинулся прямо к Москве, укрепил свой лагерь в Тушине и пресек подвоз съестных припасов к столице; отряды же свои разослал в разные места, приказав осаждать города, не сдавшиеся добровольно, и брать их силою. Таким образом Польское войско, служившее Царику, расположилось в Московской земле семью лагерями: считали в нем 40 000 одних копейщиков, кроме казаков Запорожских, которых было еще более — они находились в каждом лагере и сверх того, действуя особо в разных местах, где кому

вздумалось, рассыпались по всей Московской земле, как муравьи. Москвитяне толпами стремились к Царику, одни из преданности, считая его своим государем, другие из ненависти к Шуйскому, а третьи для своеволия. Было их в Тушинском лагере от 200 до 300 тысяч. Заруцкий, родом Волынец, по взятии Подолья татарами прибывший в Россию, где прославился своею храбростью, также пришел к Царику, и, получив от него значительный отряд Московитян, оказал ему важные услуги.

После того русские крепости начали ему сдаваться, одни потому, что видели его силу и могущество, а другие потому, что в заблуждении считали его истинным Дмитрием; и уже вся Московская земля ему покорилась, исключая немногих главных городов, а именно Смоленска, Пскова, Великого Новгорода и самой Москвы. Но все думные бояре постоянно были при царе своем Василии Шуйском в столице, кроме тех только, которые не пользовались милостью Шуйского, или передавались к Царику, по убеждению в его царском роде.

Василий Шуйский, видя, сколь силен Царик Польским войском, и быв тесним со всех сторон, подозревал, что поляки поддерживали врага его по интригам королевским, и опасался, чтобы сам король, имея в Московской земле готовое войско, не пошел на него войною. Предупреждая разрыв, Шуйский выпустил из неволи всех поляков и полек, плененных во время бунта, в числе их освободили и царицу. Узнав о том, Царик отправил за ними сильный отряд, чтобы воротить царицу с отцом ее, воеводой Сandomирским, в лагерь. Хотя же Марина и увидела в нем не первого супруга своего, но должна была таить открытие для удержания при нем Московитян. Чтобы приобрести еще более силы и влияния на столицу, Царик распустил молву, что царица признала его своим мужем, тайно сочетался с нею браком и жил как с женою. наших никто не тревожил по всей земле на 100 миль кругом от лагеря; пахолики и товарищи жили безопасно на квартирах, доставляя в лагерь деньги и съестные припасы. Царик достиг бы своей цели, если бы не двинулся на Россию сам король.

Возвращаясь к делу. По прибытии королевских послов к войску в Тушино, Царик, опасаясь, чтобы наши не предались своему государю и чтобы его самого не выдали в руки королю, бросил жену и бежал ночью в Калугу, только с немногими всадниками, в надежде, что все

приверженцы за ним последуют. Калуга, замок укрепленный и город, лежит на пределах княжества Северского в 30 милях от столицы. На другой день по тайном отъезде Царика в Калугу сделалась тревога в Тушинском лагере: не знали, куда он девался; одни жалели об нем, а другие радовались и, не соглашаясь, на что решиться, разошлись кто куда хотел — одни к королю, другие к Царику. К королю отправились: князь Роман Рожинский, главный гетман Царикова войска, пан Александр Зборовский, выбранный преданным королем войском в полковники, с четырьмя ротмистрами своей хоругви, из коих каждый имел по несколько сот всадников; пан Андрей Млоцкий, Семен Копычинский, Бобовский, Марховский, Бонк, Ланцкоронский, Веламовский, Рудзинский и каждый из них имел по несколько сот гусар, казацкие роты Рудницкого, Котовского, Ошаньского. К Царику пошел Ян Сапега, староста Усвятский, бывший у него вторым гетманом под Рожинском; к Сапеге присоединилось немного хорошего войска, все сброд, шляхты мало, только была она в гусарских хоругвях, коих считалось также немного, а именно: Стравинского и Таляфусова. Зато казаков было без числа. Сии-то войска перешли к Царику, который, снова усилившись, подступил к столице, в одно время с королевским

Польские всадники

войском. Об этом скажем после. Москвитяне, бывшие при нем в Тушине, обратились к королю, но все бояре и знатнейшие люди, Заруцкий, царь Касимовский, с частью казаков передались к Царику, другие же разбрелись, кто куда мог.

Послы королевские, выступив в поход с тем войском, которое отправилось к королю, остановились на половине дороги от столицы к Смоленску на урочище под Шуйском¹. Войско соглашалось служить королю на таком условии: если Господь Бог благословит королевское оружие и передаст в руки его величества государство Московское, то за все время службы Царику, именно за 29 четвертей года, оно получит по 70 злотых за каждую четверть на всадника из поместий Московских, если же счастье не будет благоприятно, король обязался заплатить по 70 злотых на всадника за каждые две четверти службы Царику из собственной казны, сверх того обещал дать в награду 40 000 злотых, обеспечив эту сумму залогом, который тогда же был вручен войску.

Жители Москвы радовались, узнав о разделении Царикова войска. Тогдашний царь Московский Василий Шуйский, собрав сколько мог ратных людей, а именно: 8000 наемных немцев, 18 000 детей боярских⁴, 24 000 донских казаков, и назначив гетманом над ними брата своего Дмитрия Шуйского, велел ему напасть на рассеянных врагов и, отбив короля от Смоленска, освободить город. Дмитрий Шуйский отправил несколько сот немцев на поиск, чтобы овладеть Белою, но немцы, ничего не сделав, отошли прочь от крепости.

Примечания

¹ Печатается по: Сказания современников о Дмитрие Самозванце / Публикатор Н. Устрялов. СПб., 1859. Ч. II. С. 21–22, 29–33.

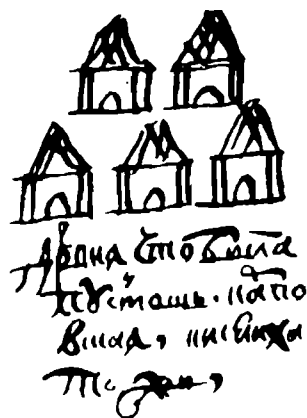
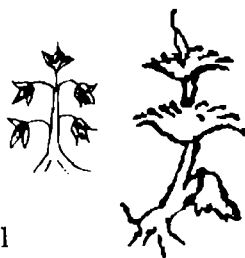
² Представляется интересным привести нарисованную по личным наблюдениям К.Ф. Калайдовича, стоявшего у истоков русской археологии, исследователя московских древностей (см. отчет К.Ф. Калайдовича в журнале «Русский зритель» № 1 за 1827 г. о поездке в Тушино в сентябре 1824 г. с перечислением старинных вещей, найденных крестьянами в этом районе. Эту поездку Калайдович совершил по просьбе Н. М. Карамзина, готовившего свой исторический труд), картину местности, еще в начале XIX в. сохранявшей приметы тушинского лагеря (перепечатано Н. Устряловым в примечаниях к описанию, данному Маскевичем; см. также комментарии Н. Устрялова к этому описанию): «По большой Волоколамской дороге в конце 13-й версты от Москвы, тотчас за селом Тушином,

представляются по обеим сторонам дороги довольно высокие валы... инде сохранились в прежнем виде с остатками рва, выкопанного к селу Тушину. Вал, идущий вправо от дороги, простираясь до 47 сажен, упирается в крутизну правого берега реки Всходни... Всходня течет к Тушину, за коим впадает в Москву-реку. С крутизны вала, где растет елка, прямо пустошь Наумовка, по ту сторону реки; поправее, на той же стороне (левой по течению) городище — возвышенность, поросшая лесом, и близ оной три кургана. Влево, глядя с крутизны, по сю сторону, с правой руки по течению Всходни, виден еще насыпной вал, простирающийся сажен на 260 к святым воротам. Сей вал выше двух первых, с глубокими рвами... Он именуется Цариковою горою. У самого вала пролегает от большой дороги проселочная к святым воротам. Сии ворота составляют узкий проход (дефилею), прорытый, как видно, искусством в природном склонении проселочной дороги к равнине. Святые ворота ведут к прекрасной кругловатой лощине, огражденной возвышением, где, как рассказывают, был город (главная квартира) Самозванца. Лощина называется от крестьян Пиявочником, ибо в болоте, в оной лежащем (которое теперь осушивается), прежде важивались пиявки. С левой стороны дороги вал невысок, с большим в одном месте разрывом от перепашки. Он идет в прямой линии с валом, находящимся на правой руке, и упирается в природное у берега Москвы реки возвышение, покрытое лесом, которое называют Попов угар (бугор). Все пространство вала от дороги до возвышения, считая и разрыв, составляет до 110 сажен. Берег реки сажень в 13 от Попова бугра. Смотри с его возвышения прямо на ту сторону реки, правую по течению, видите Корьеву пустошь; правее, к селу Спасскому, Литванову пустошь» (Сказания... Ч. II. С. 295–296).

³ Деревня на реке Касне, в Вяземском уезде.

⁴ Автор не различает бояр, детей боярских и других служилых людей.

ДНЕВНИК МАРИНЫ МНИШЕК¹

...Январь 1608 г. Боже Всемогущий, пошли счастье и помилуй бедных узников!

1-го. В первый день нового года новое (неизвестно только, верное ли) известие: будто Димитрий с большим войском москвичей и немалым количеством поляков подступил к Москве. Говорили также о каких-то стычках.

2-го мы видели на луне необыкновенные радуги и зарево. Люди, знающие толк в этом деле, утверждали, что такие отражения неестественны.

5-го возобновились вести, что под Карачевом, на расстоянии 54 миль от Москвы, стоит большое войско Димитрия. Против него собирался выступить Шуйский. Говорили, что Петрушка повешен в Москве, Болотников в тюрьме, послов же прежнего и теперешнего царь Шуйский несколько раз угощал: войска Шуйского, посланные отнять Астрахань, взяли ее на имя царя Димитрия и заперлись в ней.

6-го в воскресенье мы видели опять необычную и как бы веселую луну, окруженную двумя разноцветными радугами, сама же она находилась в третьей. Говорили, что и эти явления неестественны, да и среди нас не было никого, кто бы наблюдал их раньше. Но так как луна имела при этом радостный вид, то мы сочли это хорошим предзнаменованием, и наши надежды на Бога воспрянули.

12-го распространилась весть, что самых слабых из нас, хотя к этому времени мало между нами было здоровых, но все же Господь Бог чудесно нас сохранял и снабжал кое-чем необходимым, собираются выслать в крепость Архангельск, которая является портом на Белом море. Мы не радовались этому, ибо только в небе хорошо с архангелами.

15-го и в последующие дни говорили, будто царь Шуйский собирается жениться на Нагой, но бояре не соглашались на эту женитьбу прежде, чем он освободит и успокоит страну. Были иные слухи и росказни, но их не стоило и писать, так как им нельзя верить.

20-го наши приставы советовали нам, особенно слугам, послать челобитную царю о пожаловании, главным образом об улучшении пищи, но мы не допустили этого, боясь какого-нибудь коварства, и предпочли как-нибудь кормиться, чем кому удастся, только не соглашаться на их предложение. Мы продавали, что у кого было, и сильного голода, с Божией помощью, не испытывали.

22-го пришли из Карелии 100 стрельцов сменить тех, что стерегли нас. Пришли почти все те люди, что сопровождали нас из Москвы и стерегли год тому назад. Но прежде, нежели им поручили стражу,

каждый из них должен был присягнуть, что не будет сообщать нам никаких вестей. Но такое обязательство мало помогало, ибо у них присягнуть так же легко, как проглотить ягоду, и они потом отлично обманывали, как и прежде.

29-го мы со страхом увидели необыкновенные огненные столбы, двигавшиеся по небу. Они что-то предвещали либо нам, либо Москве. Приставы были у пана воеводы; тут господа старосты имели с ними столкновение по поводу выражения у них обычного, у нас же употребляемого в кабаках. Пан воевода просил разрешения написать к царю относительно посла в Польшу, но ему советовали повременить несколько дней, ободряя нас надеждой на что-то хорошее. Один из них шепнул на ухо пану воеводе и хотел указать на что-то, но удержался, заметив лишь, что тут дело касается жизни или смерти.

30-го слухи, что войско в несколько тысяч, отправленное Шуйским против Димитрия вперед, отойдя от столицы, стало роптать на царя и собирается бить челом Димитрию. Заметив это, гетман отступил назад, войско же в количестве 8000 человек перешло на сторону Димитрия. Шуйский, узнав о такой явной неудаче, хотел сложить скипетр (такой там обычай, когда царь покидает царство), но народ не позволил ему, говоря: «до тех пор, пока не успокоится страна, ты должен быть нашим царем». Немедленно после этого отправили еще войско, с которым выходил Димитрий Шуйский, но он был ранен, и ему едва удалось вернуться с несколькими сотнями человек.

Между тем состоялась свадьба царя Шуйского. Он все порывался в монастырь, и, вероятно, его женили для того, чтобы он был решительнее и защищался еще сильнее. О Стадницких говорили, будто они вторглись в страну с 12 000 войском и пленили 1000 бояр, которых отослали в Путивль, угрожая Димитрию и даже самому царю пленом, если он не вернет им друзей и кровных.

Февраль.

1-го. Один боярский сын, приехав из Москвы, привез известие, что войска Димитрия собираются идти к столице; сам же он стоит в 5 верстах под городом Брянском в монастыре, именуемом Савинским; царь Шуйский, запершись в крепости один с небольшим количеством друзей, празднует свою свадьбу.

6-го. Ночью, в течение часа, были видны в воздухе странные столбы и огненные отражения, наводившие на нас ужас. Все мы встревожи-

лись, приписывая многое этим явлениям. А на следующий день на прекрасном и чистом небе вдруг, на глазах у всех, исчезла, неизвестно куда, луна. Это ясно видела собственными глазами и наша стража во дворе, и московская, стоявшая вокруг двора; они сочли это дурным предзнаменованием для своего царя.

7-го. Письма от испанца Николая де-Мелло. Первое: в нем сообщает, что у Петрашки и Болотникова отняли Тулу и отдали ее Исидору Нагому. Второе: Петрашка повесили в Москве, а Болотникова — в тюрьме. Третье: в тот день, когда новый посол въехал в Москву, старый хотел выехать, но его догнали у ворот и не выпустили. Четвертое: царь Шуйский женился. Он удивляется, что свадьба царя состоялась в такое тяжелое время, при столь явном и великом бедствии. Он женился на какой-то Марфе, а наша Мария, но Мария *optimam partem elegit*². Пятое: извещает о своей тяжкой неволе и о жестоких страданиях, так как ему еле-еле на третий день приносят пищу. Все происходит из-за тех забот, которые их угнетают, ибо из этого монастыря отправили на войну 53 человека, и только 13 из них возвратились. Шестое: наконец, он просит, чтобы пан воевода, если Господь Бог пошлет ему радость, постарался освободить его из жестокого заточения. На это ему на собственные средства послали ответ и денежную помощь.

9-го. Выдержки из письма пана К[оморовского].

Первое: Что быстро загорается, то светит недолго. Царь женился, один день пожил с женой, а на другой отослал ее в монастырь. Однако он не покался и взял себе в жены жену князя Петра Ростовского из поколения Годуновых³.

Второе: Димитрий Шуйский вернулся из-под Алексина, потеряв всякую надежду. Он упрекал царя за женитьбу, говоря: «Ты здесь веселишься, а невинная кровь льется». Тут же он сказал ему: «Твоему царствованию скоро настанет конец, ибо тебе негде искать опоры; поэтому позаботься о себе и о нас. Надо поклониться другому, такому, которому государство по праву принадлежит».

Третье: после ухода Димитрия Шуйского из-под Алексина все войско, которое он там оставил, получив письмо от царя Димитрия, подчинилось его воле и приказанию, бросив сабли и присягнув в повиновении.

Четвертое: прошлый четверг посол царя Димитрия, полковник Адам, сам-четверт был в Москве с письмами к Шуйскому, и мир благо-

склонно принял его. В письмах он предлагал добровольно подчиниться ему и в этом случае обещал снисхождение. Это письмо столичный патриарх читал всенародно при царе и перед миром. Когда он кончил, царь спросил мнение мира, а мир — его мнение. Царь решил, что невозможно выбирать, когда дело касается жизни; «поэтому, — сказал он им, — порадейте вы о себе сами, а я порадею о себе. Так как это воля Божия, то я уступлю и мечи понесу на своей голове». Услыша это, мир единогласно воскликнул: «И мы тоже. Да здравствует Димитрий Иванович, царь всей России! Но мы просим, чтобы он был милостив к нам и не позволял своим солдатам тех насилий, о которых мы слышали из других городов». С этим и отпустили посла, прося, чтобы царь прислал к ним для принятия присяги.

Пятое: о наших, бывших под Смоленском, говорят, что они взяли эту крепость. В последний день февраля к нам пришло письмо от пана К[оморовского] следующего содержания: «Пишу, как и раньше, когда я не сомневался в том, что они добровольно подчинятся царю и с этим заявлением уже послали было к нему. Теперь донесу вам, вельможам, почему это не осуществилось. Когда царь послал в Москву своих бояр принять присягу, он отправил вместе с ними и воеводу, некоего Ивана Голицына, с небольшим отрядом. В Москве же, без ведома царя, произошло иное совещание. Димитрий Шуйский с отцом царской жены убедили мир не доверять Расстриге и мужественно защищаться».

«А так как мой брат, говорил он, не способен царствовать, то мы обещаем, когда я защищу вас и успокою Московское государство, быть вашим царем». Услыша это, они все тотчас выразили свое согласие. Он же, видя, что они к нему благосклонны, роздал боярам в надежде на это очень дорогие подарки и немедленно после совещания послал вооруженных людей против войска царя, во главе с отцом своей жены. Они ударили на царских воинов, не предупредив (в это время царские послы были уже в Москве), но, по милости Божией, москвичи были поражены наголову. Отец жены его попал в их руки; они содрали с него кожу и разрубили на части. Затем Голицын с войском не мешкая пошел к Москве; к нему присоединилось немного поляков из-под Смоленска, которые привели к присяге царю крепости: Тверь, Углич и немало других. Все эти крепости и до сих пор верны присяге, кроме Углича, который один изменил, и люди из него вышли.

Узнав, что Голицын направляется к Москве, чтобы овладеть этим городом, они поспешили ему на помощь. С одной стороны наши, а с другой — Голицын после сильного штурма взяли Деревянный город; часть войска перебили, а часть привели к присяге.

После этого они, пробив отверстие в 8 сажень в стене Каменного города, с той же яростью ворвались туда и разрушили башню, которая стояла в углу, к реке, называемой Москвой. В этом проломе стены погибло множество народу с обеих сторон. Резню остановила лишь ночь. После битвы Голицын расположился со своими людьми в Деревянном городе, а наши разбили лагерь в поле. Но стража, поставленная у пролома стены (эта стража состояла из людей, взятых в крепостях), изменив, выпустила из города людей, которых Татищев только что привел из Великого Новгорода. Они изо всех сил ударили спереди и с тыла на Голицына. Обе стороны дрались стойко и храбро, не уступая друг другу: однако победили более свежие и не столь утомленные, как те, что были в Деревянном городе; они вытеснили Голицына дальше в поле. Между тем поляки, стоявшие в лагере, ворвались в город и много народу перебили саблями, убивая безжалостно наповал всякого встречного. После этого они без урона вышли из города и направились к Смоленску. Голицын же после поражения направился в Серпухов

Двор боярина

отдыхать и лечиться от сильной раны в бок. Но здесь его подстерегал Димитрий Шуйский с братом; они хотели окончательно разгромить его. Однако Голицын настолько оправился, что разбил Димитрия Шуйского, который едва успел добраться до Москвы.

Между тем царь приближался уже со всеми войсками, которые были весьма велики; с ним пришли и поляки, кроме тех, что были в Смоленске.

В это время (что достоверно известно) 100 человек из наших собирались было сослать в Каргополь, в 200 верстах от Бела Озера, но бояре не советовали, говоря, что у них и тут хорошая и верная стража. Даже монастырских людей вместе с другими расставили по дорогам, а к вельможам там приставили 59 стрельцов, тех самых, что год тому назад оставил было Салтыков в здешней крепости.

Март.

1-го был слух, что Голицын снова вернулся к столице, а царь Димитрий до сих пор ждет под Тулой, пока стянутся войска. Также говорили, что Москва осаждена; только одни ворота по направлению к нам были свободны.

2-го проехал через Ярославль воевода Михайло Салтыков, тот самый, что стерег нас год тому назад. С ним был некто Степан, который прежде был приставом у нас, а потом в Вологде у Глинских, откуда, неизвестно почему, его взяли. Догадывались, что оба в опале и сосланы в Сибирь за какую-то измену. Иные же различно толковали их проезд. С ними было еще несколько других бояр.

3-го выпустили всех узников из Ярославских темниц. Их собирались снабдить одеждой и как-нибудь приспособить к защите крепости или же отправить на войну. В тот же день в полночь, с воскресенья на понедельник, луна, светившая на ясном и очень красивом небе, была окружена двумя разноцветными кругами. Это длилось несколько часов. Но так как мы уже привыкли к подобным диковинкам, то и не боялись их.

5-го снова весть, что Москва осаждена и к ней стягиваются войска, что сожгли часть Деревянного города и его слободы. Говорили, что однажды из города вышел отряд, против которого из лагеря вышло несколько сот сторожевых; причинив городским большой урон и пленив 36 человек, они отослали их к царю Димитрию. Угостив пленных и даровав им свободу, он отослал их назад, говоря: «Я не желаю про-

ливать вашу кровь, и если б мне не было жаль губить невинных людей, я давно бы уже овладел вами». Димитрий Шуйский (о царе не слышно, говорят, что он болен) велел съезжаться всему духовенству, чтобы выслать его с крестами против Димитрия, а сам он решил выйти вслед за ним с войском и погибнуть, защищая родину. Дошли вести, что наши действительно в Смоленске, но неизвестно, на чьей стороне город.

7-го внезапно скончался конюх пана старосты Саноцкого⁴.

10-го привезли Болотникова и несколько бояр; его ссылали в Каргополь. Он не был закован. Когда его спросили, почему он так свободен, он ответил: «Я вас самих скоро буду заковывать и обшивать медвежьими шкурами».

12-го на пиру у пана воеводы были оба пристава и немало боярских сыновей; один из приставов сказал вполголоса: «Близится время вашей радости».

14-го из Сибири вели несколько десятков верблюдов; нас обманывали, будто ими хотят пугать польскую конницу, находящуюся, по слухам, под Москвой; вероятно, было что-нибудь на самом деле, ибо нас в эти дни строго стерегли и к экономам, ходившим на рынок, приставили к каждому в отдельности по 6 стрельцов. Часто ходили пустые слухи о каких-то войсках под Москвой.

16-го была кровопролитная битва, в которой московских людей погибло до 10 000, наших же 2000. Больше всего погибло казаков, ибо они сражались храбрее остальных; потом выходили с крестами. Сам царь Шуйский был смущен и не знал, что делать; он хотел было уже сдаваться, но его брат с другими думными боярами сдержал чернь.

22-го один москвич при стрельцах схватил за руку эконома пана воеводы, идущего с рынка, и сказал: «Скажи от меня воеводе, что вас скоро освободят и что все ваши просьбы в Москве, откуда я прибыл вчера, удовлетворены. Тому слуху, что будто бы Годунов воюет, не верьте, ибо его вырывали из могилы». Дальше он говорить не мог, потому что стрельцы тотчас же схватили его и потащили к приставу. Когда тот спрашивал, кто он такой, откуда и по какому делу пришел сюда, он ответил, что они втроем пришли из Москвы. Там же были при нем двое, но как только его схватили, они тотчас же исчезли. Его били кнутом, а потом посадили в тюрьму. Эконом тоже сильно испугался и был в опасности; но стрельцы выгородили его, сказав, что он не обращался с речью к этому человеку и что тот сам заговорил с ним. Кроме того, эконо-

ном заявил, что ничего не понял из речи этого человека. Сочиняли, будто бы поляки овладели Северской землей. К концу этого месяца разные известия утихли. Конец поста прошел мирно, без всяких вестей, даже не говорили о москвичах, бывших под столицей.

Апрель.

6-го в день Светлого Воскресения и в течение всей недели не было никаких известий, кроме того, что войско Дмитрия находится под Орлом, а войско Шуйского — под Болховом.

14-го головы были у пана воеводы на честное слово. В тот же день явилась надежда, что мы через 3 недели поедем в Москву; говорили, что уже Новгород, а с ним и другие сильные крепости сдались Дмитрию, и польское войско вместе с ним было под Орлом. На стороне того войска, которое находилось под Москвой, были, говорят, нижегородские татары; они пришли сюда вскоре после того, как сошел снег. Москвичи вышли на них. Но татары, уходя, встретили поляков и, обратившись, ударили на москвичей. Последние потерпели такое поражение, что трем братьям Шуйским еле удалось бежать в крепость Михалец, где они осаждены и до сих пор.

16-го говорили, что польский король уже овладел всеми крепостями и волостями до самой Вязьмы, которая всего в 6 милях от Москвы.

17-го некий татарин пана воеводы хотел продать себя на имя царское, но воевода, гуляя, заметил это и, велев призвать его к себе, сделал ему допрос. Он тотчас же во всем сознался; его в цепях посадили под стражу. В это время было много беглых из войска Шуйского, поэтому нас окружили более строгой стражей, чем когда-либо. Как только двое или трое наших шли куда-нибудь, тотчас же несколько стрельцов следовали по их стопам к ограде, к ограде же не подпускали решительно никого. Даже воду из реки возили не прямым путем, а кружным, за валами, соблюдали и иные предосторожности, — все для того, чтобы мы ни о чем не знали. Однако были ежедневные разговоры о Дмитрии и его могуществе, о Шуйском и его бессилии. Виновные были уже в сильной тревоге; бояре же вели постоянные переговоры с миром. Постоянно приходили вести, преимущественно от старших, что Дмитрий вернул себе столицу; некоторые из них даже старались заручиться его будущими милостями. В это время мы были весьма опечалены и озабочены болезнью пана

старосты Красноставского, который хворал давно и настолько сильно, что написал даже завещание.

24-го разлилась река Волга, а за несколько дней Которосль. По этой причине нас сильно мучили холода.

25-го пристав Афанасий, которому царь велел немедленно являться в Москву, прощался с паном воеводой и со всеми. На его место прислали другого, по имени Иоаким. Все мы очень сожалели, что нас покидает такой хороший человек. Он всегда относился к нам дружелюбно и сострадательно, аккуратно всякий день присылал пищу и вообще обнаружил необыкновенную привязанность к нам. Мы не знали причины, по которой его вызвали, и предполагали, что он понадобился им для войны.

Очень много бояр пленили, а лучших перебили. Иные же продали себя — либо для того, чтобы выразить привязанность царю, либо с умыслом.

Май.

1-го известили, что в день св. Войцеха была кровавая битва, в которой значительная часть войска Шуйского поражена, пригнана к реке, потоплена и пленена; в этой битве будто бы видели пана Ж.

2-го известили, что 70 000 войско подступает к столице; бояре, разбитые наголову, бегут; наш пристав Афанасий, не доехав до Москвы, где-то пропал; но потом оказалось, что он доехал.

3-го в четыре часа ночи луна была словно кровавая и имела такой невеселый вид до самого утра. В тот же день перед вечером солнце, близясь к закату, стало каким-то зловещим и словно поигрывало.

5-го пристав Иван навестил пана воеводу царским именем и объявил ему царскую милость: царь велит написать, какие воеводе нужны лекарства, и за все заплатит из своей государевой казны. Старосте же Луковскому¹ разрешил написать о высылке его вещей, обещая при этом, что пошлет за ним в Белоозеро.

11-го известили, что, благодаря стараниям Мстиславского, войско Шуйского разбегается, и он остался в Болхове один с чернью. По слухам, в это время дважды сотрясалась в Москве земля; венгерца Белу Березанского и четвертого, который изменил пану послу, благодаря стараниям москвичей, сослали в Сибирь; Стаднические на Белоозере живут в большой нужде. Бояре посылали к царю с просьбой, чтобы он их либо отослал в Литву, либо велел давать хорошую

пищу, говоря: мы опасаемся, что в наше отсутствие, когда нам придется выехать на службу, они, вынужденные голодом, выйдут и перебьют наших жен и детей.

15-го узнали, что к приставу ночью прискакал скорый гонец с письмом только к нему одному. Прочитав это письмо, он тотчас же распорядился, чтобы пану воеводе доставили хорошую рыбу, и прислал ее в тот же день; но до сих пор неизвестно, что было еще в этом письме. Известили, что царь Димитрий, будучи со своим войском под Орлом, велел поджечь город, а сам задумал бежать во время пожара. Заметив это, Шуйский погнался за ним, догадавшись, что они бегут. Но те, обернувшись, погнали его. Пана воеводу будто бы собирались взять в Москву для умиротворения. Вероятно, что-нибудь у них неладно, ибо и нам позволили брать займы все, и не так сурово оберегали нас, как до сих пор. Говорили также, что войско е. в-а Короля находится у Смоленска и взяло несколько крепостей.

19-го новый пристав приветствовал пана воеводу, получив, вероятно, инструкции от царя. Он уговаривал пана воеводу написать

Василий Шуйский

смирненное прошение, признавая себя виновным, и дал образец такого прошения. Пан не захотел так унизиться перед теми, которые завтра могли обезглавить его и, поняв, что это какое-то коварство, не написал никакого прошения.

20-го дали знать, что под Орлом царь Димитрий разбил наголову войско Шуйского; Димитрий Шуйский едва успел с воеводами убежать без оглядки к Серпухову. Были также и другие вести, но очень невероятные: будто бы супруга воеводы была с 20 000 войском под Орлом.

21-го приехал бывший пристав Афанасий, и сейчас же разнеслась молва о выезде пана воеводы и царицы в Москву для каких-то переговоров. Теперь только обнаружилось, зачем требовали то прошение, о котором упоминалось выше, а именно для того, чтобы ввести в обман чернь. Воеводу вызывали не потому, что он был нужен для чего-либо, а потому, что царь сжалился над ним и брал его к себе, чтобы ему лучше жилось. В тот же день требовали уже не такое прошение, как 3 дня тому назад, а какое хотел написать сам пан воевода, для чего пришлось открыть, наконец, и истинные причины.

22-го велели пану воеводе, царице и господам старостам готовиться к выезду, позволив им взять лишь по несколько шляхтичей. Они долго об этом толковали и спорили, наконец, согласились дать 90 человек — пану воеводе, царице и господам старостам каждому в отдельности. Причину этого отъезда некоторые усматривали в том, что Москве нужно соглашение с Димитрием, который причинил большой урон под Орлом, перебив много народу; а иные — в том, что необходимо соглашение с Польшей.

23-го то и дело прибегали гонцы, торопя воеводу с отъездом. Ходили различные слухи; одни советовали, другие нет; наконец решено было ехать. Слез было много, особенно плакали бедняги, остающиеся без своих господ в руках тиранов. Их надежда была только на Бога, покровителя и милосердного отца, который будет о них заботиться.

24-го провозили Стадницких — так говорили; но нам не разрешили видаться с ними: мы видели их только с крыши. Говорили, что Шуйскому приходится очень плохо, поэтому и велели поскорее везти пана воеводу.

25-го вечером выезд за перевоз. Утром перед выездом были хорошие предзнаменования; нас клятвенно уверяли, что Димитрий

жив. Вечером же перед отъездом наступила тревога: дали знать, чтобы пан воевода не торопился и обождал несколько дней, ибо под Москвой сильные мятежи. Но этих советов не слушали, и он выехал в жестокую непогоду. Ночлег за переездом. В предместье хлопоты и затруднения: челяди было мало, в подводы запряжены никуда не годные московские клячи, а там — плач, жалобы и рыдания. Одной только надеждой и жили в эти трудные минуты, ибо остающихся обещали вывезти не раньше, как через 3 недели. Таким образом выехали все женщины (увезли всех девушек) и юноши, больше всего шляхтичей; челядь брать не разрешили, кроме известного количества.

После отъезда в общем осталось добрых молодцов 162.

26-го после обеда переехали с этого ночлега на другой.

27-го. При нас в Ярославле остались приставы Иван Дьяк и Иоаким, Афанасий же повез пана воеводу. С ним обращались довольно милостиво. Пищу стали давать немного лучше; свободу также увеличили, разрешив ходить на прогулки и рынок. С пути о пане воеводе приходили сюда разные вести и письма, но первое нам не отдали; второе же письмо от 31-го мая, писанное на расстоянии одной мили от Москвы, мы получили, и копия с него следует ниже.

Июнь.

7-го выпустили из тюрьмы Запорского Яна, о котором было известно еще в 1606 году; о нем было сказано в надлежащем месте.

8-го вручили нам письмо от пана воеводы, копия с которого такова: «Я писал в прошлый праздничный вторник вам, оставшимся в Ярославле, но сомневаюсь, чтобы вы получили это письмо. Пишу вам снова. Сегодня, т. е. в субботу, накануне Троицына дня, слава Богу, буду в Москве, ибо теперь мы кормим лошадей всего на расстоянии 1 мили от этого города. Завтра, даст Бог, обнадежили меня, я буду у Великого Государя, а в воскресенье обещают послать за вами и за теми, что находятся в других крепостях. Князь Вишневецкий послал уже и за теми, которые находятся еще в Белом. Я получил письмо от послов, копию с которого, списанную по пунктам, посылаю вам. Взвесив все это, легко можно понять, что за этим последует. Надежда на Бога, защитника нашего, что от Его милости вскоре дождемся чаемой нами радости. Вот пункты из писем послов: е. в. Король сам изволил выслать нас, своих посланников,

уже почти год тому назад; после долгих переговоров с думными боярами, решили, что Великий Государь изволил послать для наших дальнейших посольских переговоров с боярами за вашей милостью и за дочерью вашей милости, а также за всеми представителями семьи Мнишек, которых вы сочтете наиболее нужными к обсуждению дел здесь в Москве. Дочь ваша пусть возьмет с собой тех женщин, которые могут скоро собраться в путь и будут необходимы ей для услуг. Все же прочие королевские люди и братья наши, — как те, что находятся в иных местах, так и те, что с вами, — пусть еще останутся. Как только вы приедете, их тоже вывезут и будут снабжать там и по пути всем необходимым. Сообщаем вам также, что е. в. Король наш с е. в. Королевой и Королевичем здоров и мирно правит. На родине нашей все, по милости Божией, благополучно. Кардинала, старостину Красноставскую и Луковскую и всех остальных родственников ваших мы оставили, по милости Божией, здоровыми. Письма из Польши к вам и к другим находятся при нас, мы вам их вручим. Все мы посылаем вам привет. Столичный город Москва 19-го мая 1608 года».

В этом письме приписка такая: «Как горячо я все время жаждал свидеться с вами, в этом нечего вас уверять. Но будучи подвергнут такому испытанию, я не имел возможности свидеться. Теперь же, когда Господь Бог послал нам такое время и погоду (т. е. что нам разрешили свидание), я очень прошу вас, поспешите к нам. Допустив это свидание, Господь Бог по милости своей осуществит наше скорое прибытие к чаемому берегу свободы, чего мы с радостью ожидаем. Мой Городецкий ждет также с великим нетерпением вашу милость. Николай Олесницкий, каштелян Малогоский».

9-го улучшили нам пищу и кормили, как прежде, когда нас рассылали из Москвы; ибо тут, в Ярославле, сократили пищу на $\frac{1}{3}$; теперь это вернули и очень милостиво с нами обращались. Разрешили даже гулять над рекой Волгой и ходить на рынок.

10-го пришли к нам вести, что царь посылал пана старосту Луковского в полки уговаривать царя Дмитрия, иные же говорили, что пана Юрия Плату, а третьи — что обоих названных; старост из полков не пустили, но пан Плата вернулся и будто бы удостоился за это от царя Шуйского пожалования.

11-го были вести, что все бояре, покинув царя Шуйского, стояли в поле; за него была лишь чернь. Через Ярославль провезли больше десяти казаков, обманывая чернь, что они громят.

15-го дали знать, что в Москве вспыхнул великий мятеж, в котором москвичи дерутся друг с другом: одни стоят на стороне Шуйского, другие ни на чьей; также, что к Москве подступают вооруженные полки, которые берут и жгут окрестные крепости.

16-го дали знать, что царь Димитрий находится на расстоянии 1 1/2 миль от Москвы, на том самом месте, где были разбиты палатки, в которых ночевала царица. В Москве великая тревога; бояре разбегаются.

17-го говорили о великом мятеже в Москве, во время которого перед двором пана воеводы убито несколько сот человек. Причину этого некоторые видели в том, что мир злобствовал на пана воеводу, а бояре не допускали; поэтому-то они так жестоко и дрались. Иные же сочиняли, что несколько думных бояр, составив заговор с воеводой, должны были вести его к войску. Когда об этом дали знать Шуйскому, он тотчас же послал к миру, который и сразился с боярами, а наших будто бы выпустили из двора для подкрепления. Бояре были будто бы разбиты, слуги пана воеводы опасно ранены, а пан Загурский, слуга пана старосты Саноцкого, и другие убиты. Самого воеводу с царицей, его дочерью, будто бы взяли во дворец, царицу отдельно, только с женщинами; старост под стражей разместили по разным дворам. Эта весть сильно обеспокоила и испугала нас; но так как причины мятежа передавались нам различно, то мы не особенно верили этим слухам.

18-го было множество разных слухов о стычках, которые ежедневно происходили под Москвой. Рассказывали, что люди царя Шуйского выходят в бой с разными уловками, а наши всегда наезжают на них в самые ворота, рубят и убивают бесчисленное количество. Были также слухи, что в нашу сторону идет вооруженный народ отнимать крепости, начиная с Углича. Узнав это, ярославцы немедленно послали к угличанам, чтобы они не сдавались, объявляя, что и они намерены защищаться.

19-го мы получили дурные и невеселые вести: вместо того, чтобы приблизить нас к Москве, как обещали, нам велели приготовляться к отъезду в Вологду, еще дальше — на расстояние 30 миль отсюда.

Так распорядились вследствие того, что в Ярославль ожидали войска, которым при нашей помощи нетрудно будет взять город. Пока было возможно, мы противились этому путешествию.

20-го мы объявили, что предпочитаем смерть отъезду; но потом, когда уже не могло быть иначе, мы согласились и пошли переговаривать со своим приставом Иваном Дьяком, обещая ему подарки, если он обождет, пока мы напишем челобитную к царю. Слышно было, что Москва в тяжелой осаде, а Ярославская дорога отнята. Но все случилось иначе: удачи противника помешали нам.

22-го ударили в набат, сбежалось несколько тысяч миру, который бросился на крепость, схватил пристава Ивана и, избив его палками, бросил в тюрьму. А царю дали знать, что он «был в заговоре с Литвой и под тебя, Государя нашего, изменнически подкапывался». Мы все были наготове, ожидая дальнейшего. Усмирив мятеж, они дали нам другого пристава, здешнего воеводу, и велели нам собираться в путь. Подводы распределили согласно нашему требованию.

Русский купец

Нас спрашивали, не дали ли мы каких-нибудь подарков тому Ивану, обещая их вернуть, и были весьма милостивы со всеми нами. Однако случилось так, как мы хотели: всем нам велели ехать.

23-го выезд оставшихся из Ярославля в Вологду. Перед самым отъездом нас сильно обеспокоили, объявив, что у нас отберут оружие. Услышав это, мы условились и поклялись друг другу, что отдадим оружие только вместе с жизнью. Когда уже пора было ехать, мы заявили: во-первых, что москвичей и телеги вышлем к перевозу вперед, а сами со своим оружием придем пешком, и пусть никто не подает нам повода поднимать его; во-вторых, так как для переправы есть судна, то мы все переправимся на них. Они на все согласились. Мы же, отправив подводчиков и поручив их Провидению, шли к переправе, которая была далеко, десятками с оружием. Во время нашего отъезда велели выйти всей черни, какая только была; народ сидел на валах и на берегу реки до тех пор, пока не увидел, что мы благополучно переправились. Выпустили и послали с нами и тех, которые были под надзором приставов, как то: пана Конецкого, его слугу и мальчика пана Запорского. Отчалив, мы поблагодарили за хлеб-соль трубными звуками и киданием шапок. Мы ночевали тут же за переправой в таборе; здесь мы узнали, что взят город Переяславль и собираются идти под Ярославль. Ярославцы, отправив нас, поспешили к окопам и стали укреплять город.

24-го, на Иванов день, когда мы уже двинулись в путь, в городе произошло какое-то замешательство. Наш новый пристав замешкался, и мы ждали его до полудня. Остановились на ночлег в Яме, в 6 милях. Там догнал приставов гонец с известием, что Переяславль и Ростов взяты, а Ярославль пока нет.

25-го ночлег за Даниловом, царским селом, миль 6. Там в лагере слегла одна из наших женщин, которая должна была остаться. Но на другой день она догнала нас.

26-го ночлег после очень плохой дороги в Яме, миль 6. Ямой там зовут каждое село, где меняют подводы. У них порядок, что все подводы подаются в один час. Так делается из-за необыкновенной жестокости, которой подвергают этих крестьян, ибо, если они замешкаются, их наказывают: всех поставив в ряд и, зайдя с конца, трое

трижды ударяют прутом каждого из них по ногам; обойдя весь ряд, снова повторяют то же, пока не приготовят подвод. По пути крестьянам рассказывали, что нас пленили на войне. Но они, видя нас, не верили этому, тем более, что мы шли с оружием.

27-го опять ночлег в 6 милях в селе.

28-го в 8-ми милях мы расположились лагерем над рекой Оркшей.

29-го. 4 мили. Лагерь под Вологдой. Там беспокоили нас разные грустные мысли, особенно, когда нам сказали, что жители Вологды не хотят принять нас в свой город.

30-го, после долгих споров с нашими приставами, здешний воевода все же велел поселить нас в отведенные для нашего помещения дворы; но мы не хотели идти, требуя, чтобы он разрешил нескольким из наших отправиться вперед осмотреть эти дворы и распределить квартиры. Он не согласился на это. Тогда мы заупрямились и расположились табором на своей позиции. Только узнав об этом, он велел исполнить наше желание. Тогда четверо из наших поехали вперед и распределили квартиры в трех дворах, бывших вдали от города, в отдельной слободе. Один двор был обнесен такой высокой оградой, что оттуда видно было лишь небо да землю, на которой он стоит; возле этого двора еще два. Мы все въезжали весьма неохотно. В этом дворе жили наши, которых раньше нас вывели из Ярославля, а перед нашим приездом сюда их выслали в Устюжну. Многие из них продали себя на царское имя, как-то: князь Воронежский, Солтан-старший, Добецкий, Домарацкий, портной Папроцкий, которого взяли было в Москву для писания писем. Остальных имен мы не знали. Этих держали там же под надзором приставов, давая им на пропитание копейку, т. е. грош, в день. Из их числа двое бежало, их догнали (как говорили) и посадили под стражу.

Вологда несравненно меньше Ярославля и гарнизон гораздо хуже; крепостной гарнизон отдельный. Средства защиты гораздо слабее, чем описывают космографы. Город окружен неоконченной стеной, которая является плохой защитой. Говорят, ее строили наши поляки, взятые когда-то в количестве 400 человек в плен на войне. Но их всех до последнего убили и только за то, что они съели пару телят. Вскоре после этого сгорела часть города; на них написали жалобу царю,

говоря, что это была явная кара Божия за их преступное воровство. Разгневанный царь, узнав это, издал приказ всех их перебить.

Не очень большая река Вологда течет под городом; от нее течет еще река — Золотуха, которая окружает другую часть города. Поселение расположено на столь низменном месте, что стоит только ударить по земле раза два заступом, как уже можно достать воду.

Июль.

1-го сам пристав, помимо других вестников, секретно сообщил, что город Ярославль взят. Когда один из наших в присутствии пристава сказал, что он понимает дело, тот стал тщательно расспрашивать его и осведомляться о некоторых вещах. Угадав некоторые из них, так как ему уже сообщили, он мимоходом упомянул об Ярославле, говоря, что ему приходится плохо. Тогда пристав рассказал ему, когда и как его взяли. Однако мы не верили, хорошо зная их изощренное коварство и поступки; поэтому, не придавая большого значения вести, мы гораздо сильнее заботились о пище, когда нам ее не давали. Когда наш пристав потребовал, чтобы нас кормили, воевода сказал ему: «Зачем вы привели сюда литву? Вы привели ересь и гибель». Мы же заявили приставам: «Либо дайте нам пищу, либо отвезите нас обратно, либо объявите нам, что вы намерены с нами делать, потому что мы не желаем страдать от голода и предпочитаем умереть в борьбе с врагами».

2-го они оправдывались перед нами, говоря, что «виноваты не мы, а здешний воевода, который, вопреки велению царя, не отпускает вам пищу и ссорится с вами; мы немедленно же напишем об этом своему Государю. Напишите и вы свою челобитную, жалуясь на него».

3-го мы отправили челобитную в Москву, но они, узнав это, тайно выслали на своих лошадях одного стрельца, приказав ему взять лошадей только в третьем селе. Воевода, узнав об этом, приказал догнать посланного, но его не догнали.

4-го, заняв денег у архиепископа, нам выдали обычную пищу и заплатили за задержанную. Воевода уже вступил в мирные переговоры с нами.

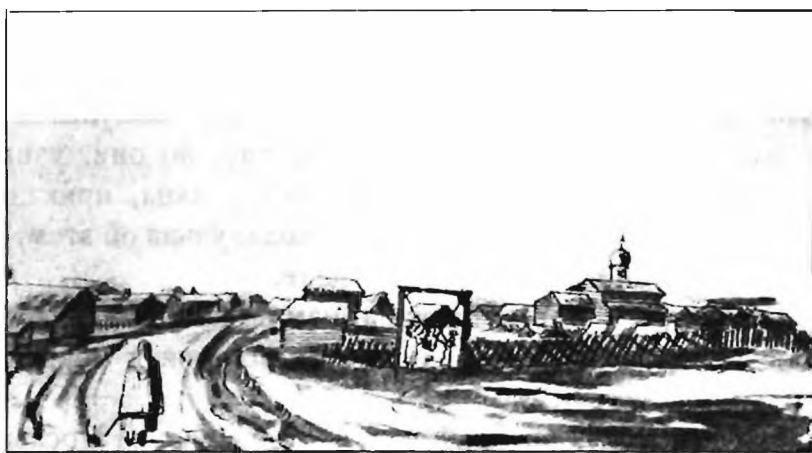
5-го невеселый слух проник к нам: будто царицу из Москвы вдвоем только повезли в Сибирь. Были и иные печальные вести, которые проникли к нам еще в Ярославле (о чем было сказано 17-го числа): будто бы пана воеводу и других вельмож посадили в одиночное заключение;

их слуг частью перебили, частью изранили. Нам тем тяжелее было слушать это, что перечислялись даже их имена. Причину этого представляли ту, что будто бы пан воевода и посол снеслись письменно с ворами. Царь узнал об этом через одного из посольских камердинеров, который, овладев этими письмами, продал себя на царское имя и выдал все тайны. Бояр, через посредство которых все это производилось, велено было изловить, воткнуть на кол, замучить и пр. Когда дело дошло до пана воеводы, то он защищался в своем дворе, имея при себе немного москвичей. Итак, одни были перебиты, а другие тяжело ранены. И этому мы еще не верили, полагая, что они условились сообщить нам такие сведения для острастки, сильно опасаясь, что мы можем выкинуть какую-нибудь штуку, так как нас было 160 человек.

6-го прибыл гонец, но с какими вестями — не знаем, однако по лицам москвичей можно судить, что вести были далеко не радостные, потому что даже в общем разговоре замечалась их озабоченность. Несомненно, что если б весть была радостная, они не таили бы ее. Пищу нам отпускали аккуратно всякий день.

8-го говорят, что осаждающие Москву примиряются. Им назначили срок 4 недели, говоря: если вы к этому времени не сдадитесь, то вас перебьют всех с женами и детьми.

Село Печоры

10-го предостерегали, что здешний воевода со дня нашего приезда изыскивает всевозможные средства отнять у нас оружие. Желая осуществить свое намерение, он велел всей черни собраться у орудий, чтобы уstrasшить нас.

12-го нам сказали, что в Ярославль привезли 300 посольских людей, в те самые дворы, в которых жили мы, — чему иные советовали не верить. В тот же день умер Адам, ловчий пана воеводы. Его похоронили в могиле над рекой Золотухой.

13-го. Так как здесь все римские праздники привыкли умять, то и на Светлый Праздник велели работать, как в будни. В воскресенье утром мужики вышли строить ограду возле наших дворов, которые еще не были огорожены, но им не удалось поработать, так как молния ударила в угол церкви. Мужики, испугавшись, убежали и в этот день ничего не сделали.

15-го пришли вести, что в одной битве погибло до 2000 москвичей; в другом же месте москвичи, застигнув врасплох где-то у переправы казаков, перебили их до 1000 человек, за что здешнему архиепископу со всем миром велели служить благодарственное молебствие. Воры разбиты.

22-го приехал из Ярославля Иван Дьяк, наш прежний пристав; с его приездом выяснилось, что вести о взятии Ярославля ложны. Ярославский староста, состоявший при нас приставом вместо него, выехал.

24-го прибежал гонец, который сообщил, что состоялось соглашение с Литвой; прежние послы, заключив перемирие на 5 лет, выехали из Москвы в Литовскую землю; теперь литву будут свозить, а когда всех свезут, тогда вместе с воеводой вышлют за границу. Бог знает, правда это или нет.

28-го прибыл другой гонец с теми же известиями, уверяя, что «с Литвой уже мир; меня послали за литвой в Бело-Озеро, а сюда не сегодня-завтра приедет другой гонец; прошу, не сомневаясь, готовить подводы». Этой речи нам еще не верилось. За полчаса до приезда этого гонца ударили в набат; чернь, собравшись, хотела схватить нашего пристава Ивана в его квартире, куда он въехал насильно; он хотел защищаться, имея при себе одного стрельца, но, вероятно, приезд гонца усмирив мятеж. Более благоразумные люди поняли из слов гонца, что послы и пан воевода поклялись соблюдать

перемирие в течение 5 лет. Одного из послов отправили к е. в. Королю, чтобы он тоже поклялся в этом. Только когда посол вернется с этим договором, нам можно ждать свободы. Между прочими статьями договора было условие, что все польские люди будут вывезены из-под Москвы.

Август.

Были слухи, будто Димитрий Шуйский продал себя вору. На рассвете ударили в набат, созывая чернь; никого из наших в это время не пустили в город. Это собрание произошло по следующей причине: поляки, которых еще до нас выслали из Ярославля в Вологду, а отсюда перед нашим приездом выслали в Устье, вышли оттуда, подкрепившись десятками двумя стрельцов, и направились к Лифляндской границе. Так как города поближе не было, то дали знать в Вологду. Воевода, собрав народ, послал 5 верховых за ними вдогонку.

4-го дали знать, что их окружили у какого-то болота и поймали. А иные, убеждая нас не верить этому, наоборот утверждали, что они уже на границе и там грабят и жгут села.

7-го снова пришла весть, что одного из них убили, иных ранили и, изловив, посадили в мешки.

День 8-го августа — начало нашей радости. Во время вечерни вручили нам подлинное письмо от коронных послов, в котором они обещают нам скорое освобождение, а именно 8-го октября решили всех нас плененных (по ихнему задержанцев) доставить на границу. Копия этого письма такова: «Сообщаем вам, милостивые господа и братья, что после долгих переговоров наших с думными боярами решили наконец заключить мир между Королем Польским, Милостивым Государем нашим, и Государем Московским на 4 года без одного месяца. При заключении этого мира одно из важнейших условий, — чтобы вас всех, людей е. в. Короля, находящихся в плену, выпустили и не позднее 8-го октября доставили на границу родной земли. Тех, которые были привезены сюда в Москву, Великий Государь уже отпускает сейчас с нами к е. в. Королю, Государю нашему. Вас обещали снарядить в путь не мешкая. Нам показалось необходимым сообщить вам об этом, чтоб вы, зная о своем скором освобождении, не печалились более. Бог свидетель, как мы хлопотали о возвращении вам и иным награбленных вещей; этим мы еще

задержали дело. Но и со стороны Московского государства перечисляли нам большие убытки, причиненные нашим народом Великому Государю. После долгих споров решили, что это дело надо отложить до особой комиссии с обеих сторон; для нас важнее сохранить вашу жизнь и свободу, нежели имущество, добиться же и того и другого вместе было невозможно. Приветствуем вас со слугами нашими, моля при этом Господа Бога, чтобы Он дозволил нам встретить вас на родной земле здоровыми. Москва 1-го августа 1608 г.»

9-го нашу радость и ликование Господь Бог омрачил печалью и скорбью: умер Валерий Обельницкий, повар пана воеводы, человек весьма честный, добродетельный и бескорыстный. Упокой, Господи, душу его! Его похоронили на том же самом холме, что и первого. За его гробом разрешили идти только 20-ти человекам.

13-го мы имели известие, что пан воевода совсем выехал из Москвы. Двумя днями ранее будто бы видели его в Ярославле, из чего мы поняли, что их послали на воров.

17-го были вести, но невероятные: будто пана воеводу с царицей схватили в Орехове; это нас встревожило вследствие возможности дальнейшего задержания. Иные же, именно сами приставы, обещали, что мы выедем через 10 дней. Были и другие слухи и тревожные для нас вести. По своему неверию мы считали наше освобождение и отъезд великим Божиим чудом.

20-го обещали, что мы уедем после воскресенья, — Бог знает, которое уж это воскресенье по счету. Холода нас мучат. Первый большой мороз 10-го августа. Конец месяца прошел для нас весьма печально, особенно когда стало усиливаться сомнение насчет нашего отъезда. Слухи о нем прекратились; но зато участились вести о затруднениях и о стычках.

28-го весть о большой битве, на которую будто бы выезжал сам царь Шуйский; но проиграв ее, вернулся с большим уроном. Затем разослали письма, которые сегодня принесли сюда в Вологду: в них под страхом жестокой смерти всем боярам приказывалось не мешкая ехать на войну. Они скрывались от этого воззвания по деревням и городам. Тогда вышло распоряжение, что если какой мещанин дерзнет не только укрывать, но даже принимать для ночевки в дом боярина, то его казнят, а имущество отберут на имя царя. Все эти слухи сильно

тревожили нас, и надежда на отъезд в назначенное время ослабела.

Сентябрь.

1-го прислали из Москвы гонца с приказом, чтобы нам приготовить повозки ввиду скорого отъезда. Теперь уже мы ликовали, надеясь что, по милости Божией, приближается конец нашей неволи.

17-го наша надежда на отъезд ослабела, так как распространился слух, что пан воевода вместе со всеми находится в Великом Новгороде под сильной стражей, а под Москвой собралось вооруженное войско.

9-го. Только сегодня получили ответ на свою просьбу к царю, чтобы он позволил нам взять из Ярославля или, по крайней мере, велел везти в путь останки покойного отца Венедикта Ансерина. Прислано распоряжение, чтобы мы выслали двоих, которые привезли бы их сюда. Это известие скорее опечалило нас, нежели обрадовало, ибо до 8-го октября — срок, назначенный в письме от послов, когда мы должны были быть согласно обещанию на границе — оставалось всего 4 недели. Дорога же в Ярославль — туда и обратно — потребует по крайней мере 10 дней времени. Мы опасались, чтобы тут опять не наткнуться на какие-нибудь хитрые уловки, но, доверив все это дело Господу Богу, выбрали из своей среды 2 товарищей, которых и отправили за этими останками, усыпляя себя еще какой-то надеждой.

12-го они выехали за останками. Им дали на пропитание в течение 8 дней, считая по 3 гроша в день.

14-го мы были обрадованы известием, что из Москвы гонят для нас 230 лошадей, т. е. тех лошадей, которых у нас отняли во время погрома в Москве и в Ярославле.

15-го привезли сюда два экипажа Стадницких. После этого мы уже надеялись на возможность скорого отъезда, особенно, когда стали утверждать, что, несомненно, послали и за теми, что находились в Бело-Озере и в других крепостях. Собрав их в Вологде, нас всех вместе отправят за границу.

19-го к нам приехали приставы и объявили: «Государь отпускает вас в вашу землю. Жалованья вам на 130 человек воеводских дает 200 рублей, которые ваши старшие пусть по усмотрению раздадут по 15 рублей на человека. Таких лиц было 6. Те лошади, которые были взяты в Ярославле и не подошли, будут вам возвращены».

Мы весьма были рады этому известию; и радовались всем сердцем не столько деньгам, сколько приближавшейся свободе. Дай Бог счастье до конца! Нам обещали, что мы уедем через неделю.

21-го вручили деньги и 20 слишком лошадей, от которых остались только кожа да кости. Остальных же лошадей, среди которых много было наших, погнали к нашим братьям на Бело-Озеро. В тот же день привезли из Ярославля тело отца Венедикта. Оттуда нам дали знать, что Димитрий стоит под Москвой всего на расстоянии 10 верст и, соблюдая мир, живет в одном дворе, который тут для него построили. Всякого, кто только выйдет из столицы, бьют; сам же он не подает повода к ссоре, ожидая, чтобы всех нас вывели отсюда. Конец этого месяца прошел в ожидании желанного спасения, которое приближалось вместе с днем нашего отъезда, последний же откладывался до того времени, когда двинутся в путь наши из Бело-Озера; но и в это время бывали разные противоречивые слухи, — впрочем недостойные внимания, — что отсрочен день, в который нас должны были доставить на границу. А 8-е октября приближалось.

Октябрь.

1-го пришла весть из Бело-Озера, что находившиеся там наши братья уже отправлены на судах в путь. И нас обещали также свезти и велели приготовляться к отъезду.

2-го раздавали нам подводы, каждому согласно его нуждам. Невозможно описать радость, наполнявшую наши сердца. Можно догадываться, какую радость чувствует пленник, которого из темницы, где он долго томился, выводят на солнечный свет, даровав ему свободу.

3-го счастливый день в нашей жизни. Выезд из города; через реку Вологду построен живой мост, т. е. безо всяких столбов. На этой реке ходят большие судна, хорошей и прочной работы, под кровельками. Ночлег неподалеку от города в селе, называемом Спасова Родина (Прилуки). Там довольно богатый Спасов монастырь, где живет до 100 чернецов и находятся мощи двух чудотворцев: Димитрия и Угличского князя Иоанна⁶. Они лежат в одном склепе в покрытых гробах; перед ними постоянно горит лампада.

4-го мы ночевали в селе Кубинском, 20 верст от Вологды. От этого села начинается озеро длиною в 12 миль и шириною 2 $\frac{1}{2}$

польских мили. При проезде мимо него, на одном острове виден красивый каменный монастырь, куда был сослан пан Кардовский, слуга пана Бучиньского. Там же в одной земляной тюрьме в жестокой опале сидел воевода, тот самый, что прежде был в Туле, которая уже поддалась Шуйскому.

5-го ночлег в Велижце, верст 40, вдоль того же озера.

6-го ночлег в селе под Николиным монастырем, верст 20. Миновали монастырь Корытов⁷ с его обширными полями, многочисленными чернецами и богатством. В это время царь Шуйский порядочно уже обобрал его. Говорили, что во всей Московской земле таких богатых только 4. Мы полюбопытствовали осмотреть его древности, и человек 20 из нас туда пустили. Нам открыли образа и церковь, а чернецы, желая гостеприимно встретить нас, угощали квасом и медом. Миновав этот монастырь, мы ночевали в деревне Извозе над рекой, называемой Шексной, в 20 верстах от Бело-Озера.

8-го прислали нам из этого монастыря пожалование, т. е. хлеба, рыбы и квасу. Головы послали было боярского сына в Бело-Озеро, чтобы скорее присылали судна, но их не прислали, да и посланного к тому же хотели утопить. Тогда им пришлось выслать более важного сотника с несколькими десятками стрельцов, приказав им привезти судна, на которых бы нас можно было везти водой.

9-го. Тем временем нам велели повозки и коляски свозить на судно, которое стояло на берегу этой реки. К вечеру вернулся гонец, которого послали из Вологды в Москву; с приездом его возникли различные слухи о могуществе неприятеля.

10-го мы все еще тоскливо сидели на берегу реки, ожидая суден.

11-го сотник привез три судна, взятые силою.

12-го сев на судна, мы крикнули имя «Иисус». Ночью проплыли верст 5 через опасные пороги, миновав Язов, где на этой реке строят убежища для осетров. Говорят, что осетров лучше, чем в Шексне, нет нигде, потому что в Бело-Озеро впадают 25 рек, а вытекает только эта одна. Мы проплыли 25 верст. Встретились нам две реки, вытекающие из озер, Словенка и Сехма.

14-го миновали один патриарший пруд, из которого приставы вынули живого лосося и подарили знатым лицам. Мы отплыли 2 верст. Встретилась нам еще река Ковша.

15-го одно из суден село на камне, однако Господь Бог сохранил нас от беды. Проехав реку Углю, мы проплыли 28 верст.

16-го, миновав два Яза, мы проехали 40 верст. Миновали реку Ягорку. От этого места считают всего 12 миль до Вологды. Мы не понимали, почему нас возили кругом, разве только для того, чтобы показать, как велика земля, и подвергнуть опасностям, ибо в 20 милях от этого места будто бы находились воры.

17-го приехали на реку Суда, равную Шексне, только с другой водой; сливаются они под селом Луковцом. Мы проплыли 20 верст до села Лубца, где причалили к берегу. Умерла пани Дорота Горская, осиротив своего супруга, пана Адама Горского, и двоих детей, сына и дочь, родившихся здесь в плену. Великая и неутешная скорбь

Марина Мнишек

овладела всеми нами после кончины этой праведной, почти святой, женщины.

18-го в Любче мы вышли на берег, не только со скорбью, но и с тревогой, когда нам сказали, что тех, которых везли перед нами, задержали в Тихвине. Тут мы застали и гонца, которому было приказано задержать нас. Не успели мы расположиться, как приставы объявили нам о необходимости тут остановиться, потому что Скопин-Шуйский и Новгородский воевода писали об опасности везти нас теперь, так как шведов идет этой стороной на помощь Государю с войском в несколько десятков тысяч. Вначале мы предположили иную причину этого; и, не понимая, в чем дело, ответили им, что немецкое войско, вероятно, невелико и несчастна та страна, которую спасают немцы. Различные слухи ходили об этом. Но что бы то ни было, для нас это было весьма грустно: ибо нас привезли в голодное место, а города поблизости не было. Нам оставалось только одно — ждать, пока Господь сжалится над нами.

19-го приставы отправили гонца на паре лошадей в Москву за указом, обещая, что он вернется не позже, как через 10 дней, а пока обещали позаботиться о пище.

21-го прибыл гонец из села Белого объявить этой волости, чтобы крестьяне готовились к постройке острога возле города Ярославля, куда ждут неприятеля. Нами овладевала тревога, так как в этом месте была оспа, умерло много детей и в скором времени ожидали моровой язвы. В Любче мы находились от 22-го до 29-го. Настал день, когда нам обещали возвращение гонца, но его до сих пор не было. Это для нас было весьма неприятно. Говорили, что он, вероятно, попал в руки врагов или же вернулся домой. С другой стороны, нас ободряли надеждой, что мы скоро будем в Москве. Многих эти слухи обрадовали, особенно когда приставы стали явно заискивать у нас, добиваясь нашей дружбы. Они даже тайно говорили об этом с другими.

31-го под Луховцом провезли человек 40 стрельцов. Говорили, что это беглые из Твери, которые взяты на имя Димитрия; иные же говорили, что они от наших, которых задержали в Тихвине.

Ноябрь.

1-го стрельцы восстали против приставов и заставляли их везти нас дальше, заявляя, что они на нашей стороне: «Мы отдадим вам

связанными начальников и поведем вас к границе». Мы с этим пошли к своим начальникам, напоминая им об их обязательствах. Они сильно встревожились, увидя настойчивость и уверенность стрельцов, и обещали, если через три дня не вернется гонец, свезти подводы и поехать согласно нашему желанию. Но берегитесь, говорили они, чтобы вам в пути не было хуже, потому что без указа вам не станут выдавать пищу. Мы ушли. А они interim in secretis⁸ под присягой открыли некоторым из наших свое намерение, моля уже теперь нас о помиловании.

К ним дошла весть, что Ярославль взят на имя царя Дмитрия. «Если это так (мы посылаем узнать), то мы отвезем вас прямо к ним, а вы постоите за нас и окажите нам милость в свое время». Мы опасались измены; когда же они на другой и на третий день под великими клятвами твердили одно и то же, мы отчасти поверили.

3-го отправили за известиями одного гонца к Ярославлю, а другого в Устюжну, — узнать, что с нашими, которых отправили вперед. В это же время человек 20 из наших решили, собравшись тайно, бежать к полкам.

5-го. Гонец, посланный в Москву к Шуйскому, вернулся только сегодня, но с радостным для нас указом. Он привез также письмо к нашим приставам от ярославцев под титулом царя Дмитрия Ивановича и пана Павла Сапеги, в то время Ярославского губернатора. В нем предписывалось вывезти нас из этого голодного поселения дальше к Устюжне, на расстоянии 18 миль, и выдавать нам пищу по желанию. Как только это письмо было прочитано, в городе вспыхнуло сильное волнение. Пристава, бросив все в своих квартирах, едва спасли свою жизнь, бежав к нам. Наши выскочили из своих домов с оружием наголо. Стрельцы онемели от страха и неожиданности, не зная, в чем дело, то же и чернь. Когда же тревога усилилась, во избежание худшего, мы послали за сотником и пятидесятником. Когда они пришли, мы рассказали им, в чем дело. Выслушав нас, они пошли к стрельцам, которые, узнав обо всем, тотчас же с радостью, но вместе с тем и со страхом, пришли к нам, моля о помиловании и обещая завтра принести присягу царю. Они успокоили нас насчет своей преданности и верности. И так Всемогущий Господь Бог не желал уже дольше задерживать свое правосудие и подчинил нашей

власти врагов наших, которые попирали нашу жизнь и жаждали выпить нашу кровь. Но мы не желали мстить, забыли обиды и не подняли на них своих рук, напротив даже обещали защитить их. Сами враги наши удивлялись нашему вниманию и состраданию, благодаря которым не было никакого повода к кровопролитию и чьей-либо обиде. Успокоив это волнение, мы задумали уехать уже не в Устюжну, а в Ярославль, оттуда же — в царские полки. Судя по словам посланного, Москва еще не сдалась; но царь Димитрий и воевода находятся под столицей. О Шуйских же он сказал, что двое из них отравились, а третий еще жив. Получив эти известия, мы отправили к царю с несколькими товарищами пана Казановского, через которого мы просили, чтоб он объявил нам свою милость и допустил нас в свои полки служить ему и нашим вельможам. Пан Казановский немедленно выехал с этим поручением; а мы тем временем поспешно готовились в путь вслед за ним, дав знать о такой радости и тем, что ехали перед нами и за нами.

Стрельцы не хотели присягать ни царю, ни нам, но когда увидели, что мы против этого, то на все охотно согласились. Они пошли в церковь, целовали крест на имя царя и клялись ему в верности. В тот же вечер пришла весть, что 150 стрельцов идут отбивать Вологду. Этот слух нас не тревожил, тем более, что их было так мало, а наши стрельцы обещали стоять за нас и мы за них. Но желая убедиться в правдивости слуха, мы задумали послать шпиона.

7-го мы переправляли повозки через реку Шексну к Ярославлю. 8-го вернулся гонец из Устюжны. Он рассказал, что застал там 200 бояр, которые приносили присягу в подданстве царю Димитрию. Когда же он показал им письмо, написанное нашими приставами от имени Шуйского, они так разгневались, что хотели утопить его в реке. О наших, которые ехали в Новгород перед нами, он сказал, что их, вероятно, захватили.

9-го, приведя к присяге царю здешний посад, мы благополучно вместе со всеми переправились и предприняли дальнейший путь. Перед вечером мы приехали на ночлег в село Ильинское, на расстоянии 5 верст.

10-го ночлег в селе Войлине, верст 20, а другой — в селе Щетинском. Тут опять присяга.

12-го ночлег в Адриановой пустыни, верст 40; отсюда мы ехали через пустыри и чащи.

13-го мы остановились в селе Белом. Здесь в большом изобилии была приготовлена для нас всякая пища, но мы не брали ее, потому что нам давали на пропитание деньги.

14-го ночлег в деревнях Михаила Скопина-Шуйского. Его наследственные деревни и поместья занимают большую площадь очень плодородной земли; верст 25.

15-го, переправившись под Романовым через реку Волгу, мы ночевали на той стороне в слободе, верст 20. Город Романов и деревянная крепость расположены над самой Волгой на большом протяжении.

16-го. Здесь мещане жаловали нас яствами и питьем.

17-го мы все ехали верхом на ночлег, приходившийся в Моржонтской слободе над Волгой; верст 20.

18-го ночлег в Ярославле; верст 10. Из страха нам тут не очень доверяли и не особенно были рады таким гостям, как мы. Тут мы застали слугу пана воеводы, которого царь нарочно отправил, чтобы он, застав нас где бы то ни было, привел в лагерь. Он велел ему всех слуг одеть в платье из самого лучшего сукна, какое найдется в Ярославле, а челяди купить тулупы и сапоги. Этот человек дал нам самые точные сведения о происходившем и под Москвой. Он сообщил, что пан воевода с дочерью взят в полки царя. Но здесь об этом не рассказывается, ибо в надлежащих местах существуют достоверные дневники, написанные повременно. Нам советовали торопиться с отъездом, чего мы и сами желали. Как только мы слезли с коней, здешний воевода, князь Федор Петрович Барятинский, пришел приветствовать нас. Он взял с собой человек 15 из нас на пир, который был в московском вкусе и отличался обилием блюд. Первое блюдо было холодное, после него водка; второе блюдо — жаркое, третье — вареные яства на железных сковородах, потом пирожное с луком без соли. Смешно было глядеть, когда сам князь ел без тарелки и клал кости на скатерть. Перед нами все же поставили несколько цинковых тарелок, очень грязных, и дали несколько деревянных ложек. Мы застали здесь 100 человек солдат, оставленных для защиты города. На другой день великий польский пан Сапега, стоявший лагерем под Троицким

монастырем, уехал, а с ним и 4 товарища, посланные от войска для ревизии казны на жалованье солдатам во вновь завоеванных крепостях. Всего пути от Любчи в Ярославль 180 верст, а миль 36.

19-го там же ночлег, на котором мы требовали сукна, тулупов и улучшения пищи.

20-го там же. Мы не взяли сукна, потому что оно было плохое и в небольшом количестве; купцы, опасаясь разгрома, развезли его по разным местам.

21-го мы выехали из Ярославля одни; стрельцы же, бывшие при нас, боясь осады, бежали.

22-го ночлег в Ростове, 60 верст. Пять недель тому назад этот город был взят татарами и запорожскими казаками, которых было 600 человек, да москвичей с ними около 200. В Ростове же вооруженных людей — бояр и черни насчитывалось 2000 человек. Вместе с теми, которые утонули, погибло 1000 человек. Взяв монастырь, татары захватили живыми митрополита и воеводу, поубивали там же в церкви попов и чернь, взяли в плен много женщин, разграбили церковную сокровищницу, золото, серебро, жемчуг и иные драгоценности. Между прочим, был там один предмет, отлитый из чистого золота, называемый ракой чудотворца, весивший семь с половиной пудов. Они взяли также серебряный гроб и все золотые и серебряные украшения, бывшие на иконах. Вообще они получили здесь богатую добычу, исключив из нее то, что погорело в лавках во время пожара.

23-го ночлег в Кулакове, верст 40.

24-го ночлег в Переяславле, верст 20. Здесь мы соединились с нашими братьями, т. е. с солдатами и придворными старосты Саноцкого и князя Вишневецкого; до этого они были в Острове, а потом в Галиче, где получили известие, заставшее нас в Любче.

25-го. Взяв у москвичей лучших бахматов⁹ и прикрепив к шестам знамена, мы в количестве 200 человек шли так до самой Троицы. Ночлег в Александровой слободе.

26-го, дав знать о себе пану Сапеге, гетману над теми, что стояли под св. Троицей, мы шли к лагерю; на расстоянии полумили от него нас приветствовал сам гетман; очень многие выезжали нам навстречу. Невозможно передать, как мы радовались и ликовали. По приходе в лагерь, они распределили нас между собой и приютили у себя, предоставив все удобства.

27-го москвичи по обыкновению сделали бесчестную вылазку; они, уже наметив на площади цель, подпустили к стенам наших воинов на расстоянии выстрела. Мы охотно выезжали на стычки, но они были бесполезны: москвичи тотчас же изменнически скрывались в окопах, откуда часто вредили нашим, стреляя из мушкетов. И в этот день они двоих подстрелили, а одного схватили, когда он подступал к самой стене. С их же стороны осталось на поле 20 человек убитыми.

28-го во время стычки легко ранен товарищ со слугой и убито 8 москвичей.

29-го посылали с переговорами, но напрасно.

30-го мы выехали из этого лагеря в более обширный под Москвой; ехали с предосторожностями, боясь преследований из одного монастыря, мимо которого лежал наш путь; пугали нас также татарами. Но, по милости Божией, в этот день с нами не случилось ничего дурного, и мы благополучно пришли на ночлег в Дмитров, верст 20. Этот город прежде был большим поселением, о чем свидетельствуют до сих пор сохранившиеся большие застроенные площади; но теперь все было сожжено и сильно опустошено.

Декабрь.

1-го нас пугали войском. Ночлег пришелся в лагере под пустой деревней, версты 4.

2-го перед вечером, когда солнце собиралось садиться, мы все под одним знаменем поехали в лагерь. Только мы соскочили с коней, как сам царь вместе с нашими вельможами сделал нам смотр. Потом товарищество, братья наши, распределили нас между собой, выражая нам большую благодарность, а также радость по случаю нашего прибытия, ибо они считали нас уже погибшими. Но мы попали в очень голодный лагерь; солдаты и челядь были в сильной нужде, потому что челядь в разное время что разгромила, что пожгла, другие же, которых послали доставать пищевые продукты, сговорившись между собой, собрались шайками и грабили соседние села и деревни, притворяясь врагами и называя себя татарами. Здесь не хватило бы места, если б вздумалось описывать те порядки, которые мы тут застали.

4-го в лагере под столицей москвичи вызвали на переговоры, но вместо переговоров происходили кровавые стычки. Москвичей выехало всего несколько десятков конных. Увидя это, мы вернулись

в лагерь. Один москвич, продав себя от нас на их сторону, сообщил им подробные сведения; тогда и сами, увидев, как мало осталось сражающихся, сделали к вечеру вылазку; на полпути к лагерю им вышли на помощь свежие роты. Увидя их, москвичи повернули назад и отправили снова воинов; войско и засады были наготове. Но москвичи, хорошо осведомленные, ушли за стены, не желая больше сражаться. Нам пришлось вернуться в лагерь уже совсем впотьмах.

6-го отправили роту к Корсаковскому за теми слугами, которые, будучи посланы за пищевыми продуктами, собирались шайками, сильно грабили и убивали за Волгой и совершенно уже не возвращались к своим господам. Они с каждым днем становились все многочисленнее; особенно их поддерживали разбойники, которые, облюбовав свободу, бежали к ним из лагеря. К ним присоединялось много и москвичей, которые были их предводителями. Эти бездельники, именовавшие себя татарами Шуйского, сильно разбойничали по дорогам.

7-го, 8-го и 9-го соблюдали мир с обеих сторон. За это время многие москвичи продали себя на нашу сторону, обещая нам близкую сдачу Москвы.

11-го было уже за полночь, когда из лагеря вышел на засаду полк пана Зборовского; другие же полки с рассветом вышли в поле; всадники — под стены, желая выманить на стычки. Но из москвичей вышло всего лишь несколько сот наездников, которые только подводили наших к стенам на расстояние выстрела. Эти обоюдные стычки все же длились несколько часов; после чего войско, никого не дождавись, должно было уйти.

12-го Нагой, Воротынский и иные бояре и воеводы, стерегущие Москву, бежав, продали себя нам. Они советовали поскорее занять коломенский путь, после чего Москва по их расчету должна будет скоро сдаться. В тот же день пан воевода отправил в Польшу часть своих слуг, челяди и экипажей. Войско противилось его отъезду, но воевода все же собирался в путь, желая присутствовать по крайней мере при заключении сейма, который скоро должен был окончиться.

13-го перед рассветом пришли к царю два стрельца из Москвы, продав себя. Они советовали царю написать миру, обещая отнести это письмо и всенародно отдать его. Они обещали, что после письма москвичи сдадутся. О Шуйском же говорили, что он взял оружие со

стен в крепость, намереваясь запереться там со своими друзьями и с друзьями своей жены.

15-го приехали послы от запорожских казаков с письмами к царю и к пану воеводе, которым они доносили, что взяли на имя царя несколько турецких крепостей.

16-го украинских и других казаков пришло в лагерь 400. Они добровольно предложили служить царю. Из москвичей тоже почти каждый день несколько человек продавали себя царю.

18-го дали знать о великом кровопролитии и о многочисленных человеческих жертвах, лежавших по дорогам. Все это было делом тех своевольных слуг, которые нападали на бояр, на попов и на целые деревни, производя великие разбои и грабежи.

19-го были удачные стычки: убито несколько десятков москвичей, остальных же воины вогнали в самый город; однако Суспольский, храбрый муж, был подстрелен и на третий день умер.

20-го из Польши пришли известия о татарах. Послали вооруженных людей с Корницким на коломенскую дорогу. Дали знать, что Кострома, Галич и Вологда снова отпали к Шуйскому.

22-го выезжали на стычки, но москвичи не выехали.

23-го пан Ланцкороньский со своей ротой и с добровольцами пошел под те крепости, которые отпали.

24-го приезжали из лагеря пана Сапеги солдаты за деньгами. На этих днях очень много знатных бояр из столицы продали себя на нашу сторону.

Монета королевича Владислава

25-го дали знать, что наши под Костромой перебили несколько тысяч москвичей и что те крепости будто бы каются в своей измене. Под Коломной также произошла жесткая схватка.

26-го между прочими продал себя один москвич, который сообщил, что Шуйский, узнав об отъезде пана воеводы, намеревается схватить его, для чего высылает за ним сильный отряд, в который назначен и он.

Наши выезжали в этот день, но москвичи не хотели попытать счастье. В тот же день поздним вечером прискакал из Смоленска гонец, донося, что этот город хочет принести повинную. Получив такое радостное известие, долго стреляли из орудий.

28-го Царь вместе с царицей ездили на молебен в церковь. До полудня еще несколько десятков бояр продали себя на нашу сторону. Приехали в лагерь 150 настоящих украинских казаков, чтобы служить на войне царю и полякам. А под вечер пришла весть из Польши, что пан Стадницкий поймал пана старосту Лежаньского с женой и детьми.

29-го приехал Касимовский царь принять подданство царя и предложить себя на военную службу, желая мужественно защищать его имя. Когда он подъезжал к лагерю, ему навстречу выехал гетман с войнами. После приветствия они с почестями ввели его в донской лагерь.

31-го Касимовскому царю дана была аудиенция, и он был допущен к царской руке вместе со своим маленьким сыном. Потом царь Димитрий даровал ему и его сыну свою милость. Он униженно благодарил царя и сейчас же вручил подарки: саблю, оправленную золотом и усыпанную бирюзой, и золотую петлю, украшенную драгоценными камнями. Царь, приняв с благодарностью, взаимно подарил ему нож из чистого золота.

Январь 1609 г.

1-го вести, что Скопин-Шуйский идет от Новгорода к Москве с 12 000 войском.

2-го снова весть, что его наголову разбил Керназицкий, который стоит под Новгородом.

3-го были слухи, что покорили Кострому.

4-го говорили, что некоторые отряды, собравшись вместе, бьют и жгут. Вообще везде *miserabilis statum*¹⁰ был в этой земле и очевидная кара небесная над ней: повсеместно великое кровопролитие, жестокие и неслыханные убийства.

5-го дали знать, что под Осиповым и под Коломной после обоюдной кровавой битвы наши перебили немало москвичей.

6-го, когда пан воевода собирался ехать в Варшаву, солдаты прислали ему сказать, чтобы он не уезжал, пока не получит 50 000 рублей (они были возвращены), которые пан Побединский, как говорили, должен был взять во Пскове; поэтому он должен был обождать.

7-го пришла весть, что челядь пана воеводы, отправленная вперед, подверглась нападению в Стародубе.

8-го выезжали под Москву; царь Касимовский выезжал со своими татарами, двое из которых убиты во время стычки. На стычку выехало было несколько сот москвичей, но, увидя знамя, все скрылись за стенами, а стрельцы отстреливались из рвов. Наши, видя, что не с кем сражаться, вернулись, не желая бесполезно подвергаться опасности. Касимовский царь внимательно присматривался к нашему войску, которое было порядочно вооружено и состояло из достаточного количества настоящих и храбрых воинов, несравненно более отважных, чем его татары. Он глядел на них с большой завистью.

9-го дали знать, что из Москвы, вероятно, для защиты св. Троицы вышел небольшой отряд, вслед за которым должно было выйти сильное подкрепление. Но потом сказали, что они вернулись назад, а те сбились с пути. На этой неделе не было ни одной схватки.

10-го привезли из Пскова деньги, причем пан воевода заявил, что из них для его нужд взято не более 2000 рублей. Достали также царские письма, которые он тайно послал было к своим москвичам, чтобы они утопили в реке товарищество, высланное войском за этими деньгами. Воины, видя презрительное отношение пана воеводы к себе, проливавшему за него кровь, восстали против него и перестали любить за явную неблагодарность.

11-го москвичи напали врасплох на несколько сотен наших сторожевых донских казаков, настоящих воинов, и окружили их. Донцы, видя свое безвыходное положение, тотчас же послали в лагерь за подкреплением. Им послали несколько сот казаков; но вождь, который должен был привести их туда, предательски повел их на московскую стражу. Но измена не удалась: непредупрежденная об этом стража бежала. Между тем казаки, схватив его, привели в лагерь. В половине двенадцатого часа дня прискакал гонец от пана Сапеги с донесением, что перебито 200 москвичей, захваченных под

св. Троицей. Он сообщил также, что Вологда и Галич сдались, а в Костроме всех перебили.

12-го несколько рот выходило под Москву на стычки, которые были весьма удачны.

13-го прискакал с письмами слуга от пани воеводины, который сообщил о сейме и об иных коронных делах. Отъезд пана воеводы опять отложен до следующего дня.

16-го пришел пан Шуйский с тремя ротами гусар, 150 человек, и таким же числом казаков. Царь, выйдя из церкви, приветствовал его.

17-го мы выехали с паном воеводой из лагеря часа за два до наступления вечера. Нас провожал сам царь с воинством. С нами послали в путь 150 человек донцов. Мы благополучно ехали всю ночь, только немного покормив лошадей в Осьмиграде; молили Бога, чтобы Он дозволил нам благополучно и как можно скорее добраться до своей родины.

18-го к полудню мы приехали в Можайск. Этот город находится на расстоянии 90 верст, или наших 18 миль, от лагеря, из которого мы выехали. Здесь нас встревожили ложной вестью, что Шуйский отправил 2000 человек подстергать нас.

19-го в большой тревоге мы выехали из Можайска; но несмотря на это, мы поспешно ехали всю ночь и прибыли в Медынь, верст 45, миль 9, и там оставались до утра.

20-го мы остановились в Калуге, верст 45, миль 9, от Медыни; под Калугой протекает река, называемая Окой.

21-го, дав здесь отдых лошадям, мы и сами отдохнули, осматривая крепость, которую Шуйский осаждал 1 1/2 года. Однако осажденные защищались очень храбро и не сдались ему, хотя с голода пришлось питаться лошадиным мясом. Наконец войско Шуйского, израсходовав на калужан все снаряды, должно было позорно отступить.

22-го ночлег в селе Разбойниках, на расстоянии 40 верст, т. е. 8 миль, от последней стоянки.

23-го мы остановились в слободе, называемой Брынь, тоже в 40 верстах.

24-го, сделав для себя и для коней запас пищи, мы направились дальше через Брынский лес, протяжение которого считают 120 верст, 24 наших миль. На полпути в этой пуще нам пришлось ночевать в одном монастыре, единственном там каменном здании.

25-го мы отправились в город и крепость Брянск, который расположен на высоком берегу реки Десны. Из Брянска пан воевода направился в Стародуб по рославльскому пути из-за очень узких дорог и опасности, грозившей из Смоленска.

Я же в компании сам-двенадцатый направился к Рославлю.

26-го ночлег в Хороброве, верст 30.

27-го схватка с крестьянами в Берестке, ночлег же в Рукавицах, 40 верст.

28-го опять схватка с крестьянами; ночлег в Субисткове, верст 45.

29-го дали отдых коням в Рославле, уже последней крепости Московского государства, верст 15; здесь произошла ссора с одним попом из-за квартиры. В тот же день вечером мы переехали через границу, до которой от Рославля 30 верст. На этой остановке мы почувствовали, как будто вновь родились и приобрели свободу, за что да будет вечная слава Господу Богу Всемогущему в Троице Единому, Богородице Пресвятой и сонмам небесным. Аминь.

Всего из лагеря до границы по этому пути 540 верст, т. е. 108 миль. В этот день ночевали в Заселе, в двух милях от границы.

30-го ночлег в Радыне, миль 8. Sit nomen Domini Benedictum¹¹.

Примечания

¹ Печатается по: Дневник Марины Мнишек (1607–1609 гг.) М., 1908.

² Выбирает лучшего (лат.)

³ В. Шуйский не отсылал жену в монастырь; вместе с царем Василием она была пострижена насильственно.

⁴ Сын Ю. Мнишека.

⁵ Племянник Ю. Мнишека.

⁶ О Спасо-Прилуцком м-ре (мощи Димитрия и Угличского князя Иоанна).

⁷ Корытов — Кириллов?

⁸ Между тем тайно (лат.)

⁹ Бахмат (стар. тат.) — малорослая крепкая лошадь.

¹⁰ Плачевное положение (лат.)

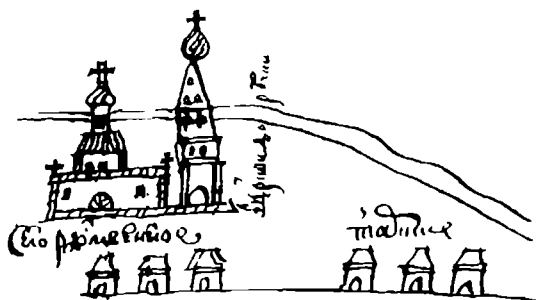
¹¹ Да будет благословенно имя Господне (лат.)

ДНЕВНИК ЯНА ВЕЛЕВИЦКОГО¹

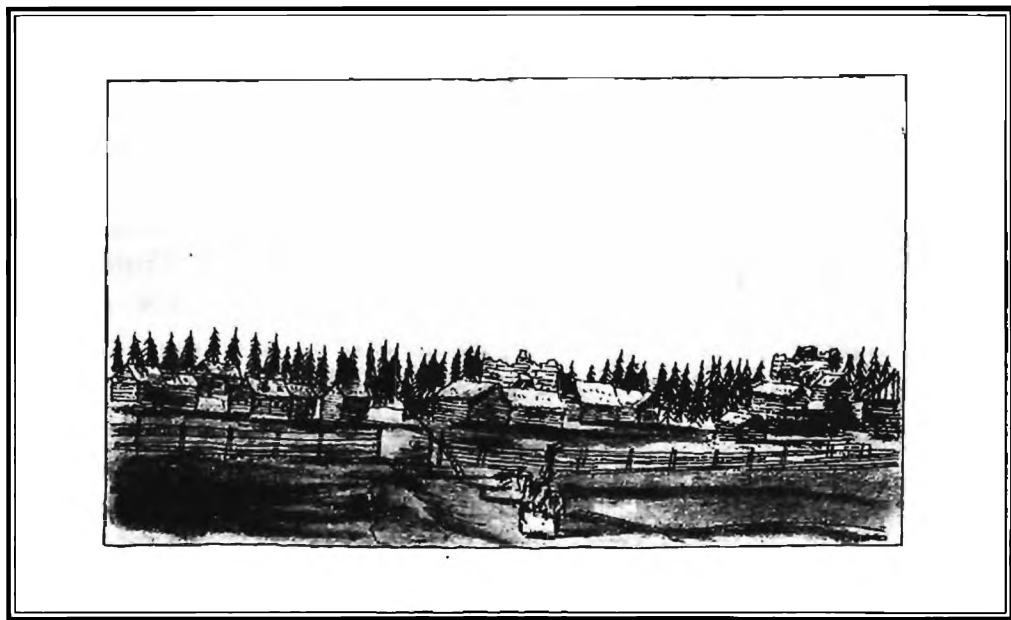

§ 11. ...Чтобы лучше уразуметь происхождение и жизнь этого человека, мы необходимо должны сказать следующее. Дмитрий имел при себе одного крещеного жида, по имени Богданка, которого он употреблял для сочинения писем на русском языке. По смерти Дмитрия этот человек, боясь русских, которые преследовали всех приверженцев Дмитриевых, уехал в Литву, где скитался несколько месяцев, а потом явился в Могилев. Город этот, лежащий недалеко от границ Московского государства, довольно богат и славится торговлею. В Могилеве один протопоп (так русские называют своих протопресвитеров) принял его в дом свой, поручил ему в заведование находящуюся при его церкви русскую школу, и обращался с ним как с другом и приятелем. Но Богданка отплатил неблагодарностью за гостеприимство протопопа и домогался преступной связи с его женою, потому протопоп приказал высечь его и выгнал его из своего дома, как он того заслуживал. Не смея больше показываться на Литве, Богданка решился возвратиться в Москву. Он был человек хитрый и изобретательный, знал многие секреты Дмитриевы, видел, что распространилась весть о мнимом его спасении, и что земля Северская находится в волнении, потому он решился воспользоваться всеми обстоятельствами, и выдать себя за Дмитрия. Обдумывая средства к исполнению своего намерения и находясь на пути в Москву, недалеко от границ русских, он достается в плен; его считают за лазутчика и сажают под стражу сначала в Велиж, а потом в одной другой крепости, соседней с Россией. Но когда ничего в нем не могли открыть касательно измены, его отпустили на волю, в сопровождении однако двух людей, которые, для большей безопасности, должны были следовать с ним до известного места. Сблизившись с ними в дороге, Богданка начал уговаривать их, чтобы они сопровождали его в Москву; он

говорил, что ежели они это сделают, они не будут раскаиваться в своем поступке. Один из проводников Богданки не согласился на его предложения и, доехав до границ русских, тотчас возвратился домой; другой же, в надежде барыша, согласился и отправился с Богданкою. Тогда тот открылся ему; он говорил, что он истинный Дмитрий, избегнувший смерти, что он убежал на Литву, и там некоторое время скрывался, но что теперь, когда земля Северская подняла за него оружие, он не может и не должен более отсутствовать, и что потому он спешит, чтобы явиться к верным своим подданным. В подтверждение истинности своих слов он привел какие-то доказательства, не знаю именно какие, но как бы то ни было, он без труда убедил легковверного своего товарища, который прежде не знал его. Итак, они прямо отправились в Стародуб (Стародуб есть крепость и город государства Московского, повинуется царю Русскому, и причисляется к земле Северской) и там, сначала не открывая, кто они, поселяются между северянами, а потом секретно доверяют свою тайну некоторым людям. Сначала немногие только тихо шептали, а вскоре распространилась всеобщая молва, что Дмитрий чудесным образом спасся от смерти, и теперь находится в земле Северской. Тотчас сбегаются северяне, неприязненные Шуйскому, и поднимают оружие за Дмитрия. Тот имел некоторое сходство с первым Дмитрием, и знал некоторые секреты, бывшие для всех других тайной; на этом основании его признают за истинного и законного Дмитрия, возлагают на него царскую одежду, и оказывают почести, подобающие царю. Некоторые писатели полагают, что многие северяне с самого начала видели, что это ложный Дмитрий, но с другой стороны, видя всеобщее воодушевление народа, признавшего этого Дмитрия за истинного, и надеясь, что при его помощи они повредят Шуйскому, они не обнаруживали обмана, и также провозглашали этого самозванца за истинного Дмитрия. Итак, видя в этом человеке благоприятного вождя восстания своего против Шуйского, они начали собирать войско, не только между северянами, но также между казаками, и между теми польскими вельможами и литовцами, которые после поражения Рокошан² (происшедшего в июле месяце, как увидим в своем месте) блуждали, рассеявшись около границ России. Собрал войско в 10 000 человек, которое еще возрастало от постоянно из разных стран приходивших людей, привлекаемых молвою о воскресшем Дмитрие, заговорщики

без труда заняли целое княжество Северское, всегда благоприсягавшее Дмитрию. Потом они намеревались идти на саму Москву, чтобы, свергнув Шуйского с престола, посадить на оном Дмитрия. В это время явился к ним какой-то Петр, которого русские на языке своем называли Петрушка. Он говорил, что происходит из крови Великих Князей Московских (правда ли, или нет — это неизвестно), признал Дмитрия за своего родственника и объявил, что будет помогать ему против Шуйского, который хитростью овладел престолом, устранив Дмитрия. Ложный Дмитрий благосклонно принял Петрушку и оказывал ему всякого рода расположение, так как показание Петрушки касательно родства с Дмитрием служило к покрытию обмана и самозванства сего последнего. Итак, они начинают поход и ведут собранное ими войско во внутренние земли государства Московского, в непродолжительном времени овладевают многими крепостями, из коих некоторые поддались добровольно, а другие были взяты силою, разбивают войска Шуйского и, возгордившись счастливым успехом, наводят страх на русских и на царя Шуйского. Каким образом потом Шуйский со всеми силами Московского государства лично отправился против Дмитрия и каким образом он взял город Тулу, — об этом

Околица у деревни Опока

будет сказано под октябрем сего года³. Хотя все это, сказанное нами о Ажедмитрии, происходило в разных месяцах, но мы соединили все под одним месяцем, ибо вероятно, что в конце этого месяца Шуйский отправился против Петрушки и начал осаду Тулы, которую взял после шести месяцев. Каким оскорблениям и опасностям подвергались в Москве наши пленники, по причине этих успехов Ажедмитрия — об этом скажем под тем же октябрем месяцем.

§ 41. 1607 год. Между тем, Шуйский, Великий Князь Московский, во главе войска лично отправился против нового Дмитрия и его помощника Петрушки, но весь его успех ограничился тем, что он взял укрепленный и важный город Тулу после шестимесячной осады, и овладел там особою Петрушки около 24 ноября. Он и какой-то Болотников были привезены в Москву 30 октября, и вскоре потом Петрушка, вопреки данному ему обещанию, по приказанию Шуйского был повешен. Он был Дмитрием отправлен вперед с одним отрядом, чтобы обеспечить дорогу для следующей за ним целой армии. Потому Шуйский, взяв Тулу, и оставив в ней свой гарнизон, не смел идти далее навстречу неприятелю, но 9-го числа следующего месяца возвратился в Москву, а через несколько дней отправился в монастырь св. Сергия (это самый богатый монастырь во всей России, и находится от Москвы в расстоянии 12 миль), чтобы исполнить данный обет. Проведя в этом монастыре несколько времени, он возвратился в Москву. Между тем неприятель, следуя за знаменами Дмитрия, все более и более усиливался, овладевал городами и крепостями, принимал к себе многих перебежчиков со стороны Шуйского, и вскоре расположил свой лагерь под самую Москву, как скажем ниже.

Между тем, послы короля Польского, Соколинский и Витковский, прибыв в Москву 22-го числа предыдущего месяца, наконец 20-го числа сего месяца, т. е. ноября, поздравили Великого Князя Московского Шуйского, и объявили ему причину своего прибытия, но потом они были отправлены слишком поздно, а к послам, находившимся уже в Москве, их допустили только в конце следующего месяца. В Москве послы наши 22-го числа этого месяца решились на очень смелое предприятие, которое подвергло их жизнь величайшей опасности. В то самое время, когда вновь прибывшие посланники уговаривались с Шуйским насчет освобождения наших поляков, русские начали

обращаться с послами суровее, а именно: начали давать им весьма скудное продовольствие в отищение за обиду, более мнимую, нежели истинную, которую причинил им один из слуг свиты посольской. Именно русские между прочими предметами продовольствия дали одного барана, весьма худого, одни почти кости. Тогда упомянутый слуга взял этого барана, снял с него кожу и в таком виде повесил его над воротами, выходящими на двор, и которыми обыкновенно входили русские. Увидя этого барана, висящего над воротами, русские рассердились и решились за эту нанесенную им обиду отомстить уменьшением продовольствия, что они действительно и сделали с согласия бояр и других вельмож. Послы наши и их свита, лишенные необходимого продовольствия, пришли в величайшее негодование. Они начали жаловаться боярам и вельможам, но все их жалобы были оставлены без внимания. Видя, что не помогают ни просьбы, ни жалобы и требования, все поляки, находившиеся в свите посольской, решились взяться за оружие, но уже не для того, чтобы доставить себе продовольствие, а для освобождения из столь рабского и несносного состояния. Итак, назначают утро праздника св. Цеци-

Погребение утонувших

лии, чтобы или пробиться через стражу русскую, или пасть в битве с русскими, и таким образом избавиться от стольких несчастий. С полуночи они готовятся к смерти таинством покаяния и причащения. Наш отец Савицкий и другой монах, из ордена Бернардинцев⁴, не одобряя этого смелого намерения, решились воспрепятствовать ему. Но они ничего не успели сделать. Поляки говорили, что 300 отчаянных людей (столько было в свите посольской), делая нападение на неприготовленного неприятеля, могут принудить его к более выгодным условиям, что во всяком случае лучше пасть в битве, нежели умереть с голода, что по причине недостатка продовольствия многие переходят к русским, и что их души таким образом погибают, что, наконец, для разных других причин принятое ими намерение непременно должно быть исполнено. Отец Савицкий, услышав это, и видя, что с той и с другой стороны угрожает опасность, хотел избрать середину, он и себя и всех, находившихся вместе с послами, поручил божественному провидению, всех, сколько позволяло ему непродолжительность времени; приготовил к смерти исповедью и другими набожными наставлениями, также отслужил молебен в честь Святого Духа, моля о счастливом успехе дела. Сходятся все, находившиеся в свите посольской, исключая еретиков. Набожно молятся во время богослужения, все выходят во двор здания, расставляют экипажи, ездовых и пеших, и готовят оружие. Московская стража доносит об этом царю, который, обеспокоенный этим известием, тотчас призывает к себе сенаторов. К дому послов отправлены отряды стрельцов, которые окружают его. Замыкаются ворота города, везде расставляется стража и сбегается огромное множество черни; исступленный народ кричит, что он убьет всех поляков (ибо была распространена ложная молва, будто наши хотят зажечь город и потом убежать, пользуясь смятением русских, которые будут заняты тушением пожара). Посылается от имени народа в наше жилище один из начальников стрельцов, и спрашивает, что побудило нас к столь неожиданному намерению. Послы отвечают, что нет иной причины, как только та, что их поместили в тесном жилище, и, кроме того, их худо кормят. Услышав это, стрелецкий начальник просит наших несколько подождать, чтобы он мог сообщить их требование народу, и узнать его решение насчет этого. Возвратившись к народу,

он объявляет ему, что слышал и видел, и прибавляет, что послы со всею своею свитою решились или умереть или достигнуть свободы. Народ избирает из своей среды некоторых мужей, которые доносят о случившемся Великому Князю Московскому и сенаторам. Великий Князь со своими сенаторами тотчас начали рассуждать об этом деле, и от имени сената отправляет двух бояр, чтобы они напомнили послам их обязанности, и старались бы склонить к миру. Послы принимают бояр с честью, повторяют перед ними жалобы, и объявляют, что не иначе переменят свое намерение, как ежели им будет дано честное слово, что Великий Князь с сенатом назначит известное время для отправления их в отечество, а между тем, чтобы им отпускалось надлежащее продовольствие. Об этом было донесено царю, который после многих переговоров наконец обещал, что он в непродолжительном времени отправит вместе с вновь прибывшими послами королевскими, а что между тем нам будет отпускаться надлежащее продовольствие; второе обещание было выполнено в тот же день, а отправление наших в отечество произошло только через 9 месяцев, как увидим ниже. Таким образом спокойствие восстановилось, и наши, а равно и русские, положили оружие, к большой радости обеих сторон. Русские были избавлены от страха угрожавшего им мнимого пожара, наши благодарили Всевышнего, который отвратил опасные их намерения и даровал им мир и безопасность.

§ 45. В Москве, в праздник святого евангелиста Иоанна, наши послы были приглашены в замок, и там в первый раз увиделись с новоприбывшими послами королевскими, которые приехали в Москву 22 октября. Эти последние о многом с ними говорили, и вручили им различные письма из Польши.

§ 30. 1608 год. В это же время русские старались через наших, как послов, так и других поляков, произвести какой-нибудь переворот в лагере Ажедмитрия, наши, в надежде скорее избавиться из столь продолжительного плена, тщательно содействовали русским в этом деле. Но они ничего не могли сделать у человека, возгордившегося счастливыми успехами, и который в мыслях объял уже целое государство Московское, а войска которого подошли под самую Москву и убивали многих людей. Нам русские начали позволять (что прежде не было нам позволено) навещать один другого, так как мы занимали различные жилища. Поэтому в этом месяце и послы наши навестили и

приветствовали воеводу Сandomирского и его дочь (которые из Ярославля в конце предшествующего месяца возвратились в Москву), а также пана Тарлу и князя Константина Вишневецкого; и со своей стороны воевода навестил послов в их жилище. Вообще с этого времени русские начали обходиться с нами не так сурово, как прежде.

§ 32—37. 1608 год. После многочисленных в этом месяце переговоров между нашими и русскими, и после обещания наших употребить все свое старание для ослабления ложного Дмитрия, наконец 27 июля, в девятое воскресенье после пятидесятницы, между русскими и поляками заключено было четырехлетнее перемирие, и подтверждено торжественной присягой князя Московского и наших послов. Тогда все наши начали надеяться, что их скоро отпустят из Москвы.

После двух лет и трех месяцев наши были, наконец, отпущены из Москвы 2 августа. Все поляки, до того времени отделенные одни от других, были соединены вместе 1-го числа этого месяца, а именно: к послам королевским и целой их свите присоединились воевода Сandomирский с дочерью, сыном и внуком, князь Константин Вишневецкий, пан Андрей Стадницкий, пан Тарло и другие. Итак, второго августа, при захождении солнца (была суббота), поляки отправились под прикрытием 500 русских всадников. Так как многочисленное войско Лжедмитрия стояло под самую Москву, то русские, опасаясь, чтобы оно не напало на поляков, расставили для их защиты в разных местах свои отряды: вместе с тем советовали нам остерегаться и принять все предосторожности. Итак, отправившись из Москвы вечером, при захождении солнца, наши продолжали свой путь в продолжении целой ночи, до третьего часа следующего дня (это было 10-е воскресенье после пятидесятницы); совершив семь немецких миль, они несколько остановились у одной реки. Потом, в тот еще день, они совершили 6,5 миль и ночевали у берегов какой-то реки. Русские предварили наших, что они не могут идти прямою дорогою к границам литовским, но должны сделать круг, чтобы не встретиться с войском Лжедмитрия. Хотя русские нам говорили, что этот круг не будет очень велик, однако на самом деле оказалось совершенно иначе. Ибо мы должны были сделать около 80 немецких миль, в местах пустынных, болотистых, или до такой степени покрытых лесом, что мы пролагали себе дорогу топором, срубая деревья. В течение почти целого месяца мы находились под открытым небом, в лесах и на полях. Продовольствие

было весьма скудное, и нередко мы должны были брать силою съестные припасы у русских, часто несколько дней мы не имели другого напитка, кроме воды. Ко всему этому присоединилось еще то неудобство, что, хотя мы делали такой огромный круг, однако не могли миновать земель, которые или не хотели повиноваться Шуйскому, или уже находились во власти Ажедмитрия. Боязнь наша пред Ажедмитрием была еще увеличиваема обнародованным касательно нас, во всех подвластных ему землях, указом, которым повелевалось всех нас задержать в дороге, чтобы воевода и княгиня, дочь его, были отведены в лагерь Ажедмитрия, а прочие поляки чтобы были содержимы в заключении до тех пор, пока не воспоследует дальнейшего относительно их приказа. Однако среди этих опасностей мы предпочли продолжить свой путь, надеясь каким-нибудь случаем избежать неприятеля. Но вот на дороге нас всех постигает новое несчастье. Пришедши к распутию двух дорог в лесу, около 7 миль от Волги, мы узнали от своих лазутчиков (которых всегда посылали вперед для рекогносцировки), что на дороге находятся отряды солдат, высланные, чтобы поймать нас. Мы начали рассуждать, что делать в этом случае; русские наши проводники были того мнения, чтобы не идти далее к Волге, но или своротить несколько с дороги, или же, по крайней мере, остановиться и обождать, пока не узнаем, какие намерения имеет неприятель и какое он возьмет направление. Наши поляки почти два дня стояли на одном месте, и наконец, после долгих рассуждений касательно этого предмета, разделились на две части. Один из послов, пан Гонсевский, вместе со вторыми послами королевскими и с некоторыми другими вельможами (это же мнение разделяли и наши иезуиты) был того мнения, что в этом случае следует принять совет русских. Он говорил, что не должно от них опасаться никакой измены, так как они в продолжение целой дороги доказали нам свою верность, и как их собственные выгоды требуют, чтобы мы как можно скорее достигли пределов королевства Польского. Но другой посол, пан Олесницкий, кастелян Малогостенский, который имел более влияния, вместе с воеводою Сандомирским, с княгиней и с большей частью самых знатных вельмож, объявили, что ни в каком случае не следует отступать или стоять на одном месте, но что непременно следует спешить к Волге и как можно скорее перейти через эту реку. Они говорили: ежели нам угрожает какая-нибудь опасность, то не с

какой-нибудь другой стороны, как только из лагеря Ажедмитрия, а так как лагерь этот по большей части состоит из поляков, то от них, как от соотечественников наших, мы не должны бояться большой опасности. Та и другая сторона употребляла и убеждения и просьбы, чтобы заставить противников принять свое мнение, но тщетно, ибо и те и другие остались при своем намерении. Итак, 8-го числа этого месяца воевода вместе с кастеляном Малогостенским и с остальною свитою отправился к Волге, пан же Гонсевский, следуя совету русских, вместе со своими отступил назад на три мили, и на следующий день достиг Переяславля (это один из важнейших городов Московского государства, он лежит при весьма рыбном озере, славен гробницами князей Переяславских и многими монастырями). Там он нашел двух московских вельмож с 500 всадников, которых Шуйский послал, чтобы они сопровождали нас, и не позволяли нам рассеяться, ни остановиться, ни направить путь наш к лагерю Ажедмитрия. Им весьма неприятно было слышать, что воевода вместе со своею свитою

Печать Ажедмитрия I

отделился от нас. Пан же Гонсевский со своими, и вместе с русскими проводниками продолжал свой путь и переправился через Волгу 11-го числа этого месяца. Посланные же Шуйским русские с 5000 своих догнали воеводу, но они не могли уговорить его, чтобы он снова соединился с остальными своими товарищами. Силы же они не решались употребить потому, что видели свиту воеводы готовую на отчаянное сопротивление, и что в этой свите было много старых воинов или ветеранов, а с другой стороны, потому, что между этими русскими было много незнакомых с войною, и многие колебались в верности к своему государю Шуйскому. Итак, воевода продолжал свой путь к Смоленску, дорогою хотя многолюдною, но на которой он подвергался опасности от неприятеля. Пан же Гонсевский со своими направился к Велижу, дорогой хотя не столь удобною, но зато безопасною. Между тем через несколько дней, именно 26 сентября, воевода Сандомирский со всею своею свитою был окружен высланными для этой цели 3000 воинами Ажедмитрия, которые схватили его, и вместе со всею его свитою и с княгинею, его дочерью, отвезли в лагерь Ажедмитрия, расположенный под самую Москву. Это было великим несчастьем для самого воеводы и для целой его свиты, а особенно для бедной княгини: принужденная вступить в новый брак с Ажедмитрием, с которым она имела потом даже сына, она через несколько лет погибла бедственно вместе с мужем и сыном. Когда Дмитрий увидел, что нет пана Гонсевского, то он тотчас отправил несколько отрядов казаков, чтобы они его преследовали и представили к нему, но так как пан Гонсевский 27-го числа этого месяца вместе со своими уже вступил в пределы королевства Польского, а 30-го числа достиг крепости Велиж, коей он был начальником, то посланные казаки должны были оставить преследование. В то время, когда пан Александр Гонсевский еще не достиг пределов королевства, Коврин, староста Велижский, из самой Москвы отправил одного смышленного человека к королю с письмом, в котором он описывал все, что приключилось с послами; этому же человеку он вверил многие письма к разным другим лицам. Прибыв в одно селение, находившееся недалеко от крепости Торопецкой (а воевода Торопецкий оставил Шуйского и перешел на сторону Ажедмитрия), этот человек был схвачен и отдан под стражу, а между тем был отправлен гонец к воеводе Торопецкому, чтобы спросить его, что делать в

настоящем случае и в каком месте содержать этого пленника. Когда русские узнали об этом происшествии на следующий день (все, которые были проводниками этого человека, разбежались, когда его взяли), пан Гонсевский, после совещания со своими приближенными, скоростью решился предупредить опасность. Итак, он посылает 20 легковооруженных всадников и 60 русских, приказав им сделать нападение на дом, в котором содержался пленник, устроить селение звуком труб и овладеть особою пленника. Все было совершено согласно приказанию, а на следующий день перед полднем сам пан Гонсевский со своею свитою прибыл в это селение, чтобы подать помощь тем, которых он прежде выслал, ежели это оказалось бы нужным.

О пане Гонсевском заботилось божественное провидение, когда оно внушило ему намерение пойти другою дорогою, нежели какую избрал воевода Сандомирский, теперь опека провидения сказалась столь же ясно, когда оно внушило Гонсевскому освободить упомянутого пленника. Ежели бы он не сделал этого, имевший весьма многие письма, был бы подвержен пытке, и сам пан Гонсевский не избежал бы смертной казни за все то, что в этих письмах было писано о русских и о Ажедмитрии. Итак, по избежании стольких опасностей, было совершено благодарственное молебствие, причем был пет гимн: «Тебе Бога хвалим», а отец Каспар Савицкий произнес краткое увещание, в котором исчислял все благодеяния Бога, которые он оказал среди стольких опасностей.

§ 21. 1609 год. В конце месяца сентября король с войском своим начал осаду Смоленска, которая, как увидим в своем месте, продолжалась почти два года; несмотря на то, что многие дали королю обещание, что жители Смоленска сдадутся ему как только он покажется перед стенами.

§ 26. 1609 год... В продолжение трех дней, именно со 2-го до 4-го декабря включительно, в нашей церкви были произносимы проповеди по случаю счастливого успеха войны с русскими.

§ 3. 1610 год. В королевстве Польском объявлен был его святейшеством юбилей по случаю счастливого успеха войны Московской, юбилей был провозглашен в Кракове 24 января, и продолжался по обыкновению две недели.

§ 5. 1610 год. В лагере под Смоленском умер 17-го февраля Станислав Стадницкий, кастелян Перемышльский, величайший благодетель

нашего общества в этой провинции. Он пришел в помощь королю и Речи Посполитой с десятью знаменами или 1000 воинов, и в этой экспедиции, равно как и во многих прежних, оказал королю великие услуги. Он взял с собою в Россию двух священников из наших иезуитов: отца Павла Гаевского и отца Иоанна Халецкого, на руках которых, причастившись св. тайн, он и умер. Как Станислав Стадницкий Ланцутский за ужасные преступления (как мы сказали выше) был назван дьяволом, так точно этот Стадницкий, предыдущего двокордный брат, за ревность к религии католической, и за особенное его расположение к духовным и за оказанные им благодеяния был назван ангелом.

§ 7. Как в Кракове, так и в лагере под Смоленском, наши иезуиты произносили речи в течение трех упомянутых дней, и с большим успехом; нашлись весьма многие, которые предпочли присутствовать при богослужении и исповедоваться и причащаться, нежели приносить жертвы Бахусу. Кроме того, по случаю этого богослужения в лагере, около 12 воинов оставили ересь и перешли к религии католической. Сверх того, и в другие времена происходили в лагере разные молебствия по случаю счастливого успеха осады, как, например, в начале октября и перед адвентом предыдущего года, причем воины оказывали большую набожность, посещали храм часто, исповедовались, причащались, прислуживали при богослужении, и сами пели во время обедни и вечерни. Все это было еще увеличиваемо и присутствием

короля, который часто приходил туда, и великолепием места, в котором происходило это богослужение, и частыми проповедями о делах религиозных.

§ 17. *1610 год.* Когда в королевском лагере под Смоленском узнали, что русские, призвав на помощь войска германские, в большом числе идут к Смоленску, военный совет решил, чтобы Станислав Жолкевский, взяв известное число воинов, вышел им навстречу. Это поручение, хотя весьма трудное, досталось, таким образом, мужу воинственному, который исполнил его со счастливым успехом...

§ 18. Станислав Жолкевский со своим войском вышел навстречу неприятелю, ибо Дмитрий Шуйский приближался с 40 000 русских и немцев, чтобы подать помощь Смоленску, и чтобы принудить короля снять лагерь. Узнав через лазутчиков как о позиции, так и о числе неприятеля, Жолкевский около полуночи, в величайшей тишине, со своими воинами вышел навстречу неприятелю, соединившись с войсками Александра Зборовского, которому он прежде уже приказал прийти к нему и который в ту же ночь с ним соединился. Он намеревался еще ночью сделать нападение на неприятельский лагерь, но разные обстоятельства заставили его отложить это нападение. Итак, с восходом солнца 4 июня он начал битву, в которой лишился немногих из своих воинов и рассеяв войска германские, а многие их отряды принудил оставить русских и перейти на его сторону; русских же по большей части истребил, а других рассеял и обратил в бегство, и в тот же еще день, как победитель, возвратился в свой лагерь, который находился недалеко от того места. Так как это случилось в окрестностях села Клушина, то эта победа обыкновенно называется Клушинскою. Жолкевский превосходно воспользовался своею победою, взяв разные укрепления, а между прочими городами и сама столица России, Москва, была взята Жолкевским и таким образом досталась в наши руки в октябре месяце.

§ 19. В Москве великий князь Василий Шуйский, по причине несчастного своего царствования и непрерывных войн или по какому-либо другому поводу, собственными подданными свержен был с престола 28 июня и пострижен в чернецы или монахи ордена св. Василия.

В тот же день наше войско в лагере под Смоленском, когда во многих местах стены Смоленской крепости были проломаны, сделало

приступ на город, но безуспешно, ибо ничего не совершив, оно при-
нуждено было возвратиться в лагерь.

§ 21. 1610 год. 21 августа наши вторично сделали приступ к
Смоленску, но безуспешно.

§ 22. 1610 год. По свержении Шуйского с престола Московского
русские в этом месяце имели частые совещания касательно избрания
нового Великого Князя Московского. Многие подавали свой голос в
пользу короля Сигизмунда III, желая его видеть на престоле, но
наконец 27 августа избран был великим князем королевич польский
Владислав, и русские присягнули ему, как своему законному госу-
дарю. Однако многие не соглашались на это избрание. Каким обра-
зом потом русские отправили по этому делу посольство в лагерь к
королю, — об этом скажем в своем месте, именно в октябре...

§ 24. 1610 год. По занятии Станиславом Жолкевским разных
мест в государстве Московском, наконец 9 октября самый замок Мос-
квы, при его же содействии, достался в руки наших. Около того же
времени Жолкевский взял в плен обоих Шуйских, именно Василия,
бывшего прежде Великим Князем, и брата его Дмитрия, которых
увел потом с собою в Польшу, а выходя из города и крепости Москвы,
он главное начальство передал пану Александру Корвину Гонсев-
скому, при котором остались разные отряды воинов, именно, отряды:
пана Струся, пана Ваерия, пана Копыцинского, пана Дынковского,
пана Скомина, пана Балабана, пана Малынского и других.

Послы московские 17-го числа этого месяца пришли в королев-
ский лагерь, прося себе в цари королевича Владислава, сына короля.
Касательно этого предмета мнения наших сенаторов были весьма
различны: одни советовали королю тотчас принять посольство и от-
править сына в Москву или же самому отправиться вместе с ним;
другие желали, чтобы русские предложили престол Московский само-
му королю, который бы потом тотчас уступил его своему сыну. Но
король очень сомневался в верности русских и боялся за своего сына,
ежели он отпустит его в Москву. Между находившимися в то время
при короле сенаторами царствовало разногласие: одни вместе с Жол-
кевским настаивали, чтобы удовлетворить просьбам русских и дать
им в цари Владислава, другие не хотели этого, приводя разные причи-
ны на это, а в самом деле из ненависти к Жолкевскому, которого они

боялись и власть которого они желали видеть уменьшенной. После долгих рассуждений касательно этого предмета король принял мнение отрицательное и не послал королевича в Москву; кроме того, удержал пленниками самого Голицина, начальника посольства, и некоторых других (за то, будто они не оказали ему верности и вели тайные переговоры с жителями Смоленска во вред королю и Речи Посполитой), все они потом были отведены в Польшу. Многочисленные бедствия, которые потом настигали нас со стороны русских и со стороны наших воинов, пребывавших в Москве и решившихся там ожидать прибытия королевича Владислава, многие приписывали вышеупомянутому образу действий. И между тем Жолкевский, оставляя Москву, говорил оставшимся там нашим солдатам, что они наверно могут ожидать Владислава. Мы увидим после, что по этой именно причине солдаты наши, оставляя потом Москву, составили страшную конфедерацию, которая была пагубна для Речи Посполитой. Кроме того, поход короля на Россию, предпринятый вместе с королевичем Владиславом, а потом поход Владислава, отдельно им принятый, не имели желанного успеха, ибо русские питали уже неприязненное расположение к королевичу и к королю, его отцу, и выбрали великим князем Московским одного из своих соотечественников. Кажется, что всего этого не было бы, если бы королевич Владислав отправился в Россию, когда русские предлагали ему престол.

§ 32. 1610 год. Тот Богданка, выдававший себя за Дмитрия, о коем под годом 1607, начиная от § 13, мы сказали кое-что, 21 декабря бедственно был убит в России, а вскоре потом несчастная Марина, Великая Княгиня Московская, которая вышла замуж за этого Ажедмитрия и имела от него сына, вместе с сыном была умерщвлена жестоким образом и дала новое замечательное доказательство суеты этого мира, вечно прельщающего и обманывающего.

Примечания

¹ Отрывки из рукописи ксендза Яна Велевицкого, члена ордена иезуитов, отобраны, переведены и изданы впервые на русском языке П. А. Мухановым // Записки гетмана Жолкевского о Московской войне. СПб., 1871. Приложения. Стб. 192–212.

² Вероятно, имеется в виду рокош (мятеж) польской шляхты под руководством М. Зебжидовского против Сигизмунда III в 1606–1607 гг.

³ 1606 год.

⁴ Бернардинцы — монашеский орден, известный под названием францисканцев. В Польше бернардинский орден основан в правление Казимира IV в 1453 г. св. Иваном Капистраном, учеником и последователем св. Бернарда Сиенского, преобразователя устава св. Франциска и основателя ордена Меньшей братии или обсервантов (бернардинцев).

ИСТОРИЯ ДИМИТРИЯ ЦАРЯ МОСКОВСКОГО И МАРИНЫ МНИШЕК, ДОЧЕРИ СЕНДОМИРСКОГО ВОЕВОДЫ, ЦАРИЦЫ МОСКОВСКОЙ¹

Часть 1

...1 июля до нас дошли слухи о том, что Димитрий жив и избег опасности; но мы этим слухам не верили.

8 июля перевели воеводу с царицей² и со всей челядью из Борисова дворца за другую стену, в дом Афанасия³, который за свое посольство в Польшу был сослан в Сибирь.

15 июля Саноцкого старосту⁴ первый раз пустили к воеводе. В следующие дни бояре вели тайные переговоры с миром, выезжая в поле. Они желали погубить нас, но мир не позволял; а потому в эти дни мы тревожились.

1 августа во дворце поднялось смятение из-за подброшенных писем, которые были подписаны именем Димитрия. Их не хотели читать всенародно, но, считая подложными, испытывали почерки всех дьяков, причем оказалось, что ни один из них не писал таким

почерком. Ввиду же того что народ льнул к Димитрию, поклявшись ему в верности и повиновении, правительство сильно встревожилось и стало поспешно собирать войска. Но мы никак не могли поверить тому, что Димитрий жив.

20 августа приказано было воеводе, царице, Красноставскому старосте⁵, сыну его, Луковскому старосте⁶ и Саноцкому старосте готовиться в путь, в крепость Ярославль, расположенную еще дальше Москвы, на расстоянии 42 миль от нее. Остальных вельмож, как-то: князя Вишневецкого, Тарлова, Стадницких и других — отправили с женами (ибо они ехали на свадьбу, а не на войну) в другие крепости.

Мы выехали из столицы 26 августа. Всех нас было 375 человек вместе со свитой придворных дам царицы. К нам приставили 300 московских стрельцов. В эту ночь сгорел в столице дом Бориса, где стоял воевода, и монастырский двор, так что и церковь оказалась поврежденной.

4 сентября. Мы остановились на Ярославском предместье. Нам отвели четыре двора на предместье за валом. Три из них были вместе, а четвертый поодаль. В одном из них поселился воевода со слугами; в другом, смежном, — царица с придворными дамами, в третьем — старосты Саноцкий и Луковский, а в отдаленном — Красноставский. Остальных поместили поблизости...

...Прибыли в Ярославль письма царя Шуйского, в которых он велит не верить тому, что Димитрий жив, потому что он еще мальчиком был убит в Угличе, по приказанию Бориса, и останки его перенесены в Москву; тот же, которого убили в Москве, назывался Гришкой Отрепьевым, Расстригой. Теперь появился другой такой изменник, который опустошает их земли с шайкой подобных себе разбойников, захватывая некоторые укрепленные города силой, а другие обманом и называя себя Димитрием. «Поэтому, если он и к вам станет писать, не верьте ему, сдержите данную мне присягу и молитесь Господа Бога о том, чтобы мне удалось погубить этого изменника».

Такие письма читались всенародно. Вскоре бояре и войска Шуйского возвратились, проиграв сражение, в котором у них, по их же словам, погибло до семи тысяч человек. Это сражение происходило на расстоянии восьми миль от столицы Москвы, после чего войско Димитрия быстро подступило к Москве. Мы хорошо знали одно:

что войско Шуйского всегда в проигрыше и постыдно разбито. Мы не знали только, кто бил; что Дмитрий — мы не могли поверить этому; некоторые называли Петраска...

...Когда Дмитрий Шуйский, брат царя, стал осаждать войско противника, то к последнему пришли на помощь ближние подкрепления, зайдя в тыл к Шуйскому. Противник вышел тогда на него из Калуги, разбил его войско и преследовал его на расстоянии нескольких миль. Сам Шуйский едва успел спастись; на поле битвы осталось 14 000 его воинов. В Москве воцарилась скорбь и тревога великая, усилившаяся тем, что их опять побили и разгромили под Серпуховом...

...Карла Дунайского схватили за то, что он привез в Москву письма от Дмитрия, которые и подбросил. Его поймали, и на допросе он утверждал, что Дмитрий жив и что он видел его собственными глазами десять недель тому назад...

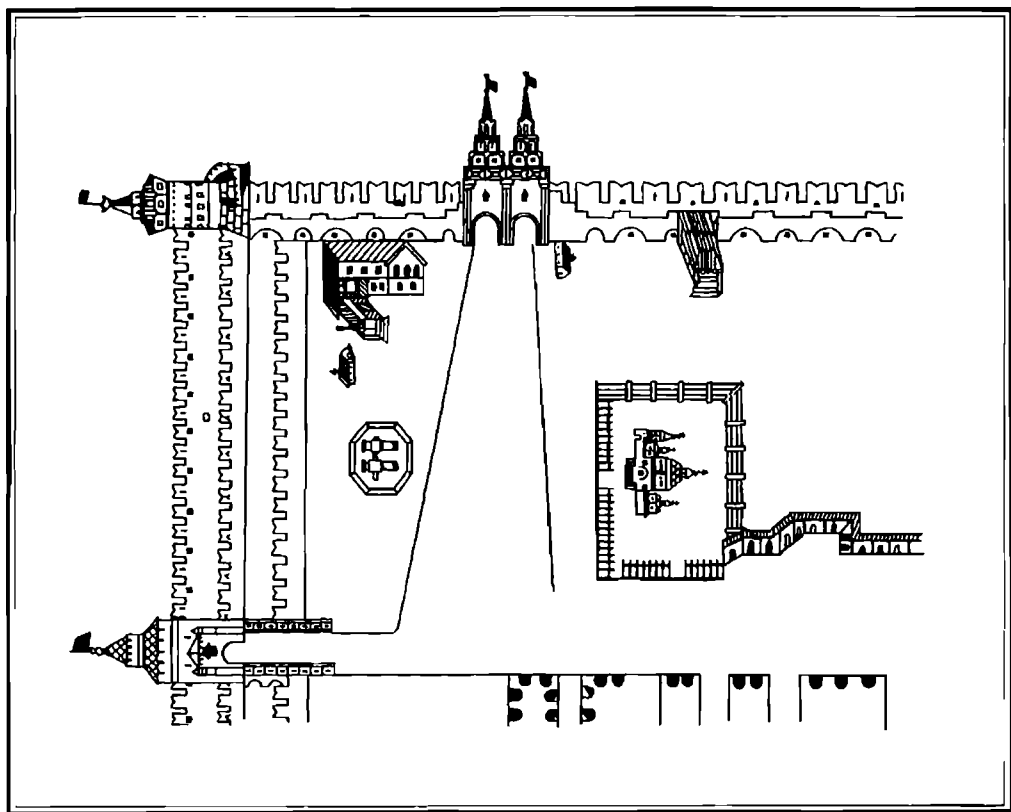
Часть II

Уже почти два года сидели мы под стражей в России, как наконец дождались радостного известия об освобождении и получили разрешение вернуться на родину. Случилось это благодаря усилиям е. в. короля, который выслал к царю послов, требуя нашего освобождения. Мы получили от этих королевских послов письмо, высланное из столицы, в котором нас осведомляли об окончании переговоров. Вот это письмо:

«Вельможные и уважаемые братья! После долгих переговоров с думными боярами мы заключили между е. в. королем и Московским государем мир на четыре года без одного месяца. При установлении этого мира самым важным условием было то, чтобы освободить вас и всех воинов е. в. короля, находящихся здесь в плену. Государем уже изданы распоряжения, чтобы освободить всех поляков из крепостей, где они находились под стражею, и дать им возможность уехать на родину. Насчет вознаграждения вас за разграбленное имущество. — Бог свидетелем тех усилий, которые мы употребляли долгое время в вашу пользу. Но дело в том, что грабителями они считают не себя, а нас, и после долгих споров пришлось отложить это дело до решения комиссии, составленной из представителей обеих сто-

рон. Надо было больше позаботиться о жизни и освобождении вашем, нежели об имуществе, так как того и другого вместе нельзя добиться. Препоручаем вас Божью Провидению, умоляя Его о том, чтобы поскорее свидеться с вами на родине. Дано в столице Москве. 1 августа 1608 г.

Приставы приехали к нам, объявляя, что великий государь освободил нас, разрешил вернуться в Польшу и жалует нас 200 рублями, которые наши старшины должны раздать по усмотрению между отдельными лицами, по 15 р. каждому. Лошадей наших тоже обещали нам возратить. Готовиться в путь нам приказали немедленно, раздавая по мере надобности подводы. Радость нашу описать невозможно; можно только догадаться о ней, вообразив, как радуется узник, выйдя из темницы. Пришла весть, что наши братья уже освобождены из крепостей и отправились в путь.

План Московского Кремля, XVII век

Мы выехали из России в Польшу 3 октября. Послы е. в. Польского короля Конецпольский, Огинский и князь Острогский говорили царю Шуйскому: «Почему королевский посол⁷, Сендомирский воевода и другие знатные люди, находившиеся при нем в большом количестве, так долго были содержимы в тюрьме без всякой уважительной причины? Ведь они приехали не грабить землю, а привезли бывшему царю супругу, руки которой он просил у е. в. короля. Они же сами встретили коронных послов, изъявляли желание подтвердить дружбу и вести переговоры относительно вечного мира». На это царь и думные бояре ответили, что и посол, и воевода, и все королевские люди приехали не к истинному царю, а к Расстриге, на погибель Русского государства. Поэтому с ними иначе нельзя было поступить, как только убить его. Польский посол доказывал им, что «он был их истинным государем, потому что они сами признали его; их войско под Кромами перешло к нему, все присягнули ему и короновали его. Но все то, что случилось, послужит лишь к вечному позору русского народа по всему свету. Если же теперь царь не велит выпустить людей моего государя, то он вручает ему эту саблю». И, положив на голой сабле письмо, он сказал: «Мой государь объявляет тебе справедливую войну».

Однако на другой день царь угощал послов и воеводу, устроив торжественный пир. После долгих переговоров был наконец заключен мир на несколько лет. Видны были движущиеся огненные столбы на небе.

Так как царю Шуйскому не везло и он хотел уйти в монастырь, то его уговорили жениться. И он женился на дочери Ростовского князя, Петра Буйносова, но недолго: царь женился, пожил один год с женой, а на другой год отдал ее в монастырь.

Димитрий Шуйский, родной брат царя, погубив более 100 000 войска и не надеясь на успех, вернулся из-под Алексина. Он упрекал царя в том, что тот веселился и устраивал свадьбу в то время, когда проливалась кровь. Он говорил царю: «Твоей власти скоро конец настанет, ибо тебе не на что рассчитывать; позаботься поэтому и о нас и о себе. Придется кланяться тому, кому по праву принадлежит власть».

После ухода Дмитрия Шуйского под Алексин все оставшиеся там его войска поддались царю Димитрию, отдав оружие и обещав

мир. Посол Димитрия Адам, полковник, сам-шесть приехал в столицу с письмами к Шуйскому и к миру. Его приняли радушно, и он обещал царское помилование в том случае, если добровольно признают его царем. Патриарх громко читал эти письма при царе перед миром. Мир спрашивал мнение царя, а царь — мнение мира. Царь решил, что выбирать не приходится, когда дело касается жизни. «Видно, Богу так угодно, я уступаю ему и отнесу ему меч на своей голове». А мир крикнул: «И мы тоже, да здравствует царь Димитрий Иванович, всея Руси великий государь. Но мы просим, чтобы он помиловал нас и не позволил солдатам грабить нас. Пусть царь Димитрий пришлет принять присягу». С этим они и отправили посла.

Хотя царь Шуйский и мир хотели добровольно сдаться, но этого не случилось. Когда царь Димитрий послал своих бояр, он отправил вместе с ними небольшое войско с Голицыным и Иваном Нагим во главе. Тогда Димитрий Шуйский, брат царя, с отцом жены царя убедили мир не доверять самозванцу и встретить его с оружием. «А так как мой брат не способен царствовать, то обещайте мне: когда я вас защищу и успокою государство, вы признаете меня своим царем». Они обещали ему это, а он раздал ценные подарки боярам. Сейчас же он вышел с отцом царской жены в ополчение и, встретившись с войском Димитрия, проиграл сражение, ибо разгромленное войско Шуйского было разбито, сам Димитрий был ранен, но спасся бегством; отца жены царской взяли в плен и содрали с него кожу. Изпод Смоленска прибыли на помощь царю Димитрию поляки Стадницкие с войском в 12 000; они ворвались в Москву и, взяв в плен многих бояр, отослали их к царю Димитрию.

В это время Донские и Запорожские казаки взяли также Ростов. С ними было 200 москвичей, а всех казаков 800. Все они служили Димитрию. В Ростове было несколько бояр и 2000 войска царя Шуйского. Напав ночью на собор, они захватили митрополита и воеводу, там же убили попов и множество черни, забрали в плен многих женщин, царскую казну, золото, серебро, жемчуг. Среди награбленных предметов была статуя, отлитая из золота, которую зовут ракою Леонтия Чудотворца и которая весила пуд и двадцать фунтов, также серебряная гробница, очень много золота и серебра на образах. Все это они похитили.

В столице Москве великое смятение, люди друг с другом дерутся: одни хотят Шуйского, другие не стоят ни за того, ни за другого, а все из-за того, что войска Дмитрия берут окрестные крепости. Царь Шуйский послал Луковского старосту Мнишка к царю Дмитрию, чтобы узнать, он ли это; но Дмитрий не выпустил его назад.

Царица Марина, отец ее воевода, королевские послы, князь Вишневецкий, московский гетман Ружицкий и остальные польские вельможи не едут в Польшу, а остаются в лагере Дмитрия.

Только что обогранный свежей кровью московский престол занимает искусный зачинщик этой кровавой трагедии, Василий Шуйский. Из колоды палача выросла его порфира. Но страшная гроза надвинулась на него. В самом начале у него стал оспаривать престол Петрашек, уверяя, что он принадлежит к линии московских царей. О Боже, сколько пролито человеческой крови, которая не только оросила Россию, но ею покрыты русские поля, как глубоким озером! 300 000 народу полегло с той и с другой стороны в этой брани. Что же случилось? Петрашек, требуя царской короны и надеясь на нее, попал, — но не на престол, а на виселицу, на которой и погиб от руки палача. Но тут еще не конец: над московской монархией и

Деревня Пешки

несчастливым Василием Шуйским поднимается еще более страшная Немезида, предвещающая кровавую гибель. Из свежего и не остывшего еще костра (на котором, думали, сгорел Димитрий) он встает живым. Подобно арабским фениксам, смертный прах произвел бессмертных димитриев для московской монархии. Итак, расходится слух, что Димитрий избег преследования Шуйского, спасаясь в подземельях. Его никем не виденное лицо, незнакомое миру, долго обманывало москвичей; иных же привела к Димитрию тирания Шуйского. Человек этот был ложный Димитрий и расстрига; его звали, по словам москвичей, Григорием Шаховским. Пользуясь смятением, он вывел из конюшни несколько царских лошадей и бежал к польской границе. Поляки узнали, что Димитрий остался жив и бежал. Они пылали гневом за своих убитых в Москве братьев, жаждали войны и мщения, вышли из границ Польши навстречу Димитрию, собрав отменнейшие полки и конвойные отряды. На помощь Димитрию вышел с войском и Литовский гетман Ян Сапега. Русские тоже все чаще и гуще собирались около Димитрия. Таким образом ложный Димитрий собрал большое войско, и счастье военное улыбалось ему, о чем уже выше было сказано.

Когда по окончании переговоров Польские вельможи собрались ехать в Польшу, царица Марина, не будучи в состоянии вынести своего позорного свержения с престола Шуйским, задумала рискнуть собственной жизнью, чтобы отомстить изменнику и овладеть престолом Московской монархии. Она тайно выслала своего верного придворного Запорского с письмом к Димитрию, уведомляя его о том, что она, в качестве его законной жены, собирается приехать к нему; пусть только он немедленно вышлет проводника, знающего окольные пути, а за ним пусть идет конвойный отряд теми же окольными путями, по которым поведет проводник. Она советовала Димитрию также выехать навстречу к ее отцу, воеводе и послам, выезжавшим из Москвы торною дорогой, и пригласить всех польских вельмож в лагерь.

Действительно, польские вельможи, воевода, князь Вишневецкий, Красноставский и Саноцкий старосты выехали со свитами из Москвы. Конных воинов было 250. В Переяславле они встретились с польскими войсками, которые после обоюдных приветствий пригласили их с собой в лагерь Димитрия, чтобы потом отомстить за обиду. Снабдив их свежими татарскими лошадьми и знаменами на копьях, все они дружно направились к лагерю.

Гонец, высланный царицею к Димитрию, привез ему письмо, по прочтении которого царь был преисполнен радости, ибо столь неожиданное известие явилось для него как нельзя более желанным. Он почувствовал в себе еще больше энергии к выполнению задуманного предприятия — овладению Московской монархией; ибо с прибытием царицы Марины вес его в глазах людей поднимется и все признают в нем истинного Димитрия.

Димитрий, призвав гетмана Ружицкого, показывает ему письмо царицы, доказывая очевидность того, что он их не обманывал, так как царица признает себя его женой, а его своим мужем. Ружицкий отвечает: «Лучшего доказательства не надо; я с войском своим жизнь свою положу в отмщение обиды в. ц. в. Когда приедет царица, она укрепит силу в. ц. в.; одна ее особа равняется стотысячному войску, ибо русский народ станет на стороне в. ц. в.»

Царь тотчас же высылает проводника, хорошо знающего окольные дороги и с ним возвращает гонца, дав ему за принесенное письмо сто червонцев. Кроме того, он послал с проводником три тысячи конвойных гусар. Сам гетман Ружицкий отправился с конвоем и остановился в лесах, через которые должна была проезжать царица.

Димитрий выслал также отряд войска навстречу польским вельможам: шесть полков русских и шесть тысяч поляков во главе с Яном Сапегой, Усвятинским старостой.

Гонец вручает царице Димитриево послание. После этого царица, уже приготовленная к путешествию, высылает коляску вперед, а сама под вечер садится в карету и, прибыв на постоянный двор, переодевается гусаром, привешивает сбоку саблю и сайдак и, сев на коня с рогатиной в руках, спешит ночью вместе с гонцом и проводником в лагерь Димитрия. Подъехав к войску, она застаёт конвой и приветствует гетмана. О, как обрадовались гетман и его гусары, увидя польскую амазонку, свою государыню! Как удивились они ее энергии, мужеству и храбрости! Гетман велел своим направиться к царскому лагерю, выслав вперед гонца с извещением о прибытии царицы.

Посланный еще перед рассветом приехал в лагерь. Тотчас же сам царь в сопровождении нескольких сот всадников выехал навстречу царице. На рассвете они встретились, и царица, сойдя с лошади,

побежала навстречу царю с распростертыми объятиями. Царь сделал то же самое и с великой радостью повел царицу в лагерь; он велел стрелять из орудий, стоящих возле палаток, чтобы войско знало о приезде царицы, велел также ударять в литавры и трубить в трубы. Когда же загремели лагерные орудия, русское войско, узнав о причине пальбы, ответило на нее из орудий своей артиллерии.

И Сендомирский воевода выехал также на другой день с королевскими послами, с князем Вишневецким, Красноставским и Саноцким старостами, Тарлами, Любомирскими и другими; но он не знал, что его ждет по пути. Через несколько миль, из лесов спереди, сзади, сбоку — польские вельможи внезапно окружены войсками Димитрия, которые приветствуют их в лице Сапеги, приглашая всех в лагерь к царю Димитрию, где уже находится царица. Послы, воевода и все вельможи должны были согласиться на это. Когда они въехали в лагерь, для приветствия королевских послов дан был залп из орудий, которому ответили и русские орудия. Великая радость, торжество и ликование в Димитриевом войске, а в столице у Шуйского великое отчаяние, скорбь и нужда.

Воевода, познакомившись с самозванцем, сразу увидел, что это не его зять, но промолчал об этом. Увидела и царица, что это не ее муж, но жила с ним невенчанная. Жажда власти и мести была у нее сильнее стыда и честности. Таким образом, жена, отец, послы, польские вельможи, воины и придворные пристали к ложному Димитрию (руководимые лишь чувством вражды к изменникам Шуйским и боярам). Царство, власть, великолепие, казавшиеся утерянными, вернулись полностью к ложному Димитрию. Мистификация!

Король Сигизмунд идет с войском в Москву в 1609 г. Жестокий Марс губительно поколебал основы Северной монархии для того, чтобы созвездие семи склонилось под польское владычество и чтобы русский народ не господствовал на Севере. Марс, благоволя к польскому народу, приглашал короля Сигизмунда на Московский престол, предлагая ему скипетр и корону в награду за военные труды.

1609 год был в исходе, когда король, в августе месяце, лично выехал под Смоленск, который и осаждал почти два года. Смоленск, большой и обширный город, был обнесен двойной стеной и валом, снабжен провиантом и многочисленным гарнизоном. Это была

сильная и безопасная крепость. Самый город, расположенный на берегу Днепра, заключает 8000 домов. Так как русским было бы трудно отстоять его, они сами сожгли его, перевезя ценности в крепость по ту сторону Днепра и, выйдя из города, тоже заперлись в крепости. Она была опоясана стенами с 38 башнями и свободно могла вместить городских жителей числом 200 000, среди которых способных к бою воинов оказалось до 40 000, не считая почти столь же многочисленного гарнизона. Комендантом у них был Михаил-Борис Шеин, Смоленский воевода. Вот этот-то Шеин, способствовавший торжеству Сигизмунда, и был взят в плен.

Причины к войне с Россией следующие. Если б король не пошел с войском на Россию, то она, раздвоенная, обратилась бы с отчаяния либо к Турецкому, либо к Татарскому покровительству. Язычники стали бы тогда так сильны, что всему христианству пришлось бы страшиться их, если б они овладели Московской монархией, простирающейся от границ Польши до Персии; а если б Москва не подпала владычеству язычников, то, вероятно, ею овладел бы Карл Зудер-

Мушкетер

манландский король Шведский, который давно уже выжидает удобного случая овладеть московским престолом, как овладел шведским, отняв его у своего племянника, Сигизмунда⁸. Вот тогда он стал бы пробираться и в Польшу, чтобы и ее завоевать, измышляя разные поводы к войне, набеги и наезды. Король должен был спасти честь своего деда, во время правления которого Смоленск отпал от Польши; поэтому ему было надо постоять за свое, а также отомстить за пленение в течение двух лет Краковских послов. (Войско Димитрия, встревоженное прибытием королевского войска, составляет заговор.)

Неожиданное прибытие короля в Россию испугало, всполошило войско царя Димитрия. Гетман, главнокомандующие, полковники и ротмистры возмутились этим приездом короля. Неужели он приехал с тем, чтобы остановить их кровавый и успешный бег к славе? Неужели они целых два года воевали для того, чтобы он отнял у них жалованье, выслуженное кровавым трудом, и лишил возможности зарабатывать впредь? Они проливают кровь, а король пожинает лавры, которыми будет кичиться. Если они отступят от Димитрия, то кто же заплатит им за труды? Димитрий выделил войску Северщину со Смоленском (лучшую и плодороднейшую землю во всей России) в награду за труды. Доходы с этой земли были большой поддержкой для войска, а теперь король овладел ею! Итак, один трудился, а другой будет пользоваться плодами его трудов. Вожди были опечалены тем, что король хотел помешать вступлению Димитрия на престол. Димитрий же обещал выдать каждому из старшин по 100 000 червонцев, если они отвоюют ему престол. Тогда войско поклялось, что не отступит от Димитрия. Итак, в России было три партии: царя Шуйского, Димитрия и Польши.

Старшины отправили тогда послов от войска к королю, чтобы объяснить ему причины, по которым они не могут отступить от Димитрия, и просить е. к. в., чтобы он не мешал им стяжать дальнейшую славу. Когда они приближались к лагерю Струся, одна из рот, находящихся под начальством гетмана, желая их почтить, выехала им навстречу и торжественно сопровождала их в королевский лагерь.

Явившись перед королем и отдав ему должную дань уважения, старый главнокомандующий, посол Мархоцкий, сказал (суровая речь обращенная к королю): «Приезд короля не согласуется с договором, заключенным на Варшавском сейме с послами Димитрия. Если

погибнут кровавые заслуги его войска и кто-нибудь другой будет пожинать плоды этих заслуг, тогда войско это не будет считать государя государем, братьев братьями, отчизну отчизной».

Посол хотел продолжать, но его перебил коронный вице-канцлер, Феликс Креский, сказав: «Что это за бесстыдная и неразумная речь? Неужели ваши братья велели вам произносить столь резкие и непочтительные для е. в. слова? Неужели они дали вам столь суровые и спесивые инструкции?».

Нисколько не смущенный этим, посол смело продолжал: «Мы ни на волосок не отступили от данной нам инструкции». Тогда вице-канцлер потребовал, чтобы они показали инструкцию своего посольства. Послы тотчас вручили вице-канцлеру два параграфа, один за подписью Романа Ружицкого, гётмана русских войск, другой — Александра Зборовского, союзного маршала. Оба были снабжены подписями. Вручив их, они отошли.

Высокомерные требования послов были для всех так неприятны, что им уже не оказывали никакого почтения. В королевском лагере осмеивали войско Дмитрия, говоря, что Дмитрий живет вымыслами поэтов; называли Эзопами тех, которые создают воскресшего Дмитрия после убитого и сожженного. У послов спрашивали также, венчалась ли Марина, жена первого Дмитрия, с теперешним. Послы отвечали: «Зачем венчаться второй раз, когда она в Кракове в присутствии короля принесла клятву в супружеской верности никому иному, как только этому?» Итак, Марина не венчалась с этим вымышленным Дмитрием, они легли на одно ложе и обсуждали свои дела. Добродетель совсем не входит в расчет, когда преобладает жажда власти.

Дерзкая и на все решившаяся женщина не отказалась от своих высокомерных требований даже ввиду такой великой неудачи. После свержения с престола она глядела так же величественно, и важно, как и во время обладания скипетром и короной. Она получила письма от своего родственника, Пшемышского каштеляна Стадницкого, который извещал ее о походе короля с войском на Россию. Но царских титулов в письме он не употребил, называя ее, как свою родственницу, ее первыми польскими титулами: ясновельможной и т. д.

Она ответила, что обращение каштеляна к ней, как к родственнице, приятно ей; она надеется, что Бог разгромит ее изменников и

что она снова обретет престол; сам король желает этого для нее, в этом она не сомневается. О походе короля на Россию она умолчала, досадуя за это на него. Чувствуя себя оскорбленной опущением царского титула, она заполнила первую страницу письма своими неизмеримыми титулами и подписала: «Императрица Марина». Под подписью она написала собственноручно следующие слова: «Кого Бог осеняет, тот не может лишиться света. Солнце не перестает быть ясным оттого, что его закрывает темная туча; и я, хотя свергнута с престола изменниками и клятвопреступниками, но все же остаюсь царицей».

На третий день призвали послов, которым вице-канцлер сказал: «Е. в. король с удовольствием принял внешние знаки покорности, оказанные ему войском; но и король, и сенат, и все не могут понять, как осмелилось войско оскорбить такой инструкцией е. в., действуя вразрез с верноподданнической присягой престолу. Пусть же знают, что е. к. в. их государь и король. Стяжание славы и похвал с нарушением прав и оскорблением престола не есть действие свободного шляхтича: это хитрость, это преступление своевольного человека». Затем их призвали для лобызания королевской руки. После аудиенции они были приглашены к обеду у вице-канцлера; на другой день, пообедав у коронного гетмана Жолкевского, они выехали обратно.

Вскоре и король отправил своих послов, знатных лиц: Станислава Стадницкого, Пшемьского каштеляна; князя Христофора Збарского; Януша Тышкевича, писаря Литовского; Станислава Домарацкого, Брацлавского старосту; Мартына Казановского, главнокомандующего, и Яна Добку. Они получили такую инструкцию: стараться изо всех сил удерживать московский престол за королем, а Димитрия погубить; убедить войско, что король не хочет заграждать им путь к славе и возможность пользоваться плодами своих кровавых трудов. Он хочет только, чтобы польский народ овладел Россией; труды же войска он постарается наградить достойным образом. Если они говорят, что держат сторону Димитрия в надежде на те награды, которые он им обещал, то он не вознаградит их до тех пор, пока не овладеет Московским престолом. Ведь они и от короля могут ждать такой же милости, что и от Димитрия, и от короля гораздо скорее (так как он обязан им помогать), нежели от постороннего человека, который легко может не сдержать данного слова. С того дня, как

они перейдут на службу короля, им будет положено жалованье. Однако пусть они придерживаются стороны Дмитрия до тех пор, пока гетман не подойдет с королевским войском к столице: ибо русские, увидя, что поляки покинули Дмитрия, перейдут к царю Шуйскому, чем сильно затруднят задачу короля и свою собственную. Русских надо склонять и пленять большими обещаниями щедрых королевских милостей; главным же образом убедить их в том, что король сохранит их права, греческую веру, обряды, праздники св. русских угодников, монастыри, церкви, доходы которых будут увеличены, причем всем будут даны новые права и привилегии. Король клятвенно обещает это.

Получив такую инструкцию, послы отправились к Дмитриеву войску и прибыли туда 17 декабря 1609 г. Они стройно и торжественно въехали в лагерь. Собственных конных гусар у них было 100, а пехоты 280 — все люди отборные. Навстречу к ним выехал союзный маршал Александр Зборовский с 200 конными, а также гетман Ружицкий. Они приветствовали их. Встретили их также послы Дмитрия, приветствуя королевских послов от имени царя и говоря, что их приезд в лагерь очень приятен великому государю Дмитрию, который осведомляется о здравии е. в. к.

Каштелян Пшемьский ответил, что они с благодарностью принимают привет от великого государя, что е. в. король здоров и в свою очередь желает великому государю Дмитрию всякого благополучия. При въезде послов в лагерь Дмитрий и Марина смотрели из окон до тех пор, пока они не вошли в палатки. Там их угощал гетман Ружицкий; они пили здравицы короля из полных кубков при пушечной пальбе.

На другой день в 10 ч. утра королевских послов с величайшим почетом вывели из лагеря на равнину, где в полном параде стояли войска со старшинами. Послов пригласили сесть. Тогда каштелян Пшемьский, как старший в посольстве, объяснил причины прибытия короля, предлагал войску королевские милости и заявил о всем том, что заключалось в инструкции. Старый главнокомандующий Витковский ответил от имени войска, что он благодарит е. в. к. за прибытие к нему столь именитых особ послами и обещает посвятить все на службу родине и королю. Затем он весьма почтительно просил

послов показать войску рукопись инструкции. Этим посольство и окончилось.

Королевские послы уговаривали и склоняли русских самыми осторожными, мягкими и искусными способами к тому, чтобы они перешли на сторону короля. Они пригласили к себе одних только русских с их представителем, московским митрополитом Филаретом, и перечисляли им милости короля, который желает успокоить их государство и родину, желает освободить их от тиранов, овладевших ими после кончины наследников, погубить ложных претендентов на престол и вернуть им спокойствие, свободу и прежнее счастливое время. А так как Россия больше всего привязана к своей греческой вере, то послы уверяли их, что король и впредь сохранит у них эту веру, поддерживая богослужение в церквах, увеличивая доходы в церквах, увеличивая доходы монастырей и т. д., в чем готов поклясться им.

Русские с удовольствием слушали речи послов и плакали от радости, вспоминая прежние спокойные времена, целовали королевское письмо, на котором греческими буквами было начертано имя короля, благодарили короля за обещания и желали ему удач. Они хотели ехать к царю Шуйскому или по крайней мере послать ему письма с оправданием своего вторжения в Россию; но он не принял ни писем, ни послов, а последним даже пригрозил смертью.

Димитрий, узнав, что войско на стороне короля, а его бранит, тайно бежал из лагеря в Калугу, ожидая там своей дальнейшей судьбы. Марина же стала вводить разногласие в войске.

Послы получили от войска такой ответ: они готовы посвятить имущество и жизнь на служение всеми силами е. в. королю и родине.

Царица Марина тоже написала королю письмо, исполненное притязаний на подчинение себе Московской монархии.

15 янв. 1610 г.

«Превратная судьба отняла у меня все, оставив лишь справедливое право и претендентство на престол Московской монархии. Обращаю высокое внимание в. к. в. на мое посвящение на царство и признание за мною наследственного права на престол, подтвержденные двойной присягою московских сословий. Я убеждена, что

в. к. в. своим высоким разумом и по доброй совести согласитесь со мной, а мне и моей семье, жертвующей своей кровью и несущей большие издержки на это дело, придете на помощь своей королевской милостью». Говоря о подчинении себе монархии, она так возомнила о себе, что равняла себя мысленно с королем, собственноручно подписалась: «Императрица Марина».

Когда же королевский посол приехал к Марине, донося, что король предлагает ей Саноцкую землю и доходы с королевской экономики с тем, чтобы она отказалась от притязаний на московский престол, Марина ответила, что охотно уступила бы королю Варшаву, если бы он уступил ей Краков.

Королевские послы вернулись с радостным известием от Дмитриева войска в королевский лагерь; но радость была омрачена

внезапной смертью старшего посла Пшемьского каштеляна Станислава Стадницкого. На третий день по возвращении в королевский лагерь он слег в постель от сильной горячки и скончался. Весь королевский лагерь скорбел о нем.

Марина поняла, что нельзя ждать ничего хорошего, если польский орел соединится с двуглавым Московским орлом и взлетит на престол. И вот эта дерзновенная женщина старается подняться на московский

престол с помощью гербовых эмблем своего рода. Она разжигает бунт против короля и сильно волнует войско, подстрекая его отступить от него. «Королевские послы, — говорит она, — хитростью склонили к себе войско, говоря, что король даст ему денег. Вот он взял себе Северщину, с которой войско должно было получить определенные доходы, а послы вместо денег платят войску обещаниями. Обещанной же суммы король не высылает». Потом она вкрадчивыми и лстивыми словами восхваляла мужество, твердость и верность солдат, а также их частые победы, возбуждающие удивление. То опять она умоляла их сжалиться над ее судьбой, просила войско не отступать от нее и помочь ей овладеть престолом, каковую заслугу она всецело припишет их доблести, мужеству и деятельности. Она напомнила им о сокровищах Москвы, которые торжественно обещала раздать между ними. Ее ласковые слова и обещания брали штурмом солдатские сердца. Заманчивые обещания и мягкое восхваление женщиною воинской доблести, ее трогательная скорбь о муже, которого королевские послы прогнали из лагеря, ее просьбы, ее мольбы именем Бога, чести и славы, приобретенной их героическим мужеством, чтобы они сжалились над ней и не покидали ее, звучали словно мягкие зефиры в ушах солдат. Кроме того, настойчивая женщина употребляла всевозможные усилия, являлась на солдатские сходки, проводила время в разговорах с ротами, объезжала форпосты, предлагая щедрую плату, награды и подарки. Надев мужское платье, она распутно проводила ночи со старшинами в палатках, забыв стыд и добродетель, и заставляла воинские сердца не отступать от Димитрия. При этом Марина раздала между военными 100 000 р., извиняясь, что по недостатку не может дать больше, и добилась своего; ибо слиток золота, хоть и небольшой, воодушевил сердца.

Таким образом женские зефиры тотчас же превратились в резкие аквилоны, производящие бурное замешательство. Лагерь был настроен против короля за то, что он не сдержал обещания, не посылает сумм для войск, поэтому и войска отказались стать на стороне короля. Они ругали и проклинали послов за то, что те обманули их. Но когда они узнали, что царь Димитрий бежал, о, какое смятение, шум, крик, скрежет, лязг оружия поднялись! Они яростною толпою, подобно безумным, бросаются к гетману Ружицкому и с

криком обвиняют его в бегстве Дмитрия из лагеря, так как он не исполнил своих обязанностей главнокомандующего и гетмана.

Только к вечеру волнение несколько улеглось, когда мужественный Бучинский осмелился упрекнуть солдат, сказавши, что зачинщики подобных бунтов не принадлежат к списку своих предшественников, имена которых блещут происхождением, доблестью, мужеством и знанием военного дела. Они принадлежат к тем, у которых нет ни чести, ни веры, ни сапогов, ни подков: такие пригодны лишь к работе шилом и сапожным ножом или к службе в трактирах наполнять кружки и кувшины, но не к военному делу в лагере. Такие солдаты, которые дерзают подняться на командира, называются солдатами только по имени.

Чтобы произвести еще большее смятение в войске и сильнее привязать его к себе, Марина собственноручно написала письмо, которое оставила в своей палатке с тем, чтобы после ее отъезда оно было громко прочитано войску. Сама же, переодевшись гусаром и взяв сайдак и саблю, садится верхом и тайно покидает в полночь лагерь, направляясь, в сопровождении двух всадников, к мужу в Калугу. Стиль письма этой Дамы достоин удивления; он свидетельствует о ее мужественной энергии, колком остроумии и необыкновенном уме, несвойственном ее молодым годам и полу.

Письмо царицы Марины к войску

«Согласно инстинкту природы, бессловесные животные и неразумный скот привыкли уклоняться от болезненных ударов, и нигде не найти столь беспечного зверя, который не страшился бы и не избегал бы несчастных случаев. Как же после этого не заботиться о спасении своей жизни человеку, которого Бог возвысил по благородству над всеми животными, одарил его умом, словно частицей Своей божественности, предоставив все заботы и охрану человека себе? Воистину Божие Провидение особенно охраняет и осеняет ежедневно монархов и князей; это доказывает опытность, которую Господь Бог одаряет государей, а также высокое преимущество правителей, обладание ими частицей небесной мудрости. Вдохновение внушает лучшие и самые безопасные средства, предостерегает о будущих случайностях, советует осторожность и предупредительность. Этому-то всемогущему вдохновению приписываю я все полу-

ченные благодеяния. Поручив Божьему покровительству себя, свои обиды и права, я надеюсь также, что он освободит меня от всех тех поношений, которыми злые языки терзают мое имя.

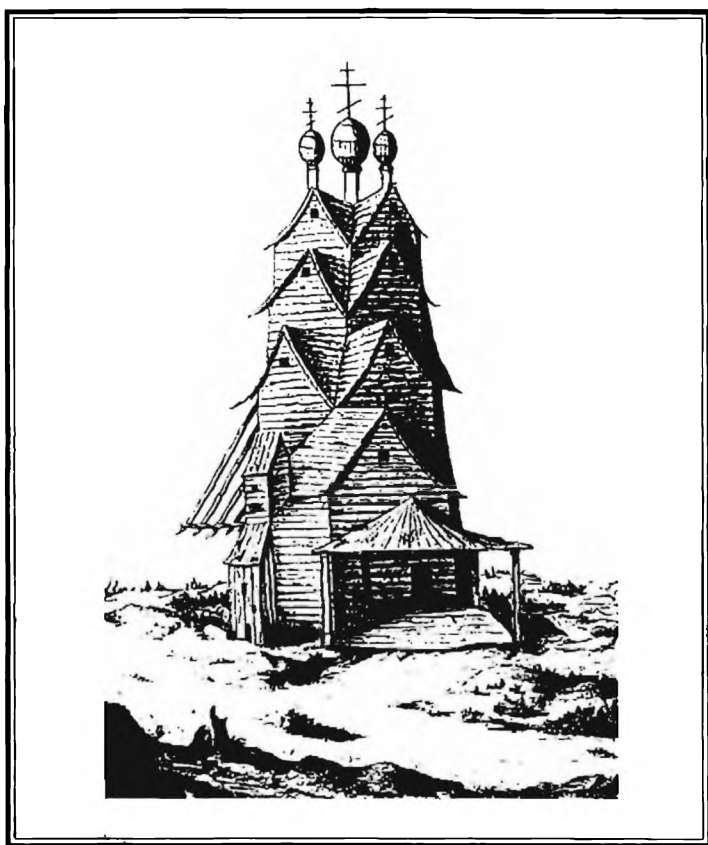
Не хочу быть жестокой к самой себе и оставить на произвол сомнительной судьбы того, о чем каждый деятельный человек должен заботиться, и не хочу быть более жалкой, чем животные. Мною руководит не только боязливый женский гений: рассудок велит мне заботиться о своем деле и защищаться от поношений тех людей, которым поручена охрана моей жизни, имени, славы и чести. Эти люди — предводители войск. Мое сердце, погруженное в скорбь и глубокую печаль, едва может снести посягательства на мою честь, опорочение имени и оскорбления сана.

Начались с королевскими послами какие-то переговоры, конференции и сделки для того, чтоб меня унижить и покинуть. На заседаниях и пирах, среди пьяного веселья, каждый бокал сопровождался насмешками и клеветами по моему адресу от тех, защите которых я поручила жизнь, честь и неприкосновенность царского престола. Судорожно вздрагивала душа, находясь в беспрестанной тревоге, ибо не только мой сан был во мне оскорблен: мне грозили с помощью тайного заговора взять меня под арест и отправить, как пленницу, к королю. Я не могла вынести той мысли, чтоб попасть в руки тех, которые жаждут погубить меня. Точно так же Бог не допустит и того, чтобы кто-то воспользовался моей особой и моими правами на престол, как предметом торговли, чтобы приобрести от этого пользу себе и купить королевские милости, унижая мой столь высокий сан и изменнически предавая меня в руки короля, который не имеет никаких прав ни на мою особу, ни на эту принадлежащую мне монархию. Господь отомстит за меня и накажет изменников за клятвопреступничество, мне же благий Бог станет защитником и опекуном; Ему поручаю я свою скорбь, испытания и обиду, оставшись одна, без отца, без матери, без родных, без друзей, покинутая всеми. Вынужденная опасностью, еду к мужу, которому клялась в супружеской верности в Кракове, в присутствии короля. Я хочу посоветоваться насчет восстановления своего доброго имени и, ввиду заговоров и замешательства, хочу отдохнуть у себя в своем замке и буду молить Праведного и Всевышнего Судию об удостоверении моей невиновности.

Снова призываю в свидетели Бога в том, что, сохраняя за собою неприкосновенное имя, царский сан и полные права на престол, — так как я, государыня северных стран, русская царица и польская шляхтянка, — так же точно не хочу и не буду признавать над собой ни королевской, ни какой бы то ни было другой власти и изо всех сил буду заботиться о благе и награждении тех воинских чинов, которые, любя доблесть и славу, не забывают данной мне клятвы и сдержат ее. Я уезжаю. Императрица Марина».

По прочтении письма в войске поднялся страшный мятеж, буря негодования и крики: «Гетман Ружицкий — изменник!» Охваченные гневом воины бросились к палаткам Ружицкого с обнаженными саблями и криками: «Ружицкий! Так это ты продаешь нашу государыню Польскому королю! Пьянствуя с королевскими послами, ты прогнал из лагеря царя и царицу? Под чьим же именем будем мы

Церковь Вознесения

теперь воевать? Кто будет вознаграждать нас за наши заслуги? Мы тебя считаем изменником, а не вождем. Верни нам изгнанных из лагеря государей, изменник! Где царь, где царица? Если ты хочешь выдать войско на резню, то сам попадешь на нее!..»

Гетман Ружицкий, пользуясь значением своего звания, думал оправдываться; но они, не слушая его, дали залп и убили бы, без сомнения, если б стража у его палатки не удержала рвавшихся туда солдат; в это время Ружицкому удалось бежать из палатки.

Раньше других ушли Донские казаки, в числе 20 000, во главе со своим гетманом Заруцким, верным до самой смерти приверженцем Марины. Пренебрегши распоряжением Ружицкого, в боевом порядке с развевающимися знаменами, они в полдень, на глазах у всего войска вышли из лагеря и дружно направились к Калуге, к Димитрию и к Марине.

Нептун своим могучим трезубцем не мог бы усмирить волнения, поднявшегося тогда в войске: ни один полководец не пользуется доверием; приказанья не исполняются, стража не стоит на посту; нет того, на котором они могли бы излить свою месть за оскорбление царя и царицы. Впав в ярость, войска подожгли лагерь. Затем, забрав из Осипова орудия, они пошли к своему Димитрию.

Ружицкий донес королю о замешательстве в войске, требуя, чтобы он отправил часть своего войска под Москву и выслал денег на подкуп Димитриева войска.

Однако лучшие вожди Димитриева войска перешли на сторону короля. Гусарский полк Александра Зборовского, полк Андрея Млоцкого, весь полк Ружицкого (сам он умер в Волочке от болотной лихорадки), полки Копуцинского, Ланцкронского, Вильколоского, Мархоцкого и конные отряды в полном составе перешли к королю. Но Ян Сапега, сын Литовского канцлера, перешел на сторону Димитрия.

Счастье все еще улыбалось Димитрию. Подкрепленный вспомогательными польскими полками, он двинулся с войском на Шуйского, к столице.

Подойдя к городу, Димитрий расположился лагерем и приготовился осаждать столицу, в которой пребывал царь Василий Шуйский.

К востоку расположились Донские казаки со своим гетманом Заруцким; Касимовский же стан с татарами расположился на берегах реки Москвы. У противоположного входа в лагерь расположилась легкая конница. Тыльная часть лагеря охранялась русскими и поляками. Такое устройство лагеря уподобляло его городу: в нем были улицы, площади, рынки и лавки. Он был окружен толстыми большими стенами и палисадами из остроконечных кольев, кроме того неширокими, но глубокими рвами. Сапега же осаждал монастырь св. Троицы, чтобы отрезать отсюда помощь Москве. Димитрий стоял лагерем под столицей до тех пор, пока не подошел с войском коронный гетман Жолкевский.

Часть III

Великий коронный гетман, Станислав Жолкевский, завоевал Московскую монархию, взял в плен царя Шуйского, обеспечил престол за королевичем Владиславом, приняв от думных бояр присягу на его имя. Царь Димитрий погиб, а с ним и Марина.

Король, узнав, что войско на стороне Димитрия и что последний осаждает Шуйского, отдает приказ великому коронному гетману Станиславу Жолкевскому, в то время Киевскому воеводе, идти с войском на Москву.

Гетман немедленно пошел на Москву с войском, против которого князь Димитрий Шуйский вышел с 80 000, среди которых было 40 000 вспомогательных шведских, французских и шотландских воинов, и еще столько же русских под начальством князей: Голицына, Куракина, Мезецкого и Урвиша.

Шпионы уверили гетмана, что в прошлую ночь неприятель находился на расстоянии всего 8000 шагов от Царева. Созвав вождей и военных старшин, он спросил у них, следует ли ждать наступления неприятеля или же пойти к нему навстречу и предупредить его? Они решили идти к нему навстречу. Гетман, не высказавшись ни за тот, ни за другой проект, вышел из собрания, как бы в раздумье; на самом же деле он был того мнения, что не следует ждать неприятеля, а идти и предупредить его. Так как в его войске были русские, то он таил свое мнение и намерение — не ждать врага. Таил он его потому,

чтобы какой-нибудь изменник не мог предостеречь неприятеля. В это время приехал к гетману Александр Зборовский с 2500 конных гусар. Сам гетман выехал к нему, с радостью приветствуя и с благодарностью принимая его желание общими силами двинуться на неприятеля. Он обещал ему королевские милости и награду за военные труды. Оставив в стороне пехоту, он вечером разослал вождям, полковникам и ротмистрам собственноручные приказы относительно того порядка, который они должны будут соблюдать в походе. За одну ночь, которая в июле весьма непродолжительна, он отправил к Клушину 5000 гусар. Пройдя четыре мили, он перед рассветом подступил к неприятелю. С ним были Станислав Конецпольский, кор. кравчий, его зять, ставший после него вел. кор. гетманом и Краковским каштеляном; Александр Балабан, его племянник, князь Порыцкий, Николай Струсь, Гербурт, Малинский, Хвалибог и другие доблестные воины.

Князь Димитрий под Клушином был уверен в победе, имея в виду небольшое количество поляков. Поэтому неприятель, не поставив никаких караулов, сладко спал. Самоуверенность его была настолько велика, что, по его мнению, гет. Жолкевский, узнав о большой численности Московских и вспомогательных войск, должен отступить назад. А Понтус де-ла-Гарди⁹, фельдмаршал иностранных вспомогательных войск, из чувства великого самомнения, поддерживал славу Димитрия лестными словами и надеждой на его победу. Присутствуя вечером на пиру у князя Димитрия, он смеялся над гетманом Жолкевским и рассказывал, что, будучи взят Жолкевским в плен под Вольмаром, он получил от него в подарок полушубок из черных лисиц; а он, когда захватит Жолкевского, подарит ему в награду за лисий полушубок — соболий.

Но, вопреки ожиданиям неприятеля, Жолкевский оказался мужественным вождем и разбудил бы раньше спящих москвичей, если б его не задержали плохие дороги, мелкие болота и трясины, в которых увязли два орудия: пока их вытаскивали, время прошло.

По пути между заборами находились две деревни. Если бы московская пехота овладела ими, то Жолкевскому ничего не удалось бы сделать. Поэтому дальновидный вождь велел зажечь эти деревни. Итак, алое зарево зажженных деревень разбудило неприятеля; и

тот, который пренебрегал малочисленным польским войском, убедился, что мужественный и дельный вождь польский, Жолкевский, стоит над головой у врага.

Правым крылом командовал Александр Зборовский, а левым — Николай Струсь; фланги закрывали полки Казановского и войска воеводы Поморского. Гетманский полк Ксении был отдан под начальство Пoryцкому, а остальные отряды оставлены на подмогу.

Неприятель также приготовился к сражению, выбрав себе очень выгодную позицию, защищенную озерами, заборами и лесами. Левое крыло занимала московская кавалерия, правое — фельдм. Понтус де-ла-Гарди. Инфантерия расположилась под лесом за плетнями, чтоб прийти в помощь кавалерии.

Воодушевив сердца солдат краткой речью, гетман велел трубить к атаке. Полки, получившие приказание выступать, быстро двинулись на русских противников и силою своего напора выбили их из позиции.

Но, с другой стороны, полякам трудно было справиться с русской пехотою, защищенной перегородами и заборами, к которым никак нельзя было подступить для атаки. Поэтому пехота произвела значительные опустошения среди польских солдат, успев три раза зарядить ружья и дать три залпа. Однако поляки и под градом оловянных пуль не лишились мужества. Жажда славы, презирая смерть и не обращая внимания на частые выстрелы, они настойчиво, усиленным натиском конских сил, ломали и опрокидывали преграды и, очистив себе путь, бросались с копьями на пехоту; иные рубили саблями. Тут подоспели две увязшие по пути в грязи пушки, которые помогли одолеть неприятеля. Гусары, произведя копьями широкие проходы среди неприятельской пехоты, произвели замешательство в рядах войск: не будучи в состоянии выдержать яростного напора польских солдат, инфантерия повернула тыл и отступила в лес.

Но не теперь еще конец битвы, не здесь победа: иностранные вспомогательные полки соединились и возобновили бой. Хотя поляки и в этой битве храбро сражались, но в тесном месте трудно было действовать копьями. Бой продолжался четыре часа, причем военное счастье склонялось попеременно то на ту, то на другую сторону; наконец, роты гетмана, Конецпольского и Балабана, атаковав неприятеля сбоку, положили начало победе: они не дали неприятелю времени оправиться и построиться вновь, ударили с большой силой и рубили

так, что образовались целые курганы неприятельских трупов. Войско в 80 000 человек было снесено, рассеяно, и лагерь взят.

Следует обратить внимание на то, как много могут сделать конное войско и доблесть вымуштрованного военного солдата. В этом случае битва происходила в неудобном тесном месте, огороженном пере-кладами, и победа досталась лишь после долгой, упорной, кровопролитной борьбы. Многие, лишившись коней и смешавшись с конными, должны были сражаться пешими, рискуя попасть под лошадиные копыта: так, князь Пoryцкий, лишившись двух коней, должен был спешившись сражаться с конным неприятелем. Ротмистр Гербурт также пешком рубился с неприятелем: окружив себя почти на высоту своего роста трупами, он спасся только благодаря тому, что конюх подвел ему коня, на которого он сел, взобравшись на гору трупов. Наиболее стойкими оказались роты гетмана Конецпольского и Балабана. Гетман больше всего призывал царские милости на Николая Струся, Балабана, Конецпольского, в то время кор. кравчего, князя Пoryцкого, Гербурта и Щедринского.

Процессия для водосвятия

Разбитый наголову неприятель бежал. Понтус де-ла-Гарди, фельдмаршал вспомогательных войск, и Эдвард Горн, шведский генерал, в самом начале битвы укрылись в лесу, оказавшись жалкими трусами. Князь Димитрий бежал изо всех сил и его не догнали. Он был бы схвачен, если б не употребил хитрости, приказав разложить и развесить в лагере добычу — платье, серебро, мебель, собольи меха, как в лавке. Этим он задержал погоню, возбудив желание воспользоваться готовой добычей. Конь его пал, и ему пришлось пешком дойти до Можайска, куда он принес голову, увенчанную не победными лаврами, а обыкновенной злополучной крапивой.

Из вспомогательных войск было уведено несколько тысяч пленных. Взяв с них клятву в том, что они не будут воевать против короля, их отпустили на волю и позволили идти куда угодно. Князь Куракин пал в битве, Урвиш взят в плен. Русских погибло 15 000, вспомогательных 2000, а поляков 107. Между ними погиб доблестный ротмистр Станислав Ланцкоронский. Ранено 120 поляков, а лошадей убито и ранено великое множество.

Русские, осажденные в Смоленске, конечно, узнали о торжестве королевских войск. В лагере были выставлены доказательства победы, захваченные знамена, особое белое знамя с черным двуглавым орлом, карета и булава Димитрия Шуйского. Пушечная и ружейная стрельба, веселые звуки труб и литавр разглашали победу над Димитрием. Однако все это не поколебало упрямого смоленского коменданта, Михаила Шеина, и он не сдался королю.

Карл Зудерман, шведский король и дядя Сигизмунда, силою лишивший своего племянника принадлежавшего ему королевства, получив тяжелую и печальную весть о потере войска, пришел в бешенство, рвал бороду, страшно богохульствовал, бранил короля, грозил мщением, потом впал в безумие (этому недугу он был всегда подвержен) и не щадил своих же шведов. По примеру Августа Цезаря, восклицавшего: «Квинтилий Вар, возврати мне потерянные полки!» — он с тем же воплем обращался к своему Сенату.

Воздав благодарение Господу Богу за победу, гетман отправился с войском в столицу. Ему сдались города: Осипов, Ржев, Зубцов, Можайск и другие; а русские выбегали к нему навстречу, заранее моля победителя о пощаде.

Жолкевский, который умел не только побеждать, но и пользоваться победой, постарался прежде всего отбить войско от Димитрия и присоединить его к своему. Он направился к лагерю Димитрия и, расположив войско в боевом порядке, неожиданно появился у его лагеря.

Тогда, пригласив Сапегу и главнокомандующих на конференцию, он стал их ожидать. Действительно, из лагеря Димитрия вышли для переговоров Сапега и главнокомандующие. Жолкевский стал объяснять им, что для них гораздо почетнее служить королю, их собственному государю, который гораздо добросовестнее ложного Димитрия, что король исполнит все то, что обещал им Димитрий, что они могут быть уверены в получении почестей и наград за труды, а также милостей от короля их государя. Он, Жолкевский, разбил с помощью Всевышнего большое неприятельское войско и теперь надеется также разбить Димитрия, против которого с ним соединились и русские, признавшие главенство короля.

Вождь и главнокомандующие согласились на это; согласилось и Димитриево войско, перейдя на сторону короля, под начальство гетмана Жолкевского.

Когда москвичи узнали, что гетман Жолкевский одержал победу, то думные бояре, чернь и даже их патриарх Гермоген решили положить конец кровопролитию и выбрали царем и государем польского королевича Владислава. Они восстали против царя Шуйского, заявляя ему, что господь не хочет, чтобы он царствовал на Московском престоле, которым овладел силою, с величайшим кровопролитием и на погибель народа, что во все время его царствования они ничего хорошего не видели, а потому больше не считают его своим государем. Действительно, они отняли у него корону и скипетр и, несмотря на отчаянное сопротивление, с помощью нескольких сильных людей постригли его в монахи, облекли в монашеское платье и заперли в монастырь.

Город пришел в великий ужас, когда за стенами появился гетман Жолкевский вместе с войском Димитрия Расстриги. Перед ними открыли ворота, ввели победителя в город, били ему челом; гетман въехал во дворец, где патриарх Гермоген, сидя на царском престоле, и все думные бояре избрали 15-летнего королевича Владислава своим

царем и государем. Гетман принял от них присягу на имя Владислава; они вручили ему корону, скипетр, ключи от казны и печати; к тому же они отдали во власть гетмана Жолкевского бывшего царя, ныне свергнутого с престола, Василия Шуйского; отдали также в плен его двух братьев, Дмитрия и Ивана Шуйских. Черни бросали монеты, на которых с одной стороны был изображен королевич Владислав, а с другой сделана надпись: «Владислав, королевич польский, император российский, великий князь, государь Московский, Калмыцкий, Казанский, Сибирский, Астраханский, Черемисский, владетель земель до Каспийского и Северного морей».

Следует обратить внимание на то, как мужественно польское Димитриево войско сражалось с царем Борисом и с Василием Шуйским, как много побед оно выиграло над последним, не только ослабив его силы, но и уничтожив их окончательно. В течение двух лет оно осаждало столицу, изнуряя ее огнем, голодом и нападениями, воевало с самого появления Дмитрия в Москве и сопротивлялось Московскому могуществу. Наконец, дождавшись прибытия гетмана Жолкевского, оно овладело всей Московской монархией в пользу польского королевича и разнесло славу польского народа до самых границ Персии. Мужеству, храбрости и доблести польского солдата будут удивляться грядущие века.

Итак, великий воин, доблестный вождь, старший гетман польского войска, славный Жолкевский, московский наместник царя Владислава, оставив 6000 польского гарнизона в столице и сдав общее командование над этой частью войска Александру Гонсевскому, в сопровождении доброжелательных к нему Марса и Беллоны выступил из Москвы и направился в лагерь короля, под Смоленск, который уже был взят после сильного штурма. Оттуда он отправился в Варшаву, ведя с собой к царю Владиславу свергнутого царя Василия Шуйского и братьев его князей Ивана и Дмитрия Шуйских. Во время генерального сейма в Варшаве Жолкевский, всенародно поздравив короля с победой, а Владислава со вступлением на Северный престол, передал этих пленных королю и Владиславу, приказывая бить им челом.

...Ложный Димитрий находился с Мариной в одном монастыре, на расстоянии трех миль от лагеря. Узнав, что его войско перешло

под начальство гетмана Жолкевского и что вскоре и его самого хотят взять приступом, он ускакал с Мариной к Персидской границе, в Калугу, злополучный для него город. Казачий атаман Заруцкий тоже пошел за Димитрием в Калугу, взяв с собой часть своего войска. Часть татар также примкнула к Димитрию и к Марине.

Хотя король и хвалил Жолкевского за его мужество, дельность и доблесть, но упрекал его за то, что он, не доложив королю, согласился на избрание Владислава, на имя которого и принял присягу. Король желал, чтобы царем избрали его, а не сына, и чтобы последний только после его смерти получил престол и скипетр. Из-за этого неудовольствия он и не отпустил сына Владислава в Москву,

Тушинский вор

хотя Россия два года упрашивала короля-отца отдать ей царя ее. Видя пренебрежение короля, Россия отвечала ему тем же и восстала, о чем будет сказано ниже.

Всякому понятно, как заблуждался король, предъявляя такие требования к чужому народу, на владение которым у него не было прав. Этим он снова раздражил жестокую и едва улегшуюся злобу русских и разбередил зажившие было раны. Завидуя сыну, препятствуя добровольному избранию его и неволя народ, он только разочаровался и понес потерю.

...Уже второй год кончался с тех пор, как король начал осаждать Смоленск, но без успеха. Ему надоела такая потеря времени, и он захотел испытать счастья, приложив все крайние силы к атаке. Поэтому еще до рассвета первым пошел со своими на приступ Каменецкий каштелян, Яков Потоцкий, назначенный главнокомандующим вместо гетмана Жолкевского. Схватив лестницу и смешавшись с простыми солдатами, он с их же помощью влез на стену; за ним бойко последовали солдаты. Русские, встревоженные неожиданным и быстрым появлением неприятеля на стенах, подняли тревогу, ударили в набат, призывая гарнизон и народ. С противоположной стороны пехота Поморского воеводы взобралась на стены. Противники сцепились, и произошла жестокая битва на стенах, которые были шириной в 12 локтей. Чтобы наших не согнали со стен и чтобы их больше могло взобраться туда, из лагеря шла непрерывная стрельба по неприятелю. Некоторые притащили орудия и стреляли из них в стены и в крепости.

Хотя наши овладели стенами Смоленска, но нельзя было еще надеяться на взятие крепости. Прыгать с высокой стены в город было опасно, кроме того, внизу наблюдали за нами русские. Вся надежда на взятие города зависела от умения и искусства военных приемов маршала Христофора Дорогостайского и Варфоломея Новодворского, Мальтийского кавалера, которые хотели воспользоваться тем обстоятельством, что все внимание неприятеля было направлено в одно место, где с ними дрались наши. Пользуясь этим, Новодворский выбрал самое удобное место, близ Кирилловских ворот, где вытекал из-за железной решетки канал, отводивший нечистоты из города в соседний Днепр; канал этот проходил под

стеной Смоленской крепости. Новодворский заложил в этом месте в стену медную петарду и, презрев опасность, собственноручно зажег ее. Вскоре петарда разорвалась с такой страшной силой, что разрушила стену на 30 локтей в длину и на 12 локтей в ширину; через эту брешь был открыт доступ в крепость. Первыми вошли в город Дорогостайский и Новодворский с пехотой; за ними последовали остальные полки. Трубы, литавры и барабаны возвестили всем, что крепость уже взята. Испуганный неприятель еще более удивился, видя столь большую пробоину в широкой стене, к тому же в таком месте, где он не опасался ни мин, ни подкопов, считая его вполне безопасным. А в крепости хозяйничают конные и пешие солдаты, рубят, режут, убивают всех, кто им попадется, молодых, старых, девушек, женщин и детей, без разбора, без пощады. Весь город наполнен трупами.

Те, которые могли, спасались в высокой, обширной церкви; но здесь им пришлось еще хуже, потому что загорелась колокольня, подожженная либо самими же русскими, либо петардой Новодворского. Пожар усилился от взрыва пороха, сложенного на колокольне, и уничтожил семь башен.

Еще сильнее вспыхнул пожар над царскими воротами. Он начался в домах и, как оказалось, произошел от поджога, устроенного самими же русскими, которые хотели погубить вместе с собой и польских солдат, грабивших крепость. Горели дома. Маршал Дорогостайский старался потушить пламя, чтобы спасти имущество, богатства, серебро, золото и иные драгоценности; но ни приказание, ни просьбы, ни обещания не могли остановить разъяренных солдат, которые толпами грабили и убивали людей. Мало того: когда пламя охватило церковь, оно проникло и в подземные погреба и усыпальницы, находившиеся вблизи церкви, в которых взорвало 1500 боченков, содержащих по шефелю пороха каждый. Последовал ужасный, неопиcуемый грохот. Казалось, что земля расступилась и небо собирается упасть, как будто соединились вместе землетрясение, громы и молнии. Пламя охватило величественный каменный кафедральный собор, где искало приюта множество мужчин и женщин и где хранилось золото, серебро, деньги, драгоценности и богатые товары. Все это сгорело; уцелело только то, что успели захватить польские

солдаты. Гибли враги от огня, от меча; польские солдаты еще прибавляли огня в огонь. Одни сгорели, другие задохлись от вредных газов, иные были взорваны на воздух порохом или раздавлены обломками стен и обрушившимися балками. Прискорбно было смотреть, когда русские от великой ярости и отчаяния бросали в огонь золото, серебро, соболя и другие меха, товары и богатства, вслед за которыми и сами прыгали в огонь.

Таким образом через четыре часа была взята эта славная, богатая, сильная крепость, обильно снабженная припасами и страшная врагам. Она лишилась всех украшений и всего своего великолепия, разрушенная пламенем и наполненная развалинами, ямами, трупами и могилами, к стыду русских. У алтаря был схвачен в богатом облачении Смоленский архиепископ Сергей. С него содрали облачение, ранили в голову и сильно окровавили. С ним взяли Петрыло Ивановича Горчакова, воеводу, чином ниже коменданта Шеина.

Одного лишь недоставало — Михаила Шеина, смоленского Гектора. Но толпа бегущих женщин выдала, что он жив и скрывается с некоторыми другими в одной запертой башне, откуда надеется бежать. Тотчас же польские солдаты направились туда; но Шеин защищался, боясь жестокости поляков и мщения за то, что он истязал их собратьев. Он потребовал к себе кого-нибудь из вождей и заявил, что если таковой не явится, то он готов защищаться и готов лучше погибнуть, нежели отдать себя на растерзание польским солдатам. Прибежал каштелян Каменецкий, которому он немедленно сдался с женой и сыном.

Крепость была взята в день св. Антония, благодаря заступничеству которого она вновь досталась своему прежнему государю, пробыв сто лет в руках русских. Польских солдат погибло при этом весьма немного, всего 15 человек во время битвы на стенах и столько же в домах во время грабежа. Погиб также один мужественный и славный ротмистр, Станислав Горецкий.

Солдаты нашли под обломками стен живых мужчину и женщину, пролежавших под обломками без пищи 16 дней; вынесенные на свежий воздух, они тотчас же скончались.

Король, поручив взятую крепость каштеляну Потоцкому, через несколько дней после взятия ее направился в Вильно.

*Перемена мирных соглашений в Москве после отъезда
в Польшу вел. кор. гетм. Жолкевского*

Снова подул резкий, сильный, бурный Аквилон вероломных северных изменников; снова всколыхнул он лицемерную и ненадежную Московскую монархию, русские сердца не смягчились даже предполагаемыми от теплых фавониев¹⁰ царскими милостями Владислава, ни за что не хотели выразить повиновения, к которому обязали себя присягой, не растаяли и не отказались от упорного мятежа, даже чувствуя горячее прикосновение огненного Марса.

Сперва наблюдались небольшие вспышки этого Московского мятежа; их можно было легко задавить, как змею в траве. Но всевышний приговор небес был иной.

Всевышнему подателю счастья показалось, что поколение Сигизмунда слишком разрослось, так же как и слава польского народа. Обладание Московской монархией намного усилило бы его могущество и дало бы возможность отвоевать королевство Шведское. Наконец, король захотел бы овладеть также королевствами Данией и Норвегией. Эти три королевства, Шведское, Датское и Норвежское, были соединены под одну власть во время правления королевы Маргариты Шведской в 1380 г. Королю Сигизмунду легко было бы сделать то же самое, если б он распоряжался по воле Небес и если б удержался на Московском престоле. Небеса лишь показали ему призрак такого счастья, не дав этому призраку возможности осуществиться, т. е. не допустили соединения Московской, Польской, Шведской и других монархий под его скипетром. По мнению Небес, королевский дом был чересчур щедро одарен, если б все это досталось ему в удел.

Вся вина утраты Московского государства падает на самого короля; ибо думные бояре, патриарх с митрополитами, владыками и архимандритами, со всем духовенством, русским народом и всеми московскими чинами избрали 15-летнего королевича Владислава своим государем и царем под тем условием, чтобы Жолкевский немедленно привез его в Москву для коронования. Упрашиваемый московскими чинами, гетман Жолкевский согласился на это условие и поклялся им, что немедленно привезет в столицу царя Владислава. Когда же гетман стал осаждать просьбами короля, чтобы тот отпустил с ними

королевича в русскую столицу, король отговаривался юными годами последнего, еще не позволяющими ему править государством, и посылал Жолкевского в столицу, чтобы он получил присягу на имя короля-отца как царя. Гетман же, который торжественно и с великими почестями выехал из Москвы, не хотел вопреки своей клятве показаться в Москве без Владислава. Он предупреждал короля о замешательстве в Москве, но сам не поехал в Москву, а подал в отставку и с небольшим войском пошел к Турецкой границе охранять Польшу.

И не один только гетман упрасивал короля. Не дождавшись Владислава в Москве, московские чины отправили в Польшу послами шесть князей и думных бояр к королю с просьбой отпустить с ними в Москву царя Владислава. Король воспротивился этому и сказал им то же, что и гетману. Таким образом, зависть отца и честолюбие короля, желавшего владеть двумя скипетрами, были причиной потери права на Московскую монархию. Тогда зачинщик мятежа, патриарх Гермоген, и князь Голицын стали уговаривать народ, чтобы он отказался от Владислава: ибо если он будет править, то их Греческая вера падет и будет введена Римская. Они советовали москвичам выбрать на престол соотечественника и корили чужеземца. Этими и другими подобными доводами они склонили чернь к тому, что она пренебрегла Владиславом, стала нападать на польских солдат, находившихся в столице при гарнизоне, вызывать их на ссоры и, наконец, осмелилась говорить им, что не признает Владислава своим государем.

А Прокопий Ляпунов сам вызвался быть вождем мятежников. К нему сбегались бунтовщики, с которыми он собирался брать приступом столицу и выгнать оттуда Польский гарнизон¹¹. Ляпунов говорил народу: «Так как король нарушил клятву Жолкевского, то и они уволены от присяги». Жарницкий, казачий гетман, тоже пристал к Ляпунову, по каким причинам и на каких условиях, — смотри ниже.

Димитрий, ложный царь, называвшийся Григорием Шаховским, убит.

Долго душил волк стадо, но пришло время, что и волка убили. Дело было так. Через три месяца после окончания переговоров между Жолкевским и Московскими чинами беглец, ложный Димитрий, называвшийся прежде Григорием Шаховским, бездельничал в Калуге. При нем находилось весьма немного знатных москвичей. Он больше

всего надеялся на казачьи и татарские отряды и грозил полякам мщением. Он не отчаивался в своем успехе, говоря, что, пока будет жив, пока у него будут войска, не уступит своих притязаний на престол. Однажды его татары напали на польскую роту ротмистра Чаплинского, разбили ее и привели в Калугу несколько пленных поляков, которых подарили своему царю. Димитрий так радовался этой победе, как будто завоевал уже Москву. Он устроил пир, на котором ел, пил, угощал и веселился. После пира он поехал за город в сопровождении татарского вожды Петрыло Вжозово и 300 татар. Остановившись на прекрасной и обширной равнине, покрытой в то время снегом, он чрезмерно развеселился, послал несколько саней за водкой и медом, призывал именитейших татар к веселью, угощал их, пил за их здоровье, наполняя собственноручно большие кубки. Все поле оглашалось криками пьяных татар. Когда же веселье достигло крайних пределов или, вернее, перешло в дебош, когда русские осушили за здоровье Димитрия и татар кубки, наполненные до краев, когда все опьянели от водки и меда, Петрыло Вжозово, татарский вождь, видя, что настала удобная минута, привел в исполнение намерение, относительно которого условился заранее со своими татарами: в то время как Димитрий подавал ему кубок с напитком, он вонзил ему нож под сердце... Тогда все татары схватили сабли и вырезали московскую шляхту. Ложного же Димитрия рассек на части сам Петрыло и, содрав с него одежду, поскакал к столице¹².

Причина убиения Димитрия была та, что он незадолго перед тем велел наказать ударами невинного Петрыло Вжозово и держал его в заключении, из которого только что выпустил, а хана Касимовского¹³ велел убить, подозревая его в измене. Поэтому татары стоворились отомстить Димитрию за такой позор и обиду и решили убить его. Узнав о убиении Димитрия, Марина в ужасе выбегает из замка в город, оглашает его криками, воплями и рыданиями; растрепав волосы, она обнажает грудь, собираясь пронзить себя, потом в яростном озлоблении велит подать себе коня, садится верхом и призывает Донских казаков к избиению татар. Вырезав их несколько сотен, она все же не оживила своего мужа.

Так окончил жизнь тот, который присвоил себе семью, состояние и государство первого убитого Димитрия, который выдавал себя за

Димитрия и обманывал московские чины, будучи неизвестного происхождения. Русские пристали к нему, спасаясь от тирании Шуйского, а поляки — для отмщения Шуйскому и его приверженцам за убийство Димитрия и оскорбление их единоплеменников. Они скрывали крючкотворство и обман убитого ложного Димитрия, чтобы захватить московские богатства и присоединить к Польше Московскую монархию. Всего вероятнее, что этот убитый обманщик был еврей по происхождению, так как среди его вещей в ящике нашли Еврейский Талмуд, множество других еврейских книг, писем и бумаг, написанных по-еврейски.

Он отличался тем, что глумился над угодниками Божиими, богохульничал, был совсем не воспитан, груб, жесток, хитер. Это был разнузданный развратник, нечестивец, бездельник, пьяница, погрязший в преступлениях, негодный для того, чтобы даже в комедии разыгрывать ложного царя, ибо в нем не было ничего царского: ни достоинства, ни внешности, ни малейшей доблести. Поддерживали же его только вспомогательные польские и русские силы.

После убийства ложного Димитрия Ляпунов призывал к себе казачьего гетмана¹⁴, чтобы он со своими казаками помог ему выгнать из Москвы поляков, обещая за это посадить на Московский престол оставшегося сына Димитрия и Марины. По этой причине Заруцкий пристал к Ляпунову: как верный до смерти любовник Марины, он хотел ей помочь¹⁵. Князь Трубецкой тоже стягивал со всех сторон русских солдат, чтобы увеличить войско Ляпунова. Столичная чернь со своей стороны стала надеяться на Ляпунова: узнав, что он собрал войско, она стала смелее сговариваться, чтобы погубить поляков.

Когда Александр Гонсевский, мужественный и умелый воин и комендант польского гарнизона в столице, получил достоверные известия о бунте и измене народа, он тотчас же созвал думных бояр, дьяков и самого патриарха для переговоров и сказал им: «Что это? Почему они так коварно поступают и нарушают клятву? Уже стали известны их заговоры и изменнические совещания на погибель польского воинства. Пусть же знают, что им придется омыть задуманное ими позорное предприятие кровью многих тысяч их же соотечественников и патрициев. Пусть бояре усмирят бунтовщиков, пусть заставят мятежников отказаться от их бесчестных замыслов.

Если же мятежники будут упорствовать в своем намерении, то да будет им известно, что я и вожди мои твердо решили стоять за короля и за царя Владислава, вашего государя, до последней возможности сопротивляться вам, драться с вами за обиду, нанесенную королю, моему государю и царю Владиславу, вашему государю, до тех пор драться, пока достанет сил у меня и у подвластных мне солдат. Мы предпочитаем славную смерть, как и подобает мужественным солдатам, а вам не сдадимся. Но прежде чем положить вас мертвыми на поле битвы, вы заплатите за нашу смерть и кровопролитие своей жизнью. И не ручьями потечет ваша кровь: кровавый потоп из нее учиним, в котором вы и погибнете. Меч и пламя будут бушевать в вашем городе, и с военной беспощадностью будут тиранить вас польские солдаты».

После этих слов Гонсевский обратился к патриарху: «Ты же, злобный изменник Гермоген, первый зачинщик и создатель мятежа, слушай! Если ты не перестанешь возмущать страну вашего государя, царя Владислава, и если не успокоишь бунта, то не избежать тебе кары, ожидающей всякого зачинщика. Тебя не спасет твой высокий сан, на него не обратят внимания; ибо ты осквернил патриаршество бесчестной изменой и клятвопреступничеством».

Когда патриарх оправдывался, говоря, что ничего не знает ни об измене, ни о мятеже, Гонсевский показал ему письма, писанные его рукой, в которых он советовал не признавать Владислава царем и выгнать поляков. Он велел взять смущенного патриарха под стражу, которая постоянно находилась бы при нем, наблюдая за его малейшими движениями и действиями.

После угроз Гонсевского москвичи смирились и лживо уверяли в своей верности и повиновении Владиславу. Когда же они узнали, что Ляпунов идет с большим войском к столице, то стали искать поводов к ссоре с польским гарнизоном. В столицу сходились из деревень и местечек люди, под предлогом искания защиты, тайно принося с собой оружие; приходили и солдаты Ляпунова, тайно переодевшись в городское платье; их никто не узнавал, так как они смешивались с городской чернью. В городе многие могли жить скрытно, так как Москва очень велика: в ней числится до 180 000 домов, не считая церквей и монастырей.

При московском населении в несколько сот тысяч человек, шеститысячный польский гарнизон, состоящий под начальством Александра Гонсевского, казался лишь снопом пред большим скирдом. Но предусмотрительный, осторожный и мужественный Гонсевский умел со своей небольшой горстью солдат устоять против страшного напора неприятеля. Гарнизон также не страшился столь превосходящего его численностью врага: небольшой по числу, он был хорошо обучен, опытен в битвах, презирал смерть и дивно воевал. Комендант Гонсевский занял со своими солдатами два замка: Кремль-город и Китай-город; он укрепил их как можно лучше и снабдил орудиями для защиты от внезапной атаки мятежников.

Уже войско Ляпунова было незаметно введено в город; оно смешалось с чернью, сообщая ему больше смелости к мятежу. Москвичи стали задираться с поляками и ругать их; улицы были загорожены цепями; чернь вскочила на лошадей и атаковала гарнизон. Бывшие наготове вожди, Казановский и Зборовский, сделали то же, ударили на неприятеля и уложили на месте 6000 человек. Но это сражение мало или почти совсем не способствовало успокоению: русские не устрашились, а напротив того, возгорелись еще большею яростью и поклялись сами погибнуть, лишь бы погубить поляков¹⁶.

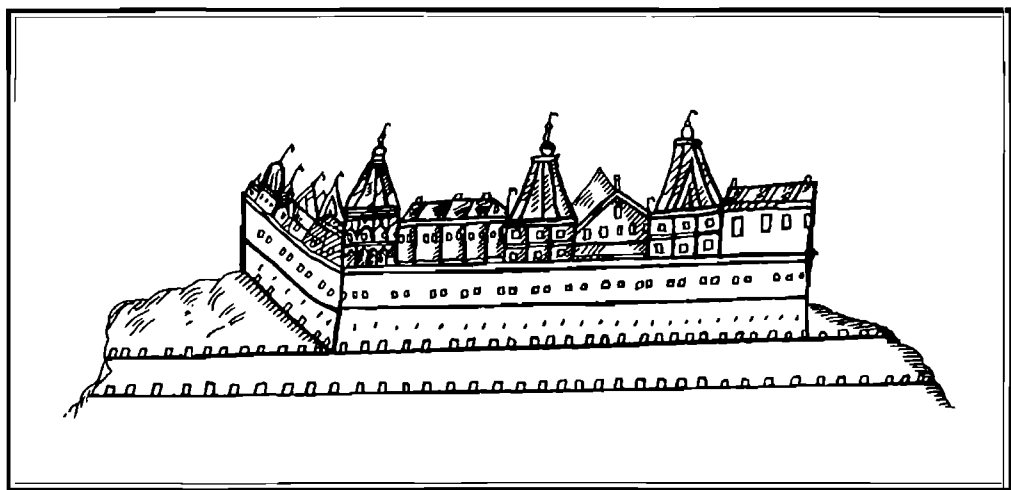
Но мужественный вождь Гонсевский, несмотря на неизмеримое превосходство неприятеля, поклявшегося уничтожить польский гарнизон, собирается одолеть его Геркулесовою десницей. Он хватается за отчаянное средство: велит в шести местах Белгорода¹⁷ (обширной части города, названной так от белых стен) приготовить запасы горючего материала, состоящего из серы, смолы и пороха, и зажечь их. Тотчас же над городом взвился ужасный пожар, охвативший все дома, церкви и монастыри. Благодаря обилию деревянных построек, ни одна из них не уцелела. Жалко и больно было смотреть, как одни горели в домах, другие, желая тушить пожар, задыхались от дыма. Гонсевский еще усилил гибель и смерть врага, направив дула орудий в бегущую толпу. Под непрерывную стрельбу из них польские солдаты стали умерщвлять народ мечом и выстрелами из винтовок. Они рассекали, рубили, кололи всех без различия пола и возраста. На башнях и в склепах были также зажжены склады пороха; несчастная Москва осветилась словно фейерверком, и поднялся такой

грохот, которого не могли запомнить старейшие из солдат. Страшный дым превратил ясный день в темную ночь, и этот столичный город воистину уподобился Трое. Слезы, крики жертв, возгласы убивавших солдат, беспрестанный бой из орудий приводили всех в отчаяние. Многие проклинали патриарха, Ляпунова, Голицына, умоляли о пощаде, но, как изменники, не удостоились ее. Поляки затыкали уши, отворачивали взоры от умоляющих и никого не щадили. Тогда погибло более 150 000 народу; погиб Голицын, советник патриарха, погиб и сам патриарх, которого выволокли наружу, убили и разрубили на части. Поляков погибло одиннадцать, кроме тех, которые пошли грабить в домах. Гонсевский запретил им рваться к добыче, так как после победы вся она должна была достаться им.

Гонсевский, уничтожив неприятеля и освободив город от бунтовщиков, со всех сторон обеспечил себя. Он расставил часть войска по пунктам в городе для отпора неприятелю, если он ворвется снова. В случае же сильной атаки они должны были искать спасения в замке, где находились остальные воины. Гонсевский велел сжечь предместья города, которые могли служить неприятелю для защиты.

После столь славной победы польскому войску досталась неоценимая добыча.

Почти невероятные сокровища находились в царском дворце, в подворье убитого патриарха, в монастырях и в церквях, и притом в

Двор Ажедмитрия I на Взрубе в Москве

таком изобилии, что пехота, которой уже надоел и опротивел жемчуг, набивала самыми крупными жемчужинами мушкеты и стреляла ими в воздух. Алмазы, драгоценные камни, рога единорогов, украшенные алмазами и жемчугом, и иные драгоценности, золото, серебро были распределены между вождями и воинами. То, что должны были получить поляки, состоявшие на службе у ложного Димитрия, получили они же, но как слуги королевские.

В то время, когда королевский двор и волнующийся сейм радуются известиям о победах, Россия, освободившись от удил, сбросила севшую к ней на спину торжествующую Польшу. Я изложу вкратце, как это было. Народ, потрясенный внутренними усобицами, несогласиями и притеснениями чужеземных властелинов и уже завоеванный поляками, снова освободился и вернулся к прежнему состоянию. Все это случилось благодаря всеильным Небесам: они, пресытив зоры зрелищами, происходившими в столь могущественной монархии, велели сойти со сцены Польше, которая, подобно актеру, исполняла в течение нескольких часов на Московском театре роль триумфатора.

Неприятель пренебрег поражением, нанесенным ему Гонсевским. Все гуще собираясь возле Ляпунова, он стал атаковать замки Кремль-город и Китай-город, находящиеся во власти поляков. Эти наезды происходили в течение шести месяцев после отъезда Жолкевского. Польские солдаты давали отпор неприятелю и делали вылазки из крепостей.

В это время Гонсевский стал подумывать о том, как бы погубить врага, и придумал хитрость, благодаря которой погиб Ляпунов. Он знал, что Донские казаки со своим гетманом Заруцким помогали Ляпунову и были у него в лагере. И вот Гонсевский написал письмо, как будто посланное от Ляпунова к москвичам и скрепленное его печатью, в котором он, Ляпунов, издает приказ, чтоб москвичи в условленный момент вырезали казаков, так как последние — изменники. Это ложное письмо он вручил знакомому с тайною посланцу, чтобы тот как будто нечаянно попал с ним к казакам. Так и случилось. Посланный попал в руки казаков, на допросе рассказал, в чем дело, и отдал им письмо к москвичам. По прочтении его казаки подняли ужасное смятение, побежали к палатке Ляпунова, упрекнули его за тайный замысел и показывали письмо. Он уверял их, что не

писал письма, не думал даже об этом, что это изменническая хитрость врагов-поляков, и страшно клялся в своей невинности; но казаки не поверили ему и на месте убили. Удалась хитрость Гонсевскому: он погубил Прокопия Ляпунова. Последний отличался не только величественной осанкой, серьезным выражением лица, молодостью, умом, но и знанием военного дела, осторожностью, предусмотрительностью и мужеством. Когда он говорил царю Василию Шуйскому в глаза, что его правление не приносит ничего хорошего, что он овладел престолом благодаря бунтам, убийствам и интригам, что ему надо отказаться от венца и уступить престол другому, более счастливому правителю, царь, вспыхнув гневом, схватил нож, чтобы пронзить его. Ляпунов, подняв руки, воскликнул: «Стой, Шуйский, не замахивайся, ибо ты погибнешь от этих рук». Если бы царь не отбросил ножа, то Ляпунов убил бы его. Тотчас же с согласия черни Ляпунов был тогда заключен в монастырь. На его место мятежники выбрали себе вождем думного боярина Трубецкого, военного мужа.

Гонсевский давал отпор сильному неприятелю, громя его спереди в то время, как Сапега громил его с поля. Он наверно разбил бы мятежников, если б не произошли раздоры среди польских вождей.

Пришел в столицу с войском Карл Ходкевич, полевой Литовский гетман, которого ненавидели солдаты Гонсевского и Сапеги благодаря наговорам Якова Потоцкого, Брацлавского воеводы и Смоленского старосты. Этот Потоцкий подсылал нарочных в столицу к польскому гарнизону, стараясь очернить Ходкевича в глазах солдат из-за того, что король вручил главное командование Московским гарнизоном не ему, а Ходкевичу. Это раз. Во-вторых, тот же Брацлавский воевода на собственные средства командировал Николая Струся, Хмельницкого старосту, с многочисленной инфантерией и гумарами к столице. Струсь, подойдя к городу, потребовал сдачи ему командования над гарнизоном и удаления Гонсевского из Кремля-города и Китай-города. Все это делалось с тою целью, чтобы окончательная победа над неприятелем досталась не Гонсевскому, который (как о нем говорили) пробил первый неприятельский лед, и не Литовскому гетману Ходкевичу, который, совершая частые набеги на неприятеля и подкрепляя Гонсевского подвозом провианта осажденному гарнизону, готовил себе

победные лавры, а Брацлавскому воеводе, который командировал на свои средства полки под начальством своего зятя, Николая Струся. Вот он-то и добивался, чтобы усмирение мятежников и приведение России к признанию Владислава царем было приписано ему. Гонсевский, как дальновидный и осторожный вождь, без пререканий сдал командование гарнизоном заявившему на это свои права Струсю. Он уступил командование над гарнизоном и втайне радовался, что, славно выдержав и подавив напор неприятельских сил Геркулесовыми трудами, а затем получив увольнение после стольких побед, он не рискует быть опозоренным будущими неудачами в Москве. Он предугадывал, что вольности солдат, интриги среди вождей и стремление их овладеть командованием лишат Владислава Московской монархии, опозорят войско и дадут врагам возможность встать на ноги.

После ухода Гонсевского начались ежедневные несогласия среди солдат: одни хвалили Ходкевича, другие — Струся, третьи — Гонсевского. Когда неприятельское войско направилось к Москве, чтобы атаковать Кремль-город и Китай-город, Ходкевич сразился с ними, освободив от осады Кремль, отогнал осаждающих и послал с Невяровским 400 повозок провианта для осажденных. В то время как польские солдаты отдыхали после битвы, москвичи собрались ротами в засаде, захватили провиант, овладели дорогою, служащей для подвоза, поставив там многочисленную охрану, комендант Струсь бездейственно смотрел на это и не отразил врага, надеясь на свои силы и не желая помочь Ходкевичу, под начальством которого служил Невяровский. Отсюда и произошла окончательная неудача, жестокое поражение, позор и безнадежная утрата Московской монархии.

Злополучная зависть, интриги и несогласия заставили так внезапно повернуть колесо фортуны назад, что достигшие высшей степени вероятности надежды на обладание Московским престолом рушились и провалились в пропасть.

Однако Ходкевич не поленился и собрал в других местах провиант для польского гарнизона, находившегося в Кремле-городе, подвозя его другим путем. Москвичи, заметив это, тотчас же заняли место на реке, протекавшей под Кремлем-городом, по которой провозились продукты, расположили сильную охрану и батарею по ее берегам и отрезали доступ в замок глубокими прокопами. Последний был тесно

окружен, так как вход и выход из него сделались невозможными. К осаде приступили 100 000 русских.

Ходкевич возвращается с несколькими сотнями возов провианта, но с удивлением замечает большую перемену: он видит, что на берегах реки стоит инфантерия, по дороге выстроены орудия, доступ к замку везде отрезан, а стотысячное неприятельское войско, защищенное батареями и окопами, несравненно превосходит польские силы. Искренне пожалев о том, что завистничество вождей погубило осажденных и привело к утрате Московской монархии, он отступил назад и пошел к Смоленску.

Голод уже начал мучить осажденных поляков и был настолько силен, что в течение двух месяцев люди ели собак, кошек, крыс, мышей, свежие трупы, и даже — страшно сказать — друг друга убивали и ели. Наконец, осажденные поляки вынесли все то, что только вынес осажденный Сагунт, что вынес Гаарлем от Испании¹⁸. Поляки от отчаяния хотели сделать вылазку, но враги клятвенно обещали им, что если они сдадутся, то выйдут живыми на волю с оружием и имуществом. Коварные русские нарушили клятву: они заключили Струся и вождей под тяжелый арест в темницу; иные погибли от меча и всяких жестокостей, а иных сослали в Сибирь.

Русские, освободившись от неволи и вырвав свою родину из польских рук, нарушают клятву, данную королевичу Владиславу: они дерзновенно выбирают себе царем Михаила Федоровича, сына Ростовского митрополита, которому охотно несут присягу в верности и повиновении.

Первой заботой нового монарха было убийство Марины, приверженцем которой был гетман Заруцкий, ее самый преданный и верный друг. Он-то со своими Донскими казаками поддерживал притязания Марины на престол. Но многие казаки были вырезаны, иные подкуплены золотом, а остальные рассеяны. Тогда Марина переехала со своим сыном из Калуги в Астрахань, очень обширную провинцию, а оттуда хотела бежать в Персию. Для поимки Марины был командирован из станицы Иван Одоев¹⁹, который немедленно и с величайшей поспешностью исполнил вверенные ему поручения. Он нагнал спасающуюся Марину на морском корабле и привез ее вместе с сыном и с Заруцким в станицу. Там, по приказанию царя Михаила

Федоровича, ей отсекли голову, сына повесили, а Заруцкого посадили на кол²⁰.

Неужели ты, злая Фортуна, только для этого вывела из отчизны в чужую страну, с родительского лона, на поля Беллоны²¹, из сенаторского кресла, на Московский престол польскую даму, несчастную Марину? Неужели ты прельстила блеском золота польскую нимфу для того, чтобы покрыть ее копотью позора? Неужели ты украсила ей шею драгоценнейшим лилейно-белым жемчугом, чтобы потом ту же шею отдать на поругание под руку палача? Из монархини ты превратила ее в невольницу и обесчещенную! Ты уснащала ей власть, сыпала сахаром отраву — притязания на престол для того, чтобы твоя любимица поплатилась горькой и позорной смертью за богатства, почести, царские титулы, пышность и победы. Сохраняй же впредь для себя эти дары и предложения, изменница! Пусть принимает их от тебя тот, кто ничего не видит, ничего не понимает, кто так же слеп, как и ты. Тот же, кто осенен светом разума, пусть оттолкнет ногой твои предложения и дары, как обманчивые силки. Ты уже потеряла свой кредит в глазах мира. Да будет это для всех предостережением! Ах, коварная! Следовало бы развязать твои завязанные глаза и поломать тебе ноги, чтобы ты остепенилась, чтобы ты сидела и не переносила своих даров с места на место, от одного к другому!

Семья Марины известна была своим старинным происхождением, знатностью и высокими достоинствами не столько в Польше, сколько в Чехии. Ее дед, страхась разгневанного нашего императора Фердинанда I, покинул Чехию и обширные владения рода Мнишеков, Кончмцы, переехал во время правления короля Сигизмунда I в Польшу в 1508 г. и получил от короля самые почетные должности, женился на дочери вел. кор. гетмана, Николая Камецкого, Подольского воеводы. С нею он прижил много детей, между прочим и Юрия, Сендомирского воеводу. У последнего от его первой жены, урожденной Тарло, родилась Марина. Следовательно, отец Марины и послужил началом, поводом и факелом, от которого произошел великий пожар Московской войны. Наконец, Марина, выданная замуж за одного Димитрия, после его смерти пристала к другому человеку (как было изложено выше), незнакомцу, грубому развратнику.

Презрев стыд и добродетель, она употребляла все и допустимые и предосудительные средства, чтобы добиться власти: одевалась в случае надобности в мужское платье, садилась верхом, ездила по лагерю, входила в палатки, проводила там время в веселых беседах, подкупала военных подарками, обещаниями, лестью; женским кокетством и ласками пленяла военных, суля им победу и богатую добычу. Она отлично умела приспособляться ко вкусам войска и этим снискала себе его привязанность. Наконец, из-за жажды власти она пренебрегла благополучием родины и отвергла предложенные ей королем экономии Самборскую и Гродзинскую, взамен которых ей было предложено отказаться от ее намерений, препятствовавших замыслам короля. Отвергнув этот дар, она еще велела передать королю следующие спесивые слова: «Если он уступит ей Краков, то ее муж подарит королю Варшаву».

Так непомерная жажда власти привела ее к позору и к смерти, в которой она понесла заслуженную кару. Так как и Заруцкий прославился во время Московских войн, то скажу несколько слов и об этом верном спутнике Марины. Он родился в Тарнополе. Во время наезда татары поймали его на Руси и повели за собой в Тавриду. Затем он бежал к Донским казакам и воевал так хорошо и удачно, что Марс сделал из него военного мужа и наградил казачьей булавой²². Он пристал со своим войском к Димитрию, который очень полюбил его за храбрость, суровость, выносливость в трудах и бодрствовании, находчивость в опасностях и пренебрежение к смерти. Покинув Димитрия, он служил королю под начальством Жолкевского, участвовал в славной битве под Клушином, удачно громил врага и весьма отличился в этой битве, становясь везде под огонь и выстрелы и храбро сражаясь. Потом, обиженный Жолкевским, он пошел с казаками к Марине и, как храбрый солдат, отдал за нее свою жизнь на колу.

Примечания

¹ Печатается по: Русский архив. М., 1906. № 5–6, с. 171–174, 177–212.

² Мнишеки Юрий и Марина.

³ Аф. Власьев, дьяк.

⁴ Саноцкий староста — сын Юрия Мнишека.

- ⁵ Красноставский староста — брат Юрия Мнишека.
- ⁶ Луковский староста — племянник Юрия Мнишека.
- ⁷ Послами Сигизмунда III, прибывшими в Россию вместе с Мнишеками, были Н. Оленицкий и А. Гонсевский.
- ⁸ Карл Зудерман — Карл IX, король Швеции с 1604 г. С 1592 г. возглавлял движение широких слоев населения Швеции против официального наследника шведского престола, польского короля Сигизмунда III, своего племянника, стремившегося восстановить в стране католицизм. В 1598 г. Карл разбил войско высадившегося в Швеции противника и добился его низложения.
- ⁹ Автор «Дневника» путает Якова Делагарди, участника шведской интервенции, прибывшего со своим отрядом в распоряжение М. В. Скопина-Шуйского, и его отца, шведского фельдмаршала времен Ливонской войны Понтуса Делагарди.
- ¹⁰ От *лат.* *faleo* — покровительствовать, поддерживать.
- ¹¹ После гибели Ажедмитрия II, в условиях бездействия боярского правительства и господства произвола поляков в столице созревают предпосылки для подъема национально-освободительного движения, втянувшего в свою орбиту довольно широкий спектр социальных сил. Основу 1-го ополчения, собравшегося в начале 1611 г. под Москвой, составили воинские люди и казачество. Летом 1611 г. произошел раскол ополчения.
- ¹² Был убит крещеным ногайским татаринем стольником князем Петром Урусовым.
- ¹³ По некоторым источникам, Касимовский хан, перешедший на сторону поляков, приезжал в Калугу повидаться с сыном, служившим Ажедмитрию II. По приказу последнего старый татарин был утоплен.
- ¹⁴ Заруцкий Иван Мартынович, «ближний боярин», возглавивший в его лагере приказ, ведавший казаками; после распада Тушинского лагеря в конце декабря 1609 г. ушел с казаками под Смоленск к Сигизмунду. В сентябре 1610 г. его казаки вернулись к самозванцу, а затем в начале 1611 г. пришли под Москву, влившись в 1-е ополчение.
- ¹⁵ Сын Дмитрия и Марины Иван оставался для многих казаков из 1-го ополчения, не оставлявших надежду на обретение истинно «казацкого царя», желанным кандидатом на престол.
- ¹⁶ Речь идет о восстании москвичей против интервентов 19 марта 1611 г.
- ¹⁷ Белый город, вместе с Замоскворечьем подожженный поляками.
- ¹⁸ Речь идет об эпизодах борьбы Испании и Нидерландов в XVI в.
- ¹⁹ Одоев Иван — Иван Никитич Одоевский, князь, один из участников 2-го ополчения, послан во главе войска, выступившего против Заруцкого.
- ²⁰ Войско И. Н. Одоевского выслано из Москвы для борьбы с Заруцким 19 апреля 1613 г. После неудачного для него исхода сражения под Воронежем 29–30 июня 1613 г. Заруцкий с небольшим отрядом, верным «царевичу» Ивану, ушел в южные степи. Бежавшие из Астрахани Заруцкий и Марина с сыном были захвачены 24

июня 1614 г. на Яике, на Медвежьем острове, и отвезены в Москву. Заруцкий был посажен на кол (либо колесован), «царевич» Иван повешен, Марина же умерла «с тоски» (либо была тайно убита) к весне 1615 г.

²¹ Беллона — богиня войны в Древнем Риме.

²² См.: Станиславский А.А. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 27.

...В 1607 году, в десятую пятницу после русской пасхи появился в Стародубе некто, назвавшийся сначала Андреем Андреевичем Нагим. Затем, по истечении четырех недель, пришел в Чернигов Андрей Воеводский-Рукин, москвитянин и (стал рассказывать)², что в Стародубе находится царь Дмитрий, которого держались Северские крепости, и уверял, что он жив. Был тогда слух, что Дмитрий ушел из Москвы от смерти, что вместо него там убили кого-то другого, которого Дмитрий положил на своей кровати. Этого Рукина взяли в Стародуб. Прибыв туда, он не сразу указал Дмитрия, только когда уже его заставили, он указал на вышеупомянутого Нагого и сказал, что это и есть царь Дмитрий, что он чудесным образом ушел от смерти, приготовленной ему Шуйским. Русские сейчас же поверили ему и признали его действительным Дмитрием. Когда об нем разнеслась весть по нашим польским пограничным крепостям, когда он сам стал рассылать грамоты, приглашая к себе военных людей, то многие стали собираться около него.

В том же 1607 году, 2 сентября, пришел к нему Мозырский хорунжий Будило.

Того же года, 20 сентября, (самозванец) выступил с войском из Стародуба к Почапову (Почепу?), куда прибыл 25-го числа того же месяца. Бояре и мещане встретили и приняли его с радостью. Того же года, 30 сентября, он двинулся из Почапова к Брянску. На пути к Брянску, на первом ночлеге, прибежал из Брянска к царю гонец с известием, что Михаил Кашин напал неожиданно на Брянскую крепость, сжег ее и сейчас же удалился. Царь отправил за ним в погоню г. Будила и с московскими людьми дворянина своего Гриндина. Они не могли догнать Кашина и возвратились назад; царя они нашли уже в Брянске, в укрепленном лагере у Свенского монастыря.

Того же года, 10 октября, (самозванец) двинулся к Карачеву, куда прибыл 12 октября и нашел поджидавших его здесь запорожских казаков.

Того же года, 6 октября, наше войско рассердилось на царя за одно слово, взбунтовалось и, забрав все вооружение, ушло прочь, только наутро оно дало себя умиловить и возвратилось назад; ушло оно было уже на три мили.

Того же года, 14 октября, царь отправил г. Меховецкого и г. Будила освобождать Козельск, который добывали присланные Шуйским князь Мосальский и Матиаш Местин³. Они неожиданно напали на этих последних того же месяца 18 числа, утром, на рассвете, сперва встретились со стражей, а затем напали на лагерь. Русские пришли в смятение, не могли приготовиться к битве, стали спасать себя бегством и одни, убегая, защищались, а другие, которым не удалось бежать, должны были пасть на месте. Меховецкий и Будило взяли обоз со всем имуществом, а чего не взяли — сожгли. Матиаша и многих других взяли в плен и с торжеством въехали в Козельск; народ с великою радостью встретил их с хлебом и солью за городом и великую честь оказывали воеводе. 21-го числа того же октября месяца, сам царь прибыл в Козельск и благодарил за победу.

Того же года, и месяца 23-го числа, царь двинулся к Белеву и прибыл 26 октября.

Того же года, и месяца 27-го числа, царь пошел назад к Карачеву, куда мы прибыли 29 октября.

Того же месяца 30-го числа, ушли от нас и от царя прочь запорожские казаки.

Того же месяца ноября 2-го числа. Царь, не имея столь значительного войска, чтобы остаться зимовать в Карачеве, отправился зимовать в Путивль. На пути к нему, в Лабушеве, Камаринской волости, он встретился 2 ноября с г. Самуилом Тышкевичем, у которого было 700 человек конницы и 200 пехоты; затем того же месяца, 9 числа, прибыл к нему г. Валавский с 500 человек конницы и 400 пехоты. Получив это сильное подкрепление, царь решился двинуться к Брянску, который изменил было, когда царь находился в Карачеве.

Того же года, 13 ноября, царь двинулся к Брянску, куда мы прибыли 19-го числа. Брянский воевода, узнав о прибытии царя, вышел против него с войском за милю от крепости. Наше войско сейчас задержало его и гнало до самой крепости, ворвалось в город и зажгло его, а русские с воеводой заперлись в крепости, где их наши сейчас же осадили, и устроили укрепленный лагерь на городском пожарище.

Того же года, 24 декабря, князь Мосальский пришел выручать Брянск, но в том же месяце прибыл из Польши царевич с 12 хоругвями г. Велегловского, а также г. Рудницкий, Хруслинский, Казимерский с ротами, а затем через три дня прибыл г. Микулинский. Князь Мосальский, не видя возможности освободить Брянск, напротив, получив сам порядочную острастку, должен был через несколько дней уходить ночью.

1608 года, января. Был большой холод; нельзя было удержаться войску в лагере; оно двинулось к Орлу.

Того же дня пришел на службу Тышкевич старый с г. Тупальским с 400 человек конницы. Царь двинулся мимо Карачева, в котором уже находился князь Мосальский; он препятствовал царю идти мимо Карачева, но, получив отпор, принужден был дать дорогу, которою царь с войском благополучно прибыл в Орел 16 января и там зимовал. В это время Дмитрий Шуйский стоял в Белеве и затем двинулся к Волхову.

Того же года, 30 марта, прибыл с войском в Кромы на службу вышеупомянутого царика князь Роман Рожинский. Затем он был избран гетманом всех войск царика.

В том же году, 8 мая, царь, видя, что имеет достаточно войска и что настало удобное для войны время, двинулся из Орла к Волхову, в котором находился с войском Дмитрий Шуйский.

Того же года, и месяца 10-го числа, когда с обеих сторон войска приготовились к битве, Шуйский, видя, что царь наступает из Орла, вывел тоже в поле за город Болхов на две мили свое войско, которого у него было 170 000. Царское войско как тяжело вооруженное шло медленно, быстро шли лишь гусарские полки. Гетман, князь Рожинский, послал вперед полки гг. Рудского, Велегловского и казацкие полки и поручил им занять перестрелкой этот московский народ. Они в этот день долго и мужественно бились с ними, но затем дали знать гетману, что никак не могут сдержать столь великое войско и просили его как можно скорее подкрепить их. Сейчас же все войско стало спешить и, пройдя беглым шагом две мили, нашло, что войско Шуйского стоит на месте, готовое к битве, что оно велико и превосходит силы царского войска. Князь Рожинский дал знак вступить в битву прежде всего полку князя Адама Рожинского и полкам Валавского. Они охотно вступили в битву и бились мужественно. Против них выступили прежде всего немцы и поляки (казаки?), но все легли на месте, потому что не получили подкрепления от русского войска, которое вместо того, чтобы дать им помощь, столпилось около своих пушек. Князь Рожинский, видя, что московское войско не идет в битву, имел в виду также, что в его войске лошади измучены и изнурены (их немалое число пало от

Переправа через реку

жару) и что уже приближается ночь, ввел свое войско в лагерь, который устроил тут же подле московского войска; московское войско тоже было в лагере.

На следующий день, 11 мая, на рассвете, гетман приготовил к бою и вывел войско, Москва тоже по своему обычаю приготовила войско. С обеих сторон пустили наездников. Так как обоз гетмана стоял на нехорошем месте, то он передвинул его на другое, более ровное место во фланг неприятелю. На возах были хоругви. Русские, думая, что другое войско заходит им в тыл, потому что среди пыли не видно было возов, а видны были только хоругви, и притом не видя, где обоз стал, потому что его закрывали пригорок и роща, встревожились, как только польское войско вступило к бою и дан был знак начать битву, и, побившись немного с передними ротами, подались назад. Тогда (наши) гнали их две мили за Болховом, но так как наступила ночь, то гнали их лишь до засек, где они имели очень узкий проход. В этих засеках через все лето был страшный смрад от человеческих трупов, а в особенности от лошадиных, так как там пали чуть ли не все лошади русского войска. В этой битве русские бросили все свое оружие, военные снаряды и все свои богатства. На эту войну они отправились с большими средствами и силами и, надеясь на верное победить, собирались сейчас же идти к Киеву, но Бог разрушил их гордые замыслы и расточил удивительно малым польским войском, которых при царских людях было не более 5000.

Того же года, (и месяца) 13-го числа, Болховская крепость и город после того, как войско Шуйского было поражено и рассеяно, сдались, когда подступил царь. Там взят был Федор Гедройц, передавшийся русским из Запорожья.

Того же года, 24 июня, в праздник св. Иоанна, царь подступил к столичному городу Москве. Там не было никакого войска, кроме стражи. Когда царь, не находя удобного места для лагеря, ходил кругом Москвы и, направляясь назад к Тушину, дошел до Товиенска (с. Тайнинского), то на него напало было в тесном месте войско Шуйского, но при Божией помощи было разбито. Царское войско расположилось у Тушина, подле монастыря св. Николая, на месте, заросшем явором.

Того же года, 5 июля, из разных городов немало прибыло к Шуйскому войска, которого было 100 000 (русских) и 40 000 татар. Они расположились у реки Москвы подле монастыря Нехорошева⁴. Занимало оно пространство от Москвы до Ходынки на 7 верст. Князь Бунинский (Рожинский)⁵, видя, что здесь собрано так много народа, что трудно против него удержаться в обозе и что нет удобного места для аванпостной битвы, призвав Бога на помощь и не давая знать войску, а только посоветовавшись с полковниками и некоторыми ротмистрами, как только московское войско расположилось, приказал ночью своему войску двинуться к московскому лагерю, а Заруцкому приказал правым крылом ударить на татар. Передний полк г. Валавского, поставленный на челе, ударил на стражу у лагеря и, преследуя ее, въехал в лагерь. Другие полки, бывшие во флангах, прорвав каждый против себя лагерь, ворвались в него. Русские не могли устроиться и были поражены. Таким-то образом, при Божией помощи, мы одержали победу и взяли немалую добычу, а Шуйский с войском вступил в город.

После этой битвы чем дальше, тем больше прибывало войска на службу царю. Так прибыли: г. Боровский, который выдержал сражение с князем Мосальским под Звенигородом и одержал над ним победу; затем Зборовский со Стадницким; затем Млоцкий, Вилямовский, пробившийся мимо Смоленска и одержавший победу над русскими, вышедшими против него, когда он уже миновал Смоленск; пришел также из Рязани с донскими казаками Лисовский, который много раз громил русских, когда еще был в Рязани, и еще прежде, когда царь посылал его от Орла в Михайлов. Когда он подходил к Тушину и проходил мимо Москвы, то русские напали и разбили его, но он опять собрался с силами и пришел в Тушино.

В том же году, 27 июля, Шуйский, надеясь отвлечь от царя войско, к которому часто и присылал убеждать, чтобы отступило, обещая заплатить ему все заслуженное жалование, отправил в Польшу царицу — жену Дмитрия и послов со всеми польскими людьми, находившимися у него в заключении со времени убийства Дмитрия. За царицей послан был с полком в погоню Валавский, но он не мог догнать ее, а что касается условий, на которые должны были согласиться наши послы, то это можно видеть из нижеследующей грамоты.

После столь долгого и тяжелого задержания в Москве послов и (главного) посла его королевского величества, после взаимных переговоров с думными боярами (мы, послы), чтобы освободить всех задержанных гг. (поляков) и нас самих, постановили и решили (заключить) между нашим милостивым государем и государем Московским, Василием Ивановичем Шуйским, и его государством мир на 3 года и 11 месяцев на известных условиях, именно: (государь Московский) должен отпустить теперь же с нами Сендомирского воеводу с дочерью и со всеми теми их друзьями, которые во время наших переговоров приехали в Москву по приглашению, а других, которые еще содержатся по разным крепостям, никого не исключая, доставить к польским границам и свободно пропустить их к 8 числу октября настоящего года. Часть наших товаров, проданных для казны при покойном Дмитрие, отыскана, а остальных товаров, а также удовлетворения за убийство людей его величества и за пограбленное тогда имущество мы, несмотря на долговременные переговоры, не могли добиться и об этом сделали такое постановление, что Московский князь поручит послам, которых пошлет к его королевскому величеству для утверждения заключенного нами мира, вести переговоры с гг. сенаторами его величества обо всем этом, а также о своих обидах, которые они пространно исчисляют, и если бы тогда дело это не было покончено, то через год выслать с обеих сторон на границу по 4 комиссара. В этом договоре находится и такое условие: чтобы военные люди короля, которые теперь с оружием стоят под Москвой, были вскоре выведены оттуда по приказу короля и затем чтобы в мирное время никто не выходил в Московское государство с оружием из пределов его величества. В настоящем договоре есть и другие разные условия в пользу той и другой стороны⁶.

Того же года, 3 августа, опять послали за царицей именно, г. Зборовского, который догнал ее у Белой, побил русских, взял царицу и, ведя ее в лагерь, съехался в Царевом-Займище с Усвятским старостой, Яном Сапегой, который шел на службу к царю, и оба они привели ее в Тушино, но она сначала остановилась у Сапеги, который стал особо лагерем подле великого лагеря, и уже потом, через неделю, выехала в лагерь к царю.

Того же года, 28 августа. Монастырь Троицкий и другие крепости, которые с той стороны доставляли продовольствие столице, имели важное значение, поэтому, чтобы отнять с той стороны дорогу, послан был Ян-Петр Сапега. В помощь ему даны: Вилямовский, Микулинский, Стравинский с их полками и Лисовский с донскими казаками. За ним Шуйский отправил 24 тысячи своего, можно сказать, отборного войска, поставив над ним гетманом или воеводой брата своего, Ивана Шуйского. Войско это нагнало г. Сапегу у Днишинского (с. Воздвиженского). Сторожевой отряд войска г. Сапеги, как только заметил русских, сейчас дал ему знать. Г. Сапега вывел свое войско в поле; русские тоже приготовились к битве и, видя, что у поляков мало войска, смело вступили в бой с великим криком. Долго битва была нерешительна. Поляки, несмотря на то что русские превосходили их числом, мужественно сразились с ними. Сначала счастье больше благоприятствовало русским; поляки, однако, не падали духом, наконец, когда русские уже брали верх, Сапега, помогая нашим, вывел последнее подкрепление, в котором была вся надежда; этот отряд мужественно сразился, придал бодрости нашим, смутил русских, русские подались, обратились в бегство и наши гнали их четыре мили — до Братовши (Братовщины). Потом из большого лагеря и из-под Троицы часто отправлялись отряды к крепостям, которые не сдавались, и брали их. Одни добровольно сдавались, другие — получив клятвенное заверение. Таким образом, отказывалась от Шуйского и поддавалась тому царю вся земля, за исключением некоторых крепостей, державшихся Шуйского. Потом, (когда) пришел под Смоленск его величество король и царь бежал, о чем будет сказано ниже, крепости эти отложились от него; только Северская земля держалась его.

Августа 30-го того же года, послан был с погребичскими казаками под Осипов г. Руцкий, который и осадил его.

1609 год. Польское войско послало к королю на сейм посольство с таким заявлением: «Светлейший Король, Милостивейший Государь наш! Наши братья-рыцарство с их гетманом, князем Романом Наримунтовичем Рожинским, верноподданные вашего величества, вступившие с оружием в Московскую землю для славы царя Дмитрия Ивановича Московского, заявляют вашему величеству и отечеству верноподданничество, искреннюю преданность и нижайшую по-

корность, желают вашему величеству доброго здоровья, долгого царствования, расширения государства, умножения славы нашего народа и устрашения всех врагов вашего величества и Речи Посполитой. Разве новость, что рыцарство, Государь, вашего величества своими рыцарскими делами при каждом случае умножает за пределами королевства славу нашего народа, представляет ее перед глазами других государей, широко разглашает и умножает ее. Оберегая таким образом благо Речи Посполитой, оно иногда выходило за пределы государства без согласия своих государей, на свои собственные средства. Имея и давние и свежие примеры подобного образа действий, кроме того, тронутое и подвигнутое братскою любовью, которая требовала, чтобы столь великое пролитие крови наших братьев, замученных в Москве, где они обмануты были предлогом дружбы и обобранны в имуществе, было надлежащим образом отмщено, рыцарство вашего величества вышло за границы государства. Опасаясь, чтобы это удаление его не навлекло на него немилости вашего величества или чтобы это не было причиной какого-либо дурного мнения со стороны вашего величества и Речи Посполитой касательно его верности и преданности престолу вашего величества, сочло долгом засвидетельствовать повиновение свое вашему величеству, послало сюда нас своими послами и униженно просит вас ничего дурного не подозревать в нас и смотреть на нас, как на ваших верных подданных и честных сынов государств ваших, которые ни о чем другом не хлопочут, как только о славе и благе Речи Посполитой. Того и другого мы, при Божией помощи, достигли этим выходом нашим за границы государства. Потому что, если посмотрим на славу нашего народа, громко, как бы с горы, провозглашенную всему свету, то она не только ни в чем не повреждена нами, но, напротив, при Божией помощи, при частии вашего величества и нашей предприимчивости, через разные битвы, счастливо нами выигранные, приобрела в мире бессмертие, так что, где прежде о ней мало кто слышал, там теперь она хорошо известна и знакома; пределы ее известности упираются даже в ледовитые моря. Никто не может утверждать, чтобы эта слава не принесла пользы нашему отечеству, потому что, не говоря уже о том, что государства вашего величества, теперь уже умиротворенные, тогда пылали пламенем внутреннего разногласия и без большого вреда не могли бы вынести

присутствие столь великого сборища из рыцарства, это рыцарство тогда не могло бы быть столь могущественным щитом против замыслов и войск неприятеля, уже готовившегося тогда выступить к границам вашего величества и даже уже напиравшего на них. Далее, без всяких издержек со стороны вашего величества и Речи Посполитой мы, при Божией помощи, собственными нашими средствами не только отомстили за омраченную славу нашего народа, но освободили и отпустили в отечество послов вашего величества, задержанных, вопреки обычаю всех народов, в течение двух с половиною лет, и многих из наших братий, отправившихся на свадьбу царя Дмитрия Ивановича с ведома и дозволения вашего величества, из которых одни невинно были замучены, а другие до последнего времени содержались в ужасном заключении (за которых русские требовали огромного выкупа). Мало того, то царство (Московское), на которое Речь Посполитая всегда обращала внимание, и того гордого врага, который всегда был пугалом для нашего отечества, мы, почти сев им на хребты, принудили к тому, что они теперь, уstraшенные нами, бьют вашему величеству челом, а тот, которого они теперь носят на руках, которого мы выдвигаем на престол Московский нашею кровью и издержками, через посла своего обещает с своей стороны вашему величеству и всей Речи Посполитой — нашей матери — вечную приязнь и верную, твердую любовь. Бог даст, этими делами нашими благо отечества будет умножаться, и тем более будет процветать в счастливое правление вашего величества, милостивого нашего Государя, слава нашего народа. Ободряемые этим наши братья-рыцарство, тем смелее вторично просят нижайше ваше величество, чтобы вы, взглянув королевскими очами на те походы, которые, при Божией помощи, счастливо нами совершаются, благоволили иметь и ставить нас в числе ваших верноподданных и собственных детей, а не в числе пасынков вашего отечества. Поэтому они нижайше просят ваше величество, милостивого нашего Государя, чтобы те из них, которые, находясь в нашей войске, имеют в своем отечестве судные дела, получили вашей милостью и по дозволению всех чинов продолжение права судиться и переносить дела свои до своего возвращения. Все рыцарство имеет твердую надежду, что и это получит от вашего величества и надеется впредь быть у вас в великой милости, именно надеется, что ваше величество, оценив столь хорошие наши намерения, столь важные заслуги, наградите нас

обычную своею милостью, отечество наградит благодарностью, а потомство бессмертною славою».

С этими послами от войска и царь послал к королю своего посла Сопугина-Нехорошего с заверением в вечной дружбе, на что не только царь, но и войско не получили надлежащего ответа, напротив, вышеупомянутый посол царя встретил пренебрежение к себе и уехал, не будучи выслушан, а на посольство от войска послы принесли от короля письмо, запечатанное домашнею королевскою печатью, и в нем король обещает прислать к войску своих послов.

Того же года, 6 марта. Была под Москвою сильная стычка, в которой опасно ранили из лука гетмана, князя Рожинского, впрочем, наши гнали русских под самые стены Москвы; ночь прервала битву.

Того же года, 4 апреля. Так как Коломна имела важное значение, потому что отсюда Москва получала все свое продовольствие, то гетман послал осадить ее ротмистров: Млоцкого, Шуйского⁷, Бобровского, Николая Вогуслава с их ротами и при них боярина Ивана Салакова и атамана донских казаков Беззубцева с донцами, которые, стоя лагерем под Коломною, немало имели стычек с Прокопием Ляпуновым, владевшим всею Рязанью.

Того же года, 19 апреля. Изменил город Ярославль, и польские военные люди, бывшие там с Тышкевичем, были побиты в засеках; Тышкевич ушел лишь с десятком конных.

Того же года, 20 апреля, г. гетман послал под Москву г. Будила.

Того же года, 6 мая, г. Будило с Микулинским, снявшись из Курбы под Ярославлем, пришли к Ярославлю; им пришлось переправляться к Ярославлю через реку Пахну, на расстоянии мили от Ярославля у имения монастыря Спасского, где весной был большой разлив реки. Русские из Ярославля три дня защищали эту переправу. Так как здесь трудна была переправа, то наши, оставив там Азана турка с ярославскими и романовскими татарами и с донскими казаками, которым поручили развлекать русских на этом месте, сами 9-го дня мая сделали на этой реке мост повыше, на следующий день переправились, зашли 10-го числа в тыл русским, защищавшим переправу, поразили их, после чего охотники из поляков и казаки гнали их на расстоянии мили к Ярославлю. Когда польские полки, построившись к бою, подступали к городу, здесь их дожидались русские, которые собрались из разных 400 крепостей. Надеясь на

свою силу, они дали битву целым своим отрядом; поляки, ободренные первую своею победой, тоже мужественно сразились, прежде всего с астраханскими стрельцами, которых было 600, и с сибирскими стрельцами числом 1200, которые стояли на челе и на которых русские полагали всю надежду, наголову их разбили, потому что, как пешим, трудно было им уходить. Русская конница, видя их поражение, принуждена была уходить в слободу Спасского монастыря, лежавшую тут же ниже моста; за ней наши сейчас же въехали тоже в слободу. Азан с отрядом, оставленным у реки, не замедлил прибыть и прибыл в то самое время, когда наши ворвались в слободу; отряд, спешившись, тоже побил немало русских и сжег слободу; затем русские, не удержавшись на открытом месте, затворились в городе, а наши расположились под городом лагерем. Как только наступила ночь, наши, не давая русским спорить с ними о победе, в ту же ночь кинулись на штурм города. Закричав позади, как будто намеревались идти на штурм из своего лагеря, потихоньку с другой стороны города разобрали тын и вошли в город. Русские в городе долго бились, стараясь выбить нас из города, но наконец были пересилены и побиты; иные, захватив с собою что было можно, бежали к судам, но, не успев попасть на них, тонули, а остальные заперлись в крепости, на которую наши ходили несколько раз штурмом, но не могли взять, потому что место было сильно укреплено и удобно для защиты; с двух сторон его были две большие реки, Волга и Которосль, большой ров, мост на быках от одной реки к другой. Когда стали приходить известия, что на защиту Москвы идет с немцами Шуйский, то наши принуждены были отступить.

Того же года, 31 мая. Князь Михаил Скопин-Шуйский с Понтусом, князем Аушпурским, немецким гетманом, с 700 (человек) немецкого войска и 14 000 московского подступали к Великому Новгороду на помощь Москве. Против них послан был из большого лагеря г. Зборовский и с ним князь Григорий Шаховской с русским войском. Они прямо пошли к Новгороду, но так как на пути лежала крепость Торжок, которая перешла на сторону Шуйского, то Зборовский осадил ее и сжег город, но, когда добывал крепость, на него напали передовые отряды немецкие и русские. Зборовский скоро оправился и поразил их, но, добыв языков и узнав, что у Скопина большое войско, 27 июня отступил от Торжка к Твери и послал в

великий лагерь за подкреплением. К нему пришли с ротами: Хреслинский, Цеглинский, Белинский, Корытко, Януш Тышкевич, Калиновский; из-под Троицы Вилямовский с Руцким, из-под Осипова князь Александр Рожинский, Павала и др.

Того же года, 5 июня. Шуйский, видя, что в большом лагере (польском) немного войска, выслал с гуляй-городами войско (причем силою выгонял его из города) с целью уничтожить лагерь. Гетман с войском, какое у него было, не стал дожидаться неприятеля у себя в лагере, а вышел против него из лагеря, встретил на реке Ходинке, мужественно сразился, войско его разорвало гуляй-города, завладело пушками; пехоту и простой народ иссекло и остатки их, поражая, гнало до стен. Русские, бывшие в строю под городом, видя

Михаил Скопин-Шуйский

малочисленность нашего войска и расстройство его (при преследовании разбитого русского войска) напали на него; наши смело встретили их, но, будучи расстроены и не имея возможности устроиться, бросили не только гуляй-города и отнятые пушки, но и свою пехоту с пушками, которую русские окружили, и одних побили, а других живыми загнали в город.

Того же года, 21 июня, Скопин пришел под Тверь. Зборовский вышел против него. Обе стороны сражались храбро. Но русские и немцы действовали врозь: русские подались, немцы, не имея подкрепления, тоже двинулись за ними и дали нам одержать победу, наши взяли в этой битве 11 пушек и 14 знамен.

Того же года, (месяца) 23-го числа. Когда наши после этой победы беспечно стали жить в Твери, Скопин, узнав об этом через шпионов, ударил на рассвете на нашу стражу, ворвался в город и легко разгромил наших, не ожидавших нападения. Одни из наших, кто мог добежать до коней, убежали в лагерь, а другие, которые не добежали до коней, ушли в крепость и заперлись в ней. Шуйский посылал штурмовать их: четыре раза их штурмовали безуспешно, добывая их в течение полутора недель, затем, услышав, что против них идет войско из лагеря и Сапега из-под Троицы, отступили от крепости и переправились за Волгу, как об этом будет сказано ниже, наши тоже бросили крепость и выступили в лагерь.

Того же года, 13 августа. Сапега и с ним опять Зборовский, Будило, Вилямовский с полками направлены были против немцев, которых 28 августа они настигли у Колязина, при реке Волге, в Никольской слободе, в остроге, в котором они укрепились. Наше конное войско нападало на них и долго выманивало их в поле, но они не хотели выйти из острога, только под самым острогом стояла их конница, которая целый день сражалась с четырьмя нашими ротами — Будилы, Чаплинского, Тышкевича, Калиновского. Наши часто вгоняли его за палисадник, некоторых вгоняли в Волгу и топили, секли, но так как немцы были непоколебимы в своем хитром решении, не выходили в поле, то трудно было сделать им что-либо с одной конницей, без пехоты. Наши, чтобы не выпустить их оттуда, расположились подле них лагерем. Через несколько дней они бы и добыли их. Немцы уже от одного голода должны были бы погибнуть, потому что еще не приготовили себе в этом остроге никакого продовольствия;

они только что пришли к нему, не имея с собою вовсе продовольствия, а Скопин был еще на той стороне Волги, у самого монастыря Колязинского, и ему трудно было подать им помощь и снабдить продовольствием; но из нашего лагеря от гетмана пришло известие, что его величество король приближается к московским границам, поэтому наше рыцарство не желало дольше добывать Скопина с немцами и пришло в лагерь. Оно стало опасаться, чтобы его труд, которому оно отдавалось в течение нескольких лет, не обратился со вступлением короля в ничто. С того времени войско перестало работать и слушаться. Поэтому Скопин пошел вверх, а нашим счастье изменило. Прежде всего, когда наше войско двинулось от Сапеги в лагерь без всякого порядка, Скопин, напав на наших, оставленных Сапегой в Переяславле, побил их и взял крепость. Далее, Сапега, чтобы не иметь стеснения в лагере под Троицей, держал несколько рот в Александровской слободе. Скопин неожиданно напал на них и побил: насилу некоторые убежали в лагерь. Далее, он и самого Сапегу стеснил в лагере, устроив острожки недалеко от лагеря, и не давал выйти из него.

Того же года, 14 октября, его величество король пришел под Смоленск и осадил его.

Того же года, октября, доведенный до крайности Осипов (Иосифо-Волоколамский) монастырь, под которым стоял лагерем Рудцкий, сдался царю, впрочем, он сдался уже тогда, когда приехал гетман, а Рудцкому осажденные не доверяли.

Того же года, и месяца с 20-го на 21-е, наши пошли брать штурмом деревянную крепость Москвы, сожгли 7 башен и немало палисадника, взяли... пушек и без всякой потери в целости возвратились в лагерь.

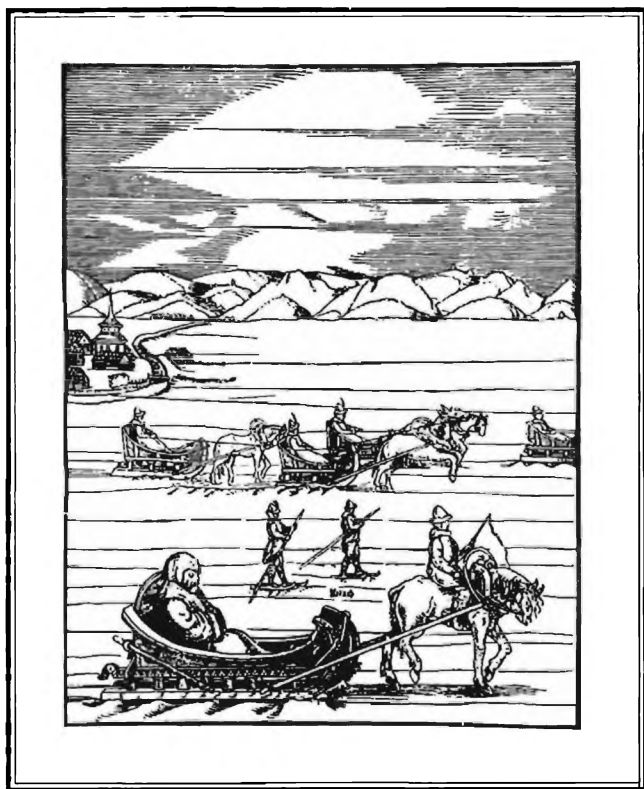
Того же месяца 26-го дня, гетман, взяв полк г. Вильковского, пошел к Троице, так как Скопин с немцами пришел к Александровской слободе. Присоединив к своему войску несколько рот из войска Сапеги, гетман пошел с ним из-под Троицы к Александровской слободе, прибыл 12 ноября и стал наступать на русских и немцев, надеясь, что они дадут битву; но они по-прежнему стояли за палисадником и рогатками. Так как был холод и трудно было осадить их в том месте, то наши, ничего не сделав, а позанявшись лишь почти неделю передовою конною перестрелкой, должны были отойти назад, но в лагере под Троицей столько войска, пришедшего из

большого лагеря, не могло оставаться по тесноте и по причине холода. Кроме того, в (большой) лагерь пришли послы от короля. Все военные, сколько их было, пошли слушать их. Скопину все это было на руку, он ближе и ближе подходил к польскому войску с своими острожками и стеснял его.

Того же года, 17 декабря, прибыли послы его королевского величества — Перемышльский кастелян Станислав Стадницкий, Христофор Зборовский, староста Брацлавский Скушин, Людвиг Вейер, Казановский — и приглашали войско идти на войну на имя его королевского величества.

1610 года, 6 января, царь, боясь подвергнуться какой-либо опасности, выехал ночью из лагеря в Калугу.

Того же года, и месяца 13-го числа, Млоцкий отошел от Коломны и расположился лагерем в Серпухове. Так как он направлял дела в королевскую сторону, то бывшие с ним донские казаки под на-

чальством Беззубцева стоворились с Серпуховскими горожанами и разгромили его. Спасшиеся от этого погрома уходили к Боровску, потеряв все.

Того же года, и месяца 13-го числа, уехали назад послы его королевского величества с таким решением, что мы от себя пошлем к королю послов с нашими требованиями, и если эти требования будут приняты, то король будет иметь в нас своих слуг.

Того же года, и месяца 21-го числа, войско отправило от себя послов к его королевскому величеству.

Того же года, 6 февраля, г. Сапега отступил из-под Троицы к Дмитрову, подвергаясь давлению больших сил Скопина, который шел за ним к Дмитрову, поставил подле него острожки, затем напал на посад, в котором находилось немало войска, а также и на табор донских казаков, причинявших много убитку в людях и продовольствии, овладел казацким табором и перебил много людей. Некоторые из них насилу успели уйти в крепость, в которой затворился и сам Сапега.

Того же года, 13 февраля, Млоцкий вторично был побит в Боровске.

Того же года, и месяца 23-го числа, царица ушла из лагеря в Дмитров, но и там недолго побыла и должна была поспешать за царем, потому что попала из-под дождя под дождевую трубу, так как Скопин стал добывать Сапегу в Дмитрове. Сапега, видя, что нет помощи из большого лагеря, зажег крепость, разбил орудия и ушел во Ржев.

Того же года, 9 марта, послы от войска приехали из-под Смоленска от короля и принесли от него такой ответ:

Ответ короля (войску самозванца), данный под Смоленском: «Его королевское величество держится всегда того мнения о доблестном польском рыцарстве, что оно направляет свои поступки и желания по тому же пути, каким шли его доблестные предки, жертвовавшие для славы своею жизнью, и что оно больше всего составляет себе на вид то, что доставляет бессмертную славу. И теперь из декларации, сделанной депутатами от рыцарства, его королевское величество видит, что это рыцарство не согласилось преклонить добрых своих чувств перед ничтожными побуждениями.

перед интригами и дать дурной пример, допустить увлечь себя в какое-либо легкомысленное или злое дело, которое произвело бы в отечестве замешательство, что напротив, оно отозвалось с преданностью к своему государю, с любовью к своему отечеству и, как истинные потомки хороших предков, устремляют свои сердца к одной цели с его величеством, потому что, хотя из требований рыцарства, которые трудно принять, и из того, что послам его, на счет которых нельзя иметь сомнений, дано ограниченное полномочие, король видит, что кто-то этими невероятными и неисполнимыми требованиями желает расстроить добрые отношения рыцарства к королю, но его величество все-таки убежден, что это рыцарство, по врожденной польскому и литовскому народу доблести, не желает, чтобы его отечество и его собственный государь были в худшем положении, чем чужое государство и тот неизвестно от какого отца и какой матери рожденный человек, которого оно предлагает королю (поддерживать) и для которого насколько легко было надавать обещаний при его сильном желании быть царем, настолько же трудно и невозможно исполнить их сколько-нибудь удовлетворительно. Словом, так как ограниченное полномочие, данное послам рыцарства, лишает короля всякой возможности вести с ними переговоры, то его величеству приходится дать следующий ответ на требования рыцарства, изложенные в его письме.

Его королевское величество, как государь, привыкший возбуждать всякую доблесть к дальнейшему проявлению, рад бы был сейчас же вознаградить своею милостью такую преданность рыцарства, но как всякое дело в жизни может быть сделано только по мере возможности и в сообразное время, то и дела рыцарства могут быть устроены только тогда, когда будет возможно и когда наступит благоприятное время.

Что касается жены прежнего Дмитрия, убитого в Москве, а также прав, какие она имеет на принадлежность ей каких-либо частей Московского государства и какие утверждены боярами, то король с удовольствием готов оставить их в своей силе, когда придет время вести об этом речь при переговорах с Московским народом и если Бог даст, что король будет располагать теми делами, но не следует, чтобы поступки ее (Марины) причиняли какой-либо вред делам его величества и Речи Посполитой. Что же касается того человека (само-

званца), который так легкомысленно пренебрег рыцарством и его верностью по отношению к нему и бежал, то хотя его величеству известно, что он кидается и на королевских людей без всякого повода с их стороны, губит рыцарство и собирается истребить его...⁸, но, чтобы рыцарство убедилось, что король для своей славы, которую ревностно оберегает, готов охранять честь рыцарства, его величество будет иметь внимание к его лицу и положению, если он будет держать себя спокойно, не будет портить дел его величества, не будет нападать на находящееся там (польское) войско и не будет отводить от короля московский народ. Московским боярам, которых верность рыцарство видело в эти времена и просит короля исполнить их требования, дается ответ по тем делам, на какие теперь можно было отвечать, но король желает, чтобы они помогли ему сноситься и с другими русскими, как находящимися в столице, так и в других крепостях, потому что не начало, а конец завершает обыкновенно всякое дело. Как при первой мысли об этой экспедиции король клал в основу ее благо и пользу целого отечества, так и теперь он заботится о том, чтобы эти государства, соединившись в одно, были сильнее и при каждом случае и надобности могли подкреплять себя взаимно. Что касается признания призывных грамот, которыми рыцарство призвано на войну, обеспечения условленной платы за выслуженные четверти, обеспечение действительной уплаты и перенесения обеспечения уплаты за две четверти на имения королевства, то на это дается такой ответ: прежде всего — почтенное рыцарство, как родившееся в Польше, само могло знать и помнить, что польские короли, помимо согласия чинов королевства, не имеют никакого права закладывать свои стольные имения и делать долги на счет отечества. Королю не могут советовать этого сенаторы, и честь и присяга запрещают ему подписывать (подобные обязательства), тем более что долг этот сделан в чужом государстве и чужим человеком, когда его дело было сомнительно. Поэтому пусть рыцарство не приписывает ни немилости короля, ни нежеланию сенаторов, что они не делают того, что запрещают им законы, так давно утвержденные обычаем в королевстве и в великом княжестве Литовском. Король, однако, не прочь предложить эти просьбы рыцарства на сейме всем чинам, и если они согласятся, то король рад дать им время (на обсуждение дела), как это он всегда делал в свое счастливое правление; а теперь,

чтобы рыцарство видело совершенную расположенность к себе короля не только на словах, но и на самом деле, его величество прибавляет: чтобы рыцарство могло получить не только вознаграждение, но и награду за все свои труды, беспокойства, издержки, опасности и пролитие крови, его величество позволяет ему начавшиеся экспедиции и четверти службы продолжать считать до тех пор, пока Божиим судом и его милостью то государство (Московское) не будет передано в руки короля посредством ли переговоров, которые уже начинаются, или военною силою. Когда в то время представлен будет королю счет по силе этой грамоты, то через десять недель по вступлении (короля) на престол (Московский), рыцарству будут уплачены деньги с тех государств, по соображению суммы этих денег и количества доходов, какие возможно получить, а если бы это не было исполнено, по силе этого обязательства, то рыцарство может требовать своих денег с Северского и Рязанского государств. Его величество очень был бы рад сделать рыцарству подмогу в его нуждах наличными деньгами, но и касательно этого дела его величество (должен сказать): члены рыцарства не странники в своем отечестве, пусть посмотрят на силы и доходы Речи Посполитой; пусть обратят внимание, как велика казна, как велики средства, и они убедятся, что не только нельзя делать новых расходов и предпринимать новых походов, но необходимо значительное время, чтобы страна успокоилась и отдохнула. И настоящий поход его величество предпринял больше всего для охранения безопасности тех границ, так как до короля дошло известие, что тот неприятель (Василий Шуйский) с чужеземною помощью собирался поразить рыцарство и овладеть ближайшими к его границам волостями великого княжества Литовского, оставленными без бдительности и защиты. Но чтобы самым делом показать доблестному рыцарству свою милость, его величество дает ему деньгами и товарами некоторое подкрепление в нуждах, чтобы оно сколько-нибудь поддержало себя ими до будущего благоприятного оборота дел в том государстве. Из этого рыцарство может видеть, что его величество, как его государь, имеет к нему любовь, обращается с ним как следует, что король не такие обещания дает ему, которые могли бы подлежать какому-либо сомнению и которых государям следует остерегаться, но утверждает за ним четверти года прошедшей службы, позволяет заслуживать в том государстве

будущие четверти, т. е. по своей природной доброте король позволяет делать то, что дозволяют обстоятельства, и жалует членам рыцарства как верноподданным столько, сколько теперь может вынести его казна. Раны, увечья лиц из рыцарства король желает иметь во внимании и при случае награждать по представлению предводителей или всего рыцарства. Денежные расходы, которые делали из своих средств полковники и ротмистры, когда вели тех людей (самозванцев?) из Польского государства, и на содержание товарищества, они получают при уплате им полного жалованья за их службу. По делам судным, если бы кто из рыцарства подвергся им во время экспедиции, его величество дозволит брать из его канцелярии, согласно обычаям Польского королевства и Великого княжества Литовского, грамоты на реляксации, сублевации и экземпты. Его величество желает, чтобы у рыцарства было в возможно лучшем устройстве его военное дело под теми же полковниками, ротмистрами и с сохранением полной власти гетмана, как этого требуют военные действия и обычаи. Но больше всего его величество желает от рыцарства, чтобы оно, имея в виду, что в военном деле вредно малейшее замедление и, не вдаваясь в рассуждение о том, что будет дальше, соединилось с войском его величества и устремилось к тому, что могло бы доставить скорейший успех тем замыслам, рыцарству скорейшее отдохновение от трудов, уплату издержек и награду за заслуги, и отечество могло бы получить вечную славу, расширение границ и прочное умиротворение. Но прежде всего его величество обещает рыцарству, что больше всего будет иметь в виду и особенном внимании его труды и славные рыцарские дела, придется ли теперь кончить дело с тою странюю путем переговоров, или в другое время и другим способом. Бог передаст ее в руки его величества, пусть лишь рыцарство покажет на самом деле то, что на словах показывает отечеству, и верно служит своему государю, который есть глава его, и пусть рыцарство знает, что будет иметь дело не с чужим человеком, вроде того, которого оно так долго терпело у себя и не для блага своего отечества, но с собственным государем, который и прежние недуги может вылечить и в будущем доставить славу его собственному народу и пользу матери — Речи Посполитой до отдаленного потомства, а себе и своему царствованию он хочет сохранить лишь счастливую память об этом замысле. Если

рыцарство еще пожелало посоветоваться касательно своего перехода на сторону нашего войска, находящегося там и для содействия нам и Речи Посполитой в тех делах, то Брацлавский воевода будет иметь на этот счет от нас поручение, от которого оно узнает нашу волю, и чем охотнее примет оно наше предложение, тем большую покажет любовь к отечеству, преданность нам, за что и мы, с своей стороны, тем большую обещаем ему милость».

В то же время и от царя из Калуги прислан был в лагерь под Москвою ответ. Его принес Януш Тышкевич, которого войско посылало к царю. Ответ был такой. Что касается того, что рыцарство обвиняет царя, зачем он ушел от него, не сказавшись, то вина тут падает не на царя, а на тех, которые были причиною этого удаления, которые имели тайные сношения с королем и злоумышляли на жизнь царя, как Роман Рожинский, Комаровский, Михаил Салтыков, Руцкий, Пухин, Семен Татищев, о каковой измене царь сейчас же объявил господам полковникам, ротмистрам и некоторым из их товарищей и о которой обширнее сказано в грамоте царя ко всему рыцарству. Что касается денег, то его царское величество обещает выдать сейчас же на конного всадника по 30 злотых, если рыцарство приведет к царю в Калугу в добром здоровье царицу. Открыв между собою виновных (в измене), пусть рыцарство само накажет их или пусть приведет их с собою в Калугу к царю. Касательно новых четвертей службы обещает царь все исполнить; царь будет стараться и обещает, что вскоре будут уплачены все выслуженные деньги, согласно прежним записям и обеспечениям. (Что касается требования войска), чтобы царь дал присягу не казнить тех бояр, которые остались в лагере с (польским) рыцарством, то его царское величество обещает тех, которые прежде были и теперь доброжелательны царю, не казнить, и по-прежнему показывать им царскую милость, но с теми, которые были изменниками царя, вольно его царскому величеству как с своими подданными делать, что ему будет угодно. Пусть его царское величество обещает, что вступит с королем в приличные переговоры: это должно быть предоставлено на волю его царского величества. Если король пожелает о чем вступить с ним в переговоры, пришлет к нему послов и предложит надлежащее дело, то царь не откажется от этого. Что касается продовольствия, то его царское

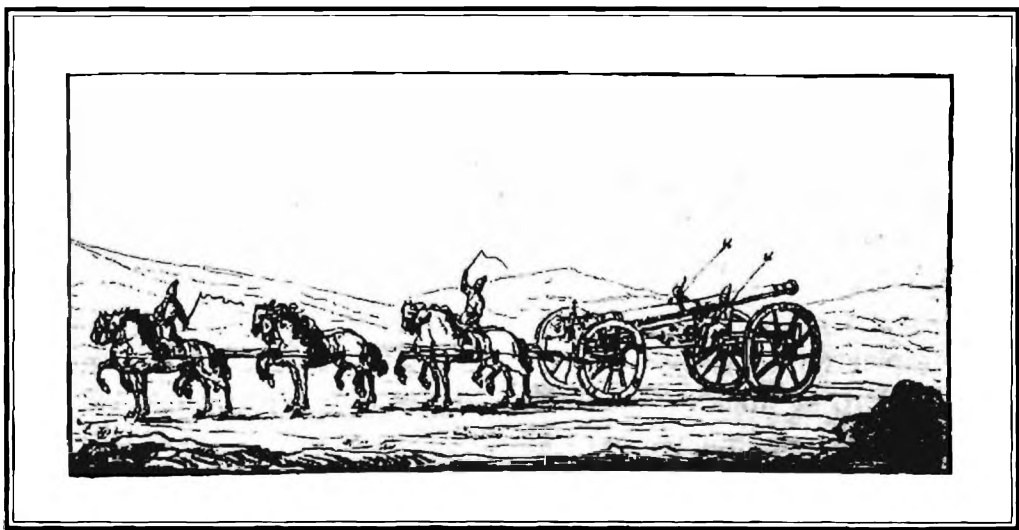
величество обещает выдавать на роты продовольствие из крепостей по-прежнему. Что касается денег, то они выдавались на каждую четверть. Что касается товарищей, то все те, которые были по крепостям, выпущены; вольно идти, куда угодно им и пахоликам. Что же касается убытков, которые они понесли, то убытки все вместе будут им вознаграждены. О тех, которые без ведома царя задержаны в отдаленных крепостях, царь велит сделать розыскание, и они будут освобождены. Касательно того требования короля, чтобы царь не вступал ни в какие тайные сделки ни с Шуйским, ни с другим каким-либо государем, то царь не находит нужным делать какие-либо обещания, потому что царь не вступает ни в какие владения короля; следует и королю то же делать. Чтобы царь не смел ничего делать без ведома старшего из рыцарства: царь обещает без ведома старшего из рыцарства не делать тех дел, которые касаются самого рыцарства, но те дела, которые касаются самого царя, царь в своем отечестве будет решать сам со своими боярами. Притом его царское величество желает, чтобы рыцарство подвергло надлежащей ответственности тех, которые были причиною его удаления, а именно: князя Рожинского, Комаровского и кого еще рыцарство найдет виновным, чтобы они получили надлежащее возмездие, а если нельзя их казнить, то пусть их не будет в войске, пусть они сейчас будут изгнаны из земли его царского величества, а русских людей и бояр вышешпоименованных пусть рыцарство выдаст царю и приведет их в Калугу; другие — бояре, дворяне и казаки — пусть остаются в лагере до приезда его царского величества, однако нужно внимательно наблюдать, чтобы они не разъезжались — в Москву и под Смоленск. Все деньги, драгоценности, столовое золото, серебро, одежда, экипажи, лошади, соболя, чернобурые лисицы, рыси, куницы, лисицы и все имущество, какое в то время забрали у царя, должны быть отосланы к нему, и все это царь обещает раздать войску. Гетмана, как старшего начальника, рыцарство должно избрать с ведома царя, и он ничего не должен делать без ведома его царского величества. Рыцарство должно держаться конфедерации, которую заключило с клятвой и которую обещалось не отступать от царя, пока Бог благоволит возвести его на престол, и крепко стоять против всякого неприятеля его величества. Если рыцарство все это исполнит, то его

царское величество, со своей стороны, своим царским словом обещает исполнить все вышеисчисленные условия и для большей верности и твердости соизволяет подписать их своею рукою.

Эти ответы произвели в войске волнение и колебание в разные стороны; одни заявляли, что пойдут к царю, другие — к королю, однако после долгих споров принято такое решение: всем заодно идти к Волоку и там разойтись в братской любви, кому куда угодно.

Того же года, 16 марта, войско двинулось из лагеря под Москвою в таком порядке: передняя стража — рота г. Велегловского, задняя стража — г. Крыловского; при них обозный г. Каменский и затем г. Красовский; артиллерия, при ней Донцы и пехота, над ними начальником г. Заруцкий, при артиллерии же московский табор; далее — полк Адама Рожинского, за ним возы того же полка; возы войска, перед возами полк Будилы, за ним возы этого полка; рота г. Чаплинского, за ней возы полка г. Зборовского; возы полка гетмана, перед ним (ними) рота г. Русецкого, г. Мархоцкого; возы полка Хрослинского, перед возами по 30 конных; возы полка г. Глоховского, при них рота Семацкого; возы полка г. Копычинского, при них по 20 конных из каждой роты. За возами шло все войско в таком порядке, как обыкновенно идут полки: впереди его милость отец патриарх с боярами, потом полки — г. Зборовского, г. Хрослинского, Глу-

Русская артиллерия

ховского, Копычинского; в заднюю стражу изо всех рот по 10 конных для охранения от московских наездников. Передние люди, которые назначают место для стана, ехали в густом строю, окружив пушки; если бы что случилось, они готовы были подать помощь и назад. Товарищ, который бы осмелился, помимо воли гетмана, отъехать от своей хоругви, подлежал наказанию по артикулам; он должен быть почитаем за изменника и каждый ротмистр обязан донести о нем гетману; тому же наказанию подлежит и ротмистр, если отъедет. Несмотря на то что все войско согласно постановило — идти всем вместе до Волока, г. Хруслинский с г. Янковским и с некоторыми пятигорскими ротами оторвались от войска, пошли к царю под Калугу и стали обозом в местечке Прудках. Их били сперва у Ружиц, потом под Можайском, когда они проходили мимо него; русские отбили у них все возы с вооружением и все имущество.

Того же года, и месяца 22-го дня, войско послало г. Зборовского под Смоленск к королю с просьбою прислать как можно поскорее подкрепление, пока еще не усилился неприятель.

Того же года, и месяца 25-го дня, войско вышло из Волока, где имело тесную и голодную стоянку, и расположилось около Соборников и Клушина, а Рудцкий остался в Осипове.

Того же года, 4 апреля, гетман Рожинский умер в Осипове. Того же года, 24 апреля, г. Зборовский приехал от короля и привез обещание заплатить 100 000, но не нанимать войска больше 2000, поэтому большая часть войска пошла к царю, так как знала, что он нанимает войско, и имела от него грамоту, которая изложена была в таких словах:

«Мы, Дмитрий Иванович, Божией милостью Царь Московский их милостям — полковникам, ротмистрам, поручикам и всему рыцарству, находящемуся теперь в Прудках, желаем от Бога здоровья и всяких радостей. Так как настоящие Наши дела требуют, чтобы Мы предприняли скорый поход для дальнейшей защиты Нашего правого дела, то Мы надеемся, что вы, господа, согласно договору, заключенному с Нами вашими послами, без малейшего замедления явитесь в назначенное место и время для получения денег и для продолжения войны, потому что Мы надеемся, что при Божией помощи то, что злые люди расторгли, вы, господа славные и

мужественные люди польского народа, в скором времени исправите, именно те из вас, которые заявили, что стоят при Нашей правде. Вы, господа, приобретете этим бессмертную славу и при Божией помощи восторжествуете над Нашими и вашими врагами с великой пользой для вас и с похвалой от других народов. Просим вас не ослабевать в вашей преданности к Нам. Мы же с своей стороны всеми мерами будем стараться, чтобы из Калуги удовлетворить ваши нужды».

1610 года, 7 апреля. Когда эту грамоту из Прудков прислало к войску то рыцарство, которое находилось в Прилуках (Прудках?) под начальством Хрислинского и Янковского, то Того же года, 27 апреля, (немногие) отделились от полка Зборовского и, избрав себе начальников — Каменского из большого лагеря и Быховца из лагеря под Троицей, двинулись к тому рыцарству.

Того же года, 16 мая, все войско стянулось к Килькиму и соединилось с теми отрядами, которые находились около Клушина и около Килькима (Хлопина).

Того же года, 21 мая, взяли Осипов присланные Шуйским немцы, над которыми капитаном был Мусир Деланика. Взяли они его таким образом: Рудцкий не мог их сдержать; они сначала овладели деревянной крепостью и уже ворвались было в каменную. Наши насилу сбили их со стен, а так как не могли выбить их из деревянной крепости, то принуждены были зажечь ее, несмотря на то что там было все их продовольствие. Таким-то образом они выбили из нее немцев, которые (пострадали от пожара), в особенности когда не могли попасть назад в калитку, через которую ворвались было в (каменную) крепость с петардой. Когда немцам не удалось взять крепости этим способом, а на штурм трудно им было решиться, то они осадили ее острожками и не допускали получить ни продовольствие, ни известия. (Наше войско), не получая никакого известия о вспомогательном войске, так как наши войска ушли далеко, принуждено было уходить к Зборовскому, который стоял лагерем под Царевым-Займищем в (деревне) Шуйске. Немцы и русские, получив известие, что он уходит, преградили ему дорогу у болотистой реки и дозволили войти в нее, а когда он вступил в нее, то со всех сторон ударили на него. Немало людей у него пало, а остальных

немцы взяли в плен, насилиу сам Зборовский ушел и то пешком. В то время взяты в Москву ростовский митрополит Филарет, находившийся при наших в Осипове, и много знатных бояр; из ротмистров взяли Александра Рожинского, г. Тупальского и немало других, которые кроме Рожинского, который умер, были выпущены из плена уже после, когда Москва поцеловала крест королевичу Владиславу.

Когда Шуйский увидел, что столица его освободилась (от лагерей под Тушином и под Троицей), и узнал, что (польское) войско разделилось, и одни пошли наниматься у короля, а другие — у царя, и что меньшая часть была у Зборовского, которую ему легче было поразить, то послал Валуева с 8000 отборного войска уничтожить ее. Когда это войско пришло к Цареву-Займищу, то нашло его сожженным, потому что наши, именно: полки г. Вайера и г. Казановского, которые перед тем здесь стояли лагерем, узнав об этом войске, зажгли Царево-Займище и присоединились к г. Зборовскому. Когда эти отряды были недалеко один от другого и готовились к битве, прибыл на помощь г. Зборовскому от его величества короля из-под Смоленска его милость гетман королевства Станислав Жолкевский. Зборовский сейчас выступил с войском из лагеря и наступил на московское войско. Русские, не имевшие достаточно храбрости, чтобы дать битву, окопались в городке и сели в осаде. Гетману не оставалось ничего другого, как осадить их, он их и осадил, устроив острожки, и очень стеснил их.

26 мая того же года, войско отправило к царю в Калугу послов с просьбой выдать обещанные деньги. Послы принесли от царя такой ответ. Прежде всего условие касательно выдачи денег: если все рыцарство, выбрав себе начальника по согласию царя и завязав опять конфедерацию, принесет присягу не отступать впредь от царя, пока сам он не прикажет отойти от него, то пусть сосчитает себя, пришлет список царю и царь через своих бояр сейчас же пришлет деньги в Будки (Прудки) или Недынь (Медынь) по 30 злотых на конного, исключая малолетних товарищей. Всякое продовольствие без затруднения будет выдаваемо по числу людей в отряде. Всех задержанных товарищей его царское величество приказал выпустить на волю и вознаградить им убытки. Обеспечить уплату за всякую действительную службу царь не прочь согласно прежним обяза-

тельствам и не запрещает зачислить и время, в которое войско не несло действительной службы.

Того же года, 11 июня, когда царь увидел, что без уплаты денег войско не хочет двинуться с Угры, то приехал сам из Калуги, нанял войско и обещал приехать вторично и выдать деньги. Того же месяца он уехал назад, оставив при войске бояр с частью денег.

Того же года, 25 июня, войско избрало гетманом Сапегу, который перед тем, того же месяца, приехал с 1000 казаков.

Того же года, 4 июля, царь опять приехал к войску и упросил его удовольствоваться данными деньгами, — он дал лишь по шести золотых на конного.

Того же года, 4 июля. Гетман королевства, как выше сказано, осадил Валуева в городке. Голод сильно дал себя чувствовать осажденным. После многократных просьб о помощи Шуйский послал на выручку Валуева войско, сколько мог собрать его, с братом своим, Дмитрием Шуйским. В этом войске русских было 16 000, немцев под начальством Понтуса — 7000. Гетман, получив известие об этом вспомогательном войске, не стал дожидаться, пока оно придет к городку, а, оставив немного войска у городка, (с остальными) вышел против него ночью. Утром, как только стало светать, он встретил его на пути из Клушина на расстоянии 4 миль от города. С наступлением дня, 4 июля⁹, гетман двинулся на самые таборы русские, которые, увидев польское войско, о котором не знали прежде, поспешно стали готовиться к битве. Немцы, как более опытные, устроились прежде, а русские служили им подкреплением. Так как здесь главная сила была в немцах, то с ними нашим и пришлось прежде всего биться. С ними мужественно сразились роты полка г. Зборовского и долго бились; пришлось двинуть все вспомогательные отряды, которых новый натиск, когда они то ударяли вперед, то отступали и, устроившись, снова наступали, насилу разорвал немцев, потому что нашим пришлось нападать через плетень и ломать его лошадьми. Немало было потери в людях и с трудом наши прорвали (строй иноземцев). Русские не хотели помогать им. Когда немцы это увидели, то послали к гетману сказать, что сдаются. Русские затем смутились и ударились бежать, а наши гнали их и били. Обоз московский гетман отдал немцам, которые, взяв его, пришли к гетману,

и одни из них поступили на службу к его величеству королю, а другие, не желавшие этого, выговорили себе свободу удалиться. Поэтому Понтус с другими немцами ушел к границам своего государства. После этой победы гетман пришел к городку и объявил осажденным о своей победе над войском, шедшим к ним на помощь. Не надеясь больше ниоткуда получить помощь, потому что Шуйский уже не имел больше войска, они принуждены были сдаться и целовали крест на имя королевича. Взяв городок, гетман со сдавшимися русскими двинулся к Можайску, который тоже сдался и целовал крест королевичу.

Когда сдался вышеупомянутый городок, то отыскиали (в нем) тело Мартина Вейера, который убит за несколько недель до сдачи.

Того же года, 10 июля, царь от Угры двинулся с войском к Москве в таком порядке: 1) полк Хрослинского — 200 казаков, 600 пятигорцев, 200 гусар; 2) полк Тышкевича — 100 казаков, 600 пятигорцев, 200 гусар; 3) полк гетмана — 300 казаков, 600 пятигорцев, 1000 гусар; 4) полк Будилы — 400 казаков, 600 пятигорцев, 200 гусар.

Того же года, 15 июля, войско шло к Москве через Боровск, из которого русские, бросив крепость, ушли в Боровской монастырь, лежащий на расстоянии польской мили от Боровска. Монастырь этот был каменный и довольно сильно укрепленный, кругом его была глубокая вода и окопы. Когда (русские) не хотели сдаться, то наше войско решилось не отходить, пока не добудет их. Поэтому того же вышесказанного числа наши послали отряд на штурм, который осажденные три раза отбили. Наше войско, стоявшее в готовности около этого монастыря, увидев, что осажденные бьются крепко и нападающие несут потери, по данному знаку со всех сторон ринулось с великим криком и, прилетев к стенам на конях, соскочило с коней и сначала ворвалось за палисадник. Русские, перепугавшись от этого грома, побежали в каменный монастырь, за которым наши сейчас же вскочили на стены, не дав русским ни развернуться, ни запереть ворота, и в ярости всех до одного вырезали.

Того же года, 25 июля, когда войско двинулось от Боровска и под вечер остановилось на Медвежьем броде, незаметно подкрались к лагерю татары и сделали большой урон в людях, которых нашли

по деревням. Наши, выскочившие из лагеря, без строя и те, которые прибежали (из деревень), гарцевали с татарами до самого вечера; уже ночь прервала битву. Всего войска Сапега не решился выводить из Боровска(?), потому что боялся нападения неприятеля с тылу, почему и всю ночь все войско стояло в строю. На следующий день, утром, 22 (26?) июля, Сапега вывел против татар войско в поле, желая захватить их в стане, но они, узнав от языков, что у нас большое войско, поднялись раньше и ушли, — они ведь оберегали собственную шкуру; впрочем, и наши всю ночь были наготове. Этих татар нанял Шуйский; но они, увидев, что ничего не могут сделать, забрав немало денег и полону, ушли невредимо домой.

Того же года, 26 июля, царь пришел с войском под Москву. Весь тот день происходили под стенами Москвы гарцы, потому что русские не хотели выходить в поле. Только уже вечером (наше) войско возвратилось в лагерь, который был устроен в селе Коломенском.

Того же года, 27 июля, московские бояре, не имея никакой надежды, чтобы Шуйский защитил их (от неприятеля), так как у него не было уже никакого войска, свергли его с престола и постригли в монахи. Желали они постричь и его жену, но она срывала с себя чернеческие одежды, поэтому ее оставили в покое. Управление царством поручили князю Мстиславскому и князю Голицыну.

Того же года, 2 августа, пришел под Москву гетман королевства Жолкевский и расположился в миле от нее напротив Нехорошева¹⁰.

Того же года, 3 августа, отправились к королю послы от войска (самозванца), чтобы привести короля в соглашение с царем. Они объявили королю такое условие со стороны царя: если бы Москва сдалась царю, то чтобы король не делал ему препятствий, а напротив, чтобы оказал ему какую-либо помощь. За это царь обещает в течение 10 лет давать ежегодно в казну Речи Посполитой 300 000 рублей, королю на стол 10 000, обещает заключить с ним вечный мир, снесшись с королем, уничтожить татар, обещает на свои средства добыть снова и передать королю Швецию и против всякого неприятеля Польского Королевства и Великого княжества Литовского давать помощь, которую и его королевское величество обязан будет давать царю, если она окажется нужной. Касательно Северной страны нужно

свести господ сенаторов на переговоры с думными боярами, и пусть ею тот владеет, кто имеет на нее большее право. Царь под присягой обещает исполнить эти условия.

Того же года, (и месяца) 11-го дня, сильная была вылазка из монастыря Симонова до самого лагеря (и неудачные для нас), потому что (русские) напали, когда войско не было готово к битве и стража ушла было, но потом (наши), вскочив на коней, сдержали русских и гнали их под самые стены. В это время ранили г. Сапегу.

12 августа, царь, желая ворваться в Москву или зажечь ее, разделил войско на две части, и с одной частью, в которой были и русские, пошел в тыл к русским, бывшим в Москве, и стал обходить Москву на далеком расстоянии до Троицкой дороги, чтобы в Москве не заметили его движения, но так как отсюда далеко было до Москвы, то он не мог подойти к ней ночью, а подошел, когда уже совсем рассвело; русские заметили его и не допустили к деревянной ограде; его войску удалось лишь поджечь посад около города. Другая часть войска под начальством г. Будилы послана была к Серпуховским воротам; оно должно было произвести тревогу, чтобы тем легче можно было сделать приступ тому войску, которое было с царем. Когда русские, бывшие при гетмане королевства, заметили, что около города поднимается дым, то кинулись на защиту города и имели стычку с царским войском. Царское войско, полагая, что это сделано по приказанию гетмана королевства, отправило к нему депутацию, которой дало такую инструкцию.

Инструкция послам, отправленным к гетману королевства от войска его величества царя: «Послы имеют пространно показать, как много войско его царского величества потрудилося для славы нашего народа и не ко вреду Речи Посполитой; не менее оно было полезно и теперь, когда подступало к Москве войско его королевского величества, потому что оно разрушило довольно сильные и вооруженные крепости и городки, уничтожен также довольно быстрый и осторожный неприятель — татары. Все это было полезно его величеству королю. Неоднократно мы были возбуждаемы к приобретенной этими делами славе письмами господина гетмана королевства и на основании их полагали, что он к нам расположен, а теперь, когда мы ходили под Москву, то, сверх всякого ожидания, господин гетман послал

против нас, на помощь Москве Салтыкова с русскими. Хорошо ли это и должно ли это было нас настигнуть, — предоставляем рассудить это самому господину гетману, если это действительно так было. Мы не можем бросить царя и царицу и отойти от них, разве они сами дозволят нам это; но чтобы при превратности судеб нашим заслугам не было какого-либо сомнительного исхода, так как во власти бояр отдать столицу, кому хотят, то требовать от гетмана, чтобы он признал наши заслуги и подтвердил это письменно. На случай, если бы столица никому не сдавалась и пришлось продолжать войну, просит гетмана, чтобы он сносился с гетманом нашего войска». На это послы получили такой ответ от гетмана королевства.

Ответ гетмана королевства царскому войску, данный через тех послов: «Послы их милостей в пространных словах излагали кровавые заслуги свои и большие труды для приобретения бессмертной славы нашему народу. Гетман королевства признает эту славу и доблесть рыцарских дел войска и в этом никогда не препятствовал войску и не желает препятствовать. Так и недавно, когда царское войско подступало к Москве, гетман не помогал русским и не думал об этом, но это случилось неожиданно. Салтыков был в Москве на переговорах. Услышав военный крик, он дал знать своим слугам — русским и вышел в поле. Гетман пространно извинялся, доказывал, что это сделано без его приказанья и ведома и утверждал это совестью. Говорил он, что наказал бы за это Салтыкова, но по обстоятельствам должен простить его. Слава войска немало зависит также от положения дел царя. Гетман желает тоже оберегать эту славу и обещает, что если бы столица вскоре сдалась его королевскому величеству, то король даст обеспечение его царскому величеству, а если столица сдастся царю, то гетман полагает, что король удовольствуется условиями, посланными к нему царем. Тем охотнее гетман готов уверить войско, находящееся при царе, что признает его заслуги, как неоднократно уверял его в этом письмами, и если бы войско потребовало, он готов подтвердить это (и теперь) письменно. О продолжении этой войны, если бы столица стала отбиваться в осаде от обоих государей, гетман королевства желает сноситься с господином гетманом его царского величества».

Того же года, 27 августа, Москва целовала крест королевичу Владиславу, а своего царя Шуйского и его братьев — Дмитрия и

Ивана Шуйских — выдала гетману и он отвез их королю под Смоленск.

Того же года, 5 сентября, русские, негодуя на то, что под Москвою стоит царское войско и часто делает им зло, несмотря на то что они сдались на имя королевича и гетман королевства обещал было сейчас отвести это войско, наскучили ему, чтобы он поскорее покончил с этим войском. Поэтому (гетман и это войско) долго вели между собою переговоры, но ничего не могли решить, потому что войско стояло за своего государя. Наконец, гетман со своим войском и русским неожиданно стал наступать на царское войско. Увидев это наступление, царское войско скоро выстроилось. Таким образом, оба войска приготовились к бою, но так как они не желали проливать братской крови; далее, так как трудно им было доверять русским, бывшим на той и другой стороне; наконец, так как царское войско плохо верило в успех своего государя, который в то время не был и в войске, а находился при жене в Никольском монастыре, на горах, за две мили от лагеря, то оба войска легко пришли к соглашению.

Того же года, 6 сентября, царь, потеряв надежду выиграть дело, бросил все и уехал с женой в Калугу. Из бывших при нем русских более знатные присоединились к москвичам, а казачество и меньшие бояре пошли за царем к Калуге. Им дана воля идти. Второй уже раз царь этот бежит от войска.

Того же года, 12 сентября, бояре от имени всей земли отправили из Москвы к его королевскому величеству Голицына и ростовского митрополита Филарета с просьбой, чтобы дал им на царство сына своего Владислава. Король, будучи этим недоволен, задержал послов и (потом) отправил их в заточение в Польшу.

Того же года, 27 сентября, войско, бывшее при царе, двинулось в Северскую землю, а гетман королевства занял московскую столицу своим войском, именно ввел полки — Зборовского, Вайера, Казановского, поставив над ними начальником Гонсевского, который тоже имел свой полк и прибыл с ним к гетману из Белой, которую еще прежде взял гетман. Оставив свой полк и полк Струся в Можайске и в Верее, гетман отправился с Шуйским под Смоленск, а затем уехал в Польшу, когда увидел, что король дурно принял то, что Москва поцеловала крест на имя королевича и что гетман обещал русским,

что король даст им королевича, тогда как король желал московского престола больше для себя, чем для сына.

Того же года, 14 октября, царское войско расположилось около Месчевска и загрозило королю от царя, сильно беспокоившего королевское войско из Калуги, которое после того безопаснее могло действовать и добывать себе достаточно продовольствия.

Того же года, 22 октября, отправленный к королю из-под Москвы с условиями от царя Казимирский приехал считать все войско, потому что когда царь убежал от войска, то оно отступилось от прежних условий и само перешло на сторону короля. Взяв счет, Казимирский уехал к королю.

Того же года, 5 декабря, приехали к Месчевску послы, ездившие к королю с вышеупомянутыми условиями, и привезли такой ответ.

Ответ его королевского величества: «Напрасно повторять прежние условия, не раз уже высказанные, а другие желания войска в известной степени улажены, и на них даем такой ответ.

Касательно того, чтобы войско действительно получило награду за понесенные беспокойства, труды и за столь великое пролитие (своей) крови, кто может не желать, чтобы войско имело возможность отдохнуть от этого изнурения? Мы, конечно, желаем этого нашим военным, как верноподданным нашим, и будем стараться, чтобы они были обнадежены, что получают уплату за их труды, и чтобы это было обеспечено подписью надежного лица. Но так как послы от войска требовали от нас, чтобы мы поименовали определенные волости, которые бы составляли обеспечение их заслуг, то мы непрочь согласиться, чтобы таким обеспечением служили им земли Рязанская и Северская, если бы войску не были уплачены следуемые деньги в течение полугода по занятии (нами русского) престола, согласно асsekурации, данной ему нами. Время службы этого войска мы считаем и делаем такой справедливый расчет: чтобы всякий считал время службы с того времени, как вступил в это государство, включая согласно военным, походным правилам (из времени, какое прошло от выхода из дому), четыре недели на походе к границе. Так как тот человек (самозванец), при котором находились эти военные люди, подобно всем, не имеющим намерения платить, с расточительностью надавал им записей и соглашался давать доровизны, то,

чтобы нам не давать слова на что-либо неверное (объявляем), что будем требовать (точного) числа людей в отряде и что на это (только) число будет простираться обеспечение уплаты. Что касается количества жалованья, то мы уверены, что славное рыцарство не отступит от (образа) действий и обычаев своих предков и будет поступать с королем, как следует поступать верноподданным со своим государем. Мы не пустыми словами, не сомнительными обещаниями (маним войско), но на самом деле желаем заботиться об его пользе. Легко было обещать тому, кто или не думал держать слова, или, не надеясь на успех своего дела, не имел уверенности в себе. Нам, напротив, нужно давать наше слово так, чтобы оно было вполне верно. Кроме того, тут придется иметь в виду не одно уважение (к заслугам войска), тут придется еще остерегаться, как бы не отшатнулся от нас тот народ (русский), если он увидит, что на его государство сразу налегает

Ажедмитрий I

столь великая тяжесть. Нужно остерегаться, как бы не вошел в обычай пример столь великой уплаты, который не только Московская земля, но и великая, полная золота восточная Индия не могла бы вынести. Нужно наконец наблюдать и справедливость, ведь там только увеличивается наемная плата (в таком, однако, размере нигде нет ее), где солдат обязан все удовлетворять своими деньгами. Поэтому, поступая в настоящем случае по-отечески, мы охотно допускаем это войско к такой плате, какую даем нашему войску, и уверены, что в нем не найдется ни один воин, который бы был против этого справедливого решения. А чтобы войско видело нашу милость и внимательность к его делам, мы соглашаемся на его просьбу засчитать всем военным в счет обещанного жалования давние четверти их службы. Наем на новую службу, если они соглашаются уже служить нам, мы отечески утверждаем призывными грамотами, для чего не дальше, как через неделю после отъезда их послов отправим наших комиссаров из нашего войска, которые, переговорив с их военачальником, перепишут роты, пересчитают их и объявят, с какого времени начинается их служба. Исполнив это, они укажут время и место уплаты денег за одну прежнюю служебную четверть, которую войско просит. Но мы ожидаем, что при счете войско будет вести себя по отношению к нам и Речи Посполитой с сыновнею верностью, как в этом заверяли его послы (и постарается сделать так), чтобы не пострадали при этом ни наша казна, ни справедливость. Хрослинскому, другим полковникам и ротмистрам и всем вообще, кто покажет верность и преданность отечеству, мы обещаем, что будем с благодарностью принимать их труды и не преминем при удобных случаях награждать их нашею милостью в этом государстве и в нашем отечестве. Те, которые после выхода из заключения наших послов остались при войске и до сих пор не уехали, а остаются при нем, желаем, чтобы были удовлетворены наравне с другими с того времени, как вышли из заключения. Не прочь мы от того, чтобы обедневшие в вооружении вследствие поражения или от других причин пользовались своими правами и вольностями, когда законным путем освободятся от взысканий своих истцов. Но желаем, чтобы славное рыцарство без всяких проволочек помогло нам поскорее и его наградить и нам достигнуть успеха в здешнем нашем намерении. Затем обещаем нашу милость нашим верноподданным.

Ассекурация (обеспечение). Сигизмунд III, Божией милостью Король Польский, великий князь Литовский. Всем вообще объявляем, что, стараясь вознаградить убытки и значительные издержки рыцарства полков, находящихся под начальством Усвятского старосты Ивана Петра Сапеги, каким оно в эти времена подвергалось, зайдя в эти страны по жажде к славе и по рыцарской отваге, так как оно теперь возвращается на службу отечеству, чтобы содействовать успеху нашего похода, мы хотим стараться и печаловаться, чтобы это войско, по силе данного ему нами ответа, получило вполне заслуженное им в эти времена жалованье в этой же стране, когда ее Бог передаст в наши руки и дозволит нам сесть на престол того государства. Если же это почему-либо не осуществилось бы, то есть если бы в течение полугода по вступлении нашем на тот престол мы не могли заплатить ему жалованье, в таком случае ему вольно пребывать и удовлетворять свои нужды в Рязанской и Северской землях до тех пор, пока не получит полного удовлетворения жалованьем, как договорено и назначено ему нами в нашем ответе. Однако войско не должно пустошить земли, выводить полону, разрушать церквей, разорять деревень, мучить подданных. Эту ассекурацию и наш ответ мы соединяем в один акт, все это подписываем нашею рукою и утверждаем печатями обоих государств. Дано в лагере под Смоленском, 1610 года».

Того же года, 14 декабря, приехали от его королевского величества комиссары: Вайер, Виторовский и Конец; им войско дало свой счет, но эти комиссары ничего не постановили, они лишь (взяли от войска) депутатов.

Того же года, 22 декабря, крещеный татарин Петр Урусов, бывший в великой милости у того царика, рассердился на него за то, что тот приказал убить и бросить в воду его родственника, Касимовского царя, которого обвинил его собственный сын. Когда Урусов осуждал за то царя, царь приказал посадить его в тюрьму и держал шесть недель. Потом, по ходатайству царицы и бояр, Урусов был выпущен и обдумывал, как бы отомстить царю за свое унижение и убийство Касимовского царя. Царь имел обычай часто выезжать на прогулку, и при этом Урусов с татарами бывал всегда при нем для охраны. Урусов и теперь, как прежде, был у него самым доверенным лицом, потому что царь возвратил ему прежнюю милость.

Когда однажды царь по обычаю выехал из Калуги и при нем кроме Урусова и татар не было никого, — было только несколько бояр, которые стояли у него у саней, — то Урусов, прискакав к саням на коне, рассек царя саблей, а младший брат отсек царю руку. Русских они оставили в покое: те, отскочив в сторону, просили помиловать их. Другие татары сорвали с царя одежду и бросили его нагого. Потом уже приехали в орду (посланные) от царицы, отыскиали тело и там же похоронили.

Того же года, 24 декабря, накануне Рождества Христова, пришло известие в Мещовск к Сапеге об убийстве царя. На следующий день, 25 декабря, в Рождество Христово, Сапега, взяв полки Будилы, Хрослинского и несколько рот из своего полка, вышел к Калуге и на следующий день пришел под Калугу. Там три дня шли переговоры, а на четвертый день, когда Сапега выслал депутатов на переговоры, то (калужане?), устроив засаду, предательски напали на наших; до вечера происходили гарцы.

Того же года, 31 декабря, так как Калуга не поддалась и (калужане) говорили: «Кому Москва поцелует крест, тому и мы поцелуем, если королевичу (то и мы — королевичу)», то трудно было предпринимать что-либо против них, и Сапега, чтобы труды его не пропали даром, послал Будилу к Перемышлю, отстоящему от Калуги в 4 милях, и поручил взять его силою, и сам двинулся за ним. Когда Будило пришел, Перемышль сдался на милость Сапеге и всего войска. Жителям его (наши) не сделали никакого зла. В ту же ночь из крепостицы Липина, — лежащей в двух милях от Перемышля, когда там узнали, что Перемышль сдался, прибежал к Будиле тамошний воевода Олизарий с известием, что между липинцами несогласие: одни желают сдаться, другие — бежать с артиллерией в Одоев.

Примечания

¹ Печатается по: История ложного Дмитрия // Русская историческая библиотека. Т. 1. СПб., 1872. Т. 1. Стб. 123–224.

² Здесь и далее текст в скобках принадлежит переводчику.

³ Матиаш (Матиас) Местин (Мазинов, Мизинов).

⁴ Вероятно, автор принял за монастырь лагерь русских войск, так как московские полки стояли на реке Ходынке, ближе к Москве, на Пресне находился сам В. Шуйский

с отборными войсками. Ближайший от Ходынского луга монастырь — Богородицы Смоленской (Новодевичий) в Москве.

⁵ Так в тексте подлинника: Buczynsku (Ruzynskie?)

⁶ Подробно о договоре см.: Бутурлин Д. История смутного времени в России. Ч. 2. СПб., 1859. Приложения. С. 59.

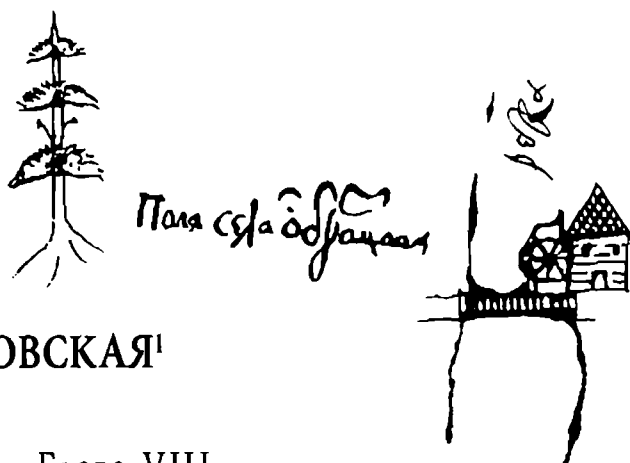
⁷ Так в подлиннике: Szuyskiego.

⁸ В подлиннике не ясно. Автор перевода отмечает: «...рассказ о Марине смешивается с рассказом о самозванце; так по крайней мере мы догадываемся и сообразно с этой догадкой переводим это место».

⁹ Время битвы в подлиннике обозначено неясно.

¹⁰ Жолкевский стал лагерем в 7 верстах от Москвы, на лугах Хорошевских, а через неделю перешел к Сетуни. Переговоры с москвичами проходили около Новодевичьего монастыря.

МАРТИН БЕР ЛЕТОПИСЬ МОСКОВСКАЯ¹

Глава VIII

1607—1608. ...Царь в июне месяце, окружив Тулу со всех сторон, приказал запрудить в полумиле от города реку Упу, среди его протекающую. Вода остановилась и наполнила все улицы, по коим можно было ездить только на паромках; между тем пресекся подвоз съестных припасов и настал голод: жители начали есть собак, кошек, стерву², лошадей и воловыи кожи. Дороговизна была страшная: за бочку ржаной муки платили 100 гульденов, пива не было и в помине; голод погубил многих. Напрасно Болотников несколько раз писал в Польшу к тому, кто отправил его в Россию, с просьбою поспешить на помощь: Димитрий не являлся.

Наконец казаки и все граждане Тульские, разуверенные в молве о спасении Дмитрия, решились выдать царю Василию главных виновников обмана, князя Шаховского и Болотникова; последний не терял мужества и сказал недовольным: «Когда приехал я из Венеции в Польшу, молодой человек, лет 24 или 25, призвал меня и объявил, что он Дмитрий, бежавший из Москвы во время бунта. Я дал ему клятву в верности и сдержу мое слово. Не знаю, точно ли он Дмитрий, коего видеть в Москве мне не случилось, но люди, знавшие царя, уверяют, что тот человек на него похож».

Более всего негодовали на князя Шаховского, который разгласил, будто бы Дмитрий бежал с ним из Москвы; посадили его под стражу с угрозою выдать как виновника войны Василию Шуйскому, если не явится Дмитрий. Наконец Болотников дал поляку Ивану Мартиновичу Заруцкому поручение разведать, что случилось с тем, который называл себя Дмитрием, и будет ли он в Россию или нет. Заруцкий доехал до Стародуба, остался там и ничего не отвечал.

Не имея сведений от Заруцкого, Болотников и Шаховской отправили в Польшу другого гонца: то был казак; он переплыл Упу, достиг Польши и уведомил друзей воеводы Сандомирского, что если никто из них не согласится выручить осажденных из беды неминуемой, то все города, покоренные во имя Дмитрия, будут преданы его величеству королю Польскому, лишь бы только не достались они Шуйскому. Друзья воеводы Сандомирского тотчас приступили к делу; сыскали в белорусском городе Соколе проворного молодца, именем Ивана, родом из России: он был учителем у какого-то священника и хорошо разумел язык русский и польский. Дав этому плуту роль Дмитрия с нужными наставлениями, поляки отправили его в Путивль с паном Меховецким. Жители Путивля с радостью признали его Дмитрием. Отсюда обманщик в конце июля пошел в страну Северскую и прибыл в Стародуб с двумя спутниками, Григорием Кашнецом и писарем Алексеем, но здесь выдавал себя не за царя, а за царского родственника Нагого, говорил, что царь недалеко с паном Меховецким и многими тысячами всадников, что стародубцы должны радоваться прибытию государя, который за верную службу осыплет их милостями.

Меховецкий, однако же, не явился к назначенному времени; жители стародубские, раздраженные обманом, схватили писаря Алексея, Григория Кашнеца, даже мнимого родственника царского, Лжедмитрия И, и повели их к пытке; начали с писаря: раздели его и стали исписывать ему спину плетьюми, допрашивая, жив ли царь и где он? К такому письму писарь не привык. «Пусть будет со мной, что Николе угодно, — размышлял он, — скажу правду, открою, что этот Нагой не родственник царя, а сам Димитрий». Наконец решился и закричал: «Пощадите, дайте сказать, где царь ваш!». Пытку прекратили. «Дураки! — говорил Алексей народу, — ну как вам не грешно тиранить меня за государя? Да разве не знаете его? Он здесь, он видит мою муку: вот он! Это не Нагой, а царь ваш. Коли хотите и его погубить с нами, губите! Для того-то и не открывался он, чтобы узнать, будете ли вы рады ему». Тут бедные простодушные стародубцы пали перед Самозванцем на колени и завопили: «Винноваты, государь, клянемся жить и умереть за тебя!». Его проводили с почтением в царские палаты. Таким образом Димитрий, убитый в Москве, опять явился в Стародубе.

Обрадованный этим событием, Иван Мартинович Заруцкий, которого послали, как выше сказано, к царю из Тулы, немедленно явился к Самозванцу, представил письмо, и хотя с первого взгляда заметил, что Димитрий есть обманщик, но в присутствии народа признал его своим прежним государем, которого, впрочем, никогда не видывал. Стародубцы еще более убедились в истине слов писаря Алексея.

В тот же день прибыл и Меховецкий с несколькими эскадронами польской конницы. Димитрий тотчас отправил его освободить Козельск от осады, а сам обещал идти вслед, для освобождения Тулы и Калуги; остался же в Стародубе только для того, чтобы убедиться в усердии народном, для чего употребил следующую хитрость: Ивану Заруцкому приказано было выехать с копьём в руках за город и ожидать там Димитрия, который хотел состязаться с ним в искусстве владеть оружием и в ристании. Как скоро соберется народ на зрелище, Заруцкий должен был ударить в царя копьём по платью так, чтобы он свалился с лошади, будто бы от удара, а сам немедленно ускакать в город и скрыться: все это делалось для того, чтобы видеть, равно-

душно ли перенесет народ падение своего государя. Вследствие такого условия царь упал с коня и притворился полумертвым; граждане бросились на Заруцкого с криком: «лови, держи изменника!» схватили его в воротах, изрядно отпотчевали дубинами, привели к царю связанного и спрашивали, что прикажет делать с виновным. Димитрий, видя, что бедному Заруцкому довольно досталось, отвечал со смехом: «Спасибо вам, православные! Вижу преданность вашу, я цел и невредим. Это была шутка, мы хотели испытать вас». Стародубцы дивились такой хитрости и смеялись от чистого сердца, а Заруцкий остался при своих побоях.

Между тем пан Меховецкий прогнал москвитян от Козельска и ожидал там своего государя. Димитрий выступил 1 августа с намерением освободить Тулу и Калугу, но скоро возвратился к Сомову, узнав, что Шуйский старается склонить на свою сторону города Волхов, Белев, Лихвин и расставляет ему сети. Эти города в самом деле поддались Шуйскому и верно поймали бы Самозванца, если бы он не успел удалиться и не ушел в Самов, где жил целую зиму, пока не получил подкрепления.

Русский всадник

После отпадения Волхова, Белева и Лихвина, Тула не могла долее держаться: голод усиливался, вода прибывала; однако ж осажденные не хотели покориться, ждали только понижения воды, чтобы сделать вылазку и пробиться сквозь неприятелей. Какой-то чародей, старый монах, изъявил Петру и Болотникову готовность прорыть плотину и спустить воду, требовал только 100 рублей за услугу. Когда обещали ему награду, он разделся донага и бросился в воду: вдруг послышался в глубине страшный шум; монаха не было видно долее часу, все думали, что он попал в когти к дьяволу. Но чародей наконец выплыл, только весь исцарапанный, и на вопрос, где он так долго был, отвечивал: «Не дивитесь! Мне было довольно дела: 12 000 бесов помогали Шуйскому сделать плотину и запрудить Упу. С ними-то я все возился, не щадя себя, как вы можете судить по этим язвам, 6000 демонов я склонил на нашу сторону, но прочие 6000, самые злобные, не дают разрушить плотину: с ними я не мог сладить!»

Димитрия все не было; в Туле утратили последнюю надежду на спасение, изнуренные голодом жители едва могли держаться на ногах; наконец Петр и Болотников известили Шуйского, что они готовы сдать ему крепость, если им будет даровано помилование, в противном случае умрут с оружием в руках и скорее съедят друг друга от голода, нежели сдадутся.

Изумленный Шуйский отвечивал: «Я дал клятву не щадить никого из тульских жителей, но ваша доблесть и неизменное соблюдение присяги, хотя и вору данной, побуждает меня даровать вам жизнь, если только вы согласитесь служить мне с той же верностью». Такие слова царь подтвердил крестным целованием. Тула покорилась 1607 года в день Иуды и Симеона.

Выехав в задние ворота, где разлитие воды было не так сильно, Болотников явился перед ставкою Шуйского, сошел с коня, обнажил саблю, положил ее себе на шею, ударил челом в землю и сказал Василию: «Я исполнил обет свой: служил верно тому, кто называл себя Димитрием в Польше (справедливо или нет — не знаю: никогда прежде царя не видывал). Я не изменял своей клятве, но выдали меня, я в твоей власти! Если хочешь головы моей, вели отсечь ее этой саблею, но если оставишь мне жизнь, послужу тебе столь же

верно, как и тому, кто оставил меня». Шуйский послал его с князем Петром и 25 немцами в Москву под надзором приставов. Немцы могли видаться с друзьями своими, но Болотников и Петр ни с кем не имели сношения и находились несколько времени под стражею. Василий сдержал царское слово так свято, как только можно ожидать от подобных ему людей: князя Петра, который мог быть истинным царевичем, приказал повесить, Болотникова отправил в Каргополь и заключил в темницу, а потом велел утопить; немцев разослал в сибирские степи, на 800 миль от Москвы, где они более 4 лет, до сего 1612 года, живут среди народов диких, варварских, не видя ни куска хлеба, питаются только рыбою и мясом. Да поможет им милосердный Бог, ради Иисуса Христа, освободиться из этой неволи! Князь Григорий Шаховской, главный виновник войны, счастливо спасся от петли благодаря своей тюрьме: искусному плуту все сходит с рук. Казаки и тульские граждане посадили его в темницу за ложное уверение в помощи Димитрия; Шуйский, овладев городом, приказал выпустить на волю всех заключенных, в числе их и Шаховского, который уверил царя, что народ озлобился на него за намерение покориться государю. И так грубый обманщик получил полную свободу, но впоследствии при первом удобном случае передался Димитрию II и сделался его главным воеводою и вернейшим советником.

В знак благодарности за покорение Тулы Василий отправился на богомолье в Троицкий монастырь, в ненастное осеннее время; усердно молился там св. Сергию, просил его заступления против прочих врагов Калужских, Козельских, особливо против супостата Самовского, именовавшего себя Димитрием, и дал обет в честь св. Сергия установить в Троицкой обители празднество, когда смирит изменников.

Все люди военные, осаждавшие Тулу, получили дозволение отлучиться в дома для отдыха до первого зимнего пути; те же воеводы и ратники, которые стояли под Калугою, обязаны были оставаться на службе. Царь отправил в сей город боярина Егора Беззубцева (бывшего прежде на стороне изменников, сперва в Калуге, потом в Туле) с обещанием даровать милость мятежникам, если они покорятся добровольно. Калужане отвечали, что они не думают о сдаче; что не знают другого царя, кроме Димитрия, который не замедлит подать им помощь; потом сделали вылазку и побили множество москвитян.

Раздраженный таким упорством, Василий решился овладеть городом непременно; не хотел ожидать войска, распущенного до зимнего пути, и приказал объявить пленным казакам, отбитым у Болотникова под Москвою 2 декабря 1606 года, что, если они желают получить свободу, оружие и деньги, пусть присягнут ему в верности и пойдут на врагов. 4000 казаков поклялись немедленно, получили несколько бочек пороха и отправились под Калугу, чтобы взять ее приступом, но там вскоре поссорились с боярами и замыслили измену. Бросив стан, воеводы Шуйского бежали в Москву.

На другой день казаки подошли к стенам крепости, рассказали осажденным о бегстве москвитян, советовали скорее воспользоваться порохом и съестными припасами, в лагере оставленными, и просили дозволения войти в город. Но как воевода Шотуцкий не верил их словам, то они переправились через Оку ниже крепости и объявили, что пойдут искать царя своего Димитрия. Калужане решились осмотреть лагерь московский и, увидев, что он оставлен неприятелем, послали вслед за казаками с просьбою возвратиться, но уже поздно: огорченные отказом казаки продолжали свой путь, воротились только 100 человек и несколько атаманов для покупки разных припасов — казаки остались в Калуге, атаманы же уехали обратно.

Между тем калужане захватили все, что нашли в стане московском, и потом храбро оборонялись до приезда Димитрия II, признали его истинным Димитрием, присягнули ему в верности и не изменяли клятве до самой смерти Самозванца, как ниже будет сказано в конце сей книги.

Желая выгнать Димитрия II из Самова, Шуйский вывел в поле всех бояр и отправил их с войском под Волхов, но глубокий снег, выпавший в январе 1608 года, остановил военные действия; можно было вредить только одним кормовщикам. Между тем Димитрий, сведав о многочисленности Васильевой рати, отправил в Польшу гонца с требованием прислать как можно более конницы. По призыву его Самуил Тышкевич привел к нему 700 всадников, потом явился с таким же отрядом Александр Лисовский.

Димитрий выступил со всем войском из Самова и осадил Брянск. Здесь начальствовал сотнею немцев пленный ливонец Ганс Берг, мошенник преискусный: за год перед тем он оставил Шуйского и

передался Димитрию, потом изменил своим товарищам, осажденным в Калуге, явился к Василию и был щедро награжден; спустя несколько времени снова перебежал к Димитрию, покинув в Москве детей и взяв с собою только жену. Самозванец хотел его повесить, но паны польские испросили ему прощение. Не прослужив и года Димитрию, Ганс Берг выдал Тулу, опять очутился в Москве и снова заслужил милость царскую. Сообщником сему изменнику был другой старый плут, также ливонец, Теннирг фон-Виссен: они выдали Димитрию боярина Ивана Ивановича Годунова, мужа доброго и благочестивого, которого Самозванец велел утопить в Калуге.

Не взяв Брянска, Димитрий двинулся к Орлу, куда уже прибыл князь Адам Вишневецкий с 2000 конных копейщиков и князь Роман Рожинский с 4000. До сих пор главным полководцем Дмитриевым был Меховецкий; Рожинский, отняв у него начальство над войском, в апреле 1608 года приступил к Волхову. Москвитяне ужаснулись; многие князья, бояре и немцы, видя многочисленность поляков, уверились, что их привел истинный Димитрий, перешли к нему и в награду получили столько поместий, сколько никогда прежде не имели, почему хотя впоследствии и увидели в мнимом царе обманщика, однако же не хотели его оставить. Димитрий еще более увеличил число приверженцев, объявив в разных городах, что крестьяне, согласные присягнуть ему, могут присвоить земли господ своих, служивших Василию, и жениться на дочерях боярских, которых успеют захватить в поместьях. Таким образом многие холопы сделались боярами, а господа их, преданные Шуйскому, умирали с голода.

17 апреля начальники немецкой дружины послали к Димитрию II ротмистра Бартольда Ламсдорфа, юношу неопытного, никогда в чужих краях не бывавшего, поручика Иохима Берга и прапорщика Георга фон-Аалена, людей столь же малоопытных, но в плутовстве довольно искусных: они предлагали Димитрию свои услуги и просили не останавливаться походом, обещая при первом сражении перейти на его сторону с распущенными знаменами. Надобно знать, что эти люди присягнули Шуйскому, около двух лет служили с честью, брали деньги, и притом слышали, что Димитрий — самозванец. Вероломные уговаривали и прочих немцев передаться Димитрию, хотя многие из них имели в Москве жен и детей. Если бы то

случилось, Шуйский не пощадил бы ни одного немецкого младенца, но Всевышний, по вечной своей премудрости, удержал простых воинов от измены, а начальников так ослепил, что они ежедневно напивались допьяна и забыли о своем предложении неприятелю. 23 апреля, в день св. Георгия, Дмитрий встретился с русским войском при Каминше: битва завязалась. Начальники немецкой дружины были так трезвы, что вовсе позабыли свою измену; простые же всадники, ничего об ней не зная, по первому приказанию ударили на поляков и побили их до 4000 человек. Раздраженные потерей, Дмитрий и полководец его Рожинский верно перевешали бы немецких переметчиков, если бы они не скрылись. Рожинский отдал приказ не щадить ни одного немца в следующем сражении.

24 апреля Дмитрий двинулся всеми силами под Волхов на москвитян. Конные копейщики его, ударив на самый многочисленный отряд, обратили его в бегство. Предатель же Ламсдорф отвел в сторону своих всадников и хотел идти к Дмитрию с распущенными знаменами. Многие честные люди говорили ему: «Все кончено! Русские бегут. Поляки нас окружают. Одни мы не в силах устоять. Куда же идешь ты, капитан?» «Тот будет бездельник, — воскликнул Ламсдорф, — кто оставит свое знамя!» — «Называй нас как хочешь, — ответствовали воины, — мы не останемся: сражение проиграно, а ты замышляешь передаться; жены и дети еще слишком для нас милы, чтобы губить их изменою. Плутovanja не любим!» Сказав это, они поскакали за русскими в Москву. Вскоре запорожские казаки, окружив покрытого латами изменника Ламсдорфа и всех единомышленников его, исполнили в точности приказание Рожинского: все немцы числом до 200 человек были изрублены, оставив жен своих горестными вдовицами, а детей несчастными сиротами. Никогда не загладит своей вины легкомысленный ротмистр, рано затеявший быть слишком умным: в преисподнюю ада низринут его слезы вдов и сирот, коих мужья и отцы сделали жертвою столь постыдного поступка! Измена его была бы еще пагубнее, если бы он живой передался неприятелю: тогда всех немцев, оставшихся в Москве, Шуйский велел бы, наверное, перебить. Теперь же, когда многие из их единомышленников пали на поле битвы, русские жалели о страдальцах и не отняли поместий у вдов беззащитных. Ламсдорф и единомышленники его затеяли измену

единственно для того, чтобы заслужить почтение поляков; пускай другие лишились бы головы, с женами и детьми — для них было все равно. Правосудие Божие покарало предателей: не найдут они себе покоя и в могиле, и там будут преследовать их невинные жертвы!

Разбитый Шуйский возвратился в Москву, в день Вознесения Христова, ему казалось, что все москвитяне хотят наострить лыжи из Москвы и бежать к Самозванцу: и точно народ оставил бы Василия наверное, если бы Дмитрий поспешил пришествием. «Зачем не возвращаются бояре, которые передались ему?» — толковала чернь. Многие граждане уже помышляли о средствах оправдать себя перед Дмитрием, когда он овладеет столицей, и всю вину слагали на бояр, называя их предателями, себя же оправдывая неведением. «Говорят, что Дмитрий весьма проникателен, — сказал один москвитянин, — и что он может по глазам узнать виновного.» — «Пропал же я, — вскричал устрешенный мясник, — если он меня увидит: этим ножом я заколол пятерых поляков!» Одним словом, Москва была в ужасе.

9 июня Дмитрий со всеми силами подступил к Москве и остановился в селе Тайнинском, осматривал окрестные места, где бы расположиться лагерем. В том же месяце прибыл к нему из Литвы Ян-Петр-Павел Сапега с 7000 конных копейщиков. Василий со своей стороны выслал из столицы сильное войско, под начальством князя Михаила Скопина, но это войско, оградив стан своей острогами, оставалось в бездействии. Дмитрий, напав на него 24 июня, в ночь на Иванов день, так потревожил сон московских ратников, что многие из них никогда уже не проснутся. Ожидая приступа к самой Москве, Василий велел поставить пушки на городских валах. Поляки, наверное, овладели бы столицей, если бы напали на нее немедленно, но Дмитрий, надеясь на покорность жителей, не хотел разорять столь обширного города и неоднократно удерживал нетерпеливых поляков, шедших самовольно на приступ. «Если разорите мою столицу и сожжете мою казну, — говорил он — чем же будет мне наградить вас?» Не друг, а злейший враг внушил Дмитрию такую мысль! Гораздо было бы лучше истребить один город, чем разорять половину царства: в России скоро явилась бы новая Москва; спасая столицу, он предавал множество сел и городов разрушению.

29 июня 1608 года, в день Петра и Павла, Дмитрий расположился лагерем в 12 верстах от Москвы, при селе Тушине, там стоял

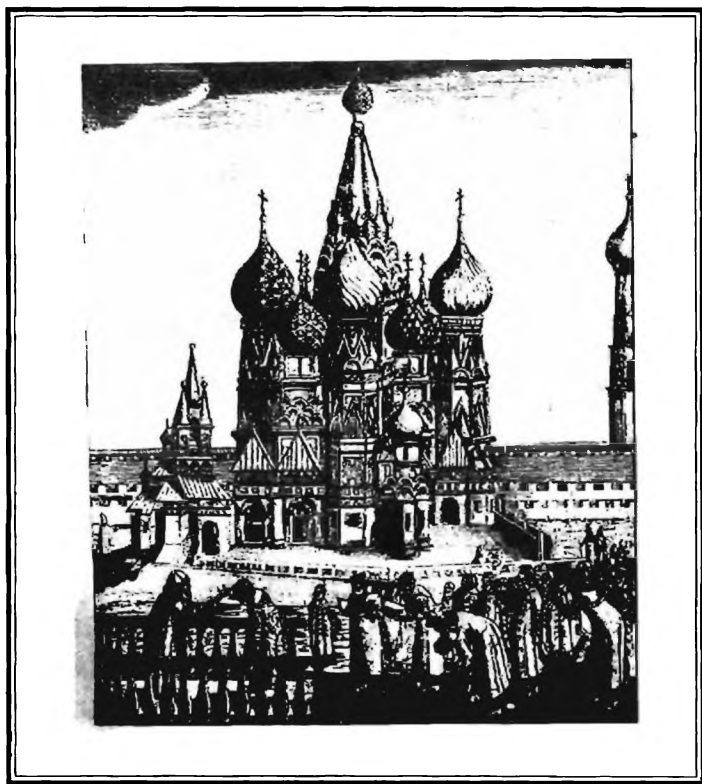
он до 20 декабря 1609 года. В продолжение этого времени была не одна схватка между неприятелями, не один гордый витязь пал на поле сражения. Москвитяне, опасаясь, чтобы поляки не освободили воеводу Сandomирского, Марину, вдову Димитрия I, пана Стадницкого и других польских господ, заключенных в Ярославле и Ростове, перевезли их в Москву, в надежные темницы, впоследствии согласились отпустить пленников в отечество; требовали только клятвенного обещания не переходить к неприятелю и не воевать с Россиею. Поляки с радостью присягнули и благодарили Бога за спасение себя от смертоубийц. И так москвитяне повезли их в Польшу, окольными путями, чтобы не попасть в руки неприятеля. Сведав о том, Димитрий II выслал на дорогу несколько тысяч всадников, которые, побив проводящих Марину, взяли царицу и со всеми находившимися при ней поляками отвезли в Тушинский лагерь. Не помня себя от радости, Димитрий велел палить из всех пушек, царица также хотела радоваться, но по некоторым причинам не могла, впрочем, для лучшего обмана притворилась веселою, только не поехала прямо в Тушинский лагерь, а остановилась в шатрах за версту от него. Тут начались переговоры; наконец условились: воеводе Сandomирскому надлежало отправиться в Польшу, а Марина согласилась остаться с мнимым Димитрием, который, однако, должен был отказаться от прав супруга, пока не завоюет Москвы и не достигнет престола. Самозванец обещал свято хранить договор и поклялся Богом. После того было торжественное свидание, царь и царица искусно играли свои роли и приветствовали друг друга с радостными слезами, с такою непритворною нежностью, с таким восхищением, что комедия ослепила многих зрителей. По всему государству разнеслась молва об этом происшествии, везде признавали Самозванца Димитрием, бояре со всех сторон стремились в Тушинский лагерь.

Не получая помощи от Бога, Шуйский обратился к дьяволу: пустился колдовать, собрал всех чернокнижников, каких только мог найти (чего не успевал сделать один, за то принимался другой), приказывал вырезывать младенцев из чрева беременных жен и убивал коней, чтобы достать сердце, все это зарывали в землю, около того места, где стояло царское войско. «Оно было невредимо, — уверяли чародеи, — доколе не выходило за черту, но лишь только переступало

ее, всегда было поражаемо. С поляками случалось то же: едва подходили к черте, люди и кони падали или обращались в бегство». Но все было тщетно: знатные вельможи оставляли Шуйского и толпами стремились к Димитрию, пока не уверил москвитян в обмане князь Василий Мосальский, который, в числе других передавшись Самозванцу, через несколько дней со многими боярами возвратился в Москву и объявил торжественно, что мнимый Димитрий есть новый вор и обманщик. Шуйский, по совету бояр, решился призвать на помощь чужеземцев и отправил в Швецию храброго героя Михаила Скопина. Новые свидетели еще более удостоверили москвитян в истине слов Мосальского — то были два плута и изменники ливонец Ганс Шнейдер и австриец Генрих Канельсен: бездельники убежали от Димитрия в Москву, взошли на Лобное место и, хорошо разумея по-русски, поклялись народу всем священным, что Тушинский вор есть обманщик, а не первый Димитрий. Канельсен за несколько лет

Москва. Лобное место

перед тем бежал из Австрии в Турцию и принял там за деньги мусульманскую веру, потом ушел от турок и несколько лет жил в Германии, наконец, в правление Бориса Годунова приехал в Москву, разбогател, зазнался, перекрестился, отрекся от своего Бога, которого с детства исповедовал, плевал троекратно через плечо, и поклонился русскому Богу Николаю: одной смертью можно изгладить такое преступление! До трех раз он перебежал от Шуйского к Димитрию, от Димитрия к Шуйскому, но москвитяне верили богоотступнику.

Утратив надежду на добровольную покорность москвитян, Димитрий дал пану Сапеге 15 000 воинов с повелением осадить Троицкий монастырь и пресечь подвоз съестных припасов к столице. Сапега осаждал Троицкий монастырь в продолжение всего времени, когда Димитрий находился под Москвою, но не мог им овладеть. Этот монастырь лежит в 12 милях от Москвы. Шуйский послал ему на помощь всех всадников, сколько мог собрать (числом до 30 000), под начальством меньшего брата своего Ивана Ивановича с повелением отразить войско Самозванца. Неприятели встретились при Воздвиженском и сразились. Сапега ударил стремительно, но дважды был отбит, и поляки уже начали трусить. «Друзья! — воскликнул польский военачальник, — бегство нас погубит, Польша далеко, лучше пасть на поле битвы, чем терпеть побои, подобно женщинам непотребным. Каждый из вас делай с Богом свое дело. Я везде буду впереди. За мною, храбрые товарищи! Ударим еще раз. Бог дарует нам победу». Смело бросились поляки на врагов, побили несколько тысяч и одержали победу; с тех пор Шуйский не показывался в поле и не беспокоил поляков под Троицким монастырем, до прибытия Понтуса-Делагарди. Сапега же отрядил небольшую дружину, состоявшую из немцев, казаков и поляков, под начальством испанца дона Жуана Крузатти, для покорения окрестных сел и городов. Переяславль присягнул Димитрию, но Ростов, отстоящий от него не далее 12 миль, не хотел покориться. 11 октября он был предан огню и мечу. Все сокровища, в нем найденные, — золото, серебро, жемчуг, драгоценные камни — достались победителям. Свирепые воины не щадили и св. икон, даже разрубили серебряный гроб св. Леонтия, а изображение угодника, вылитое из золота, в 200 фунтов весом, присвоили себе. Митрополит Ростовский князь Федор Никитич взят был в плен и отправлен в под-

московный лагерь, где Самозванец принял его ласково и возвел в достоинство патриарха; митрополит вынул из своего жезла восточный яхонт ценою в полбочки золота, и подарил его Димитрию.

Глава IX

1609 год. Много страдала Россия в 1608 году, 1609-й был для нее несравненно злополучнее: во всех концах государства воспламенялись войны, все доказывало, что Бог прогневался на русских и решился наказать. Димитрий продолжал осаду Москвы и Троицкой обители, воины его, числом до 100 000 человек, везде, где только могли, обращали в пепел города и села, грабили, убивали москвитян. Добыча была несметная: и в Тушинском и в Троицком лагере войско плавало в изобилии, нельзя было надивиться, откуда бралось такое множество съестных припасов, всякого рода скота, масла, сыру, муки, меду, солоду, вина; даже собаки не успевали пожирать голов, ног и внутренностей животных, разбросанных по улицам и производившим столь ужасный смрад, что уже опасались морового поветрия. Польские солдаты готовили для себя кушанья ежедневно из наилучших припасов, а пива так много забрали у крестьян и монахов, что его некуда было девать, пили только мед.

В сем же году Сигизмунд, король польский, вступил в Россию с 20 000 воинов, явился под Смоленск и хотел, чтобы этот город, истари принадлежавший Польше, добровольно ему покорился. Но так как жители отвечали на предложение пушечными выстрелами, то король осадил Смоленск и простоял под ним около 2 лет, т. е. до 13 июня 1611 года. Во время столь продолжительной осады пали на приступах многие храбрые немцы, служившие Сигизмунду, из целого полка их осталось не более 400 человек. Осажденные могли и далее обороняться, но между ними появилась тяжкая болезнь, происшедшая от недостатка в соли и уксусе; при взятии Смоленска нашлось не более 300 или 400 здоровых людей, которые уже не могли защищать его обширные укрепления, имевшие целую милю в окружности; городской вал был толщиной в 23 фута и так высок, что штурмовые лестницы, в 35 ступеней, не доставали до верха. Навалив вокруг всей стены несколько тысяч возов с камнями, смоляне, даже без

пушек, копий, сабель, легко могли бы отбить неприятеля, если бы при каждом отверстии в стене было хотя бы по одному человеку. Осадные орудия мало вредили городскому валу, и только со стороны Днепра открылся пролом в 40 саженой шириною. Но это несчастье так испугало жителей Смоленска, что они, прекратив защиту, гибли без всякого сопротивления, немногие граждане думали найти спасение с женами и детьми в крепком замке, и все там погибли от взрыва порохового погреба. Комендант Смоленска взят был в плен и отправлен в Польшу. Двухлетняя осада погубила 80 000 человек, разорив вконец область Смоленскую, где не осталось ни овцы, ни коровы, ни теленка: враги все истребили.

За год до покорения Смоленска Василий Шуйский предлагал Сигизмунду через нарочного посла престол Московский с тем условием, чтобы король пособил одолеть Ажедмитрия. Но через два дня после предложения поляки схватили русского переметчика с царскою грамотою к смоленскому воеводе. «Обороняйся, — писал Шуйский, — как можно долее всеми средствами; я между тем постараюсь вооружить Сигизмунда сладкими речами против Самозванца, когда не станет обманщика, мы подумаем и о том, чтобы немногие из этих стриженных голов вышли из России». Прочитав письмо, его королевское величество немало дивился лукавству москвитян. «Можно ли верить теперь русским? — воскликнул Сигизмунд. — Только дай, Боже, помощь, я проучу этого бездельника, Шуйского, забудет он меня обманывать!»

Между тем князь Михаил Скопин, посланный Шуйским для набора иноземного войска, возвратился из Швеции и привел с собою 3000 немцев, под началом Понтуса-Делагарди. Впоследствии скажем, каким образом Скопин хотел освободить Москву при помощи бояр новгородских.

Летом того же года татары напали на Россию с другой стороны и в три или четыре недели увели множество пленников. Бедные, разоренные крестьяне скитались из края в край; везде были слышны вопли несчастных: иной потерял жену и детей, другой родителей; слезы вдов и сирот могли бы самый камень тронуть.

Тогда же явился новый враг: то был московский боярин Ляпунов. Овладев несколькими городами и приняв имя Белого Царя,

он воевал и с Димитрием, и с Сигизмундом III, и с Василием Шуйским для спасения русской веры. Где проходило его войско, там трава не росла.

В феврале, марте и апреле месяцах вспыхнул бунт в северо-восточных пределах России: Вологда, Галич, Кострома, Романов, Ярославль, Суздаль, Молога, Рыбинск, Углич изменили Димитрию; со всех сторон являлись толпы необузданных крестьян, которые истребляли немцев и поляков с неимоверною злобою. Беда, если остервенится чернь! Упаси, Боже, от рук ее каждого честного воина! Причиною мятежа была наглость панибратов: эти пришельцы, недовольные усердием народа, охотно дававшего им все нужное для продовольствия, грабили без милосердия бедных русских, как будто неприятелей; несчастные стали прятать свои вещи, даже зарывали их в землю; но и это не помогало. Весть о прибытии Скопина и Понтуса-Делагарди наконец ободрила притесняемых; народ вооружился и отомстил полякам: иных повесил, других изрубил, а некоторых побросал в прорубь с такими словами: «Полно вам, глаголи, жрать наших коров и телят! Ступайте в Волгу ловить нашу рыбу». Для усмирения мятежа посланы были паны Самуил Тишкевич и Лисовский, первый в Романов, а второй в Ярославль. Не успев одолеть мятежников, которые укрепились острогами и засеками, они отправили к жителям Ярославля для переговоров прежнего воеводу их Иохима Шмита, избежавшего смерти с немногими поляками. Шмит старался образумить ярославцев, уверяя, что Димитрий придет к ним воеводу знатного, которого поляки будут бояться. Бунтовщики, подозвав несчастного мужа к стенам крепости, вдруг окружили его и увели в город; он погиб злою смертью: его бросили нагого в огромный котел, наполненный кипящим медом. Виновником же неслыханного злодейства, зачинщиком всего мятежа был тот самый богоотступник Эйлов, который однажды уже изменил Димитрию, попался в руки поляков с тремя дочерьми и только по ходатайству честного Шмита избавил себя от плена, а дочерей от посрамления. Не довольствуясь несчастьем своего благодетеля, он старался еще более озлобить русских. Злополучный Шмит до тех пор варился в котле, когда тело его уже начало отставать от костей; наконец был выкинут за городскую стену на съедение свиньям и

собакам. Друзья не смели предать печальных останков мученика, вдова же его испытала горькие оскорбления более от изменника перекрещенца и его сообщников, нежели от русских.

Смерть достойного мужа впоследствии отомстил пан Лисовский, предав огню городские предместья, он разорил вконец область Ярославскую, истребив все, что не встретил, не пощадил ни жен, ни детей, ни дворян, ни земледельцев, сжег Кинешму, Поволжск, Георгиевск и, обремененный добычей, возвратился в Троицкий лагерь. Перо не может выразить всех бедствий, постигших Россию в 1609 году. Я нередко удивлялся, как могла она столь долгое время переносить злополучие!

Димитрий II, узнав о прибытии Скопина в январе 1609 года с войском Делагарди в Новгород, отправил против него 4000 конных

Польская дама

копейщиков под начальством пана Керносицкого. Этот пан в одном сражении разбил шведов, прогнал их в Новгород и осадил его. Осада продолжалась целую зиму до мая месяца. Димитрий не помнил себя от радости и, думая, что уже все выиграл, тайно женился на вдове Димитрия I, жившей в Тушинском лагере, забыв клятву, данную воеводе Сandomирскому, не прежде сочетаться браком с его дочерью, как по восшествии на престол. Он был упоен мечтою о своем величии до такой степени, что только себя называл христианским царем во всей подсолнечной. Вот его титул: «Мы, Димитрий Иванович, царь и государь всея России, Богом избранный и дарованный, Богом хранимый и чтимый, Богом помазанный и возвышенный над прочими царями, подобно второму Израилю руководимый и управляемый силою Божею, единый царь христианский в подсолнечной, повелитель многих княжеств и проч. и проч. и проч.».

Между тем, незадолго до праздника св. Троицы, немцы сделали вылазку из Новгорода, перешли болото, напали на поляков врасплох и многих положили на месте. Керносицкий должен был отступить в Тушинский лагерь. Раздраженный неудачею, Димитрий проклинал немцев, даже злился и на тех, которые ему служили. Скопин же и Делагарди, одержав победу, двинулись вперед, перешли Волгу и заняли Тверь; тут встретились они с 5000 конных копеещиков, высланных Димитрием под начальством пана Зборовского, сразились с ними и, разбитые наголову, бежали за Волгу, но вскоре ободрились: на другой день опять начали битву и с таким мужеством ударили на поляков, что Зборовский не мог устоять. Покрытый стыдом, потеряв многих воинов, он удалился в Тушинский лагерь. Эта неудача еще более озлобила Димитрия против немцев.

В день св. апостола Петра и Павла Скопин прибыл к Колязину монастырю и укрепился в нем с русскими боярами. Делагарди же стал подле монастыря. Димитрий снова выслал против них пана Зборовского, назначив ему в помощь полководца Сапегу, осаждавшего Троицкий монастырь. Оба военачальника, предводительствуя 12 000 конных копеещиков, до самого сентября месяца испытывали свое счастье и старались вытеснить неприятеля, но каждый раз были отражаемы. Наконец произошла решительная битва. Понтус-Делагарди вел немцев, Скопин — русских бояр: оба они напали на

врагов так стремительно, что поляки бежали стремглав, и только под Троицким монастырем могли опомниться от ужаса.

Не зная о таком происшествии, Александр Лисовский смелою хитростью воинскою хотел покорить мятежный Ярославль, шел день и ночь и уже достигал своей цели, раскинув лагерь в 3 милях от Ярославля, он хотел выдать себя за героя Скопина, чтобы овладеть городом нечаянно, но Скопин и Делагарди успели занять его. Лисовский спешил отступить в ночное время, но уже поздно: дорога к Троицкому монастырю была занята немцами, которые, как объявил пленный боярин, поджидали только другого отряда с Давидом Шерупцовым, чтобы через несколько часов напасть на врага. Лисовский не надеялся на своих казаков, отступил к Суздалю, где укрепился острогом, и держался целую зиму; иногда делал вылазки, опустошал соседственные города и монастыри и всегда возвращался с богатою добычею; наконец, узнав, что владычество Димитрия II кончилось и что войско Тушинское передалось Сигизмунду, оставил Суздаль в мае месяце 1610 года, сделал большой круг и вышел на Псков. Псковитяне приняли его с радостью, надеясь иметь защитника от немцев, которые нападали на них из шведского города Нарвы. Лисовский в самом деле успел посредством разных происков переманить на свою сторону 300 ирландцев и 500 англичан; тогда немцы не смели более тревожить Псковских пределов. Сам же он, действуя в пользу Сигизмунда, зимовал в Миронычах; наконец, сведав, что казаки и русские хотят изменить ему, выступил из крепости, овладел Красным и, распустив всех иноземцев, набрал дружину из 300 поляков. Там он находится и теперь, не изменяя в верности Сигизмунду. Таким образом, отрезанный Делагарди от своих сообщников, Лисовский должен был, подобно хитрой лисице, искать другой норы для выхода из России.

Принудив Ярославль снова присягнуть Шуйскому, Скопин и Делагарди укрепились со всем войском своим в Слободе Александровской, тут они оставались до первого пути. Поляки иногда нападали на них, но, ничего не выиграв, спешили убраться восвояси. В день св. Мартина Скопин и Делагарди решились посетить Троицкий монастырь, чтобы покушать там с панибратами Мартинова гуся. Поляки вовсе не ожидали таких незваных гостей, забыли о гусях и

отступили к Дмитровску, где в укрепленном стане держались против немцев несколько времени.

Глава X

1610 год. В декабре 1609 года Сигизмунд прислал в Тушинский лагерь панов Стадницкого, Збаражского, Людвиг Мейера и ротмистра Манчина с письмом к главному полководцу Дмитрия II, князю Роману Рожинскому, и к польской шляхте. «Вспомните, — писал король, — какое преступление вы сделали в минувшем году, взбунтовавшись против своего государя! Я готов забыть его и возвратить все, чего вы лишились, если только согласитесь выдать обманщика, который называет себя Дмитрием». Королевские послы вели переговоры с князем Рожинским весьма скрытно, и Дмитрий, ничего не подозревая, с каждым днем ожидал их торжественного представления. Но видя, что послы к нему не являются, он призвал Рожинского и спросил: «С каким намерением приехали посланники и почему они до сих пор не идут ко мне, хотя живут в лагере несколько недель?» Князь, уже задумавший со многими господами исполнить королевское повеление, притом же будучи пьян, грозил Дмитрию побоями и отвечал: «Какое тебе дело к... с... зачем послы приехали ко мне? Черт знает, кто ты таков! Довольно мы за тебя крови пролили, а награды еще не видим». Много подобных вежливостей наговорил пан Рожинский. Дмитрий выскочил из комнаты, прибежал к своей супруге и, упав ей в ноги, сказал со слезами: «Мне или Рожинскому должно погибнуть! Этот пан так оскорбил меня, что я буду недостойн видеть твои очи, если не отомщу ему. Он заодно с своим королем; тут скрывается злой умысел. Я должен удалиться! Ты же, моя милая супруга, останься здесь. Бог да сохранит нас!» Сказав это, Дмитрий нарядился в крестьянское платье и ночью, 29 декабря 1609 года, в навозных санях отправился в Калугу с шутом своим, Петром Кошелевым. В лагере никто не мог придумать, куда девался царь, некоторые полагали, что он тайно убит.

Дмитрий остановился в монастыре близ Калуги. И отправил к жителям города несколько монахов с таким известием: «Поганый король неоднократно требовал от меня страны Северской, называя

ее вместе со Смоленском своею собственностью, но как я не хотел исполнить такого требования, опасаясь, чтобы не укоренилась там вера поганая, то Сигизмунд замыслил погубить меня и уже успел, как я известился, склонить на свою сторону полководца моего Рожинского и всех поляков, в стане моем находящихся. К вам, калужане, я обращаю слово: отвечайте, хотите ли быть мне верны? Если вы согласны служить мне, я приеду к вам и надеюсь, с помощью св. Николая при усердии многих городов, мне присягнувших, отомстить не только Шуйскому, но и коварным полякам. В случае же крайности готов умереть с вами за веру православную: не дадим только торжествовать ереси! Не уступим королю ни двора, ни кола, а тем менее города или княжества!»

Такая речь очень полюбилась кровожадным жителям Калуги: они явились в монастырь с хлебом-солью, проводили Дмитрия в город с торжеством, дали ему дом воеводы Скотницкого, снабдили его всем нужным: одеждами, конями, винами, съестными припасами. Утвердясь в Калуге, Дмитрий послал немедленно за князем Шаховским, который, выступив с несколькими тысячами казаков против короля Польского, находился в то время при Царево-Займище недалеко от Вязьмы. Князь прибыл в Калугу в пятый день после Крещения. Между тем Дмитрий учредил для себя новый Двор и во все места, где только были его приверженцы, разослал повеления истреблять поляков при всяком случае. От такого неожиданного поступка погибло много несчастных жертв. Немцы также пострадали: несколько сот немецких купцов, которые везли в Тушинский лагерь, по дорогам Смоленской и Путивльской, бархат, шелк, ружья, вино мальвасийское и пряные корни, быв перехвачены казаками и приведены в Калугу, лишились всего, что имели, некоторые и самой жизни; а спасшиеся от смерти пошли по миру. Богу одному известно, что не претерпели они в Калуге, Перемышле и Козельске! Сколько прежде Дмитрий любил немцев, столько возненавидел их впоследствии, когда потерпел важный урон в битвах с Делагардием и тем более когда бежал из Тушинского лагеря. Думая, что немцы благоприятствуют королю Польскому, он приказал отнять у них поместья, самые дома, и отдать русским. С часу на час они ожидали насильственной смерти и не смели исполнять обрядов своего

богослужения. А более всех претерпел гонений в городе Козельске духовный пастырь их, Мартин Бер, которого старались всеми силами погубить 25 русских попов, желавших завладеть его имуществом: Бог спас его чудесным образом.

На другой день после бегства Дмитриева поляки, русские бояре и патриарх Филарет Никитич в общем совете положили единогласно: жить в мире друг с другом, не предаваться ни королю, ни Шуйскому, не верить никому, кто вздумает явиться под именем Дмитрия, а тем менее служить прежнему обманщику. Во время совещания русские без пощады поносили царицу Марину так, что она боялась остаться в лагере и тайно удалилась в город Дмитровск, к пану Сапеге.

7 января 1610 года Дмитрий отправил из Калуги в Тушинский лагерь боярина Ивана Плещеева с приказанием разведать мысли польских воинов, когда же заметит, что они желают его возвращения, объявить им, что приедет с казною и даст им жалованье за многие трети вперед, если только они представят в Калугу изменника Рожинского живым или мертвым. Это покушение было неудачно: поляки не хотели изменить клятве, данной им друг другу после Дмитриева бегства. Плещеев думал склонить по крайней мере казацкого атамана Ивана Мартиновича Заруцкого и убеждал его идти с казаками в Калугу, но и тут не имел успеха: Заруцкий с большею частью своего отряда отправился к Сигизмунду под Смоленск; прочие же казаки, наскучив столь странною войною, удалились в свои степи, а служить Дмитрию согласилось не более 500 человек, которые пошли под Калугу, но были настигнуты поляками и большей частью побиты.

Вскоре после того Дмитрий подослал в Тушино калужского пана Казимира, настоящего Вертумна: с поляками он был добрый поляк, с русскими русский. Видя, что у самих поляков ничего нельзя выиграть, Казимир успел поддаться к Рожинскому, который дозволил ему даже возвратиться в Калугу, куда хитрый пан хотел съездить, по словам его, только для того, чтобы взять свое имение и навсегда бросить Дмитрия. Рожинский дал ему письмо к прежнему воеводе Скотницкому, который потерял милость Дмитрия отказом идти под Смоленск против короля Польского. Вследствие письма, Скотницкий должен был склонить на сторону Рожинского находившихся в Калуге поляков и, схватив при помощи их Дмитрия, привезти

его в Тушинский лагерь. Но лукавый царедворец вручил письмо самому Димитрию, который, узнав содержание его, закипел гневом и тотчас велел палачам бросить Скотницкого ночью в Оку. Добрый человек, видя смерть неизбежную, хотел знать по крайней мере, за какую вину он погибает? Палачи отвечали: «Царь велел нам не рассуждать с тобою, а бросить тебя в воду». Потом, накинув на шею петлю, потащили его, как дохлую собаку. Вот последние слова несчастного: «Такой ли награды ожидал я за верную службу и двухлетнюю оборону Калуги! Господи, помилуй меня!» Жена и дети его лишились своего имущества. При том случае раздраженный Димитрий сказал: «Только бы взойти мне на престол, не оставлю в живых ни одного иностранца, не пощажу и младенцев в материнской утробе!»

13 января того же года приехал в Калугу царицын коморник, юноша красивый и ловкий, с словесным донесением о прибытии

Ажедмитрий I

Марины в город Дмитровск. Царь вскоре отправил его обратно и просил царицу как можно скорее приехать в Калугу, чтобы не попасть в руки поляков, которые, как он известился, хотели отвезти его к королю Польскому в Смоленский лагерь. Между тем Скопин и Делагарди приступили к Дмитровску. Устрашенный Сапега убеждал царицу удалиться в Калугу, если не желает отправиться к отцу своему. «Мне ли, царице Всероссийской, — сказала ему Марина, — в таком презренном виде явиться к родным моим! Я готова разделить с царем все, что Бог ни пошлет ему». Она решилась ехать в Калугу, велела сшить для себя мужской польский кафтан из красного бархата, купила сапоги со шпорами, вооружилась пистолетами, саблею и, сев на коня, отправилась в путь. Сапега дал ей в провожатые 50 казаков и всех немцев, бывших в Дмитровске. Проскакав 48 немецких миль, она достигла Калуги ночью, после заутреней, и назвала себя Дмитриевым коморником, привезшим важное известие, коего никому, кроме царя сообщить не может. Дмитрий тотчас догадался, велел казакам отпереть ворота и впустить мнимого коморника. Марина, подъехав к крыльцу, соскочила с коня, и все увидели царицу! Приезд ее произвел радость неизъяснимую. Не имея при себе ни одной польки, она учредила новый штат из немок, которые не могли нахвалиться ее благосклонностью.

Между тем Скопин овладел накануне масленицы Дмитровским острогом и принудил пана Сапегу отступить к монастырю св. Иосифа. Оставив здесь несколько сот казаков, Сапега уехал к королю под Смоленск; войско же его расположилось зимовать на берегах Угры, в стране плодородной, обильной съестными припасами и еще не испытавшей опустошительной войны: теперь дошла очередь и до нее! По удалении Сапеги вскоре опустел и Тушинский лагерь.

В то же время Иван Тарасович Граматин и Михайло Глебович Салтыков, люди проницательные и лукавые, со многими боярами явились к Сигизмунду и советовали ему овладеть Русским государством, сиротеющим без достойного и законного правителя. «Дорога к престолу, — говорили они, — уже проложена Дмитрием, вся страна, до самой Москвы, ему покорилась. Никогда не будет тебе столь удобного случая к покорению России. Мы же со своей стороны убедим соотечественников покинуть Шуйского и покориться Вашему

Величеству». Тогда же поляки, оставленные Димитрием, прислали к Сигизмунду просьбу, в коей изъявляли готовность служить ему против русских, если король заплатит им жалованье, не выданное Димитрием за прошедшее время. Сигизмунд отверг условие, объявив, что согласен производить жалованье только с того времени, когда поляки поступят к нему в службу. Огорченные отказом, они проклинали Рожинского, изменившего царю, не щадили и самих себя за бесчестное нарушение клятвы, данной Димитрию. Весьма немногие из Тушинских поляков пришли в стан королевский. Товарищи их соединились большею частью с войском Сапеги, стоявшим на Угре, и ожидали там ответа на свою просьбу о выдаче жалованья, решившись действовать сообразно с отзывом: между тем грабили и опустошали окрестную страну, которую вконец разорили.

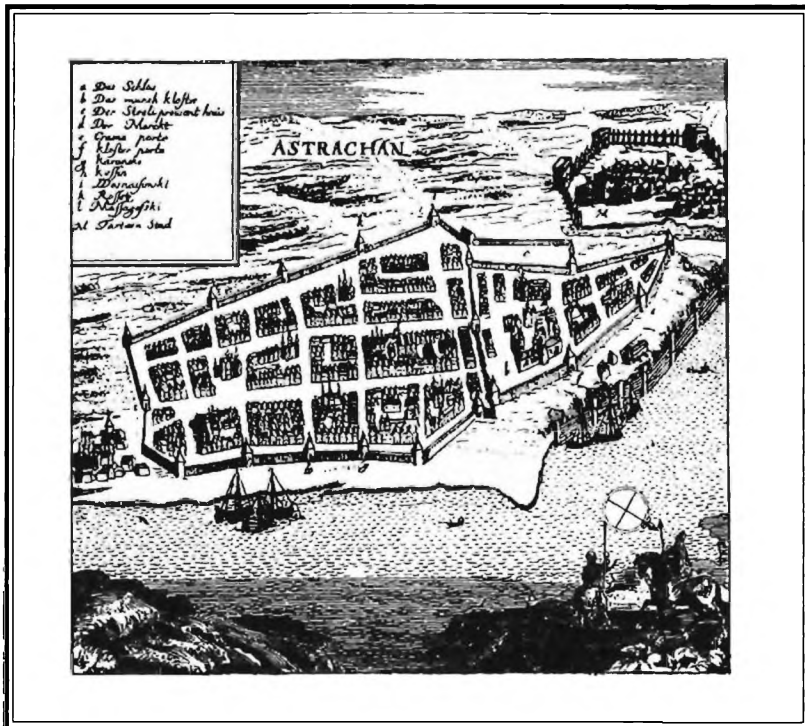
Скопин и Делагарди вошли в столицу без всякого препятствия. В течение одного года они очистили все пространство от Ливонии до самой Москвы, так, что из стотысячной рати, около двух лет осаждавшей Москву и Троицкий монастырь, не видно было ни одного поляка, ни одного казака: все бежало от горсти немцев! Шуйский весьма ласково принял своих защитников, часто угощал их за царским столом, одарил всех офицеров золотом и серебряною посудой, выплатил всему войску жалованье золотом, серебром, соболями. Эта щедрость так избаловала немцев, что они делали в Москве разные бесчинства, и Москвитяне с нетерпением ожидали весны, чтобы выпроводить гостей против неприятеля. Храбрый же Скопин, спасший Россию при помощи немцев, набранных им в Швеции, получил от Василия Шуйского в награду яд. Царь приказал отравить его, досадуя, что Москвитяне уважали Скопина за ум и мужество более, чем его самого. Вся Москва погрузилась в печаль, узнав о кончине великого мужа.

Около Пасхи, в конце зимы, Сапега возвратился к войску, стоявшему на Угре, с решительным ответом Сигизмунда: король велел сказать, что Димитрия он и знать не хочет, а согласен давать жалованье через каждую четверть года только тем полякам, которые согласятся служить в королевском войске. Недовольное ответом польское рыцарство, служившее прежде под начальством Сапеги и Рожинского, спешило оправдаться перед Димитрием и отправило к нему посла, который объявил, что поляки никогда и не думали изменять его

величеству, что предателем был один Рожинский с немногими сообщниками, что Бог уже наказал смертью вероломного изменника, что Сигизмунду передались только его клеветы, рыцарство же польское не хотело нарушить присягу, не выходило из лагеря и теперь готово послужить царю, если только получит жалованье за прежние 9 месяцев, соглашаясь ожидать терпеливо уплаты остального впоследствии. Димитрий, очень обрадованный такою вестью, отвечал полякам, что он вскоре приедет к ним с деньгами, и, собрав не одну тысячу рублей со всего народа, ему покорившегося, немедленно отправился с русскими и казаками на берега Угры. Там примирился с своими старыми сподвижниками, выдал им жалованье за три четверти года, взял новую присягу в верности и отдал приказ: после Троицына дня снова двинуться на Москву.

Между тем Шуйский выслал войско под начальством своих бояр, чтобы очистить Смоленскую дорогу и отразить Сигизмунда от Смо-

ленска. При сем случае Делагарди получил от царя много денег на жалованье своим воинам. Немцы и большая часть русских остано-

вились в городе Можайске, а Григорий Волуев со значительным отрядом отправился вперед, чтобы разведать о числе неприятелей, стоявших под Смоленском; но узнав в Царево-Займище о приближении Станислава Жолкевского с великими силами, Волуев расположился близ леса и, укрепившись окопом, уведомил о том прочих воевод. Жолкевский не замедлил осадить его, а русские воеводы вместе с Делгарди спешили от Можайска выручить передовой отряд. Это случилось 23 июля. Сведав о движении царских воевод, Жолкевский раскинул стан подле самых укреплений Волуева, обнес его тыном и, оставив там небольшой отряд легкой конницы с приказанием непрестанно быть в виду осажденных и уговаривать Волуева покориться королю Польскому, сам между тем пошел навстречу Москвитянам, бывшим под начальством Делгарди; оба войска сразились в Иванов день близ села Клушина, в 6 милях от Можайска. Во время битвы две роты французов передались Жолкевскому и вместе с поляками начали стрелять по русским, которые, быв уstraшены изменою, бросились бежать к Москве и оставили союзников своих, немцев. Последние долго сражались с упорством и уже побили лучших польских всадников, но заметив, что русские оставили поле битвы и что им одним не устоять против поляков, вступили с неприятелем в переговоры. «Мы готовы сдаться, — говорили немцы, — если только наша жизнь будет в безопасности, в противном случае станем биться до последнего человека». Поляки прекратили сечу и прислали к ним пана Зборовского с клятвенным уверением, что будут невредимы. Многие из них не хотели верить обещанию, не забыв вероломного поступка поляков с Динаминдским гарнизоном, который, сдавшись на честное слово, был весь истреблен. Они напомнили о том пану Зборовскому. Тогда поклялись знатнейшие из польских вельмож, что пленные не лишатся ни жизни, ни оружия. Немцы решились сдаться. В самом деле договор был свято соблюдаем: кто хотел служить его величеству, давал присягу, а кто не хотел, удалялся беспрепятственно.

Торжествуя победу, Станислав Жолкевский возвратился к Царево-Займищу и приказал пленным боярам известить Волуева, что все русское войско рассеяно, а немцы покорились Сигизмунду. Волуев, переговорив с пленными боярами, сдался со всем отрядом пану Жолкевскому. После того поляки, немцы и русские подступили к

Москве и осадили ее с одной стороны. В то же время прибыли из Погорелого капитаны немецких рот Лавилла и Эберт, соединясь с войсками его королевского величества, они овладели Иосифовым монастырем и весь отряд, там находившийся, изрубили до последнего человека. Этому отряду, бывшему на стороне Дмитрия, поручена была защита Иосифова монастыря паном Сапегой, когда он вывел войско свое на Угру, а сам отправился к королю под Смоленск.

Дмитрий, раздраженный таким событием, немедленно приказал побросать в воду всех немцев, при нем находившихся. «Теперь-то я вижу, — говорил он, — что немцы мне нисколько не преданы: они служат неверному королю и бьют моих людей, забыв, что во всем мире один я государь христианский. Все они дадут ответ, лишь только бы взойти мне на престол!»

Бояре, услышав дьявольское слово, спешили друг за другом бесстыдно оклеветать немцев, особенно живших в Козельске; последних ненавидели за то, что опасались потерять прекрасные деревни, прежде пожалованные немцам за верную службу, потом без всякой вины их, по одному подозрению, розданные царским советникам: князю Григорию Шаховскому, Трубецкому, Рындину, Михайле Константиновичу Юшкову, Третьякову и другим. Бояре, день и ночь искавшие средств к погублению немцев, опасались не без причины: ибо знали невинность честных людей, которые не щадили своей жизни за Дмитрия, теряли здоровье, лишились друзей и приятелей. Итак, едва разгневанный Дмитрий поклялся истребить всех немцев в России находившихся, господа сенаторы донесли ему, что мнимые изменники переписывались с поляками и предлагали его королевскому величеству сдать город Козельск, что, сведав о какой-либо неудаче войска Дмитриева, они были вне себя от радости, плясали, пели, веселились, между тем как верные Москвитяне предавались горести. Клевета еще более озлобила Дмитрия, он в ту же минуту отправил в Козельск гонца, а в Калуге дал повеление: как скоро приведут немцев (числом 52), без всякого допроса побросать в Оку. Приговор верно был бы исполнен, если бы не спас несчастных духовный пастырь их, Мартин Бер, которому готовилась та же участь. Расспрашивая дорогою обреченных на смерть, точно ли писали они к польскому королю, не получали ли от него писем, или вообще не знают ли за собою какой-либо измены против Дмитрия, Бер требовал искреннего

признания, чтобы легче дать ответ и отвратить беду, обещая никому не сказывать слов их: все немцы клялись небом в невинности и преданности царю-государю. Пастырь со своей стороны также поклялся, ободрял спутников надеждою на Божье милосердие, говорил, что Всевышний не допустит погубить невинных, что в Его руке сердце цареве, что Он внушит государю справедливость и рассеет прахом замыслы врагов высокомерных.

Но как ни старался пастырь одушевить мужеством своих духовных детей, они, большей частью, были неутешны, и многие выдумывали странные средства к своему спасению: жизнь мила, а смерть ужасна! Достигнув Калуги, где находился Димитрий с двором своим, Бер оставил спутников на лугу близ Оки, а сам хотел узнать от духовных дочерей своих, фрейлин царицыных, что было причиною столь ужасного царского гнева? Для того взял с собою капитана Давида Гильбертса, прапорщика Мойтцена и двух ливонских дворян, переправился через реку и вместе с провожатыми пробрался к царицыным фрейлинам. Гофмейстерина изумилась, увидев духовного отца: спрашивала, зачем он оставил несчастных, и со слезами говорила, что никакие просьбы не могут смягчить царского гнева, что всех немцев ожидает неизбежная смерть. «Да поможет нам Бог! — отвечал Мартин Бер. — Он знает нашу невинность. Если же смерть неизбежна, умрем по крайней мере с утешительною мыслью, что погибнем не как преступники, а как истинные христиане, которые всегда подвергаются гонению, клевете и всяким опасностям. Господь, Отец наш, воздаст в свое время каждому по делам. Я также терплю гонение от русских, хотя служу не царю, а Богу, никогда не замышляя вредного против его величества и всегда молился за него с духовными детьми своими. Не жалуюсь на его неблагодарность: так всегда награждает мир истинных христиан! Но все прихожане клялись мне царством небесным, что никто из них не знает никакой вины за собою. Мы смело пустились в дорогу, поручив себя благоустроению Всевышнего: если бы совесть нас упрекала, мы без сомнения избрали бы иной путь».

После того пастырь убеждал гофмейстерину и госпожей фрейлин рассказать обо всем царице и умолить ее слезами, чтобы она испросила у его величества не помилования изменникам, а пощады людям невинным. «Доложите государыне, — говорил Бер, — что в числе обреченных на смерть есть дети, что вместе с ними погибают духовный

отец и многие родственники падших на поле битвы за его величество, что если и сии витязи трехлетней войны умрут позорною смертью, во всей России не будет никого их злосчастнее. Мы просим одного, — заключил Бер, — чтобы милосердная царица убедила его величество отделить безвинных от виновных: первые да будут помилованы, а последние да испытают всю тяжесть царского гнева!» Тронутые словами пастора, все фрейлины пошли к царице, упали к ногам ее и так горько плакали, что ни одна не могла выговорить ни слова. Царица, глядя на них, также велела им встать и догадываясь, о чем идет дело, спросила: «Приехали ли немцы из Козельска?» «Русские выгнали их, не исключая и духовного отца нашего!» — отвечали, рыдая, госпожи фрейлины. Потом весьма трогательно убеждали царицу помиловать несчастных. «Не плачьте, дети мои! — сказала ее величество. — Царь страшно гневается на всех немцев: уже отдан приказ утопить их в Оке, как скоро они сюда прибудут, никто не смеет просить о пощаде, но я попытаюсь, не тронется ли он моими слезами, и не успею ли я на этот раз спасти их».

Сказав сие, царица немедленно послала камердинера к лютomu Шаховскому, которому поручено было исполнить царскую волю, с приказанием остановить казнь до другого повеления, угрожая смертью в случае ослушания. Другого же камердинера послала к царю с просьбою удостоить ее на минуту своим посещением. Царь не хотел видеть своей супруги. «Знаю, чего она хочет! — сказал Димитрий. — Она будет просить за поганных немцев. Напрасный труд! Всех в воду сего же дня, или я не Димитрий! А если она вздумает меня беспокоить, утопить и ее вместе с немцами!» Такой ответ весьма опечалил царицу. «Бог знает, — сказала она, — чем так провинились бедные немцы!»

Одна фрейлина тотчас побежала к пастору и объявила ему со слезами, что просьба царицы безуспешна. «Да будет воля Божья!» — сказал пастор, и в ту же минуту послал дворянина Рейнгольда Энгеланда за немцами, бывшими на другой стороне Оки, велел им взять церковную утварь для того, чтобы, вкусив св. Тайн, последовать примеру Христа Спасителя. Ожидая прибытия духовных детей, он молился и пел псалмы, которые сочинил в злополучные минуты. Эти псалмы будут приложены в конце летописи.

Между тем царица решилась прийти к Димитрию со всеми своими женщинами, упала ему в ноги и просила со слезами рассмотреть хладнокровно, все ли немцы виноваты, чтобы не жалеть после о невинных, как о воеводе Скотницком. Убеждала размыслить, что на смерть осуждено 52 человека, что в том числе один пастор, много безвинных отроков, что вдовы и сироты, потеряв мужей и отцов, не перестанут умолять небо о страшной мести дерзкому виновнику слез их и что правосудие предписывает наказать только преступников. Сначала Димитрий ничего и слышать не хотел. Наконец смягчился трогательною просьбою царицы, поднял ее и всем женщинам также велел встать. Потом спросил камердинера: «Далеко ли отсюда до Козельска?» — «12 миль», — было ответом. «И они уже здесь! — воскликнул царь. — Я только вчера послал за ними! Чуть ли бояре не наболтали много лишнего. Не понимаю, как могли немцы так скоро приехать! Они твои, — промолвил Димитрий, обращаясь к царице, — делай с ними, что хочешь».

Печальные немцы собрались в один дом и уже готовились принять св. Тайны, как вдруг явился главный коморник царицын Георг Гребсберг с радостною вестью, что беда миновала и что государыня исхodataйствовала у царя милость. «Радуйтесь, немцы, — говорил коморник, — молитесь о здравии царя и царицы, своей матери, будьте покорными детьми ее!» — «Бог да сохранит милосердную нашу государыню вместе с супругом ее! Вечно будем молиться за них!» — отвечали немцы.

По удалении коморника пастор обратился к духовным детям и сказал: «Любезные друзья! В третий раз мы делаемся жертвою клеветы. Бог доселе хранил невинных от гибели, но если бы не открылся случай умиловить царицу, мы пропали бы наверное, жены же и дети наши мало бы выиграли от того, что мы погибли невинно. Подадим царице просьбу, в которой, изъявив благодарность, скажем, что как никто из нас не знает за собою преступления против его величества, то все мы просим не милости царской, а строгого правосудия и что если хотя один из нас окажется виновным, мы все умереть согласны. Посему станем просить царицу, чтобы она убедила государя дать нам очную ставку с неизвестными доносчиками. Они говорят, будто мы писали к Сигизмунду, пусть представят эти письма: каждый

знает руку товарища, никто не отречется от собственного почерка. Мы уверены в своей невинности и преданности государю». Такой совет немедленно приведен был в исполнение. Царица, приняв просьбу, представила ее своему супругу. Царь засмеялся. «Правда, — говорил он, — я никогда не думал, чтобы немцы мне изменили: вот уже третий год они несут трудную службу. Завтра же, под чистым небом, в присутствии всех бояр, всего народа, доставлю им случай оправдаться». Так и случилось.

На другой день Дмитрий, перед выходом к обедне, увидев немцев подле крыльца и узнав капитана Давида Гильбертса и прапорщика Томаса Мойтцена, сказал громко: «Немцы! За трехлетнюю усердную службу я дал вам награду царскую, дал поместья бояр и князей, вы разбогатели и жили в довольстве, все соседи ваши знают это. Но когда вы мне изменили, перестали оказывать должное почтение, хотели предать Козельск поганому королю Польскому и перейти на его сторону, я взял обратно пожалованные вам поместья и роздал их моим боярам, а вас велел сюда привести и бросить в Оку». — «Даруй Бог тебе, царь-государь здравие! — отвечали немцы с низким поклоном, — мы ни в чем не виноваты, нам и в ум не приходило того, что на нас насажали. Мы просим не милосердия, а строгого правосудия. Пусть каждый преступник воспримет должную казнь. Благоволи, царь-государь, оказать нам эту милость!» Дмитрий сошел с крыльца вместе с боярами и, указав на них пальцем, промолвил, обращаясь опять к немцам: «Вот ваши обвинители! Сверх того, я получил донос из Козельска от воеводы, бояр, священников и граждан». «Государь! — воскликнули обвиняемые, — в твоей власти воеводы, князья, бояре, как и мы иноземцы. Вели им вознаградить нас или пусть займут наше место!»

Царь, сев на лошадь, обратился к господам боярам и сказал: «Я вижу невинность моих иноземцев и думаю, что вы поступили с ними, как бездельники. Если же вы правы, покажите письма и уличите виновных». Бояре, не имея средств того сделать, смотрели на немцев с видом презрения и говорили: «Мы русские, они едят наш хлеб, а не мы их». Тут его величество явил свое правосудие. «Немцы! — сказал он ласково, — вы правы! Бояре из одной ненависти вас преследуют. Все, чего вы лишились, получите обратно». Потом продолжал: «Князья и бояре! Отдайте немедленно им деревни, бывшие

причиною вашей зависти, а вы, немцы, будьте верны и впредь, как были до сих пор. Вы получите и другие поместья, удалитесь от врагов своих из Козельска, живите со мною в Калуге: тут, при моих глазах, бояре не станут вас беспокоить». Так злодеи умножили счастье добрых, а сами покрылись вечным стыдом!

На обратном пути пастор говорил духовным детям своим: «Любезные друзья! Подумаем о средствах избавиться от несчастья. Царь объявил, что мы окружены врагами, которые завидуют, вероятно, и тому, что у нас осталось. Я решился покинуть свой дом: возьму жену, детей, а если можно, и пожитки. Кто из вас согласен со мною, пускай изготовится в дорогу: завтра мы отправимся. Не будем искушать Бога, довольно мы уже пострадали. Кто ищет опасности, тот и погибает». Одни согласились на предложение пастора: перевезли жен, детей и поселились в Калуге, другие же из скупости не хотели бросить имения и остались в Козельске, среди гонителей христиан, но вскоре испытали Божий гнев вместе с варварами: 1 сентября внезапно пришли от Смоленска вольные люди, в два часа овладели беззащитным городом, побили 7000 человек и, предав его пламени, увели в плен князей, бояр, воеводу и всех немцев, которые отвергли совет духовного заступника своего, жены и дети их также достались в руки поляков, все добро их было разграблено.

Глава XI

1610 год. Жолкевский, одержав решительную победу при Клушине, рассеял всю рать Московскую, склонил на свою сторону немцев Делагарди, заставил отряд Валуева положить оружие и наконец осадил Москву со стороны Можайска. В то же время Димитрий II, выступив из Калуги со своими поляками, овладел Пафнутьевым монастырем и сжег его до основания, перебив в нем монахов, священников, бояр и 500 стрельцов, присланных из Москвы на помощь. Москвитяне были в отчаянии: не успев избавиться от одного неприятеля, они увидели перед собою другого.

Среди всеобщего уныния три отважных боярина, уже давно бывшие в согласии с Жолкевским, Захарий Ляпунов, Михайло Молчанов и Иван Резецкий, составили заговор против царя Василия

Ивановича: 14 июля они вышли на Лобное место, созвали народ и объявили, в каком горестном состоянии находится земля русская. «Ее, — говорили бояре, — как беззащитную овчарню опустошают волки. Бедные жители гибнут, и никто не хочет, или не может спасти их. Царь уже третий год ни в чем не имеет счастья, ибо неправдою присвоил себе правление. Не одна сотня тысяч за него пострадала, кровопролитию не будет конца, пока не оставит престола злосчастный государь, который со своими братьями только умеет терять сражения. Если наш голос, — заключили бояре, — заслуживает некоторую доверенность граждан, род Шуйского должен быть сведен с престола, а царем государственные чины изберут того, кого укажет Бог». Этот совет весьма понравился Москвитянам: они решились немедленно приступить к делу. Тогда бояре велели им идти в Кремль и объявить свое намерение царским советникам. Граждане тотчас бросились с начальниками мятежа в палаты Шуйского, взяли корону и скипетр, отнесли их в казну, а царя отвели в прежний дом его, там выстригли ему несколько волос и принудили его быть монахом.

На другой день Москвитяне собрались за городом, в той стороне, где не было неприятелей, для решения, кому из бояр вручить царскую корону. Но как скоро началось совещание и знатнейшие особы вместе с прочими стали подавать голоса, выступили вперед несколько человек с такими словами: «В числе князей нет никого, кто мог бы сказать, что он знатнее других родом и саном, следовательно, если выберем царем какого-либо князя, бояре будут ему завидовать и крамольничать, никто не любит кланяться равному! Итак, возьмем чужеземца, который сам был бы королевского рода и в России не имел бы себе подобного. В Римской империи много королей, достойных носить нашу корону, но нет ни одного, кто и языком, и одеждою, и обычаями так был бы с нами согласен, как Сигизмунд, король Польский, или сын его Владислав, уже герой знаменитый. Возведем его на престол: только тогда успокоится Россия, иначе, при всяком другом царе, бедствиям не будет конца. О Димитрии не говорим ни слова, каждому известно, что он плут и обманщик, беглый учитель белорусский, достойный не престола, а виселицы. Итак, господа, если вы согласны, мы подумаем об условиях, с коими возведем Владислава на престол так, что ваша вера и обычаи останутся неприкосновенными и народ не будет обременен новыми налогами: извольте объявить ваше мнение!»

Все сословия, воскликнув, что ничего не может быть лучше этого совета, определили привести его в исполнение, только осмотрительно. Потом в добром согласии возвратились в Москву. С Жолкевским немедленно заключено было перемирие, а под Смоленск отправлено посольство с предложением Владиславу Русского престола, но на многих условиях. Сигизмунд, выслушав послов, отпустил их с удовлетворительным ответом и уполномочил полководца своего Жолкевского вступить с русскими в переговоры, дав ему право действовать по его собственному благоусмотрению и наперед соглашаясь на все, что он ни сделает, кроме двух статей: 1) королевич не переменит веры и 2) будет иметь при себе Польский двор, ибо Сигизмунд не хотел предать его одного в руки Москвитян. Впрочем же, навсе был согласен, обещал Москвитянам свободу вероисповедания, неприкосновенность их законов, нравов и обычаев и уверял, что сын его не только не дозволит нарушать русские права, но и будет иметь о них особенное попечение.

Обрадованные королевским ответом, Москвитяне поклялись признать Владислава царем и служить ему верно, пока он не нарушит предложенных условий. Жолкевский со своей стороны дал клятву именем Владислава, что все статьи будут свято соблюдаемы и что сам королевич вскоре приедет в Москву для принятия царства в свое владение. После того польский военачальник в лице государя приглашен был в Кремль, где ему поднесли весьма богатые дары. Москвитяне подружались с поляками: толпы одних стремились в лагерь, толпы других в Москву — ласкали, честили друг друга.

Между тем Димитрий, сведав от некоторых бояр и казаков, приехавших к нему из Москвы, что жители присягнули Владиславу, но что в ней есть люди преданные и нужно только подступить к столице, чтобы поселить в жителях раздор, немедленно оставил Пафнутьев монастырь, собрал всех преданных поляков, немцев, казаков, татар, русских и расположился лагерем между Москвою и Коломенским монастырем, в надежде на счастливый успех своих клевретов. Надежда его была напрасна: ежедневные вылазки Москвитян доказывали, что народ вовсе не помышляет ему покориться. Вскоре он заметил, что в столице появились польские копейщики и что поляки, ему служившие, весьма неохотно дерутся с своими

единоземцами. Тут Самозванец сыграл прежнюю роль: бежал из лагеря и, покрытый срамом, возвратился в Калугу с несколькими сотнями казаков и Романовских татар в день св. Варфоломея.

По удалении Дмитрия, поляки один за другим приходили в Москву: вскоре собралось их до пяти тысяч человек. Немцы также успели пробраться в столицу, в числе 800 воинов. Размещенные в Кремле, лучшей крепости Московской, они имели в руках своих военные снаряды. 5000 поляков, вопреки желанию Москвитян, заняли внешний замок и учредили стражу вокруг третьей стены: им отпускались в избытке всякие съестные припасы и сверх того производилось ежемесячное жалованье от казны, которая через то оскудела еще более, чем в правление Шуйского.

Димитрий весьма досадовал на поляков, виновников его срамного бегства, и еще более на русских, которые так жестоко его обманули. «Мне более ничего не осталось, — говорил он, — как собрать турок и татар. Они помогут мне завоевать наследство моих

Русский всадник

предков! Если не успею овладеть Россией, разорю ее так, что она ничего не будет стоять. Пока я жив, не будет ей покоя».

Желая поправить неудачу, он послал в Астраханское царство любимого поляка своего пана Керносицкого, который был, впрочем, более русский, с известием, что царь и царица решились избрать своею столицею Астрахань, не желая жить в Москве, оскверненной присутствием нехристей. Если бы удался этот замысел, Россия испытала бы новые ужаснейшие бедствия, но Бог спас ее, Димитрий совершенно потерял рассудок, не щадил никого, самых верных сподвижников своих, немногих татар и казаков. Эти люди берегли его день и ночь, были с ним безотлучно, участвовали во всех увеселениях, провожали его на охоту, между тем как немцы и поляки не смели к нему подойти. Но за все услуги татар Димитрий приказал утопить в Оке хана Касимовского, обвиненного перед царем собственным сыном в намерении бежать в Москву.

Раздраженный таким поступком Димитрия татарский князь Петр Ерусланов искал случая умертвить ханского сына и уже думал исполнить свое намерение, когда отцеубийца возвращался домой от царя, но князь ошибся: жертвою его мести был другой знатный татарин, одетый так же точно, как и тот, кого он подстерегал. Ерусланов, до тех пор весьма уважаемый царем за то, что он знал дорогу к Астрахани, был заключен в темницу, а 50 других татар отданы были под стражу, впрочем, пострадав их несколько дней, Димитрий даровал им свободу, стал по-прежнему ласков, ездил с ними на охоту, посылал их в окрестности для набегов и опустошения деревень, принадлежавших ненавистным полякам. Но татары не могли забыть своего оскорбления и целые два месяца весьма искусно таили намерение отомстить Димитрию: каждую ночь привозили в Калугу по 10 и по 12 поляков, которых нередко хватали с постелей, привозили иногда и купцов, пойманных на дороге. Царь обыкновенно приказывал еще до рассвета засекаать несчастных кнутом до смерти, тела их бросали собакам на съедение, остатки же зарывали в землю, как падалище; благородных поляков топили в реке. Видя такое усердие татар, Димитрий думал, что они уже забыли прежнее оскорбление и так верил им, что, отправляясь на охоту, всегда брал их с собою человек по 20 и по 30, а из придворных не более 2 или 3, да шута Петра

Кошелева, неразлучного своего товарища. Вероломные татары изъявили царю беспредельную преданность, выжидая случая отомстить ему. За несколько дней до исполнения заговора дали знать своим единоплеменникам, чтобы они при первом выезде царя на охоту выбрались из Калуги в Пельну и, дождавшись там князя Ерусланова, немедленно отправились восвояси.

11 декабря Дмитрий, не предчувствуя своей участи, отправился на охоту с князем Еруслановым и 20 татарами. Товарищи их, согласно взаимному условию, взяв все, что только могли, выехали верхами в разные ворота и соединились на Пельнской дороге в числе 1000 человек. Как скоро Дмитрий отъехал от города около четверти пути, князь Петр, поравнявшись с ним, прострелил его насквозь, потом отрубил ему голову. «Я научу тебя, — примолвил князь, — топить ханов и сажать в темницу князей, которые служили тебе верно, негодный обманщик!» Шут Кошелев и два боярина не хотели быть свидетелями печального зрелища, ударили по лошадям и, не оглядываясь, прискакали в Калугу с известием, каким образом кончилась охота.

Татары между тем пустились по Пельнской дороге восвояси, опустошая и истребляя все, что им ни попадалось. В Калуге ударили тревогу, пушечными выстрелами дали знать, чтобы войско собиралось для преследования вероломных, но уже поздно: их нельзя было настигнуть. Только немногие из татар остались в Калуге, потому ли, что не имели добрых коней или недоверчивые товарищи не открылись им, неизвестно. Несчастных гоняли из улицы в улицу хуже, чем зайцев в поле, дубинами и саблями, пока не перебили. Так невинные пострадали за виновных! Все доказывает, что они вовсе не знали о злодейском умысле, в противном случае, успели бы спасти себя или донесли бы о заговоре. Удовлетворив мести, князя, бояре и граждане Калужские отправились туда, где погиб их царь, нашли труп и голову, отвезли бранные останки в крепость, обмыли их и, приставив голову к телу, положили царя на стол на показ всему народу. Потом, через несколько дней, похоронили его с приличными обрядами в дворцовой Калужской церкви, где он лежит до сих пор. Не забудут и позднейшие потомки человека, который был виною невероятных бедствий России!

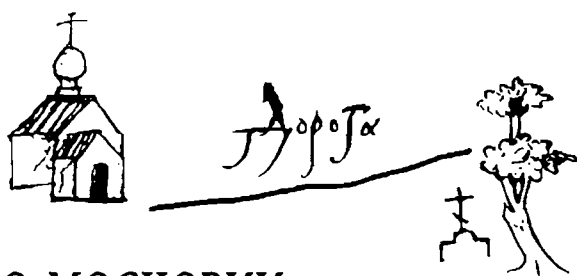
Легко вообразить, с какою горестью узнала о несчастливом происшествии благочестивая царица Марина. Давно ли она потеряла одного супруга, теперь лишилась и другого! Она была уже беременна и вскоре разрешилась сыном. Бояре выпросили у нее себе новорожденного царевича, чтоб укрыть его от убийц и, воспитав тайно, со временем возвести на престол. Москвитяне до сих пор оказывают Марине царскую почесть, какую же перемену произведет в России сын ее — узнают те люди, которые проживут еще лет двадцать.

Так кончил дни свои Димитрий II. Смерть его была ужасна! Долго спорил он с Василием Шуйским за бесценное сокровище, но не мог им овладеть. Да и Шуйский не умел пользоваться: и ему пришлось из монарха сделаться монахом, а яблоко раздора досталось Владиславу.

Примечания

¹ Печатается по: *Бер Мартин*. Летопись Московская с 1584 года по 1612 // Сказания современников о Димитрии Самозванце / Публикатор Н. Устрялов. СПб., 1859. Ч. 1. С. 129.

² Стерва — падаль.

ИСААК МАССА КРАТКОЕ ИЗВЕСТИЕ О МОСКОВИИ В НАЧАЛЕ XVII в.¹

И одному только Богу ведомо, откуда вдруг пошел по стране новый слух и распространилась молва, что Дмитрий, которого считали убитым в Москве, еще жив, да и многие твердо тому верили, также

некоторые и в (самой)² Москве. И все взятые в плен неприятели и мятежники, коих каждодневно приводили пленными в Москву и претягостным образом топили сотнями, как виновных, так и невинных, и они до последнего издыхания уверяли, что Дмитрий еще жив и снова выступил в поход. Одним словом, совершилось новое чудо: Дмитрий второй раз восстал из мертвых, и никто не знал, что о том сказать и подумать, но все наполовину помutilись разумом.

Вообще были две партии среди москвитов: одни говорили и верили, что он (Дмитрий) жив и что он бежал за два или три дня до мятежа, и что вместо него по неведению умертвили кого-то другого; другие же говорили, что он мертв и что умертвили того самого, о коем доподлинно знали, что он выдавал себя за Дмитрия и был почти год царем. И я согласен с этими последними, ибо я весьма хорошо видел его живым, а также прилежно осмотрел его по убиении и не мог приметить ничего другого, как только то, что убили настоящего, в чем нет сомнения.

Партия, сторонники которой верили тому, что он еще жив, и были как между мятежниками, так и в Москве, приводила в пользу того следующие доказательства:

Во-первых, говорили, что тот, кто три дня лежал нагой на площади и кого принимали за Дмитрия, до того был покрыт пылью и ранами и так растерзан, что его невозможно было узнать.

Во-вторых, говорили, что тот, кого умертвили вместо Дмитрия, имел длинные волосы, тогда как царь незадолго до того велел их срезать перед самой свадьбой.

В-третьих, говорили, что у того, кто лежал убитым на позоре перед всем светом, не было бородавки у носа, которую имел Дмитрий, а также знака на левой (стороне) груди, меж тем как его (Дмитрия) собственный секретарь Бучинский уверял, что у него (царя) знак на левой (стороне) груди, и он (Бучинский), будучи с ним (царем) в бане, этот знак видел.

В-четвертых, говорили, что пальцы на ногах убиенного были весьма нечисты и ногти слишком длинны, более схожи с пальцами мужика, нежели царя.

В-пятых, говорили, что, когда его убивали или умерщвляли, он кричал, что он не Дмитрий, и говорили, что то был ткач-камчатник,

вывезенный царицею Сандомирскою из Польши, и он был весьма схож с царем, и (этому ткачу) в то утро, когда должно было совершиться убийство, назначили в царском платье лечь на царскую постель или по крайности в царском покое, ибо Дмитрий, говорили, бежал; и камчатник ничего не ведал о таких вещах и полагал, что то какая-нибудь шутка, или то бьются об заклад, или то маскарад, и потому, когда они (заговорщики) подступили к нему с оружием, чтобы убить его, он вскричал: «Я не Дмитрий, не я Дмитрий»; того ради заговорщики и бояре тем более стали разить его, говоря, он сам теперь повинился, что он не Дмитрий и не законный наследник престола, а расстрига, и убили его, страшась, что он убежит. И (передавали) еще другие подобные басни, не заслуживающие доверия.

В-шестых, еще говорили, что у них (заговорщиков) было много причин сжечь его (труп Дмитрия), чтобы его более не видели, и

Лжедмитрий I

говорили, что его надлежало набальзамировать, чтобы он был в наличности на случай нужды показать его и сравнить с портретом, и еще говорили, что народ приносит страшные клятвы и умирает, убежденный в том, что он (Дмитрий) жив, и, стоя на том, претерпевает различные пытки и мучения, и многие люди уверяют, что будто бы видели его с тем самым скипетром и короною, с какими видели его в Москве. Корона и скипетр были похищены из Москвы во время первого волнения, также три или четыре царские лошади, как мы о том рассказывали. Так они хотели заставить верить в то, что Дмитрий жив.

Против этих, помянутых выше, доказательств я могу по доброму своему намерению и малому разумению привести такой ответ и полагаю, что партия, утверждающая, что он (Дмитрий) мертв, со мной в том согласится.

Во-первых, я его хорошо узнал, когда он лежал там (на площади) весьма истерзанный, в крови и пыли, (ибо стояли) жаркие дни, и я отлично видел по его лицу, широким плечам и росту его тела, что то был тот самый, кого звали по Москве царем Дмитрием в 1605 и 1606 году и кто в эти два года почти год царствовал.

По второму пункту, что касается волос, то никто не может утверждать с достоверностью, велел он их срезать или нет, ибо он всегда ходил с покрытою головою и ни перед кем ее не обнажал, но мы и его подданные снимали перед ним шапки.

По третьему пункту, что касается бородавки у носа, то я и множество других людей вместе со мною видели ее на убитом, но о знаке на левой (стороне) груди, что рассказывал секретарь его (Дмитрия), я ничего не знаю и никакого знака не приметил и тому не верю; секретарь мог сказать это нарочно, а не истинно.

В-четвертых, что касается до нечистых пальцев на ногах и длинных ногтей, то это ребячья болтовня, он как раз мог не чистить своих пальцев во все время, хотя и часто бывал в бане, но, возможно, ему было слишком много дела с молодыми монахинями и девками, которые не спрашивали, грязны ли его пальцы и коротки или длинны его ногти.

В-пятых, что касается ткача-камчатника, то это ложь и глупая басня, ибо когда бы он (Дмитрий) наперед знал о том (намерении

умертвить его), то мог бы спастись раньше и иначе, и его друзья остерегли бы его. Да и так как вся власть была в его руках до последнего часа, то заговорщиков схватили бы, ибо у него было довольно власти, чтобы совершить это по своей воле; так же и поляки не спали бы так долго, а были бы настороже.

Что же касается пропажи скипетра, короны и четырех царских лошадей, то это достоверно, так как во время великого смятения и возмущения для каждого все стояло открыто и пропало все, что лежало открыто, как в царских покоях, так и (в домах), где жили поляки, и пропало всего столько, что и не сравнить с (названным), но в тысячу раз больше узорочья, платьев и драгоценной утвари.

В-шестых, зачем было сжигать труп, когда его надлежало набальзамировать? Как же это так? Разве надлежало набальзамировать того, кого почитали вором и чародеем? Чего ради было оказывать ему такую честь? И кто мог тогда предвидеть несчастье? И его сожгли по требованию всего народа, кричавшего, что они желают, чтобы его сожгли, и говорившего, что его дух продолжает творить чары, виня его в том, что он истребил все плоды вокруг (Москвы).

Касательно того, как говорили, все взятые в плен мятежники до самой смерти своей уверяли, что они видели его (Дмитрия) в той самой короне на голове и с тем самым скипетром в руках, с каким видели его в Москве, и никакие пытки и мучения не могли принудить их отступить от своих уверений, то это правда, но таких, схожих с ним лицом и людей, что походили на него, можно было найти много. И я сам после его смерти видел с добрый десяток людей, на него похожих, также во время волнения бежали некоторые, что каждодневно бывали у него, и могли в том подражать ему, ибо в таких делах пускаются на всякие хитрости; или то, быть может, (действовал) сам дьявол, коему всемогущий Бог дал власть карать землю за ее многие страшные и тяжкие грехи, беспрестанно творимые людьми, которым усердно содействуют иезуиты, помощники дьявола.

Царь долго советовался со всей московской думой, как бы искоренить в народе пагубное верование и вздорное мнение, будто он (Дмитрий) еще жив, и, зрело обсудив и рассудив, почли за благо послать в Углич и там похоронить ребенка, который походил бы на того Дмитрия, что был истинным (царевичем) и убиен Борисом. И

так как они хорошо знали, что тело этого младенца (царевича) уже стнило, ибо оно пролежало (в земле) много лет, в этом повествовании довольно было изложено, как в царствование Федора Ивановича по повелению Бориса был погублен и убиен младенец Дмитрий и этого (другого) ребенка должны были снова выкопать, объявив народу, что (тело) убиенного Дмитрия еще сохранилось, дабы все уверовали, что то все плутни, как первое, так и последнее спасение Дмитрия. И сверх того они приняли намерение привезти его в Москву и распусть слух, что от него совершаются чудеса, и его должны были в присутствии всего народа поставить в Архангельском соборе, где погребены все цари. Итак, ночью тайно похоронили в Угличе одного ребенка в той самой могиле, в коей было погребено тело убиенного Дмитрия, а его останки положили в другой гроб и снова тщательно заделали.

И нарядили из Москвы князя Ивана Михайловича Воротынского, чтобы (вырыть) из могилы (тело) истинного юного Дмитрия (и) привезти в Москву, и, приблизившись (на возвратном пути) к Москве, (князь) послал известить о своем (прибытии), так что это тело встретили с большой процессией, в коей царь и все бояре шли пешком, а все епископы, монахи и священники с иконами, крестами и хоругвями, а также старая царица, мать истинного младенца Дмитрия, и за ними следовал весь народ, и (все) вышли за город, чтобы его принять. Я из любопытства побежал за всеми, чтобы посмотреть, чем это кончится.

Выйдя за город, (увидели) тело, лежавшее на носилках, поставленных на телегу, и (вокруг), взирая на него, стоял царь с боярами, епископами и старой царицей, восклицая: «Днесь зрим мы истинного юного Дмитрия, убиенного в Угличе, и божие провидение сохранило его столь же свежим, как если бы его только положили во гроб». Того ради народ тотчас стал славить и благодарить Бога, и носилки тотчас были покрыты; я бы и сам охотно посмотрел (на тело), когда бы меня допустили, также многие монахи и священники, весьма того желавшие; но, возможно, страшились, что у нас слишком длинные языки, и заботились о том, чтобы мы не осквернили святое тело, и привезли его в Москву, как святого и угодника, и поставили на носилках в Архангельском соборе, но никто не смел приблизиться к нему, кроме главнейших бояр и епископов, посвященных в это дело.

Я не думаю, чтобы (в это время) в Москве был хотя один колокол, который бы не гудел, ибо (люди) были оглушены звоном, и едва только поставили (мощи) в собор, как стали свершаться над некоторыми чудесные исцеления: слепые прозревали, калеки начинали ходить, немые — говорить, глухие — слышать, и едва только совершалось над кем-либо чудо, принимались звонить во все колокола и петь «gaudeamus»¹.

Да и были некоторые, которых слышали (в церкви), и когда (они) выходили оттуда, то становились немыми, когда их о чем-нибудь спрашивали, и, по меньшей мере, заикались; однако туда никто не входил, только те, кого впускали. Я полагаю, что ежели б мне дозволили войти туда, то я, по меньшей мере, ослеп бы от того дыма, что накадили там, и оглох бы от крика попов.

Однажды плутовство едва не было открыто, ибо привели человека больного или по меньшей мере почитаемого за больного, и его привели для исцеления, но он умер там в церкви, и его были принуждены вынести оттуда мертвым. Однако и тут сумели привести такие объяснения, что все чудеса, совершенные (мнимым Дмитрием), почли за добро, ибо сказали, что у этого (человека) не было твердой веры и потому он должен был умереть; и все бедные, так и богатые были столь ослеплены, что верили в истину всех этих выдумок и басен, так ослеплены были люди.

Я часто из усердия (к вере) говаривал им, чтобы они взяли слепых, сидящих и просящих милостыню у дверей нашего и других домов, или хромых и калек, сидящих на всех углах улиц, и отвели их в церковь, дабы они прозрели, стали ходить и слышать, но мне возражали, что эти (люди) не тверды в своей вере. Я спросил, откуда им ведомо, что те, кого туда приводят, точно веруют в святых, они отвечали: ангел божий открывал епископам и священникам тех, кому будет дана помощь, и потому они за ними посылают. Одним словом, они умели отвечать на все мои вопросы и сами твердо веровали, хотя плутовство было осязательно, ибо негодяи, получившие видимое исцеление, были для того подкуплены, чтобы клятвами доказывать свое исцеление, и они портили себе глаза каким-то веществом, также представлялись хромоногими, и другие подобные плутни, и большая часть этих молодчиков была незнакома в Москве и (собиралась) из чужих мест.

Одним словом, москвиты были слепы, а теперь ослеплены еще больше. Да просветит их Бог святым своим духом и всех еще блуждающих во тьме!

Таким образом искореняли в народе веру в то, что Дмитрий, как говорили, все еще жив, и эти чудеса совершались недолго и вскоре прекратились.

Также народ домогался того, чтобы все бояре, возвысившиеся при Дмитрие, или расстриге, были казнены, хотя были невинны, и к числу их принадлежали: Михаил Татищев и Афанасий Власов, отправленный в Польшу за невестою. И хотя вельможи просили за них, но это не помогло утишить народ: многих пришлось для виду отправить в опалу или ссылку, и Афанасия и Никиту Годунова отправили в Казань, (город) при реке Каме, Михаила Татищева отправили в Новгород, а прочих в другие места.

Меж тем московское войско вновь было разбито, и Болотников одержал верх и послал со всей поспешностью отряд в десять тысяч человек прямо на Москву, намереваясь последовать за ним со всем войском, и этот (передовой) отряд скоро подошел к Москве на расстоянии одной мили от нее, стал у речки Даниловки и занял селение Загорье, которое тотчас укрепили шанцами, и у них было несколько сот саней, и поставили их в два и в три ряда одни на другие, и плотно набили сеном и соломою, и несколько раз полили водою, так что все смерзлось, как камень. И у них был также скот, быки и лошади, довольно на несколько дней, и (они) стали ожидать Болотникова с главным войском.

Меж тем московское войско засело в обозе перед самыми городскими воротами, и воеводами были царские братья; и они часто учиняли большие нападения со множеством пушек на помянутые шанцы (мятежников), но без всякого успеха. Также помянутое селение было обстреляно множеством бомб, но там их тотчас тушили мокрыми кожами, и так как неприятели держали на примете Красное Село, лежащее неподалеку от них, большое и богатое селение, подобное (целому) городу, откуда они могли угрожать почти всей Москве, то москвиты, страшась этого, выставляли у речки Яузы, через которую они (мятежники) должны были перейти, сильное войско под начальством молодого Скопина, чтобы воспрепятствовать

переправе, а сами со всеми силами, числом в двести тысяч ратников, в течение двух дней осаждали их, но не смогли одержать победы и сами понесли большие потери.

Меж тем Болотников прислал им на подмогу тридцать тысяч человек под начальством воеводы Истома Пашкова, и этот Пашков прибыл туда на третий день и, делая вид, что он намерен напасть на московитов, обошел сзади своих товарищей и сидевших в осаде. Но Пашков, (сговорившись) почти со всеми своими главными начальниками и капитанами, тайно заключил наперед с царем условие перейти к нему и все свое войско передать московитам.

Московиты, зная об этом, с большим войском напали на осажденных, а также послали отряд против Пашкова, который сперва передался с пятьюстами человек, и его войско от (такой) неожиданности пришло в расстройство, и московиты захватили множество пленных; и осажденные, увидев это, также обратились в бегство, и половина их была захвачена, ибо лес, через который они принуждены были бежать, был занят московитами. И там произошла неимоверная сеча, также и в плен захватили до шести тысяч, так что в Москве все темницы были полны, и сверх того многие жители московские должны были стеречь по два или три пленника, и множество их было посажено в подвалы под большими палатами и приказами, так что было жалко смотреть на них, и были то по большей части казаки, прирожденные московиты, и чужеземцев (среди них) не было вовсе или было мало.

Эти люди недолго пробыли в заточении, но каждую ночь в Москве их водили сотнями, как агнцев на заклание, ставили в ряд и убивали дубиною по голове, словно быков, и (тела) спускали под лед в реку Яузу, творя так каждую ночь. Также во время этого поражения был захвачен в плен один из главных атаманов, по прозванию Аничкин, который разъезжал повсюду с письмами от Дмитрия и возбуждал народ к восстанию, и этого (Аничкина) живым посадили на кол, и он должен был так умереть, и покуда он, будучи посажен на кол, еще был жив, прислал к нему царь дворянина Истому Безобразова, который стал его (Аничкина) просить, чтобы он, так как ему предстоит умереть, сказал перед всем народом, кто снова выдает себя за Дмитрия. На что он (Аничкин) прямодушно ответил, что это никто другой, как брат царя, которого также зовут Дмитрий, и он-то учинил

эту измену, хотя и был на стороне московитов. Он сказал это ни для чего иного, как для того, чтобы возбудить в Москве новое волнение в народе; и хотя царь со всеми боярами клялся перед всем народом, что то неправда и он знает брата и его помыслы, но огонь остался под пеплом.

Из Москвы послали двух монахов, чтобы они перебежали к неприятелю и разведали, что это за Дмитрий. И приблизившись к тому месту, неподалеку от Коломны и Серпухова, где раньше московское войско было разбито мятежниками, они встретили двух человек, которые называли себя перебежчиками, направлявшимися в Москву, и они поклялись перед монахами, что Дмитрий еще жив и они его видели, так что монахи не осмелились идти далее, а эти (люди), встретившиеся с ними, отошли от них.

Болотников нимало не сомневался, что отправленные им войска займут Москву, и когда бы не помешала измена Пашкова, то это могло случиться по причине великого смущения и непостоянства народа в Москве. И когда он (Болотников) узнал от бегле-

Наказания на Красной площади

цов о поражении, то бежал со своим войском в город Калугу, расположенный на реке Оке, и он нашел (это место) удобным для того, чтобы провести там зиму, и тотчас запасася всем необходимым; и это был город многолюдный, и в нем всегда шла большая торговля солью с землей Северской, Комарицкой волостью и другими соседними местами, откуда привозили (в Калугу) мед, воск, лен, кожи и другие подобные товары, так что она хорошо была снабжена (всякими припасами); и перед тем москвиты побили много (его) войска, и он (Болотников) бежал с оставшимися в Калугу и там укрепился.

Петр Федорович, выдававший себя за незаконного сына царя Федора, как мы говорили выше, еще сидел в Туле, осажденный москвитами, и верх брала то та, то другая сторона, но Петр хотя и находился в крайней нужде, держался с большой храбростью.

Когда Болотников укрепился в Калуге, туда подступило все московское войско, еще более многочисленное, чем то, что стояло под Кромами, как мы поведали, рассказывая о вступлении Дмитрия в Московию, ибо Болотников сидел в Калуге, как Корела в Кромах, и (осажденные) каждодневными вылазками причиняли москвитам большой вред; да и почти не проходило дня, чтобы не полегло сорок или пятьдесят москвитов, тогда как осажденные теряли одного; в (московском) войске только и делали, что стреляли без нужды, распутничали, пили и гуляли, чего не лишали себя и (осажденные) в Калуге, и так без пользы прошла зима; и царь мог думать о том (все), что ему было угодно.

Москвиты согнали крестьян из окрестностей, и они были принуждены каждый день рубить деревья в окрестных лесах, колоть дрова и возить их в лагерь на санях, которых было несколько сот, так что сложили целые горы дров вокруг Калуги, намереваясь придвигать примет с каждым днем все ближе и ближе к Калуге, чтобы при благоприятном случае зажечь его, когда ветер будет дуть на Калугу, и таким образом погубить осажденных. Но осажденные, узнав об их умысле и намерении от перебежчиков, стали подводить подкопы под примет, причем от взрывов погибали частью и люди. Также было у них наготове много горючего, и когда ветер дул в сторону (московского) войска, то они сами поджигали примет и

головни летели в лагерь (московитов), а тем временем (осажденные) делали вылазки и наносили большой вред (московскому) войску; одним словом, они (осажденные) всегда оставались победителями, почти так же, как и в Кромах.

В это время в Новгороде было моровое поветрие, от которого погибло в самом Новгороде и в окрестностях множество людей, меж коими было много священников.

Татары Казанского царства вели себя тихо и непричастно, выжидая, кто возьмет верх. Все города по реке Волге еще держали сторону Москвы, как то: Кострома, Ярославль, Углич, Нижний Новгород, Самара, Саратов и многие другие, исключая Астрахани, где мятеж был в самом разгаре, отчего и плавание по реке стало небезопасным от воровских казаков.

На острове Бузане, в трех милях от Астрахани, все еще стоял Петр Шереметев со своим войском, и он построил на острове крепость, и так стоял он против Астрахани и Астрахань против него; и когда сходились, то убивали друг друга.

Ногаи, как мы сказали, поднялись и отложились от Москвы, и они напали на черемис и их вождей и убивали друг друга; и так продолжалось беспрерывно.

В Ярославле солдаты, которые стерегли и охраняли Сандомирского и его дочь, царицу (жену) убитого Дмитрия, пытались поджечь весь город Ярославль, чтобы разграбить его, также и в Костроме, где стерегли сына Сандомирского; и Сандомирский со своими людьми, а также его сын со своими людьми намеревались соединиться вместе и перейти на сторону мятежников; но эта измена была открыта, и большую часть изменников схватили, и (только) некоторые из них убежали. Жителям Ярославля велено было составить свою собственную стражу и самим охранять город, что они и исполнили.

Поляки и дворяне, содержащиеся в Ростове, также намеревались освободиться силою и перейти на сторону мятежников, находившихся недалеко от них, но и это намерение также успели открыть, и они были разлучены и отосланы за добрых сто миль далее, в Вологду и Белозерск. Среди них были двое Бучинских, отправленных в Пустозерск, где их держали под стражею, а Дама-

рацкого отвезли в Тотьму и там заточили в темницу; вельможа Казановский, молодой польский вельможа и родственник царицы, был сослан в Устюг на Ваге, но большая часть (поляков), среди коих были также и женщины, отправлены на Белоозеро, где они получали скудное содержание.

И в это время в Москву пришло известие, что жена Сандомирского с тридцатью тысячами ратников подступила к границе, чтобы подать помощь мятежникам, и что Михаил Молчанов, бежавший во время убийства Дмитрия, начальствует над этим войском. Это известие, снова возбудившее страх, было народом скоро позабыто.

Из Москвы каждодневно посылали гонцов во все города с известием о победах московитов. И даже когда московское войско терпело поражения, посылали по всем городам известия, что неприятель разбит, так что повсюду от радости звонили в колокола, и это делалось для того, чтобы народ не отпал, но постоянно соблюдал верность Москве, ибо (московиты) были научены примером Шуйского, изменившего во время вступления Дмитрия в пределы Московии.

В январе был обезглавлен в Москве один священник, повсюду распространявший подметные листы о том, что Дмитрий еще жив.

Также от (московского) войска получали письма, в которых было написано, что неприятель с большим проворством и отвагою день ото дня умножает свои войска и запасы, так что (московиты) со всеми своими силами ничего не могут предпринять, чтобы тому воспрепятствовать. Поэтому из Москвы отправили сверх царских братьев и сверх всех (что начальствовали над войском), еще Федора Ивановича Мстиславского вместе с молодым боярином Скопиным и многими молодыми боярами и дворянами, а также с большим войском, повелев им повсюду, куда они не придут, истреблять врагов, и, подступив к Калуге, они должны были соединиться с теми, что стояли лагерем, и они ни в чем не успели больше других.

В эти дни (когда отправляли новое войско) окончили отделку царских палат, или покоев, и по обычаю московскому надлежало явиться к царю и пожелать ему всяческого счастья, что называют они новосельем, ибо царь не пожелал остаться в том великолепном дворце, где жил Дмитрий, страшась, что ему ночью явится дьявол, ибо Дмитрия все еще считали чародеем и потому покои, в которых

он жил, нечисты, и все (пришедшие с поздравлением) поднесли царю подарки, также хлеб и соль по московскому обычаю, с пожеланием счастья; хлеб и соль были приняты, но подарки возвращены нам обратно, затем нам и всем другим (поздравителям) прислали кушанья на серебряных блюдах, также и напитки в золоченых сосудах.

В начале января московские воеводы пришли между собой в большое несогласие, однако ж действовали с большим лукавством и держали это втайне от войска, хотя в Калуге все стало известно на другой же день и там смеялись над ними.

Между тем в Москву привезли часть пленных из города Венева, где москвиты также потерпели поражение; и вместе с ними пришло известие, что двое знатных московских бояр, Мосальский и Телятевский, перешли на сторону мятежников и идут на помощь к Дмитрию с тридцатью тысячами воинов, среди коих были поляки, казаки и русские. И это известие произвело такой страх в Москве, что они вызвали из Старицы низложенного Дмитрием старого патриарха Иова, и он, слепой от старости, просил оставить его в покое, однако (невзирая на это) его привезли в Москву, но его совет вместе со всеми другими советчиками ничему не мог помочь.

И Мосальский отправился с отрядом войска на Тулу выручать Петра Федоровича, которого в Москве называли Петрушкою, но был разбит москвитами, захвачен в плен и привезен в Москву, где и умер от ран; остальных же пленных утопили.

Московские войска, стоявшие под Калугою, кричали с горы, находящейся у реки Оки (осажденным), что коль скоро Мосальский со всем своим войском разбит, то лучше вовремя одуматься и просить пощады, но Болотников смеялся над этим и в тот же день велел повесить на виду московского войска нескольких своих слуг, среди которых был и его повар, замысливший измену; сверх того Болотников вместе со своими (приверженцами) поклялся, что они стоят за истинного Дмитрия.

(Известие) о битве под Тулою и поражение Мосальского произвело в Москве великие перемены и (вызвало) радость, так что народ уже не верил в Дмитрия; и на Тулу послали Воротынского с некоторым войском, чтобы еще больше стеснить (неприятеля) и захватить в плен Петра.

В марте царь повелел касимовскому царю выступить со своими татарами в поход и опустошить страну вокруг (его владений), чтобы мятежники нигде не могли найти ни припасов, ни провианту. Но эта земля была дочиста разорена и разорять ее больше было невозможно, и сверх того во всех городах, занятых мятежниками, был сильный гарнизон. (Мятежникам) на татарской или рязанской стороне принадлежали следующие города: Рязань, Карачев, Ливны, Орел, Венев, Михайлов, Болохов, Ряжск, Серебряные пруды, Новосиль; на северской стороне: Путивль, глава и зачинщик всех мятежных городов, в нем (мятежники) также держали совет, потом Чернигов, Брянск, Елец, Козельск, Рыльск, Почеп, Сосница, Рославль, Монастырище, Новгород-Северский и многие другие; также были у них: Коломна, Кашира, Алексин, Епифань, Перемышль, Льгов, Дедилов, также Калуга и Тула, где осаждали Петра, сверх того они завладели всей Волгой и опустошали все местности (по ее течению), где только ни проходили. Одним словом, у них была большая сила, и они владели прекрасными землями, и, кроме того, еще многие города колебались и склонялись то к одной, то к другой стороне, так что царь по усердной просьбе московских бояр решил самолично выступить в поход с началом лета и повелел отписать во все города, чтобы все дети боярские или дворяне, жившие спокойно в своих поместьях и не приехавшие нести службу, были высланы, а нетчиков велено было переписать и лишить поместий; отчего многие отовсюду стали приезжать на службу, так что множество ратников выступило в поход, и так шли дела до весны; также привозили в Москву пленных, и некоторые из них уверяли, что видели Дмитрия, а другие, напротив, не знали, ради чего они воюют, однако всех виновных и невинных топили.

В том же месяце (марте) восемь поляков, (переодетых) в крестьянское платье, бежали ночью из дома польского посла в Москве, и, нет сомнения, они привезли в Польшу много известий о положении дел в Москве, ибо им удалось бежать, за что некоторые из караульных были подвергнуты жестоким пыткам и наказаниям. И вокруг Москвы расставили сильную стражу, и некоторые ворота заперли, и царь также повелел распродать из казны старое имущество, как то: платья и другие вещи, чтобы получить деньги, а также занял много денег у монастырей и московских купцов, чтобы уплатить жалованье несшим

службу, и (ни монахи, ни купцы) не посмели отказать в этих деньгах, ибо были виновниками этих войн.

Также страшились мятежа в Ярославле, опасаясь, что у Сандомирского (в свите) слишком много людей, поэтому взяли от него семьдесят дворян с твердым обещанием отправить их в Польшу, и это для того, чтобы уменьшить свиту Сандомирского. Но поляки не послушались, а также не поверили (обещанию), тогда поднялся весь народ и окружил их двор. И поляки, полагая, что их хотят лишить жизни, отважно вооружились и в полном вооружении хотели храбро сражаться до самой смерти, и московиты, страшась, что из этого могут воспоследовать великие бедствия, принесли самые страшные клятвы в том, что они (давали обещание) чистосердечно, и поляки, наконец поверив им, выдали семьдесят человек, полагая, что их отправят в Польшу, но их задержали на полпути и (не довели) до Москвы, и полагают, что они были убиты.

Меж тем Петр Федорович со всеми своими силами выступил из Тулы и обратил в бегство все московское войско, стоявшее под Тулой, так что предводители его, Воротынский, Симеон Романович и Истома Пашков, бежали вместе с прочими, и Петр меж тем занял еще некоторые укрепленные места неподалеку и поспешил возвратиться в Тулу, где снова утвердился.

В конце этого месяца ночью отвалился язык у большого колокола в Москве, что было принято за худое предзнаменование.

Река Ока вскрылась, и лед сильно пошел в Волгу, и весь московский лагерь стал на ноги, по обеим сторонам реки сбили крепкие плоты и поставили на них пушки и людей, опасаясь, что Болотников выйдет из Калуги и устремится к Волге, что было бы весьма худо, и Болотников мог это легко сделать, ибо в Калуге было много лодок с солью и барок, на которых он мог бы спустить по течению все свое войско, но ему в том воспрепятствовали.

В начале апреля, когда вскрываются все реки, крымский посол просил об отпуске, чтобы отъехать в свою страну, но его не отпустили и стали строго стеречь, давая ему довольствие.

Также был в Москве некий польский дворянин, служивший при дворе убитого Дмитрия, этот (поляк) присягнул на верную службу (новому) царю и был принят в ротмистры, и он набрал в Москве

двести человек как ливонцев, так и поляков, давно уже служивших в Москве, и он (этот ротмистр) храбро сражался, хотя и не имел особого успеха, и он переписывался с некоторыми (мятежниками), находившимися в городе Алексине, и надеялся взять этот город, но ему не посчастливилось.

Также отряд, посланный от Калуги по реке Оке с намерением напасть на некоторые города (занятые мятежниками) потерпел во всем неудачу и везде был разбит, и войско, стоявшее под Калугой, весьма роптало, и (тогда) те, что сидели в Калуге, со всеми силами напали на московское войско и побили его в прах, и обратили в бегство, и подожгли лагерь со всех концов. И это произошло от измены и несогласия (московских) воевод, и бегство было такое же, как за два года до того под Кромами, ибо воеводы едва успели убежать из своих палаток, как уже калужане овладели всеми пушками. Беглецы, проходившие через Москву, не умели ответить, чего ради

Государственная печать Ивана IV

обратились они в бегство, но дерзко говорили: «Выступите в поход вместе с царем и попытайте сами». Но Мстиславский не посмел возвратиться в Москву, а оставался с частью войска у небольшой речки в шести милях от Москвы, и стало известно, откуда произошла эта измена, именно от московского боярина, князя Бориса Татеева, и запорожских казаков, которые, проведав о том, что москвиты два раза потерпели поражение, подумали, что истинный Дмитрий, должно быть, жив и заколебались, дав знать о своей измене Болотникову, чтобы им обещали милость, что им и было обещано, и они были причиной бегства своего войска и сами перешли на сторону неприятеля.

И Болотников, как говорили, отправился затем в Путивль к Дмитрию, где был принят с большими почестями и щедро награжден за свою верную службу, ибо он держался около полугода в Калуге, и он оставил в Калуге двух начальников, которые охраняли ее, Долгокурова и Беззубцева.

Вскоре Мстиславский двинулся со своим войском на городок Боровск, находящийся неподалеку оттуда, и взял его и все истребил в нем мечом. Точно так же Воротынский поступил в Серпухове, но царский брат Иван Иванович Шуйский тихо и тайно въехал в Москву, так что никто о том не узнал.

Поистине когда бы у мятежников было под рукой войско и они двинули бы его на Москву, то овладели бы ею без сопротивления. Но так как они действовали медленно, то в Москве снова собрались с духом и укрепились, отлично зная, как с ними поступят и что они все с женами и детьми будут умерщвлены, или им это наговорили, так что они все поклялись защищать Москву и своего царя до последней капли крови. И снова снарядили в поход большое войско, и царь отправился вместе с ним.

И главным воеводою был избран Иван Федорович Колычев-Крюк, которого народ весьма уважал, и он выступил в поход из Москвы в мае месяце.

Этот Колычев-Крюк, выступив в поход, остановился на некоторое время под Серпуховом, где с ним соединились все (отряды) из окрестностей, также каждодневно подходили (к нему) новые отряды, так что опять собралось большое войско. Царь, собираясь в поход, повелел по всем церквам совершать службы и молебствия, а также

посетил дьявольскую пророчицу, о которой мы упоминали, рассказывая о прежних царях. Но она не пустила его к себе и не хотела ни видеть, ни выслушать его. Когда он во второй раз пришел к ней, она приняла его вместе с несколькими боярами, и он вышел от нее через час, однако неизвестно, что она сказала ему, ибо речи ее держали втайне; и перед тем как он (царь) отъехал (к войску), прибыл в Москву гонец с двумя слугами и привез с собою письма из Польши, и хотя он был одет по-польски, но в народе ходил слух, что он прибыл из Швеции, и никто ничего больше не знал о нем, и он был допрошен в тайности, и затем его ночью тайно отправили в Новгород и стерегли, как пленного.

Также привезли в Москву двух гонцов, которые были схвачены на Волге, близ Царицына, при них были письма от имени Дмитрия, и они намеревались возбудить к восстанию тамошние города. И из Москвы отправили много ратников на остров Бузан, где все еще сидел Петр Шереметев.

Тем временем воеводы стояли со всем войском под Серпуховом, в восемнадцати милях от Москвы, также один отряд находился в Боровске, неподалеку от Москвы, и так (они), ожидая прибытия царя из Москвы, полагали, что это всего больше устроит врагов.

Царь, помолившись во многих церквях в Москве, сел на лошадь перед Успенским собором, взял свой колчан и лук и выехал со всем двором в полдень 21 мая, оставив в Москве вместо себя брата своего Дмитрия.

Как только царь выступил из Москвы, к нему стали стекаться со всех сторон ратники, ибо они, слыша, что царь одерживает победы, страшились попасть под великую опалу, когда не явятся (к войску). Также и монастыри были обложены повинностями, каждый сообразно своим силам, и каждый (монастырь) должен был выставить ратников сообразно своему достоянию. И так снова составилось большое войско, а земля мало-помалу оскудевала и лишалась самых лучших людей.

Меж тем отъехали все купцы, каждый своею дорогою, ибо наступило (для этого) время, и английские и голландские купцы отправились в Архангельск к Белому морю, чтобы вести торговые дела, погружать и разгружать свои корабли по старому обыкновению. Польские, а также армянские и татарские купцы охотно пустились

бы в путь, но им было это запрещено и велено оставаться в Москве, чтобы они, выехав из Московии, не разнесли (дурных) вестей, ибо они (эти купцы) были из вражеских стран.

Царь, будучи в походе, все время, страшась измены, не решался выступить со всем войском и не удалялся от Москвы, но посылал всюду отдельные отряды, чтобы то здесь, то там нападать на неприятеля врасплох, но, увы, на них самих нечаянно напали неприятели, которые во всех схватках оставались победителями.

Неизвестно, какой совет держали мятежники, что они так дурно распорядились и не воспользовались своей победой, ибо им все так благоприятствовало, как только они сами могли пожелать, и казалось, что время еще не было назначено всемогущим Богом. Но впоследствии стало известно, что они (мятежники) собирались в Путивле и держали великий совет, но никто не знал, что было решено, и ничего не было слышно о Дмитриии. И в Польше, видя, что Московию легко завоевать, и желая (ей) отомстить, отослали московское посольство, которое они так долго удерживали, и позволяли всем панам, кто пожелает, напасть на Московию, что и случилось. И Польша впервые объявила себя (открытым) врагом (Москвы). И мятежники с большим войском, капитанами и полковниками выступили в поход и распространяли по всей земле известие о Дмитриии, что он еще жив, и приводили тому неоспоримые доказательства; и среди них были многие, которые вели войну с великим ожесточением, ибо почти каждый из них потерял родственника во время избиения (поляков) на свадьбе (Дмитрия) и (кроме того) должны были выслушивать от своих врагов в Польше (советы) снова поехать на свадьбу в Москву, так что это их задело за живое.

Также великий канцлер польский Лев Сапега получил от короны польское повеление приготовиться к войне.

Меж тем московиты приобрели многое, ибо с (помощью) измены они взяли Тулу и захватили Петра Федоровича, который выдавал себя за незаконного сына Федора Ивановича, прежнего царя Московии; и этого Петра повесили в Москве. Также завоевали много маленьких городов, по большей части с помощью измены, и, чтобы воспрепятствовать дальнейшим успехам московитов, (мятежники) отправили против них отважного витязя Болотникова с войском. В

то время как (мятежники) совещались с поляками и казаками, они (москвиты) схватили также и отважного витязя Болотникова и умертвили его. Одни говорили, что он сам себя выдал, другие говорят, что его предали, одним словом, погибли два отважных воина и предводителя восстания. И царь, видя, что они снова стали побеждать, а между тем приближалась осень, удовольствовавшись малой победой, возвратился в Москву, оставив воевод и войско (действовать) против неприятеля, и в Москве и тех городах, что стояли за нее, полагали, что то была (окончательная) победа, но им не посчастливилось.

И обе стороны целую зиму воевали между собой. Сверх того множество поляков наводнило землю, снова пришедшую в чрезвычайно бедственное состояние, подобное тому, которое было, когда Дмитрий вступил в страну, да точно такое же, так что не надо о том снова говорить подробно. И так шли дела до лета 1608 года.

Меж тем в Москве вельможи настойчиво советовали царю избрать себе супругу. Они полагали, что народ будет больше бояться (царя) и вернее служить ему, если он женится и будет иметь наследников. И, уступая их просьбам, сочетался браком с дочерью большого московского боярина, князя Петра Буйносова, знатного рода, и венчал ее царицею, однако ж все (дела) шли весьма худо.

Свадьба происходила 27 апреля 1608 года, и она была ознаменована только великими бедствиями и скорбями людей, которых, как это видели, каждый день топили (в Москве).

Эта водяная казнь, столь ужасная, что ее нельзя представить и в мыслях, совершалась в Москве уже два года кряду, и все еще не было конца, и когда весною наступило половодье, то вместе со льдом выносило на равнину трупы людей, наполовину съеденные щуками и (другими) рыбами, которые объели с них мясо, и эти мертвые тела лежали там (по берегам) и гнили тысячами, покрытые раками и червями, точившими их до костей; все это я сам видел в Москве.

И в Москву каждодневно приходили известия о том, что из Польши идет большое войско, а также известия о том, что москвиты повсюду терпят поражения, так что велено было снова привезти в Москву Сандомирского с дочерью-царицею, также всех знатнейших дворян и польских панов, ибо страшились их освобож-

дения, так как враги были повсюду, и их (поляков) держали в Москве под стражею, рассчитывая получить за них большой выкуп.

Сверх того в Москву еще прибыл посол из Польши, который вел себя заносчиво и надменно, и, когда он въезжал в Москву, трубили в трубы весьма громко и также громко ответствовали трубы (во дворе) посла, которого все еще стерегли в Москве, и во дворе (посла) была великая радость, также и у всех пленных поляков.

Посол привез в Москву заносчивые письма, также весьма укорял их (москвитов) за великое бесчестие, нанесенное прежнему (королевскому) послу, также жаловался на разбой, учиненный над королевскими слугами, и того ради король польский принужден по настоянию своих подданных и чинов за это отомстить. Однако москвиты оправдывали себя, насколько это было возможно, и задержали послов в Москве.

И (в это время) пришло в Москву известие о том, что москвиты потерпели большие поражения и повсюду обращены в бегство, и страх снова обуял (всех) в Москве. Но царь многими увещаниями утешил народ, ибо он клялся, что их (всех) перебьют вместе с женами и детьми, если предадутся неприятелю, и, страшась этого, ибо они и были по большей части виновны (в смерти Дмитрия), они (жители Москвы) держались с отвагой.

И неприятель, приближаясь к Москве, наконец, 2 июня подступил к городу вместе со своим царем Дмитрием, как его называли, и (с ним) были многие вельможи из Литвы и Польши, также Вишневецкие, Тышкевичи и все родственники Сандомирского, также великий канцлер Лев Сапега; и обложил кругом Москву и занял все монастыри и деревеньки в окрестностях, также осадил Симонов монастырь. Меж тем Сапега повел войско к Троице, большому укрепленному монастырю, в двенадцати милях от Москвы, по Ярославской дороге, и этот монастырь был весьма сильной (крепостью).

Прежде чем (неприятель) подступил к Москве, москвиты послали молодого боярина Скопина с войском в Новгород для защиты его, а также для того, чтобы дорога из Швеции была свободна (от неприятелей), ибо ожидали шведское войско, которое обещал прислать король Карл; и эти шведские войска должны были под Новгородом соединиться со Скопиным. Также был отозван с острова Буза-

на, из-под Астрахани, Петр Шереметев, чтобы также соединиться со Скопиным и всем вместе освободить Москву. Но это длилось так долго, что едва не пришел конец (всему), ибо против всякого чаяния Москва больше года выдерживала осаду, пока эти освободители подходили к ней и соединялись вместе; неприятель тем временем опустошал всю окрестную страну и занял большую часть укрепленных мест.

В Москве, едва только началась осада, настала великая нужда, и (осажденные) могли держаться благодаря большим запасам монастырей, также многие купцы и другие (жители) заблаговременно бежали из (Москвы), и царь грозил казнью Сандомирскому и всем его людям, обвиняя его в том, что все это произошло по его вине, что и справедливо; так что Сандомирский, страшась смерти, давал диковинные обещания, что он, если его отпустят со всеми людьми, а также (обоих) послов, мирными переговорами положит конец войне, и обещал заключить мир между Польшею и Московиею с тем, что Польше будет дано то, что ей издавна следовало, и его (Сандомирского) вместе со свитою заставил и в том принести клятву, но из этого ничего не вышло, только Сандомирского вместе с его людьми отпустили и дали ему благополучно выехать из Москвы.

Так обстояли дела, как мы поведали, когда Петр Шереметев со своим войском, двинувшись с острова Бузана по Волге, подошел к Саратову, городу на Волге, и зимой пошел в Нижний Новгород, где и расположился зимовать.

Скопин стоял с войском у Новгорода Великого и строго охранял этот город и дороги (к нему), посылая к королю Карлу Шведскому за помощью, и (король) отправил в Новгород через Ливонию войско из шотландцев, французов и шведов, чтобы они соединились со Скопиным.

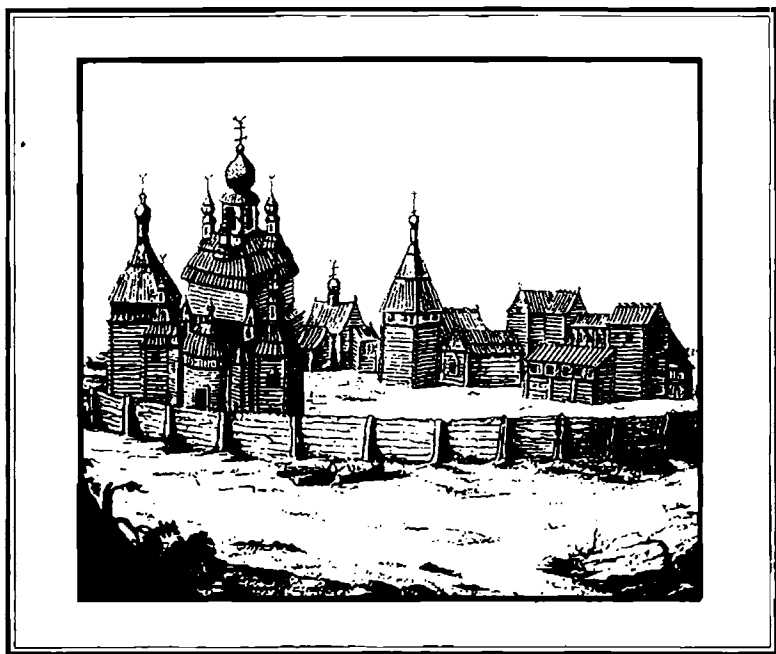
Дмитрий, стоявший под Москвою с большим войском мятежников, как говорили, принялся строить хижины и дома, повелев свозить из окрестных деревень лес, и построил почти (целое) большое предместье, также и Сапега под Троицким монастырем. А некоторые польские пань двинулись на Ярославль и с помощью измены захватили его врасплох, подожгли со всех сторон и вконец разграбили вместе с прекрасным тамошним монастырем, также перебили множество людей, а остальных покорили.

(Ярославль) предал сам воевода, князь Федор Барятинский, и вместе с ним некий монастырский служка, и они дали знать неприятелю, и по взятии города все (жители) присягнули Дмитрию, и (в Ярославле) был поставлен другой воевода, а при нем был также и помянутый Барятинский.

И там, примерно в шести милях от Ярославля, по дороге на Вологду, лежало село Романовское, здесь стояли вологодские ратники, остававшиеся верными Москве, против них из главного стана (мятежников) отправили польского пана с отрядом, чтобы разбить их и тотчас же пойти на Волгу и привести ее на сторону Дмитрия, но Тышкевича самого так побили вологжане, что он едва спасся и бедственным образом пешком добрался до Ярославля. Но отсюда три раза посылали гонцов в Вологду, склоняя (жителей) перейти на сторону Дмитрия, а не то будут истреблены все вместе с женами и детьми, так что и в Вологде присягнули Дмитрию, и так пошло бы по всей стране, когда бы вологжане зимою следующего года снова не перешли (на сторону) Москвы.

Псков также был разорен до основания и совсем выжжен, и вся земля кругом была разграблена и опустошена, и многие богатые

Борисоглебский монастырь

люди перебиты, то же постигло и Новгород, или русскую Нарву, и Нарва так и осталась (разоренной).

Земли Северская и Комарицкая, что на польской стороне, жили в мире и спокойствии. И там пахали, и засевали поля, ни о чем не печалась, предоставив Московию самой себе, также хлеб был дешев во всей земле, исключая осажденные города, где он был весьма дорог. В Москве одна четверть, что составляет менее одного мальтера⁴, стоила двадцать восемь гульденов, а то и более и редко немного меньше, в Вологде за мальтер той же меры платили один гульден, так велика была разница.

Еще во время осады Москвы, в 1609 году, Вологда, как мы о том уже сказали, впервые перешла на сторону (Дмитрия), и там были воевода Никита Михайлович Пушкин и дьяк Роман Макарович Воронов; их отрешили от должности и бесчеловечно и немилосердно обращались с ними, без всякой (с их стороны) вины, и заточили их в темницу (по воле) народа, который всегда злобен и неразумен, держит нос по ветру, невзирая на клятвы, которые они приносили, приносят и будут еще приносить, и ведет жизнь, подобно скотам. И из главного лагеря (мятежников) был прислан туда в Вологду правителем Федор Ильич Нащекин, большой негодяй и низкого происхождения; три дня спустя прибыл на место дьяка Иван Веригин Ковернив, и он намеревался запечатать все купеческие товары, но владельцы не допустили его до этого, и его отстранили, так как ему не хотели повиноваться, ибо он запечатывал товары с намерением конфисковать.

И новый воевода призвал всех (жителей), чтобы они приняли Дмитрия и принесли ему присягу, также этот новый воевода велел привести прежнего воеводу, хотел связать его и грозил отослать в лагерь, бесчестил его и поносил бранными словами, а также некоторых богатых купцов, принесших ему подарки для снискания милости.

В ту же ночь несколько поляков, давно находившихся под стражею в окрестностях Вологды, были освобождены и напали на окрестных крестьян, жестоко поступали с ними и совсем донага ограбили, и явились в Вологду с санями, награбленным добром и намеревались на другой день отправиться к войску. Но крестьяне в ту же ночь пришли в прежалостном виде в Вологду жаловаться на учиненные над ними злодейства и насилия, и, найдя их жалобы справедливыми, (вологжане) весьма раскаивались в том, что перешли

к Дмитрию и присягнули ему, и начали размышлять о своем непостоянстве, и дьяка Воронова, которого они перед тем отрешили от должности, человека старого и доброго, вернули на свое место, и держали все вместе совет, как бы снова перейти (на сторону Москвы) и истребить всех дмитриевцев и поляков. Сверх того они освободили воеводу Пушкина, который находился в заточении, и посадили его на прежнее место, поведав ему о своем намерении, за которое он их похвалил, и обратился к народу с прекрасною речью на пользу себе и москвитам, укоряя их (вологжан) за легкомыслие, говоря, что бог наказывает их и еще более накажет, ежели они не обратятся на путь истинный. Одним словом, преисполненные раскаяния, они (жители) с великим ожесточением устремились из крепости к дому Булгаковых, где пребывал новый воевода, и приставили к нему стражу и захватили силой Нащокина, Веригина и всех поляков и пленных, бывших в Вологде, снесли им головы и вместе с трупами бросили с горы в реку Золотицу, куда сбежались свиньи и собаки и пожирали трупы людей, на что нельзя было смотреть без отвращения. И так они (вологжане) снова перешли на сторону Москвы и поклялись между собою оставаться верными Москве и Московскому царю и стоять за него до последней капли крови.

Когда это известие (о случившемся в Вологде) дошло до Москвы, то это было для москвитов радость, что есть еще люди, готовые стоять с ними заодно, и царь отправил в Вологду дружественную грамоту, в которой благодарил жителей за все, а также особую грамоту воеводе Пушкину, и эти грамоты запекли в хлебе, на тот случай, если гонцы, переодетые бродягами и нищими, будут схвачены, то грамоты не должны достаться (неприятелю). В грамоте к воеводе было написано, чтобы он выбрал несколько человек нидерландских и английских купцов, находящихся там (в Вологде), и послал их в Новгород к военачальнику Скопину, чтобы они помогли ему делом и советом, причем велено было слушать их наравне с вельможами и боярами, ибо москвиты почитают немцев и англичан (как людей) изрядного ума, то царь и полагал, что наш совет может принести пользу. Но мы думали иначе и, не желая нести службы, склонили подарками воеводу к тому, что он задержал (порученную им) грамоту и не объявил о ней, и все иноземцы, бывшие в Вологде, купцы, ведущие в этой стране торговлю, находились все вместе с английскими

купцами в тамошнем Английском доме, столь обширном, как крепость, и вокруг была поставлена сильная стража, (однако) всю зиму они прожили в великом страхе и опасении. И так как (жители) Вологды страшились неприятеля, каждодневно ожидая, что он явится для отмщения, то они держали храбрую стражу; и однажды из засады отважно напали на неприятеля и обратили его в бегство и воротились домой с добычею. И (тогда) велено было английским и нидерландским купцам переселиться в Кремль, где отвели им большой покой, в коем, как в крепости, были двойные железные двери и окна, чему они (эти купцы) были весьма рады, и содержали там также днем и ночью крепкую стражу, и они стали менее опасаться. Но потом до нас дошли слухи, что в польском войске говорили, что надобно разорить до основания Вологду за то, что она так постыдно отложила от Дмитрия, и повинны в том не кто иные, как английские и нидерландские купцы, бывшие им (вологжанам) советчиками, и что до них доберутся, отчего страх вновь обуял нас, и мы каждый день ожидали смерти. Однако, (находясь) в такой крайней нужде, (мы) написали письма в доказательство нашей невиновности, одно по-латыни, другое по-немецки и третье по-русски, чтобы в случае прихода поляков или дмитриевцев послать им наперед эти письма, чтобы таким образом оправдать себя и сохранить жизнь.

Но до этого не дошло, ибо около Пасхи также и Ярославль отложился от Дмитрия, и весь путь от Ярославля до Белого моря совершенно очистился, так что все купцы тотчас же по вскрытии рек с великой радостью отправились к морю и в Архангельск и здесь нашли свои корабли, (прибывшие) из Англии и Голландии, которых они уже не чаяли больше видеть. Невзирая на великие убытки, которые мы понесли, так как не могли вести (надлежащим образом) торговли и не имели возможности дожидаться купцов из глубины страны, так что корабли по большей части возвращались порожними, мы благодарили Бога за сохранение своей жизни.

Таковы обстоятельства, по которым я мог правдиво описать то, что здесь изложено. Итак, когда мы отправились морем на нашу родину, мы оставили страну, полную войн и бедствий, также Москва была в осаде, а Ярославль снова стал (на сторону) московитов, и в нем были поставлены правителями князь Сила Иванович Гагарин и Никита Васильевич Буслаев.

И молодой Скопин стоял еще под Новгородом, ожидая (прихода войска) на помощь из Швеции, и оно подошло по весне, также ожидая Петра Шереметева, выступившего зимой в поход с острова Бузана и пришедшего после поражения черемисских татар в Нижний Новгород. Оттуда Скопин со всеми силами (по соединении с шведами и Шереметевым) намеревался освободить Москву; и, соединившись с ним летом, он мало-помалу стал подступать к Москве.

Казанские татары оставались непричастными.

Астрахань у Каспийского моря, защищавшаяся от вольных казачков, грабивших окрестности, тоже оставалась непричастной.

Ногайские и черемисские татары вместе с мордвою появились зимою около Чебоксар и Свияжска, на реке Волге, и сражались против Шереметева, а когда он ушел, воевали между собою.

Приверженцам Дмитрия принадлежала вся страна от польской и татарской границ до Москвы, также Псков и Новгород.

Смоленск с окрестностями был на стороне Москвы.

Также все земли от Москвы до Белого моря были московскими и стояли за Москву, каждодневно посылали москвитам в помощь деньги и людей, и в таком состоянии оставили мы (Московию), как о том сказано. Но когда мы возвращались морем домой, то мы получили известие, что Москва освобождена Скопиным и Петром Шереметевым с помощью шведов и что шведы сильно преследовали неприятеля. И пока шведы преследовали, то москвиты, бывшие под начальством Скопина, так прельстились добычею, что дочиста разграбили лагерь дмитриевцев. И преследовавшие неприятеля (шведы), увидев это, прекратив преследование, напали на московских ратников, и меж ними произошла жестокая сеча. Однако полагают, что все окончилось благополучно и Москву освободили. Дай Бог, чтобы это было справедливо, ибо по многим причинам, которые понятны разумным людям, было бы худо, когда поляки завоевали эту страну, ибо, завладев этой страной, они снова посадили бы на престол какого-нибудь царя Дмитрия и не продержались бы там и одного года, ибо москвиты и русские еще более своевольны и упрямы, чем евреи, и снова перебили бы всех (поляков), а Московия лишилась бы людей и была бы совершенно разорена, от чего всемогущий Бог да хранит ее.

Примечания

¹ Печатается по: *Исаак Масса*. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С. 157–180.

² Здесь и далее текст в скобках принадлежит переводчику.

³ «Gaudeamus...» (будем радоваться — лат.) — начало старинного студенческого гимна.

⁴ Мальтер — мера сыпучих тел, имевшая в Европе в разных странах различную величину, но примерно равная русской четверти, т. е. 4 пудам, или 64 кг.

ПЕТР ПЕТРЕЙ ДЕ ЕРЛЕЗУНДА ИСТОРИЯ О ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ МОСКОВСКОМ¹

Великий Князь послал войско под Серпухов, занял его и потом отправился в поход сам, с намерением осадить Тулу, потому что там были зачинщики и коноводы этой смуты и бунта, как, например, Григорий Шаховской, Петр Федорович, Иван Болотников и наместник Телятевский. Но прежде, нежели Великий Князь подошел к городу и мог осадить его, все они двинулись навстречу ему, жестоко схватились с ним и скоро побили бы москвитян, если бы один из их полковников не предался Великому Князю с 4000-ми человек; на всех других напал такой страх, что они оставили поле сражения, вернулись опять в Тулу и укрепили ее. Но Великий Князь жестоко осадил и стеснил их со всех сторон и всем своим войском: никому не было ни входа, ни выхода, но все же он не мог принудить осажденных к сдаче города: они оборонялись храбро. Шуйский ничего не

мог сделать ни пальбой, ни приступами, ни голодом. Они ели собак, кошек, падали на улицах, лошадей, свои мокроты, воловьей кожи: виспель² соли стоил полталера, виспель ржи 100 гульденов; о пиве никто не смел и думать, много приняли муки и перенесли голода. Чернь была очень недовольна и бунтовала против вождей, Шаховского и Болотникова: говорили, что они лгут, хотели уже схватить их и выдать Великому Князю, потому что видели: никакой Дмитрий не являлся к ним на выручку освободить их от неприятеля. Болотников вышел к народу и говорил: «Когда возвращался я из Италии, в Польше велел позвать меня к себе один молодой человек, около 28 лет от роду, и сказал, что он истинный Дмитрий, убежавший во время Московского возмущения. Он взял с меня присягу на верную службу ему: я и буду служить ему, пока жив. Истинный ли он, нет ли, — это не могу знать, потому что он незнаком мне и я не видал всех его подробностей. Однако ж пошлю еще гонца, чтобы он постарательнее разведal, что сделалось с тем Господином, который виделся со мною в Польше и взял с меня присягу, придет ли он, или нет?»

Народ остался доволен этим ответом. Но посланный дошел не дальше города Стародуба, не осмелился заходить далеко и ждал, чем кончатся эти дела.

Так как этот гонец долго не возвращался и не приносил никакого ответа, то жители подумали, что на него напали и убили его неприятели: они посоветовались между собою и отправили другого гонца. Этот переплыл реку, прибыл в Польшу и там разливался в сетованиях о крайней нужде и опасном положении туляков; ему был дан приказ от полководца, что если не найдется никакого Дмитрия и никто из друзей и родных князя Сandomирского не отважится ни на что для их выручки, то он, посол, должен после того передать Королю все города и крепости, занятые ими на имя Дмитрия, только бы не доставались они москвитянам.

Когда гонец этот прибыл в Польшу, друзья и родные Сandomирского князя начали хлопотать, как бы достать и поставить на ноги нового Дмитрия. Сначала было очень трудно и опасно отыскать такого, который захотел бы так попроказничать. Наконец, в Белоруссии, в городе Соколе, отыскивали хитрого, продувного плута,

который несколько времени был учителем и мог бойко говорить и читать по-русски. Его называли Дмитрием и рассказали ему все предшествовавшие происшествия, случившиеся с этими Дмитриями в России. Он тотчас их выразумел, принял титул и имя и пошел в Путивль с одним польским полковником Меховецким. Его признали там за Дмитрия и приняли с большою радостью.

Оттуда он отправился в Северское княжество и прибыл сам третей в Стародуб, но не выдавал себя Дмитрием, убитым в Москве Великим Князем, а назывался Нагим, одним из друзей его, и говорил, что Дмитрий недалеко: он едет с господином Меховецким и несколькими тысячами конников и воинов; пусть же они будут рады ему, а в нем найдут очень милостивого Государя, который пожалует их прекрасными льготами за то, что вели себя так честно и верно.

Но как полковник Меховецкий замедлил несколькими днями долее, нежели полагали жители, им стало досадно, что этот Нагой дурачит их и смеется над ними, схватили его с товарищами, повели всех поочередно на пытку, положили одного по имени Алексей на пытальную лавку и начали славно хлестать его по спине розгами до крови; они не хотели перестать, пока не скажет, где Великий Князь Дмитрий, в живых ли он и где находится? Он кричал и просил, чтобы перестали, что он скажет, где Дмитрий, и начал так: «Ах вы, дурачье! Смеете ли вы меня так мучить и пытать из-за вашего Государя Великого Князя, разве не узнаете его? Вот он стоит, посмотрите, как вы его отделали! Тот-то и есть Великий Князь Дмитрий, что выдавал себя за Нагого. Он в ваших руках, если хотите его погубить вместе с нами, то можете сделать это. Он не объявлял себя потому, что хотел сначала узнать, обрадуетесь ли его приходу».

Услыхав это, все они поклонились Нагому в землю, целовали его ноги и сказали: «Милостивейший Государь! Вины, мы дурно обошлись с тобой; прости нас, Государь, отпусти нам этот жестокий грех: будем жить и умрем за тебя». Они повели его с большим почетом и уважением в прекрасную комнату, и таким образом в Стародубе признали его в другой раз за убитого в Москве Дмитрия.

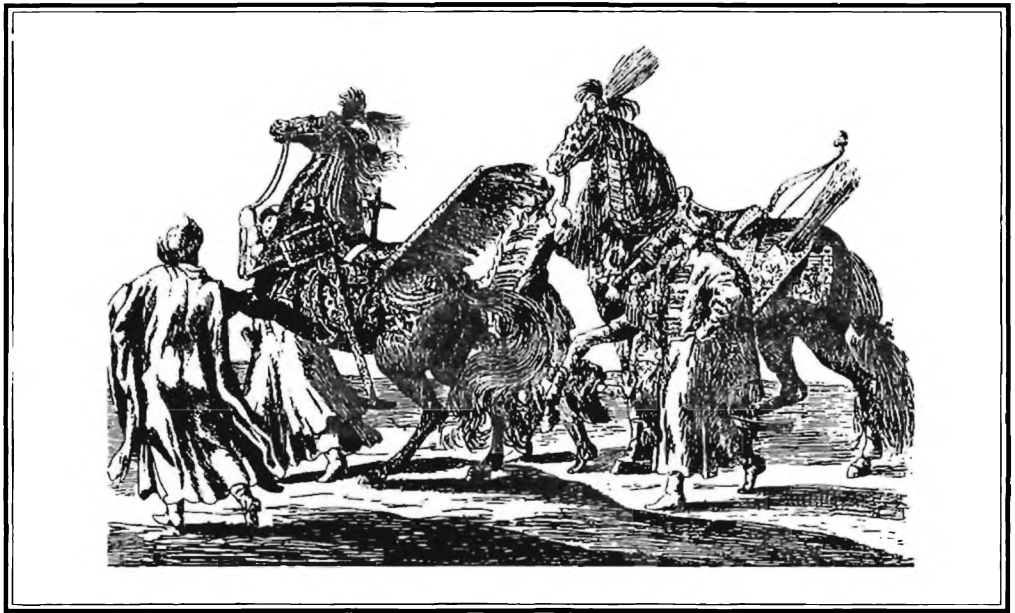
Лишь только что узнал о том посланный из Тулы, проживавший в этом городе, он запрыгал и чрезвычайно обрадовался его приходу, пошел к нему, подал письма на его имя из Тулы, однако ж тотчас

же заметил, что это не прежний, которого убили в Москве, а другой.

Но как этот посол был поляк, то и засвидетельствовал ему особенное почтение своего Господина, хоть и не видал его во всю жизнь ни разу. Увидав это, народ еще больше утвердился в своем мнении, что он настоящий и подлинный Дмитрий. В этот же день прибыл и Меховецкий с несколькими ротами всадников. Ажедмитрий велел ему идти в город Козельск и освободить его: он сам скоро пойдет за ним на выручку Тулы и Калуги.

Этот вновь принятый Дмитрий, по числу третий, прежде чем ему отправиться дальше в страну, еще лучше хотел испытать русских в Стародубе и велел одному поляку, по имени Иван Заруцкий, выехать за городские ворота с копьем, а сам он тоже выедет вслед за поляком для примерного сражения с ним. Когда же народ соберется толпою и будет смотреть, Заруцкий должен броситься на него с копьем и

немного дотронуться до него: он свалится, как будто сбитый с лошади, а поляк поедет к себе на квартиру и спрячется там. Если народ затеет что-нибудь недоброе с ним, то Ажедмитрий увидит, что он верен и предан ему, а поляку не будет никакого вреда.

Уговорившись так, они выехали на место и сразились. Заруцкий бросился на Дмитрия, этот свалился с лошади и прикинулся

полумертвым. Народ закричал в один голос, что надобно схватить изменника. Взяли его, славно отделили плетью, стащили с лошади, привели связанного к своему Государю Дмитрию и спрашивали, как им казнить его? Услыхав, что Заруцкому досталось порядком, Дмитрий засмеялся и сказал: «Спасибо всем вам, верным моим подданным, за то, что я в другой раз узнал ваше прямодушие со мною, за то, что вы мне преданны и верны: я совершенно невредим, хотел только испытать вас и сам велел так поступить Заруцкому». Они дивились его находчивости и благоразумию, а Заруцкий принял побои себе на здоровье.

Выручив приверженцев Ажедмитрия в Козельске, отбив и прогнав от него москвитян, Меховецкий поджидал прихода Самозванца с войском; этот уже выступил и хотел выручать Тулу и Калугу, но Меховецкий узнал, что три города, Болхов, Белый и Лихвин, передались Великому Князю и скоро взяли бы головою этого мнимого Дмитрия, если бы он не отступил и не остался на зиму в Стародубе. Благодаря случаю этого отпадения городов начальствующие в Туле были покинуты совсем: Великий Князь велел запрудить текущую городом реку Упу, от чего вода разлилась так сильно, что жители должны были ездить друг к другу на челноках и лодках; от голода и от воды они принуждены сдатьсь и договариваться о пощаде с Великим Князем на том условии, чтобы он пощадил их жизнь и помиловал их, а не то все они будут держаться до тех пор, пока им нечего будет есть, кроме крыс и мышей, и пока не поедят друг друга. Великий Князь очень дивился тому и сказал: «Хотя я и поклялся не давать никакой пощады некоторым лицам в Туле, однако ж, видимо, надо оставить гнев и немилость, помиловать их и даровать им жизнь, за честную их стойкость и храбрость, потому что они так верны были присяге Дмитрию, вору и изменнику. Если бы они захотели так же верно служить и мне, как служили ему». Он целовал крест на том, чтобы помиловать всех их: это было в день Симона и Иуды, в 1607 году.

Когда таким образом уговорились и условились, выехал из города Болотников, вошел в палатку Великого Князя, стал на колени, припал лицом к земле и сказал: «Я верно сдержал клятву, которую дал в Польше одному Господину, называвшему себя Дмитрием, родным

сыном Ивана Васильевича. Подлинно ли он такой или нет — не могу знать, я не видал его никогда в прежней моей жизни, однако ж он бросил меня, и теперь я в твоих руках: коли хочешь — убей меня, со мною для того и сабля! А если пощадишь мою жизнь и помилуешь меня, я буду так же верно служить тебе, как служил ему».

Великий Князь велел ему встать и сказал, что сдержит все, что обещал и в чем поклялся. Но он сдержал клятву, как собака держит пост, как водится у всех москвитян. Только что приехав в Москву, он велел Петра Федоровича повесить, а Болотникова посадить в тюрьму, где он и умер жалкою голодною смертью, а 52 иностранца, служившие в Туле, сосланы были в Сибирь.

Взяв город Тулу, Великий Князь распустил по домам свое войско, кроме того, которое стояло под Калугой. К нему отправил он одного знатного боярина, бывшего также и при осаде Тулы. Ему было приказано вести переговоры с калужанами о сдаче города: если сдадутся добром, Великий Князь дарует всем им жизнь и окажет такое же благоволение и милость, как и жителям Тулы. Но они отвечали, что совсем не намерены сдаваться: хотя Государь их и удалился от них из-за крамолы и мятежа, однако он не станет мешкать и вернется довольно скоро. С этим Государем они и напали на стан Великого Князя и причинили много вреда его людям. Это привело в сильную досаду Великого Князя: он послал в стан на выручку несколько тысяч свежего войска, в котором было 4000 казаков, прежде служивших у Болотникова и потом взятых в плен. Когда освободили их, они клялись служить Великому Князю, а он дал им денег, платье, ружья и брони.

Когда казаки прибыли с москвитянами в Калужский стан, между ними вышло несогласие. Казаки начали бунтовать, москвитяне очень испугались того, убежали ночью в Москву и бросили все, что было у них в стане. Узнав о том, казаки утром двинулись к городу, хотели, чтобы их впустили туда, потому что они люди одного с жителями Государя, рассказывали, как ночью прогнали москвитян, которые все бежали, оставив после себя много продовольствия, пушек и несколько бочек пороху: пусть жители все это и унесут в город.

Но наместник сначала не хотел им верить и не велел никого пускать в город. Казаки перешли реку Оку и говорили, что пойдут

искать своего Государя. Увидев это, калужане послали в стан людей, которые нашли все так, как рассказывали казаки, догнали этих, приказывали им вернуться к городу, однако ж казаки не слушались, зачем им прежде запрещали и отказывали, послали только с сотню из своих в город, чтобы они закупили там, что нужно, и потом ехали за товарищами. Все, что ни нашли в стане, калужане стащили в город и снова поклялись жить для Дмитрия и умереть за него.

После того как Великому Князю не повезло под Калугой, он опять собрался с силами на истребление и изгнание ложного и самодельного Дмитрия. Самозванец, по порядку их третий, послал набирать войско в Польшу. Оттуда пришел воевода Киевский Адам Вишневецкий с 2000 конницы и Роман Рожинский с 4000; под городом Орлом они соединились с Меховецким и Дмитрием; по согласию всего войска Рожинского сделали главным вождем и пошли вооруженною силой под город Брянск. Начальником там был ливонец, по имени Ганс Берг. Он тотчас же передался Дмитрию и сдал ему город без всякого приступа и сопротивления.

Около этого времени высокопочтенный Шведский Король, блаженной памяти Карл Девятый, узнал, какие замыслы были у поляков и папистов с их вымышленным Дмитрием и что они собирают сильное войско на гибель и покорение России. В 1608 году он отправил в Москву к Великому Князю Василию Шуйскому меня, Петра Петрея, с приказанием предостеречь его, как следует верному соседу, и дать ему знать, что Королю известно, что папа со всею лигою и поляками поднимает на помощь себе разные народы, чтобы заводить всякие смуты и войны, завоевать всю Москву (т. е. Россию) и привести ее в покорность и подданство себе, что уже взято несколько городов на имя Лжедмитрия и причинено много вреда грабежом, мечом и огнем. Это было очень прискорбно его величеству, чтобы остановить и предупредить это заранее, пока неприятели не ворвались еще дальше в страну. Его королевское величество, как добросердечный и верный сосед Великого Князя и всего Русского Великого Княжества, желает прийти к нему на помощь с несколькими тысячами своей и иноземной пехоты и конницы.

Великий Князь и его бояре не обратили никакого внимания на это предложение и дружеское предостережение Короля, пренебрегли

им, думали, что у них достанет сил справиться с поляками и что отпавшие русские и даже преданные полякам города отложатся от них, по примеру трех вышеназванных городов, особливо после того, как Великий Князь завоевал город Тулу. Однако ж он обманывался в том и испытал совсем другое с потерей земли, людей и своего собственного счастья, о чем мы расскажем после, потому что поляки подавались все дальше в страну со своим Ажедмитрием и брали город за городом.

Теперь по всей России разнеслась молва, что поляки вторгнулись в эту страну в числе многих тысяч: это навело великий страх на москвитян, и многие заключили из того, что Самозванец, должно быть, настоящий Дмитрий, убитый и сожженный в Москве. От того же передалось ему много русских дворян и иностранцев, которых он тотчас одарил крестьянами и деревнями, гораздо лучше их прежних поместьев, чтобы они не имели причин бежать от него, хотя бы видели и знали, что он не истинный Дмитрий, а другой.

Этот Дмитрий Третий велел по всем городам разглашать, чтобы, где есть бояре и дворяне у Великого Князя, владевшие поместьями, холопы и слуги их, приходили бы к нему и присягали на верную службу, за что он наградит их поместьями; если же у дворян в деревнях были жены и дочери, рабы могли их взять за себя замуж, владеть деревнями и служить ему. Благодаря тому он набрал себе много людей, разбегавшихся от господ во все стороны, и таким образом крепостные холопы стали боярами и дворянами, сильными и богатыми, а дворяне сделались бедняками и нищими и должны были помирать в Москве с голода.

Во время такого счастья и успехов Дмитрия Великий Князь послал к нему навстречу многочисленное войско, чтобы не дать ему проникнуть еще дальше в страну. На половине дороги Дмитрий со своими людьми встретил его, и бились жестоко друг с другом. Поляки всегда брали верх и все побивали людей Великого Князя: оттого русские и оробели. В войске русском один молодой ротмистр из Курляндии, по имени Бертил Ламбсдорф, тайно условился со своими начальниками, и все они послали тайком посла к Дмитрию с предложением своих верноподданнических услуг: пусть он идет вперед, они передадутся ему с развернутыми знаменами при первом его наступлении.

Приблизившись друг к другу, оба войска начали бой. Дмитрий положился на тайный уговор с ним Ламбсдорфа и велел щадить немцев и нападать на одних москвитян. Русский полководец заметил это и велел Ламбсдорфу ударить на неприятеля. Конные воины не знали о замысле своего ротмистра, а ротмистр в хмелю не вспомнил о том, и немцы, напав на поляков, убили у них 400 человек. Это жестоко раздосадовало Дмитрия и его полководцев: они до того рассердились и разозлились, что, наверное, повесили бы немецких послов от Ламбсдорфа, если бы те не ушли. Дмитрий приказал всему своему войску не щадить больше немцев, если они попадутся. Тогда поляки и казаки с таким остервенением напали на москвитян и немцев, что первые должны были обратиться в бегство. Ламбсдорф теперь только вспомнил свой тайный уговор, отвел своих конников в сторону и хотел передаться Дмитрию с распущенными знаменами, но это было слишком поздно. Поляки окружили их, убили 300 человек из числа тех, которые остановились и не бежали вместе с москвитянами. Москвитяне же сочли за честных людей этих немцев, как будто они сражались храбро и по-рыцарски на их стороне и положили живот свой за Великого Князя, а между тем они были их злейшие враги и имели на уме всякое зло против своего законного Государя, которому присягали.

Когда москвитяне, полумертвые и дрожащие от страха, прибежали в Москву и стали говорить о понесенном поражении, что столько-то тысяч их убито и обращено в бегство, весь город пришел в ужас. Несколько дней не знали, что начать делать, и в самом деле передались бы Дмитрию, если бы он подвинулся ближе со своим войском.

Народ стал уже поговаривать и советоваться между собою, толковали, что если бы он был не истинный Дмитрий, то дворяне, которые отправились к нему с повинною, вернулись бы назад, особливо большие бояре и дворяне, бывшие виновниками совершенных в Москве убийств. Они подбили бы народ к мятежу и измене, умертвили бы людей Самозванца, выгнали бы его самого. Ничего такого народ не слыхал. Один из москвитян заговорил так: будто бы он слышал, что Дмитрий такой умный и прозорливый, что с первого взгляда узнает, кто виноват и кто нет. Какой-то мясник

перепугался и сказал: «Беда моя! Я не посмею явиться пред его ясные очи, потому что вот этим ножом я зарезал пятерых его слуг». Тогда все стали отчаиваться и бояться за него.

После этого бегства москвитян из-под Калуги Дмитрий со всем войском подвинулся ближе к Москве и высматривал, где бы удобнее начать осаду. В то же время на помощь ему пришел один знатный литовский боярин, по имени Иоанн Сапега, с 7000 конников. Великий Князь послал войско с одним знатным боярином из своих друзей, по имени Михайло Скопин; он поставил своих воинов в обозе, и пока они находились под этим прикрытием, полякам нечего было взять у них, хотя им и хотелось подраться с москвитянами, однако же не удавалось до самой ночи на Святого Иоанна. Тогда поляки нечаянно нагрянули на них, разбудили их, и многие из москвитян остались лежать, но уже не вставали.

Великий Князь велел привезти на стены пушки в ожидании нападения поляков и, если бы в то время они отважились на это, то, без сомнения, овладели бы городом. Но Дмитрий не позволял того, все думая, что город сдастся, не хотел разорять или сжигать его. Сколько раз поляки ни принимались за это, он все удерживал их ласковыми словами и говорил, что если разорит столицу и сожжет все ее богатства, чем будет заплатить войску? Поляки и остановились. Однако ж для него лучше бы было разорить и разрушить один город, нежели жечь и опустошать всю страну, потому что страна скоро бы выстроила такой город, а Москва одна не могла построить других городов, крепостей и деревень, разрушенных и разоренных со всею страню.

29 июня 1608 года Дмитрий расположился в миле от города Москвы на реке того же имени и оставался там до 29 декабря 1609 года. У них бывали частые схватки, и с обеих сторон пало много храбрых людей. Меж тем Великий Князь велел привезти в Москву пленных поляков, воеводу Сандомирского, дочь его, Марину Юрьевну, и племянника их, Стадницкого, со всеми другими поляками, содержащимися в Ростове и Ярославле, чтобы поляки не делали больше вторжений в страну к ее разорению и для освобождения своих земляков.

Но как Дмитрий с таким множеством народа держал Москву в суровой осаде и жестоко стеснял ее, заградил все дороги и добивался освобождения пленных поляков и Великой Княгини. Великий Князь согласился со своим Советом, отпустил всех пленников и отослал их в Польский стан, полагая, что поляки отступят с ними и снимут осаду. Этого, однако ж, не случилось; они продолжали осаду еще усерднее и суровее прежнего.

Когда прибыли в стан пленные поляки, все войско, а особливо Дмитрий, были очень довольны и веселы. Велено палить из всех пушек, поставлено несколько палаток, так, чтобы можно было ходить из них друг к другу, напоследок покончили дело на том, чтобы воевода отправился в Польшу, а дочь его осталась в стане у Дмитрия (ее мнимого мужа) с условием, чтобы он не касался ее до тех пор, пока не завоюет всей страны и не сядет на Московском престоле.

Когда порешили все это, Ажедмитрий встретил на одном месте Великую Княгиню в виду всего стана, со слезами живейшей радости они поздоровались. Эта веселая и забавная сцена ослепила много зорких глаз. Марина перед всем народом оказала ему все приличные почести и уважение, как своему любезному Государю и мужу, целовала, ласкала его, он ее также. По всей земле пошла молва, все толковали и судили, что он истинный Дмитрий, и поэтому много дворян из всех мест перешло к нему в стан.

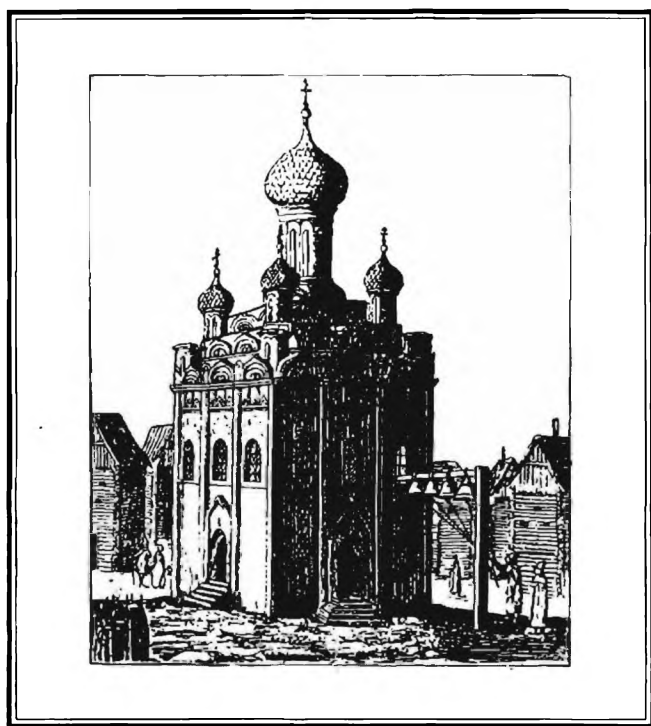
Как скоро узнал о том Великий Князь и увидел, что ему нет счастья в его народе, он забыл своего Бога, по пословице тех безбожных людей, которые говорят так: «*Flectere si nequeo superos, Acheronta movebo*»¹, и собрал со всей земли колдунов и колдуний, чтобы, чего не мог сделать один колдун, умел сделать другой. Для употребления этих чертовых детей при их чарах и ворожбе он велел разрезать многих брюхатых женщин и достать плод из их тела, застрелить нескольких здоровых и резвых коней и вынуть у них сердце. Колдуны добились того, что, когда клали и закапывали эти снадобья, получал поверхность Великий Князь, а когда не было того, одолевали поляки.

Многие большие бояре бежали из Москвы к Дмитрию, и в числе их князь Василий Мосальский, который еще прежде с 25 000 рублей перешел от Великого Князя Бориса Годунова к Ажедмитрию Первому

и остался его маршалком, а по убиении Самозванца Великий Князь Шуйский поставил его наместником в крепости Кексгольме, там пробыл он не больше года до перевода своего в Москву. Оттого-то он опять и перебежал от Шуйского к Лжедмитрию Второму и провел у него несколько дней. Но, узнав на самом деле, что это не тот Дмитрий, которого полагали, а новый вор, обманщик и изменник, Мосальский опять бежал к Великому Князю с несколькими русскими боярами и дворянами, созвал народ и говорил гласно, что это не Дмитрий, которого они убили, а другой. Тогда москвитяне в первый раз стали все как один человек и оборонялись от нового Лжедмитрия и поляков до последней возможности.

Великий Князь был в большом беспокойстве со своими приверженцами, будучи сильно тесним Лжедмитрием Вторым и поляками и ниоткуда не надеясь для себя помощи: они держали между собою совет, как бы избавиться от осады? Великий Князь отправил из Москвы своего родственника, племянника Михаила Скопина, собирать войско в Новгороде, сверх того посланника к Пресветлейшему,

Успенский собор в Москве

Державному, Высокородному Князю и Государю, блаженной и достославной памяти, Карлу Девятому, Королю Шведскому, Готскому, Вендскому и Вейландскому, напомнить ему о старинном союзе, заключенном между Россией и Швецией в Тявзине в 1595 году, и чтобы он благоволил прислать Шуйскому несколько пешего и конного войска против его неприятелей, поляков и литовцев, потому что Великий Князь в Москве жестоко осажден и стеснен мнимым Дмитрием и поляками и нигде в другом месте не знает для себя прибежища и пособия.

Его королевское величество мог бы и отказать ему, за то, что прежде, когда доведен был до крайности, он не принял королевской помощи, да и при таком случае, когда Польский Король обратил свои главные силы на Россию, его королевское величество вел с заметным успехом войну с поляками в Ливонии и вполне мог надеяться обеспечить за собою всю эту область. Но как великодушный и вместе добродетельный и сострадательный Государь, его королевское величество решился, несмотря ни на что, не покидать Великого Князя и русский народ в такой крайней нужде, потому что они со всем смирением искали у него помощи и защиты. Посланники обоих Государей отправились в Выборг, в Финляндию, для переговоров о делах обеих держав. Они договорились между собою на следующих условиях: чтобы вышеупомянутый Король Шведский, Карл Девятый, благоволил помочь Великому Князю 5-ю тысячами конного и пешего войска на жалованье Великого Князя; за то великокняжеские посланники от имени своего Государя обещались правильно платить вспомогательному войску Короля Шведского и на его содержание выдавать шведскому полководцу сполна по 32 000 рублей или по 10 000 талеров в месяц. В том же случае, когда Великий Князь окажется неисправным в уплате, он обязывается выдать двойную сумму за каждый неоплаченный месяц по приходу шведского войска в Москву.

Потом, в признательность и благодарность за оказанную помощь, Великий Князь должен уступить Шведской Короне крепость Кексгольм с принадлежащею к ней областью или страной в вечное наследственное владение по прошествии двух месяцев после прибытия шведского войска на русскую границу. Все это ясно можно видеть в договоре, заключенном и постановленном в Выборге между упол-

номоченными с обеих сторон комиссарами в 1609 году. После расскажем, которая сторона всего вернее сохранила или нарушила заключенный договор.

После этого постановления и Выборгского договора Шведский Король отправил в Россию на помощь и выручку Великому Князю благородного и знатного графа Г. Якова Де ла Гарди, графа Лекко, барона Экгольмского, владельца Киды и Рунсы, государственного советника и рыцаря, в звании главнокомандующего с войском из 5000 хорошо обученных и обмундированных шведских, финских и иностранных воинов, конных и пеших. Это было в то время, когда почти вся Россия передалась Ажедмитрию отчасти по принуждению, отчасти добровольно. Самозванец с польским и литовским войском из русских, литовцев и поляков привел Великого Князя в такое крайнее и трудное положение, что он едва в силах был с нуждою защищаться и удерживать город Москву.

Всякий разумный человек легко рассудит, каких бесчисленных расходов стоило Шведскому Королю набрать такое войско и содержать его до выступления его в Россию и значительный убыток для Королевской земли, по которой оно должно было проходить до 100 миль. Не говорим уже не только о явных выгодах, которые, как заметили мы выше, были чрез это утрачены для Короля, но и о потере крепости Парнова (Пернова) со значительным числом находившихся там пушек и разных военных снарядов, а это большей частью произошло оттого, что Король должен был помогать русским и вывел свои войска из Ливонии.

Только что королевское войско выступило в поход, как уже, благодаря одним слухам о нем и страху его оружия, сдались Великому Князю крепости Кексгольм и Нотебург, до этого времени державшие сторону Ажедмитрия. Без сомнения, и крепости Копорье, Ям, Гдов и другие принуждены бы были передаться Великому Князю, если бы племянник его, Михаил Васильевич Скопин, не счел неудобным тратить на это время, но настоятельно просил и убеждал спешить на выручку Великого Князя и освободить его от осады.

Когда полководец, граф Яков Де ла Гарди, прибыл со шведским войском в Новгородскую область, город Порхов тоже последовал примеру Кексгольма и Нотебурга и сдался Великому Князю. Поляки,

под начальством Корнезетцкого стоявшие, в числе 2000, в Старой Русе, узнав о приходе шведского войска, пришли в такой страх и отчаяние, что поспешно очистили город и ушли оттуда. Граф Де ла Гарди послал следом за ними фельдмаршала Эберта Горна из Канкаса с сотней воинов, этот очень усердно преследовал поляков днем и ночью, наконец настиг их в Каменске, с Божией помощью совершенно разбил, и сам начальник их едва избежал смерти. Так город Старая Руса и весь его округ приведены были в покорность Великому Князю.

После того полководец послал Эберта Горна с некоторым числом войска в Торжок, где находился польский полковник Зборовский с 3000 человек, хотя Горн не имел никаких других приказаний от полководца, кроме того, чтобы разведать о позиции и силах неприятеля, пока не подойдет сам Де ла Гарди со всем войском. Однако ж он, застав неприятеля на поле близ Торжка, храбро напал на него, разбил и обратил его в бегство. Зборовский должен был с великим позором бежать в большой стан. Так и Торжок освобожден от осады. За это Ажедмитрий был очень недоволен немцами, начал смеяться над ними и бранить их за то, что поляки попали в такой просак и были застигнуты врасплох шведами.

Дмитрий видел, что шведский полководец близко, войско его потерпело большое поражение, а москвитяне ободрились, видя, что ему нечего взять у них, и не хотели сдаваться. Он послал Яна Сапегу осаждать Троицкий монастырь и не давать ничего привозить в Москву из прочих мест. Сапега столько же сделал с монастырем, сколько Ажедмитрий под Москвой. Но как он причинял везде много вреда стране, занял и загородил все дороги и проходы, то Великий Князь послал из Москвы 30 000 воинов, все конников, и дал им в начальники своего брата, Ивана Ивановича Шуйского, который должен был задать полякам пир под Троицей. В двух милях от монастыря встретился им Сапега с войском: они бились храбро, поляки начали уже трусить и два раза обращались в бегство.

Наконец Сапега собрался с духом и сказал своему подчиненному войску: «Любезные братья и земляки! Если мы будем все бежать, нас перебьют и никто не избегнет смерти. Польша так далеко отсюда, станем же лучше сражаться по-рыцарски, чем бежать и давать себя бить, как трусливых непотребных женщин. Пусть каждый

постарается, сколько сил хватит, а я буду первым и передовым вашим в любви к славе, доблести и чести. Следуйте за мною! Бог наверное отдаст неприятеля в наши руки». Они напали с такой силой и бешенством на москвитян, что перебили их несколько тысяч, других же прогнали в Москву. Такой урон в людях до того лишил бодрости и обессилил Великого Князя, что он уж больше не осмеливался выходить в поле без шведского войска, оставил в покое и Сапегу до тех пор, пока не прибыл шведский полководец и не прогнал от монастыря поляка.

Находясь теперь в мирном и спокойном положении под монастырем, Сапега послал несколько рот поляков и казаков для разведывания: нельзя ли привести каких-нибудь городов к присяге Ажедмитрию? Это и посчастливилось ему: два города, Переяславль и Ростов, присягнули в верности и преданности Самозванцу. Однако ж Ростов хотел было потом изменить, но ему плохо пришлось за это: весь город был вырезан и сожжен. Поляки получили превосходную добычу в его монастырях и церквях в золоте и серебре, драгоценных камнях и жемчуге, поснимали с икон все их серебряные ризы, а со Святого Леонтия, лежавшего в серебряной раке, золотую в 300 фунтов весом, изрубили эти ризы топорами в куски и разделили между собою. Митрополита отвели пленником под Москву к Дмитрию, который принял его милостиво и сделал своим патриархом. Говорили, что в посохе митрополита был рубин, стоивший 20 000 гульденов и подаренный им Дмитрию. С этого города взял себе пример богатый торговый и промышленный город Ярославль и сдался Дмитрию на таких условиях, чтобы гражданам было оставлено их судопроизводство, поляки не тревожили бы их и не позорили их жен и детей. Они будут верны и преданны Ажедмитрию и сделают для него все возможное; послали в стан к нему 30 000 рублей золотом и желали себе начальника, который управлял бы ими и оборонял их от поляков. Дмитрий дал им в начальники Лоренца Бюгге, шведа, родом из области Гельзингеланда, который больше 30 лет жил в России и приведен был в Москву пленником из Ливонии при тиране Иване Васильевиче. Этот капитан пришел в Ярославль с 1000 конных воинов, граждане долгое время снабжали их лошадьми, пищею и питьем, сеном, овсом и всем нужным.

Города Кострома, Галич, Вологда тоже присягнули на верность Лжедмитрию и долго бы оставались верны присяге, если бы не подбил и не взбунтовал их один переkreщенец, по имени Даниил Эйлов, тамошний житель, имевший на откуп соляную торговлю. Он говорил им, что они не обязаны хранить присягу, потому что он доподлинно узнал, что этот вор и обманщик, выдающий себя за истинного Димитрия, совсем не тот, что венчан на царство в Москве, а другой; говорил также, что собрал в своих поместьях 200 человек с копьями и луками, чтобы заставить поляков поскорее убраться от них. Это длилось, однако ж, недолго: поляки проводили о том, навестили Эйлова, перебили его 200 человек, а самого с детьми взяли в плен, и он должен был выкупать себя за 600 талеров. Тогда же явился туда и один польский ротмистр, Александр Лисовский, с 5 тысячами казаков и 600 конных воинов, перебил несколько тысяч русских, разъезжал по всем сторонам в области, куда только ему было угодно, дочиста разорял и опустошал все и не переставал это делать до тех пор, пока не добрался до городов Галича и Костромы, сжег их и отступил с огромной и богатой добычей.

При таком весьма бедственном состоянии всей страны двинулся из Литвы и Польский король, Сигизмунд, с 20 000 войска к Смоленску и требовал себе этот город, как старинную собственность Польской Короны. Но жители не знали, что дать ему, кроме пороха и свинца. Он стоял под Смоленском два с половиной года, пока совсем не овладел им: на приступах и в стычках потерял много храбрых воинов, которых в одном полку едва осталось и ушло оттуда только 400. Впрочем, если бы в городе не открылось опасной болезни, жители оборонялись бы гораздо дольше. Но что было делать 3 или 4 сотням больных воинов в таком обширном городе против такого множества людей за его стенами? Жители должны были уступить и отдать себя на резню, подобно овцам, смерти избежал один наместник с сыном, которых взяли в плен и увели в Польшу.

В то время как Польский Король держал в такой крепкой осаде Смоленск, Великий Князь Василий Иванович Шуйский отправил к нему из Москвы гонца с таким письмом, что уступит ему всю Россию, только бы он пришел и пособил ему отбить и прогнать вора и изменника, выдававшего себя за Дмитрия. Король смолчал на это, не дал

никакого ответа, удержал гонца у себя. В досаде на то Великий Князь отправил другого гонца к начальнику Смоленска, но этот гонец был схвачен польским сторожевым отрядом: у него найдены письма от Великого Князя к начальнику Смоленска, убеждая его «держаться и защищаться от Короля смело и храбро, что Великий Князь склонил ласковыми словами Короля Сигизмунда помочь ему смирить и одолеть Дмитрия, а когда это исполнится, он то сделает с Королем и его плешивыми головами, что немного их уйдет из России». Когда донесли о том Королю, он тотчас же заметил, что это плутовство и коварство, дивился лукавству и обманчивости русских, а обоих послов, как присланного к нему, так и другого, к начальнику Смоленска, велел бросить в реку и утопить, сказав при этом: «Нельзя верить ни одному москвитянину. Если будет на то воля Божия и я найду время и случай, достанется же от меня плутоватому Великому Князю, я не останусь у него в дураках».

Предъявлявший права свои Дмитрий узнал об этом происшествии с великокняжескими послами под Смоленском. Поляки привели в покорность ему несколько городов и вошли в стан с большою добычей, отчего подешевели все съестные припасы и напитки. Дмитрий слышал также, что между русским и шведским войском вышли ссора и несогласие. Думая, что шведы вернутся назад и не двинутся дальше в страну, а оттого и война его пойдет лучше, он стал доволен и весел, полагал, что все теперь выиграно и беда прошла, велел тайком обвенчать себя в стане с Мариной Юрьевной, женою убитого Ажедмитрия Первого или Гришки, хоть и дал клятву ее отцу, Сандомирскому Воеводе, не делать свадьбы, пока не завоюет Москвы и не сядет на престол. Женившись на коронованной Великой Княгине, сделался очень горд и надут, называл себя единственным Христианским Императором под солнцем, как видно из следующего его титула такого содержания:

«Мы, Дмитрий Иванович, Император Всероссийский, Повелитель и Самодержец Московской Державы, Царь всего Великого Княжества Русского, Государь Богодарованный, Богоизбранный, Богохранимый, Богом помазанный и вознесенный над всеми другими Государями, подобно другому Израилю руководимый и осеняемый Силою Божией, Христианский Император от солнечного восхода и запада, и многих областей Государь и Повелитель».

В то время, когда Дмитрий так веселился, пировал и ликовал в стане под Москвою, шведский полководец граф Яков Де ла Гарди с русским вождем Михаилом Скопиным подошел к городу Твери; у них было большое сражение с поляками, и победа опять осталась за шведами, которые одолели и обратили поляков в бегство. По окончании битвы русский полководец Скопин бросился на шею к графу Де ла Гарди, со слезами на глазах благодарил и сказал, что дядя его, Великий Князь, и все Русское государство никогда не будут в силах достойно отблагодарить его и королевское войско, а тем менее заплатить за эту важную услугу.

Если бы поступили по мнению и желанию русского вождя Скопина, Москва и Великий Князь сдались бы неприятелю прежде, чем подоспел к ним кто-нибудь на выручку, потому что, когда на первый день победа из-за проливного дождя осталась нерешенною на обеих сторонах, Скопин хотел отступить в удобное и безопасное место, пока они не получат подкреплений из Швеции. Но шведский полководец вразумил его, что не храбрость неприятеля, а только непредвиденный случай, дождик, помешал полной победе над ним в прошлый день и что крайнее положение Великого Князя и города Москвы не позволяет такой долгой отсрочки. Против воли и согласия русского вождя на третий день после того он храбро напал на неприятеля и победил его. Надобно удивляться, что шведский полководец и его войско были так добродушны, что рисковали жизнью для блага таких людей, которые не только постыдно оставили их в бою в прежний раз и обратили тыл неприятелю, но еще во время жаркого боя похитили их вещи и поклажу: у некоторых из главных шведских офицеров изо всего их значительного гардероба не осталось никакого платья, кроме того, что было на них. Они сражались за своих грабителей, для которых не было бы печали, если бы шведы лишились с имением и жизни и свободы. Они стали рассуждать о несправедливости к ним русских, а большая часть их до того обиделась, что против воли полководца вернулись в Ливонию.

Несмотря на то, полководец с оставшимся у него войском отправился в Коломну, а потом в Александровскую Слободу и оставался там до тех пор, пока не прибыл к нему на помощь королевский комиссар и адмирал Генрих Теннисен с несколькими тысячами пехоты

и конницы. Как скоро узнали о том поляки, Зборовский и Сапега вышли из стана с 18 тысячами человек, хотели попытать счастья, нельзя ли им овладеть городом и выгнать из него шведов, чтобы они не подошли ближе к Москве и не освободили от осады Великого Князя. Благодаря, однако ж, осторожности и храбрости шведского полководца они были отражены, разбиты и прогнаны.

Граф Яков и Михаил Скопин всегда были счастливы с неприятелем и все побеждали поляков, что разнеслось по всей стране. Многие города и крепости, присягнувшие Дмитрию, отложились от него, каковы: Вологда, Галич, Романов, Молога, Рыбинск, Суздаль, Ярославль, Углич, Кашин и многие другие, граждане и поселяне собрались в числе нескольких тысяч и везде нападали врасплох на поляков и изменников русских, которые стояли за Лжедмитрия, высылались на грабеж и безжалостно притесняли бедных жителей, не только отнимали у них все, что найдут, но еще мучили их, чтобы сказали, где спрятаны и зарыты у них пожитки, серебро и золото, насиловали и позорили их жен и дочерей, так что жалко было видеть все это. Зато, когда граждане и крестьяне одолевали их, они должны были расплачиваться тем же: их убивали до смерти, раздевали донага, а некоторых толкали под лед живых, приговаривая: «Негодные плуты и изменники, вы в короткое время дочиста разорили и разграбили это место, сожрали всех овец, быков, коров и телят, ступайте же теперь под лед и ешьте рыбу в Волге и в других реках!»

Чтобы положить конец таким проделкам жителей, послан из стана ротмистр Лисовский с несколькими тысячами человек, но и он ничего не мог сделать, потому что везде, где ни стояли, они огораживали себя крепким частоколом, и поляки должны были оставить их в покое. Но один из немцев, Иохим Шмидт, сын цирюльника, во время Шведской войны убежавший в Россию, был до того отважен, что поехал в город Ярославль, потому что очень знаком был с тамошними горожанами и имел жену ярославку: он намеревался убедить их, чтобы они сдались Лжедмитрию и не заводили кровопролития. Заметив его из города, граждане высыпали толпою к городским воротам и хотели знать, что ему надо. Он сказал, что сделано распоряжение по их жалобам. Дмитрий пришлет к ним одного знатного польского господина, который будет останавливать поляков

и так накажет злодеев, причинявших насилия и отягощения жителям, что они будут помнить. Что же сделали ярославцы? Они все заманивали его ласковыми словами ближе к себе, схватили под уздцы его лошадь, свели его с нее, притащили в город, поставили на огонь большой пивоваренный котел, налили до краев медом и бросили туда Шмидта, совсем нагого: варили, кипятили его, так что мясо стало отваливаться от костей, потом вынули из котла и бросили кости и мясо за вал на съедение свиньям и собакам. Узнав о том, Лисовский пошел туда и сжег городские предместья, также другие местечки и деревни, изрубил всех мужчин и женщин, старых и молодых, и удалился оттуда с большой добычей.

Между тем шведский полководец граф Яков и Михаил Скопин тоже не оставались без дела, послали несколько взводов конницы в Переяславль, чтобы не только отрезать Лисовскому отступление в

Марина Мнишек

стан, но и занять этот город. Это и удалось им: они взяли город приступом, побили всех поляков, которые там были, принудили русских опять присягнуть Великому Князю и потом отдыхали несколько недель.

Получив порядочное подкрепление из Швеции в коннице и пехоте и находя себя вместе с русскими в числе нескольких тысяч, шведский полководец граф Яков привел многие города, монастыри и крепости в покорность Великому Князю, потом пошел через Калязин, Углич и Кашин в Александровскую Слободу и храбро отбил поляков, хотевших осадить его там. После того он отправился наконец со Скопиным в поход на Сапегу, осаждавшего Троицкий монастырь: они хотели покушать и разделить с ним Мартынова гуся, хоть Сапега и не звал их. Это было очень досадно полякам, и они убежали оттуда, бросив гуся неошипанного и нежареного, по случаю нечаянного прихода русских и шведов, отступили к городу Дмитрову, укрепили его и держались, но недолго, потому что там стали станом граф Яков и Михаил Скопин, чрез что сделались открыты все дороги к Москве, уже довольно времени занимаемые поляками, как между Новгородом и Москвою, так и Холмогорами, Ярославлем и Москвою. Теперь стало свободно и безопасно ездить по ним туда и обратно и возить разные съестные припасы в Москву и в стан.

Около этого же времени Польский Король Сигизмунд стоял со своим войском под городом Смоленском, и отправил послов в большой польский стан под Москвой с увещанием, чтобы поляки припомнили, чего наделали в Польше прежним своим возмущением и лишились из-за того и жизни и имущества, движимого и недвижимого. Все это он простит им и велит возвратить все взятые в казну имения, если только они схватят и приведут к нему под Смоленск того обманщика и изменника, которому служат они и который позволил себе называться Дмитрием, сыном Ивана Васильевича. Приехавши в стан, послы тайно передали свое поручение полководцу Рожинскому. Дмитрий думал каждый день, что посланники будут просить у него приема, но как этого не случилось, он велел позвать к себе полководца и спросил, как ему понимать это, что королевские послы не стараются передать ему свое поручение, потому что уже несколько дней живут в стане и каждый день ведут разговоры с ним.

Рожинский, уже обсудивший с главными офицерами и ротмистрами, как им приняться за это дело и возвратить королевское расположение к себе, отвечал ему с пренебрежением, погрозил своим начальническим жезлом, бывшим у него в руке, и сказал: «Ах ты блядин сын! Что тебе за надобность знать, какие дела у меня с послами? Черт знает, кто ты, где родился и какого происхождения. Долго мы проливали нашу кровь за тебя и не получали еще жалованья».

Дмитрий ускользнул от него, пошел к своей жене, упал ей в ноги, со слезами на глазах простился с нею и сказал: «Польский король ведет изменническое дело с моим полководцем, который так отдела и озадачил меня, что я не стою видеть твои ясные очи, я этого не потерплю: или он умрет, или я погибну. У него с поляками ничего на уме нет доброго. Да сохранит меня Бог в дороге, потому что думаю ехать! Да соблюдет Он и тебя, мою любезную жену, когда ты здесь останешься без меня!»

Он переоделся в крестьянское платье, сел в розвальни и уехал из стана в Калугу. Никто не знал, куда он поехал и где находится, жив или умер. Большая часть полагали так, что он убит и тайно брошен в реку.

Немного не доезжая до Калуги, он не сейчас поехал туда, а остановился в одном монастыре, возле самого города, послал нескольких монахов к гражданам города и велел предложить им, что еретик, Польский Король, несколько раз писал к нему о добровольной уступке Смоленского княжества и всей Северской страны, принадлежавших в старину Польской Короне, но он отказал ему в том, чтобы в этой христианской земле не укоренилась Папская суемудрая Вера. За это Король сговорился с полководцем Дмитрием Рожинским и поляками, долго служившими ему, чтобы схватить его и отвезти к Королю под Смоленск. Но что узнав о том, он тайком собрался и убежал оттуда. Потом велел монахам спросить христианский народ, что намерены они сделать для него. Если хотят быть верными и преданными ему, по присяге, и не щадить за него жизни, он остановится у них на житье и с помощью Святого Николая и с их пособием не только оплатит Василию Шуйскому, но и Королю Сигизмунду и своим вероломным и крамольным полякам так, что они это будут помнить. За православную христианскую веру он готов

умереть с ними и отдать все, что может, а Польскому Королю не уступит ни одной деревни, даже ни одного дерева, а не то что крепости, города или княжества.

Это объявление понравилось гражданам и всему народу. Они пошли в монастырь, поднесли ему хлеб и соль, отвели его в городскую крепость, надавали ему денег, платья, лошадей и всяких припасов для пищи и питья. Отдохнувши несколько дней в Калуге, этот мнимый предъявитель Великокняжеских прав писал к вождю Григорию Шаховскому, собравшему несколько тысяч казаков и стоявшему станом недалеко от города Вязьмы, чтобы он вернулся со своими казаками в Калугу и не ходил в стан. Тот так и сделал, и Дмитрий остался в Калуге и учредил там новый Княжеский Двор.

Потом писал он ко всем офицерам и покорным ему городам, чтобы убивали всех поляков, живших в городах и деревнях, воины ли они или купцы, а имение и пожитки их привозили бы в Калугу, забирали бы все и никого не щадили. Казаки и другие его посланные верно исполняли это и перебили несколько тысяч невинных людей, как воинов конных и пеших, проживавших в городах и деревнях, так и разных торговцев, собиравшихся ехать в стан с весьма дорогими товарами, шелковыми материями и бархатом, листолетами, саблями, ружьями, вином и пряными кореньями, чтобы у Дмитрия всего было вдоволь для содержания его придворной челяди и нового вооружения.

На другой день после того, как Ажедмитрий Второй убежал из стана, поляки держали совет с бывшими там русскими, на что им решиться, потому что Государь их, Дмитрий, не отыскивался. Они поклялись жить мирно между собою, не уходить ни к Польскому Королю, ни к Великому Князю, и если бы кто пришел и стал выдавать себя за Дмитрия, не верить ни ему, ни другому, а тем менее принимать его. Стали смеяться и надругаться над Великой Княгиней Мариной Юрьевной, которая и не могла дольше жить в стане, тайком удалилась оттуда и отправилась в город Дмитров, где находился Ян Сапега.

Приведя свои дела в порядок в Калуге, Ажедмитрий послал в подмосковный стан одного доверенного дворянина тихонько разведать, что говорят об нем простые поляки: хотят ли, чтобы он опять был с ними, или нет? Если узнает, что они охотно желают его, должен сказать, что Великий Князь Дмитрий обещается прийти к ним с

новым войском, принести с собой денег и исправно заплатить им за все месяцы их службы, только бы они доставили в Калугу его бывшего полководца Рожинского живого или мертвого. Но как поляки, вскоре после побега Дмитрия положили остаться вместе, верно стоять друг за друга и никогда не служить ему, то посол его ни в чем и не успел у них и, ничего не сделав, вернулся в Калугу. Дмитрий не удовольствовался тем. Он послал другого, из своих капитанов, по имени Казимир, природного поляка, и этот должен был сделать ту же попытку, как и прежний посол, и употребить разные происки, чтобы встревожить, взволновать поляков и поселить меж ними несогласие. Так это и сделалось: он повел дело так ловко, что некоторые из казаков ушли в широкую степь, другие к Королю под Смоленск, а третьи в Калугу, к прежнему Государю Дмитрию.

Меж тем как в польском стане была такая смута, шведский полководец, граф Яков, советовался с Великокняжеским вождем Михаилом Скопиным, как бы отнять им у поляков город Дмитров. Как скоро узнал о том польский вождь Сапега, он начал уговаривать находившуюся при нем жену Дмитрия, что, если она не намерена ехать к отцу и матери в Польшу, пусть отправляется тайком к своему Государю, Дмитрию. Она отвечала, что, чем ехать ей, коронованной Великой Княгиней всея России, в таком позоре и унижении к друзьям, лучше она останется в России и разделит с своим Государством все, что ни пошлет им правосудный Бог. Она велела сделать себе польское мужское платье из красного бархата, купила сапоги и шпоры, саблю, пистолеты, села на коня и, точно вооруженный кавалерист, ехала до Калуги 48 миль с 50 казаками. Подъехав ночью к городским воротам, она постучалась, сказала, что приехал камер-юнкер Дмитрия, не хотела говорить ни с кем другим, кроме самого князя, и требовала, чтобы ее впустили. Стража тотчас же дала о том знать Дмитрию. Он в минуту смекнул, что это такое, велел отворить ворота, камер-юнкер подъехал к его комнатам, был немедленно впущен, и они встретили друг друга с великою радостью и горем.

После отъезда Марины Юрьевны из Дмитрова Сапега занял этот город несколькими сотнями казаков, а сам пошел в монастырь Иосифов, занял также и его несколькими сотнями казаков и отправился под Смоленск к Королю Сигизмунду. Прочие войска расположил он

в виде гарнизона по деревням, на реке Угре, в очень плодородном краю, в котором не было еще никаких войск.

Шведский полководец граф Яков и русский Михаил Скопин послали несколько эскадронов и пехотных рот в Дмитров, они били петардами в ворота, которые тотчас же растворились. В сильном азарте вломились в город, перебили всех там бывших, кроме только женщин и детей, заняли город новым войском и воротились опять в стан, с веселым духом и великой славой. Узнав о том, польский полководец Рожинский не осмелился долее оставаться в подмосковном стане, ушел оттуда как можно скорее и отправил послов к своему Королю с предложением своей службы против Великого Князя и москвитян, если только Король уплатит его войску за два года жалованье, остающееся у них в долгу на Дмитриии. Король никак не хотел согласиться на это: он обещал платить им из месяца в месяц с тех пор, как они начнут служить ему. Поляки были тем недовольны, начали ругать своего вождя и укорять в том, что он прогнал их Государя Дмитрия, которому они присягали и служили так долго. Они положили между собою, чтобы Рожинский с некоторыми из главных ротмистров и офицеров отправился к Королю, а другие с простыми воинами пошли на Угру, где расположился Сапега, желая дожждаться возвращения последнего, не привезет ли он от Короля какого-нибудь особенного ответа об уплате им жалованья. Они будут соображаться с этим ответом; между тем грабили, делали набеги во всем этом краю и оставляли все голо и пусто, куда ни приходили.

При взятии города Дмитрова, шведский полководец с русским вождем пошел очень спокойно в Москву, к Великому Князю: в один год они покорили и привели в повиновение Шуйскому все местечки и города, лежавшие между Финляндией, Москвой и пристанью Святого Николая, освободили Шуйского и город Москву от долговременной осады. Теперь не видать стало ни одного человека из 100 тысяч поляков или казаков, которые стояли между Москвою и Троицким монастырем, два года сильно своевольничали по всей стране и распоряжались всем, как им было угодно. Великий Князь был очень доволен и рад. Он не только велел приять в город графа и подчиненное ему войско с большою пышностью и торжеством, но и снабдил их кушаньем и напитками, чтобы никому нельзя было жаловаться на недостаток в чем-либо нужном.

Точно так же он подарил и всем офицерам, по чину каждого, за верную службу несколько лошадей, платья и других вещей. Полководец отдыхал там несколько недель со своим войском.

Между тем как он жил несколько времени в Москве у Великого Князя, русский вождь Михаил Скопин умер, а Ян Сапега, ездивший к Польскому Королю под Смоленск, возвратился на Угру к войску с таким ответом последнего, что он ничего не желает давать им за службу Дмитрию Второму, а что выслужат у него, он то и будет уплачивать из месяца в месяц. Войска были очень недовольны, послали посла в Калугу к своему Государю Дмитрию, извинялись в измене, затеянной полководцем Рожинским под Москвою, который получил за то воздаяние от Бога и умер, а собратий его, виноватых в том, нет больше в стане, потому что они отправились под Смоленск к Королю. У них же никогда не было в уме изменять ему, оттого и не пошли к Королю, а остались у него в земле. Если он выдаст им за три только месяца остающееся на нем жалованье, то за другие месяцы они потерпят, будут продолжать служить ему, опять отведают счастья и пойдут на москвитян.

Это известие было по сердцу Дмитрию, он дал благоприятное решение послам, просил повременить немного, пока достанет денег и сам явится к ним. Потом велел наложить подать на весь преданный ему край, собрал несколько тысяч рублей и прибыл к войску со своими русскими и казаками. Так и соединились: он заплатил им за три месяца жалованье и взял с них новую присягу; собирались идти к Москве и опять осадить ее.

В то время как Король Сигизмунд жестоко теснил осажденных в Смоленске, Великий Князь все придумывал средства и способы, как бы выручить их, чтобы эта крепость не досталась Королю. Он усердно просил шведского полководца графа Якова отправиться в поход с его братом Дмитрием Ивановичем на выручку его войска в Смоленск. Но шведский вождь имел довольно причин к отказу: не был еще исполнен Выборгский договор относительно крепости Кексгольма, которую следовало отдать Шведскому Королю через два месяца по приходе в страну шведского войска, хотя уже прошло два года. Король писал о том несколько раз с нарочным к Великому Князю, довольно было требований и со стороны шведского вождя,

но оба ничего не получили, кроме пустых писем и обещаний. Граф Яков уже намерен был еще из Александровской Слободы идти обратным путем в Финляндию, потому что не получал ничего, кроме пустых слов и посулов.

Великий Князь и его советники заметили ревностное усердие шведского вождя в этом деле, Шуйский прислал ему утвержденную им грамоту на крепость Кексгольм и принадлежащую к ней область за своей и государственной печатями, и отрядил людей, которые по этой грамоте должны были все передать королевским уполномоченным и комиссарам без дальнейших проволочек.

Великий Князь заключил также другой договор с полководцем, по которому было обещано, что если Шведский Король будет продолжать помогать ему против неприятелей его и царства, то он подарит Королю и Шведской Короне еще другие крепости и земли, кроме Кексгольма. Опыт показал, как сдержали условие относительно этих других крепостей. Мы расскажем о том в другом месте.

Сверх того Великий Князь обязан был выдать шведскому войску за несколько месяцев жалованье за верную его службу стране, а особливо за освобождение от долговременной Московской осады и обращение в бегство поляков с большим для них уроном и позором.

Забывая все это, полководец граф Яков после всех обещаний склонился наконец на неотступные просьбы Великого Князя с его государственными советниками подать ему верную помощь против его врагов. Графу хорошо было известно, что Король, Государь прямодушный и верный союзник Великого Князя Василия, с удовольствием увидит, что ему подана помощь, где было можно. Полководец, однако ж, требовал, чтобы сначала удовлетворили войско недоплаченным жалованьем, представляя, что оно тем усерднее будет к службе Великого Князя, а для него, вождя, могла быть опасность от неплатежа жалованья наемным воинам. Впрочем, что не имело других последствий, кроме того, что Великий Князь и русские давали вождю больших обещаний «в три месяца разochtутся с ним и уплатят все в точности, к полному удовлетворению войска». Сам Великий Князь дал удостоверение в том на бумаге: брат его, князь Дмитрий Иванович Шуйский, предлагал себя в заложники в том, что эта недоимка будет уплачена в точности. Таким образом шведский

вождь вышел из Москвы в 1610 году (после Троицына дня) с братом Великого Князя Дмитрием Шуйским, главным русским воеводой. Его намерение было выручить теснимых поляками в Смоленске и таким образом избавить всю страну от них, литовцев и русских мятежников. Когда они прибыли в Можайск, по приказанию Короля примкнул к ним фельдмаршалок Эверд Горн, с 3000 конницы и пехоты. На пути к ним он взял приступом города Погрелу и Осипов и перебил находившихся там казаков. Это очень было досадно Дмитрию Второму, который и стал жестоко ненавидеть и гнать иностранцев, бывших у него в службе. Но и фельдмаршалок тотчас же повел речь об уплате жалованья его отряду, потому что до сих пор они получили очень немного. Все это было напрасно, а потому Эверд Горн не принял и подарка, сделанного ему Великим Князем, а сначала настойчиво требовал уплаты жалованья приведенному им войску.

Не менее их требовало жалованья и войско, пришедшее из Москвы с графом Де ла Гарди: все они отказывались от всякого дальнейшего похода, пока им не уплатят. Им предложили для раздачи только что прибывшие товары и деньги, но они не хотели брать того, сообразив, что его далеко не достаточно, да и товары большею частью состояли в соболях и сукнах, которые не только оценены были чрезвычайно дорого, но и ни на что не годились воинам в том месте, особенно соболи, за неимением купцов, которые могли бы дать за них деньги или другие необходимые вещи. Хоть, может быть, войско

Монета Василия Шуйского

и уговорили бы ласкою и бранью взять немного денег и товар, и оно было бы довольно. Но русский вождь Дмитрий Шуйский не хотел давать шведскому полководцу и его офицерам времени, нужного на раздачу воинам денег. Он отрядил одного из русских полковников, по имени Григорий Волохин, этот, по излишней отваге, заносчивости и опрометчивости, зашел так далеко с бывшими у него под командой 5000 человек, что, когда поляки стали сильно теснить его, он не мог уже отступить к своему месту, а должен был со своим отрядом огородить себя тыном, за которым им негде было достать кусок хлеба, да и поляки теснили их жестоко. Русский вождь Дмитрий Шуйский приступал к шведскому полководцу с такою безотвязною настойчивостью, даже со слезами на глазах, чтобы он поспешил на выручку к бедным осажденным, которые были цвет русской армии, а теперь, за неимением продовольствия, либо попадут в руки неприятеля, либо умрут с голода, что предложил даже себя в заложники за недоданное жалованье, чтобы только поставить на ноги войско.

Он надоел графу Якову и наконец упросил его выступить так поспешно, как мы уже сказали: все войско должно было идти восемь миль в самую жару, и в полночь прибыло, усталое и истомленное, к месту, по имени Клушино, где ему должно было ночевать. Несколько беспокойных людей из иностранных воинов тайком перебежало к неприятелю, рассказало ему свое несогласие из-за неуплаченного жалованья, трудный переход, сделанный ими в сильную жару в один день, и уверяло, что по этому случаю неприятель встретит у них небольшое сопротивление и оборону. Оттого-то и вышло, что польский полководец Станислав Жолкевский оставил русских, огородившихся частоколом, разбил ложный стан, вколотил кругом поля в землю множество хмелевых тычин, надел на них платье, а впереди такого стана велел остаться нескольким сотням конных воинов на легких лошадях, так что они везде были видны из укрепления русских, и начал с ними переговоры о сдаче Королю. Между тем он с войском напал на шведов тем храбрее, что доброе их дело сделано только по нужде. Полководец граф Яков и фельдмаршалок Эверд Горн лично сделали несколько жестоких кавалерийских нападений на неприятеля и сначала принудили его к отступлению. Тогда было бы очень кстати, если бы русский вождь Дмитрий Шуйский, имея в виду благо

отечества и свою собственную честь, воспользовался этим случаем, бросился бы из-за своих рогаток и обоза, которыми заставил себя, и пособил шведскому войску сделать храброе нападение на неприятеля: тогда победа, с Божией помощью, наверное осталась бы на стороне шведов.

Что же сделали русские? Они поступили так же, как и под Тверью и Торжком: остались в своем обозе и загороди и были совершенно праздными зрителями боя до тех пор, пока неприятель не бросился на них со всеми силами. Тогда они побежали с позором в Москву в сильных попыхах, до смерти заездили несколько сот лошадей и таким образом бросили шведов. Оттого иноземные воины, и без того уже недовольные, как вероломные люди, получили случай и предлог перейти к неприятелю целыми ротами с распущенными знаменами. Тогда граф Яков и фельдмаршалок Эверд Горн с оставшейся еще верною конницей стремлением неприятеля были отрезаны от пехоты. Один немецкий подполковник в изменившем полку (по имени Конрад Линк) с несколькими немецкими, английскими и шотландскими капитанами вступил в переговоры с неприятелем без ведома и согласия полководца и заключил с ним договор, пока граф Яков собирал конницу и не успел еще вступить в стан. Едва только граф с Горном и таким числом конницы, какое мог собрать и привести, подъехал к пехоте с намерением опять возобновить бой и храбро напасть на неприятеля, мятежное войско, отказавшись уже от всякого повиновения начальству, заставило его силою и с прицеленными ружьями вступить в переговоры с Жолкевским и согласиться на договор во всей его целости. В договоре не было никаких других условий, кроме того, что шведский вождь может отправиться из России без всяких препятствий и опасности, куда ему угодно, с теми воинами, которые захотят за ним следовать.

Теперь большая часть войска перешла к неприятелю, и граф Яков находил себя слишком слабым для дальнейшего вспоможения Великому Князю Московскому: у него было не больше 300 лошадей всего, и с этим небольшим остатком он должен был еще податься ближе к Новгороду, пока не наберет побольше людей из Финляндии и Ливонии, чтобы продолжать освобождение Великого Князя.

Когда шведский полководец ушел и русские с позором убежали в Москву, сдались полякам и те 5000, что были осаждены и заперты

с Григорием Волохиным за загородью, пошли с поляками, русскими, немцами, шотландцами и французами, всею толпою, под Москву и начали жестоко осаждать ее с одного конца.

Великий Князь Шуйский теперь опять был осажден в Москве, а шведский полководец находился на дороге в Новгород с фельдмаршалком и другими офицерами, не перешедшими к полякам: все они лишились всей своей собственности. Граф прибыл в город Погрелу, куда еще вперед фельдмаршалок отрядил роту французов и надеялся на гарнизон; но там его также ограбили, и он едва ушел живой из крепости пешком, в том платье, что на нем было. Так подошли к Новгороду в полной надежде, что новгородцы поймут и оценят

разные, сделанные им благодеяния, заявят должную признательность за верную помощь и защиту, недавно оказанную им шведским войском, примут ласково своего благодетеля и заступника в его затруднении и станут угощать его: вышло совсем другое, потому что, как скоро новгородцы узнали, что полководец близко, они не пустили его к себе на глаза и велели сказать, что не дадут ему и

бывшим при нем ничего, кроме пороха и пуль; предлагали не ближе 10 миль подходить к Новгороду и взять дорогу прямо на Тихвин в Выборг. Еще недовольные этой, хотя и большою, несправедливостью, они удержали нескольких гонцов, отправленных с письмами от Короля к полководцу, и велели наместнику в Нотебурге остановить гонцов графа Якова в Швецию с очень важными письмами и бумагами между Королем и Великим Князем, также задержать и разные вещи графа и других офицеров, которые они пересылали в Финляндию. Так это и было сделано. Они не подумали, какой ужасный и постыдный порок неблагодарность, которую не только христиане, но и язычники считали так ненавистною и презренною: язычники говорили очень справедливо: «*Omnia mala dixeris, si hominem ingratum dixeris*». Item: «*Ingratus est veluti mus in pera, aut anguis in gremio*»⁴. Но если русские уже так слепы, упрямы, ожесточены и не хотят благодарности у людей, для убеждения себя их примером, хотя посмотрели бы они на неразумных животных и взяли их за образец себе. Животные не только благодарны, каждое по-своему, Господу Богу, их Созидателю, но и людям, от которых получали какое-нибудь добро, даже и взаимно друг другу. Ясный пример того у нас слон: этот зверь, точно верная собака за хозяином, везде ходил за человеком, вытащившим его из ямы, в которую поймали его охотники. Точно так же аист, который никогда не забывает благодеяний, оказанных ему отцом его и матерью: кормит их, ухаживает за ними в старости, носит их на спине, достает все для них нужное. Но все это новгородцам было не впрок, они явились в своем городе не только неблагодарными за добро, но даже врагами, с порохом и свинцом, против своего благодетеля. Впрочем, он не слишком смотрел на эту несправедливость и угрозы, а пробирался все ближе и ближе к Новгороду в надежде, что они одумаются и припомнят лучше сделанное им добро. Граф шел туда особливо потому, что по письменной просьбе к нему Великого Князя о продолжении шведской помощи на некоторых условиях он обещал дожидаться в Новгороде ответа из Швеции относительно этих условий и в случае согласия на них Великого Князя располагал выписать больше войска из Финляндии и Ливонии. Однако ж надежда обманула полководца, новгородцы, несмотря на неоднократные обещания, не только не выдавали ему задержанных

в Нотебурге гонцов, бумаг и вещей, да еще и оставили в плену у себя некоторых его служителей, посланных в город за покупкою разных потребностей, и выслали тайком казаков и стрельцов, которые напали на шведских воинов, не опасавшихся никакого зла или неприязни в этом месте, в то время как они кормили лошадей, и мошеннически убили их.

Между тем полководец получил верное известие, что москвитяне, по особенному непостоянству, вероломно отложились от своего Государя и Великого Князя Василия Шуйского, к которому привязывали их долг и присяга, прогнали его в монастырь, надели на него клобук и постригли его в монахи. Граф ясно замечал, что новгородцы с каждым днем становились неприязненнее, а потому и отказался от всякой приятной надежды выручить мирным и честным образом людей, задержанных в Нотебурге, и чрезвычайно нужные бумаги, письма и вещи. Этого нельзя было ожидать, и полководец наконец вынужден был употребить и принять другие меры. Потому и велел схватить и задержать троих дворян, одного секретаря и двоих граждан, прибывших из Новгорода без всякого вида, только из одного молодечества, чтобы поболтать со шведами. Об этом он тотчас дал знать новгородцам, также и о причине, почему это сделано. «Эти люди до тех пор останутся под стражей, пока не освобождены будут шведы, задержанные в Нотебурге, и не возвратят ему писем, бумаг и вещей, задержанных против всякого права в Нотебурге». Он тотчас же и пошел в Нотебург, предложив им сделать обмен в этом городе. Нотебургцы сначала притворились, что готовы на это, а ночью, очень хитро и ловко, отважились было освободить своих и помочь им укрыться оттуда, шведов же оставить у себя. Как скоро полководец узнал о том, он отправил новгородских купцов в Выборг, где содержались они гораздо лучше, нежели шведы в Нотебурге.

Между тем один французский капитан Лавила с некоторым числом войска сделал нападение на крепость Ладогу и взял ее за то, что ни ему, ни воинам Великий Князь не выдавал заслуженного жалованья, да и новгородцы приняли его очень плохо, хотя он и стоил всего хорошего от них.

В то же время, как это происходило под Нотебургом и Ладогой, фельдмаршалок Эверд Горн отделился от полководца и направил

путь в Нарву. Под городом Ямо он повстречался с польским вождем Александром Лисовским, имел с ним сражение и истребил его войско, из которого уцелел и убежал в Псков только сам Лисовский с несколькими воинами.

После того как Великий Князь Василий Шуйский сведен был с престола и прогнан в монастырь, а Москву держали в суровой осаде поляки и вероломные русские, пронеслась весть, что Ажедмитрий Второй занял Пафнутьевский монастырь и жалостно избил бывших там русских. В Москве было несогласие и смятение между русскими. Несколько негодяев убежали из города и дали знать Ажедмитрию об этом раздоре: «В городе не все соглашаются присягать Владиславу, сыну Польского Короля, много таких, которые расположены к Самозванцу. Недостает только того, чтобы они увидали и услышали, что он прибыл, и тогда в городе выйдет от того еще больше несогласия между жителями, а для него будет удобнее вести дела с ними и испытать счастья». Ажедмитрий послушался их совета и двинулся с войском под Москву. Однако ж москвитяне защищались храбро, каждый день делали вылазки на его стан, имели с ним несколько стычек. Он мог заметить, что добром ему ничего не сделать с ними, расположил другим образом свое войско, на случай вылазки и нападения москвитян, и спрятал тайно в кустах по всем дорогам несколько сотен казаков для того, чтобы эти приняли и били москвитян не только спереди, но и с тыла и с боков. Так и было сделано, а москвитяне после вылазки благодарили Бога, что воротились в город. С этого дня они не смели больше отваживаться на Дмитрия и просили польского полководца Станислава Жолкевского, чтобы он пособил им несколькими ротами копейщиков. И они вместе с поляками напали всей силой на стан Ажедмитрия. Поляки, бывшие на стороне его, увидав возвращение москвитян, их храбрость и неустрашимость, опустили копья и не хотели больше сражаться по-прежнему. Дмитрий принужден был убираться в Калугу со своими казаками и татарами. Так поляки и одержали победу, остались в Москве и дождались в ней того, что она по случаю междоусобия самих москвитян была разорена и сожжена до основания. Захарий Ляпунов принудил поляков выйти оттуда, как и было сказано о том прежде, при описании города Москвы.

Заметив, что поляки, бывшие с ним под Москвою, не показывают уже такой преданности к нему, как было прежде, Дмитрий не слишком был озабочен этим и сказал, что будет искать утешения и пособия у турок и татар, которые помогут ему завоевать отцовское наследие, а иначе он ничего не сделает. Если же он, законный наследник, не получит ничего, тогда погибнет и вся Россия: ей не будет от него покоя, пока он останется в живых. Он послал в Астрахань самого верного ротмистра Корнезецкого, который должен был возвестить его милость жителям и всему краю, что он желает прийти к ним с Великой Княгиней и иметь у них свое местопребывание, потому что Москва и почти вся Россия осквернена нехристями и иноверными поляками. Он не уважал теперь ни одного поляка, ни немца, а только своих казаков, татар и русских. Они были его лучшие и вернейшие слуги и воины, они одни должны были находиться около него днем и ночью и они только стояли на карауле и ездили на охоту с ним.

Но вышел такой случай между татарами, что один татарский князь, или мурза, и сын его, служившие Самозванцу, поссорились между собою, и сын из ненависти и зависти к отцу наклеветал на него Ажедмитрию, будто бы он замышляет тайком бежать в Москву. Дмитрий до того рассердился, что велел схватить мурзу и тут же бросить в Оку и утопить. Это жестоко огорчило другого татарского мурзу Росланова, который верно знал, что донесение сына — ложь и обман и хотел за то убить его, как только он вернется с охоты с Ажедмитрием. Там был еще другой молодой татарин, очень похожий на сына утопленного по платью и наружности. Дмитрий вернулся с охоты вечером, когда уже стало темно, мурза натолкнулся на этого татарина, не виноватого ни в чем, и убил его до смерти. Самозванец очень обиделся, велел схватить Росланова и бросить в темницу с 50 другими татарами, по несколько раз бить и славно отделать их плетьюми; а потом опять взял оттуда, возвратил им прежнее положение и власть и часто употреблял их для рассылок. При выездах на охоту и в других развлечениях он полагался на них больше, чем на других, имел об них доброе мнение и думал, что они уже позабыли теперь и темницу и позор. Но они по-прежнему питали к нему тайную ненависть, все высматривали случай привести в исполнение свой умысел и отомстить за поругание и позор, который нанес он им тем, что посадил в темницу и отделал плетьюми.

Случилось раз, что, выехавши на охоту, он имел при себе из придворной челяди не больше троих слуг и тридцати татар, которые усердно прислуживали ему. Тот мурза приказал другим татарам своим товарищам, чтобы они приготовили себе лошадей, когда Дмитрий поедет на охоту, выбрались тайком из города и стояли бы настороже. После охоты он к ним приедет, потом все вместе они отправятся в Татарию, свою родину, и останутся там.

Выехав с теми тремя служителями и татарами, Дмитрий хотел позабавиться охотой и отъехал почти с полмили от города. Тогда-то вышла наружу потаенная злоба из татарского сердца: мурза, ехавший первым после Дмитрия, взял ружье и прострелил его навывлет, так что он свалился с лошади, потом вынул саблю, отрубил ему голову и сказал: «Я тебя выучу, как топить в реке татарских мурз, сажать их в темницу, угощать плетьюми и кнутьями; сам-то ты не что иное, как плут, вор и обманщик, а они все-таки были самыми верными твоими слугами такое долгое время».

Собственные служители Самозванца не долго смотрели на это зрелище, ударили лошадей и поскакали поскорее в город. Они рассказали там, что за охота была у них. Татары, не мешкая долго, помчались в назначенное место, где собрались другие их товарищи, и в числе 2000 человек поехали в широкую степь, в Татарию, на свою родину, силою забирая себе все, что могли схватить на дороге. Но русские и казаки, находившиеся в Калуге, велели бить набат и палить из больших пушек. Собралось все войско и поспешило было вдогонку за татарами. Но это было по-пустому, потому что прежде чем русские собрались и сели на лошадей, татары были уже так далеко, что никак нельзя было догнать их. Но другие татары, оставшиеся в стане и ничего не знавшие об этом замысле, все сколько их ни нашлось там, должны были горько разделаться за это и поплатиться своим горлом.

По окончании этой татарской охоты начальники, дворяне, казаки и гражданские пошли за город посмотреть место, где затравлен был заяц, и нашли на земле безголовое тело Ажедмитрия в одной рубашке. Взяли его, положили на сани, отвезли в город, пришили голову к туловищу, вымыли его начисто и положили на стол, чтобы все, кому хотелось, могли видеть его. Через несколько дней похоронили его в городской церкви, с московскими обрядами, как обыкновенно хоронят русские своих Великих Князей. Это было 11 декабря 1610 года. Его

мятежническая, неправая и предательская война тянулась почти 3 года, и в это время тысячи невинных людей нашли себе жалкий конец. Русские не забудут его пока свет стоит.

Примечания

¹ Печатается по: *Петр Петрей де Ерлезунда. История о Великом Княжестве Московском* / Пер. А. Н. Шемякина М., 1867.

² Виспель — хлебная мера, более русской четверти, т. е. четырех пудов.

³ Если не умилюю богов, приведу в движение силы подземного царства (лат.).

⁴ «Ты выскажешь все злое, если назовешь человека неблагородным». Ведь: «Неблагородный — как мышь в суме или как змея на груди» (лат.)

ЮХАН ВИДЕКИНД ИСТОРИЯ ДЕСЯТИЛЕТНЕЙ ШВЕДСКО-МОСКОВИТСКОЙ ВОЙНЫ¹

Часть 1

Глава 6

...Северная часть России, смежная со Швецией, оставалась еще незатронутой планами и военными действиями мятежников, тогда как южной, со стороны Польши, угрожали рассеянные там силы казаков, искавших князя. Между тем сандомирцами готовится роковой третий Димитрий² на сокрушение всей Московии. Восприимчивый ум его наполняют сведениями о прошлом и хитростях Синона³. Лицо его не было известно, и незнакомое еще хорошо москвитам, оно обмануло немало народа, тем более что многие искали смуты и предпочитали думать, что он и есть тот самый (Димитрий) и

избежал убийства, используя подземный ход. Его сторону усилили поляки, оскорбленные и готовые мстить за недавнее вероломство русских и избиение их людей, и как только он появился у Путивля и Стародуба, к нему из Польши и Литвы стали непрерывно стекаться густые толпы воинов, рассчитывавшие по успокоении гражданских волнений получить вознаграждение. С их помощью он к концу 1608 г. разбил 8 тысяч сторонников Шуйского. После этого успеха все северские города покорились ему. Подошло также и из Ливонии войско под начальством Яна Сапеги, человека блестящего происхождения, который известен по Киркгольмской битве и часто будет нами упоминаться дальше по поводу кровавых боев. Хотя брат его, канцлер Великого княжества Литовского Лев Сапега, советовал ему не вмешиваться в эти смуты, он остался все-таки при своем намерении, добиваясь военной славы. Увеличилось войско восемью приблизительно тысячами легковооруженных запорожских и донских казаков, которые живут по берегам Дона. Многолюдные отряды привели разные командиры: Русецкий, Видамоский, Рудницкий, Григорий Млоцкий и прочие, о которых нам придется потом упоминать в тексте нашей истории; а также самый главный предводитель Роман Ружинский, которому за испытанную ловкость вручена была Дмитрием и всем войском высшая военная власть. Александр Зборовский, знаменитый и славою рода, и военною доблестью, привел свой полк из 1600 всадников.

Шуйский, новый князь Московии, был испуган таким усилением своего соперника. Сначала он, сделав набор по всем оставшимся верным областям, собрал войско до 70 тысяч человек, но беспорядочное и малопригодное для войны, которое и пошло против врага под начальством его брата, Дмитрия Шуйского. Эти-то силы в течение двух лет, до прихода в Московию шведов, и участвовали в боях, причем часто побеждали сторонники Дмитрия. Об их победах, присоединении городов и областей, а иногда, при полном обороте военного счастья, о поражениях и отпадениях достаточно только упомянуть, так как это не входит в содержание моего труда.

Глава 7

...Десятого мая у Волхова произошла битва. Начавшись легкими стычками, она шла с переменным счастьем, но на следующий день русские, начав сражение, оробели при виде наступающего войска,

отступили и, смешав ряды, оставили врагу свой лагерь со всеми запасами, а 5 тысяч вместе с городом передались Димитрию. Выразили покорность также Калуга и менее значительные места. Можайск был взят силой. С этого времени самозванец начал подумывать о столице царства — Москве — и, наверное, занял бы ее, если бы болховские перебежчики не перешли вновь на сторону Шуйского и не разгласили, что польские силы меньше, чем о них говорят. Русские воспрянули духом, восстановили силы под предводительством Шуйского, и в то время как поляки все еще не могли решить, где укрепить лагерь, они перерезали все пути к Северной области, идущие в Польшу.

Вскоре, найдя в слиянии Москвы и Тушны удобное место для лагеря войск, имеющих целью осаду столицы, они частыми нападениями заставили москвов уйти за стены. Затем последовала битва у речки Ходынки, куда загнано было все войско Василия Масальского, имевшее задачей отвлечь сторонников Димитрия от осады, причем сам предводитель был взят в плен и 14 тысяч человек было убито, хотя и враги понесли огромные потери.

Глава 8

...После этой победы отпало много областей, укрепляя тем самым сторону Димитрия, и в то же время с каждым днем все более стекалось к нему оставшихся участников рокошанской войны. Поэтому русские, потеряв всякую надежду на успех, принимают новое решение и, отпустив Марину, жену убитого Димитрия, договариваются с ее отцом и польскими послами, чтобы те, вернувшись в Польшу, переговори с королем об отозвании столь большого войска. Но сторонники Димитрия перехватили их по дороге и для того, чтобы подкрепить значение нового своего Амфитриона хозяина более надежными основаниями, заставляют жену Димитрия, вновь и с большим вероятно рассчитывающую на власть, признать на глазах у всех поцелуями и объятиями, что это ее живой муж. К нему уже вернулись послы, отец Марины, спутники, двор, войско и, казалось, вторично, пусть с запозданием, возвратилось величие, считавшееся утраченным. Разбивается и лагерь не для временного пребывания, а с расчетом на тяготы зимы; для князя там воздвигают постройки, устраивают рыночную площадь, так что все это, скорее, являло вид города, чем военного жилья. Отсюда войско делало постоянные нападения,

частью отражавшие вылазки горожан, частью разорявшие поля на землях, верных Шуйскому; занимая взятые города и разбивая наступавшего противника, оно перерезывало свободный доступ в город.

Глава 9

...Ян Сапега с разных сторон окружил и прочно осадил монастырь Святой Троицы, в просторечии называемый Троицей, чтобы помешать нуждающемуся городу получить оттуда помощь.

В это опасное время под угрозой прибытия (к русским — *прим. перев.*) шведских подкреплений Сапега в жестоком бою сразился со сторонниками Шуйского; несколько тысяч было перебито, а остальные отступили за стены и долго были в страхе.

Города Ростов, Ярославль, Кострома, Галич и Вологду Сапега принудил подкрепить присягой покорность Димитрию; сверх того, у ростовцев он отнял множество утвари из золота с драгоценными камнями, а золотую статую св. Николая они разделили между собой. Мятежники из Литвы удержали в верности Димитрию Псков, которым долго владел Федор Михайлович. Ивангород и Копорье уже давно, с 1606 г., были в их руках. Эти города платили Димитрию громадные подати. К коменданту Нарвы Филиппу Шедингу они слали полные ужаса письма из-за отсутствия шведских подкреплений. Михаил Глебович⁴ держал Нотебург в подчинении то Шуйскому, то Димитрию, изгнав Семена Головина. Князь Александр Ростовский заставил Кексгольм крестным целованием подтвердить верность Димитрию, а вместе с тем, распространяя мрачные слухи о Шуйском, сумел замедлить уже готовившуюся шведскую помощь. Дошло до того, что чуть не все уже обратились к Димитрию, а у Шуйского ничего не оставалось, кроме Смоленска, вскоре осажденного польским королем, и Новгорода. Новгород при колеблющемся духе горожан с трудом оборонял против 2 тысяч степных казаков племянник великого князя, князь Михаил Васильевич Шуйский, которого в дальнейшем мы будем упоминать под именем Скопина. Его-то, тревожась за свою власть, так как город стал страдать от внутренних раздоров, а извне стеснен был врагами, великий князь Василий Шуйский послал в Новгород просить о шведской помощи, хотя ранее в этом отношении действовал вяло либо потому, что, полагаясь на собственные силы, не считал ее необходимой, либо потому, что боялся шведской силы,

вызывавшей у него подозрения. У Скопина затем были жестокие схватки с казаками, которые бродили кругом, опустошая окрестность.

Часть 2

Глава 8

...Успех нашего оружия⁵ подействовал на местных жителей, а молва с каждым днем все больше разглашала позор мнимого Димитрия. Хорошо укрепленный небольшой замок Тушино, в просторечии называемый Торопец⁶, находился в 18 милях от литовской границы и в 30 милях от Старой Русы. Сюда стекалось очень много бояр из соседних мест. Из них 25, избранных первыми, отправились навстречу Горну, выразили в многословных речах покорность Шуйскому и усердно просили, чтобы, заняв замок, он защитил их и поддержал. Они же распространяли новость, что недавно Кернозицкий не более чем с 300 человек промчался в бегстве через их город как вестник собственного поражения, что из крепости посланы были конные разбить его и, по их словам, он был убит в Белеве. Доложить об этом Якову⁷ Горн прибыл в лагерь главнокомандующего 23 мая, когда шел совет о дальнейшем направлении военных действий. Явился также сын воеводы тушинского, или торопецкого, и вместе с боярами, стрельцами и горожанами отдался под охрану победителя: все они просили о прощении их заблуждений и о помощи находящемуся в трудном положении замку. Якоб, рассчитав, что таким образом можно будет смягчить и склонить к соглашению упорных псковичей, и видя, что город этот представляет собой как бы ключ, чтобы запереть или открыть доставку провианта окружающим местностям, решил послать туда Христиерна Сомме с несколькими сотнями. Так как, однако, бывшие при войске русские послы убеждали не рассеивать сил, назначенных для освобождения столицы от осады, между тем как дороги между войском и замком размыты большим наводнением, он медленно двинул войско в поход к столице, чтобы, соединив там силы со Скопиным и в то же время дождавшись распоряжений короля, решить, что целесообразно будет предпринять. На рассвете 6 июня, пройдя 17 миль от Старой Русы, он достиг места, где ждал его родственник великого князя с 3 тысячами воинов.

Глава 9

...До лагеря сторонников Дмитрия дошел уже слух о том, что войска Кернозицкого уничтожены, а остальных теснят шведские силы; что повсюду началось отступление, а отпадения городов и населения учащаются. Молва усилила страх: люди стали думать, что скоро нашим откроется свободная дорога на Москву и вражеский лагерь непосредственно подвергнется мощной угрозе. Поэтому Дмитрий избрал полковника Александра Зборовского, чтобы с отрядом в несколько тысяч идти навстречу. Он направился в Торжок с намерением разбить наших.

Этот город находится в 38 милях от Москвы; одна его половина была подчинена Тверскому княжеству, другая — Новгородскому. Так и теперь, там умы разделились, не зная, кому из будущих государей подчиниться. Эверт Горн с 800 всадниками и 200 пешими послан был вперед узнать, на чьей они стороне. Узнав, что неприятель с 3 тысячами человек занял соседнюю местность, он отправляет Якобу Понтусу письмо с просьбой о присылке подкреплений, а сам в это время готовится действовать, как укажет случай: либо ударить на врага неожиданно, либо, найдя удобное для лагеря место, несколько выждать. Якоб Делагарди давно уже, с тех пор как покинул Копорье, с нетерпением ожидал распоряжений от Карла. Прибыли они наконец 21 июня, и он, получив подтверждение своего плана, вслед за Горном отправился быстрым маршем. Когда он был уже близко к лагерю Горна, принесли письмо из города о том, что накануне враги дали решительный бой. Их войска двинулись из дальней части города. Под знаменами врагов, во главе с названным Зборовским и Григорием Шаховским было 3 тысячи человек, тогда как у Горна, включая русских, только 2 тысячи. С этими силами он решительно ударил на неприятеля и при первой же атаке захватил главное знамя. Тут ряды смешались, кони поскакали, и много отличных коней захватил победитель; перебито было 100 отступающих, множество ранено, а всех остальных он обратил в бегство. Сам предводитель бежал в лагерь Сапеги. С нашей стороны не досчитались только 15. Француз Лабади, наместник главного полка, оборонявший один фланг, в разгаре битвы ранен и, истекая кровью, умер.

Глава 10

...После этой битвы снова произошла большая перемена в умах, отовсюду стали стекаться бояре, стараясь оправдаться от обвинений

в нейтральности. Якоб Понтус, человек умелый в обхождении с людьми, тотчас велел передать Скопину письмо, написанное королем ко всем сословиям Московии. Так как в этом письме упоминалось о благодарности Скопина королю, а сверх того выражена была и горячая готовность короля, предоставив новые подкрепления, содействовать освобождению города от ложных государей, Скопин велел читать и объявлять его в важнейших местах. Знатные люди обоего пола радостно приветствовали это, повсюду царило оживление, как у птиц весной, люди уж не поодиночке, а все сообща ждали новой власти и подтверждали принятое решение.

...Город Москва уже ощущал счастливые последствия более свободного снабжения, после того как много мест было покинуто врагом, множество крепостей и городов, как Вологда, Галич, Кострома,

Романов, Молога, Нижний Новгород, (Псков), Вятка, Белоозеро, немало поморских и Углич вернулись в подчинение Шуйскому, что представляло удобство для развертывания войск в Московии и для улучшения снабжения. Наоборот, в лагере сторонников Димитрия дела с каждым днем шли все труднее: ежедневно люди Шуйского делали вылаз-

ки, вызывая тех на бой, да и наши спешили на помощь городу. Страх и многоликие образы будущей участи поселились в душе врага...

...Перехвачено было письмо от Ружинского и Сапеги к Зборовскому, в котором они советовали больше думать о сохранении войска, чем об опасных для него предприятиях, пока не придут пополнения из Польши. Якобу 10 июля было также вручено взятое у одного пленного в битве при Торжке письмо от Александра Зборовского... Письмо же я помещаю здесь дословно, чтобы обнаружить польское коварство автора:

«Александр Зборовский из Рывтян и мы, войско польское и Великого княжества Литовского, Якобу Понтусу и всему вашему войску шлем привет.

Об обиде, нанесенной нашему народу и о московитском злодеянии, совершенном над братьями нашими три года тому назад, известно, мы знаем, не только вам, соседям, но и всему миру.

Забыв о страхе Божиим, вопреки международному праву, московиты подняли руку на собственного государя и согнали его с престола. Вследствие этого мы, начав справедливую войну, вот уже два года как вторглись в эти края; с успехом, благодаря Бога, мстим за совершенное злодеяние и поддерживаем наследного государя этого народа Димитрия, сына (Ивана) Васильевича, Божией милостью князя Московии.

Нас удивляет, что вы, христиане, люди доброй веры, хоть и из разных народов, но опытные, забыв о страхе Божиим и о своих доблестях, поддерживаете дело ничтожного человека, нарушителя союзных обязательств, лжеца и обманщика, Василия Шуйского, являющегося причиной всех бед, происходящих в этом государстве, и выступаете с оружием против нас, предпринявших справедливую и угодную Богу войну. Судите сами: нам неизвестно, что ввело вас в заблуждение: лживые речи обманщиков или неведение. Мы, христиане, принадлежащие к одной с вами религии, решили известить вас, что предприняли справедливую войну с московитским народом. Советуем вам из любви христианской: не давайтесь в обман вероломным и лживым людям, ибо вы начали несправедливую войну; лучше послушайте нашей просьбы, вместе с нами помогите Димитрию, сыну (Ивана) Васильевича... Поступив по-нашему, вы не будете стыдиться чужих народов, но, наоборот, приобретете заслуженную славу доблести и справедливости, а за свои труды и военные расходы получите

с нашей помощью вознаграждение от великого князя Московии Димитрия, сына (Ивана) Васильевича, государя нашего. Пока прощайте. Мы уверены, что в правом деле, нами предпринятом, нам поможет Бог. Дано в Твери... 21 июня н. ст. в год Господень 1609».

Глава 24

...Король польский, давно уже подготовлявший обстановку для нападения на Московию, так как рассчитывал покорением ее получить более легкий способ возвращения себе дедовских владений в королевстве Шведском⁸, постарался сначала разведать о положении воюющих под Москвой и в точности узнать об умонастроениях, а затем отправил послов к димитриевым войскам, к Шуйскому, патриарху и чинам Московии.

...Слова королевских послов произвели в Димитриевом лагере волнения и разногласия, поскольку при таком множестве народа состояние умов было не одинаково. Люди из старинного дворянства, чувствовавшие почтение к королю и считавшие постыдным неповиновение, держались более мирно. Те же, у кого дома дела были в сомнительном положении, а душой владела жажда добычи, затевали смуту за смутой, отвечали оскорблениями и требовали, чтобы король ушел из Северской области и от Смоленска, принятых Димитрием под свою власть; чтобы он за службу их до сих пор в Московии уплатил жалованье в сумме 2 000 000; чтобы он оказывал по достоинству честь Димитрию и его супруге. Они обещали, если это будет исполнено, без промедления перейти к королю.

Пока шли упорные споры об этом и разногласия в войске, королевские послы не прекращали попыток привлечь на свою сторону предводителей и полковников, обещали им королевскую милость, привлекали щедростью, не сомневаясь, что куда пойдет голова, туда и ноги. Упоминают, что Христофор Зборовский много приложил к этому делу ума и богатства, какими обладал в изобилии. Соперничество и раздоры предводителей давали немало возможностей управлять их помыслами. Ведь только недавно, после битвы под Слободской, Зборовский бился на поединке с Ружинским и лишь благодаря крепкому панцирю остался цел. Сапега не признавал верховного командования за Ружинским, а этот последний не считал того равным себе. Отсюда обоюдные оскорбления, оттого и полки, которым,

находясь в опасности ввиду приближения Скопина и Якоба Делагарди, не раз напрасно приходилось просить помощи у Ружинского, теперь подумывали о короле. С согласия войска послы обращаются и к русским, бывшим в лагере. Созвав на собрание только их одноплеменников и умело действуя на души, обещают дать покровительство притесняемым, королевскую милость — заблудшим и приложить старание к умирению московитских смут. Русские, уставшие от бедствий и давно уже вздыхавшие о былом мире, охотно слушали коварные речи, жадно читали грамоты, писанные русскими буквами, прикладывали их к груди и не то для виду, не то искренне целовали написанное в них королевское имя, подавая надежду на вручение власти в Московии Владиславу. А так как дороже всего для них была греческая религия, послы не уставали свято обещать, что король прежде всего позаботится охранить старый их обряд, увеличить доходы монастырей, украсить богослужение в храмах, чтить московитских святых и не допускать ничего, противного их древней религии.

Были послы и в столичном городе государства, где власть принадлежала Шуйскому, и отдали ему грамоту, в которой король, перечисляя обиды, нанесенные ему и королевству Польскому, и причины, побудившие его начать войну против Московии, требовал удовлетворения за все расходы и отказа от шведского союза: только таким образом, писал он, можно прекратить волнения и вернуть мир народам. Шуйский и на королевскую грамоту не ответил, и советников не послал для переговоров с послами, а старался повсюду сеять ненависть к королю и ожесточение в народе: велел говорить, что тот пришел в Московию для искоренения веры, что это враг храмов, разрушитель обрядов, грабитель монастырей. Грамоты, отправленные к духовенству, чинам и некоторым вельможам, он искусно задержал, сильно опасаясь, с одной стороны, замышлявшего переворот Голицына, пользовавшегося в народе большим влиянием и любовью, с другой — непрочности уз, связывавших в городе русских с ним самим. К Димитрию король не дал послам вовсе никаких поручений...

Глава 26

...В то время как Якоб и Скопин нападают на Сапегу, польские послы ... явившись в Димитриев лагерь, стараются разузнать состояние умов. Хитростью и лаской они довели дело уже до того, что там

многие даже из русских склонились к королю и лично принесли присягу. Димитрий, со страхом видя близкое отпадение воинов и легкий успех послов, испытывая со всех сторон давление шведских сил, строил в тревоге разные планы то в одном, то в другом направлении и не знал, на кого полагаться. Наконец, проливая слезы, он оставил жену Марину и тайно бежал из лагеря в Калугу, чтобы оттуда безопаснее, как бы с наблюдательной вышки, заранее все видеть и дожидаться там окончательного приговора судьбы.

Калуга находится в 3 милях от Москвы, защищена она и численностью горожан, и крепким валом со рвом. Деревянные строения в замке и городе тогда заняты были казаками, которые приняли своего господина с большим усердием, а всю окрестную территорию заставили присягнуть его стороне. В лагере же, когда распространился слух о бегстве Димитрия, воины стали обвинять Ружинского и послов, нападали на них за изгнание великого князя и, пренебрегая авторитетом полковников и сотников, наполняли лагерь буйными криками. Распространившаяся по шатрам грамота Димитрия, в которой он обещал скоро вернуться, произвела бы, передаваясь как зараза, большие смуты, если бы Бучинский и некоторые сотники вовремя изданным приказом не пресекли на будущее мятежи такого рода, а русских тонко и искусно не связали с польским войском новой присягой. По этой присяге они обязались единодушно и храбро выступить против начинаний Якоба и Скопина. Так государство Московитское разрывалось между тремя противниками. Марина Юрьевна, супруга бежавшего Димитрия, видя, что все ее покинули, с притворной искренностью заявила послам о своем желании перейти под покровительство короля. Она написала королю письмо, в котором, жалуясь на судьбу и выражаясь большей частью довольно скромно, все-таки обнаружила высокомерие, употребляя титул императрицы Московии. Крепко держась самозванца, она скрывала в душе коварную мысль до тех пор, пока не вернутся отправленные в те дни к королю польскому послы от русских из лагеря и от бывшего Димитриева войска. Из них последние положились на волю короля вознаградить их за все надежды, пролитую кровь и издержки; первые же признали за принцем Владиславом власть над Московией. Так как, однако, польские сенаторы, хоть и считали большою честью призвание Владислава, но думали, что русские говорят об этом лишь

для испытания и для пробы, то и рассуждали с ними об условиях чрезвычайно осторожно, не доверяя рвению, обнаруживавшему не то ненависть к Шуйскому, не то свойственное времени непостоянство. Король польский отвечал уклончиво послам Димитриева войска на их подробные требования: о Димитрии и Марине, о русских вельможах, о Польской республике, об уплате жалованья и подарков.

Когда они вернулись в лагерь и сообщили обо всем, это внушило воинам всяческие подозрения. Люди стали жаловаться, что из-за политических хитростей они лишены жалованья и наград, а кормят их только обещаниями, которые могут потерять всякую цену в зависимости от любой случайности или от окончательного исхода войны. Вспоминались также обещания Димитрия, сулившего все богатства Московии. Так как с ним они могли открыто спорить, то надеялись скорее получить обещанное от него, чем от короля, ибо простые воины отступали со своими настойчивыми требованиями пред королевским величием. В грамотах (Димитрия), распространявшихся по лагерю, они именовались товарищами по оружию, их умоляли быть твердыми, верными и стойкими; им обещали самые щедрые награды; говорили, что остались еще целые области, признающие Димитрия, где они, если за ними последуют, найдут основу своего благополучия. Все это читалось, слушалось и действовало на воинов, жаждавших перемены, но еще сильнее были последствия оболещений со стороны Марины, все еще жившей в лагере. Женщина широких замыслов, она навещала шатры, сулила щедрые награды, просила каждого в отдельности, применяя уловки даже вопреки целомудрию, и этим достигла еще большего для удержания людей в верности Димитрию и переманивании их от короля. Прежде всего поддались ей донские казаки: с поднятыми знаменами, днем, у всех на глазах, они выступили из лагеря к Калуге, причем предводители напрасно пытались удержать их и очень многие были перебиты рядовыми. Марина же, убедившись, что вызвала волнения, которые нелегко утихнут, тайно глухою ночью бежала из лагеря в мужской одежде с луком и колчаном за плечами, в сопровождении некоторых служанок. В своем помещении она оставила письмо, где, позоря предводителей, указывала, что скипетр нельзя держать дрожащими руками, и со скорбным видом, бросая упреки предводителям, старалась вызвать в воинах жалость к себе и ярость для отмщения. Обнажаются мечи; с криком, бранью, с пищеями в руках люди требуют

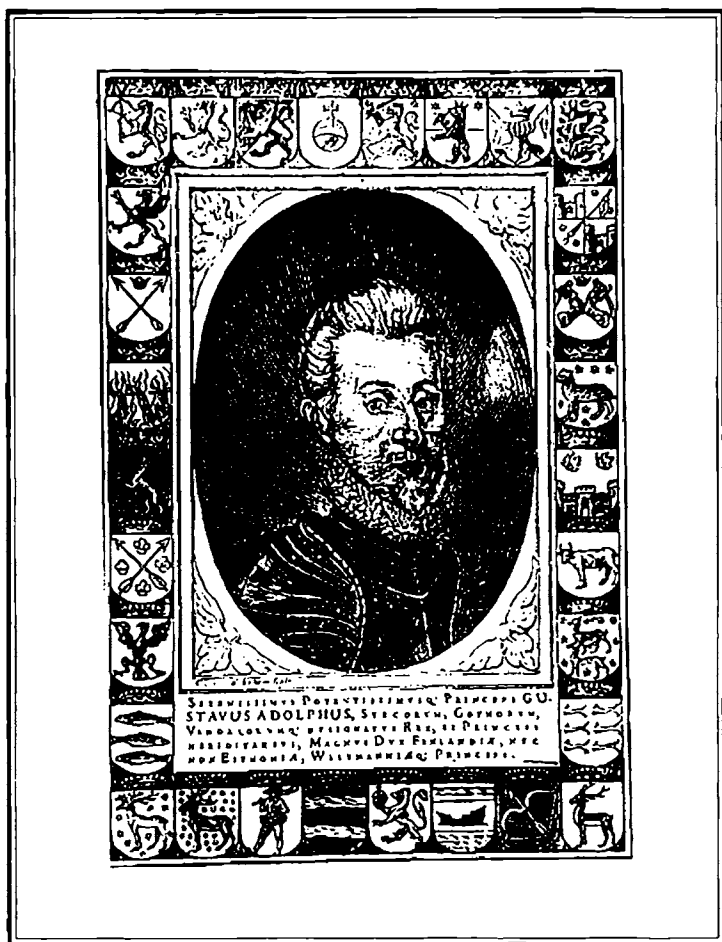

Ружинского; он, вообще человек смелый и даже дерзкий, тут и погиб бы, если бы не скрылся, как трус. Смятение несколько спало в ожидании обещанных королем даров и помощи.

...В Дмитриевом лагере была полная смута и распадение, так как с обычной для польского короля медлительностью туда еще и подарков не было прислано, и обещанные вспомогательные силы не являлись, а Потоцкий, воевода брацлавский, назначенный для доставок подкреплений, больше заботился о сохранении своего влияния при короле и придумывал одну за другой причины для дальнейшего промедления, между тем как Якоб и Сапега не упускали ни одного случая добиться успеха и угрожали со всех сторон.

Воины, которых у поляков оставалось уже не более 6 тысяч, с одной стороны, после бегства Дмитрия как бы потеряли главное начальство, с другой — сильно уменьшились в числе и ослабели из-за распушенности в лагере, наконец, боялись приближения шведского полководца: они стали пренебрегать приказами полковников и действовать сгоряча, а потом глухою ночью с 6 на 7 марта, собрав пожитки, сожгли лагерь и, обменявшись клятвой верности, поспешили в Иосифов монастырь. Одни из них отправили послов к королю польскому со старыми требованиями, другие, по смерти Ружинского, который вскоре тяжело заболел в Волоке и 8 апреля умер, целыми отрядами пошли к старому государю в надежде на щедрые награды. Вслед за ними полки Сапеги, которые сначала встали было на королевскую сторону, теперь, как оказалось, перешли к Дмитрию либо из желания действительно усилить его сторону, либо для того, чтобы этой военной угрозой связать победоносного Шуйского и не дать ему, избавившись от всякого страха, мешать королю Сигизмунду в осаде Смоленска. Как бы то ни было, они придали немало сил войскам, отходившим на Калугу. Остальных, уходивших с предводителем, преследовали шведские лыжники по направлению к Старице. Перешли под знамена короля в полном составе 6 сотен из конного полка копейщиков Зборовского, весь полк Андрея Млоцкого, конные отряды бывшего главнокомандующего Романа Ружинского, Розецкого, Виламова, Маркова. Все позднее, по взятии Москвы, частью понесли горькую кару, частью же ввиду того, что по окончании московитской войны не выполнены были щедрые обещания королевских послов, стали причиной и основанием большого мятежа в Польше.

...Возвратившись, Димитрий... был занят осадой города Москвы, опираясь главным образом на полки Льва Сапеги и сбежавшихся к нему поляков. Когда же самозванец, почувствовав подозрение, стал ими пренебрегать, Жолкевский, пользуясь случаем, на основании договора об избрании Владислава, употребил все усилия, чтобы отозвать их к себе. Он не раз посылал некоторых военачальников склонять тех к отпадению, убеждать их вспомнить о власти польского короля, от которого они получают и более верное жалованье, и больше славы. Так как эти обещания не действовали, он совершенно неожиданно подтягивает войско в боевом строю и приводит в ужас колеблющихся. Между тем Димитрий, который со своей Мариной

Густав II Адольф, король шведский

жил в соседнем монастыре, услышав, что его воинов тянут в другую сторону, что Жолкевский слишком часто сносится с Сапегой и замышляет погубить его, вдруг бежал и направился в Калугу, роковое для него место, ранее — в смысле спасения, а теперь — в смысле гибели. Тем не менее воины упорно настаивали на выполнении некоторых условий, поставленных ими королем, пока наконец, под влиянием усилий и старания Сапегы, не перешли на сторону короля, покинув старого господина. Димитрий, засев в Калуге с несколькими знатными москами и имея с собой несколько хоругвей донских казаков и татар, пылал ненавистью к дезертирам и не терял надежды, пока жив, поправить свои дела.

Призвав в союзники татар, он со своей Мариной вполне доверился им. Однажды они, рассеяв отряд какого-то польского сотника

(centurionis), привели в Калугу несколько пленных. Самозванец, обрадованный этим успехом, вышел из города для забавы с 300 татар, начальником которых был Петр Урусов (Urusovo, Roslanof). Привезли туда несколько бочек вина, выбрали поле, удобное для пляски; Димитрий зовет к себе наиболее выдающихся татар и предается беззаботному веселью. Пока они ублажают свои беспокойные души,

наливают и пьют большие чары, упомянутый Урусов велит остальным татарам напасть на пьяных; те начинают с убийства знатных русских, а он сам, поразив самозванца свинцовой пулей, отрубает ему голову, насмешливо говоря: «Довольно тебе, вору и разбойнику, топить и стегать заслуженных мурз». Дело в том, что Урусов, рассказывают, долго нес тюремное наказание за то, что ненамеренно убил некоего мурзу; а убил он его вместо сына касимовского хана (Reguli, Koningens), который помог подло утопить его отца. Выпущенный из заключения, он затаил в сердце острую жажду мести без всякого желания простить виновного и, подговорив татар, совершил это преступление. После того он с товарищами, числом до 2 тысяч, возвратился на родину, занимаясь грабежом. Казаки и русские, решив отомстить за это преступление виновникам, собрались слишком поздно. Марина, супруга Дмитрия, напуганная убийством мужа, бежит вдруг с распущенными волосами из крепости в город; наполняет все кругом стонами, жалобами и яростными криками, подстрекает донских казаков на оставшуюся часть татар и добивается низкой мести за супруга: их убивают до 200 человек.

Труп самозванца с пришитой головой был по установленному обряду погребен русскими и казаками 11 декабря в храме калужской крепости. Уже после его смерти Марина, которой калужцы вручили власть, родила сына и долго показывала его горожанам, как будущего великого князя.

Таков был конец Ажедмитрия, самодержца., который, издеваясь над всей Московией и опираясь на мнимое право, хотел наделить государственной властью угасший род великого тирана Ивана Васильевича. Происхождение его (Ажедмитрия. — *Ред.*) неведомо: некоторые по каким-то неясным догадкам утверждали, что он был учителем сокольской школы, другие считали его евреем. Безродный и бездомный, он никому из смертных был не известен, пока не стал изображать мнимого государя.

Примечания

¹ Выдержки из сочинения шведского историка 2-й половины XVII в. Ю. Видекинда «История десятилетней шведско-московитской войны» (было издано в Швеции в 1671–1672 г.) воспроизводятся по рукописи перевода, подготовленного к изда-

нию сотрудниками ЛОИИ АН СССР в 30-е, 70-е годы XX в. Текст в скобках — из шведского варианта рукописи, уточняющего латинский, принятый за основной.

² Третьим Видекинд называет Тушинского вора, считая вторым Дмитрием самозванца, которого представлял в Путивле Шаховской.

³ Синон — герой послегомеровских сказаний, связанных с осадой Трои. Будто бы перебежавший к троянцам Синон, родственник Одиссея, посоветовал им втащить в город деревянного коня.

⁴ Салтыков.

⁵ Речь идет о времени после удачного наступления русско-шведского войска, после Старой Русы, Порхова и пр.

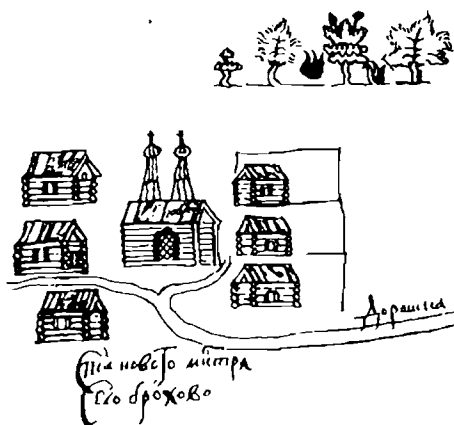
⁶ Ошибка Видекинда.

⁷ Имеется в виду Якоб Делагарди, шведский генерал, возглавлявший шведские части в России.

⁸ Сигизмунд III был сыном шведского короля Юхана III.

КОНРАД БУССОВ МОСКОВСКАЯ ХРОНИКА¹ 1584–1613 гг.

Глава XII

Об Иване Исаевиче Болотникове, который пришел в Польшу из Венеции, и о том как в Польше некто, требовавший, чтобы его титуловали Дмитрием и царем России, послал его воевать в Россию.

...Как только он (И. Болотников. — *Ред.*) услышал там, что его государь, царь Дмитрий, спасся от рук московских убийц, прибыл в Польшу и сейчас, как говорят, находится у Сандомирского воеводы, он отправился к нему. После того как тот, кто выдавал себя за Дмитрия, тщательно проверил и расспросил его, кто он, откуда он приехал

и каковы его дальнейшие намерения, и по его ответам прекрасно понял, что Болотников — опытный воин, он спросил его, хочет ли он ему служить против своих преступных соотечественников, этих вероломных злодеев. Когда тот ответил, что в любое время готов отдать жизнь за своего наследного государя, мнимый Дмитрий сказал ему: «Я не могу сейчас много дать тебе, вот тебе 30 дукатов, сабля и бурка. Довольствуйся на этот раз малым. Поезжай с этим письмом в Путивль к князю Шаховскому. Он выдаст тебе из моей казны достаточно денег и поставит тебя воеводой и начальником над несколькими тысячами воинов. Ты вместо меня пойдешь с ними дальше и, если Бог будет милостив к тебе, попытаешь счастья против моих клятвопреступных подданных. Скажи, что ты меня видел и со мной говорил здесь в Польше, что я таков, каким ты меня сейчас видишь воочию, и что это письмо ты получил из моих собственных рук».

С письмом и с этими вестями Болотников немедленно отправился в Путивль, где был принят радушно и благожелательно, и все это побудило и склонило путивлян твердо поверить, что Дмитрий, как им уже ранее сообщил князь Григорий, несомненно спасся и еще жив. Они стали еще смелее бороться с клятвопреступниками, проливали свою кровь и теряли свое состояние и имущество ради него, хоть он и вовсе был не истинный, а новый, подставленный поляками Дмитрий.

На основании этого письма и этих вестей Болотников был назначен большим воеводой (*zum Bolshoi Woynwoden*), т. е. старшим военачальником, и послан с 12 000 ратников через Комарицкую волость к Истому Пашкову под Москву, которую он вскоре осадил и даже добился бы сдачи города, если бы этому не помешало несогласие, начавшееся между обоими воеводами. Произошло это потому, что, придя под Москву, Болотников, как старший военачальник, вместо Дмитрия, захотел занять для своего лагеря самое удобное место и потребовал, чтобы он почитался большим начальником, чем Пашков, поскольку этот был поставлен воеводой (*zum Woynwoden*) одним только князем Шаховским, а его, Болотникова, в Польше назначил и поставил в старшие военачальники сам мнимый царь. Поэтому Пашкову пришлось уйти с занятого им места и уступить его Болотникову и его ратным людям.

Так как это бесчестье и позор сильно рассердили Истому, он задумал в свою очередь сыграть шутку с Болотниковым и потому вступил в тайные переговоры с московским врагом, царем Шуйским;

получив от него большие подарки золотом и серебром, он сообщил ему, что до настоящего времени еще ни одна живая душа в Путивле Димитрия не видела и о нем знают не более того, что в самом начале сообщил князь Григорий Шаховской, а именно — что он не убит, а тайно ушел и укрылся в Польше и т. п. Кроме того, Пашков сообщил еще про то, что Болотников рассказывает, как он не только видел Димитрия в Польше и с ним разговаривал, а даже им самим был там назначен старшим военачальником вместо него. Правда ли, что Димитрий бежал и находится в Польше и сам прислал этого Болотникова, назначив его вместо себя, или же поляки и Шаховской выпестовали нового Димитрия, этого он знать не может, но, как сказано, до настоящего времени Димитрия в Московии никто не видел.

Тогда жители города Москвы послали в лагерь к Болотникову такое требование: если тот Димитрий, который прежде был в Москве, жив и находится у него в лагере или где-либо в ином месте, то пусть Болотников покажет его или призовет его к себе, чтобы они увидели его собственными глазами. Если это произойдет, они перед Димитрием смилятся, будут умолять о прощении и милости и сдадутся ему без сопротивления.

Болотников ответил, что Димитрий действительно живет в Польше и скоро будет здесь. Он сказал также: «Я у него был, и он сам лично назначил меня вместо себя старшим военачальником и отправил в Путивль с письменным распоряжением». Московиты сказали: «Это несомненно другой, мы того Димитрия убили» — и стали уговаривать Болотникова, чтобы он перестал проливать невинную кровь и сдался царю Шуйскому, а тот сделает его большим человеком. Болотников ответил: «Этому моему государю я дал нерушимую клятву не жалеть своей жизни ради него, что я и сдержу. Поступайте, как вам кажется лучше, если вы не намерены сдаться добром, я тоже вместо моего государя поступаю так, как мне кажется лучше, и скоро вас навещу».

После этих переговоров Болотников спешно отправил гонца к князю Григорию Шаховскому с сообщением о желании москвичей и с просьбой как можно скорее послать в Польшу к царю Димитрию и приложить все старание, чтобы убедить его не мешкая и как только можно скорее вернуться в Россию и заявиться в лагере Болотникова, так как тот довел дело с москвичами до того, что они окончательно решили, как только снова увидят Димитрия, покориться ему, умолять

о прощении и милости и сдаться без всякого сопротивления, а посему Димитрий не должен больше набирать ратных людей или приводить их с собой, а должен только сам лично как можно быстрее поспешить сюда, так как дело только за тем, чтобы увидели его особу воочию. Тогда все вскоре образуется, жители Москвы быстро схватят его предателей за загривок и выдадут их ему.

Князь Григорий не стал мешкать, написал и спешно послал в Польшу, но тот, кто по уговору с ним обещал выдать себя за Димитрия и прикинуться им, не решился на такое хитрое дело, не пожелал стать Димитрием, остался в Польше добрым дворянином и предоставил кому угодно драться за Московское царство. Так как никакого Димитрия им не показывали, московиты осмелели и стали ежедневно делать вылазки, храбро вступая в схватки.

...Болотников писал и часто посылал гонцов в Польшу к своему государю, направившему его в Россию, с просьбой о помощи, но тот не явился и оставил его в беде. Казаки и все тульские жители были очень озлоблены против Болотникова и Шаховского, хотели их схватить и отослать к их врагу, Шуйскому, за то, что они выдумали такую басню и уверили их, что Димитрий еще жив.

Болотников сказал: «Какой-то молодой человек, примерно лет 24 или 25, позвал меня к себе, когда я из Венеции прибыл в Польшу, и рассказал мне, что он, Димитрий и что он ушел от мятежа и убийства, а убит был вместо него один немец, который надел его платье. Он взял с меня присягу, что я буду ему верно служить; это я до сих пор и делаю и буду делать впредь, пока жив. Истинный он или нет — я не могу сказать, ибо на престоле в Москве я его не видал. По рассказам, он с виду точно такой, как тот, который сидел на престоле». Князя Григория Шаховского они посадили в тюрьму за то, что он говорил, что Димитрий ушел с ним из Москвы, объявили, что не выпустят его оттуда до тех пор, пока не придет Димитрий и не вызволит их. Если же он не придет, то они его, Шаховского, как зачинщика и начинателя этой войны и кровопролития, выдадут врагу — Шуйскому.

Болотников послал из осажденного города одного поляка², Ивана Мартыновича Заруцкого, который должен был разузнать, что с государем, которому Болотников присягал в Польше. Собирается ли он приехать сюда и как вообще обстоит дело с ним? Заруцкий доехал до Стародуба, не отважился ехать дальше, остался там и не принес назад никакого ответа.

Главы XIII и XIV

Об одном казаке, которого направили в Польшу, чтобы поторопить Дмитрия или передать все польскому королю, и о том, как некто из Шклова в Польше выдал себя за Дмитрия и приехал в Россию.

Болотников и князь Григорий Шаховской велели одному казаку переправиться с письмами вплавь через реку и добраться до Польши. Указывая и жалуясь на свое крайне бедственное положение, они сообщали, что если никто из близких воеводы Сандомирского не отважится выдать себя за Дмитрия и не вызволит их, то тогда они преподнесут и передадут его величеству королю польскому все крепости и города, которые они захватили и подчинили себе именем Дмитрия, с тем, чтобы его величество вызволил их и они не попали бы во власть московитов. Получив это письмо, близкие воеводы Сандомирского стали измышлять способ раздобыть кого-либо, кто выдал бы себя за Дмитрия, и нашли у одного белорусского попа в Шклове, который был под властью польской короны, школьного учителя, который по рождению был московит, но давно жил в Белоруссии, умел чисто говорить, читать и писать по-московитски и по-польски. Звали его Иван. Это был хитрый парень. С ним они вели переговоры до тех пор, пока он, наконец, не согласился стать Дмитрием. Затем они научили его всему и послали в Путивль с господином Меховецким. Там его приняли как Дмитрия и оказали ему почести, что доставило большую радость всем тем, кто был на стороне Дмитрия. Этот новый Дмитрий поехал около дня св. Иакова из Путивля на Новгород-Северский (Sibers), а оттуда дальше на Стародуб всего-навсего втроем, с Григорием Кашнецом и с одним писцом по имени Алексей, не выдавая себя, однако, за царя, а говоря, что он царский родственник Нагой, а сам царь недалеко, он идет с господином Меховецким и множеством тысяч конников, пусть они поэтому ликуют, ибо за их верность и постоянство он их щедро пожалует и даст им большие привилегии. Но когда оказалось, что Меховецкий задерживается с приездом дольше, чем это было им сказано, жителей Стародуба взяла досада, что над ними издеваются. Поэтому они взяли писца Алексея вместе с Григорием Кашнецом и с тем, кто выдавал себя за Нагого, а сам был Дмитрием Вторым, повели их всех троих на дыбу, писца раздели, и палач расписал ему всю спину кнутом, и при этом ему еще сказали,

что отпустят его не раньше, чем он сообщит, где находится их царь Димитрий, жив ли он, где он, отчего его так долго нет и т. п.

К подобной росписи бедняга писец не привык, он и решил: будь что будет угодно Николе, а он скажет, что этот Нагой на самом деле Димитрий, а вовсе не Нагой, за которого он себя выдает. Поэтому он попросил, чтобы его отпустили, и тогда он скажет, где царь. После того как палач снял его с дыбы, он сказал народу: «Ах вы, дурни, ну как вы посмели ради вашего государя эдак отделать меня? Вы что, не узнаете его, что ли? Он же стоит и смотрит, как лихо вы со мной обращаетесь, вон он стоит, тот, который выдает себя за Нагого, глядите на него. Хотите его сожрать вместе с нами — жрите, поэтому-то он не хотел объявиться, пока не испытает вас и не узнает, радуетесь ли вы его приезду». Когда стародубцы услышали такие речи, эти бедные, жалкие, невежественные люди упали ему в ноги, и каждый за себя сказал: «Я виноват, государь (Ja winewat Aspodar), перед тобой и готов пожертвовать жизнью за тебя в борьбе против твоих врагов». Затем они повели его с большим почтением в Кремль, в царские палаты, и так Димитрия Второго приняли, оказав ему почести, как истинному Димитрию.

Когда об этом узнал Иван Мартынович Заруцкий (который, как сказано выше, был послан из Тулы к Димитрию и там, в Стародубе, так долго задержался), он очень обрадовался приезду Димитрия, поспешил к нему, чтобы передать ему письмо, но с первого взгляда понял, что это не прежний Димитрий, однако на людях виду не показал и, невзирая на это, воздал ему царские почести, как будто он был обязан сделать это и прекрасно знает его, хотя раньше он его никогда не видал. Эта большая почтительность Заруцкого еще больше убедила стародубцев в том, что это несомненно Димитрий Первый. В этот же самый день Меховецкий с несколькими отрядами польских конников тоже приехал в Стародуб. Димитрий велел ему тотчас же отправиться в Козельск и освободить город от осады. Он сказал также, что сам вскоре последует за Меховецким и освободит от осады Тулу и Калугу (где тогда и сам я сидел в осаде).

Этот Димитрий Второй подверг население Стародуба в тот день еще большему испытанию. Он приказал Ивану Заруцкому, чтобы тот сел на коня и с копьем поехал за ворота, после чего он сам последует за ним и они станут состязаться и сшибаться друг с другом, пусть

он храбро нападет на него и слегка заденет его копьем за платье, а он тогда упадет, как будто бы его столкнули силой. После этого Заруцкий должен поехать на свою квартиру и спрятаться. Если стародубцы захотят расправиться с ним, то Димитрию из этого станет ясно, что они ему, как своему царю, верны, а он, конечно, не допустит, чтобы Заруцкому причинили что-либо худое. Заруцкий сделал, как ему было приказано, Димитрий упал с коня и притворился полумертвым. Когда стародубцы это увидели, они закричали, что изменника (den Ismenik) Заруцкого нужно схватить, поймали его в воротах, очень основательно избили дубинами, привели связанного к Димитрию и спросили, что с ним делать. Когда Димитрий увидел, сколько народу набросилось на Заруцкого, он засмеялся и сказал: «Благодарю вас, православные. Теперь я во второй раз убедился, что вы мне преданы. Со мною, слава Богу, ничего не случилось, я хотел только вас испытать и поэтому подговорил Заруцкого». Они подивились его хитрости и посмеялись. Заруцкому же пришлось стерпеть эту грубую затею.

...Год 1608-й. Вскоре после Нового года выпал такой глубокий снег, что в эту зиму противники не могли ничего предпринять в поле

Московские бояре

друг против друга, но все же они сталкивались иногда на загоне. Кто при этом оказывался сильнее, тому и доставалась добыча. Узнав, что Шуйский так сильно пополнил свое войско и снова собирается выступить, Дмитрий послал в январе этого же года в Польшу, чтобы также вызвать к себе побольше польских конников, и оттуда к нему пришли господин Самуил Тышкевич с 700 конных копейщиков и господин Александр-Иосиф Лисовский с 700 конных копейщиков. После прибытия этих поляков Дмитрий пошел со своим войском под Брянск и осадил его.

...Под Брянск в лагерь к Дмитрию пришли из Польши: князь Адам Вишневецкий (в то время мой на редкость благожелательный господин и большой друг) с 200 конных копейщиков и князь Роман Рожинский с 4000 конных копейщиков. Когда силы Дмитрия так возросли, он снял осаду Брянска и пошел к Орлу, который расположен совсем близко от города Волхова, где находилось войско Шуйского. Главным или старшим военачальником у Дмитрия был Меховецкий. Он был оттеснен Романом Рожинским, который и был утвержден главным или старшим военачальником.

В апреле они продвинулись поближе к Волхову, отчего москвиты пришли в ужас и многие из них решили, что раз к нему пришло столько тысяч поляков, то он действительно Дмитрий первый. Поэтому к нему пришло много князей, бояр и немцев, которым он тотчас дал земли и крестьян, больше, чем они до этого имели. Это было причиной того, что они неизменно оставались на его стороне, хотя и хорошо видели, что он не Дмитрий Первый, а кто-то иной.

Дмитрий приказал объявить повсюду, где были владения князей и бояр, перешедших к Шуйскому, чтобы холопы пришли к нему, присягнули и получили от него поместья своих господ, а если там остались господские дочки, то пусть холопы возьмут их себе в жены и служат ему. Вот так-то многие нищие холопы стали дворянами, и к тому же богатыми и могущественными, тогда как их господам в Москве пришлось голодать.

Глава XV

О том, как в 1609 году Русская земля со всех сторон подверглась нападениям, нашествиям и притеснениям.

В этом году беды с еще большей силой обрушились на все четыре конца России, так что отсюда легко было понять, что Господь Бог гневается на эту землю и сурово взыскивает с ее жителей. Всюду шли большие кровопролитные войны. Димитрий Второй упорно осаждал Москву и Троицу. Где только можно было причинить ущерб москвитам, там его десять тысяч ратников не ленились, жгли, убивали, грабили всюду, куда им только удавалось попасть.

Они завалили лагерь всяким провиантом: маслом, мукой, медом, питьевыми медами, солодом, вином, всевозможным скотом в таком изобилии, что можно было удивляться. Головы, ноги, печень, легкие и другие внутренности животных выбрасывались, и их так много лежало всюду на проходах в лагере, что собаки не могли всего сожрать, и из-за этого в лагере распространилось такое зловоние, что даже стали опасаться мора. Ежедневно самые маленькие люди в лагере варили и жарили что только есть отменного, пили больше медов, чем пива, в таком изобилии был найден сотовый мед у крестьян и в монастырях.

...В этом 1609 г. князь Михаил Скопин вернулся из Швеции и привел с собой Понтуса Делагарди с 3000 немцев и с воинами из других народов. Когда он пришел в Новгород Великий, он собрал и всех местных князей, и бояр к себе, намереваясь освободить с ними Москву, как об этом будет дальше сказано. Иноземные воины, которых он привел с собой, тоже не оставили на месте ничего, кроме слишком горячего или слишком тяжелого.

С третьей стороны в это лето 1609 г. в Россию вторглись также и татары с 40 000 человек и за три раза увели за рубеж бесчисленное множество захваченных людей и скота, не считая того, сколько они поубивали и побросали старых и малых, не имевших сил идти с ними, да и скота тоже. А об ужасном вреде, который они причинили стране поджогами, и говорить не приходится. В это время раздавались горестные стенания жителей, потерявших не только скот, но и людей, ибо многие жены лишились мужей, мужья — жен и детей, так что даже камень — и тот разжалобился бы.

В том же году возмущился один польский боярин, по имени Ляпунов, переманил на свою сторону несколько принадлежавших Москве городов и повел войну против Димитрия, против Шуйского, а также против его величества короля польского. Он называл себя белым царем

(Belo Zayr), хотел бороться, как говорил, за христианскую московитскую веру; где проходили его войны, там после них даже трава не росла. На четвертом конце земли русской в феврале, марте и апреле указанного года снова отпали от Дмитрия Второго некоторые присягавшие ему города, а именно: Вологда, Галич, Кострома, Романов, Ярославль, Суздаль, Молога, Рыбинск и Углич. Во всех углах толпами собирались тысячи крестьян. С теми немцами и поляками, которых они заставляли в загоне (auf der Sagon), т. е. в поисках провианта или в разведке, они поступали во много раз грубее и беспощаднее, чем поступали с ними прежде поляки. Если крестьяне приходят в ярость, они обычно ведут себя, как обезумевшие, помешанные, и, как дикие свиньи, не щадят ничего, разрывают и раздирают, что только могут, и, ударив раз, продолжают бить по тому же месту. Сохрани Бог попасть в их руки какому-нибудь честному воину.

Единственной причиной их отпадения от Дмитрия были несправедливости и большие бесчинства поляков, которые не могли отказаться от грабежей и насилия, пока их не стали спускать под лед, перерезать им горло или даже вздергивать на виселицу. Они отнимали силою у бедняков, невзирая на то, что те присягнули Дмитрию, все, что у них было, как если бы это были злейшие враги, а ведь эти бедные люди много отдавали в лагерь на содержание войска. Из-за этого им приходилось все прятать и закапывать в землю от грабителей-поляков, что слишком тяжело было постоянно терпеть этим людям, и дало им повод (еще до того, как они узнали о приходе Скопина и Понтуса) взбунтоваться против грабителей-солдат Дмитрия и отпасть от него. Некоторых поляков они убили, некоторых спустили живыми под лед, приговаривая: «Вы, глаголи (glagolen), вконец разорили нашу местность и сожрали почти всех коров и телят, отправляйтесь теперь к рыбам в Волгу и нажирайтесь там до смерти». Для того чтобы обуздать отпавших крестьян, из лагеря были посланы в Романов Самуил Тышкевич, а в Суздаль и потом в Ярославль — пан Лисовский. Но крестьяне в своих лагерях так окопались и укрепились частоколами или тынами, что поляки ничего не смогли с ними поделать и должны были оставить их в покое.

...Глава XVIII

О посольстве его величества короля польского к польским воинам в лагерь Дмитрия.

Рождественским постом 1609 г. Сигизмунд III, король польский и пр., отправил посольство в лагерь Дмитрия под Москву, но не к нему, а к его главному полководцу князю Роману Рожинскому и к польскому рыцарству. Легатами и послами были: Господин Стадницкий, Господин Зборовский, Господин Людвиг Вейгер и пан Мартцын, ротмистр. Королевское обращение к войску было таково: пусть они вспомнят, что в прежние годы своим бунтом в Польше они совершили *Crimen laesae Majestatis*³. Все это будет прощено им и забыто и все, что было отнято у них в Польше, будет возвращено им, если они схватят и привезут под Смоленск к его величеству того самозванца, которому они присягнули и служат и который называет себя Дмитрием, но на самом деле не Дмитрий и т. д. Однако это сохранялось в тайне весь Рождественский пост.

Дмитрий удивлялся, что послы не являются к нему и не просят аудиенции. Ему и в голову не приходило, что посольство направлено

на гибель ему. Но так как время шло, а послы не просили никакой аудиенции, то Дмитрий затревожился и на четвертый день нашего Рождества позвал к себе своего полководца Романа Рожинского и спросил его, в чем там дело с королевскими послами, что они столько недель живут в лагере и не просят разрешения прийти к нему и получить аудиенцию.

Рожинский, который уже побеседовал со старшими военачальниками и дворянами, решил, как и они, выполнить желание короля, но сейчас был сильно пьян, разразился грубыми ругательствами и угрозами и с криком: «Эй, ты, московский сукин сын» замахнулся на него булавой. «Зачем тебе знать, какое у послов до меня дело! Черт тебя знает, кто ты такой. Мы, поляки, так долго проливали за тебя кровь, а еще ни разу не получали вознаграждения и того, что нам положено еще».

Димитрий вырвался от него, пришел к своей супруге, упал к ее ногам, пожелал ей со слезами и рыданиями доброй ночи и сказал: «Польский король вошел в опасный для меня сговор с моим полководцем, который так меня сейчас разделал, что я буду не достоин появляться тебе на глаза, если стерплю это. Или ему смерть, или мне гибель, у него и у поляков ничего хорошего на уме нет. Да сохрани, Господь, меня на том пути, в который я собираюсь отправиться, сохрани, Господь, от лукавого и тебя, остающуюся здесь».

Переодевшись в крестьянское платье, он и его шут, Петр Козлов, сели в навозные сани и уехали 29 декабря 1609 г. из лагеря в Калугу, и никто не знал, куда девался или куда запропастился царь, убили ли его или он убежал. Большинство считало, что он убит и тайком выброшен. Димитрий же поехал не прямо в Калугу, а сначала мимо Калуги в ближайший монастырь, послал несколько монахов к калужанам, велел сообщить им, что поганый польский король не раз требовал от него, чтобы он уступил ему Северские земли, которые в прежние времена принадлежали Польше, но он ему отказал ради того, чтобы поганая вера не укоренилась в этих землях, а теперь король подговаривает его военачальника Романа Рожинского и поляков, которые так долго ему служили, чтобы они схватили его и привели к королю под Смоленск, а он, Димитрий, узнав об этом, скрылся и спрашивает теперь народ, что они собираются делать и решить в его деле. Если они останутся ему верны, то он приедет к ним, с помощью Николая (Угодника) и всех присягнувших ему городов отомстит не только Шуйскому, но и своим клятвопреступным полякам так, чтобы они это хорошенько почувствовали. Он готов умереть вместе с народом за христианскую московитскую веру и все остальные поганые веры искоренит, польскому же королю ни села, ни деревеньки, ни деревца, ни тем более города или княжества не уступит.

Это очень понравилось русским в Калуге, они сами пришли к нему в монастырь, поднесли ему хлеб и соль и повели его с собой в калужский острог, в палаты воеводы Скотницкого, подарили ему одежду, лошадей и сани, позаботились о его кухне и погребѣ. А произошло это 17 января нового 1610 г.

Что в 1610 г. произошло и случилось с Димитрием, с Шуйским, а затем также и с его величеством королем польским.

После этого Димитрий написал князю Григорию Шаховскому, который с несколькими тысячами казаков выступил против польского короля и стоял лагерем у Царева Займища недалеко от Вязьмы, чтобы он повернул назад и быстро шел опять в Калугу. Тот пришел на пятый день после Дня поклонения волхвов в Калугу, и там был основан новый царский двор. Димитрий написал во все города, оставшиеся на его стороне, чтобы всех поляков, которые были в их местах или придут туда, убивали, а все их имущество доставляли ему в Калугу. Если купцы или воины владели имуществом на селе или в городе, то все это следовало у них забрать и никого из них в живых не оставлять.

Боже милостивый, сколько благородных поляков при этом непредвиденном обороте дела плачевно лишилось жизни, было при-
тащено к реке и брошено на съедение рыбам! Сотни купцов, которые направлялись в Путивль и Смоленск и везли в лагерь бархат, шелк, ружья, вооружение, вино и пряности, были захвачены казаками и приведены в Калугу. Димитрий отнял у них все и не оставил им ничего, чем они могли бы поддержать свою жизнь. Одному Богу и тем немцам, которые в то время жили в Калуге, Перемышле и Козельске, до конца известно, сколько страха, бедствий и ужаса им не раз приходилось испытывать вместе с поляками.

Сначала Димитрий очень благоволил немцам, но когда Понтус⁴ со своими ратниками, главным образом немцами, нанес ему так много вреда, он стал злейшим врагом немцев, и более всего потому, что из-за происков польского короля он был вынужден тайно покинуть свой лагерь и свое войско и бежать. Сначала он отнял у немцев все их поместья, потом он забрал у них дома и дворы со всем, что у них там было, и все это отдал русским по той единственной причине, что их недоброжелатели русские ложно донесли ему на них, будто бы они больше хотели быть у поляков, чем у русских, и тайно ведут переговоры с польским королем, воины которого из королевского лагеря

под Смоленском часто наезжали в те места, где был Димитрий. Поэтому немцы должны были ежечасно ожидать смерти. Он запретил нам даже наше Богослужение, и мы, бедные люди, пребывали в это время в немалой скорби и тревоге, особенно наш проповедник и духовный пастырь господин Мартин Бер', на жизнь и имущество которого там, в Козельске, зарились 25 попов, но Господь Бог чудесным образом защитил его от них и сохранил.

На другой день после того как Димитрий Второй убежал из лагеря, поляки и московитские князья и бояре вместе с патриархом Федором Никитичем, который был у них в лагере, созвали собор и совет о том, что теперь делать, когда Димитрий сбежал. Они все поклялись быть в дружбе друг с другом, а также не переходить ни к польскому королю, ни к Шуйскому, а если явится кто-либо, кто будет выдавать себя за Димитрия, не верить ему и не признавать его, а тем более не принимать обратно его самого. Они стали поносить и царицу Марину Юрьевну, да так, что писать об этом не приличествует, и это побудило ее тайно скрыться из лагеря в Дмитров к господину Сапеге.

3 января 1610 г. Димитрий Второй послал одного боярина, по имени Иван Плещеев, из Калуги в лагерь разведать, какого о нем мнения рядовые поляки и что они говорят, думают ли они, что лучше было бы, если бы он остался и был с ними или нет.

Если тот заметит, что они с охотой примут его обратно, то пусть скажет им, что царь Димитрий повелел сообщить им следующее: он потому отсутствует, что хочет набрать денег, и с этими деньгами как можно скорее приедет к вам и заплатит вам за несколько кварталов, если вы живым или мертвым доставите в Калугу его воеводу Романа Рожинского, этого клятвопреступного изменника.

Поляки очень легко согласились бы на это, если бы вышеупомянутая клятва, которую они дали после бегства Димитрия, не послужила им помехой и не удержала бы их. Ничего не добившись этими просками, Плещеев взялся за Ивана Мартыновича Заруцкого, который был полковником над 20 000 казаков, попробовал, не удастся ли ему подбить его и казаков на то, чтобы они покинули лагерь и поляков и перешли в Калугу к Димитрию, но и в этом не преуспел. Полковник Заруцкий отправился с большинством казаков из лагеря под Смоленск к польскому королю. Многие казаки, которым до смерти надоела эта диковинная война, ушли снова в Дикое поле, а в Калугу к господину

Димитрию направились только 500 казаков, за которыми погнались поляки из лагеря, и в пути многих из них затоптали конями или убили.

Вскоре после этого Димитрий послал в лагерь к полякам еще и калужского воеводу пана Казимира, настоящего Вертумна⁶. Этот с поляками был истым поляком, а с русскими — истым русским. Когда он заметил, что ничего не может добиться у поляков, он так долго ластился к господину Рожинскому, что ему наконец разрешили снова уехать в Калугу, чтобы забрать оттуда и тайно переправить в лагерь все его оставшееся там добро, но обязали его, после того как это будет сделано, тоже тайком удрать и вернуться в лагерь к полякам. Этому Казимиру Рожинский дал записку для господина Скотницкого, который долго воеводил там, но потом впал у Димитрия в немилость и был смещен, ибо отказался идти против польского короля. В записке этой было написано, чтобы Скотницкий сплотил вокруг себя всех поляков, которые были на заставах в Калужском крае (*auf den praestaven*), и они схватили бы Димитрия и привезли его в лагерь.

Записку придворный льстец Казимир отдал самому Димитрию, сказав, чтобы он прочитал, что пишет его вероломный полководец Рожинский воеводе Скотницкому. Как только Димитрий, читая записку, узнал, что он столь коварно должен быть схвачен Скотницким, он разъярился и тотчас же, не расследовав дела и не учинив допроса, приказал палачу и его подручным взять ночью Скотницкого, отвести его к реке Оке, протекающей у Калуги, и спустить его под лед.

Когда же бедняга спросил, почему с ним так поступают, что он такого сделал, в чем его преступление, почему с ним, не выслушав его и не допросив, так обращаются в этой темени, подручные палача ответили, что царь Димитрий приказал им не спорить с ним, а стащить его в реку. Они накинули ему на шею веревку и поспешили с ним к реке, словно они тащили дохлую собаку. Последние его слова были: «Если такова награда за то, что я в течение 2 лет так преданно служил и выдержал такую тяжкую осаду, то да сжалится надо мной Господь!» У его жены и детей было отнято все, что они имели, и отдано пану Казимиру за совершенное им предательство. При этом Димитрий в ярости поклялся, что если Бог поможет ему сесть на престол, он не оставит в живых ни одного иноземца, даже младенца в утробе матери.

13 января упомянутого года приехал в Калугу самый преданный каморник царицы Юрген Кребсберг, родом из Померании, переодетый

в крестьянское платье. Царица послала его из Дмитрова с устным поручением к своему супругу Димитрию. Его приняли с радостью, богато одарили и отправили спешно обратно также с устным ответом, в котором было сказано, чтобы царица приложила все усилия и старания, чтобы тайно как можно скорее выбраться оттуда в Калугу к Димитрию, а не дала бы полякам увезти себя оттуда к королю под Смоленск, о каковом намерении поляков Димитрию доставлены достоверные сведения и т. п.

В это же время Скопин и Понтус, наконец, собрались идти на Дмитров, под которым в постоянном страхе стоял господин Сапега, посему он и посоветовал царице, если она не желает ехать в Польшу к своему отцу и матери и не хочет попасть во власть Скопина и Понтуса, тайно выйти и отправиться в Калугу к своему супругу. Царица

Якоб Делагарди

ответила: «Чем мне, русской царице, с таким позором возвращаться к моим родным в Польшу, лучше погибнуть в России. Я разделю с моим супругом все, что Бог нам предопределил». И она тотчас же приказала сделать себе из красного бархата мужской костюм польского покроя, надела его, вооружилась ружьем и саблей, а также надела сапоги и шпоры и выбрала хорошего быстрого коня. Сапега дал ей в провожатые московитских немцев, которые были у него в Дмитрове, и 50 казаков; с ними она не хуже любого воина проехала 45 немецких миль и ночью после Сретенья прибыла в Калугу.

В Калуге перед воротами она сказала страже, что она доверенный камерник Дмитрия со спешным и очень важным к нему донесением, о котором никто, кроме него самого, не должен знать. Царь сразу сообразил, в чем дело, приказал казакам хорошенько охранять ворота, а камерника впустить. Тот сейчас же поехал к кремлю, к царскому крыльцу, спрыгнул там с коня, предстал пред очи своего государя и тем доставил ему большую радость. А так как привезенная царицей из Польши женская свита уехала с царицыным отцом назад в Польшу, то она взяла себе новую свиту из немецких девушек, родители которых жили в тех местах. Гофмейстриной над ними назначила тоже немку и все время очень благожелательно и благосклонно относилась к немцам, что она и доказала на деле (как вскоре будет рассказано), когда спасла нас от крайней опасности и смерти и сохранила нам жизнь.

...В Пасху господин Сапега вернулся от короля к своему и Рожинского войску на Угре с таким окончательным ответом: король не желает ничего платить за службу, которую они несли у Дмитрия, а то, что они выслужат у его величества, будет полностью выплачиваться им по кварталам. После получения этого ответа все рыцарство из войска Сапеги и Рожинского отправило посольство в Калугу к своему государю Дмитрию сказать ему, что они не виновны в кознях, которые строил против него Рожинский, ибо ни разу в жизни у них и в мыслях не было изменять ему, почему они и не поехали к королю, как другие, а остались в лагере. Рожинскому же Бог воздал по заслугам, он теперь уже умер, его сообщников тоже уже нет с ними в лагере, они отделились и отправились к королю.

Если Дмитрий заплатит им за три квартала, то остальные они подождут, будут служить ему дальше и во второй раз попытают с ним счастья под Москвой. Так как Дмитрию это предложение понравилось, он приказал послать полякам благоприятный ответ, —

он, мол, уже распорядился относительно денег и ждет их с часу на час, и, как только деньги будут доставлены, он как можно скорее направится к ним. Для сбора этих денег он наложил на страну (über die ganze Veranica) особый и очень большой налог и получил много тысяч рублей. Он собрался со своими вновь набранными русскими, казаками, татарами и поляками на Угру, столкнулся с ними, выплатил им за три квартала, снова привел их к присяге и дал распоряжение все дела повести так, чтобы сразу после Троицына дня можно было бы снова пограбить под Москвой.

Примечания

¹ Печатается по: Буссов Конрад. Московская хроника 1584–1613. М.; Л., 1961. С. 138–140, 143–146, 148–149, 156, 157–158, 161–162, 163–165, 166.

² И. М. Заруцкий был не поляком, но польским подданным. О его происхождении см.: Станиславский А. А. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 27.

³ Преступление оскорбления величества.

⁴ Имеется в виду Я. Делагарди.

⁵ Мартин Бер — пастор, зять К. Буссова; участвовал в создании «Хроники» как автор одной из ее редакций, известной долгое время как «Хроника Бера».

⁶ Вертумн у древних римлян — божество, принимающее любые облики.

ДЕПЕША ФРАНЦУЗСКОГО АГЕНТА К СВОЕМУ ДВОРУ О СОСТОЯНИИ ДЕЛ В РОССИИ В АПРЕЛЕ 1610 г.¹

Московские дела все еще в прежнем положении, и со дня на день становятся затруднительнее. Но чем менее способов к взятию Смоленска и чем более трудностей к достижению владычества над

всею Россиею, тем более его величество (Сигизмунд III) решается не двигаться с места и не возвращаться без какого-либо блестящего и храброго подвига. Да сохранит Бог его величество от всех бед.

Осада продолжается целые семь месяцев, и во все это время королевские войска своими орудиями не произвели в стене ни одного пролома, а осажденные не сделали ни одной вылазки.

Лжедмитрий, подозревая поляков, бывших в его армии, особенно после того как посетили его стан королевские (Сигизмунда III) послы, бежал, боясь, по словам его, быть изрубленным в куски.

За ним последовали многие поляки и москвитяне; прочие остались в стане, в двух лье от города Москвы.

После бегства Лжедмитрия оставшиеся как поляки, так и москвитяне, послали своих послов к королю: москвитяне поддавались королю в том случае, если он даст им в цари, т. е. кесари или императоры, старшего своего сына на известном договоре; поляки изъявили покорность его величеству с условием, чтобы им дано было жалованье и все, что обещал им Лжедмитрий, если бы при помощи их достиг престола.

Король на все согласился, несмотря на то что эти обещания, по общему мнению, несбыточны, столь твердое намерение имел он овла-

Польский всадник

деть Смоленском, хотя для этого недостает ему более ничего, как людей, денег, власти и тому подобного, чем осажденные снабжены превосходно, в мясе только они начинают чувствовать недостаток. Если бы они были так храбры перед стенами (т. е. в поле), как внутри стен, то в пять месяцев они принудили б осаждающих снять осаду и отступить. Шуйский, истинный великий князь, царствующий в Московии, воспользовался бегством Ажедмитрия и разделением его армии, разбил несколько небольших польских отрядов в разных местах и также лагерь Сапеги (которого брат великим канцлером в Литве), Сапега спасся с весьма немногими людьми, оставив прочих на милость Скопина, родственника Шуйского. Таким образом, дела в этом краю столь запутанны, что я не могу вам дать решительно даже наималейшего уверения касательно того, какой будет этим делам конец.

Шуйский известен как человек гордый и жестокий, что причинило величайшее смущение в народе. Говорят, что он, будучи сам весьма богат и могущ, намерен оставить власть и позволить чинам свободное избрание, причем полагают, что Скопин предпочтен будет всем².

Из сего видно, что все москвитяне, как люди непостоянные и обманчивые, присоединятся к сказанному Скопину, оставив и Дмитрия, и короля, и всякую другую партию; и таким образом, Дмитрий был бы предоставлен самому себе, да и сам король встретил бы трудности гораздо большие.

Мы просим Бога о благоденствии его величества, ибо если приключится ему какое несчастье, то Польша останется в самом жалком положении, потому что там столько партий, сколько голов.

Дмитрий — простой солдат, родом сын кузнеца или кучера, но лично храбр, как меч его, неустрашим, приветлив и хитер, как ни один из его дружины.

Поляки, последовавшие за первым Дмитрием, убитым впоследствии в Москве, по смерти его выставили другого Дмитрия, чтобы иметь начальника и вместе предлог к исполнению своих замыслов, выдавая, что это первый Дмитрий, которого смерть они отрицают; а не менее того они обвенчали с ним жену первого Дмитрия, дочь Сандомирского воеводы, с условием не вступать в права супруга до тех пор, пока он не достигнет престола.

Первый Дмитрий имел столько же прав на свои притязания, сколько и этот; но он был весьма удобным орудием для поляков, которые

начали приводить свои замыслы в действие при возникших распрях между москвитянами касательно избрания их великого князя в императоры, чтобы из сего извлечь свою пользу и в мутной воде ловить рыбу, что и теперь делают.

Говоря правду, оба они (т. е. оба Дмитрия самозванцы) имели столько счастья и успеха и встретили так мало сопротивления, что можно было бы почесть тогда вероятным совершенное утверждение Лжедмитрия в этом государстве, что доставило бы полякам средство сделаться великими и могущественными властелинами.

Король, видя такой неожиданный успех и получив от Смоленского воеводы предоставить во власть его землю, называемую Северским княжеством, принадлежавшим постоянно Польскому королевству до 1514 года, предпринял на сем основании поход, которого до сих пор не кончил.

В Ливонии ни с той ни с другой стороны не делается ничего. Что касается до нашего здесь пребывания, то видно, что на нас досаждают всякими способами и оказывая нам неприятности. Но да поможет нам Бог, что Он и учинит, ибо тут дело идет о прославлении его святого имени.

Писан 15 апреля (5 апр. ст. ст.) 1610 года

Примечания

¹ Печатается по: Записки гетмана Жолкевского о Московской войне. СПб., 1871. Приложения. Стб. 47—52.

² Это донесение написано 5(15) апреля, а 23 апреля (3 мая) 1610 г. князь М. В. Шуйский-Скопин умер. Погребен в Архангельском соборе в пределе у Рождества Иоанна Предтечи.

Село Зюзино

ПИСЬМО

МАРИНЫ МНИШЕК К СИГИЗМУНДУ III¹

15 января 1610 года. Наияснейший Милостивый Король! Милость Вашего Королевского Величества, фамилии моей и лично мне оказан-

ная, по существу своему требовала, дабы я в сем моем сиротстве под милостивую защиту Вашего Королевского Величества прибегла: но сие несчастное заключение, которое совсем почти отняло у меня свободу воли, воспрещало мне и сие надежнейшее и вернейшее утешение. Теперь, когда Ваше Королевское Величество на границу Московского государства изволил вступить, я с моей стороны искренно желаю, чтобы хорошие намерения имели счастливое начало, предпринимаемая война — возжеланный успех, а начатые подвиги — счастливые последствия. Если кем-нибудь на свете играло счастье, то, конечно, мною: ибо из шляхетского звания вознесло меня на высоту Московского престола, откуда бросило в ужасное заключение; из него проглядывала обманчивая свобода, но судьба ввергла меня в лучшую, как казалось, но, вероятно, в более пагубную неволю; и теперь в таком положении меня оставила, что, по сану моему, я не могу жить спокойно. От Всевышнего Господа Бога все сие с благодарностью принимая, Его Святой премудрости предаю дальнейшие дела мои. Несомненно в том уверена, что Он, яко разными путями многое чинит, то и теперь в сих замешательствах моего счастья не оставит милостиво исторгнуть меня из бед и спасти. Так как Ваше Королевское Величество изволили быть причиною и помощником прежнего моего счастья, и полагаю надежду на Господа Бога, что в сем несчастьи моем соизволите подать мне помощь. Все отняла у меня неблагоприятная фортуна; остались при мне: одна справедливость и право на Московский престол, коронацией обеспеченное, признаем за Обладательницу утвержденное и двоякою присягой от всех сословий жителей Московского государства укрепленное. В сие на милостивое внимание и проницательный ум Вашего Королевского Величества представляю, будучи уверена, что Ваше Королевское Величество, по мудрости своей, меня и фамилию мою, которая кровью, отважностью и издержками тому способствовала, щедро вознаградите; что неминуемо будет важной причиной к возвращению сего государства и к удержанию крепкого союза Вашего Королевского Величества, при благословении Господа Бога, который справедливость щедро и изобильно награждает. Желая сего, предаюсь защите и милостивому вниманию Вашего Королевского Величества. Дан в лагере под столичным городом Москвой 15 января.

*Вашему Королевскому Величеству всякого счастья от
Господа Бога желающая, Марина Царица Московская*

Примечания

¹ Печатается по: Бутурлин Д. История смутного времени в России в начале XVII века. Ч. III. СПб., 1846. Приложения. С. 6–7.

ГРАМОТЫ АЛЕКСАНДРА II ВОЕВОДЕ САНДОМИРСКОМУ Ю. МНИШЕКУ¹

1. 1608 г., 27 января. Дмитрий Иванович, Божией милостью Царь Всея России, Великий Князь Московский, Дмитровский, Углицкий, Городецкий и проч., и проч., и проч., и иных многих Государств Татарских Орд, Московской Монархии подвластных, Государь и дедич.

Ясновельможному господину воеводе Сandomирскому, родителю нашему желаем от Господа Бога доброго здравия.

Судьбы Всевышнего сокровенны и непостижимы разуму человеческого. Что с ними может случиться, то прежде век уже определено от святого Его величества. И ныне над Нами страшный суд по соизволению Его совершился, ибо как великое наказание определил Нам, за грехи ли предков Наших, или за Наши бесчисленные, допустив оставить наследное Наше Государство и скитаться по чужим землям в крайнем бедствии и печали. Так и неизреченное милосердие Свое над Нами ныне благоволил показать, не помянув беззаконий Наших, поелику Нас от изменнических рук подданных наших, от несказанных и неслыханных опасностей сам он Всемогущий избавил. Он, наведший прежде на Нас скорбь изгнанием из областей Наших, по неисчерпаемому Своему благоутробию, возведя Нас паки на наследное Царство Наше, приводя в бессилие и слабость изменников Наших и поборая по Нас всегда великою силою ратных, к Нам приклоняющихся, людей разных народов, толико Нас утешил, что поистине Вас и всех приятелей Наших (о чем Мы наиболее крушимся) вскоре

освободит и все скорби и беды в радость и веселие обратит. Ему единому навсегда да будет честь и слава! Объявляем также Вашей любви, что Его Величество Король пришел наш и вся Речь Посполитая Польская суть Нам прибежищем и хотят Нам оказать пособие к получению наследных Наших владений. Желаем притом, дабы Господь Бог даровал, как наискорее увидеть любовь Вашу и всех Наших приятелей в добром здравии. Дана во владениях Наших, в Орле, 27 января, 1608 года.

Вашей любви всегда доброжелательный сын Дмитрий Царь

2. 1608 г., 22 августа. Дмитрий Иванович, Божией милостью Царь Всея России, Великий Князь Московский, Дмитровский, Углицкий, Городецкий и проч., и проч., и проч., и иных многих Государств Татарских Орд, Московской Монархии подвластных, Государь и дедич.

Ясновельможный господин воевода Сандомирский, милостивый государь наш отец! Желаем от Господа Бога доброго здравия.

Юрий Мнишек

Получив известие на другой день удаления Вашего из Москвы, о дороге Вашей в Польшу, Мы весьма обрадовались, желая лучше слышать, что Вы в Польше на свободе, нежели здесь поблизости в полону находитесь, а также иметь с Вами скоро радостное и приятное свидание. Мы выслали было несколько людей для встречи Вашей любви, но изменники Наши — то подстерегли, что и помешало Нашему желанию и предприятію. Теперь же посылаем высокородных гг. Зборовского из Ритван и Стадницкого из Миргорода, полковников Наших, Нам усердных, желая, дабы любовь Ваша с пресветлейшею и любезнейшею Нашею супругою немедленно к Нам прибыли и не оставались бы в сие время в Польше, избегая презрения. Господь Бог скоро утешит печальных, что общий неприятель не будет радоваться. Госпожа воеводша, мать Наша, по милости Божией, в добром здравии; Мы послали к ней господина Винарского уведомить обо всем. Повторяем еще любви Вашей желание Наше, дабы Вы, по свойству Вашему с нами, употребили все способы, как наискорее с любезнейшею Нашею супругою к Нам приехать; за что Мы должную Нашу Вам воздадим благодарность. Вручаем впрочем любовь Вашу Господу Богу. Дана в лагере под столицею во владениях Наших, 22 августа 1608 года.

Вашей любви доброжелательный сын Дмитрий Царь

3. 1609 г. Дмитрий Иванович, Божией милостью Царь Всея России, Князь Дмитровский, Углицкий, Городецкий и проч., и проч., и проч., и иных многих Государств и Татарских Орд, Московской Монархии подвластных, Государь и дедич.

Роспись городам Северского княжества: Чернигов, Смоленск, Брянск, Стародуб, Путивль, Новгородок, Курск, Рыльск, Карачев, Почеп, Трубчевск, Комарск, Рославль, Моравск.

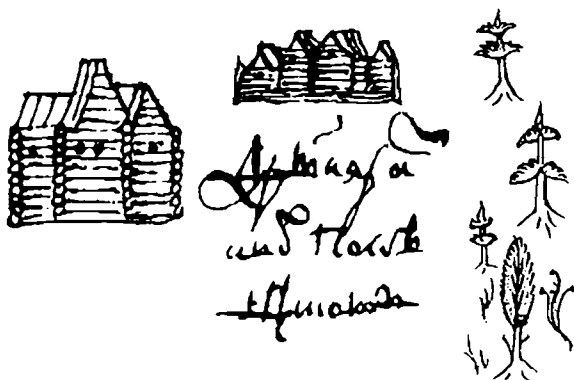
Такова роспись городам Северским со всеми волостями надлежат иметь к привилегии, от нас данной ясновельможному господину Юрью из Великих Кончиц Мнишке, воеводе Сандомирскому и проч., Государю отцу Нашему, Нам усердно и верно любезному.

Дмитрий Царь

Примечание

¹ Печатается по: Собрание государственных актов и договоров. Т. II. М., 1819. 1. № 156. С. 327–328; 2. № 160. С. 336–337; 3. № 180. С. 362–363.

ГРАМОТЫ АЖЕДМИТРИЯ II ЯНУ ПЕТРУ САПЕГЕ¹

1. 1608 г., начало августа. От Царя и Великого Князя Дмитрия Ивановича Всея Руси, в Вязьму, пану Яну Петру Павловичу Сапеге. Писал к Нам, из Вязьмы, воевода Наш Иван Бегичев, что ты идешь к Нашему Царскому Величеству, Нам Великому Государю Царю и Великому Князю Дмитрию Ивановичу Всея Руси служить, со многими ратными людьми. И как к тебе ся Наша грамота придет, а которые люди Нам Великому Государю Царю и Великому Князю Дмитрию Ивановичу Всея Руси, города, и села, и волости, и деревни, добили челом, и вину свою принесли, и крест Нам целовали, и ты б тех людей литовским ратным людям воевати не велел, и их не бил, и не грабил, и жен их и детей не имал, и кормов своих и конских сильно не имал, и никакого насильства им не чинил; а имали б корм свой и конский по городам, у Наших приказных людей. А как придешь к Нашему Царскому Величеству и Наши Царские пресветлые очи увидишь, и Мы тебя пожалуем своим Царским жалованьем, тем, чего у тебя и на разуме нет. Писан Нашего Царского Величества на Нашем Царском стане, у Москвы, в монастыре у Спаса на Восток, лета 7116 августа в... день.

2. 1608 г., 3 сентября². Дмитрий Иванович, Божией милостью Царь Московский и Всея России, князь Дмитровский, Углицкий, Городецкий и пр., и пр., и иных многих Государств и Орд Татарских, Московской Монархии подвластных, Государь и дедич.

Перед сим писали Мы к благосклонности Вашей, дабы благосклонность Ваша, оставив при наияснейшей супруге Нашей сто гусаров, сто пятигорцев, 200 человек пехоты в красной одежде, шли благосклонность Ваша в Наш стан, касательно представления всего войска в сборе, о коем Мы знать желаем. Дана в большом нашем стане, в Тушине, сентября 3-го дня, лета Господня 1608.

Дмитрий Царь

3. 1609 г., 8 января³. От Царя и Великого Князя Дмитрия Ивановича Всея Руси, под Троицу, воеводе Нашему пану Петру Павловичу Сапеге, костеляновичу Киевскому, старосте Усвятскому и Килепецкому. Нынешнего 117 года января в 7-й день, писал ты к Нам о воре, о Наливайке и прошал ему Нашей Царской милости к нему, чтоб Мы, Великий Государь, пожаловали, велели из тюрьмы выпустить и казнити не велели. И ты то делаешь негораздо, что о таких ворах упрашиваешь, а тот вор Наливайко Наших людей, которые Нам Великому Государю служили, побил до смерти своими руками, дворян и детей боярских и всяких людей (мужиков и женок) девяносто три человека. И как к тебе ся Наша грамота придет, и ты б к Нам впредь за таких воров не писал и Нашей Царской милости об них не упрашивал. А мы того вора Наливайку за то его воровство велели казнить. А ты бы таких воров впредь сыскивал, а сыскав, за их воровство велел их потому ж казнить, чтоб такие вору Нашей отчины не пустошили и крестьянской истиной православной христианские крови не проливали; а не Нашей милости к таким ворам упрашивать. Писан у Москвы, лета 7117 января в 7-й день.

4. 1609 г., 14 февраля. От Царя и Великого Князя Дмитрия Ивановича Всея Руси, в полки воеводе Нашему пану Яну Петру Павловичу Сапеге, костеляновичу Киевскому и Усвятскому и Килепецкому. Писал к Нам окольный Наш и воевода Федор Кириллович Плещеев, что пришли де на них изменники Наши, многие люди, с Федькою с Бобарыкиным, и он де Федор отошел от них в Суздаль; и те де вору идут многими людьми к Суздалю. И как к тебе ся Наша грамота придет, и ты б тотчас послал пана Александра Лисовского в Суздаль, с польскими и с литовскими людьми и с донскими казаки, и велел им идти наспех и промыслять нашим делом, смотря по тамошнему делу. Писан у Москвы, лета 7117 февраля в 14-й день.

5. 1609 г., 3 марта. От Царя и Великого Князя Дмитрия Ивановича Всея Руси, в полки воеводе Нашему пану Яну Петру Павловичу Сапеге, костеляновичу Киевскому и Усвятскому и Килепецкому. В нынешнем во 117 году писали к Нам из Ярославля, боярин Наш и воеводы князь Федор Петрович Борятинский да окольный наш и дворецкий Казанской и Астраханской и Нижегородской Богдан Иванович Сутупов: посылали де они из Ярославля на Романов пана

Петра Головича, а с ним литвы и казаков триста человек, для оберегання от воровских людей. И марта в 3 день прибежал с Романова пан Петр Голович с литовскими людьми и с казаки, а сказал им, что пришли к Романову от Белова села, воровские многие люди, и он де, Петр, с литовскими людьми и с казаки, и с романовцы с дворяны и с детьми боярскими, и с татары, с теми воры бились, и против тех воров не устояли, потому что пришли многие воровские люди. А которые де с ними были подымовные люди, и те подымовные люди Нам изменили, пристали к тем же ворам, и за паном де Петром и за литовскими людьми те воры от Романова к Ярославлю гоняли. И тех де они воров к Ярославлю чают вскоре, а в Ярославле де Наших ратных польских и литовских людей, и ярославцев, дворян и детей боярских, оприч тех людей, которые пришли с Романова, нет. И как к тебе ся Наша грамота придет, и ты б, поговоря с воеводою Нашим, с паном Александром Есипом Ивановичем Лисовским, отпустил его на Нашу службу тотчас, а с ним послал роты польских и литовских людей, и на воров велел им ходить, и поиск над ними и тесноту чинили, смотря по тамошнему делу, как милосердный Бог помощи подаст. А велел бы еси ему идти наспех, днем и ночью, чтоб изменники Наши к Ярославлю не подошли, и дурна б некоторого не учинили и Ярославского уезду не извоевали. Писан Нашего Царского Величества у Москвы, лета 7117 марта в 3-й день.

6. 1609 г., 11 марта. От Царя и Великого Князя Дмитрия Ивановича Всея Руси, в полки воеводе Нашему пану Яну Петру Павловичу Сапеге, костеляновичу Киевскому и Усвятскому и Килепецкому. В нынешнем в 117 году писал ты к Нам: которые города Нам Великому Государю изменили и целовали крест изменнику Нашему Ваське Шуйскому, и тебе де те города мочно было очистить невзятъем и привести под Нашу Царскую высокую руку. И в нынешнем же в 117 марта в 11-й день, писал к Нам Иль мурза Исупов: марта в 3-й день пришли де под Романов изменники Наши, вологодские и белозерские и пошехонские и каргопольские и Кирилова монастыря и унженские мужики; и он де Иль мурза Исупов под Романовым с Нашими изменники бился, а с ним был на том бою пан Петр Голович; и изменники де Наши им были не в силу, и они от них, бився, отошли, и ныне де он Иль мурза стоит в Ростове. И как к тебе ся Наша грамота придет, и ты б тем Нам Великому Государю послужил, Наших городов тем

изменникам не выдал, отпустил на Наших изменников пана воеводу Нашего Александра Есипа Ивановича Лисовского, а с ним послал роты польских и литовских людей и донских казаков, чтоб изменники Наши под Ярославль и на Угличь не подошли и дурна б некоторого не учинили; а однолично бы еси пана Лисовского послал тотчас с Нашими ратными людьми, а велел бы ему идти наспех, днем и ночью, и на изменников Наших велел ему ходити, поиск и тесноту над ними чинити, смотря по тамошнему делу, как милосердный Бог помощи подаст. Писан Нашего Царского Величества у Москвы, лета 7117 марта в 11-й день.

7. 1609 г., 12 мая⁴. Дмитрий Иванович, Божией милостью Царь Московский и Всея России, князь Дмитровский, Углицкий, Городецкий и пр., и пр., и иных многих Государств и Орд Татарских, Московской Монархии подвластных, Государь и дедич.

Изъявляя признательность Нашу за попечительность и бдительность благосклонности Вашей, благодарим благосклонность вашу за присылку пленных⁵, и во всякое время обещаем благосклонность Вашу не оставить Нашею царскою милостью.

Желаем, чтобы благосклонности Вашей изчатое рачение до конца было непрерывно. При сем желаем благосклонности Вашей доброго от Господа Бога здравия. Дана в стану нашем под столицей, в областях Наших. Мая 12-го дня, лета Господня 1609.

Дмитрий Царь

8. 1609 г., 10 июля. Дмитрий Иванович, Божией милостью Царь Московский и Всея России, князь Дмитровский, Углицкий, Городецкий и пр., и пр., и иных многих Государств и Орд Татарских, Московской Монархии подвластных, Государь и дедич.

Искренно и верно Нам любезный! Пишет к Нам благосклонность Ваша⁶, что рыцарство единогласно согласилось выступить для присоединения с паном Зборовским, с тем, однако ж, условием, чтобы запорожских казаков отсюда туда послать. А так как нам известно, что едва ли их пришло и вполтину против того числа, о коем благосклонность Ваша писать изволит, и к тому же большая часть их разъехалась за продовольствием (т. е. на фуражировку), то и не можем в теперешнее время отправить туда никакого подкрепления. А поэтому ежели бы рыцарство в других полках от похода уклонялось, желаем Мы настоятельно, дабы благосклонность Ваша как наискорее

сами поспешали, что для Нас весьма важно, и что большую принесет пользу, чем штурмы, ибо дошло до сведения Нашего, что благосклонность Ваша имеете доброе знакомство с начальниками оных чужеземных людей, с коими если бы вступили в сношения, много бы доброго могло произойти; однако же желаем, чтобы благосклонность Ваша привели с собой и другие полки, за что мы милостию Нашей царской щедро наградить даем обещание. Пана Зборовского благосклонность Ваша нигде иначе не застанет, как на Твери. Желаем только, чтобы Вы в упомянутый день выступить благоволили. Ядер, пуль, пороху, что только откуда будет привезено, без замедления в тот стан отправим. За сим желаем благосклонности Вашей доброго здоровья. Дана в стане июля 10-го дня, 1609 года.

Дмитрий Царь

9. 1609 г., 24 июля. Дмитрий Иванович, Божиею милостью Царь Московский и Всея России, князь Дмитровский, Углицкий, Городецкий и пр., и пр., и иных многих Государств и Орд Татарских, Московской Монархии подвластных, Государь и дедич.

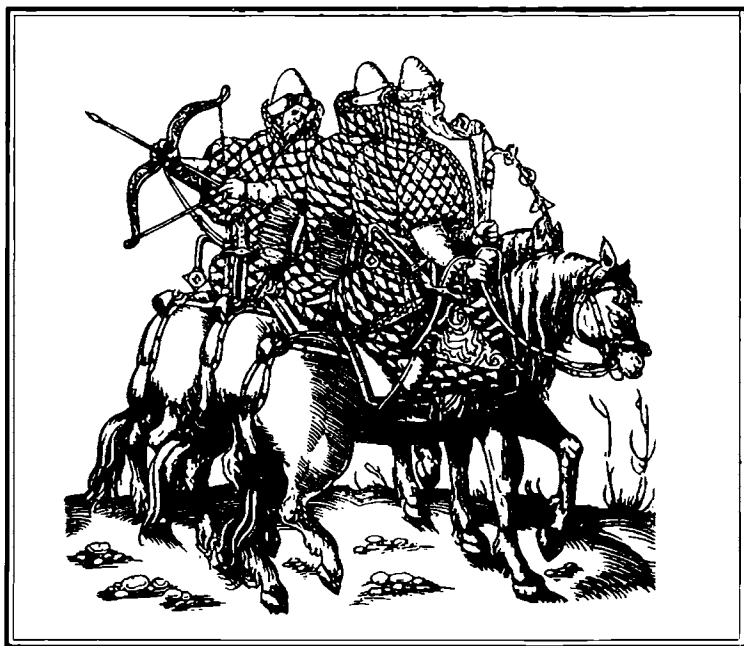
Искренно и верно Нам любезный! Получив ложное известие, что изменники и неприятели Наши разбиты наголову, Мы писали к Вам о сем торжестве Нашем. Но за тем воспоследовали противные вести: неприятель не только не разбит, но, напротив, почти на плечах Нашего войска вошел в Тверь, и так рассеял оное, что едва иной в рубашке успел прибежать в лагерь. Мы не раз писали уже, напоминая, что не должно терять времени за курятниками, которые без труда будут в Наших руках, когда Бог удостоит благословит предприятия Наши. Теперь же, при перемене счастья, Мы тем более просим благосклонность Вашу оставить там все, и спешить, как можно скорее, со всем войском Вашим к главному стану, давая между тем знать и другим, чтобы и они спешили сюда же. Просим, желаем непременно, и подтверждаем, чтобы благосклонность Ваша иначе не действовали. Затем желаем благосклонности Вашей доброго здоровья. Дано 24-го июля 1609.

Дмитрий Царь

10. 1609 г., 8 августа. Дмитрий Иванович, Божиею милостью Царь Московский и Всея России, князь Дмитровский, Углицкий, Городецкий и пр., и пр., и иных многих Государств и Орд Татарских, Московской Монархии подвластных, Государь и дедич.

Искренно и верно Нам любезный! Пишет Нам благосклонность Ваша, что Скопин, заняв Колязин, переправясь на другую сторону (Волги), непременно имеет намерение, соединившись с Шереметевым⁷, идти прямо к столице. А как Мы имеем известие, которое Нам за достоверно сообщено, что немцы от него отделились, и возвращаются назад, да и Шереметев не имеет столько войск, чтобы на них следовало обращать внимание, всего-навсего только несколько сот человек. Опасаясь, однако ж, чтобы не сделать в этом какого-либо промаха, — лучше иметь осторожность со всех сторон, и бдительное на них потребно иметь око, и о всем давать Нам знать как наипоспешнее, дабы мы имели обстоятельнейшее соображение об этом неприятеле; также

прилагать старание, дабы поспешно достигнув его, с помощью Божиею, как наискорее могли бы уничтожить. Все с большею и большею заботливостью желаем, чтобы благосклонность Ваша, всеми силами, помогли Нашему предприятию.

За подъятые же Вашею благосклонностью эти труды и попечение, обещаемся Нашею царскою милостию щедро наградить.

Засим желаем доброго здравия от Господа Бога благосклонности Вашей. Августа 8-го дня, 1609 года.

Дмитрий Царь

11. 1609 г., 12 августа. Дмитрий Иванович, Божию милостью Царь Московский и Всея России, князь Дмитровский, Углицкий, Городецкий и пр., и пр., и иных Государств и Орд Татарских, Московской Монархии подвластных, Государь и дедич.

Искренно и верно Нам любезный! Известились Мы, что благосклонность Ваша снова замышляете о штурмовании Троицкого монастыря. Мы же, от приведенных к Нам языков, за достоверное знаем, что Скопин переправляется через реку Костер между Дмитровым и Кохачевым (Корчевою?). А посему убедительно просим, дабы благосклонность Ваша, отложив штурмы, как наискорее приложили попечение — над этим неприятелем иметь бдительное око, дабы он каким-нибудь образом не подступил к столице, через что весьма бы увеличились затруднения. Засим желаем благосклонности Вашей доброго здравия от Господа Бога. Дана в стане 12 августа 1609 года.

Дмитрий Царь

12. 1610 г., 28 июля. Великими и важными обстоятельствами, особенно во время таковых возмущений в областях наших, Мы приведены были выдерживать различные не только набеги и опустошения областей наших от пограничных государей, но и должны были сносить необузданную собственных подданных наших измену, столь заразительную, что, без помощи и пособия обоих городов, трудно было бы оную уничтожить. Находясь в таком положении и зная, что границы областей Короны Польской почти соединены с государством Московским, Нашею отчиною и наследственным государством нашим. Мы обратились касательно помощи к знаменитой Короне Польской, представляя, чтобы она в такие бурные времена воздержалась от неприятельских нападений на государство, наказанное от Бога внутренними раздорами, но чтобы лучше по любви христианской и соседственной, к дальнейшему укрощению своевольтва (дабы впоследствии свет не имел такого примера), подали бы помощь от столь могущественного королевства Польского. Оба сии пункта нами получены: и они от насильственного завладения областей наших удержались. И так, приняв во уважение надлежащим образом таковое доброжелательство знаменитого народа непобедимого королевства Польского относительно нас и областей наших, Мы предприняли и постановили свято, — утвердись на престоле нашем, искать с королевством Поль-

ским прочной дружбы и заключить ее постоянным образом. Что же касается теперешнего доброжелательства его, которое оказало Нам в этом несчастии, не щадя для Нас ни крови своей, ниже имуществ, обещаем, и как несомненный долг на себя словом Нашим царским принимаем: королю Польскому, тотчас же по восшествии на престол, дать триста тысяч золотых, а в казну Речи Посполитой в продолжение десяти лет будем обязаны давать ежегодно по триста тысяч золотых. Всю землю Ливонскую своим коштом обратно завоевать Короне Польской обещаем. Также касательно королевства Шведского собственным коштом Нашим помочь королю Польскому обещаем, и пока будет продолжаться эта экспедиция, 15 000 войска, способного к бою, из народа здешнего ставить будем обязаны, обещая притом против каждого из неприятелей Короны Польской помогать равным образом своими людьми, в чем и они Нам против неприятелей помогать должныствуют. А так как между Нами и королевством Польским есть недоразумение касательно земли Северской, то Мы не прочь от того (когда, даст Бог, благополучно воссядем на престол предков наших), чтобы вести о сем посредством великих послов наших переговоры; и ежели окажется, что действительно будет что-либо кому следовать, то (желая сохранить любовь и согласие) от должного отступать не будем, но лучше будем желать, чтобы каждый остался при своем. И на предбудущее время во всех выгодах Короны Польской и народа сего вспомоществовать обещаем, и все то, что добровольно на себя Мы приняли, постоянно сдержать обещаем; равно как удовлетворить всех обещаем и присягаем верою, совестью Нашей, и словом Нашим царским; также желаем утвердить это, воссев на престол, с согласием и подписью думных бояр наших. К чему ныне для большей достоверности собственною рукою подписались. Писано в стане под столичным городом Москвою, июля 28-го дня, 1610.

Примечания

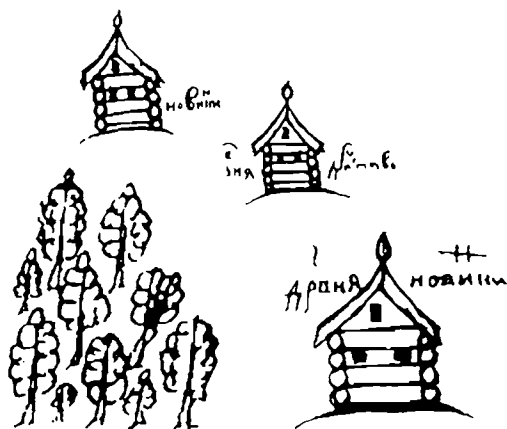
¹ Печатается по: Акты исторические, собранные и изданные имп. Археографическою комиссиею (далее — АИ). СПб., 1841. Т. 2. 1. № 89. С. 121.

² Записки гетмана Жолкевского о Московской войне. СПб., 1871. Приложения. 2. № II. Стб. 25–26. 3. АИ. Т. 2–3.

³ АИ. Т. 2–3. 3. № 130. С. 154–155; 4. № 154. С. 178; 5. № 164. С. 193–194; 6. № 171. С. 198–199.

- ⁴ Записки гетмана Жолкевского о Московской войне. Приложения. 7. № 13. Стб. 31–32; 8. № 14. Стб. 31–34; 9. № 15. Стб. 33–34; 10. № 17. Стб. 35–38; 11. № 18. Стб. 37–38; 12. № 33. Стб. 99–102.
- ⁵ Ян Сапега стоял под Троицкой Лаврой и 5 мая захватил двух детей боярских, которые были отправлены из Великого Новгорода с грамотами от кн. В. М. Скопина-Шуйского в Москву к царю с известием о выступлении вспомогательного шведского войска. Вероятно, упомянутых пленных отправил Ян Сапега к Ажедмитрию II.
- ⁶ Ян Сапега стоял со своим войском под Троицкой Лаврой, которую готовился штурмовать; вспомогательные шведские войска, шедшие на помощь царю Василию Шуйскому, находились в окрестностях Твери; против этих войск стоял Зборовский.
- ⁷ Боярину Федору Ивановичу Шереметеву было послано от царя Василия Шуйского приказание: оставить Астрахань, взять ратных людей в низовых городах и спешить к столице.

ГРАМОТЫ ОТ РАЗНЫХ ЛИЦ ЯНУ ПЕТРУ САПЕГЕ

1608 г., 11 ноября. ОТПИСКА ЯРОСЛАВСКОГО ВОЕВОДЫ КНЯЗЯ БОРЯТИНСКОГО ГЕТМАНУ САПЕГЕ О ВЫСЫЛАКЕ К НЕМУ ЖЕЛЕЗА, СВИНЦА, ГОРЮЧЕЙ СЕРЫ И СМОЛЫ¹.

Великого Государя Царя и Великого Князя Дмитрия Ивановича всея Руси Самодержца, гетману пану Яну Петру Павловичу Сапеге, каштеляновичу старосте Киевскому и Усвятскому и Керепецкому, Государя Царя и Великого Князя Дмитрия Ивановича Всея Руси воевода князь Федор Петрович Борятинский челом бьет. Говорил мне Петр Голович, что ты писал к нему, а велел прислать железа да смолы, сколько в Ярославле будет. И в Ярославле я сыскал у торговых людей

железа сто двадцать прутов, да смолы ушат да четырнадцать горшков, и то железо и смолу послал яз к тебе с сыном боярским с Микитою Стоговым, ноября в 11-й день. Да с ним же отпустил яз к тебе серы горючие четыре пуда и семнадцать гривенок, да свинцу десять свиней, а в них весу восемьдесят два пуда с четью. А что тебе вперед надобе для Государева дела, и ты б велел писать ко мне, чтоб нам было несмутно.

1608 г., ноябрь. ГРАМОТА РОСТОВСКОГО МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА САПЕГЕ О ДОЗВОЛЕНИИ ЮРЬЕВСКОМУ СОБОРНОМУ ПРОТОПОПУ ОСВЯТИТЬ ХРАМ В КИРЖАЦКОМ МОНАСТЫРЕ, РАЗОРЕННЫЙ РАТНЫМИ ЛЮДЬМИ².

Благословение великого господина пресвященного Филарета, Митрополита Ростовского и Всея Руси, великому господину пану Яну Петру Павловичу Сапеге, каштеляновичу Киевскому, старосте Усвятскому и Керепецкому. Писал ты, господине, к нам, что в нашем патриаршестве, в Переяславском уезде, в монастыре на Киржаче храм Благовещения Пресвятой Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии. И тот деи храм от воинских людей разорен, и престол порушен и осквернен, и сосуды церковные поиманы, и ныне дей в том храму божественные литургии служить нельзя, и православным хрестьянам прибегнути негде, и многие деи боли умирают без причастья; и нам бы дати на освящение тому храму святой антимис и благословити тот храм освящати. И мы о антимисе писали в Ростов, к протопопу с братиею, а велели им ждати от тебя присылки. И как ты, великий господин, пришлешь к ним в Ростов священника или дьякона, и мы тот святой антимис велели протопопу с братиею дати тому священнику или дьякону, которого пришлешь, беспошлинно, тотчас, не замотчав. А о освящение писали есмя в Юрьев Полской к протопопу Моисею с братьею, и грамоту свою к нему о том послали за нашею печатью, и тот храм Благовещения Святой Богородицы велели им освящати и божественную литургею соборне служить, но правилом святых Апостол и святых Отец. И тое грамоту послали мы к тебе ж, великому господину пану Яну Петру Павловичу Сапеге, каштеляновичу Киевскому, старосте Усвятскому и Керепецкому, и ты б, господине, тое нашу грамоту в Юрьев, к соборному протопопу Моисею с братьею послал, а святой антимис, который к тебе привезут из Ростова, послал на Киржач и велел его отдать священникам той церкви. А как из Юрьева протопоп Моисей с братьею, по нашей грамоте попа

да дьякона на Киржач пришлют, и они тот храм освятят по правилам святых Апостол и святых Отец и по нашему благословению и по указу. А милость Божия и Пречистые Богородицы и великих Святителей Петра и Алексея и Ионы Московских Чудотворцев, и Леонтия и Исаия и Игнатия и Якова Епископов Ростовских Чудотворцев, и нашего смирения благословение, да есть и будет на тебе великом господине.

*1608 г., 6 декабря. ОТПИСКА СУЗДАЛЬСКОГО ВОЕВОДЫ ПЛЕЩЕЕВА ГЕТМАНУ САПЕГЕ О ВОЗНИКШИХ В СУЗДАЛЬСКОМ УЕЗДЕ БЕСПОРЯДКАХ ПО ПОВОДУ ДЕНЕЖНЫХ СБОРОВ, О ПОХОДЕ ЕГО НА ШУЯН, ОТЛОЖИВШИХСЯ ОТ САМОЗВАНЦА, И ПОБЕДЕ НАД НИМИ*³.

Господину пану Яну Петру Павловичу Сапеге, каштеляновичу Киевскому, старосте Усвятскому и Керепицкому, Федор Плещеев челом бьет. В нынешнем, господине в 117 году декабря в 6-й день, при-

Филарет, патриарх московский

ехал от тебя, от Троицкого монастыря, ко мне, в Суздаль, пан Комаровский с Государевою грамотою. А велено ему выбиратьи Государевы денежные сборы с Суздаля и с Суздальского уезда. И у нас, во многих городах, от великих денежных сборов учинилась смута великая, и от того во многих городах мужики заворовались и крест целовали Василью Шуйскому и по Государевой грамоте и по твоей присылке денег сбирати было мне вскоре не мочно, потому что пошел яз, из Суздаля на Шую против Государевых изменников, а се не та пора стала, в людях смута великая. А пан Комаровский был со мною ж в походе, а на бою под ним ранили бахмата, а по Государевой грамоте, дал яз ему, из Суздальских сборных денег, двадцать рублей. Да велел еси, господине, быти со мною в походе, из Владимира пану Яну Соболевскому, и он с своею ротою был со мною в походе, и на бою его ранили, и в походе со мною быти ему нельзя, а рота его со мною в поход, без него, не пошла. И та б, господине, прислал к ним нового рохмистра, или от себя грамоту, кому из них велишь быти рохмистром, а велел бы еси идти им к нам, на сход, тотчас наспех, и днем и ночью. А Государевы изменники на Костроме в сборе. А про Шую писал яз к Государю, что было во сборе, детей боярских и мужиков разных городов, двадцать пять тысяч, и милостию Божию и Государевым счастьем, мы их побили и острог взяли, и посады Шуйские пожгли и с мужиками, которые сели по дворами билися с нами насмерть.

1609 г., 8 января. ОТПИСКА МУРОМСКОГО ВОЕВОДЫ ПЛЕЩЕЕВА ГЕТМАНУ САПЕГЕ О ПОРАЖЕНИИ ПРИВЕРЖЕНЦЕВ САМОЗВАНЦА ПОД НИЖНИМ НОВГОРОДОМ⁴.

Государя Царя и Великого Князя Дмитрия Ивановича Всея Руси вельможному пану Яну Петру Павловичу Сапеге, каштеляновичу Киевскому, старосте Усвятскому и Керепецкому, Микифор Плещеев да Карп Новалкин челом бьем. Велено нам быти, по Государеву Цареву и Великого Князя Дмитрия Ивановича всея Руси наказу, в Муроме и в Арзамасе и в Гороховце; и мы, холопы Государевы в Муроме. И января в 8-й день прибежал, из-под Нижнего, из полков, сын боярский муромец Андрей Ивашев, а сказал: «Было де дело, января в 7-й день, с Государевыми изменники с Новгородцы, с Ондрюшкою Алябьевым с товарищи. И грехом деи, Государевы люди подымные дрогнули, и воеводу Тимофея Лазорева ранили и в полон взяли, а про князя Семена Вяземского и про ратных людей не ведает,

в разгоне все». И в Муроме, архимариты и протопопы, и земские старосты и целовальники и все черные люди бьют челом Государю Царю и Великому Князю Дмитрию Ивановичу всея Руси, чтоб Государь смиловался над ними, прислал ратных людей, литвы, чтоб им от Государевых изменников в разоренье не быть. И тебе бы о том порадеть, и ко Государю Царю и Великому Князю Дмитрию Ивановичу всея Руси отписать, и к нам людей прислать.

1609 г., 18 января. ОТПИСКА ВЛАДИМИРСКОГО ВОЕВОДЫ ВЕЛЬЯМИНОВА ГЕТМАНУ САПЕГЕ О СКОРЕЙШЕЙ ПРИСЫЛКЕ РАТНЫХ ЛЮДЕЙ ДЛЯ ЗАЩИТЫ МУРОМА ОТ НАПАДЕНИЯ НИЖЕГОРОДЦЕВ⁵.

Государя Царя и Великого Князя Дмитрия Ивановича всея Руси пану Яну Петру Павловичу Сапеге, каштеляновичу Киевскому, старосте Усвятскому и Керепецкому, Михайло Вельяминов челом бьет. Нынешнего 117 году января в 18-й день, писали ко мне, из Мурома в Владимир муромцы — дворяне и дети боярские, и приказные люди, и архимарит и игумены, и протопоп и попы и дьяконы, и посадские люди всего Муромского уезда: «января в 16-й день пришли де из Нижнего государевы изменники, нижегородцы, под Муром и ночевали де от Мурома за двадцать верст, а большие де люди, нижегородцы, стоят де в селе в Яковцове, от Мурома за тридцать верст, а идут де в Муром с войною, и то де село Яковцо и Клин выжгли, и церкви Божии зажигали, и образы кололи, и людей секли». И я к тебе прежде того писал не одинаво, чтоб тебе прислати литовских людей, роты с две или с три, чтоб в Муроме людей окрепити. И ты ко мне литовских людей, января по 18-е число, не присылал; а притчею в Муроме которая смута учинится (ино ведь от Мурома до Володимира недалече), тебе бы, господине, одно конечно литовских людей прислати в Муром тотчас.

1608 г., 3 марта. ОТПИСКА ЯРОСЛАВСКОГО ВОЕВОДЫ КНЯЗЯ БОРЯТИНСКОГО ГЕТМАНУ САПЕГЕ О ВЗЯТИИ РОМАНОВА ПРИВЕРЖЕНЦАМИ ЦАРЯ ВАСИЛИЯ, С ПРОСЬБОЮ ПРИСЛАТЬ РАТНЫХ ЛЮДЕЙ ДЛЯ ЗАЩИТЫ ЯРОСЛАВЛЯ⁶.

Великого Государя Царя и Великого Князя Дмитрия Ивановича Всея Руси Самодержца, гетману пану Яну Петру Павловичу Сапеге, каштеляновичу старосте Киевскому и Усвятскому и Керепецкому, князь Федор Борятинский челом бьет. Пожалуй, государь, вели ко мне писать о своем здоровье, как тебя Бог милует, а пожуешь

похошь ведати про меня, и я в Ярославле, марта по 3-й день, дал Бог жив. Да писал я к тебе преж сего, чтоб ты пожаловал прислал к нам воинских людей, и ты к нам пожаловал, против того, отписал, что ты отпустил от себя до нас Лисовского с людьми. И Лисовский до нас с людьми не бывал. А с Романова к нам прибежал Петр Голович. И Петр нам сказывает, что пришли на Романов воры, и Романов они взяли, а пришли де воры, многие люди, и мы их к Ярославлю ждем тотчас. И тебе бы, государь, пожаловать, однолично нас вором, Государевым изменником, не подать, прислать воинских людей вскоре, чтоб над Ярославлем дурна не учинили. А мы тебе, доброму своему приятелю, много челом бьем.

1609 г., 12 марта. ОТПИСКА КОСТРОМСКОГО ВОЕВОДЫ ВЕЛЬЯМИНОВА ГЕТМАНУ САПЕГЕ О ПРИСЫЛКЕ РУССКИХ И ЛИТОВСКИХ РАТНЫХ ЛЮДЕЙ ДЛЯ ЗАЩИТЫ ИПАТЬЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ⁷.

Господину пану Яну Петру Павловичу Сапеге, каштеляновичу старосте Киевскому и Усвятскому и Кирепецкому, Микита Вельяминов челом бью. В нынешнем, господине, во 117 году марта в 12-й день пришли воры, Государевы изменники, Вологодские и Поморские мужики, пять тысяч, от Костромы за две версты. А ждут к себе из Галича Ивашка Кологривца, а с ним деи идет воровских людей пять же тысяч, а ждут его к себе марта в 13-й день навечер. А как к ним придет, приступати к Ипатьевскому монастырю. А по Государеву Цареву и Великого Князя Дмитрия Ивановича Всея Руси указу, велено ко мне быти Ивану Волынскому с литовскими и с русскими людьми, и Иван Волинский ко мне, марта по 12-е число, не бывал и людей не присылывал. А со мною, господине, в Ипатьевском монастыре людей немного, да и те иные побиты и поранены, и лошади у них побиты ж. И тебе б, господине, ко мне тотчас воинских литовских и русских людей прислати, чтоб от тех воров Государеву делу порухи не учинилось.

1609 г., после 12 марта. ОТПИСКА ГЕТМАНУ САПЕГЕ ЯРОСЛАВЦА ЕФИМА КОЗМИНА О ПОРАЖЕНИИ ЦАРСКИХ РАТНЫХ ЛЮДЕЙ ПОД РОМАНОВЫМ И О ПОСЫЛКЕ К САМОЗВАНЦУ ОТНЯТЫХ У НИХ ПИСЕМ⁸.

Государя Царя и Великого Князя Дмитрия Ивановича Всея Руси гетману, великому пану Яну Петру Павловичу Сапеге, каштеляновичу

старосте Киевскому, Усвятскому, Кирепецкому, Ефим Козмин челом бьет. Божиею милостью и Государевым счастьем, марта в 8-й день, побили мы Государевых изменников под Романовым городом, и ноши у них на побеге, ратные люди отгромили. И моим людям, в их кошах, досталось их злого умышления письмо многое; с Москвы, и из Новгорода, и из Понизовья, списки их ратным людям, Государевым изменникам. И я с тем их письмом хотел к Государю ехать сам. И как пан Самойло Кишкевич пошел на тех воров, к Костроме, которые стояли под Ипатьевским монастырем, и к Государю меня с тем письмом не отпустил, а велел мне быти, без себя, для береженья, в Ярославле. И на Костроме, Божиею помощью и Государевым счастьем, побив воров, также меня из Ярославля не отпустил, а велел быти с собою для всякие меры. И я тех воров их письмо послал к Государю с паном Христофором с Кнутом, и велел то письмо отдать тебе. И ты, Государь, Ян Петр Павлович, пожалуй к Государю, о моей службе и о раденье пиши, и то письмо к Государю пошли. А мне было нужно Царские очи надобе видети и о своих нуждах ему Государю о его Царской милости бити челом, и я во всем на тебя государя надеюсь. Да смилуйся, Государь Ян Петр Павлович, отпиши в Ярославль, к пану Самойлу Кишкевичу, чтоб в Ярославле миру берег ото всяких обид. А в том, что здесе, в Ярославле, рать стоит, всяким житейным людям чинятся убытки великие. А от русских воевод обороны никому нет: только пан Самойло Кишкевич, один, во всяких мерах и в мирских хлопотах и в докуке. И я холоп Государев, с ним же, о Государевых людях печемся вместе, а крепко вступиться некому, что мне приказу нет подлинного, а надобе, Государь, прислати управость с береженьем, чтоб в водополь из Ярославля житейские люди не разбрелись.

1609 г., 12 апреля. ОТПИСКА СУЗДАЛЬСКИХ ВОЕВОД ПЛЕЩЕЕВА И ПРОСОВЕЦКОГО ГЕТМАНУ САПЕГЕ О УБИЕНИИ ВЛАДИМИРСКОГО ВОЕВОДЫ ВЕЛЬЯМИНОВА, ОБ ОСАДЕ ИМИ ВЛАДИМИРА И НЕДОСТАТКЕ БОЕВЫХ СНАРЯДОВ ДЛЯ ПРОДОЛЖЕНИЯ ОНОЙ, О ПОХОДЕ ЛИСОВСКОГО В ЯРОСЛАВЛЬ, О РАЗОРЕНИИ СУЗДАЛЬСКОГО УЕЗДА КАЗАКАМИ И ЛИТОВСКИМИ ПАХОЛИКАМИ⁹.

Господину пану Яну Петру Павловичу Сапеге, каштеляновичу Киевскому, старосте Усвятскому и Кирепецкому, Федор Плещеев да Онд-

рей Просовецкий челом бьют. В нынешнем, господине, 117 году апреля в 2-й день ходили мы под Владимир на Государевых изменников, с паном Лисовским да с полковником с паном Ярошем Стравинским, с ротмистры и с поляки, и с дворяны и с детьми боярскими, и с Черкасы и с казаки. И пришед, господине, под Владимир, Государевых изменников побили, многих людей, и город осадили. И пан Лисовский со всеми своими полчаны, и полковник Ярош Стравинский со всеми с ротмистры и с поляки, от Владимира отошли, пришли в Суздаль апреля в 6-й день. И апреля ж, господине, в 12-й день пан Лисовский, из Суздаля, со всеми своими полчаны, пошел в Ярославль. А у нас в Суздале стоят шесть рот литвы, да с Мартыном Собельским казаков двести человек. И преж сего, господине, мы к тебе про тот про Владимирский отход писали, и про то к нам посямест указ не бывал. А в Владимире, господине, сидят Государевы изменники, многие люди. И с теми людьми нам Владимира осадити не с кем, а изменники сели

насмерть и наряду у них много. А сидят казаки и стрельцы, в Владимире, Астраханские и Московские, которые были под Астраханью, на Балчике, с Федором Шереметевым, сидят их семь сот человек вогненного бою. А головы, господине, у них, на Владимире, Ондрюшка Микулин да Якушко Прокудин, да у Астраханских казаков голова Богдашка Износков да Арзамасец Федка Левашев, да с Кинешмы при-

шел Беляк Конагавицын, да Шуйского холоп Семейка Свистов, а с ними Поволжских городов многие мужики. Да апреля ж, господине, в 10-й день посылали мы посылку под Владимир для языков, и языков поимали и привели к нам. И языки, господине, в распросе и с пытки говорили, что в Владимире Государевы изменники сидят многие люди, и Государева воеводу Михайла Вельяминова убили до смерти. Да языки ж, господине, в распросе сказали, что ехали от Государя, из полков мещеряне Данила Келарев сын Протасьев да Иев Лачинов, и из Владимира их послали Государевы изменники, Ондрюша Микулин да Якушко Прокудин с товарищи, в Шацкой, в Арзамас, в Мещеру, и во все Понизовые города прельщати и приводити к крестному целованию Шуйскому, со многими грамотами с воровскими. А который, господине, наряд был под Владимиром с паном с Лисовским, три пушки, из-под Троицы, и как пан Лисовский пошел в Ярославль, и тот наряд поимал с собою весь и зелье. А у нас, в Суздале, наряд не великий и зелья нет, и под Владимир нам идти с тем нарядом не с чем. Пожалуй, господине, пришли к нам наряду, пушек и зелья, и верхового наряду, чем бы город зажечь. А город Владимир крепкий и осыпь высока, пушек надобе много, а без верхового наряда города никоими мерами взяти не мочно. А пахолики, господине, Литовские и казаки, стоячи в Суздале, воруют, дворянам и детям боярским, и монастырям, и посадским людям из Суздальского уезда разоренье и насилие великое; женок и девок емлют, и села Государевы, и дворянские и детей боярских и монастырские вотчины выграбили и пожгли, и нам, господине, от пахоликов Литовских и от казаков позор великий. Что станем о правде говорить, о Государеве деле, чтоб они Государевы земли не пустошили и сел не жгли, и насилия ни смуты в земле не чинили, и они нас, холопей Государевых, позорят, лают и бити хотят. Да в Вербное, господине, Воскресенье нынешнего Великого поста, после вечерни, велел нам к себе быти пан Александр Лисовский, да Григорью Аргамакову. И как мы приехали к пану Александру Лисовскому, и Александр Лисовский велел Григорья Аргамакова отдать за пристав, и животы его и статки велел запечатати, а вину ему сказал, что будто он Григорий у Мирского порутчика пахолика без вести неведомо где учинил. А Григорий, господине, Аргамаков сказывает, что деи того пахолика отпустил в таборы, здорова. Да он же Александр Лисовский взяти велел у Григорья Аргамакова с двора аргамак сер Федора Савиновича Плещеева да мерин соловой,

его Григорьев. И пошел Александр Лисовский в Ярославль, а Григорья Аргамасова отдал за пристав, ротмистру Колецкому. И тот, господине, Григорий и посяместа сидит у того ротмистра Колецкого, за приставом, а иные вины ему не скажут, и расправы ему не учинят, и к тебе в полки не отпустят. А мы, господине, его вины перед Государем никакие не ведаем, только мы видим его раденье к Государю и службу. А мы тебе, господину своему, много челом бьем.

Примечания

- ¹ Акты исторические, собранные и изданные имп. Археографическою комиссиею. Т. II. СПб., 1841. № 104. С. 135.
- ² Там же. № 106. С. 136.
- ³ Там же. № 110. С. 139–140.
- ⁴ Там же. № 131. С. 155.
- ⁵ Там же. № 139. С. 160–161.
- ⁶ Там же. № 163. С. 192–193.
- ⁷ Там же. № 172. С. 199.
- ⁸ Там же. № 173. С. 199–200.
- ⁹ Там же. № 195. С. 225–227.

ПИСЬМО КНЯЗЯ РОЖИНСКОГО К КОРОЛЮ СИГИЗМУНДУ III¹

27 февраля 1610 года. Со вторника на среду Царица отправилась в Калугу, переодевшись в мужское платье в сопровождении только одной служанки и одного служителя. Сбившись с дороги, она заехала в Дмитров, где и теперь находится. Здешнее войско сильно бунтует, и если на положенный срок не получится известия могущего удовлетворить рыцарство, то трудно будет удержать оное от дальнейшего беспорядка. Несколько бояр, выбежавших из столицы, показывают согласно с уведомлениями лазутчиков, что москвичи имеют большую склонность к Вашему Королевскому Величеству и молят Бога, только чтобы Ваше Королевское Величество изволили поспешнее прибыть к нам. Василий Шуйский в распре с Михаилом Скопиным и каждый из

них промышляет сам о себе. Не мешало бы написать письмо Скопину; по имеемым мною от лазутчиков уведомлениям, не трудно было бы его привлечь на сторону Вашего Королевского Величества. Боярам, оставшимся с патриархом при нас, весьма не нравится, что не получили ни одной грамоты от Вашего Королевского Величества; желательно бы доставить им сие утешение, дабы удержать их при прежних замыслах. Они также весьма обижаются действиями Запорожцев, которые в Зубцовском уезде грабят и убивают братьев их и жен отбирают, хотя зубцовские уездные люди более всех прочих преданы Вашему Королевскому Величеству. Засим предаю, с верноподданныческим и покорнейшим послушанием, нижайшую службу мою воззрению Вашего Королевского Величества Милостивого Государя Нашего. Писано в стане под столичным городом Москвою 27 февраля 1610 г. Касимовский царь усиленно просит позволения предстать перед Вашим Королевским Величеством.

*Вашему Королевскому Величеству верный подданный
и нижайший слуга Рожинский Роман*

Примечания

- ¹ Печатается по: Бутурлин Д. История смутного времени в России в начале XVII века. СПб., 1846. Ч. III. Приложения. С. 27–28.

АКТОВЫЙ МАТЕРИАЛ, ОТНОСЯЩИЙСЯ К ВНУТРЕННЕМУ СОСТОЯНИЮ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

1. 1608 г., 27 ноября. ОТПИСКА УСТЮЖАН К ВЫЧЕГОДЦАМ О РАЗОРЕНИИ РОСТОВА ЛИТОВСКИМИ ЛЮДЬМИ, О ПЛЕНЕНИИ МИТРО-

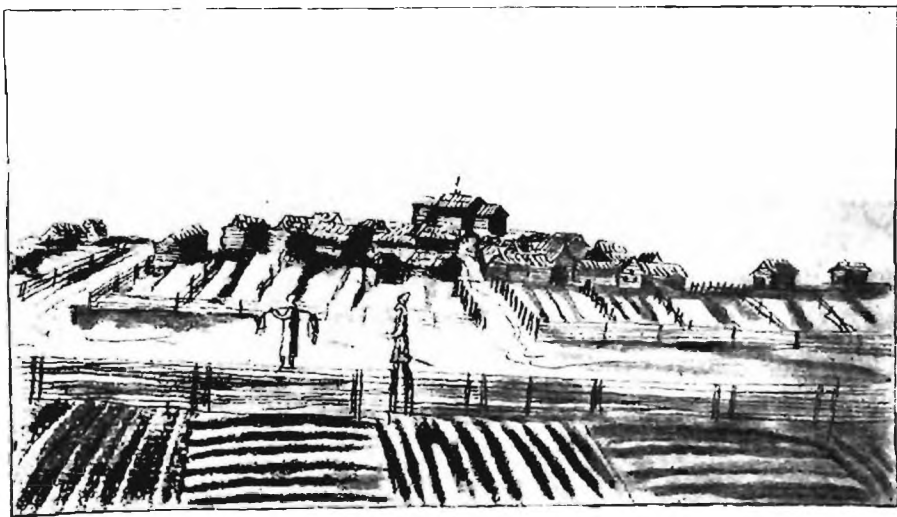
ПОЛИТА ФИЛАРЕТА, О ПРИСЯГЕ ЯРОСЛАВЛЯ, ВОЛОГДЫ И ТОТЬМЫ
ЛЖЕДМИТРИЮ, О РЕШИТЕЛЬНОМ НАМЕРЕНИИ ВСЕХ УСТЮЖАН НЕ
ИЗМЕНЯТЬ ГОСУДАРЮ, О ПРИСЫЛКЕ ЛЮДЕЙ ИЗ УСОЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ
ДЛЯ ПРИНЯТИЯ МЕР ПРОТИВ МЯТЕЖНИКОВ И О ВЗАИМНОЙ ПРИСЯГЕ
ДЕЙСТВОВАТЬ ЗАОДНО¹.

Господину Поспелу Елисеевичу, и всем Усольским людям, и волостным крестьянам, и старостам, и целовальникам и всем людям, — Иван Стрешнев да подьячий Шестой Копнин и все мирские люди Устюжане посадские, старосты и целовальники и волостные крестьяне, челом бьют. Нынешнего, господине, 117 году ноября в 26-й день приехал к нам на Устюг из Ярославля Московский жилец и Устюжской кабацкой откупщик Михалко Иванов; да с Вологды приехал здешний Устюжский пристав Поспелко Усов, а посылан был от нас к Москве с отписками. Да того же дни приехал на Устюг подьячий Шестой Копнин с Тотьмы, что отпущен был в Ярославль по Государеву указу с ратными людьми; да того же дни приехал Устюжской же пристав Степанко Захарьин с Тотьмы же, что отпущен был с Устюга для вести к Вологде и в Ярославль, что ся там, в тех городах, деет. И кабацкой откупщик Михалко сказывал нам на совете, при всем народе, что Божиим изволением, грехов ради наших, сделалось над Ростовом: пришед литовские люди в Ростов, их плоштво, потому что жили просто, совету де и обереганья не было, и литовские де люди Ростов весь выжгли и людей присекли, и с Митрополита с Филорета сан сняли и поругались ему, посадя де на возок с женкою да в полки свезли. А из Ярославля де лучшие люди, пометав дома свои, разбежались, а чернь со князем Федором Борятинским писали в полки повинные и крест де целовали, сказывают, царевичу князю Дмитрию Ивановичу; и оттуда де, из Ярославля, князь Федор Борятинский прислал на Вологду, к Никите Пушкину с товарищи, наказ и целовальную запись, и на Вологде де Никита Пушкин с товарищи крест целовал же и вологжан ко кресту приводил, и к Тотьме с того наказа список и целовальную запись прислал же. И тотмичи, сказывают, от нужи со слезами крест целовали. И пристав Устюжский Поспелко сказывал те же речи, что и Михалко откупщик. Да пристав же Поспелко Усов нам при всем же народе сказывал: при нем же де присланы из полков два сына боярские Козма Кадников, а другого

имени не упомнит, и чли при всем народе, а писана к мирским людям ко всей земле, на Вологду, грамота, и ту де грамоту он слышал, как чли, недели с две, и в грамоте писано: велено собрати с Вологды с посада и со всего Вологодского уезда, и со архиепископских и со всяких монастырских земель, с сохи по осми лошадей (с санями, и с веретеи, и с рогожами), да по осми человек с сохи, а те лошади и люди велено порожними гнать в полки. Да в той же грамоте написано: велено собрати с Вологды же с посада и со всего Вологодского уезда, с выти со всякия (сколько в Вологодском уезде выти есть) столового всякого запасу: с выти — по чети муки ржаной, по чети муки пшеничной, по чети круп гречневых, по чети круп овсяных, по чети толокна, по чети сухарей, по осмине гороху, по два хлеба белых, по два ржанных, да по туше по яловице большой, да по туше барана, по два полти свинины свежей да по два ветчины, да по лебедю, да по два гуся, по два утят, по пяти кур, по пяти ососов, по два зайца, по два сыра сметанных, по ведру масла коровья, по ведру масла конопляного, по ведру рыжиков, по ведру груздей, по ведру огурцов, по сотне редек, по сотне моркови, по чети репы, по бочке капусты, по бочке рыбы, по сотне луковиц, по сотне чесноку, по осмине снедков, по осмине грибков, по пуду икры черной, да по осетру по яловцу, да по пуду красной рыбы, да питей по ведру вина, по пуду меда, по чети солоду, по чети хмелю — то столько всякого запасу с одной выти, а с иных со всякия выти потому же. А те запасы велено проводить Вологодским уездом, мирским людям, старостам и целовальникам, на мирских подводах, опричь тех, что по осми лошадей с сохи. А по другой грамоте велено другому сыну боярскому на Вологде же, переписать у торговых людей, которые торгуют рыбою, рыбу всякую и рыбных ловцов и ловли рыбные всякие. А ловити велено свежую рыбу ловцом на него, который ся называет Князем Дмитрием, пять дней и пять ночей, а шестой день велено ловить на дворецкого его, на князя Семена Звенигородского, а ловля рыбная всякая велено имати на посаде и в волостях и ловцов. И как те обе грамоты в народе прочли и Вологжане против тех грамот ничего не сказали, а иные многие заплакали, а говорят де тихонько друг с другом: хотя де мы ему и крест целовали, а токоб де в Троицы славимый милосердный Бог праведный свой гнев отвратил и дал бы победу и одоление на враги креста Христова Государю

нашему Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всея Руси. И мы де и всею душою рады все головами служить, тако буде иные города, Устюг и Усолъе и Поморские, нам помогли, и нам всем также было бездельно помереть же будет. Да тот же Пospelко сказывал и кабацкий откупщик: которые де города возмут за щитом, или хотя и волею крест поцелуют, и те де все города отдают панам в жалованье, в вотчины, как и прежде сего уделья бывали: Тотьма де и Чаронда отданы Заруцкому пану, и на Тотьму де девять человек приехали. А подьячий Шестой Копнин, приехав на Устюг, оставя ратных людей на Сухоне, в Брусенце городке, для обереганья вверх воровским которым людям, а сказывает те же речи, что Михалко кабатчик и Пospelко да Степанко приставы сказывали те ж речи. И мы, господине, поговорили с Устюжаны с посадскими людьми и с волостными крестьянами: как, коим обычаем, тем делом промыслити, токо к нам на Устюг так же, как и к Вологде и к Тотьме, пришлют наказы и целовальную запись, и нам целовать ли крест или стояти крепко? И Устюжане, господине, посадские люди и волостные крестьяне с нами говорили накрепко, что креста целовать тому, который называется Царем

Село Заулки

Дмитрием, не хотят; а хотят стояти накрепко, и людей хотят тотчас со всего Устюжского уезда поворотом головами. А про Московское Государство они же и иные люди сказывали, что Московское Государство, дал Бог, стоит по-старому здорово. И тебе, господине Поспел Елесеевич, помыслити у Соли Вычеготской со Строгановыми, с Максимом и с Никитою, и со всею Усольскою землею, что их мысль: хотят ли они с нами и с Устюжаны стояти крепко о том деле и совет с нами крепкий о том деле держать ли? Да только, господине, ваша мысль будет одинака с нами, и тебе бы, господине, поговоря со Строгановыми и со всею Усольскою землею, тебе Поспелу и вам Максиму и Никите, и посадским и волостным лучшим людям, человек пяти, или шести, или десяти, приехать пожаловати к нам к Устюгу вскоре для того совету. А наша мысль-то: будет вы к нам приедете и стоять с нами заодно похотите, и нам вам в том крест целовати меж себя, а вам также крест целовати, что нам с вами, а вам с нами и ожить и умереть вместе. А в Ярославле де правят на Ярославцах по осимнадцать рублей с сохи, а у торговых людей у всех товары всякие переписали, а переписав, в полки отсылают.

2. 1608 г., 4 декабря. РАСПРОСНЫЕ РЕЧИ, ПРИСЛАННЫЕ С ТОТЬМЫ, О ЗЛОДЕЙСТВАХ ПРИВЕРЖЕНЦЕВ САМОЗВАНЦА, О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЛЖЕДМИТРИЯ И РАЗНЫХ СОВРЕМЕННЫХ СОБЫТИЯХ².

Сказал на Тотьме в роспросе Андрей Палицын, сын боярский: ехали мы из полков, от Царевича от Дмитрия и от пана от Ивана Заруцкого, на Тотьму. Яз служивал прежде сего у Якова Михайловича Годунова и отъехал яз к тому вору самовольно, а Государево Царево и Великого Князя Василья Ивановича всея Руси крестное целование забыл я; а послал нас на Тотьму пан Иван Заруцкий от Спаса с Тушина, а тот Царевич вор Дмитрий взят из Стародуба, а взяли его Литва. А про опальных людей, что из тюрьмы выпустить на Тотьме, и тот наказ на Тотьме писал Харламко Ярославец, а в полках у вора у Дмитрия в дворецких князь Семен Григорьевич Звенигородский, а в разрядах дьяк Денисий Игнатьев сын Софонов да боярин князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, а больше базман князь Роман Ружинский Литвин; а под Троицею стоит Сопегин племянник Сопега, а людей с ним всяких тысячей с десять; а к вору отъехал 116 году. А Ивашко Матфеев, Гаврила Григорьевича Пушкина человек, сказал: на Тотьме

наказ писали по княж Трубецкого челобитью, чтоб их из тюрьмы выпустил; а писал на Тотме Харламко Ярославец; а приехал яз Ивашко к вору Дмитрию в нынешнем во 117 году о Покрове святей Богородицы вольно и крестное целование я забыл; а столники и чашники у вора у Дмитрия его же казаки; а с Вологды нас отпустил на Тотму воевода Никита Пушкин. А Ондрей Цыплетев сын боярский сказал: мы наказ писали на Тотме про опальных, чтоб из тюрьмы выпустить, по княжему челобитью князя Юрия Трубецкого да Ивана Поросуква, и с Вологды писали мы в полки Ивану Заруцкому, что нас не слушают, и послали б вы к нам людей воинских, чтоб нас не покинули; а Царевича Дмитрия называют Литвином, князя Ондreja Курбского сыном. А литвин Лева сказал: Дмитрий де вор, а не Царевич прямой, а родиную не ведаю откуда; а король из Литвы в полки пишет, чтоб ся в Литву воротили. А Харламко Иванов сын Ярославец сказал: меня взял Ивашко Кудрявцев в Ярославле с собою до Тотмы, в нынешнем во 117 году о Дмитриеве дни Селунском; а наказ писал яз Харламко на Тотме, чтоб опальных из тюрьмы выпустили на Тотме. А позади пишет роспросных речей: Гриша Еремеев руку приложил, Микита руку приложил, Добрынка Иванов руку приложил, Вторушка Каплин руку приложил, Ивашко Харламов руку приложил.

3. 1608 г., 12 декабря. ОТПИСКА ИЗ ВОЛОГДЫ В УСТЮГ О РАЗНЫХ ИЗВЕСТИЯХ, ПОЛУЧЕННЫХ ОТ ВОРОВСКИХ ЛЮДЕЙ И О СОСТОЯНИИ ВОРОВСКИХ СИЛ¹.

Господину Ивану Филипповичу и устюжанам посадским и волостным людям Никита Пушкин да Рахманин Воронов и вологжане дворяне и дети боярские и посадские и волостные старосты и целовальники и торговые и всякие черные люди челом бьют. В нынешнем во 117 году декабря в 11-й день писал ты к нам с вологжанином с посадским человеком со Жданом Рогаткиным, что отпустил ты с подьячим с Шестаком Копниным на Вологду ратных людей; и подьячий Шестако Копнин с ратными людьми на Вологду декабря в 11-й день пришел и пошел в сход к Костроме, чать и к Галичанам и в село Даниловское; да и многие де, господине, люди у тебя в сборе есть, и ты их к нам на Вологду пришли же; а усольские и иные ратные люди к нам на Вологду пришли декабря в 16-й день. А как, господине, учнешь посылати ратных людей с Устюга, и ты б им велел, расспрося по дороге, с Бру-

сенца ли и с Толшмы, или из Шуйского, идти на Галич, или на Галицкую Соль, или на Любим, к Галичанам и к Костромичам в сход? А мы, господине, в сход ратных людей отпустили и иных посылаем. Да сказывал нам с пытки Федор Нащекин, а был он у вора спальник, да Иван Верин сын Ковернив, а у вора он был дьяк, да Василий Дуров, а приехали они из воровских полков для казны и поборов правити: что де называют в воровских полках вора Дмитрием, и Дмитрия де в полках нет, а называют де они иного вора, а не тот, кто на Москве был Гришка Отрепьев; а в полках де голод великий, а Вишневецкий де в Литву пошел из полков через Калугу, и украинные люди из полков расходятся. Да с пытки же, господине, сказывал нам литвин Ян Уншинский, а в полках де он был у пана Бобовского в роте, а пришел де сего лета с иными литовскими людьми под Москву: а того де он преж сего не знал, кто называется Дмитрием, и того не знаю же, кто был преж сего на Москве Гришка Отрепьев; а в полках де конский и людской голод великий, а просят у вора грошей, ино дати нечего, и литва де говорит стояти им до Рождества Христова, а с Рождества им Христова расходиться по городам и по волостям ротами, кормиться и грабити. Да писал, господине, к нам с Белоозера Иван Воейков да подьячий Михайло Светиков и белоозерцы всякие: сказывал де князь Третьяков человек Сеитова Гнедаш, а из полков де он две недели, а было де дело под Москвою перед Филипповым заговеньем, и московские де люди многих литовских людей побили и до таборов топтали; а украинные де люди от вора из полков расходятся; а которых де городов дети боярские вору крест целовали, и тех де детей боярских собирают в Переяславль, а из Переяславля де емлют в полки понемногу, и начаются де над ними в полках некоторого умышления. Да им же де сказывал на пытке Северьянко Витовтов, а приехал к ним для поборов из воровских полков: всем де лутшим воинским людям в полках быти побитым, а иных в Литву отсылати и Сандомирского де сына вор отпустил в Литву, а в полках де конский корм и людской запас дорог. Да им же сказывал белозерец Якушко Зиновьев, декабря в 8-й день, а был он в Ярославле: что де на Романове высылают дворян и детей боярских в воровские полки, а велят им ехать без оружия; а только б де у них было у десяти человек топор да нож. Да к ним же, господине, писал с Костромы, декабря в 11-й день, Борис Салтыков с товарищи: сказывал де им с

пытки князь Дмитрий Мосальский Горбатого, а был он на Костроме от вора воевода, который де вор называется царем Дмитрием, и тот де вор с Москвы, с Арбату от Знамения Пречистые из-за Конюшен попов сын Митька, а умышлял де и отпускал его с Москвы князь Василий Мосальский за пять ден до Ростригина убийства; а боярин де Федор Шереметев с понизовскими людьми пришел на Балахну, а луховичи и шуяне и Юрьева Польского всякие люди Государю добили челом. Да к ним же, господине, писали из Каргополя Семен Шапкин да подьячий Иван Озерецкий, что к ним приехали из Заонежья торговые люди, и сказывали им, что де пришли в Ореховский уезд на Неву, двадцать тысяч немецких людей; и приезжали в Новгород, к боярину и воеводе князю Михаилу Васильевичу Шуйскому, немец семь человек, и укрепляли крестным целованием, и боярин де князь Михайло Васильевич послал к ним встречу дьяка Сыдавного Васильева. Да послали мы в Пошехонье голову Лариона Монастырева с товарищи, с ратными людьми, что Пошехонье от Государя отложились были к вору. Декабря в 15-й день писал к нам Ларион Монастырский, что он Пошехонцев многих князей и детей боярских и в волостях многих людей и село Белое к крестному целованью привел и повинные челобитные ко Государю послал, и к нам прислал. Да к нам же писали Устюжны Железные всякие люди, что они от вора к Государю Царю и Великому Князю Василию Ивановичу всея Руси покорились по прежнему. И тебе бы, господине, ратных людей к нам присылати наспех, или распрося про дорогу посылал прямою дорогою в Галичь, чтоб им поспешити прямою дорогою к Галичанам и Костромичам, да и зелья б, господине, пищального пудов с пятьдесят, а свинцу против того ж к нам прислати. А разсылщика Офоньку Реутова отпустили на Вологду: то, господине, сделалось по дьяволе смуте, за умножение грех всего мира, а не для разсылщиков, на разсылщиках пытати нечего. Да в Пермь и на Вятку и на Вымь и в Яренский городок от себя отписали, чтоб они тотчас собирали.

4. 1609 г., 22 января. СПИСОК С ПЫТОЧНЫХ РЕЧЕЙ, ЧТО ПРИВЕЗ С ТОТЬМЫ СОЛИ ВЫЧЕГОДСКИЕ РАТНЫЙ ЧЕЛОВЕК ИВАНКО КОЗМИН⁴.

Января в 22-й день сказал с пытки Тимоха Иванов Ленков: приехал есми в Толшемскую волость и учили мне крестьяне угрожать, велено де тебя поймать да к Тотьме в приказ послати; и я убоился,

и я ходил около засек, и грех меня постиг. Посылал меня Федор Мичюрин на Толшму к Якову Васильеву сыну Гаврилова, в деревню Фролову, чтобы Яков сына своего послал денег собирать по двадцати рублей с сохи, а те деньги послати к вора́м в полки. А Федор Ванин сказывал: собрати у Соли две тысячи тридцать рублей в полки вором, а им было Соли Галичан и уезду, кои несжены, и живота не грабити и их Галичан не сечь; а собрав те деньги в полки вором, тем вором иди к Вологде, и как де Вологду возьмем и нам де иди к Москве и в понизовские города. А с паном Лисовским силы четыре роты больших панов, а в роте по сто по двадцати человек, да две тысячи запорожских казаков, да с ним ж ярославских и галицких детей боярских тысяча семьсот; а большая де сила стоит на Костроме, а у Федора Ванина всяких людей детей боярских человек со сто в Толманцове стоят у засеки, а поход к Вологде вором января с 22-го числа, с воскресенья. А роспись я писал на Толшме ратным людям беглецам Соли Галицкой для того, чтобы Федору Ванину у тех людей по дворам животы грабити. А на Костроме наряду большего три пушки проломных да и сороковой наряд полной. А от Соли от Галицкой наряд и зелье взял Федор Ванин в полки к вором. А Михайло Яковлев Гаврилова сын ездил с Федором Ваниным грабить вместе; а отец его Яков живет на Толшме в беглых. Да Федор же Ванин сказывал: пришла де грамота к пану Лисовскому от вора из Тушина, была де государева рука высока, а другая грамота о деньгах; а что де у тебя денег в сборе и возмешь Вологду, а не возмешь и ты б спешил с теми деньгами в полки. Да Федор же Ванин сказывал: с Вологды Никита Пушкин пишет в полки к вору, а я де вам Вологду сдам, треть де и стоит, а два жеребья сдаются, и как придете, и мы де Вологду сдадим, а к Вологде ходить к Никите Пушкину, лазутчик Тренею зовут Крылов из Жилина, живет за Солью Галицкою.

5. 1609 г., 26 января. ОТПИСКА ВЯТЧАН К ПЕРМИЧАМ С ПРИЛОЖЕНИЕМ ОТПИСКИ НИЖЕГОРОДЦЕВ О ПОРАЖЕНИИ ВОЕВОДОЙ АЛЯБЬЕВЫМ МЯТЕЖНИКОВ БАЛАХОНСКИХ, АРЗАМАССКИХ И АЛАТЫРСКИХ; О РАСКАЯНИИ ШУЯН, КОСТРОМИЧЕЙ, ГАЛИЧАН И ВОЛОГЖАН; О ПОБЕДЕ ЦАРСКИХ ВОЙСК НАД ИЗМЕННИКАМИ ПОД МОСКВОЙ⁵.

Господам нашим, в Пермь Великую, архимандритам и игуменам, и протопопам, и приказным людям, и попам и дьяконам, и гостям, и

торговым людям: Нижнего Новгорода власти и воеводы, князь Александр Репнин, Андрей Алябьев, дьяк Василий Семенов, и князи, и дворяне, и дети боярские, и иноземцы, литва и немцы, и всякие служилые люди, и гости, и земские старосты и целовальники, и посадские всякие люди, челом бьют. В нынешнем во 117 году декабря в 1-й день пришли из Казани в Нижний, от боярина и от воевод от Федора Ивановича Шереметева с товарищи, головы Андрей Микулин, Богдан Износков со стрельцы, и с казаки, и с литвою, и с немцы; и декабря в 2-й день приходили к Нижнему с Балахны воры, собрався со многими людьми, и мы, прося у Бога милости, приговорили идти мне Андрею Алябьеву с дворяны, и с головы, и с детми боярскими, и с литвою, и с немцы, и со стрельцы, и с вольными с охочими новоприборными казаки, и с посадскими людьми, на воров: ходили к Балахне и Божию милостью, и Пречистые Богоматери и Московских Чюдотворцев помощью, и Государевым счастьем, на заставе Троицкие вотчины Сергиева монастыря в деревне Копасове да в Козине, воров побили и наряд воров побили же, и Балахонского воеводу Степана Голенищева и лутчих Балахонцев посадских людей привели в Нижний; а которые воры ко кресту приводили, атамана Тимоху Таскаева, да боярских Суздальцев, Елизарья Редрикова, Семена Долгово, Луку Синева, Ивана Гриденкова с товарищи, поймав привели в Нижний; а Балахонцы посадские люди и Балахонского уезда все крестьяне Государю Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всея Руси вины свои принесли и ему Государю добили челом и крест целовали. Да декабря же, господине, в 5-й день приходили к Нижнему воровские люди, нижегородцы и арзамасцы и алатарцы дети боярские, и таторова, и черемиса, и мордва, и бортники и всякие подымные люди: и Божию милостью, и Пречистые Богородицы и Московских Чюдотворцев помощью, и Государевым Царевым и Великого Князя Василья Ивановича всея Руси счастьем, на вылазке мы, с дворяны, и с головами, и с детми боярскими, и с литвою, и с немцы, и с стрельцы, и с нижегородцы, и со всякими служилыми людьми, воров на голову побили и воевод воровских и языков поимали, больше трех сот человек; а побили и потоптали воровских людей воевода Андрей Алябьев с ратными людьми на пятнадцати верстах и больши, а знамена и набаты поимали; а ушло тех воровских людей немного врознь,

потому, что стала ночная пора, и воевода Андрей с дела и Государевы всякие люди пришли в Нижний дал Бог здорово. Да декабря в 9-й день приговорили мы идти мне ж Андрею Алябьеву, с головами письменными и с стрелецкими и с казацкими, и с дворяны и с детми боярскими, и с литвою, и с немцы, и со стрельцы, и с вольными с охочими новоприборными казаки, и с посадскими и со всякими людьми, в Нижегородский уезд, на Государевых изменников и воров: сошли в собранье в селе на Ворсме, от Нижнего за сорок верст, и воры встретили на две дороги, за пять верст от Ворсмы; и милосердный Бог мне Андрею и Государевым людям над воры помочи подал, и воров побили, и языки многие поимали, и топтали и побивали до села Ворсмы, и побив в селе стали, и выграбив зажгли, а зажегши пошли в село Павлово; и к Павлову пришли воры, на две дороги, многими полки, и Божией милостью и Пречистые Богородицы и Государевым счастьем, я же Андрей с ратными людьми воров побили наголову и языков многих и знамена поимали, а достальные воры

Ян Кароль Ходкевич

разбежались врознь. И села Павлова и Белавина и Матюшевския волости бортники, и иных Государевых дворцовых сел и деревень, и поместных, и вотчинных, и монастырских, и Муромского уезда стародубцы и гороховлене, и села Вязников и Сарыева, и Шуя город и уезд, и старосты и целовальники и все крестьяне, Государю Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всея Руси доби́ли челом, вины свои принесли и крест ему Государю целовали. Да декабря в 10-й день писали из Луху, с луховитином сыном боярским с Иваном Косовым, дворня и дети боярские и всякие служилые люди, и посадские торговые и уездные всякие люди, что они Государю Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всея Руси доби́ли челом, и вины свои принесли, и крест целовали; а воров в Луху, пана Васку Арамского с товарищи переимали и прислали в Нижний. Да декабря в 12-й день писали с Костромы, с Костромитином с Андреяном Ярцевым да с посадским человеком с Богданом Салтамышевым, власти, и князи, и дворня, и дети боярские, и приказные люди, и гости, и торговые и все посадские люди, что они Государю Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всея Руси доби́ли челом, вины свои принесли и крест ему Государю целовали; а которые были присланы к Костроме, от вора, князь Дмитрий Мосальский и литовские люди, и они деи тех воров переимав их покидали в тюрьму; да с ними ж в одном совете, ко Государю обратились и крест ему Государю целовали, Галич с пригороды, Пошехонье, Романов, Углич, Вологда и все Поморские города; и стоят те все люди в собрание, костромичи, и галичане, и вологжане, на Костроме, оберегают своих мест, а ждут помощи из Нижнего ратных людей; а как из Нижнего к ним ратные прибывые люди придут, и они, прося у Бога милости, тотчас хотят идти на воровских людей, разделясь на три полки; а из Великого деи Новгорода пришел в Кашин боярин князь Михайло Васильевич Шуйский, с новгородскою и со псковскою силою и с наемными немцы со многими людьми, и литовских людей, которые были в Кашине, побии. Да Андреян же Ярцев да торговый человек Богдан Салтамышев в роспросе нам сказали, что и в Ярославле литовские люди которые были, ротмистр, а с ним сто человек литвы, и посадские люди их переимали и в тюрьму покидали; а с Костромы посланы к ним в Ярославль с дворяны и с детми боярскими, головы Василий Овцын да Алферий Зюзин; а как де они ехали в Нижний и

из Юрьевца деи пошел в Шую Федор Красный, со многими людьми, да с ним мы послали приказ нижегородских стрельцов. А выходцы и языки в роспросе и с пыток говорят: под Троицею воров побили наголову, а взяли наряд весь, одиннадцать пушек, да триста человек языков Литвы, а достальные люди немногие ушли в воровские полки; а под Москвою деи воров побили наголову и наряд взяли, а ушли немногие люди и стоят на Веземе, а хотят бежать, что им сказывают про боярина и воевод про Федора Ивановича Шереметева с товарищи приход к Москве со многими ратными людьми вскоре; а в Арзамасе деи, и в Муроме, и в Владимире, и в Суздале, и в иных городах, всякие люди хотят Государю добить челом и крест целовать, а ждут боярина и воевод Федора Ивановича Шереметева с товарищи приходу. Да декабря в 13-й день приехал галечанин посадский человек Федка Кусынин и сказал, что галичане, князи, и дворяне, и дети боярские, и посадские и торговые люди, и уездные крестьяне, Государю Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всея Руси доби́ли челом, вины свои принесли и крест целовали. Да декабря в 21-й день писали к нам из Шуи, чарочник Федор Красный, и выходцы в роспросе сказывали: пришел деи в Ярославль из воровских полков пан Лисовский, а с ним литвы девять рот, оберегать города Ярославля посаду и уезда, а ярославцы деи посадские люди тое литву поставили в Ярославле на посаде в разных дворах и дали им корм ести и пити много, да подали вестъ Государевым людям костромичам и галичанам и иных городов, и Государевы деи ратные люди пришед в Ярославль с ярославцы посадскими людьми литву всех наголову врознь по дворам пьяных спячих побили; а хотят деи Государевы ратные люди с своим собраньем на воров, к Суздалю, и к Володимеру, и к Москве, идти вскоре. Да в нынешнем, господине, во 117 году декабря в 25-й день писано от Государя и Великого Князя Василья Ивановича всея Руси, в его Государеве грамоте, за приписью дьяка Григорья Елизарова, к нам в Нижний Новгород, с Корнилком да с Андрюшкою Семеновыми, а по своей Государеве грамоте велел нам Государь тотчас отписать к вам в Пермь, и на Вятку, и в Казань, о ратных людях и о Московском государстве, что Московское государство стоит за Государем Царем и Великим Князем Васильем Ивановичем всея Руси о всем здорово безо всякие шатости. И вам бы, господине, по Государеве грамоте, велети в Перми собрати ратных людей многих и велети б, господине, из Перми ратным людям идти на Государеву службу к Москве тотчас,

не замотчав; а в Казань ко Государевым боярам и к воеводам и на Вятку к приказным людям, по Государеве грамоте, о том мы писали ж.

6. 15 марта, 1609 г. ОТПИСКА ЦАРЮ СОЛЬ-ГАЛИЧАН ОБ ИЗМЕНЕ ЯРОСЛАВЦЕВ И КОСТРОМИЧЕЙ, О НАПАДЕНИИ ЛИСОВСКОГО НА ГАЛИЧ И НЕВОЛЬНОЙ ПРИСЯГЕ ИХ САМОЗВАНЦУ, О ПОГОЛОВНОМ ЗАТЕМ ВООРУЖЕНИИ И ВЫСТУПЛЕНИИ В ПОХОД ПОД КОСТРОМУ, О ЗАКЛЮЧЕНИИ В ТЮРЬМУ ИЗМЕНИВШИХ ГОСУДАРЮ ДЕТЕЙ БОЯРСКИХ, С ПРОСЬБОЮ ДАТЬ ИМ ВОЕВОДУ⁶.

Государю Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всея Руси, Соли Галицкие нищие твои Государевы богомольцы, собранные попы и дьяконы, Бога молим, да Соли ж Галицкие осталцышка посадский старостишко Тимошко Хромушин, да земские целовальники, Васька Середницын да Ондришка Прокофьев да Иван Федотов да Тимошка Алексеев, да посадские люди, Конанко да Петрушка Васильевы, да Якушка Васильев, да Селифонко Соснин, да Тренка да Петрун-

Принятие присяги

ка Лихачевы, да Семейка Олферьев, да Петрунка Осипов да Семейка Подосенов, да Дурашко Успенский, да Никитка Семенов, да Ивашко Федоров, да Онашка Гаврилов, да Воинко Говоров, да Ивашко Цырков, да Четвертунка Вагин, да и все Соли Галицкие посадские людишка, от мала и до велика, челом бьют. В нынешнем, Государь, 117 году марта в 10-й день прислана к нам твоя Государева Царева и Великого Князя Василья Ивановича всея Руси грамота, за приписью твоего Государева дьяка Томила Луговского, о твоем Государеве Цареве и Великого Князя Василья Ивановича всея Руси многолетнем здравии, с кологривцом с Ортюшкою с Колобовым; и мы, сироты твои Государевы, слыша твое Государево Цареве и Великого Князя Василья Ивановича всея Руси и Государыни нашия Царицы и Великия Княгини Марьи Петровны всея Руси многолетнее здравие и твое Царское Величество в Московском Государстве на Царском престоле, о Бозе радуемся и Бога молим со слезами и Пречистую Богородицу безпрестани и милости просим; и велено нам, сиротам твоим Государевым, о своем раденье и о ратном деле писати, к Москве, к тебе Государю Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всея Руси. И в нынешнем, Государь, 117 году ноября в 23-й день, собрався мы, сироты твои Государевы, Соли Галицкие посадские людишки, и Усольские осады крестьяне с Галича и с Галицких пригородов, по сту человек с сохи, да на Жилинскую засеку, на Московскую дорогу, отпускали с Усольские осады по пятидесят человек с сохи; и собрався, Государь, по сту человек с сохи, и ходили к Костроме и под Ярославль, против твоих Государевых Царевых и Великого Князя Василья Ивановича всея Руси изменников воров, литовских людей и казаков; и не дошед до Ярославля за две версты, и под Ярославлем дети боярские, Галичане и Костромичи, изменили, почали меж себя ясаком кликати, и наряд Галицкой вогняной у наших у ратных людей почали отымати. И мы, узнав тех детей боярских, Галичан и Костромич, под Ярославлем измену, да из под Ярославля, к Костроме, назад побежали с твоим Государевым нарядом, и коши и запасы свои пометали; и на дороге, к Костроме бежучи, те дети боярские у наших у Галичан у ратных людей наряд отымали двою. И как мы, Государь, к Костроме пришли, из под Ярославля, с ратными людьми, и воры, литовские люди и казаки и дети боярские, пришли на нас в Костро-

му ж, и на Костроме нас, сирот твоих Государевых крестьян, галичаня и костромичи, дворяня и дети боярские, воров литовским людям подали; и воры, нас, и дети боярские многих крестьян на Костроме побили и наряд галицкой взяли, а иные наши ратные люди разбежались врозь. И после того Костромского разгрому, воры, литовские люди и казаки и дети боярские, пришли в Галич, пан Лисовский с ротами и с казаками и с детми боярскими, со многими людьми, и Галичан, посадских людей, многих воры побили, и город сожгли, и посад и ряды пожгли, и наряд, который был в Галиче, и зелье и свинец воры литовские люди взяли ж; а иные посадские люди, Галичане, разбежались на лес. И мы, сироты твои Государевы, слыша от воров и от литовских людей и от бояр великое разорение, и жон своих и детей великий позор, да побегали от них на лес, в засеки, и животишка свои пометали; а бегали, Государь, в Тотомский уезд в Совьюскую и в Толшемскую волость, и на Унжу, и в Кологрив. И после нас, как мы побежали в забеги, на посаде дети боярские животишка наши, и по деревням, пограбили; а бегали, Государь, в забеги, для того что у нас, у Соли, около посаду острогу нет, и город сгнил и развалился, и твоего Государева наряду и зелья нет, крепится нечем. И из Галича пан Лисовский присылал к нам, к Соли Галицкой, приводит за вора, что называется Дмитрием, пана Микулая Пудковского да Федора Федорова Мичюрина, нас посадских людей и волостных крестьян к крестному целованью; и пан Микулай Пудковской да Федор Федоров изъехали у нас, на посаде, немногих людей да к крестному целованью привели заневолю, и приведчи нас к крестному целованью, пан Микулай да Федор Федоров отъезжали в Галич. И из Галича, в другие, пан Лисовский прислал к нам того ж пана Микулая Пудковского да Галичан, детей боярских, Федора Федорова да Василья Френева, да к ним же приписали Федора Мичюрина, с литовским листом, а велено было им, пану Микулаю с товарищи, сирот твоих Государевых, судити и управу чинити, и велено на нас, на сиротах твоих Государевых, доправити Соли Галицкие на посадских осталцышках⁷ и на волостных крестьянишках, откупу пану Лисовскому полтретьяста рублей, чтоб он на нас войны не отпускал. И мы, сироты твои Государевы, посадские людишка и Усольские осады крестьянишка, с правежу, животишка свои изцена, да те деньги,

собрáв, в откуп дали, чтобы из Галича воры к нам войною не приходили, и домов наших не разоряли и не пожгли, и жон и детей не поругали. И как мы откупились от воров, и воры быв в Галиче, да пошли назад к Костроме. И мы, сироты твои Государевы, после их, прося у Спаса и у Пречистые Богородицы милости и у великих Чюдотворцов Галицких, Макарья Желтоводского да у Аврамыя Городецкого Чюдотворца, да собрались, Соли Галицкие с посаду и с Усольские осады, и отпустили ратных людей, против воров и литовских людей стоять, по двадцати человек с сохи, февраля в 15-й день; а затем, Государь, собираемся идти против твоих Государевых изменников воров, литовских людей, а своих домов разорителей, а жон своих и детей поругателей, все головами своими; а выбрали, Государь, мы к своим ратным людям голову, Галичанина, сына боярского Усольския осады Второго Дмитриева сына Черепова, а прежде сего тот Второй тебе Государю правил, и головою к Костроме с нашими Усольскими ратными людьми ходил, и ныне тебе Государю правит же. И февраля ж в 18-й день пришли ратные люди многие с Устюга Великого, и Соли Тотомския, и Соли Вычегодския, и Перми Великия, и Соли Камския, и Кайгорода, и Вымския земли, с вогняным с большим нарядом и с затинными пищалями, со многим нарядом, и совокупся все вместе, с нашими с галицкими и галицких пригородов с ратными людьми, да пошли из Галича все к Костроме, против твоих Государевых изменников, воров детей боярских; а на Костроме, Государь, дети боярские многие, Галичане и Костромичи, собрався в осаду, да сели в Ипатьевском монастыре, а иные дети боярские нашия Усольския осады, здесь у Соли у Галицкия дают тебе Государю Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всея Руси, в изменах своих, повинныя за своими руками. И мы, сироты твои Государевы, тех детей боярских, до твоего Государева Царева и Великого Князя Василья Ивановича всея Руси указу, пометали в тюрьму, и на твою Государеву службу тех детей боярских с собою взять не смеем, для того что они хвалятся бездельем на нас. А твоего Государева надежного крепкого воеводы у наших у Галицких ратных людей, и у Устюгских, и у Пермич, и у Тотмян нет, oprичь голов. Да в нынешнем же, Государь, 117 году декабря в 20-й день прислана была, с Москвы, твоя Государева Царева и Великого Князя Василья Ивановича всея Руси грамота, за приписью твоего Государева дьяка Томила Лу-

говского, о твоём Государеве Цареве и Великого Князя Василья Ивановича всея Руси о многолетнем здравии и о нашем сирот твоих Государевых раденье и о ратном деле, с Усольскими с ратными казаки, с Васкою Меркурьевым с товарищи; и мы, сироты твои Государевы, прежде сего к тебе Государю Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всея Руси о своем раденье писали и посыльщиков посылали, не по одну пору; и грех ради наших, в то время Кострому воры разгромили, и дороги к Москве отняли, и посыльщиком нашим, к Москве, к тебе Государю пройти стало не мочно, и для того мы, сироты твои Государевы, к тебе Государю Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всея Руси о своем промыслу не писали, замешкали по нуже, что воры, литовские люди, к Москве дороги отняли. И вперед мы, сироты твои Государевы, за святые Божии церкви, и за тебя Государя Царя и Великого Князя Василья Ивановича всея Руси, и за всю православную крестьянскую веру, и за свои дома, рады помереть заодин и с твоими Государевыми изменники битися до смерти. А с повинных Усольских детей боярских, которые пометаны в тюрьму, списав список и подклея под сию отписку, послали к тебе Государю. Милостивый Государь Царь и Великий Князь Василий Иванович всея Руси! Помилуй нас, сирот своих Государевых, вели, Государь, нашим Галицким людям дати своего Государева надежного воеводу, чтобы нам с которым твоим Государевым воеводою служба своя и раденье совершити. А послали мы, сироты твои Государевы, с сею отпискою, к Москве, к тебе Государю прежнего посыльщика, Соли Галицкие казака Васку Меркурьева сына Попова, да с ним послали посадского человека Ивашка Войнова сына Говорова, марта 15-го числа; и тех наших посыльщиков, как ты, Государь Царь и Великий Князь Василий Иванович всея Руси, пожалуешь.

7. 1609 г., марта 29-го. ОТПИСКА ЦАРЮ ОСАДНЫХ ВОЕВОД КНЯЗЯ ГРИГОРИЯ ДОЛГОРУКОГО И АЛЕКСЕЯ ГОЛОХВASTОВА С ПРИЛОЖЕНИЕМ РАСПРОСНОЙ РЕЧИ ПЛЕННИКА ПАНА МАКОВСКОГО О ВОЕННЫХ СОБЫТИЯХ И ЗАМЫСЛАХ ПОЛЯКОВ⁸.

17 марта во 8-й день, вылазили из города дворяне и дети боярские, и Троицкие слуги, и стрельцы, и казаки, и всякие служивые люди, за Служню слободу, на речку, под туры, и на том деле дворяне и дети боярские и Троицкие слуги и всякие служивые люди Государю слу-

жили, и воров многих побили и языка взяли. Сухово приказу Останкова казак Тимошка Трофимов да Клементьевской Пронка Гаврилов, взяли языка Ивана Маковского, Сапегина полка роты Микулинского. В роспросе сказал: князь Михайло Васильевич Шуйский идет, от Новгорода, с новгородскою ратью и немецкими людьми, и против его из больших табор посылали пана Станислава Понятовского, а с ним с пять сот человек и больши запорожских казаков; и князь Михайло Васильевич Понятовского самого и что с ним людей было, на Волге, во Твери всех побил; а Федор Иванович Шереметев взял Муром взатьем; а за Суздалем, за тридцать верст, появились тысяч с шесть с большими луками, на лыжах, и против тех людей из Суздаля ходили охочие люди, которые оставались у Лисовского, и лыжники их побили человек с пятьдесят, а иных живых поимали. А яз был в ту пору в Юрьевском уезде в Троицком в селе в Ледневе, в приставстве, и Юрьевец сын боярский Микита Бобоедов, приехав, мне сказал, что появились за Суздалем Понизовские Государевы люди, и только де ты не уедешь, и тебе быти взяту; и яз от той вести и съехал. А Галич и Кострому Федор Шереметев очистил, и нынеча в тех городах Государевы люди; а Белозерская рать и Вологодская за Волгою; а Ярославль не ведаю ныне за кем. А что наши стреляли из пушек и сказали нам, что Деревяной город сдался, и после нам сказали, что Московские люди приманили Заруцкого и казаков сдачею, и приманив, Московские люди Заруцкого и казаков побили. А из Сапегиных табор посланы против Государевых людей две роты, а из Лисовского табора послано татар две роты да казаков конных четьреста человек, а неведомо куды. Да он же сказал: видел есми в Лисовского полку, поделаны щиты на четверых санех рублены, бревна вдвое, и окошка поделаны, по окнам стреляти; а деланы до меня, как я был в Юрьеве, а иные и при мне деланы; а везти щиты к городу на лошадях, а лошади вести к городу волостным мужикам; а велели для приступу съезжаться всем панам, где которые в розъезде. А слышал есми, что будут пешие люди, для приступу, из больших табор, а идти к приступу; которые и конные, и тем панам всем, пешим же, идти со все стороны.

8. 1609 г., апреля 15. РАСПРОСНЫЕ РЕЧИ ЮРИЯ БУЛАНИНА О ЛИТОВСКИХ ВЕСТЯХ⁹.

Лета 7117 апреля в 15-й день, к боярину и воеводам к Михайлу Борисовичу Шеину, ко князю Петру Ивановичу Горчакову, к дьяку

Никону Олексееву, приехал Юрий Буланин, а посылан он на Велиж, к Велижскому старосте к Олександру Гасевскому, с листом. И он деи Юрий приехав на Велиж, стал на посаде, у литвина у Степанка, и к нему деи Юрью Олександра Гасевский присылал Савелья Кирилова сына Хрипунова, и Савелий деи лист у него взял и отнес к Олександру Гасевскому. И держали деи его на Велиже четыре дни, а в приставах деи у него был тот же Савелий Хрипунов. И к нему деи Юрию, в четвертый день, ввечеру, принес Савелий же Хрипунов от Олександра Гасевского лист, и его Юрия с Велижа отпустил в Смоленск. Да как деи он на Велиже был, и сказывали деи ему, дворник Степанка, да Государев изменник, Торопченин сын боярский Домачний Федор (а чей слово, того он не ведает): Король деи в Кракове, а быть деи ему в Вильну, с Королевичем, к Николину дню; и Радные деи Польские и Литовские паны при Короле все, и в Вильну деи идет с Королем; а

из Вильны деи Король и Радные паны хотят отпустить к Государю, к Москве, в послах, Королевича, а людей деи с Королевичем будет много; а сколь скоро отпустят к Государю, того они, сказали, не ведают. Да они деи ему сказывали, что деи Королевича хотят деи посадить на Московское Государство Государем. А для деи того

Олександрó прислан на Велиж, чтобó ему говорити с Смолняны, чтобó посадить на Московское Государство Государем Королевича, а Смоленск быó отдатьó Королю. Да они деи ему сказывали, что деи из Вильны Королю быть в Орше, а людям, которые будут с ним, стоят по городам; а для чего Королю быть в Оршу, и вскоре ль Король в Оршу будет, того деи они не ведают. А как деи Король придет в Оршу, и из Орши деи ссылка будет в Смоленск: куда идти послам к Государю, к Москве? А про вора деи, который стоит под Москвою, называют его вором; а про Литовских людей, которые под Москвою, сказывают, что деи то люди вольные. А Олександра деи Гасевский прислан на Велиж, а велено деи ему на рубеже с Государевы люди пословать, а о чем пословать, того деи ему Юрью они не сказали. И будет деи Государевы люди с Олександром в посольстве сговорят, и Король деи пошлет, под Москву, к Литовским людям лист, и вора велит связать; а что деи Олександра Гасевский станет говорить и Государевы бó люди тому верили. А Олександра деи Гасевский приехал на Велиж, тому ныне три недели, а людей деи с ним всех человек с полтора́ста. Симан деи Гасевской в Щучейскую и в Поретцкую волость с Литовскими людьми ходил при нем, и хочет деи Олександра Гасевский отводить Государевы земли по Троицкое по Ржавское Городище; а по тех деи мест дал ему Олександру землю Государь, и рубеж велел учинить по то́ Ржавское Городище. Да как деи он Юрий ехал с Велижа в Смоленск, и ему деи сказывали Щучейские волости крестьяне многие: посылали деи головы, Иван Башмаков, Гаврила Чебышев, Дмитрий Дементьев, в подъезде на Плаи, и на Пляях деи подъеззичи Щучейские волости крестьянина, Ивашкина зятя, да в другом починке суседа (а как их зовут, того он не веда́ет), и отвели деи их к головам, а головы деи где их дели, того он не веда́ет. Да ему деи сказывал пристав его Савелий Хрипунов: который деи вор стоит под Москвою, и тот деи вор пришел с Белье на Велиж, а зовут деи его Богдашком, и жил на Велиже шесть недель, а у кого жил, того он не веда́ет. А пришел деи он с Белье, как убили ростригу, вскоре, и сказывал на Велиже, что он был у ростриги писарем ближним; и с Велижа деи съехал с Литвином в Витебск, и из Витебска деи он съехал в Польшу, а из Польши объявился в воровское имя, а которым обычаем назывался, того он не веда́ет. А который деи Петрушка сидел на Туле, а у вас деи его сказали казнили, и то́. деи Петрушка ныне жив, у них в

Литве, а в котором городе, того он не ведает; а прямой деи он Царя Федоров сын; а в то деи место повесили мужика. А Борисов де сын, Царевич Федор, жив, и ныне де он у Цесаря хрестьянского.

9. 1609 г., 27 апреля. ОТПИСКА УСТЮЖАН К ВЫЧЕГОДЦАМ О СРАЖЕНИИ С ТУШИНЦАМИ ПОД ЯРОСЛАВЛЕМ¹⁰.

Господам, Миките Михайловичу, да Григорию Микитичу, да Рахманину Макарьевичу, и Вологжанам дворянам и детям боярским, и гостям и посадским торговым и уездным всяким людям, Микита Вышеславцев челом бьет. В нынешнем, господа, 117 году апреля в 8-й день, Божией милостью и Пречистые Богородицы и великих Чюдотворцев Московских и всея Руси, и Государя Царя и Великого Князя Василья Ивановича всея Руси счастьем, собрався с Романовцы и с Ярославцы и иных городов с дворяны и с детми боярскими и с казаками, пришел к Ярославлю: и Литва и Черкасы и казаки и всякие воры, услыша нас, что мы пришли на стан апреля в 7-й день, в село Егорьевское, и апреля 8-й день побежали; а которых достальных Литовских людей застали, и мы тех всех побили, и города Ярославля князи и дворяне и дети боярские, и гости и торговые и всякие люди, великому Государю Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всея Руси доби́ли челом и вину свою принесли, и крест ему Государю целовали, и нас встретили с образы и с хлебы, и ему великому Государю служат и прямят во всем, и острог почали делать; а с ними воры побежали князь Федор Борятинский да Богдан Сутупов, а взяли с собою связав Ивана Волынского да Третьяка Копнина, а они во всем Государю прямили. Да бил челом Государю Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всея Руси Ярославцы посадские люди: съехали де у них из Ярославля дети и братья и племянники, и Государь бы их пожаловал, велел их с Вологды отпустить. Да били челом Государю Пошехонцы дворяне и дети боярские, у которых жены и дети на Вологде. И вы б, господа, за их службу и раденье, что они Государю служат и с изменники бьются до смерти, жен их и детей с Вологды отпустили по поместьям и вотчинам; а Ярославцев отпустили в Ярославль.

17 апреля в 27-й день привез к Соли с Устюга Оска Софонов Устюжанин.

10. 1609 г., июнь. ОТПИСКА ЯРОСЛАВЦЕВ К ПЕРМИЧАМ, ЧЕРДЫНЦАМ И КАЙГОРОДЦАМ ОБ УХОДЕ ЛИСОВСКОГО ИЗ-ПОД ЯРОСЛАВЛЯ.

О ПОСЫЛКЕ РАТНЫХ ЛЮДЕЙ НА ПОМОЩЬ УГЛИЧУ. О ВЕСТЯХ ПРО РАЗНЫЕ ГОРОДА. И ОБ ОКАЗАНИИ ПОСОБИЯ¹.

Господам, Федору Петровичу, Науму Романовичу, и Перми Великия и Чердыни и Кайгородка посадским и уездным старостам, и целовальникам, и сотским, и пятидесятским, и всяким жилецким людям, Сила Гагарин, Микита Вышеславцев, да Овсей Резанов, да Иван Озерецкий, челом бьют. В нынешнем, господа, в 117 году июня в 13-й день били челом Государю Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всея Руси Спиридонко Васильев и во всех ратных людей место и подали нам челобитную: и мы, господа, их челобитную, подклея под сее отписку, послали к вам; а сколько, господа, Пермских и Чердонцев и Соли Камские и Кайгородка ратных людей на Государевой службе под Ярославлем побито, и сколько осталось живых, и мы им роспись послали к вам же с сею ж отпискою. И вам бы, господа, по своему раденью, помня Бога и свои души и Государево прежнее крестное целованье, как начали Государю служить, так и совершити: пришлите к нам, к прежним ратным людям в прибавку и в убитых и безвѣстных место, иных ратных людей, и тем ратным, кои на Государеве службе в Ярославле, месячные деньги по рядным записям, чтоб ратные люди с Государевы службы не разбрелись и вашим бы раденьем и службою Государево и земское дело строилось. А на Москве, господа, Государь Царь и Великий Князь Василий Иванович всея Руси, и благоверная Царица и Великая Княгиня Марья Петровна всея Руси, и благоверная Царевна Анна Васильевна всея Руси, и его Государевы ближние бояре, дал Бог здорово. А воровские, господа, люди, кои стояли под Ярославлем, от Ярославля отошли и пошли к Ростову. А Лисовский со многими воровскими людьми пошел под Кострому: и мы к Давыду Жеребцову на помощь послали из Ярославля голов со многими ратными людьми, с огненным боем, и велели им над воры промышляти, сколько милосердный Бог помощи даст. А Ростов, господа, и Переяславль-Залесский и Суздаль еще за воры; а Владимир и Углич, и Кашин, и Романов, и Пошехонье, и Кострома за Государем. А на Костроме, господа, в Ипатьевском монастыре, Государевы изменники сидят в осаде; а воевода у них Микита Вельяминов. Да июня, господа, в 13-й день писали к нам с Углича, Елизарий Карсаков, да Богдан Неведрев, да Богдан Нагин, да Иван Лаптев, что пришел к ним под Углич Островской со многими

людьми, а стоят деи под Угличем во многих местах, за шесть верст и за семь, а хотят деи к Угличу приступати со всех сторон: и нам бы, господа, к ним послати на Углич ратных людей, зелья и свинцу, а велети им идти к ним на Углич наспех днем и ночью. А Городецко, и Кашин, и Колязин монастырь, и Тверь, и с уезды, Государю вино свою принесли и крест целовали; а боярин и воевода князь Михайло Васильевич Шуйский, с русскими и с немецкими со многими людьми, идет близко Торжку. И мы, господа, на Углич ратных людей и свинцу и зелья посылаем часто. Да того ж, господа, дни писал к нам с Костромы Давыд Жеребцов: июня в 12-й день вышел к нему, на Кострому, из воровских полков от Лисовского с товарищи, полоняник костромитин посадский человек Олешка Иевлев, а в роспросе сказал: отпустил его Лисовский да Иван Зубатый в Ипатьевский монастырь, ко Государевым изменникам, с грамотою, к Миките Вельяминову с товарищи, чтоб в Ипатьевском монастыре сидели крепко, а мы деи вас выручим; а всех деи воровских людей тысячи с полторы, а стоят против Костромы за Волгою, на Нагорной стороне, в селе Селище, и посылают казаков вверх по Волге, по Нагорной стороне, судов добывать; а говорят деи воры: хотя б деи нам добиться малых судков с десятков, и мы б деи зашедши сверху перевезлися в них через Волгу пехотою, человека по два и по три. А как деи, господа, шли воровские полки к Костроме, и Государевы деи люди, из-за Волги, из большого наряда побили много. Да июня деи, господа, в 11-й день перелазил он Давыд за реку за Кострому и велел по воровским табарам стреляти из наряда: и из станов их выбил, и людей и лошадей побил многих. А людей деи с собою раненых из-под Кинешмы под Кострому привезли добре много; а у многих деи литовских людей и сабель нет, а у казаков у многих пищалей нет. А как деи воры, литовские люди и Государевы изменники, пришли под Кострому, и у воров деи, господа, из Ипатьевского монастыря безпрестанные вылазки в день и в ночь, и у них деи зелья и свинцу исходит на драках много. И вам бы, господа, однолично служба своя и раденье совершати: ратных людей, в убитых место и в прибавку новых ратных людей, и прежним ратным людям наемные деньги по рядным записям прислати, Государевых людей вором не подати, и о том о всем вам бы, господа, во все города от себя писати, чтоб они, по своему раденью к Государю, службу свою совершили.

11. 1609 г., 28 июня. ЦАРСКАЯ ГРАМОТА ЯРОСЛАВСКИМ ВОЕВОДАМ ОБ ИЗГНАНИИ ИЗ РАЗНЫХ ГОРОДОВ ЛИТОВЦЕВ И МЯТЕЖНИКОВ, О ПОРАЖЕНИИ НЕПРИЯТЕЛЯ ПОД МОСКВОЙ НА ХОДЫНКЕ, О НАМЕРЕНИИ САМОЗВАНЦА БЕЖАТЬ В ЛИТВУ, И О ПОРАЖЕНИИ ЛИТОВЦЕВ ПОД ТОРЖКОМ¹².

От Царя и Великого Князя Василья Ивановича всяя Руси в Ярославль воеводам нашим князю Силе Ивановичу Гагарину, да Миките Васильевичу Вышеславцеву, да Евсею Дмитриевичу Рязанову, да подъячему Ивану Озерецкому. Писали естя к нам с Богданом с Тургеньевым да с каргопольцем с Захарком Степановым, что вы, идучи с Вологды в Ярославль, с дворяны и с детми боярскими и со многими нашими ратными людьми, многие города от воров очистили и ко кресту привели, и на многих боях многих воров и литовских людей побили и живых многих взяли, и наряд и знамена и коши поимали, и Ярославль от воров очистили; а из Ярославля князь Петр Ахамашуков и Григорий Тушин, и дворяне и дети боярские, и ярославцы гости и посадские и всякие люди, вышед из города, вас встретили за городом и крест нам целовали, и нам служат, и повинную их челобитную к нам прислали; и ныне вы, с дворяны и с детми боярскими и со многими людьми с нашими ратными, стоите в Ярославле, и нам служите и нашим и земским делом промыляете, острог и город укрепили, и на изменников наших посылаете, и наши люди с воры и с литовскими людьми бьются безпрестанно, и для нашаия православныя крестьянския веры ни о чем себя не щадите. Да апреля в 30-й день приходили под Ярославль воры и литовские люди и к Ярославлю, к острогу, по многие дни, всеми людьми приступали, с щиты и с огнем, и со смоляными бочками и скалами, и с огненными стрелами, и со всякими с приступными наряды; и вы с ними со всеми нашими людьми бились, и Божией милостью и Пречистые Богородицы помощью воров у приступов и на вылазках побили многих и живых поимали, и щиты и приметы все и знамена и прапоры многие взяли, и от острогу всех отбили; а которых литовских людей поимали естя на боях, и вы, выбрав из них лутчих, послали к боярину нашему ко князю Михаилу Васильевичу Шуйскому, а иных послали к боярину и к воеводам к Федору Ивановичу Шереметеву с товарищи, которые к вам выходили из воровских полков, послали на Вологду, и о всяких вестях и о людях к боярам нашим ко князю Михаилу Васильевичу Шуйскому и к Федору Ивановичу

чу Шереметеву пишите и во всем ссылагаетея почасту; и для воровские смуты сами вы и всяких людей, что есть с вами в Ярославле, ко кресту привели, что вам всем за нашу православную крестьянскую веру и за нас стоять крепко и с воры и с литовскими людьми битись до смерти; и на Кострому, для воровского приходу, многих наших ратных людей с головами послали. И мы, слыша о том, со всеми нашими людьми обрадовались и всемилостивому в Троице славимому Богу хвалу воздали; а о вас всегда милосердуем и за вашу службу вас пожалуем нашим великим жалованьем, чего у вас и на разуме нет, и службу вашу вовеки учиним памятну. И как вам ся наша грамота придет, и вы б, памятуя Бога и веры ради крестьянские, и для избавы Московского государства и всех православных крестьян, службу свою и раденье совершили, как начали, так бы и докончали; и дворянам бы и детям боярским и всем нашим ратным людям говорили накрепко, чтоб они с вами над воры промышляли и города, которые еще в измене, под нашу руку приводили, и Троицкому Сергиеву монастырю помощь учинили; а ныне бы естя, сослався во Владимир с боярином

Московская улица

нашим и воеводою с Федором Ивановичем Шереметевым с товарищи, или с иными воеводами нашими, которые ныне во Владимире, очистя Ярославские и Ростовские места, шли под Троицкий монастырь и над воры и над литовскими людьми промышляли, смотря по тамошнему делу, как вас Бог наставит. А к нам из Троицкого монастыря пишут часто, что выходят к ним в монастырь из воровских полков выходцы многие, а сказывают, что под монастырем с Сопегою стоят немногие люди, и те великим страхованьем, и все готовятся к отходу, потому, весть им прямая учинилась, что боярин наш князь Михайло Васильевич Шуйский идет к нам со многими с русскими и с немецкими людьми, а ныне он во Твери. Да к нам же идет на помощь Крымский Царь, а ныне его чаем близко Орловских и Волховских мест. А с смоленскою ратью воеводы наши, князь Яков Борятинский да Семен Адодуров, Белую и Дорогобуж и Вязьму от воров очистили, по Можайск, и во многих местах побили и живых многих поимали, и наряд и коши взяли, и очистя города пошли все в сход к боярину нашему ко князю Михайлу Васильевичу Шуйскому: и в воровских таборах и под Троицею от того литовские люди добре торопятся и все к отходу готовятся. И вам бы, сшедчися с боярином нашим и с воеводами, однолично над ними промышляти и Троицкому монастырю помощь учинить, чтоб вашею и дворян и детей боярских и всяких ратных людей службою и радением Московское государство от воров и от литовских людей очистилось и все б православные крестьяне свободны учинились; а кому повелит Бог за православную крестьянскую веру и за все православное крестьянство и смерть принять, и тот истинный мученик будет. Да июня в 5-й день, назавтрие Троицына дня, в понедельник, приходили воры и литовские люди под Москву, на Ходынку, со всеми с русскими и с литовскими людьми, и мы на них посылали бояр наших и воевод по полкам со многими людьми: и Божией милостью, и Пречистые Богородицы помощью и заступлением, и всех Святых молитвами, бояре наши и воеводы воров русских и литовских людей многих побили, и топтали их и побивали на пяти верстах, и языки многие поимали; а живых в языцах взяли, литовских людей и русских воров, сто девяносто семь человек, а языки все в роспросе боярам нашим сказали, что с вором в таборах литовские и русские люди немногие, а против боярина нашего и воевод князя Михайла Васильевича Шуйского послали пана Зборовского да князя Григорья Шаховского, а с ними

литовских людей и русских тысячи с полторы, а стояли деи они ныне на Волоке и на Погорелом Городище; и вор де и литовские люди, которые в таборах, слыша про Крымского Царя и про боярина нашего про князя Михайла Васильевича Шуйского, в великой боязни; и из-под Троицы, и из-под Осипова монастыря, и из-под Коломны, велел де вор литовским людям всем идти к себе в таборы; а коши деи и всякую тяжелую рухлядь литовские люди отпускают в Литву, а сами остаются легким делом для отходу, а хотят отходить в Литву. И мы, по тем вестям, прося у Бога милости, июня в 25-й день посылали есмя на воров и на литовских людей бояр наших и воевод со многими людьми, по полкам, а велели им, прося у Бога милости, над воры и над литовскими и с русскими людьми выходил против бояр наших и воевод всеми людьми и с нарядом, на речку на Ходынку; и Божией милостью, и Пречистые Богородицы заступлением, и всех Святых молитвами, бояре наши и воеводы литовских полковников и ротмистров и литовских людей и воров русских людей многих побили, и наряд, и знамена, и набаты, и литавры, поимали; а живых литовских людей взяли двести человек, да русских людей взяли человек с сорок, а побили их и потоптали до табор воровских, и многие литовские люди и русские воры с того бою побежали мимо табор за Москву-реку и в реке многие потонули. И вы б о таком величии Божии воздали хвалу в Троице славимому Богу, да дворянам бы ёсть и детям боярским и всяким ратным людям про те про все вести сказали и по городам к приказным и ко всяким людям отписали, чтоб им было ведомо. Да июня в 25-й день писали к нам из Торжка стольник наш и воевода Семен Головин да Иванис Адодуров: послан де был в Торжок, от боярина нашего от князя Михайла Васильевича Шуйского, воевода Корнило Чеглоков с русскими людьми, и пришед де к Торжку из воровских полков полковник Зборовский да князь Григорий Шаховской и Торжок осадили, и их де Семена и Иваниса с русскими и с немецкими людьми боярин наш князь Михайло Васильевич Шуйский послал к Торжку наперед себя, с новгородской дороги, с Крестецкого яму, и они де пришли под Торжок июня в 17-й день и того же дни под Торжком с Зборовским и с Шаховским бились; и Божией милостью, и Пречистые Богородицы помощью, и всех Святых молитвами, Семен и Иванис с русскими и с немецкими людьми Зборовского и Шаховского и литовских многих людей побили, и языки многие, и набаты, и знамена, и

коши поимали, и от Торжка Зборовский и Шаховской побежали врознь; а Семен и Иванис со всеми русскими и с немецкими людьми хотели идти во Тверь, а боярин де наш князь Михайло Васильевич с русскими и с немецкими с большими людьми, со всею ратью, будет под Торжок июня в 24-й день. И вы б про то всяким людям сказали и по городам такое величие Божие ко всяким людям отписали, а сами б естя, прося у Бога милости, над воры и над литовскими людьми промышляли всякими мерами, сколько вам милосердный Бог помощи даст и смотря по тамошнему делу; и во Владимир бы и в иные города, с боярином нашим и воеводами с Федором Ивановичем Шереметевым с товарищи и с иными с нашими воеводами, о нашем деле ссылались почасту, как вам нашим делом промышлять, чтоб вам на воров идти и нашим делом над воры промышляти всем вместе. А будет в Ипацком монастыре воры и литовские люди еще сидят, и вы б о том ссылались с воеводою с Давыдом Жеребцовым, и буде надобно, и вы бы, смотря по тамошнему делу и по вестям, ему людьми вспомагали и его оберегали, и того бы проведывали накрепко, чтоб на них воры и литва людей не посылали; а будет пошлют, и вы бы им однолично помощь учинили, смотря по тамошнему делу и как вас Бог наставит. А однолично б естя, будучи на нашей службе, во всем нам служили и прямили, и службу свою и раденье к нам и ко всему нашему государству показывали, и славу б себе и похвалу вечную получили; да и дворянам бы и детям боярским и всяким служилым людям наше жалованье сказали, чтоб они службу свою и раденье нам и всему нашему государству совершили, как начали так бы и докончали, и нам бы на воров помощь учинили вскоре, и как они будут на Москве и наши очи увидят и мы их пожалуем нашим великим жалованием и неоскудным даянием, и нужи их всякие и разорения велим исполнити, и службу их учиним вовеки памятно. А где вы ныне, и что ваш над воры промысел, и что у вас делается, и вы б о том о всем к нам отписали, чтоб нам про вас и про всякие вести было ведомо вскоре; а гонцов бы естя к нам посылали разными дорогами, как бы им нам от воровских людей пройти здорово. А как вы из Ярославля, с дворяны и с детьми боярскими и со всеми нашими ратными людьми, на воров или в сход к боярам нашим пойдете, а в Ярославле указали есмя остатись воеводам из вас кому ни буди, или Василью Нелединскому, или кому всею ратью приговорять, а то есмя положили на вас и на всей рати, и вы б меж себя и со всею

ратью приговорили накрепко, кому идти в поход и кому в Ярославле остаться; а кому приговорите в Ярославле остаться, и вы б с ним оставили всяких осадных людей, чтоб им от воров быть безстрашным, и о том бы естя и со всею ратью поговорили, кому накрепко в Ярославле остаться и каким осадным людям быти с ними: а как приговорите, и вы б тех людей в Ярославле оставили. А делали б естя, а о нашем и о земском деле промышляли, и людей в Ярославле оставили, смотря по тамошному делу и как вас Бог наставит; а мы наше и земское дело во всяком промыслу положили есмя на вас и на всей рати, и вы б однолично промышляли с великим раденьем, и смотря по тамошному делу, и как вас Бог наставит. А кто в Ярославле останется, и тому быть в Ярославле немного время, а велели ему из Ярославля быть к нам к Москве тотчас; а покаместа из Ярославля не поидете, и вы б все вместе нашим и земским делом промышляли, как вас Бог наставит и смотря по тамошному делу, с великим раденьем, и осаду совсем укрепили и людей в осаду собрали вскоре, и по городу и по острогу и по всем местам людей всех расписали, чтоб всякому человеку ведомо было, где кому в осадное время быть; а розни бы у вас ни в чем, ни которыми делы не было, тем бы естя службы своей не потеряли и нашему б и земскому б делу порухи не учинили. А как из Ярославля пойдете, и кто пойдет, и кто в Ярославле останется, и сколько каких людей с ним в Ярославле будет, и вы б к нам о том подлинно тотчас отписали, чтоб нам про то было ведомо; а кто останется в Ярославле, и кто пойдет в поход, и тех всех служба будет ровна и в том меж вами однолично спору не было. Писан на Москве, лета 7117 июня в 28-й день.

12. 1609 г., июль. ОТПИСКА КНЯЗЯ МИХАИЛА ШУЙСКОГО В ВОЛОГДУ О ПОРАЖЕНИИ ЛИТОВСКИХ ЛЮДЕЙ ПОД ТВЕРЬЮ¹³.

Господину Миките Михайловичу, Рахманину Макарьевичу, Михайло Шуйский челом бьет. Писали вы ко мне и прислали из Колского острога, от Ивана Сабурова, ко Государю грамоты да немецкий лист: и я те грамоты и лист ко Государю к Москве послал, а гонца вашего к вам отпустил; а я, господине, иду к Государю на помощь наспех. Да июля в 13-й день, за час до свету, пришел я с Государевыми с русскими и немецкими людьми подо Тверь, под острог, и воры и литовские люди из острогу вышли и с нами бились до третьего часу дни, и Божией милостью и Пречистыя Богородицы, а Государевым счастьем, Тверской острог взятъем взяли, и литовских людей

многих побили, и наряд и зелье и знамена и литавры многие поимали, и топтали их и побивали за острогом по большой по московской да по осиповской дороге на сорок верст; а остальные литовские люди, Красовской с товарищи, сели во Твери в осыпи, и я, прося у Бога милости, над ними промышляю Государевым делом, сколько Бог помощи подаст, и иду ко Государю наспех.

13. 1610 г., январь. ОТПИСКА КНЯЗЯ МИХАИЛА ШУЙСКОГО В УСТЮГ О МОЛЕБСТВИИ ПО СЛУЧАЮ ПОЛУЧЕНИЯ ИЗВЕСТИЯ ОБ УМЕРЩВЛЕНИИ САМОЗВАНЦА¹⁴.

Господину Ивану Филиповичу Михайло Шуйский с товарищи челом бьют. Декабря, господине, в 30-й день писал к нам, холопам своим, Государь Царь и Великий Князь Василий Иванович всея Руси в своей государевой грамоте: декабря в 28-й день, в ночи, приехал к нему Государю из воровских табор князь Володимер Бахтеяров Ростовский, а в роспросе сказал, что де декабря в 27-й день, со среды на четверг в ночи, вор, который назывался воровством государским сыном, в Пюстригино место, в воровских таборах погиб; а сказал, что убили его литовские люди и двор его и животы литовские люди разграбили; а меж де литовских и русских людей в таборах великая рознь, а русские де люди все из литовских табор перебираются к русским людям в таборы, а хотят все ехати ко Государю. И ты б велел быти в соборную церковь архимандритам и игуменам, и всяким церковным причетникам, и дворянам, и детям боярским, и всяким служилым и посадским и уездным людям, и сее грамоту передо всеми людьми прочли вслух, и воздали хвалу всемилостивому в Троице славимому Богу и на воров вооружались единодушно.

14. 1610 г., 20 июля. ОКРУЖНАЯ ГРАМОТА БОЯР, ОКОЛЬНИЧИХ И ВСЕХ ЧИНОВ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПЕРМЬ ВЕЛИКУЮ, О СВЕДЕНИИ ЦАРЯ ВАСИЛИЯ ИОАННОВИЧА С ПРЕСТОЛА, С УВЕЩЕВАНИЕМ НЕ ПРИЗНАВАТЬ САМОЗВАНЦА И ОБЕРЕГАТЬ ГОСУДАРСТВО ОТ ПОЛЯКОВ¹⁵.

В Пермь Великую, воеводе господину Ивану Ивановичу Чегоданову да подьячему Пятому Филатову и всех Пермских пригородов посадским лучшим и средним и всяким людям: бояре и окольные, и приказные люди, и стольники, и стряпчие, и дворяне и дети боярские всех городов, и гости, и торговые люди, и всего Московского государ-

ства всякие служивые и жилецкие люди, челом бьют. За грех всего православного крестьянства в Московском государстве многое время кровь крестьянская льется межуусобною бранью и, видя меж православных крестьян межоусобье, польские и литовские люди пришли в землю государства Московского и многую крестьянскую кровь пролили, и церкви Божии и монастыри разорили, и образом Божиим поругаются, и хотят православную крестьянскую веру в латинство превратити; и ныне Польский и Литовский король стоит под Смоленском, а гетман Жолкевский с польскими и с литовскими людьми стоит в Можайске, а иные литовские люди и русские воры пришли с вором под Москву и стали в Коломенском, а хотят литовские люди, по ссылке с гетманом с Жолкевским, государством Московским завладети и православную крестьянскую веру разорити, а свою латинскую веру учинити. И дворяне и дети боярские всех городов, и гости, и торговые люди, и стрельцы, и казаки, и посадские и всяких чинов люди всего Московского государства, поговоря меж себя и услыша украинских городов ото всяких людей, что Государя Царя и Великого Князя Василья Ивановича всея Руси на Московском государстве не любят, и к нему к Государю не обращаются, и служити ему не хотят, и кровь крестьянская межуусобная льется многое время, и встал отец на сына и сын на отца, друг на друга, и видя всякие люди Московскому государству такое конечное разоренье, били челом ему Государю всею землею, всякие люди, чтоб Государь государство оставил для межуусобных брани и для того, которые от него Государя боясь опалы, или которые его Государя не любя, и к нему к Государю и ко всему Московскому государству не обращаются, и те б все были в соединенье и стояли б за православную крестьянскую веру все заодно. И июля в 17-й день Государь Царь и Великий Князь Василий Иванович всея Руси, по челобитью всех людей, государство отставил и съехал на свой старый двор и ныне в чернецах. И мы, бояре и окольные, и приказные люди, и стольники, и стряпчие, и дворяне и дети боярские всех городов, и гости, и торговые люди, и стрельцы, и казаки, и пушкарники, и всякие служилые и жилецкие люди, целовали животворящий крест на том, что нам всем против воров стояти всем государством заодно и вора на государство не хотети; и вам бы всем, всяким людям, стояти с нами вместе заодно и быти в соединенье, чтоб наша православная крестьянская вера не разорилась, и матери бы наши и жены и дети в латинской вере не были; а на Московское б государство

выбрати нам Государя всею землею, сослався со всеми городаы, кого нам Государя Бог даст, а до тех мест правити боярам князю Федору Ивановичу Мстиславскому с товарищи; и промеж бы всех православных крестьян убийства и бою и грабежу и всякого воровства не было, никому никаковы недружбы не мстити, и против вора и литовских людей стояти всем заодно, чтоб государства Московского польские и литовские люди до конца не разорили. И вам бы, господа, Ивану и Пятому и всяким посадским людям и волостным крестьянам стояти с нами против польских и литовских людей и против того вора, который называется царевичем Дмитрием, чтоб они государством Московским не завладели, и веры крестьянския не разорили, и всех православных крестьян до конца не погубили; и во весь бы Пермский уезд вам ко всяким людям от себя отписать, чтоб они, памятуя Бога и нашу православную крестьянскую веру, к Московскому государству вспомогали и были с нами все вместе, и против бы польских и литовских людей и от воров с нами заодно стояли, чтоб Московским государством воры и литовские люди не завладели, и нашия православныя крестьянския веры не разорили, и матери б наши, и жены, и дети в латинской вере не были, и на Московское б государство обирати б нам Государя всем заодин всею землею, сослався со всеми городаы, кого нам Государя Бог даст. Писан на Москве, лета 7118 июля в 20-й день.

Примечания

¹ Печатается по: Акты Археографической экспедиции (далее — ААЭ). Т. II. СПб., 1836. № 88. С. 179–181.

² Там же. № 91 (III). С. 186–187.

³ Там же. № 94 (И). С. 191–192.

⁴ Там же. № 103 (II). С. 202–203.

⁵ Там же. № 104 (II). С. 203–206.

⁶ Акты исторические, собранные и изданные имп. Археографическою комиссиею. Т. II. СПб., 1841. № 177. С. 204–207.

⁷ Осталец — тот, кто уцелел или остался на месте после каких-либо событий.

⁸ АИ. Т. II. № 181. С. 210–211.

⁹ Там же. № 199. С. 230–231.

¹⁰ ААЭ. Т. II. № 115 (III). С. 220.

¹¹ Там же. № 125. С. 231–233.

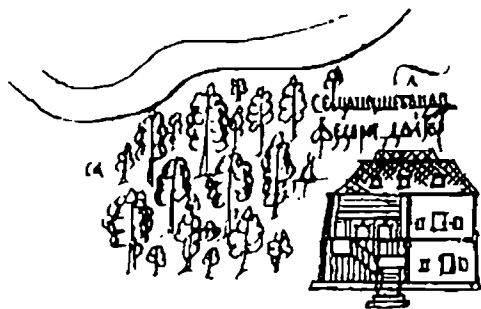
¹² Там же. № 128. С. 236–240.

¹³ Там же. № 130 (II). С. 241.

¹⁴ Там же. № 155. С. 267–268.

¹⁵ Там же. № 162. С. 277–278.

ПИСКАРЕВСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ¹

...И после того назвался иной вор царевичем Дмитре[ем], а сказывают сынчишко боярской Веревкиных из Северы, и пришол под Москву в Тушина со многими людьми с литовскими и рускими. И стояли у Москвы больши дву годов и били, безпрестанно кровь христьянскую ли[ли]. И во всех градах по стенам были колоколы осадные и пушки большие вестовые; и на которую сторону придут воровские люди, и там станут в колокол бить и ис пушек стреляти, и бояре и воеводы все полки туды пойдут. А сам князь великий стоял за городом на Ваганькове в обозе многое время и вся рать, бояре и воеводы, с ним. А на Москве в то время был голод великой, рублей в пять и в шесть, и в семь четверть ржи купили, потому что дороги все отняты были. И того вора литва хотели изымати и в литву х королю отвести. И он не со многими людьми побежал из Тушина в Колугу. И в ту пору многие руские люди разделилися: бояре и дворяне, дети боярские, и стрельцы, и казаки, и татарове, князь Петр Урусов с товарищи, и всякие служилые и жилецкие люди, и иные остались в Тушине у литвы, а иные отъехали к вору в Колугу, а иные к Москве. И до тех мест за многа время князь великий Василей послал князя Михаила Васильевича Шуйского в Новгород Великий, а из Новагорода ему велел послати Семена Васильева сына Головина в Немцы к королю Карлу, чтоб ему дал немец на помощь, а за то он даст королю Корелу и немцам наем. И король немецких воеводу Якова Пунтусова² да Анцы Мука со многими немецкими людьми в Новгород Великий прислал. И князь Михайло из Новагорода к Москве пришол со многими с немецкими и с рускими людьми и от [Т]роицы от Сергиева монастыря воровских литовских и руских людей отогнал. И от Москвы ис Тушина литовские и руские люди побежали,

литовские в Литву, а русские врознь пошли кое куды. И после того опять собрався литовские и русские многие люди, а с ними изменники Михайло Салтыков да торговой человек Фетька Андронов, иные изменники московские пошли были к Москве. И князь великий Василей послал противу их воевод своих князя Дмитрея Шуйсково да князя Андрея Голицына со многими людьми с рускими и с немцы. И воеводы московские сошлись за Можайском в Царево Займищи. И судом Божиим, а грехом нашим литовские люди московских и немецких людей побили. И с тово дела всякие люди пошли врознь, немецкие люди пошли в Немцы, а русские иные к Москве, а иные к вору в Колугу. И та литва опять пришла вскоре к Москве пан Желковский да Гашевской с товарищи. А з другую сторону пришел вор ис Колуги, который назывался царевичем Дмитрием. И в ту пору стало на Москве волнение великое в боярех и в дворянх, и в гостех, и вся чернь встала, а паче всех Захарей Ляпунов всех людей возмутил на царя Василья: «Царь де у нас несчастлив, и кровь де от него вся льетца!» И з царства его согнали и посох отняли, и постригли и з царицею, и в Чудов монастырь сослали. А был на царстве полпята годы. А того вора колуского литва от Москвы отогнала, и он побежал опять в Колугу, и в Колуге был немного, и убил его князь Петр Урусов. И Московские люди почели бить челом королю да сыну его королевичу, чтоб король пожаловал, дал на московское государство сына своего королевича и креститца б ему велел. И для тово послали послов со многими людьми князя Василья Васильевича Голицына с товарищи да митрополита Филарета и иных с ним. А литве крест целовали пану Желковскому с товарищи на том, что мимо королевича не хотеть на царство Московское никого. А литва против крест целовала, и в город их пустили. А великого князя Василия сослали в Литву к королю и братию его князя Дмитрея, и княгиню его, и князя Ивана Шуйских. И князь велики, едучи в Литву, с собою платье черное скинул, а царица с собою платье черное скинула же по благословению патриарха Гермогена московского и всеа Руси, а жила в Покровском монастыре в Суздале. А кровь лилася после того до сто двадесят первого году.

...И после того опять грехом крестьянским назвался вор царевичем Дмитрием, который стоял в Тушине. А писано о нем и о Петрушке выше сего. И тот вор посылал ис Тушина под Ростов литву и черкас многих людей. И Ростов взяли, и выжгли, и высекли, и образы

и раки у всех святых ободрали, и монастыри разорили, и митрополита Филарета Романова взяли в церкви, и сан с него сняли, и надели на него мирское платье и шапку. И царь и великий князь Василей Иванович всеа Руси послал бояр и воевод своих князя Ивана Семеновича Куракина да князя Бориса Михайловича Лыкова с товарищи. И оне их встретили на Москве реке на Медвежьем броду и тут литовских и русских воров побили, и языки и запасы поимали, и владыку коломенсково отгромили.

...Да при том же воре Тушинском, как он стоял в Тушине, отпустил царь и великий князь Василей Иванович в Литву сердомирского воеводу Юрья Мнишка и з дочерию панною Мариною, что была за Ростригою, и всех панов, кои взяты на Москве. А отпустил их около Москвы, потому что вор стоял в Тушине. И как по[слы]шел вор, что отпущен Юрье сердомирской и з до[че]рию, и он послал ис табар князя Василья Мосальского со многими людьми и того сердомирского переняли на Белой да привели к нему в табары. И он его, воеводу Юрья, отпустил в Литву, а дочь его оставил у себя, а назвал ее женою своею. А она его назвала прямым мужем и жила с ним многое время. И как похотела литва того вора изымати и х королю отвести, и он сведав то, и утек ис табар в Колугу. А тое женку Марину взял Сопега и пошел в Литву, и зашел в Дмитров, и Дмитров высек и выжег. А та женка от него збежала с немногими казаки в Колугу к вору, и вор ее опять взял, и в ту пору у него была в Колуге радость, что де Бог принес его царицу, и многих пожаловал, ис тюрем выпускал. И жил с нею с некрещеною, и родила малого невесть от кого: что многие с нею воровали. И после того князь Петр Урусов того вора убил в Колуге. И она с малым пожила немного в Колуге, и перевели ее на Коломну воевода князь Дмитрий Трубецкой да Ивашка Заруцкой, да Прокопей Ляпунов по казачьему воровскому умышленью. А была за нею Коломна вся, а чины у ней были царьския все: бояре и дворяне, и дети бояр[с]кие, и стольники, чашники и ключники, и всякие дворовые люди. А писалася «царицею» ко всем бояром и воеводам. А боярыни у нея были многия от радных, и мать Трубецкого князя Дмитрея была же.

...О Ивашке Заруцком. Ивашко Заруцкой от простых людей родился на Москве от выежжего литвина худого. И многое время был в воровстве у литвы и у русских воров, да стал прямити Московскому государству, стоял под Москвою со князем Дмитрием Тимофеевичем

Трубецким в товарищех многое время. И как пришел Пожарской в Ярославль, и он побежал в Коломну лета 7120-го к жонке Маринке, коя была за Ростригою, и к сыну ея Ивашку, а называл его царевичем, а жонку царицею. И, взяв жонку да и малого, с Коломны пошел к Шатскому, и тут его не пустили, и он в город в Сапожек, а ис Сапожка на Михайлов, а с Михайлова на Воронеж да на Ливну. И в те города его не пустили же. А под Ливною у него побили, и он пошел на поле. А за ним ходили воеводы князь Иван Одуевской Никитич да Мирон Вельяминов и, побив его, да и воротилися назад. А он с поля пришел к Астрахани, и тут его пустили честно, по царьскому обычаю, и двор ему поставили, а воеводу астраханского князя Ивана князя Дмитриева сына Хворостинина убил, и почал жити по царьскому чину, а все около его их казаки многия. И здумал послати на Терку, и послал верных своих казаков да с ними астраханских жильцов, торговых людей, уговорити же людей. И терские люди стали спрашивать торговых людей астраханцев про Москву: «Есть ли государь?» И они сказали, что есть государь царь Михайло Федорович Романов. А граждане здумали благодать Божию спасительную нам и переимали казаков и в тюрьму пометали, а сами послали в Черкасы ко князем черкасским, чтоб помогли им и пошли с ними под Астрахань на вора Ивашка. И черкасы тотчас пошли с ним под Астрахань. И он, Ивашка, умыслил лутчих людей в Астрахани побити, кои не любят, и стал побивати. И смотрением Божиим в ту же пору пришли с Терки многие люди черкасы. И пустили их в город. И он, Ивашко, з женкою Маринкою и с малым Ивашком пяти [лет], а неведомо чей сын, потому что многия с нею воровали, побежали из града Волгою вверх. А за ними погналися многия люди из Астрахани, и угнали их. Казаки, кои с ними, стали бити челом и миритца межю собою, стали крест целовать, чтоб государь их пощадил, а его, Ивашка, и женку Маринку и малого отдали. А как она, Маринка, пришла к Москве и чья дочь, то писано выше сего в ростригине царстве. А в ту пору государь с Москвы послал за ними к Астрахани воевод князя Ивана же [д]а воеводц[к]ого товарища со многими людьми. А они уже их изымали и привели к нему, и он их послал к Москве к государю 123-го году. И государь его повеле казнити и с малыми и з женкою да с ними Фетьку Андронову, которой на Москве воровал всех больша, а был купецково чину.

Примечания

¹ Печатается по: ПСРА. Т. 34. М., 1978. С. 212–213, 215–216, 218–219.

² Яков Пунтусов — Якоб Понтус Делагарди.

СКАЗАНИЕ АВРААМИЯ ПАЛИЦЫНА¹

Глава 6 О царе Василии Шуйском

...От царя Василия посланнии бояре и воеводы множество крепких воин под Колугою положиша и с стыдением отступиша. По сем же и сам царь Василей под Тулу поиде и со многим козньством едва град приат потоплением водным, и ту начальствующих злодеем ложного умышленного царевича Петрушку², холопа Свияжского головы стрелецкаго Григория Елагина, нарицающася сына царя Федора Ивановича, и Ивана Болотникова, холопа же князя Ондreja Ондреевича Телятевского, заводчика всей беде поима. И не соодолев меньшим злодеем преста от брани, возмнев, яко и тии страха ради имуть покоритися. Они же вскоре приведоша себе на помощь польских и литовских людей и прежним обычаем нарекоша ложнаго царя Димитриа, от Северских градов попова сына Матюшку Веревкина¹. И тако брани бывши, и Божиим попущением за беззакония наша одолешя врази православным христианом и, ничим же задержими, дошедше до царствующаго града Москвы, его же и обседше вокруг промысляху приати. Кто же тоя беды изречет, еже содеяся во всей Росии? На единой бо трапезе сидяще в пиршестве в царствующем граде, по веселии же убо ови в царския полаты, ови в Тушинския табары прескакаху. И разделишася надвое вси человецы, вси иже мысляще лукавне о себе: аще убо взята будет Москва, то тамо отцы наши и братия, и род и друзи; тии нас соблюдут. Аще ли мы одолеем, то такожде им заступницы будем. Полския же и литовския люди, и воры, и казаки тем переле-

том ни в чем не вероваху, — и яко волцы надо псами играюще и инех искушающе, инеми же вместо щитов от меча и от всякого оружия и от смертнаго поядения защищахуся. И бяше им стена тверда злокозньство изменник. И аще и вся злаа и лютаа видяще и слышаще, не отступаху от того ложного царика и от Поляков, и недомыслимаа в разуме тому лже-Христу и польским и литовским людем то вся промышляюще изменницы, и всюду водяще и везде сохраняюще врагов христианских, литву и поляков. К смертным же боем прежде ополчевахуся и последи престааху. Поляцы же и литва вооружены стояще бездельно, смеющесе безумству их и межедоусобию. И аще случаем взят будет на бранех поляки или литвою добрый воин за истинну стоящих, той милости сподобляем от них и от смерти сохраняем. Аще ли же случится кроме их взяту быти кому рускими изменники, и на того, яко на люта зверя, прискакаху со оружии и составы того разсыпаху люте. И видяще поляки и литва таковы пытки и злое мучительство от своих своим, и, уступаяще, дивляхуся окаанной вражии жесточи, и сердца своими содрогахуся, и, зверски взирающе, отбегаху; разумнии же от них теплыми слезами ланите си омываяще и друг другу глаголюще: «Внимаим о себе, братие, что сии русаки друг другу содевают; нам же что будет от них?» — и бесов злейши наричюще тех. Они же смилывавшихся литву и поляков худяками и жонками тех нарицаху. Кто же, сея беды слыша, не восплачется, еже вкупе шествия их на брань? Иде же бо поляки со изменники приидут к непроходимым местом в лесех и на реках, и на топех, и на болотах, и на ржавцех, и ту поляки станут без ума, не ведуще, что сотворити, како прейти или како минути. Изменницы же, ругающиеся им, и недоброхотствующих царю Тушинскому нарицаху и вскоре ими промышляху, и мосты и перевозки им строяще, и лесом тропинами во едину ступень беспакостно провождаху. Коль же жестоко сердце изменник беяше на свою братию, православных христиан! Поляков убо и литвы сотни две или три. Руских же изменников десятирицею пред ними сугубо, и тии соблюдаху их во всем, а им же бы возможно и малою чадию на тех крепких местех и на непроходимых всех смерти предати; но никакже в них такова смысла добра не обретеса.

Кто же сему не посмеется безумию в разделении убо плена и корыстей их? Внегда убо ко кроволитию, то рустии изменницы главы своя преже полагаху, поляцы же, стояще, точию от измены себе со-

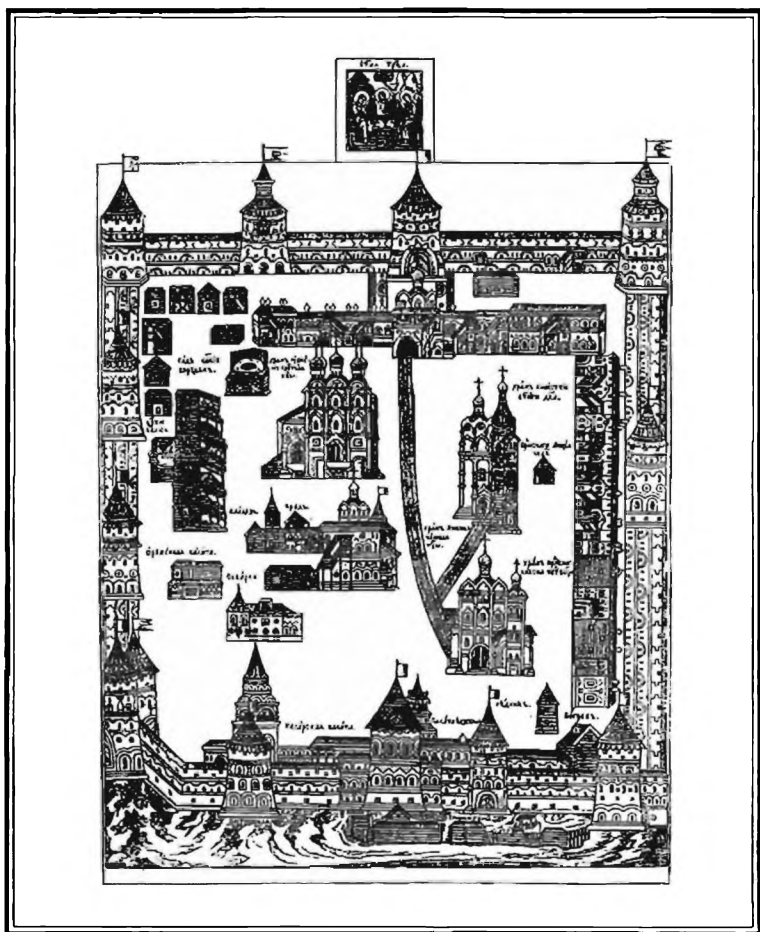

блюдаху. Егда же корысть делити во градах и в весех, то вся лутччаа поляки у них силою отоимаху. Изменницы же, аще и множество их пред ними, но не пререковаху и всяко насильство от них радостно приемляху. Пленниц же, жен красных и отроковиц, и юношь не токмо у худейших изменников, но и у начальствующих ими отимаху; и не могуще от рук их исхитити и роду своего, и жен, и детей, и братию, и сестер, но великою ценою искупаваху, и то по велицей дружбе и по мзде. Еще же и смех поляки над теми рускими изменники деяху: им же возможно насильствовати, по приатию цены не отдаау и другую цену восприимаху. Инии же, по отдании пленник и по взятию цены, засылаху на путь и вспять паки оружием отимаху. Сиа же зряще изменницы, не токмо незнаемии, но и сердоболи друг другу смеяхуся. Гнев же Божий праведно попущенный видим бываше. Мнози убо жены и девицы не хотяще со беззаконники разлучитися, и мнози по искуплении паки к ним отбегашу. Инии же на мужи своя смерти поучевахуся и во испрошении на искуп крыяхуся и, повешающесе на выи тем беззаконником, зле гласы виждуще и благодатели и светы тех наричуще, «Ох, ох!» и «Горе, горе!» без ума припевающе. Мнози бо от них юностию и покойми телесными победившеся, инии же и обчаровани быша, и того ради сердца си изгораху.

Бяше же и се зло везде излианно: не десеть бо или пять, но три или два вкупе совет каков творяще о деле, или о разуме, разлучивше же ся врознь, един оставляется с терпящими беды и напасти, другой же отскачет в покой телесный, в велику же работу вражю. И составляюще ложная писания, посылают на соблазн оставшимся по них, возвещающе о себе, яко в велицей чести тамо суть и многи дарове и имения приаша. Им же мнози не вероваху и сиа оплюваху. Мнози же прельщающесе к ним же отбегашу. Не токмо же писаньми тайно, но и на бранех съезжающесе друг друга обольщеваху. И не токмо простии, но и разумнии, яко от полка аггельска отскачюще, в демоны прелагахуся. Всяк же от своего чину выше начаша сходити: раби убо господие хотяще быти, и неволнии к свободе прескачюще. Силнии же разумом от тех в прах вменяеми бываху и ничто же не по них не смеюще рещи. Царем же играху яко детищем, и всяк вышши меры своя жалования хотяше. Мнозии же тайницы нарицаемии, целовавше крест Господень, ко врагом прилагахуся; и в Тушине бывше, и тамо крест же Господень целовавше и, жалование у врага Божиа взявше,

въспять во царствующий град возвращахуся, и паки у царя Василия болши прежняго почестъ, и имения, и дары восприимаху и паки к вору отъежжаху. Мнози же тако мятуще всем Росийским государством, не дважды кто, но и пять крат и десять в Тушино и к Москве переежжаху. Недостатки же в Тушине потреб телесных или пищу и оружий бранных, и лекарственных всяких зелий и соль, та вся, отай и уклоняющиеся кривопутством, изменницы от царствующаго града Москвы наполняху изменичьи станица в Тушине. И радуящиеся окааннии восприятию прикуп многа сребра, конца же вещи не разсуждающе.

От браней же приходящих вести слышаще лукавствующии сердцем, и аще по них суть, то улыскающиеся глаголаху и, сплетены смуты

Троице-Сергиев монастырь

слагающе много сугубо небыли, и народ смущающе, во ужасть сердце низводяху. И сонмы на стогнах града царствующаго собирающеся, криваа и незткнутыми усты проповедаху. Аще ли же не на пользу таковым лукавым что услышится, то посуплени стояще и неми и очию не могуще на аер взирати, и расходящеся с воздыханными бесовскими. Инии же дерзостию антихриста и надежею мук вечных подстрекаемы, и сладкое горько наричюще и горькое сладко, и свет — тму, а тму свет. И тако народ от праваго слышания и уверения развращаху. И в таковых мятежах мнози истинно ведяще отъезд изменников и всякие промыслы к вору⁴ и к поляком, но не возвещаху на них царю, ни вельможам; а иже возвещающих о сем, тех клеветники и шепотники нарицающе. Царь же Василий многожды убиваше повинных, с ними же и неповинных и несогрешьших смертну суду предааше. Смущены бо быша первоначальствующеи державы его к нему, и двоемыслен к ним разум имея. И многим веряше не на лице, ни на телеси, но на языке службу носящим...

...Бысть бо тогда разорение святым Божиим церквам от самех правоверных, яко же капищем идольским прежде от великого Владимира, тогда на славу Божию, ныне же на утеху бесом с люторы. Злейши того содеяша внуцы сих, мы и братиа наша. Мы убо яко на покаяние к Господу Богу не обратихомся, братиа же наша Северския земли житилие и польских градов, яко ненаказани суще от отец страху Божию, и воспитани в безумии и навикше от многих еретиков, по Украине живущих, их злых нравом и обычаем, и с ними вкупе ратующе нас. И в их веру еретическую мнози приступиша от неведения и во всем с ними закон держаще. И тогда солнце померче, еже есть всяко благочестие; затвориша бо ся двери милосердия Господня, и, яко мухи о огонь прилетающе сокрушахуся, тако и ратовавшей церковь последи погибнут, инии же и погибоша уже. Кто стерпит, ту беду зря? Яко сынове Агаряны по вся лета приходяще и вместо связающе человеки, аки скот гоняще; и биеньми от верви един полк гоняше, два же тмы. На нихже изменницы не обращающиеся стати, но тако же с ними ратоваху, аще и не вкупе, но всяко радовахуся расточению братии своей. Тогда же отъеха к вышепомянному нагайскому князю Урусу сын его князь Петр, отвергся веры христианския и велику честь в Росии всю отверже. И жену свою, прежде бывшую за князем Александром Ивановичем Шуйским, покинул; и со отцем своим и с нагайскими татарами многа зла содея по всем украиным градом. Тако же и Борисом по-

ставленный касимовской царь к Тушинскому ложному царю приложися и с полскими людьми и с рускими изменники везде ратоваху.

...В только же безстудство вшедше нечествии изменницы и поляки, безстрашно вземлюще святые иконы местныя и царския двери и сия подстилающе под скверныя постели, и блуд содевающе и нечисты всегда сидяще, и зернью играюще и всякими играми бесовскими; ови же, святые иконы колюще и вариво и печиво строяще. Из сосудов же церковных ядыху и пияху и смеющися поставляху мяса на дискосех и в потирех питие. Инии же, яко не ругающися, святые сосуды разливающе и разбивающе на свою потребу и на конскую. Воздухи же и пелены шитыя и низаныя драгия тем покрываху кони своя и на плещу свою вместо приволок ко брани воздеваху, и поясы священными опаясаху по блудным недром; и хоругви церковныя вместо знамян изношаху. Сия же вся попусти Господь за беззакония наша...

Примечания

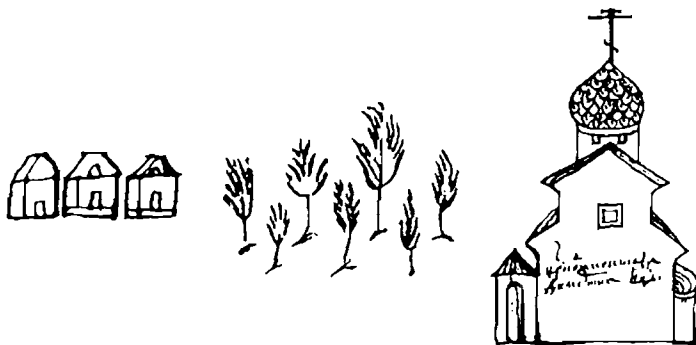
¹ Печатается по: «Сказание Авраамия Палицына». Подг. текста и комментарии О.А. Державиной и Е.В. Колосовой. М.; Л., 1955. С. 116–125 (окончательная редакция).

² Царевич Петрушка (Илья, Илейка) в 1604 г. был объявлен казаками царевичем Петром, сыном Федора Ивановича и царицы Ирины.

³ Матюшка Веревкин был самозванцем, выдвинутым казаками в 1607 г.

⁴ «Вор» здесь — Ажедмитрий II.

БЕЛЬСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ¹

Тое же весны учинилась весть царю Василью Ивановичю всеа Русии, что пришел в Путимль из Литвы вор, а назвался именем же царевичем Дмитрием Ивановичем, блаженные памяти царя Ивана Васильевича всеа Русии сыном, которым именем Рострига Гришка

Отрепьев назывался, со многими польскими и литовскими людьми. И Путимль, и все города северские опять ему здалися и крест ему, вору, целовали, и донские и вольские казаки и все те люди, которые в Туле с вором с Петрушкою сидели, к нему же, к вору, приложилися, не хотячи у царя Василья Ивановичя всеа Русии в покоренье быти, забыв его милость и крестное целованье, и вменяя малосмысленные люди и воры, что царевич Дмитрей утече с Москвы.

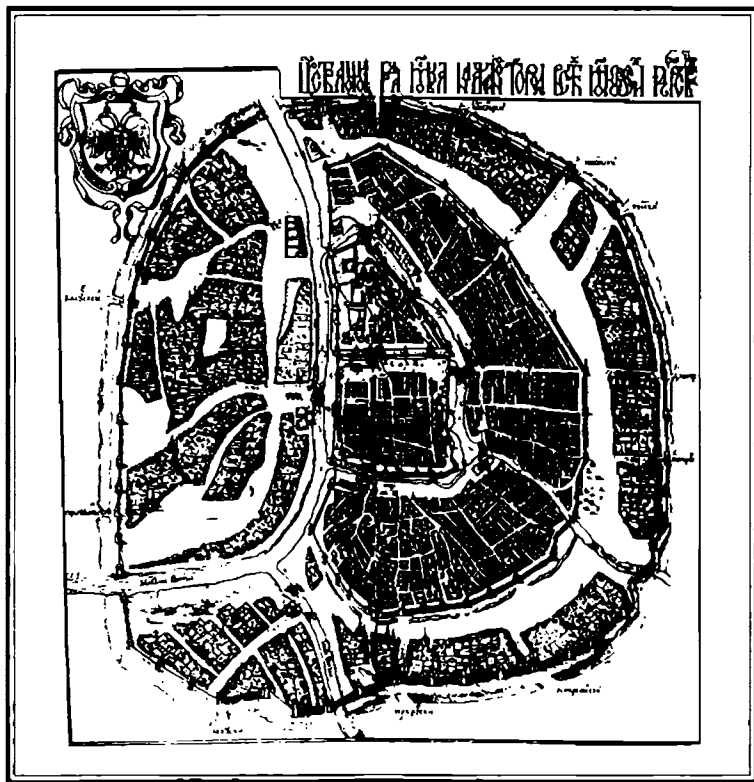
...А отъезде к вору в Тушино. А царь Василей Ивановичь всеа Русии сидел на Москве не с великими силами, ожидая от племянника своего от князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского помочи Московскому государству. И видя Московскому государству утеснение и безсилие, всяких чинов люди многие с Москвы к вору в Тушино отъезжали, его царские ближние и ратные люди. И тушинской вор с польскими и литовскими людьми с рускими воры и с ызменники Московскому государству многую тесноту учинили, и многое кровопролитие православным христианом и убийства учинили. И на те города, которые ему, вору, поддалися и крест ему, вору, целовали, многую денежную дань наложил и поносовщину, и поворотчину, и столовые кормы на польских и на литовских людей. И видя то во многих городех, что он прямой вор, а не царевич Дмитрей, а назвался великим именем государьским царевичем Дмитрием Ивановичем, и познав ту его воровскую смуту и прелесть и святым Божиим церквам видя конешное разоренье и осквернение, и кровопролитие крестьянем, и душам своим пагубу, и учили в городех между себя советывать между себя ратные люди. И оставя такую воровскую смуту и прелесть, и вспомянув дом пречистыя Богородицы и московских чудотворцов и его государя своего царя Василья Ивановичя всеа Русии крестное целованье и крестьянскую православную веру, и почали из городов приезжати к Москве к царю Василью Ивановичю всеа Русии и в Великий Новгород к племяннику его ко князю Михаилу Васильевичу Скопину-Шуйскому. А ис которых городов приезжали к Москве и царю Василью Ивановичю всеа Русии, и те города крест целовали.

...О дмитровском взятъе. Тое же зимы⁷ бояре и воеводы князь Михайло Васильевич Скопин-Шуйской с товарищи и волной немецкой воевода и далегард Яков Пунтусов со всеми полкы с рускими и немецкими, и со всеми с конными и с пешими людьми, и с нарядом пошли из Александровой слободы под Дмитров на пана Павла Сапегу и на польских и на литовских людей. И пришедчи под Дмитров на пана Павла Сапегу со многими людьми, и его силу побии, и Дмитров

взяли приступам; а пан Павел Сапега ушел из Дмитрова к вору в Тушино не со многими людьми.

О побеге ис Тушина вора... Тое же зимы, сведав то вор тушинской, и побежал от них ис Тушина в Колугу с своими советники не со многими людьми. А гетман князь Роман Ружинской и полковники все с польскими и с литовскими людьми, и вор и изменник Ивашко Заруцкой с черкасы, и Михайло Салтыков с своими товарищи ис Тушина, покиня табар, отошли х королю литовскому под Смоленеск, к Жигдимонту; а иные русские люди ис Тушина же приехали к Москве к царю Василью Ивановичю всеа Руси; а иные воры, русские же люди и казаки отъехали ис Тушина же опять к вору в Колугу. А полковник Заруцкой со многими с польскими и с литовскими людьми и с рускими воры, с казаками, взяв с собою ис тушинского табару ростовского митрополита Филарета Никитича, и отшед ис Тушина, стали в Осипове монастыре.

О воровском заводе тушинском. Тое же зимы в Тушине у вора в табарех польские и литовские люди князь Роман Ружинской с товари-

План Москвы

щи и вор Ивашко Заруцкой, и царь касимовский, сложась с рускими людьми с Михаилом Салтыковым с товарищи, не хотя видеть царя Василья Ивановичя всеа Руси на Московском государстве, и вора Тушинского, что назывался царевичем Дмитрием Ивановичем, хотели убить, убоясь на себя приходу царя Василья Ивановичя всеа Руси и бояр и воевод князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского с товарищи и многого собранья русских и немецких ратных людей, — целовали оне крест своим злым умыслом, что было им взять на Московское государство литовского королевича Владислава Жигимонтова сына.

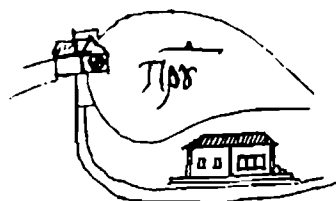
...О пострижении царя Василья Ивановича. И видя то бояре князь Федор Иванович Мстиславской с товарищи и все служилые и чорные люди Московскому государству такое великое утеснение от польских и от литовских людей и от вора колужьского, а се многие московские ратные люди в Цареve Займище в астрoге королевичю литовскому крест целовали и записми утвердились на том, что быть на Московском государстве королевичю литовскому Жигимонтову сыну, и бояре князь Федор Иванович Мстисловской с товарищи и все ратные жилецкие и чорные люди всего Московского государства, видячи такое великое разорение Московскому государству и кровопролитие христианское межуусобное и не могуще стоять против такова ратного нахоженья на Московское государство, и не хотя видети вора Тушинского на Московском государстве, и послали от себя из обoзy из-за Москвы реки к царю Василью Ивановичю всеа Руси боярина князя Ивана Михайловича Воротынского, чтоб он, государь царь Василей Иванович всеа Руси, не видал в разоренье Московского государства и межуусобные крови христианской и конечной погибели в межуусобии, что будтося для его бесчестия кровь христианская льетца и межуусобие чинитца, и он бы, царь Василей Иванович всеа Руси, государство Московское отказал и посох царьской отдал для пролития межуусобные крови крестьянской...

...О убьенье вора Тушинского в Кол[уге]. Тое же зимы князь Петр Урусов с товарищи убил в Колуге вора Тушинского за то, что он, вор, казнил царя касимовского; а сам Петр Урусов с татары ис Колуги отъехал в Литву.

Примечания

¹ Печатается по: ПСРА. Т. 34. М., 1978. С. 247, 249–250, 253, 255–257.

² Это и следующие известия идут в летописи под 7118 г.

БАРКУЛАБОВСКАЯ
ЛЕТОПИСЬ¹

...Року 607 великая была незгода и замешане кролю с панами, паном с кролем, з рокошанами, великий бунт, забите, кровопролите; от господаря кроля на дома насылане; шляхте шкоду великую почи-нене. Велми страшно было слышати, албо тым, где се то деяло, видети. Яко ж и конституция были выдали релии греческой; а потом за великою и дивными справками разорвалося. На том так не постановилося, толко великое забийство, мордерство, кровопролитство поделали рокошаном; яко ж о таком постановеню рокошанском тут же в том року 606 ест вышей описан.

В том же року 607 было великое на християне и немилостивое жолнерство, лупежство; по местах, по селах жолнери берестейские, жолнере кгороденские тые по волости королевской капщизну брали, а на панских и княжеских приставство на подданных вытегали. К тому зас особливе жолнеры Лисовского, жолнеры Кгороденского, тые по подданных королевских и князских, панских, шляхецких великое и немилостивое приставство, албо стацию по волостях брали яко збожем, также и пенезьми.

Того ж року 607, месяца мая, после семое субботы, ишол со Шклова и з Могилева на Попову гору якийсь Дмитр Иванович; менил себе быти оным царем московским, который первой того Москву взял, и тамже оженився. Бо тот Дмитр Нагий был напервей у попа шкловского именем, дети грамоте учил, школу держал; а потом до Могилева пришол, также у священника Федора Сасиновича Николского у селе дети учил. А сам оный Дмитр Нагий мел господу у Могилеве у Терешка, который проскуры заведal при церкви святого Николы. И прихажувал до того Терешка час немалый, каждому забегаючи, послу-гуючи; а мел на себе оденье плохое, кожух плохий, шлык баряный, в лете в том ходил. А коли были почали познавати онаго Дмитра Наго-

го, в тот час з Могилева на село Онисковича Сидоровича аж до Пропойска увышол. Там же у Пропойску были его поймали, во везенью седел. А потом пан Рагоза, врядник чечерский, за ведомостью пана своего его м[и]л[ости] Зеновича, старосту чечерского, оното Дмитра Нагого на Попову гору, то ест за границу Московскую пустил, со слугами своими его пропроводил. А коли приехал до Москвы, то ест Поповы горы, там же его Москва по знаках царских и по писаных листах, которые он, утекаючи з Москвы по замках написавши давал, — через тые уси знаки его poznали, иж он ест правдивый певный царь восточный Дмитр Иванович, праведное солнце. Тут же почали радоватися, в шаты, убиоры коштовные² одели; потом конного люду семсот до него прибегло. Тут же почал лысты писати до Могилева, до Орши, до Мстиславля, Кричева, до Менска и до всих украинских замков, абы люде рыцерские, люди охотные до онаго Дмитра Нагого прибывали, гроши брали его. И заразом с Поповы горы оный Дмитр Нагий, сел мнимый царь московский, осел замок московский Старо-

Иностранцы на улицах Москвы

дуб. Тепер же почал ся люд гулящий, люд своволный — скоро Дмитро, то и молодцы. Якийсь наймит з Мстиславля до него пришол. На тот же час на Москве царем князь Андрей Шуйский³. Тогда собравшы войско Дмитраш, и почал войну творити з Москвою и с князем Шуйским, нижли одны москвачи признавали его царем быти и самая Москва и вси большие бояре московские, — и иныя многая Москва, которая первой его добре знала быти царем московским: ино дей якийсь вор московский, а другие поведали быти и называли его так — плут. И так до оного Дмитра Нагого Москва писала быти его таким — царь вор Гриша Отрепич, рострыга. Потом зась явился другой царь на Москве именем Недведок. Тот Недведок з людом немалым сам передался на Москву царю Андрею Шуйскому. Тепер же почали войска до царя Дмитрия прибывати, войска великие, войска сильные. Отсея з Литвы Руцкий з ротою, Лисовский, Велемоский, Сапега и иных много, а з Низу роты великие: князь Вышневецкий з ротою, князь Ружинский з ротою; там же волынских, подолских зацных панов з ротами. А с Полщи пан Стадницкий з ротами великими. Там же на Москве в тот час бог ведает, што ся там деяло: места, замки малые выплендровали, але под столицю все лето стояли, много штурмов утратили, — не достали. Там же купцы шли многие з горелками, и тые великую шкоду Москве делали, — хотя купцы, и тые жолнерами себе поведали быти; яко ж оные жолнере и вси купцы, которые там на Москве были, чудно и велми дивно о царе Дмитре поведают: якось дивне у войску справует, иж дей у ночи не спит, толко убравшись во платье леда каковое то.

Року 1608. Летом великие и сильные войска ишли на Москву до царя Дмитра, а нам в том краю сильную великую шкоду починили у статку, а наболшей у конях. Тые то ишли жолнери, имена их описано в року 607.

Примечания

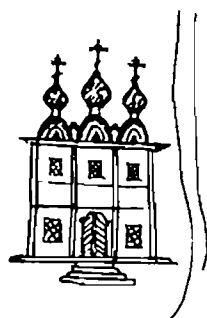
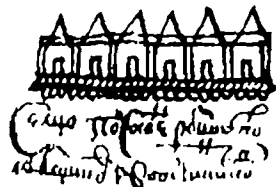
¹ Печатается по: ПСРА. Т. 32. М., 1975. С. 191, 192.

² «...в шаты, убиоры коштовые...» — в богатые одежды.

³ Ошибочно Андреем назван Василий Шуйский.

ПОВЕСТЬ ДОСТОВЕРНАЯ О ПОБЕДАХ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА¹

...И за умножение грех наших воста некий вор, назвался царевичем Димитрием. И собра с полскими и литовскими людьми, пришел под Волхов со многими своими полки. И учинился под Волховом бой велик. И гневом Божиим многих государевых людей побили и в полон побрали, и шкоту великую учинили, и полки разгяняли з болшим гонением. И государевы бояре и ратные люди, видя их многое собрание, поидоша к царствующему граду Москве, к царю Василию Ивановичу.

А тот вор, собрався, пришел и стал в Тушине. И к тому Тушинскому вору множество русских людей приложишася, к ево прелести, изо многих людей чинов.

И послал государь с Москвы на Хатынху боярина своего князя Михаила Василевича Шуйского-Скопина с послы против того Тушинского вора. Литовские люди прелесть сотвориша, бутто хотеша того вора отдать, и на слове положиша своим лукавством. И приидоша ис Тушина полския и литовския люди на государевы полки в ночи, и полки исторгли, и многих государевых людей побили, и гнаша до града Москвы.

Тогда государь царь Василей Иванович с своими государевыми людьми, с смольяны, и з дорогобужаны, и с ростовцы, и з брянчаны, и з беляны, на месте, рекомом Ваганкове, стояще. И тогда государевы люди, смольяне и иные города, литовских людей от Москвы отогнали, и многих побили, и живых побрали, и гнали их до Тушина, до самых табор, и, множество их побивши, к государю возвратишася. И повеле государь побитых за православную христианскую веру и за него, государя, телеси взяти и с честью погребсти <...> быша святейшим Иермогеном, патриархом Московским и всея России, близ града Москвы.

И тогда полския и литовския люди поидоша к живоначалной Троице под Сергиев монастырь осадити. И тогда послал государь с Москвы

к живоначалной Троицы боярина своего и воеводу князя Ивана Ивановича Шуйского против полских и литовских людей. И сошлись полки в Рааманцове², и бысть бой велик. И государевы люди полских и литовских людей побили, и языки побрали, и к Москве возвратиша, не ведуще многого их собрания. И собрашася множество полских и литовских людей, и государевых людей многих побили, и полки разгоняли.

И бысть тогда в Московском государстве за умножение грех наших много рати воставши и многое разорение от полских и литовских людей и от русских воров.

В лета 7116 (1608) году попущением Божиим, за умножение грех наших приидоша к царствующему граду Москве многие полки полских и литовских людей и русских воров и царя Василия Ивановича в Москве осадили. И кто, помня Бога и за православную христиан-

скую веру, и сидяще в осаде с царем Василием Ивановичем, и безпрестано биющихся за православную христианскую веру, за святых Божия церкви и за государя царя с полскими и литовскими людьми и с русскими ворами. И будучи во осаде, многу нужду, и скорбь, и глад подъяша.

И посла государь с Москвы боярина своего князя Михаила Васильевича Шуйского-Скопина в Велик Нов град наймовати немецких

людей, чтобы Московскому государству помощь учинити. И князь Михайло Василевич прииде в Велики Нов град, и посла в немцы, и повеле призвати немецких людей. Немцы же, видя его многоумна, и доброразсудна, и премудра, и его боярской привет, и многосмысленные словеса, и почудишася многой его премудрости и привету. И с радостию приидоша к нему немцы неки, Яков Фунтусов и Виргов, и многие немецкие полковники на помощь³. И видя князя Михаила Васильевича бодра, и храбра, и премудра, и многою красотою от господа одарена, и его доброумна, и приветна, наипаче возрадовашася и з болшим радением ему послужаши.

А Сардаминской в ту пору з дочерью своею Маринкою, которая была за прежним вором, за Гришкою Отрепьевым Ростригою, и Аляксандра Гашевский⁴ после Ростригина убиения были в ссылке в Казане. И нача государю бити челом, чтоб государь их велел к Москве взяти и к полскому королю отпустить, а оне присягают на том, что им полских и литовских людей из Московского государства всех возвратити. И повеле государь их всех к Москве взяти. И целоваша государю на том крест, что было им у полского короля упросити, что полским и литовским людем от Московского государства прочь отити, и к государевым градом не приступати, и Тушинскому вору не помогати. И государь их много жаловал, и повеле их дары одарити и к полскому королю отпустить, и своим государевым людем по Полши провозити послал государь боярина своего князя Володимера Тимофеевича Долгорукова со смольяны и с ыными города. И проводиша их до Переславля Залескаго, и от Переславля надвое поидоша: со Александром Гашевским на торопецкие места, а с Юрьем Мнишком Сандомирским <...> И не доидоша до Белой за 15 верст, той же окаянный Юрь Сандомирски, забыв крестное целование, умысля лукавством над государевыми людами, посла к полским людем, повеле на государевых людей з боем приити и побити. И по его злому умыслу приидоша на государевых людей многия королевския люди и государевых людей многих побиша и живых побраша.

И поиде окаянный к Тушинскому вору в Тушину и выдал дочерь свою Маринку за Тушинского вора, прелесть к прелести прилагая и беду к беде, не убоясь онаго прежняго Ростригина убивства и своя беды, уклоняся на конечную себе пагубу.

Александра же Гашевского государевы люди доволни проводиша. Он же государевых людей с честью отпустил, а против крестнова целования в правде не устоял: полских и литовских людей от Московского государства не отвел.

И поидоша государевы люди кождо по своим градом: смольяна же в Смоленск, а иные по разным градам — и биющиеся за своя грады, полских и литовских людей побивающе.

И приидоша полския люди и государев град Дорогобуш взяша. Смоляне же уведав и поидоша под Дорогобуш, и, пришедши, полских людей побили, и город государев от них очистили, и в Смоленск возвратишася.

Отошедшим же смолянном, литовския же люди многажды к Дорогобужу без них прихождаху и град взимающе. Смоляне же, уведавше, не единою к Дорогобужу прихождаху, полских и литовских людей побивающе, очищающе и вселитися им не дающе. Они же часто без них приходяще, а государевым людям пакости деюще и град беруще.

И поидоша смоляне от града Смоленска на помощь ко князю Михаилу Василевичу Скопину-Шуйскому, и с ним разных градов, которые от града Смоленска: дорогобужаня, и брянчане, и ростовцы, и серепьяна, и вязмичи, и иных градов люди. И приидоша под Дорогобуш, и в Дорогобуже полских и литовских людей побили, и Дорогобуж взяли. И оттоле пошли к Вязме, и в Вязме литовских людей побили же, и град взяли же. И оттоле поидоша к Белой, и, пришед, Белую взяли, и литовских людей побили, и князя Андрея Ивановича Хованскаго и белян от полских и литовских людей выручили. И оттоле, собрався, поидоша к князю Михаилу Василевичу в Торжек со князем Андреем Ивановичем Хованским, да князем Яковом Петровичем Борятинским, да с Семеном Одоуровым.

И приидоша в Торжек ратные люди ко князю Михаилу Васильевичу. И собравшася у князя Михаила Василевича русских и немецких людей в Торжку множество, многия полки. И боярин князь Михайло Василевич повеле призвати всех ратных людей своя, и нача испущати от уст своих премудрыя своя, и добромысленныя, и жалованя словеса ко всем своим ратным людям, и просил у всех ратных своих, чтобы итти подо Тверь на полския и литовския люди вскоре, безо всякаго мешканья, чтобы литовским людям про то вести не учинилося. Тогда вси ратные люди премудрых его словес с радостию послушаша, и на его боярское повеление устремишася, и вскоре под Тверь поидоша.

Всех полских и литовских гетманов и полковников во Твери и под Тверью было 12 полков: Руженской, Висневещьской, Сакъпегичи, Красовской и Лосовской — и иные многие полки⁵.

И прииде под Тверь боярин и воевода князь Михайло Василевич Скопин с полки русскими и с немецкими июля в 30 день, и бысть подо Тверью бой велик, много бишася с полскими и литовскими людьми. И бысть сеча зла, и начаша полские людие и литовские побивати людей государевых и много побиша. Князь Михайло же Василевич от Бога силою свыше укрепися и многою храбростию вооружися, и сердце его на полских и литовских людей возьярися, и нача сам укрывати же своими выборными силными вои и храбрыми на полския и литовския полки. Ратныя же люди много его молиша <...> и не могоша противу его храбрости, и никоторы полк не може стояти, и начаша от его храбрости и мужества бежати. Ратные же его люди многою силою вооружишася, начаша за полскими людьми ганяти. И Божиею милостию, и премудрым промыслом, и храбростию боярина и воеводы князя Михаила Василевича Скопина полских и литовских людей побили, и таборы их взяли, и Тверь осадили. И под Тверью руские и немецкие люди много богатства у полских людей побрали.

И покиня во Твери полских людей, не дожидаясь им выручки, ото Твери поиде князь Михайло Васильевич в Колязин монастырь. В то время немцы многия, набравшись под Тверью богатства, поворотились в немцы. И послал князь Михайло Васильевич в Нов город немцев возвратить, а сам приидет в Колязин монастырь с рускими полки. И возвратишася к нему из Нова города Яков Фунтусов, и прииде и с немцы ко князю Михаилу Васильевичу под Колязин монастырь.

И бысть под Колязиным монастырем у князя Михаила Васильевича с полскими и литовскими людьми бой. И помощью всесилнаго бога, и боярским промыслом и храбростию государевы люди устояли, а полских и литовских людей побили и полки их разогнали.

И бысть во 117-м (1609) году боярин и воевода князь Михайло Василевич послал под Переславль Семена Василевича Головкина⁶ с рускими и с немецкими неболшими людьми. И государевы люди, пришед под Переславль, и, помощью Божиею, град взяли и литовских людей побиша.

И потом князь Михайло Василевич приде в Переславль сам со всеми полки. И от Переславля послал к живоначалной Троице в Сергиев монастырь на приход скорых людей: Давида Жеребцова с голостиями,

смолян и галичан, и костромич, и кошницов, и углечан, и иных многих градов.

А в то время под монастырем живоначалныя Троицы и чудотворца Сергия стояли полския и литовския полки Сопечиги и Лисовской со многими людьми. И милостию Божиею, молитвами пречистыя Богоматере и чудотворца Сергия государевы люди от князя Михаила Васильевича безо всякия шкоты в монастырь прошли к живоначалной Троице в Сергиев монастырь октября в 18 день и в осаде сидели в живоначалныя Троицы доме, с полскими людьми и литовскими бишася до боярского приходу.

Боярин князь Михайло Василевич ускори, из Переславли прииде во Александрову слободу с полки своими, чтобы Московскому государству помощь учинити. И начаша ратныя его люди остро таборы во Александровой слободе стоять, оставша полки по его боярскому добборассмотренному повелению.

И приидоша под Александрову слободу полския и литовския многия люди, собрався изо всех полских и литовских полков большим собранием. И сошлись полские и литовские полки з государевыми людьми под Александровою слободою, и бысть бой велик и сеча зла у государевых людей с поляки, много биющеся.

Князь же Михайло Васильевич силою Божиею вооруживша, и вся полки своя премудро и стройно учредив, и везде полков сам дозираще, и своим боярским премудрым смыслом утверждаше их, и благоразумными словесы полки своя утешаше, и сам многую свою силу и премудрую храбрость показа, пред всеми полки напущающе. И противу силы его и храбрости никия их полки стояти не могуще и яко дым исчезающе.

Людие же государевы Божиею силою укрепившася, и неуклонно биющеся, все упование свое на Бога возложиша, и многия их полския и литовския полки побиша. И видя его боярскую премудрость и многую его силу и храбрость, полския и литовския люди страхом и ужасом многим ужасошася и устрашишася, трепетни быша, и падоша, от государевых людей побииени быша, и побегоша, и яко дым исчезаюша. И тогда милостию Божиею и премудрым строением и храбростию боярина князя Михаила Василевича государевы люди полских людей и литовских многия их полки над Александровою слободою побили и разогнали. И оттоле нападе на полских и литовских людей страх и

ужас велик во всех их полках, страх и трепет от многия к ним грозы премудраго и храбраго воеводы князя Михаила Василевича.

Тогда же боярин князь Михайло Василевич, видевше велию помощь Божию и одоление на государевы неприятели, скоро посылает со мною радостию к царю Василию Ивановичу всея России в царствующий град Москву Афанасия Логиновича Варишкина, а с ним посылает выборных, и честных, и верных дворян, изо многих градов лутчих людей, и немецких многих, и русских многих пехотных людей, и з болшим обозом со многими запасы на утверждение царствующему граду и осадным людем, дабы скорым проходом к Москве проити.

Тогда же помощию Божиею полския и литовския <...> скоро и безо всякого вреда поидоша и в царствующий град Москву внидоша и государю царю о всем поведаша, како милостию Божиею и его царскою благочестною державою и мудрым промыслом боярина князя Михаила Васильевича многи победы Бог дарова на ево государевы супостаты и како много полских и литовских людей побиша и многия их полки разогнаша.

Тогда же царь государь и велики князь Василей Иванович, слышав велию милость Божию и одоление на ево государевы неприятели, разоряющих православное христианство и ево державы царство, со слезами ко всемогущему Богу руце воздев и с радостию Бога благодарив, и поиде сам государь царь и велики князь в соборную церковь, и повеле в колокола звонити и по всем церквам молебная пения ко вседержителю Богу возсылати. И бысть царствующему граду Москве радость велия.

Тогда государь царь, в соборней и апостолстей церкви слушав молебныя пения и многу хвалу всесилному Богу воздав, и с радостию до своих царских полат возвратися. И Афанасия Логиновича и посланных с ним дворян от полку князя Михаила Васильевича государь много жаловал, и службу их мною похвалою похвалял, и поместья их и отчины жаловал по своему царьскому милосердому рассмотрению и по природе, кто которой чести достоин.

В то ж время полския и литовския люди ис-под Москвы, стужиша, побегоша, и таборы их рушились.

А Тушинский вор побежа в Калугу, а от монастыря живоначалныя Троицы полския и литовския люди побегоша в Дмитров.

И прииде весть во Александрову слободу смолянном, что полской король пришел осадил град Смоленск. Смоляне же и околние города града Смоленска: дорогобужаня, и ярославцы, и беляня, и серьяня, и иные из многих городов, которые близ града Смоленска, — слезно плакаша, и приидоша ко князю Михаилу Василевичу, и много молиша его, дабы их отпустил ко граду Смоленску полского короля от града отогнати и град очистити. Он же премудрым своим и доброразумным смыслом видя их в велицей печали, нача благоумилными словесы утешати их, яко чадолубивый отец, ово прещаше, ово же премудрыми своими словесы разсуждаше и на безпечалие их превращаше. Они же многим его премудрым разумом всю печаль свою и скорбь возложиша и все упование свое на Бога, и от многие печали утешаша, и на его боярское повеление устремаша. Он же повеле им от своего боярского полку не отлучатися и ждати от Бога милости и одарения на государевы неприятели. Они же вси с радостию послушаша его.

Патриарх московский Иов

И поиде от Александровы слободы князь Михайло Васильевич к живоначалной Троице, и пришед с полки своими, и послал от живоначалной Троицы государевых бояр под Дмитров, князя Ивана Семеновича Куракина да князя Бориса Михайловича Лыскова' с полки, на полских людей и литовских. И пришед государевы полки под Дмитров, помощью и милосердием всесилнаго Бога и храбростию и грозою боярина князя Михаила Василевича Димитров взяли, и полских и литовских людей побили, и полки разогнали.

И от того времени помощью всемогущаго и премилостиваго Бога и молитвами пречистыя его матери и московских чудотворцев Петра, Алексея, Ионы и всех святых молитвами, и благочестием державы государя царя и великого князя Василя Ивановича всея России, молитвами великого господина святейшаго Иермогена, патриарха Московского и всея России, и с его освященным собором, и от Бога одаренным воеводою, и храбрастию государева боярина князя Михаила Василевича Шуйскова-Скопина, его боярским многоразумным промыслом и данною ему от Бога мудростию и грозою полския и литовския люди из Московскаго государства из всех государевых городов все бес остатку в Полшу и Литву поидоша. И бысть на них трепет и ужас многия от его боярские храбрости и мужества, и вси с великим страхом невозвратно бежаша до своих полских городов.

Боярин князь Михайло Василевич, будучи у живоначальных Троицы и чудотворца Сергия, и прииде в соборную Церковь, и слушав святаго пения и божественныя литургии, и молебная благодарения Богу возслав, со слезами молящися господу Богу и Пречистей его Матери о победе на враги, разоряющих православную христианскую веру и святыя церкви и правоверных побивающе; и много молящися умиленною душею и сокрушенным сердцем, многая молебная словеса испущаючи и, целовав святыя иконы и честныя мощи чудотворца Сергия, благодарение и хвалу возсылаючи человеколюбцу Богу и Пречистей его Матери и угоднику их чудотворцу Сергию о поможении на враги. И по отпусе божественного пения поиде в полк свой и, собрався со всеми своими ратными полки, с рускими и с немецкими людьми, поиде от живоначальных Троицы и к царствующему граду Москве, к царю Василию Ивановичу.

И прииде весть, что князь Михайло Василевич идет к Москве со всеми полки. Царь же Василей Иванович о пришествии его многою радостию возрадовася. И послал государь на сретение ему боярина своего князя Михаила Феодоровича⁸, повеле его со многою честию встретить. Народ же града Москвы, уздав его приезд боярской, от мала даже и до велика и вси вострепеташа сердца своими, свозрадовася радостию неизглаголанною и от многия радости не можаху удержатися от слез. И вси с радостию поидоша на встречу ему, хотяху видети от Бога посланного воеводу, государева боярина князя Михаила Васильевича Шуйского-Скопина, благородством, и мудростию, и разумом украшена, мужеством и храбростию на государевых неприятелей и враги вооруженна, Московскому государству оборонителя, и государевым неприятелем устрашителя, и ко врагом огрозителя. И вышед из града Москвы, вси людие боярского приходу ожидающе, яко от несветимыя тмы света видети желающе, и от многия скорби и печали утешения ждуще, и от многия своя скудости богатества чающе, и от глада насыщения, и от разорителей Московскому государству избавления.

Тогда прииде боярин князь Михайло Васильевич к царствующему граду Москве со всеми своими полки, к царю Василью Ивановичу, со многим богатством и з большими запасы. И бысть во граде Москве радость велия, и начаша по всем божественным церквам в колокола звонити и молбы и моления к Богу возсылати, видя Божию милость велию и его боярского прихода. Народи же, видев же его, и вси с радостию возопиша, сице глаголюще: «Се ныне возсия нам светозарное солнце, прииде бо к нам от Бога посланный воевода, государев боярин князь Михайло Васильевич, на очищение и на устроение граду Москве и на устрашение государевым неприятелем, и наш оборонитель, и управитель, и окормитель, питатель и обогатитель. Се уже печальная наша на радость преложишася, ныне бо от Бога премудрым и разумным, храбрым и милостивым государевым боярином и правителем одаришася, и ко врагом своим огрозителя, и безпечальни быша». И ина многа радостная словеса испущающе, и вси радости многи исполнишася.

...Предрекомый же той Тушинской вор во граде Калуге сидяще, страхом многим и ужасом трепеташе от прехрабраго мужества и

грозы, и недоумеваше о себе, что сотворити, и како прелестной своей беде помощи, и куда убежати, и о своей погибели размышляше.

Бысть же тогда в Московском государстве по всем градом и весем радость велия, и вси правовернии людие возрадовашася, от многия скорби и туги-беда на веселие превращася, видяще храбрость, и мудрость, и милость ко всем князя Михаила Васильевича, его к государю боярское многое радение и о очищении Московского царства велие попечение воинством, и обороною, и ратию стройною.

...Желтовской же к королю писаше о съезде с московскими людьми, может ли сына своего крестити и к Москве на царство отпустить⁹. Король же полский к Желтовскому писаше против его писма, повеле ему на том договор учинити, что хочет сына своего крестити и на царство к Москве отпустить. Желтовский же съезд учинил с московскими людьми: не битися и Тушинскова вора от Москвы вообще с московскими людьми отогнати, а королю полскому сына своего крестити в православную христианскую веру, на царство его дати. И на том положиша договор и крестное целование. Тогда поляков и литву в Московское государство пустили.

Предрекомый же Тушинской вор в то время с своими людьми в Коломенской стояше. Руския же и полския люди, соединився, пошли на Тушинского вора в ночи. Тогда же литовския люди повелеша признаки на ся положить, что русских людей с воровскими рускими людьми почему знати¹⁰. Тушинский же вор побежа тогда в Калугу с своими людьми.

Тогда же в Московском государстве бысть смятение велие. ...Предрекомый же вор Тушинский бывы во граде Калуге и выехав из Калуги, хотя себе потеху по государскому чину и обычаю учинити. Некто же князь Петр Урусов, въезживал прежде в Московское государство, ис Крыму въехал, и виде в Московском государстве смятение велие, и отъехал к нему, вору, чая его царевичем. Разсмотрив же его лживое родство, что вор, а не царевич, и изождав время, и егда же выеде той Тушинский царевич, вор, на поле, той же Петр Урусов убил того вора на поле, а сам убеже в Крым к своим его людям. От того же времени воровские его люди разыдошася врознь.

Некто черкашенин, именем Ивашко Заруцкой, и воровской советник, оста, взяв ту ево воровскую жену Маринку, Сундумирского

дочь, в Калуге с ево воровским сыном, и, собрався, прииде под Москву, и ста под Москвою своими полки, хотяше же своею пакостию учинити руским полком.

Примечания

- ¹ Печатается по: Повесть о победах Московского государства / Изд. подг. Г.П. Енин. Л., 1982. С. 8–16, 24, 29.
- ² Деревня Рахманцево, где произошло сражение 23 сентября 1608 г.
- ³ Имеются в виду Якоб Понтус Делагарди и другие шведские военачальники.
- ⁴ Имеется в виду Александр Гонсевский, посол Сигизмунда III, задержанный в Москве до лета 1608 г.
- ⁵ Сапега и Лисовский не принимали участия в сражении под Тверью. В тексте «Повести» перечислены, вероятно, воинские подразделения из отрядов названных военачальников. Ср. сообщения Будилы (РИБ. Т. 1. Стб. 155–156) и М.В. Скопина-Шуйского (ААЭ. Т. II. № 130) (Повесть о победах... С. 143 (комментарий Г.П. Енина).
- ⁶ Имеется в виду С.В. Головин.
- ⁷ Имеется в виду Б.М. Лыков.
- ⁸ Имеется в виду М.Ф. Кашин.
- ⁹ Речь идет о времени после смерти М.В. Скопина-Шуйского и пострижении В.И. Шуйского, когда летом 1610 г. шли переговоры с Сигизмундом III о кандидатуре Владислава на московский престол.
- ¹⁰ Интересное сообщение о применении знаков отличия для русских воинов в объединенном русско-польском войске.

(Енина) Л. Покость

НОВЫЙ ЛЕТОПИСЕЦ

...149. О Воре Стародубском, како назвася царем Дмитрием. Богу же попускающу, а врагу действующу, видя Бог наши неправды и лукавство, ноипаче же любви не имехом, всякие казни наведе на

нас грех ради наших. Аки волны морские: едина погибает, а другая воставает, тако же наши беды и напасти: та беда полегаше, а другая грех ради наших воставаше. В лето 6116 году прииде в Стародуб Северской человек незнаемой и назвася Андреем Андреевым сыном Нагово, с ним же прииде товарищ, сказалса Московской подьячей Олешка Рукин; а иные сказывают детина. А приидоша неведомо откуда и сказаша, что пришли от царя Дмитрия к ним. И сказаша Стародубцам, что царь Дмитрей присла их наперед себя для того, таки ль ему все ради: а он жив в скрыте от изменников. Стародубцы же им все возопиша единодушно, что «все мы ему ради; скажите нам, где он ныне, и поидем все к нему головами». Той же Олешка Рукин сказа им во все люди: «здесья есть у вас царь Дмитрий». Они же начаша ево спрашивати. Он же им не сказа. Они же ево взяша и поведоша к пытке и начаша ево пытати. Он же им с пытки сказа: «сей есть царь Дмитрей, кой называетца Ондреем Нагим». Стародубцы же все начаша вопити и начаша звонити в колокола. Начальному же воровству Стародубец Гаврила Веревкин. Нача ево все почитати царем и писаху грамоты в Путивль, в Чернигов, в Новгородок. Они же к тому воровству тот час присташа и начаша к нему збиратися, собрався, послаша к царю Василью под Тулу Стародубца сына боярсково и писаша от себя в грамотах к царю Василию, что будто подыскалса под ним царства. Той же сын боярской прииде под Тулу и дьяволом научен бысть: говорил царю Василью встreshно, что «премой ты, под государем нашим под прироженным царем подыскал царства». Царь же Василей повеле ево пытати, и созгоша на пытке ево до смерти. И он умре, говорил те же речи; тако ево окоянную душу ожесточил диявол, что за такова Вора умре. Вор же, собрався Северских городов с воровскими людьми, и поиде подо Брянск. Царь же Василей слышав то, что идет Вор подо Брянск, и велел послати из Мещерска воеводе Григорью Сунбулову резвых людей, что проведати про вора и город Брянск зжечь. Григорей же послал ратных людей наскоро полтретья ста человек, а голову им велел vybrати меж себя самим, ково они излюбят. Они же выбраша голову Брянченина Елизарья Безобразова и приидоша к Брянску, а в ту пору изо Брянска все люди вышли к Вору навстречу. Они же город Брянск сожгоша и приидоша опять в Мещоск. Вор же поиде и ста в Карачеве, а ис Карачева поиде х

Козельску и пришел на князь Василья Масальсково и многих ратных людей побил и рохмистра Литовскаго Мартьяша Мизинава взял живого, а под иные города посла воевод; Деделов и Кропивну и Епифань взяша взятием. <...>

152. О приходе Литовских людей в Стародуб к Вору и осаде Брянской. Прииде к Вору из Литвы полковник Литовской с невеликими людьми и слышаху то, что царь Василей пошел к Москве, а рать всю распустил. Нача говорити Вору, чтобы итти подо Брянск: «покаместа де у царя Василья учнут збиратца ратные люди, а мы де тот замок, шед, возьмем». Вор же ево слышал и нача збиратися. К нему же нача прибывати Литовские люди. И собрався, пошел подо Брянск, и пришед и Брянск осадиша и тесноту Брянску великую зделаша. Во обоих сидении бяше теснота, яко за все быющиеся: за воду и за дрова; и глад бысть великой, яко начаша и лошади поедати.

153. О приходе к Вору Донских казаков, и приведоша вора ж Федку, что назвася царевичем. Приидоша же к Вору казаки и привезли с собою ж вора, назвавшегося царевичем Феодором, царя Федора Ивановича сыном, а ему будто племянник. Брянску ж ноипаче зделаху утеснение. Той же Вор, кой назвался царевичем Дмитрием, тово вора Федку, которова привезли казаки з Дону, подо Брянским убил до смерти. К Вору ж ноипаче прибываху из Литвы Литовские люди и приидоша к нему многие воровские люди. Брянску же ноипаче утеснение великое: едва от них возмогоша во Брянску сидети.

154. О посылке подо Брянск боярина и воеводы князя Ивана Семеновича Куракина с ратными людьми. Царь же Василей, слышав Брянску ото врагов тесноту великую, и посла с Москвы боярина своего князя Ивана Семеновича Куракина, а из Мещоска велел наперед итти воеводе князю Василию Мосальскому и с ратными людьми. Князь Василей же поиде наперед подо Брянск, не дождався князя Ивана Семеновича, и прииде подо Брянск к реке имянуемой к Десне. Град же Брянск стояще на другой стороне от них реки. Литовские же люди стояху под стеною и по берегу великие реки. Ратные же люди смотриша на город на Брянск, плакахуся горко как бы им помочь и ту великую реку Десну перейти, что бысть в то время пора зимняя, до Рожества Христова за десять день, а вода велика, идущу же по реке лду. Како убо возможно изрещи, какое дородство и храбрость Московских ратных людей, яко же лже

уподобися. Невозможно никому тово изрещи, яко ж убо в книжном писании тово не обретох, и бысть выше существа человеческого. Видяху убо свою братию ратных людей погибающих и слушаху от них из Брянска рыдание и плач великий, и моляху убо их со слезами, глаголюще: «помозите нам погибающим». Они же возопиша все единогласно: «лутче нам всем погибнути и померети нежели видети свою братию в конечной гибели; аще и помрем за православную христианскую веру и за святых Божия церкви, и мы у Христа венца восприимем мученическа». И взяша вси друг у друга прощение и начаша в великую реку метаться все единодушно. И поплыша за реку ко граду, лду же великому их осиливающу. Они же, аки дивие зверие, лед разгребаху и плывуще за реку. Литовские же люди и Русские воры стояху на берегу и стреляху по них. Они же отнюдь не сумняхуся и не бояхуся смерти. О велие чудо содея Бог над рабы своими! Како в такой великой реке и в такие великие морозы от такова великого лду утеснения ни один человек, ни лошадь не погибе. Брянчане же видяху их плывущих к себе и выидоша им на помощь. Литовские же люди видеша их к себе жестосердие и храбрость и помощь и со Брянска поотступиша мало от берегу. Они же, переплыв реку, вышедше на берег, и вострепехнувшись, аки дивие зверие, и напустиша на тех на Литовских людей и на Руских воров и побиха их много и живых поимаша. Кои же у них сидели в шанцах, пехота, они же поидоша на них и в шанцах начаша побивати. Брянчане же и достальные, видячи над собою милость Божию, и выидоша к ним все из града на помощь. Туту же прииде к реке боярин князь Иван Семенович Куракин с ратными людьми и видял же, что граду Брянску помочь учинишась. Они же, видя такую помощь, милость Божию, что такое предивное дело зделалось немногими людьми, граду своему храбрством помочь учинили, от града тово Вора отбиша. Той же воевода князь Иван в те поры стал за рекою, укрепившася, постави острог. И тое же нощи бысть мраз великий, та река стала. Той же князь Иван Куракин через реку многие запасы перепровади во Брянеск и издоволи их запасы всякими. Той же Вор с Литовскими людьми преиде на ту страну реки, на которой стояли ратные люди, и прииде на них, хотя их побити. Они же с ними биющеся беспрестанно, и бою бывшу велию, и разыдошась. Видячи же воеводы на себя нашествие, отойдоша от них в Карачев, а Брянеск наполнишась

всякими запасы, что ничем нескудны быша. Той же Вор поиде за ними х Карачеву и виде, что в Карачеве воеводы укрепишася поиде мимо Карачев к городу к Орлу. Орляне же ево встретоша. Он же прииде на Орел и начат на Орле зимовати, прииде к нему етман Ружинской. <...>

156. О посылке под Болхов бояр и воевод и о побииении Московским людям. Царь же Василей посла бояр своих против вора и повеле им стояти в Болхове, брата своего боярина князя Дмитрея Ивановича Шуйсково с товарищи. Он же прииде и ста в Болхове и стоял в Болхове до весны. Весною же поиде к Орлу. Вор же и етман Ружинский с Литовскими людьми поиде против ево, и соидошася с ним в суботний день и начаша битися. Грех ради наших воевода в передовом полку князь Василей Голицын исторопися, яко же убо и болшому полку наченше мятися, многие же и побегоша в сторожевой же полк. Стояще тому же князь Ивану Куракину с теми ратными людьми, кои были под Брянском, и напусти своим полком и их отняли. Литовские же люди отойдоша прочь. Б той же день побиша многих Московских людей, рохмистра Петра Микулаева со всею ротою с Немецкими людьми побиша. Они же над собою многих Литовских людей побиша. На завтрее ж Литовские же люди поидоша на Московские полки и поидоша на них и соидошася с ними и начаша битися. Бояре же похотеша от них отойти к Болхову и начаша отпустить наряд. В ту же пору измени коширянин сын боярской Никита Лихарев и сказа, пришед, Вору, что бояре отпускают наряд назад и сами хотят итти прочь. Вор же и гетман слыша то, и всеми людьми напустиша на Московских людей и Московских людей разогнаша и наряд у них поимали. Бояре же и ратные люди побегоша к Москве, а иные по своим городом, а иные же седоша в Болхове. Бояре же приидоша к Москве, и бысть на Москве ужась и скорбь велия.

157. О взятии Болхова. Тогда же Вор и гетман прииде к Болхову и град Болхов осади, многие же из Болхова утекоша, а иные дворяня Болхов здаша и крест ему целоваша. Он же с ними поиде и прииде близ Колуги и ста на усть Угры.

158. О приходе к Москве дворян и детей боярских, и от Вора прибегоша к Москве. Дворяне же и дети боярские слышаше такие настоящие беды покиня свои дома, з женами и з детьми приидоша к Москве. Те же дворяне и дети боярские, кои взяты в Болхове, видячи

такую вражью прелесть, побегоша все от него к Москве. Царь же Василий их пожаловал.

159. О походе князя Михаила Васильевича против Вора. Посла царь Василей против Вора боярина князь Михаила Васильевича Шуйсково Скопина да Ивана Никитича Романова. Они же приидоша на речку на Незнань и начаша посылать от себя посылки. Вор же поиде под Москву не тою дорогою. В полках же нача быти шатость хотяху царю Василью изменить князь Иван Катырев, да князь Юрьи Трубецкой, да князь Иван Троекуров и иные с ними. Царь же Василей, то их умышление сведав, и их повеле переимати. И приведоша их к Москве. Князь Михаилу же Васильевичу с ратными людьми царь Василей повеле итти к Москве, а тех, кои ему хотели изменить, на Москве пытал. Князя Ивана Катырева сослал в Сибирь, а князя Юрья Трубецкого сосла на Тотьму, князь Ивана Троекурова сосла в Нижней Новгород и повеле их посадити по тюрьмам. Тех же, кои с ними поиманы, Якова Желябовского, да Юрья Невтева, Григорьева сына Толстово и иных с ними в Москве казнил.

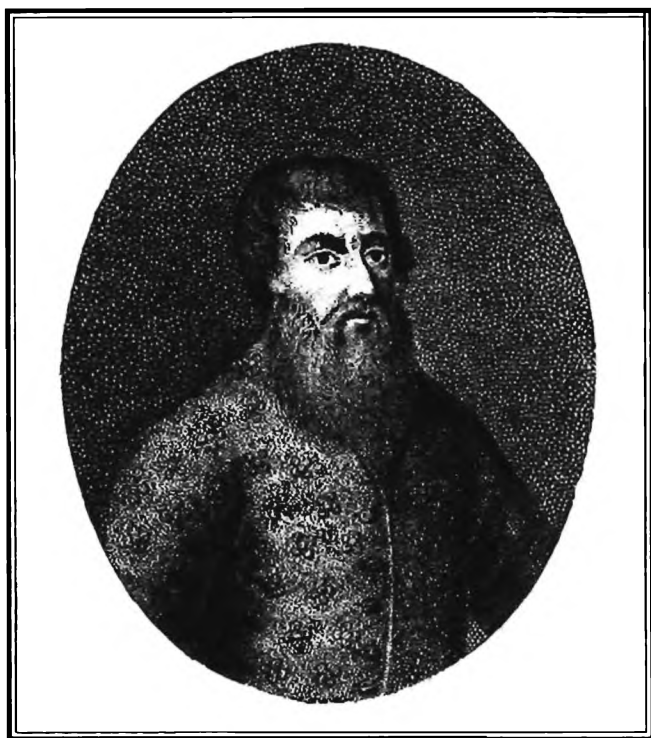
160. О приходе Воровском под Москву. Прииде же Вор и гетман Ружинский с ратными со всеми людьми под Москву и ста в Тушине и прихождаше под Москву, и бои быша частые. А ис Тушина пошед, ста в Тонинском, и в Тонинском бысть от Московских людей утеснение на дорогах, и начаша многих побивати и з запасы к нему не пропускаху. Он же видя над собою тесноту, поиде ис Тонинского назад в Тушино. И в той день бывшу бою с ними велию града Олексина убиша на том бою тритцати трех человек, сам же Вор, отошед, ста в Тушине и начат тут табары строить. Бояре ж, шед ста на Ходынке.

161. О побое Московским людем на Ходынке. Прислаше же ко царю Василью к Москве ис Тушина от етмана от Ружинсково посланники о послах кои засажены на Москве². Они же злодеи и приходиша не для послов, но розсматривати, как рать стоит на Ходынке, и быша на Москве и поидоша опять в Тушина мимо Московских полков. Ратные ж люди стояху крепко, ни един с себя оружия никакова не скидоваху, и стражия быша крепкия. В той же день вместится на Москве слово, что будто с посланники с Литовскими помирихомся. Людие ж на то слово оплошишась и начаша нощи тое спати просто, и стражи пооплошались. Те же Литовские люди и Руские воры тое же нощи приидоша на полки Руския и их побива и

коши все поимаша; и бежаша все, едва образумляхуся под городом и обратишася на них и начаша с ними битися и их столкнуша и гоняху их до речки до Ходынки и побиваху их на пятнатцати верстах, едва в таборах устояху: такой отороп на них прииде. Бояре же приидоша и сташа под Москвою и кругом себя поставиша обоз. <...>

166. О Сердомирском, како прииде в Тушино з дочерью. Вор же в таборах слыша то, что Сердомирского з дочерью и послов Литовских с Москвы отпустили, и посла наперед и повеле Сердомирсково з дочерью и послов поворотить в таборы князь Василья Масалсково. Той же князь Василей перенял их в Белском уезде. Послы ж не послушали, пошли в Литву прямо, а той же воевода Сердомирской и с своею дочерью воротился в Тушино. Ратные ж люди, кои проводили, разъехались по себе, а князь Володимер не с великими людьми прииде к Москве. <...>

168. О бою под Рахманцовым. Прииде в Тушино полковник Сопега и иные с ним полковники и рохмисты и приидоша под Москву. И бою бывшу под Москвою велию с ними, они же отидоша в Тушино,

Дмитрий Трубецкой

и собрався в Тушине поидоша под Троицкой Сергиев монастырь. Царь же Василей посла за ними бояр своих, князя Ивана Ивановича Шуйсково с товарищи. Литовские же люди, пришед, сташа в селе Воздвиженском о Троицы за десять верст а бояре приидоша на речку на Талицу. Литовские ж люди, видя, что идут за ними Московские ратные люди, и всретоша их в деревне Рахманцове. И бывшу ту бою велику, многих Литовских людей побиша и поимаша. Последним же напуском тако их побили, яко и наряд у них поимали. Той же полковник Сапега с последними людьми з двема ротами напусти на Московских людей. Московские же люди от них отхожаху, нечаяху себе помочи ис полков. Грех же ради наших сторожевому полку Федору Головину со всем полком дрогнувшу, яко и болшово полку половину смял, Литовские же люди, видя над православными христианы гнев Божий, начаша их побивати и побиша многих людей и живых поимаша. На том же бою многих храбрость и дородство показал боярин и воевода передовово полку князь Григорей Петрович Ромодановской, туту же у него и сына убиша, князь Ондreja. Бояре ж приидоша к Москве не с великими людьми, а ратные люди к Москве не пошли, разыдошася вси по своим домом.

169. О крестном целовании и о измене. Царь же Василей, видя на себя гнев Божий и на все православное христианство, нача осаду крепити и говорити ратным людям: хто хочет сидеть в Московском государстве, и те целовали крест; а кои не похотят в осаде сидеть, ехали из Москвы не бегом. Все же начаша крест целовати, что хотяху все помереть за дом Пречистые Богородицы в Московском государстве, и поцеловали крест. На завтрее же и на третий день и в ыные дни многие, не помня крестного целования и обещания своего к Богу, отъезжали к Вору в Тушино: боярские дети, стольники, и стряпчие, и дворяня Московские, и жильцы, и дьяки, и подьячие. Царь же, видя такую неправду, войде и сам в Москву со всею ратью. <...>

185. О волнении на царя Василия и о поезде в Тушина. Враг же искони век не хотя видети добра роду христианскому, а хотя видети души в пагубе, вложи мысль на Москве многим людям. И умысля князь Роман Гагарин, Григорей Сунбулов, Тимофей Грязной и иные многие, и приидоша в верх к бояром и начаша говорити, чтоб царя Василия переменить. Бояре же им отказаша и побегоша из города по своим дворем. Они же идоша к патриарху и взяша с места ис

соборной церкви и ведоша ево на Лобное место. Он же, аки крепкий адамант, утвержаше и заклинаше, не веля на такую дьявольскую прелесть прельщатись. И поиде патриарх на свой двор, они же посылаше по бояр; и бояре отнюдь ниhto к их дьявольскому совету не поехала, один к ним приехал боярин князь Василей Васильевич Голицын. Бояре же, собрався, ис полков приидоша ко царю Василью. Те же с Лобново места приидоша шумом на царя Василья. Царь же Василей выйде противу их и мужественно и не убоаяся от них убивства. Они же, видя ево мужество и ужасошася, от него побегоша все из города и отъехалаша в Тушино человек с триста. Царь же Василей на Москве з бояры осаду укрепив, сяде в осаде.

186. О осаде града Коломны. Вор же Тушинской, видя крепкое сидение Московского государства и умысля, чтобы выморить голодом, и посла под Коломну полковника Млотцково со многими Литовскими людьми, чтоб отнять от Москвы путь, чтоб немочно ниоткуда запаса проходить. Млотцкой же прииде под Коломну и град Коломну осади.

187. О казни Крюка Колычева. Боярин Крюк Колычев, на него сказал царю Василию Василей Бутурлин, что он умышляет над царем Василием и в Тушино отпускает. Царь же Василей повеле поимати, и многих людей с ним переимаху и ево и многих людей пытаху; и после пытки ево повеле казнить на Пожаре, а кои в ево деле были, посадиша по тюрьмам.

188. О дорогову хлебной на Москве и о приезде Мартыаша Мизинова. На Москве бысть хлебная дороговь великая: покупаху четь ржи в семь рублев. И многие люди поидоша в Тушино, а иные хотяху итти; на царя Василия приходяху шумом: «докудова в осаде сидети и такова гладу дотерпети?» Царь же Василей их укрепляше, разговариваше их. Они же тово не слушаху. В то же время прииде ис Тушина рохмист Матьяш Мизинов да князь Роман Гагарин и начаша во весь мир говорить, чтоб не прельщались на дьявольскую прелесть: «прямо истинной Вор, а завод весь Литовского короля, что хотя православную христианскую веру попрати; а то в таборех подлинно ведомо, что в Нов город пришли Немецкие люди³, а Литву от Нова города отбили прочь». Людие же на Москве в те поры быша в великой шатости, многие хотяше к Тушинскому Вору итти, и слыша такие речи от переезжиков, укрепишася на Москве, ни един с Москвы не поехала в Тушино. <...>

207. О волнении Московском. Враг же, ненавидя добра роду христианскому, вложи на Москве в люди многие неверие, и все глаголаху, что лгут будто про князь Михаила⁴. И приходяху в город миром ко царю Василью и шумяху и начаша мыслити опять к Тушинскому Вору. И хлебу ж бяше дороговъ велия: покупаху четверть в семь рублей. В то же время мятежное прииде от князь Михаила Васильевича к Москве станица, Елизарей Безобразов с товарищи, и с ним приидоша многие дворяне. Московские ж люди знаша их, что прямо приехали от князь Михаила. Царь же Василей, слыша то от князь Михаила, писмо посла по патриарха Ермогена и сказа ему. И бысть на Москве радость велия, и все людие на Москве укрепишася. Патриарх же нача пети молебная и по всем церквам повеле пети молебны з звоном. <...>

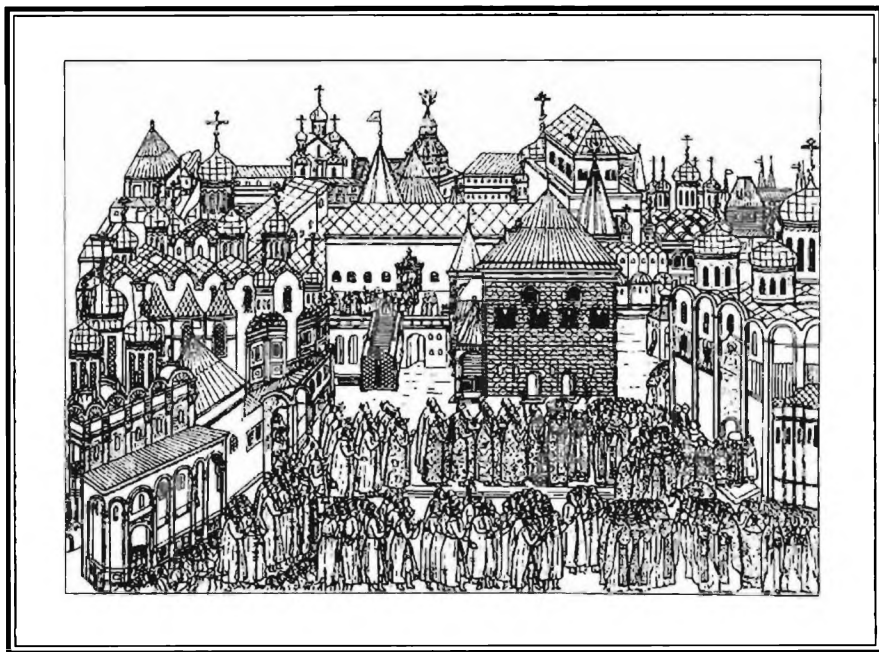
212. О громлении запасом по Коломенской дороге. Москве же стало великое теснение от табар, а по Коломенской дороге теснение великое от Серпухова от Млотцкова, да тут же собрался Хатунской мужик именем Салков⁵, а с ним собралися многие Руские воры, от нево же наипаче утеснение великое бысть. З запасом же прохождаху по одной Коломенской дороге, и тое отняша... На Москве ж опять бысть сумнение великое и дороговъ хлебная, а от Татар юртовских и от тово Салкова на Москве великое утеснение: на Слободцкой дороге князь Петр Урусов с юртовскими татары, а на коломенской дороге тот вор Салков. Царь же Василей по Коломенской дороге повеле острожки поставить для проезду хлебу. Москве ж никакой помощи не учинилось.

213. О измене казаков в Красном селе. Посылаше ж царь Василей с Москвы для береженья в Красное село⁶ голов с сотнями и отаманов с казаками, и стояли по неделям. Атаман же им, имянуемый Гороховой, посла от себя к Вору в Тушино, чтоб он к нему нощию прислал людей, «а мы де Красное село здадим и сотни конные побьем». Вор же ис Тушина присла тое же нощи, и Красное село взяша. Конные же сотни усмотреша, отошли к Москве, а казаки Красное село здали и пошли в Тушино и Красное село выжгли. <...>

219. О побеге Вора из-под Москвы. Московские же бояре, Михайло Салтыков с товарищи, в Тушине, видя свое неизможение, что Московскому государству ничево не зделали, а князь Михайлова приходу Васильевича к Москве чаючи вскоре, и начаша умышляти

с Ружинским, что того вора поимать и отвести б под Смоленск к королю, а бити челом на Московское государство о королевиче Владиславе. Ружинской же на том с ними уговорились, и нача умышляти, как бы Вора поимати. Вор же Тушинской, то их умышление уедав, и побеже нощию не с великими людьми в Калугу. На утрее же сведения Литовские люди, что Вор побежа, и у них с Рускими людьми нача меж ними быти рознь. И многие Руские люди побегоша ис табар, Литовские ж люди туто многих побиша, а иные утекоша по городом, а иные к Москве, а достальные заперлися в русских табарах и с ними укрепишася и начаша опять стояти в табарех.

220. О отъезде ис Тушина под Смоленск и о челобитье о королевиче. Михайло же Салтыков да с ним князь Юрья Хворостинин, да князь Василей Масальской, Лев Плещеев, Михалко Молчанов, дьяки Иван Граматин, Иван Чичерин, Федор Опраксин, Васка Юрьев и иные многие дворяне и дети боярские, не попомня Бога и православные христианские веры, пойдоша под Смоленск и биша челом королю о сыне его Владиславе, чтоб он дал на московское государство и на все Московские государства. Король же лестию им

Венчание Михаила Федоровича на царство

посулил дать на Московское государство. Оне же ноипаче начаша с Литовскими людьми над Московскими людьми умышляти.

221. О Сардамирской дочери Маринке. Сардамирсково же дочь Маринка осталась в табарах, после же ево Воровсково побегу в Калугу. Иван Плещеев Глазун ношцию взяша ее и бежа с нею в Калугу. Вор же Ивана Плещеева за то пожаловал, а с нею начал опять воровать. <...>

232. О приходе на помощь Крымских царевичев. Вор же, то слышав в Колуге, что под Клушиным побили, а Литва пришла в Можаяск, а ратные люди розъехалися по городом. Он же сослася с Сапегою, и поидоша под Москву. <...>

235. О измене царю Василью, и сведение с царства. Бысть же в лето 7118 году, месяца июля, на Москве на царя Василья пришло мнение великое. Начаша съезжаться с воровскими полками уговариватца, чтоб они отстали от Тушинского: «а мы де все отстанем от Московского от царя Василья». Тушинские ж воры лестию им сказаша, что отстанем, а выберем сопча государя» ...и царя Василья и царицу сведоша с престола и отвезоша его на старой двор. Патриарх же тут Ермоген, не дожидався на него злово совету, поиде в город. Царства ж его бысть 4 лета и 3 месяцы.

236. О постриганье царя Василья. По сведении ж царя Василья начаша бояре владети и начаша посылать к Тушинским, чтоб оне Тушинского Вора своего поимали: «а мы де уж царя Василья с царства ссадили». Тушинские ж люди, оставя Бога и Пречистую Богородицу и государево крестное целование, отъехаша с Москвы и служиша неведомо кому и, те посмеяшся Московским людям и позоряху их и глаголаху им: «что вы не помните государева крестново целования, царя своего с царства ссадили; а нам де за своево помереть». Они же посрамлены поехаша и, приехав в город, сказаша бояром и всем людям. Они же в недоумении быша. Наутрие ж те же умыслиша и, взяв ис Чюдова монастыря священников и дьяконов, приехаша ко царю Василью на старой двор, начаша ево постригати. <...>

241. О гетмане о Желковскому и о Сапеге, о их лукавстве. Вору ж Тушинскому в те поры стоящу под Москвою в Коломенском, а с ним Сапега с Литовскими людьми. Бояре же начаша говорити етману, чтоб Литовских людей от Вора отвел. Етман же нача к Сапеге посылати, чтоб отошел от Вора. Сапега ж от Вора прочь не поиде, а все у них меж себя заодно, како бы сим лестию войти в Московское

государство. Етман же нача бояром говорити, что итти на них боем. И поидоша на них и на бой не пошли: все оманываху Московских людей. <...>

248. О убиении в Колуге царю Касимовскому и убиение Вора Колусково. В то же время бывшу Вору в Колуге, у него ж бывшу в Колуге царю Касимовскому Урмаметю с сыном, да князь Петру Урусову, тово ж сын царя Урмаметя сказа Вору, что отец ево над ним умышляет и хочет убить. Той же Вор того ради умысли над царем сице и пойде на поле гулять и посла по царя, чтоб ехал с ним. Царь же внезапно поезде с ним, только взял с собою дву человек, и заехала за Оку реку и начаша ездити с собаками, а царю велел ездити с собою, и начаша отъезжати от людей, только взяша с собою Михаила Бутурлина да Игнашка Михнева, и отъехала от людей подале и того царя и людей с ним убиша и вкинуша в Оку; а сам выскоча к людем и возопи, что царь меня хотел убить и побежа к Москве, и посла за ним гоняти. После ж тово уведа князь Петр Урусов, что убил тот Вор царя и нача над ним умышляти, как бы ево такъже убить. Внезапу ж тот Вор поезде на поле гулять не с великими людьми. Той же князь Петр Урусов, уведав, что он поехал, пойде за ним и съеха ево от Колуги с версту и туто ему отсече голову; и кои с ним тут быша, иных побиша, а иные утекоша в Калугу. Князь Петр же побежа и отъехал в Крым. В Калуге ж уведаша то, что князь Петр Урусов убил Вора, взволновашася градом всем и Татар побиша всех, кои в Колуге были. Ево ж Вора взяша и погребоша честно в соборной церкви у Троицы, а Сердомирсково дочь Маринка, которая была у Вора, родила сына Ивашка. Колужские ж люди все тому обрадовашесь и называху ево царевичем и крестиша ево честно. <...>

251. О приезде ис Колуги к Москве к Литве. Литва ж то слыша о убиении Воровском и послаша в Колугу князь Юрья Никитича Трубецково, чтоб целовали крест королевичю. И ис Колуги ж послаша к Москве и из дворян и из атаманов и ис казаков и изо всяких людей и говориша бояром и Литве: «впрямь будет королевич на Московском государстве и крестится в православную христианскую веру, и мы ему все ради служити; а тепере мы креста целовати не хотим, покаместа он будет на Московском государстве». И поидоша с Москвы в Колугу, а князь Юрья ис Колуги к Москве не отпустиша, убежал к Москве убегом.

Примечания

¹ Печатается по: ПСРА. Т. 14. М., 1965. С. 76–80, 82, 87, 92–95, 98–100, 102, 104–105.

² А. Гонсевский, Н. Олесницкий.

³ Имеется в виду вспомогательный отряд, направленный в подчинение М. В. Скопину-Шуйскому по договору со Швецией, в состав которого вошли шведские, немецкие, французские, шотландские и другие наемники.

⁴ М. В. Скопин-Шуйский.

⁵ Хатунский крестьянин Салков организовал отряд, первоначально действовавший независимо от тушинцев. Зимой 1609 г. Салков вместе с тушинцами разгромил правительственное войско, захватив обоз с припасами.

⁶ Красное село, расположенное близ Москвы к северо-востоку, имело для Москвы стратегическое значение.

УСТНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ

Про панов¹

Когда Гришка Отрепьев воцарился, то Марина приказала ему звать в Москву поляков. Открыто им въезжать в город было нельзя, и поляков стали возить в бочках, по три–четыре человека в бочке. Много ли, мало ли навозили, но один раз везли на санях бочки с поляками по Москве, а навстречу шел дьячок, к заутрене, благовестить. Увидел бочки и спросил: «Что везете?» — «Марини-

но придано». Дьячок ударил посохом по бочке, поляки и заговорили.

Дьячок прибежал на колокольню и стал звонить в набат. Кинулся народ и поляков перебили. Те поляки, что были привезены раньше, испугались и убежали из Москвы. Бежали куда глаза глядят, часть добежала до Выг-озера, поселилась на одном острове, и устроили городок, и стали грабить народ.

На Деревенском наволоке жил тогда один житель — Койка. Паны-разбойники с Койкой ознакомились, к нему выезжали и Койку пока не трогали. Но полякам не нравилась жена Койки, злая и зубатая старуха. Вот они и собрались убить ее. Койка как-то ушел в лес, паны понаехали, а старуха догадалась, забилась под корыто и лежит. Паны искали, искали, не могли найти и говорят между собой: «Куда к черту девалась эта зубатая старуха!..» Старуха под корытом и не вытерпела: «Да я словцо против слова ответить знаю». Паны вытащили старуху из-под корыта и убили.

Раззадорились, пошли искать и Койку; поимали и его хотели убить. Койка и говорит: «Что вам меня убивать, у меня ведь денег нету, я лучше вас отвезу к Надвоицам. Там богато живет Ругмак, у него денег много». Паня согласилась. Койка посадил их в лодку и повез. Когда стали подъезжать к Надвоицам, Койка панам и говорит: «Смотрите, там много народу, надо подъехать скрытно. Я заверну вас в парус и скажу, что везу на мельницу хлеб». Паны согласились, Койка завертел их в парус и положил на дно лодки. Когда подъехали к Падуну, на Выг-реке, Койка выскочил из лодки на камень, лодку подтолкнул в Падун и закричал: «Ну, теперь вставайте!» Паны вскочили и увидели, что перед ними Падун: остановить лодку не смогли, все в Падуне потонули.

Панское озеро²

В смутное время паны, убежав из Москвы, пришли и в нынешний Лодейнопольский уезд. Однажды один крестьянин пошел на охоту и увидел, что навстречу ему идут более тысячи вооруженных людей, а за ними тянется обоз. Мужичок, чтобы спасти своих одноподаренцев, решил пожертвовать жизнью и пошел им навстречу.

Паны схватили его и начали пытать и спрашивать о местных богачах. Мужичок обещал указать богатство своих соседей, паны поверили, и крестьянин повел панов, отводя их от родного села все дальше и дальше. Настала ночь, и мужичок пришел на какую-то равнину. Панам показалась тут деревня, они и бросились туда. Только что паны отбежали от мужика, и вдруг он видит, что на равнине панов нет, а перед ним круглое озеро, которое и теперь называется в народе панское. Мужик, подивившись, хотел было пожить с панских повозок, но только приблизился к ним, они и провалились, и образовался теперешний Панский ручей.

Паны-утопленники³

Шайка панов зашла в Мегру и требовала выкупа. Крестьяне придумали, чтобы отделаться навсегда от непрошенных надоедливых гостей, следующее. На озере в семи верстах от села они послали несколько человек опешить озеро, т. е. подрубить лед пешнями. А старики пришли к панам и говорят: «Мы, пожалуй, завтра покажем вам свои богатства, так и быть». Паны обрадовались, и на другой день ста-

рики повели панов к озеру, указали на середину его и сказали: «Вот там наши богатства». Паны поверили и бросились на лед и только достигли середины озера, лед подломился, все они и потонули. В Меграх до сих пор уверяют, что, если подойти близко к воде, из этого озера слышатся стоны утопленников, умоляющих вытащить их из воды. В дни поминовения усопших паны особенно жалобно стонут и молятся настойчиво, а если в эти дни очень близко подойти к озеру, то растеряешь свое платье и никак не выйдешь из озера до следующего дня.

Гибель панов⁴

Когда они стояли под Николой, дошли раз до деревни Мадовицы; а в Мадовицах по угородам навешаны были на колья снопы конопли. Им показалось, что это выступило много народу против них, и поворотили назад опять под Девятую. В другой раз оттуда уже не подходили к Мадовицам, да скоро они после этого и погибли. Их атаман будто бы сошел с ума и стал кричать: «Смотрите-ко, робята, седатой-то старик круг шатра у церкви ездит на лошади и мне грозит⁵... Не застращаешь меня!» После этого забегал этот атаман с мечом да в озере и утонул... А паны-те варили кашу да вместо пены-то кровь косами заходила: они и узнали, что гибель скоро приходит. Тут, сколько денег, богатства их было — все в котел сложили и утопили в Городишном озере; а над котлом поставили плот из слег, на плот наносили земли да и плот на котел утопили. А потом и сами в этом же озере уходились.

Свадебный камень⁶

Поляки приехали через Онего на лодке. Высадившись в Сенной Губе, они ограбили монастырскую церковь в деревне Моталово, угнали монастырский скот. В деревне Сенной Губе поляки насильно увезли девушку из семьи Абрамовых замуж за своего предводителя. Из Сенной Губы на лодке они направились в Кижы, чтобы грабить кижские деревни и продвигаться в глубь Заонежья и завоевать его.

Лодка наткнулась на подводный камень и опрокинулась. Захватчики взобрались на днище и просили о помощи. Их спасли, разоружили, расселили в разные деревни Заонежья, оженili на русских женах. Их предводителя хотели убить, но пожалели девушку, она ждала уже ребенка. Когда их привезли на берег, они плакали, просили пощады, указывали на своего предводителя. А он стоял молча, о пощаде не просил, опустив глаза и обняв жену. Когда уже совсем было решилась его участь, вдруг выступила девушка и спросила, куда же ей теперь деться и как она будет жить дальше с безотцовским дитем. Тут и родители ее стали просить не убивать. Их обвенчали и поселили в Космозере, в какой-то из деревень. Потом его внук, Ржановский, стал священником в Сенной Губе.

А двое совсем не могли говорить по-русски, только плакали и кричали: «Пан! Пан!» Их записали «Пановы» и поселили одного в деревне Косельге, другого — в деревне Войнаволоке.

А камень, где ударилась лодка, стал называться Свадебным камнем. Лодку затопили возле камня. И сейчас в ясную погоду она проглядывается сквозь толщу воды. Так говорит предание. А потомки этих семей и сейчас живут в Заонежье.

Нападение панов на Киж⁷

В Киж⁸ах <...> есть поговорка, что под каждую ильмою⁸ похоронен пан <...>.

На том же самом Кижском острове, где теперь погост, церковь стояла в другом месте, гораздо севернее, на холмистом возвышении; там теперь, в память ее, построена часовня Святого Духа. Церковь эта была во имя Спаса.

Однажды, в праздник Покрова Богородицы, паны сделали нечаянное нападение на этот остров и употребили военную хитрость: они приплыли к острову из Повенца на плоту, на котором были поставлены вместо парусов березки.

Суеверному народу показалось, что к ним плывет остров; все собрались смотреть на берегу <...>

Между тем паны прилегли за березы и, когда плот примкнул к берегу, бросились на безоружных жителей. Народ укрылся в храме, но паны ворвались сюда, начали резать народ и стрелять в него.

Одна стрела вонзилась в образ Спасителя в правую руку; другая пробила образ сзади, насквозь, пониже первой, и сделала с той же стороны оскомину. Оба знака видны на образе до сих пор.

Но в это самое мгновение совершилось чудо: на панов нашла темень, то есть они ослепли: вместо беззащитного народа стали резать друг друга и легли все на месте... Кровь перерезавшихся панов лилась через порог церкви.

После этого осквернения служение в церкви надолго остановили, и, наконец, она сгорела от молнии.

Впоследствии, собравшись с силами, кижане решились построить церковь вновь и приплавляли леса к тому же самому месту, где она стояла; но в ночь все плоты невидимою силою перенесло ниже, к такому месту, где не было ничего, кроме вересняка.

Строители перегнали плоты опять к месту бывшей церкви; в следующую ночь плоты опять спустились к вересняку⁹ <...>

Тут строители стали догадываться, что это чья-то высшая воля; осмотрели кусты и нашли в них простреленный образ Спасителя. Это был уже явный знак, что церковь надо строить здесь, а не на старом месте, а потому строители так и сделали <...>

Примечания

¹ Печатается по: Народная проза (Библиотека русского фольклора) / Сост. С.Н. Азбелев. М., 1992. С. 98.

² Там же. С. 99.

³ Там же. С. 99–100.

⁴ Там же. С. 100.

⁵ «Седатой» — седоватый, седой. Под «стариком» имеется в виду св. Николай-Чудотворец.

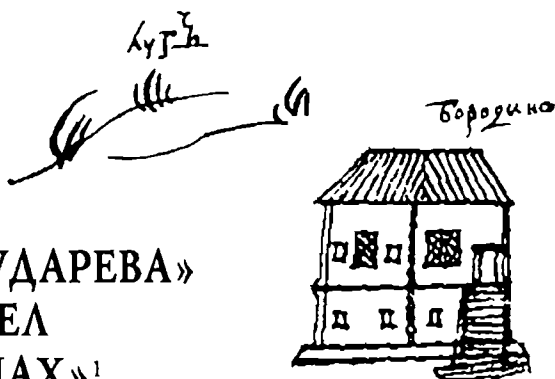
⁶ Там же. С. 100–101.

⁷ Там же. С. 101–102.

⁸ Ильма, илем, илим — берест, карагач (дерево).

⁹ Вересняк — вересковая заросль.

МАТЕРИАЛЫ «СЛОВА И ДЕЛА ГОСУДАРЕВА» ИЗ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЛ О «НЕПРИГОЖИХ РЕЧАХ»¹

1. Из извета Зарайского уезда Перевитцкого стана деревни Ходыкиной крестьянин Темки Кондырева Ивашка Ларионов Стрига на крестьянина рязанца Федора Любовского Приезжейка (1622 г.)².

...В прошлом де во 130 г. о Сергиеве дни был де он, Ивашко, в Коломенском уезде Голутвина монастыря в вотчине в дер[евне] Бачманове у кр[естьянина] у Дениска, отцу его имени пропamятовал, да с ним же в той дер[евне] был рязанца Федоров кр[естьянин] Любoвского, Приезжим звали, а чей сын, того не ведает. И говорил де тот Приезжейко про государя Михаила Федоровича непригожее слово, чаю ему г[осударю] нельзя жениться, Тушинский де вор, который назывался царевичем Дмитрием, жив.

2. Из извета Темки Кондырева на крестьянина Рязанского уезда Перевитцкого стана деревни Новоселок Парфенка Филатова (1622 г.)³.

...Да во 130 году в Великий пост, за три недели до Великаго дни, ехал он, Ивашко от Николы Заразского к себе в дер[евню], и встретился де с ним на дороге Рязанского ж уезда Перевитцкого стана дер[евни] Новоселок кр[естьянин] Парфенка Филатов, прозвище Батрак, и сказывал ему быть де войне великой, что Тушинский вор, который назывался царевичем Дмитрием, жив».

3. Из распросных речей крестьянина Комарицкой волости деревни Крюковой Игнашку Шатуна (1624 г.)⁴.

...Лета 7133 в 23 д[ень] расспрашивал кн. Василий Романович Борятинский кр[естьянина] Комарицкой волости Чемлижского

стану дер[евни] Кривцовой Игнашку Шетуна: в прошлом во 132 г. июля в 20 д. в Спасском монастыре, бранясь с казачьим братом с Меншичком Яковлевым, про Тушинского вора говорил ли и по коей мере говорил, и по какому умышлению и с какого заводу. Игнашка Шетун в разспросе сказал: про вора де я Тушинского не говоривал, а говорил де я и величал: дай Господи г[осударь] ц[арь] и в[еликий] к[нязь] здоров был, а нынче де смиряет воров боярин кн[язь] Дмитрий Михайлович Пожарский.

4. Сообщение приставу Петру Щекину выходца из Литвы, русского человека Новгород-Северского уезда, служившего в Литве в Басане пану Басанскому, Савки Кузьмина (Путивль, апрель 1624 г.)⁵.

...Слышал де он в Басане и в ыных литовских городех околь Киева у панов и у казаков в разговоре, что будто де вор Тушинской собрал тотар и донских козаков сорок тысяч, и многие де козаки запороские поднимаютца к нему на Дон, а митрополит де Киевской Иев Борецкой сказывает в Литве многим людем, что будто ся де книги указуют, как де царь русской и женитца, и будет у него сын слеп, и потом де будет другой сын, и тот де будет царем восточным, и все де земли будут под ним.

5. Из отписки окольничего кн. Гр. Волконского (1625 г., обвиняемый — столичный ездок Ермошка Кононов)⁶.

...В 133-м году мая в 27 день, идучи оне на Волуйку, и стояли на реке на Осколе от города пять верст и в ночи посылали сторож дозировать белевца Микиту Воейкова, да и тот де Ермошка, едучи мимо сторож к Осколу пьян, и говорил непригожее слово, что был здоров Тушинской вор.

6. Из извета тюремного сидельца ливенского стрельца Ондрюшки Денисова сына Познякова на оскольского атамана Сысойку Розщюпкина (1628 г.)⁷.

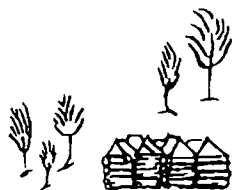
...В прошлом де, государь, во 136-м году в вербное воскресенье у осколенина у Лучки Путуча дрался оскольской атаман Сысойко Розщюпкин с ямщиком с Муравейком Кузнецом, и говорил де тот Сысойко непригожие слова: «Да споди де здоров был государь князь Дмитрей Иванович, я де тебе не в версту».

Примечания

- ¹ Подборка материалов и комментарии к ним выполнены П.В. Лукиным (документ № 4 был любезно указан Б.Н. Флорей).
- ² *Новомбергский Н.Я.* Слово и дело государево (процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 года). М., 1911. Т. 1. С. 19. Смысл этих «непригожих речей», вероятно, состоит в том, что поскольку жив «природный» царевич, то лицо, занимающее престол, не имеет права совершать церемоний, присущих царю, то есть жениться (в народном сознании женитьба царя, очевидно, представляла собой акт его окончательной легитимации). В квадратных скобках здесь и далее раскрыты сокращения публикатора.
- ³ Там же.
- ⁴ *Новомбергский Н.Я.* Указ. соч. С. 13. Об этом же извете см.: РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Приказной стол. № 2725. А. 31.
- ⁵ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Приказной стол. № 12. Л. 62. Документ представляет собой расспрос, а не следственное дело о «непригожих речах»; излагается любопытная легенда, приписанная митрополиту Иову Борецкому, но, вероятно, возникшая в народной среде. Как и в документе № 4 женитьбе царя придается явно сакральное значение: в результате ее должен появиться царь, наделенный, по всей видимости, исключительным, сверхъестественным могуществом.
- ⁶ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Приказной стол. № 2725. А. 37. Обвиняемый признался в своей вине.
- ⁷ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Приказной стол. № 32, л. 11. То, что, под царем Дмитрием Ивановичем имелся в виду именно Тушинский вор, выясняется в ходе следствия (в итоге извет был признан ложным).

П Р И Л О Ж Е Н И Е

О ЧЕКАНКЕ МОНЕТ
ТУШИНСКИМ ВОРОМ

Хорошо известно, что первый самозванец, Лжедмитрий I, на правах законного царя чеканил монету (серебряные копейки) со своим именем. Это происходило на трех денежных дворах, которые считались государственными, — Московском, Псковском и Новгородском. Во время его царствования (1605–1606 гг.) там использовались заново приготовленные маточники — штампы для оборотных сторон монет, где и помещалась традиционная для копеек надпись с именем и кратким титулом царя: «Царь и великий князь Дмитрий Иванович всея Руси». Для лицевых же сторон были взяты маточники, приготовленные в предшествующие годы «годуновского» правления. И только Новгородский денежный двор приготовил совершенно новый датированный лицевой маточник с буквами «н/РДІ» (что означало «Новгород 114 год», а в современном исчислении соответствует 1605/1606 г.).

Обосновавшийся в конце июля 1608 г. в Тушине Лжедмитрий II, создавший в своей резиденции собственное правительство, как «истинный царь» должен был чеканить и собственную монету. Возможность для этого представилась после 2 сентября 1608 г., когда Лжедмитрию присягнул Псков — крупный торговый город, где находился один из трех государственных денежных дворов.

Поскольку на Псковском денежном дворе, как и, впрочем, на всех других, сохранялись старые орудия чеканки, не составляло труда наладить выпуск монет с именем Дмитрия Ивановича — ведь имя царя было прежним. Оставалось только снабжать денежный двор серебром — сырьем для чеканки. Так как к осени 1608 г. Тушинскому вору «целовали крест» богатые города, расположенные на большой дороге от Москвы к Белому морю и облагавшиеся большими поборами деньгами и натурой, тушинское правительство получило достаточные средства для организации собственной чеканки. Доставлялось серебро и в Псков, связанный давними торговыми отношениями с Ригой, через которую в Россию поступал один из главных

импортных товаров — серебро в виде западноевропейских монет. Ближайшие порубежные города — Ивангород, Ям, Копорье — псковские пригороды, тоже «целовавшие крест» Тушинскому вору, торговали с прибалтийскими городами и Швецией, что также приносило серебро в тушинскую казну.

Но уже с конца 1608 г. города, целовавшие крест Ажедмитрию II, перестали подчиняться тушинской администрации и платить налоги. Тушинское правительство постепенно лишалось источников пополнения казны. Резко осложнилась ситуация в самом Пскове, где разгорелась ожесточенная борьба между «меншими» и «большими» людьми. Гости и торговые люди разорялись, бежали из города, и торговля с западноевропейским купечеством сошла на нет.

В этих условиях Псковский денежный двор, не получавший регулярных заказов на чеканку и лишенный сырья, неминуемо должен был свернуть производство. Это случилось, видимо, в первой половине 1609 г., и на этом тушинская чеканка прекратила свое существование. Московский же и Новгородский денежные дворы чеканили с 1606 по 1610 г. копейки Василия Шуйского.

Вывод о чеканке монет тушинским правительством основывается на анализе соотношения количества двух известных типов монет с именем Дмитрия Ивановича псковского чекана (на лицевой стороне под ногами всадника помещался знак Псковского денежного двора — «ПС») и весовых данных этих монет. В коллекциях Отдела нумизматики ГИМа и Государственного Эрмитажа первый тип псковских копеек заметно превышает по количеству второй¹. Этот факт не вызывает особых сомнений, но весовые данные типа 1—1 обескураживают: ведь все копейки времени Дмитрия чеканились по весовой норме, составляющей 0,68 г, но при этом большая часть копеек типа 1—1 имеет *более высокую весовую норму*, равную 0,72 г².

Разгадка этой аномалии содержится в двух монетных кладах, найденных в Пскове. Первый, насчитывающий 984 экз., датируется временем после сентября 1608 г. Здесь встречаются 25 псковских копеек типа 1—1 и 34 экз. типа 2—1. Весовые показатели обоих типов выдержаны в пределах нормы — 0,68. Зато в другом кладе, огромном по размеру (в нем содержится 6782 экз.), наблюдаются совершенно иные соотношения. На 57 псковских копеек Дмитрия типа 2—1 приходится 193 копейки типа 1—1. Средний вес копеек типа 1—1 в кладе превышает весовую норму.

Можно сделать вывод: каждый клад отразил определенный этап в истории тушинской чеканки. Первый клад был спрятан вскоре после перехода Пскова под власть Тушинского вора, и состав псковских копеек Дмитрия Ивановича в кладе соответственно отразил равные соотношения количества монет типов 1–1 и 2 (к тому же сохранивших обычную весовую норму). Зато во втором кладе, зарытом в начале 1609 г., в полной мере проявились результаты успехов тушинцев: копейки типа 1–1 чеканились по *завышенной весовой норме*. Интересно то, что чеканка в Пскове происходила на фоне *понижения весовой нормы* копеек в Москве Василием Шуйским, правительство которого испытывало экономические трудности. Чеканка более качественной монеты была достаточно весомым аргументом в пользу Тушина, который должен был привлечь на сторону «царя Дмитрия» симпатии населения. Надо полагать также, что массовый выпуск монет с повышенной весовой нормой предназначался преимущественно для выплаты жалованья казакам и польским наемникам, заинтересованным именно в такой форме вознаграждения за участие в движении Лжедмитрия II.

А. С. Мельникова (Государственный Исторический музей)

Примечания

¹ См.: Мельникова А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. М., 1989. Приложение. Табл. 4 (Чеканка Дмитрия Ивановича).

² Там же. С. 97–98.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Авраамий Палицин, келарь Троице-Сергиева мон., писатель-публицист 8, 16, 19, 31, 404, 409
- Адам, полковник 68, 85, 125
- Адодуров Иван 394
- Адодуров Семен 393
- Азан, турок 178
- Алексеев Тимофей, земский целовальник 380
- Алексей, писарь 206, 207, 328
- Алябьев Андрей Семенович, дворянин, дьяк, воевода в Нижнем 360, 375–377
- Андронов Федор, московский купец 37, 401, 409
- Аничкин, атаман 251
- Ансерин Венедикт, св. отец 88
- Аргамаков Григорий 365–366
- Афанасий Мелексехович, пристав 74–77
- Ахамашуков Петр, кн. 391
- Балабан, шляхтич 118, 143–145
- Басманов Петр Федорович, боярин, воевода 25
- Бахрушин С.В., историк 14
- Бахтеяров-Ростовский Владимир Иванович, кн., воевода 397
- Башмаков Иван, сотник 387
- Бегичев Иван, воевода Ажедмитрия II 349
- Беззубцев, атаман донских казаков 177, 183, 210, 260
- Безобразов Истома, дворянин 251
- Белинский, ротмистр Ажедмитрия II 179
- Белокаменский, шляхтич 54
- Бер Мартин, пастор, зять К. Бусова, автор соч. о России 25, 205, 226, 232–234, 337, 341
- Берг (Борк) Ганс, ливонец 211, 212, 277
- Берг Иохим, поручик 212
- Бобарыкин Федор 350
- Бобовский, ротмистр Ажедмитрия II 63, 373
- Бобоедов Никита, сын боярский 385
- Бобровский, ротмистр 177
- Бозовский, шляхтич 58
- Болотников Иван Исаевич, беглый холоп 10, 11, 13, 24, 66, 68, 72, 205, 206, 209–211, 250–253, 258, 260, 262, 263, 271, 272, 275, 276, 324–328, 404
- Бонк, ротмистр Ажедмитрия II 63
- Боровский, приходит на службу к Ажедмитрию II 172
- Борятинский Василий Романович, кн. 446
- Борятинский Федор Петрович, кн., воевода 95, 266, 350, 357, 361, 368, 388
- Борятинский Яков Петрович, кн. 393
- Буганов В.И., историк 34
- Будило Осип (Иосиф), мозырский хорунжий, полковник 24, 167, 168, 177, 180, 190, 195, 197, 204
- Буйносов-Ростовский Петр Иванович, кн. 68, 124, 263
- Буланин Юрий 385
- Буссов Конрад, немецкий ландскнехт, автор соч. о России 24–26, 324, 341
- Бутурлин Д.П., историк 20, 58, 205, 347
- Бутурлин Михаил Матвеевич, кн., стольник 12
- Бучинский (Рожинский), кн. 172
- Бучинский, шляхтич 52, 138, 244, 318
- Бучинский, секретарь Ажедмитрия II 244
- Бучинский Ян, гонец 90
- Быховец, поручик 192
- Бюгге Лоренц (Буйк Лауренц), шведский капитан 286
- Вагин Четвертунка, галичанин, посадский человек 381
- Вайер (Вейер) Людовик, староста пуцкий, полковник 51, 118, 182, 193, 199, 203, 334
- Валавский, канцлер Ажедмитрия II 42, 170–172
- Валуев (Волохин) Григорий Леонтьевич, сын боярский, воевода 194, 231, 237, 300, 302
- Ванин Федор 375
- Варишкин Афанасий Логинович, дворянин 422
- Василий III Иванович, сын в. кн. Ивана III Васильевича, в. кн. Всея Руси 10
- Васильев Конанко, галичанин, посадский человек 380
- Васильев Петр, галичанин, посадский человек 380
- Васильев Яков, галичанин, посадский человек 380
- Велаковский, ротмистр Ажедмитрия II 63
- Велевицкий Ян, ксендз, член ордена иезуитов 23, 104, 119
- Велегловские, поляки 36
- Велеговский, ротмистр Ажедмитрия II 169, 190

- Вельяминов Михаил, воевода 354, 363, 365
Вельяминов Никита Васильевич, воевода в Костроме 362, 390
Вельяминов-Зернов Мирон Андреевич, кашник, воевода 403
Веревкин Матвей, попович 404
Вержицкий, ротмистр Ажедмитрия II 47
Видекина Юхан, шведский историк 27, 308, 323
Виламов 320
Вильковский, полковник Ажедмитрия II 47, 141, 181
Виямовский, ротмистр Ажедмитрия II 172, 174, 179, 309
Винарский, шляхтич 348
Витковский, посол Сигизмунда III 108, 134
Витовтов Северьянко 373
Виторовский, комиссар Сигизмунда III 203
Вишневецкий 47, 51, 126, 129, 373, 420
Вишневецкий Адам Александрович, кн., польский магнат, конюший Ажедмитрия II 212, 277
Вишневецкий Константин, кн. 96, 111
Вишневецкий Михаил, кн. 59
Владислав III, королевич, затем польский кор., сын Сигизмунда III 21, 37, 42, 45, 118, 119, 142, 147–149, 153, 154, 157, 162, 163, 193, 199, 238, 239, 317, 318, 321, 412
Власьев (Власов) Афанасий Иванович, думный дьяк, 165, 250
Вовина В.Г., историк 30
Вогуслав (Богуслав) Николай, ротмистр Ажедмитрия II 177
Воеводский-Рукин Андрей, москвитянин 167
Воейков Иван, белозерец 373
Воейков Никита, белевец 447
Войтковский, ротмистр Ажедмитрия II 54
Волконский Григорий Константинович, кн., окольничий 447
Волынский Иван 362, 388
Воронецкий, кн. 82
Воронов Рахманин (Рохман, Роман) Макарович, дьяк в Вологде 267, 268, 372
Воротынский Иван Михайлович, кн., боярин, воевода, 42, 98, 248, 256, 258, 260, 412
Вышеславцев (Буслаев) Никита Васильевич, воевода 269
Вышеславцев Никита, посадский человек 389
Вяземский Семен, кн. 360
Гаврилов Онашка, галичанин, посадский человек 381
Гаврилов Яков Васильевич 375
Гагарин Сила Иванович, кн., воевода 269, 391
Гагарин Сила, посадский человек 389
Гаевский Павел, член ордена иезуитов 116
Гедройц Федор, запорожец 171
Георг фон-Аален, прапорщик 212
Гербут Николай, староста тлумацкий, ротмистр 143, 145
Гермоген, митрополит московский и патриарх всея Руси 147, 154, 157, 401
Гильбертс Давид, немец, капитан 233, 236
Гиршберг А., историк 22
Глоховской (Глуховской), полковник Ажедмитрия II 190, 191
Говоров Воинко, галичанин, посадский человек 381
Годунов Афанасий 250
Годунов Борис Федорович, боярин, конюший, затем царь 8, 9, 25, 43, 45, 121, 148, 217, 247, 248, 281, 408
Годунов Иван Иванович, окольничий, воевода, сын И.В.Годунова 212
Годунов Никита, приближенный Ажедмитрия II 250
Годунов Яков Михайлович 371
Голенищев Степан, воевода в Балахне 376
Голицин 50, 142, 154, 159, 196, 317
Голицин Иван, воевода 69–71
Голицын Андрей Васильевич, кн., боярин 42, 401
Голицын Василий Васильевич, кн., боярин 119, 401
Головин Семен Васильевич, стольник, окольничий, воевода 394, 311, 400, 420
Голович Петр, шляхтич 351, 357, 362
Голохвастов Алексей 384
Гонсевский (Гашевский) Александр Иванович, наместник в Москве 21, 112, 114, 115, 118, 148, 156–162, 166, 199, 386, 387, 401, 488
Горецкий Станислав, ротмистр 152
Горн Эдвард (Эберт, Эверд), шведский генерал, фельдмаршал 146, 285, 299, 300, 301, 304, 312, 313
Городецкий, шляхтич 78
Горская Дорота 91
Горский Адам 91

Горчаков Петр Иванович, воевода Смоленский 43, 152, 385

Готье Ю.В., историк 34

Грамотин Иван Тарасевич, подьячий, затем думный дьяк, печатник 55, 228

Гребсберг Георг, коморник Марины Мнишек 235

Гриденков Иван, суздаец, сын боярский 376

Дамарацкий Матвей, ротмистр 254

Дворжицкий Адам, полковник, гетман 54

Делагарди Якоб (Яков) Понтусов, граф, шведский маршал 14, 16, 143, 144, 146, 166, 178, 195, 217, 219–223, 228–231, 237, 284, 285, 289–292, 296–303, 312–320, 315, 317–318, 324, 333, 336, 339, 341, 400, 418, 420, 424

Деланик Мусир, немецкий капитан 192

Дементьев Дмитрий, сотник 387

Диамантовский Вацлав, предполагаемый автор «Дневника Марины Мнишек» 22

Дмитрий Иванович, сын Ивана IV Васильевича и Марии Нагой, царевич 7, 89, 247, 248, 250

Добецкий 82

Добок Ян, шляхтич 133

Долгово Семен, суздаец, сын боярский 378

Долгорукий Григорий 384

Долгорукий-Оболенский Владимир Тимофеевич, кн. боярин 418

Долгоруков Михаил Борисович, кн., боярин 260

Домарацкий Станислав, староста брацлавский 133

Доморацкий Матвей, подстолий львовский 50, 51

Доморацкий 82

Дорогостайский Христофор, маршал 150

Дунайский Карл, военачальник Ажедмитрия II 122

Дуров Василий 373

Дьяк Иван, пристав 77, 80, 85, 286

Дынковский, шляхтич 118

Елагин Григорий, голова стрелецкий 404

Елизаров Григорий, дьяк 379

Енин Г.П., историк 30, 427

Еремеев Григорий 372

Жеребцов Давыд (Давид), воевода 390, 395, 420

Жолковский Станислав Станиславович,

коронный гетман Речи Посполитой, автор соч. о войне с Россией 14, 20, 21, 24, 45, 117–119, 133, 142, 143, 147–150, 153, 154, 160, 165, 193, 196, 231, 237, 239, 300, 301, 305, 321–322, 398, 401, 426

Жуан дон Крузатти, испанец, военачальник 217

Загурский (Занорский), шляхтич 79

Запорский Ян, шляхтич 77

Заруцкий Иван Мартынович, донской атаман, боярин Ажедмитрия II 11, 13, 29, 40, 52, 61, 64, 141–142, 160, 163–167, 172, 190, 206–208, 226, 275, 277, 329–330, 337, 341, 370–372, 385, 402–403, 411, 412, 426

Засекины, князья 12, 56

Захарын Степан, пристав устюжский 368, 370

Збаражский Христофор, кн., староста кременецкий 51, 52, 133, 224

Зборовский Александр, польский полковник 37, 41, 43, 60, 61, 63, 117, 132, 141, 143, 144, 158, 172, 178, 180, 190–193, 199, 222, 231, 285, 290, 313, 315, 320, 334, 348, 353, 394

Зборовский Христофор, польский магнат 182, 316

Звенигородский Семен Григорьевич, кн. 369

Зубатый Иван 390

Зюзин Алферий, сын боярский 378

Иван III Васильевич, в.кн. московский 7

Иван IV Васильевич Грозный, в. кн. московский, затем царь 7, 43, 286

Иванов Добрыня 372

Иванов Михаил, кабацкий откупщик из Устюга 368

Иванов Ю.А., историк 34

Ивашев Андрей, муромец, сын боярский 360

Игнатьев Денис Софонов, дьяк 373

Иевлев Алексей, посадский человек 392

Износков Богдан, астраханский казак 364

Иль мурза Юсупов 351

Илья (Илюшка, Илейка) Коровин Муромец, «царевич» Петр, мнимый сын царя Федора Иоановича, терский казак 66, 68, 106, 107, 209, 210, 253, 256, 258, 262, 271, 276, 387, 404, 409–410.

- Кавернев Иван Веригин, дьяк в Арзамасе 267, 268
Кадников Кузьма, сын боярский, воевода в Вологде 369
Казановский Андрей, староста брацлавский 59
Казановский Зигмунд, шляхтич, гонец 94
Казановский Мартын, польский военачальник 133, 158
Казановский, ротмистр 182, 193, 199
Казановский, шляхтич, родственник Марины Мнишек 255
Казимирский (Казимерский, Казимир) ротмистр Ажедмитрия II 53, 169, 199, 226, 338
Калайдович К.Ф., историк 15, 64
Калиновский, ротный Ажедмитрия II 179, 180
Каменский, военачальник Ажедмитрия II 190, 192
Камецкий Николай, воевода подольский, дед Марины Мнишек 164
Канельсен Генрих, австриец 216
Каплин Вторуша 372
Карамзин Н.М., историк 64
Кардовский, шляхтич 90
Карл IX (Зюдерманландский), сын Густава I Вазы, кор. шведский 130, 146, 166, 264, 265, 277, 283, 284, 298, 313, 400
Кашин Михаил 168
Кашнец Григорий, шляхтич 206, 207, 328
Кернозицкий, воевода Ажедмитрия II 51, 100, 222, 241, 306, 312
Кишкевич Самойло, шляхтич 363
Ключевский В.О., историк 14
Кнут Христофор 363
Коврин, староста велижский 114
Козелевский (Козловский), шляхтич 58
Козляков В.И., историк 22, 35
Козмин Ефим, ярославец 362
Козмин Иван 374
Колецкий, ротмистр 366
Колобов Артем, кологривец 381
Колычев-Крюк Иван Федорович, боярин 260
Комаровский, шляхтич 68, 69, 188, 189, 360
Комелев (Козлов) Петр, шут Ажедмитрия II 224, 242, 335
Конагавицын Беляк, кинешмец 365
Кондырев Темка, служилый человек 446
Конец, комиссар польского короля 203
Конецпольский Станислав, посол Сигизмунда III, кор. кравчий, гетман 124, 143–145
Кононов Ермолай, столичный ездок 447
Копелев Л., философ 32, 35
Копнин Третьяк 388
Копнин Шестой, подьячий 368, 370, 372
Копыцинский (Копычинский) Семен, ротмистр Ажедмитрия II 47, 61, 63, 118, 141, 190, 191
Корецкий В.И., историк 29, 34
Корницкий 99
Корсаков Елизарий 389
Корсаковский, ротмистр 98
Корытко, ротмистр Ажедмитрия II 179
Коялович М. 23
Красный Федор, чарочник 379
Красовский, шляхтич 190, 420
Кребсберг Юрген, каморник М. Мнишек 338
Креский Феликс, коронный вицекаслер 132
Кривошеев Ю.В., историк 33
Крыловский, ротмистр Ажедмитрия II 190
Кудрявцев Иван 372
Кузнецов В.И., историк 35
Кузнецов Муравейко, ямщик 438
Кузьмин Савва, служилый человек 447
Кулакова И.П., историк 32–34
Куракин Иван Семенович, кн. 402, 424, 428
Куракин, кн. 142, 146
Курбский Андрей Михайлович, боярин 372
Кусынин Федор, галичанин, посадский человек 379
Лавилла, француз, капитан 232, 304
Лазорев Тимофей, воевода 360
Ламсдоф Бартольд (Ламбедерф Бертил), курляндец, ротмистр 212, 213, 278, 279
Ланцкоронский, ротмистр Ажедмитрия II 63, 141
Лаптев Иван 389
Ларионов-Стрига Иван, крестьянин, Зарайского уезда 446
Лачинов Иев, мещеряк 366
Левашев Федор, арзамасец 364
Лежаньский, шляхтич, староста 100
Лекко, граф 284
Ленков Тимофей Иванович 374

- Ажедмитрий I (Дмитрий Иванович, самозванец; Григорий Отрепьев, расстрига), царь 10–11, 13, 24, 27, 59–60, 104, 121, 127, 176, 201, 215, 222, 244–246, 249, 254, 255, 258, 288, 418
 Ажедмитрий II (Дмитрий, «тушинский вор»), самозванец 11–12, 14, 20, 24, 27–32, 40, 46–48, 50–52, 60–64, 66–67, 71, 75–79, 93, 94, 100, 104–107, 110–115, 119–121, 124–127, 131–138, 141–143, 146–149, 154–156, 160, 165–167, 172–174, 205–243, 250–252, 256, 257, 260–270, 272–299, 305–313, 315–340, 342–344, 346–357, 368, 371–374, 387, 397, 399, 400–402, 404–405, 409, 410, 412, 414–416, 418, 422–439
 Лимонов Ю.А., историк 26
 Линк Конрад, немец, ротмистр 301
 Лисовский Александр, польский полковник 12, 16, 172, 174, 211, 220–221, 223, 287, 290, 291, 305, 331, 333, 350–351, 362, 364–366, 375, 379–380, 382, 385, 390, 415, 420–421.
 Лихачев Петр, галичанин, посадский человек 380
 Лихачев Тренка, галичанин, посадский человек 380
 Лотман Ю.М., филолог 19, 35
 Луговской Томила, дьяк 383
 Лукин П.В., историк 448
 Лыков-Оболенский Борис Михайлович, кн., боярин 402, 424
 Ляпунов Захарий Петрович, дворянин, станичный голова 237, 305, 401
 Ляпунов Прокопий Петрович, думный дворянин 154, 156–161, 177, 219, 332, 402
 Маковский Иван, шляхтич 384
 Малинский, ротмистр 118, 143
 Манчин, ротмистр 224
 Маржарет Яков, французский ландскнехт, автор соч. о России 25
 Мария (Марфа) Петровна, дочь кн. Петра Буйносова-Ростовского, жена Василия Ивановича Шуйского, царица 68
 Мария Федоровна (урожденная Нагая), 7-я жена Ивана IV Васильевича, царица (в монашестве Марфа) 66
 Мархоцкий, ротмистр Ажедмитрия II 63, 131, 141, 190
 Маскевич Самуил, автор соч. о России 15
 Масса Исаак, голландский купец, автор соч. о России 26, 243, 271
 Мацишевский Я., польский историк 33, 34
 Мезецкий, кн. 142
 Мейер Людвиг 224
 Мельникова А.С., историк 32, 35, 451
 Местин Матиаш 168, 204
 Меховецкий, польский военачальник Ажедмитрия II 36, 59–60, 168, 206–208, 273–275, 329, 331
 Микулин Андрей, сотник 364–365, 376
 Микулинский, ротмистр 169, 174, 177
 Милюков П.А., историк 18, 35
 Минин Сухорукий Кузьма, нижегородский земский староста 13, 24
 Мининков А.П., историк 33
 Михаил Федорович (Романов), сын митрополита ростовского Филарета 163, 446
 Мичурин Федор Федорович 375, 382
 Млоцкий Андрей, шляхтич 52, 54, 56–58, 60, 63, 141, 172, 177, 182, 183, 320
 Млоцкий Григорий, шляхтич 309
 Мнишек Марина, дочь польского магната Юрия Мнишека, жена Ажедмитрия I и Ажедмитрия II 14, 22, 23, 25, 28, 60, 62, 126–128, 132–138, 140–142, 148, 149, 155, 156, 163–167, 184, 215, 226, 228, 243, 280, 281, 288, 294, 295, 310, 318–319, 321–323, 337, 345, 402–403, 418, 426.
 Мнишек Юрий Николаевич, польский магнат, воевода Сandomирский, староста львовский и самборский 22, 23, 28, 164–166, 346, 348, 402
 Мойтцен, немец, прапорщик 233, 236
 Молчанов Михаил Андреевич, дворянин, стольник 237, 255
 Монастырев Ларион, сотник 374
 Мосальский Василий Иванович, кн., стряпчий 256, 281, 310, 374
 Мосальский Дмитрий, кн. 373, 378
 Мосальский, кн. 168, 169, 172
 Мосальский-Рубец Василий Михайлович, кн., воевода 216
 Мстиславский Федор Иванович, кн., воевода, боярин 39, 196, 255, 260, 399, 412

- Мунк Ганс (Мук Анец), финский дворянин 400
Муханов П.А., историк 20, 23, 27, 45
Нагин Богдан 389
Нагой Андрей Андреевич 167
Нагой Иван, воевода Ажедмитрия II 125
Назаров В.Д., историк 33–34
Наливайко, казачий атаман 350
Нащекин Федор Андреевич (Ильич), воевода Ажедмитрия 267, 268, 373
Неведрев Богдан 389
Невяровский, шляхтич 162
Низневский (Нижневский), гонец Сигизмунда III из-под Смоленска в Тушино 56
Николай де Мелло, монах 68
Никольский Федор Сасинович, священник 413
Новалкин Карп 360
Новиков В.И., историк 35
Новодворский Варфоломей, кавалер Мальтийского ордена 150
Новомбергский Н.Я., историк 448
Новосельцев А.П., историк 34
Обалковский, гонец Сигизмунда III из-под Смоленска в Тушино 56
Обельницкий Валерий, повар 87
Овцын Василий, сын боярский 378
Огинский, посол Сигизмунда III 124
Одоев (Одоевский) Иван Никитич, кн. 163, 166, 403
Озерецкий Иван, подьячий 374, 391
Озерецкий Иван, посадский человек 389
Олесницкий Николай, кастелян малогостский, посол 37, 78, 112, 166
Олизарий, воевода 204
Олферьев Семен, галичанин, посадский человек 380
Орылковский, польский военачальник 60
Осипов Петр, галичанин, посадский человек 380
Островской 389
Острогский, кн., посол Сигизмунда III 124
Павала, ротмистр Ажедмитрия II 179
Павел V, папа римский 23
Павловский, ротмистр Ажедмитрия II 54
Палицын Андрей, сын боярский 371
Папроцкий, портной 82
Пашков Истома Иванович, сын боярский, сотник 251, 252, 258, 326
Пепловский, ротмистр Ажедмитрия II 54
Петрей де Ерлезунд Петр, шведский дипломат, хронист 16, 26, 27, 271, 277, 308
Плата Юрий, шляхтич 78
Платонов С.Ф., историк 34
Плещеев Иван Васильевич, воевода 226
Плещеев Никифор 360
Плещеев Федор Кириллович, воевода Ажедмитрия II 46, 57, 352, 359, 361, 363
Плещеев Федор Савинович 365
Плигузов А.И., историк 35
Побединский, шляхтич 101
Подосенов Семен, галичанин, посадский человек 380
Пожарский Дмитрий Михайлович, кн. боярин, стольник, воевода 24, 447
Позняков Андрей Денисович, стрелец 447
Понятовский Михаил Васильевич, кн. 385
Поросухов Иван 372
Порыцкий, кн. 143, 145
Потоцкие, кн. 59, 320
Потоцкий Яков, воевода брацлавский, староста смоленский, кастелян каменецкий 150, 161
Пржемыский, шляхтич 46
Прокофьев Андрей, земский целовальник 380
Прокудин Яков 364–365
Пронштейн А.П., историк 33
Просовецкий Андрей Захарьевич, казачий атаман 364
Протасьев Данила Келарев, мещеряк 365
Пудковский Микула, шляхтич 382
Пухин 188
Пуцкий, шляхтич 54
Пушкин Гаврила Григорьевич, думный дворянин 13, 371
Пушкин Никита Михайлович, дворянин, окольный 267, 268
Пушкин Никита Михайлович, окольный 368, 372, 375
Редриков Елизарий, суздалец, сын боярский 376
Резанов Овсей, посадский человек 389
Резецкий Иван, дворянин 237
Репнин Александр (Оболенский-Репнин Александр Александрович), кн., воевода 376
Реутов Афонасий, рассыльщик 374
Рогаткин Ждан, посадский человек из Вологды 372

- Рожинский (Ружинский) Роман Наримунтович, кн., польский полковник, гетман 28, 43, 45–47, 51, 52, 57, 60, 63, 126, 128, 132, 134, 137, 140, 141, 169, 170, 174, 177, 188, 189, 191, 212, 213, 224–226, 229, 230, 277, 293, 295–297, 315–318, 320, 331, 334–335, 337–338, 340, 366–367, 371, 411, 420.
- Рожинский Адам, полковник Ажедмитрия II 190
- Рожинский Александр, ротный Ажедмитрия II 179, 193
- Рожнятовский Авраам, предполагаемый автор «Дневника Марины Мнишек» 22
- Розецкий 320
- Розщюпин Сысой, оскольский атаман 447
- Ростовский Александр, кн. 311
- Рудзинский, ротмистр Ажедмитрия II 63
- Рудницкий, ротмистр Ажедмитрия II 169, 309
- Русецкий, ротмистр Ажедмитрия 190, 309
- Руцкий (Рудцкий) Бартош, польский военачальник, ротный Ажедмитрия II 60, 174, 179, 181, 188, 191–192, 415
- Рындин 232
- Рязанов Евсей Дмитриевич 389
- Сабурова Соломонида Юрьевна, в. кн. московская, жена Василия III 10
- Савицкий, патер 23, 109, 115
- Салаков Иван, боярин 177
- Салков, крестьянин 436, 440
- Салтамышев Богдан, костромич, посадский человек 378
- Салтыков 52, 198
- Салтыков Борис Михайлович, кн. 373
- Салтыков-Кривой Михаил Михайлович, боярин 71, 188, 401, 411–412, 415
- Салтыков-Морозов Иван Михайлович, боярин, воевода 55
- Салтыков-Морозов Михаил Глебович, боярин, воевода 54, 56
- Сандетский, шляхтич 46
- Саноцкий, сын Юрия Мнишека 72, 79, 96, 120, 121, 127, 129
- Сапега Лев Иванович, канцлер литовский, воевода и гетман 262, 264, 309, 321
- Сапега Ян (Петр Павлович), литовский магнат, староста усвятский 12, 25, 28–29, 37–39, 42–43, 45, 47, 51, 56, 57, 60, 63, 93, 95–96, 99, 101, 127–129, 141–142, 147, 161, 173, 174, 180, 181, 183, 194, 196, 197, 203, 204, 214, 217, 222, 226, 228, 229, 232, 264, 265, 285, 286, 292, 294–297, 309, 311, 313, 315–317, 320, 322, 339–340, 343, 349–351, 357–363, 371, 384–385, 402, 410–411, 414, 425
- Сахаров А.М., историк 34
- Светиков Михаил, подьячий 373
- Свистов Семейка, холоп 365
- Семенов Андрей 379
- Семенов Василий, дьяк 376
- Семенов Корнила 379
- Семенов Никита, галичанин, посадский человек 380
- Сергий, архиепископ смоленский 152
- Середницын Василий, земский целовальник 380
- Сигизмунд III Ваза (Жигмунд), кор. польский, в. кн. литовский 11, 18, 20, 24, 26, 28, 30, 33, 118, 129–131, 146, 153, 164, 166, 203, 218–220, 223–226, 228–231, 235, 238, 239, 287, 288, 292, 295, 297, 334, 342, 344, 366, 420–430
- Симеон Романович, воевода 258
- Синев Лука, суздаец, сын боярский 376
- Сицкий Алексей Юрьевич, кн., стольник 12
- Скомин, шляхтич 118
- Скопин-Шуйский Михаил Васильевич, кн., мечник 13, 14, 16, 28, 46, 47, 50, 51, 53, 58, 92, 95, 100, 166, 178–183, 214, 216, 219–223, 228–229, 250, 255, 264, 265, 268, 270, 280, 282, 284, 289–292, 295–297, 311–312, 314, 317–318, 332–333, 339, 343–344, 354–355, 378, 391, 393–394, 400, 410, 412, 416–417, 419–422, 424–426, 432, 436.
- Скотницкий, шотландец, воевода калужский 225–227, 235, 338
- Скрынников Р.Г., историк 34
- Скумин-Тышкевич Януш, староста брацлавский, писарь 51, 182
- Скумин, кастелян перемышльский 59
- Слонимский, шляхтич 54
- Собельский Мартын 364
- Соболевский Ян, шляхтич 360
- Соколинский, посол Сигизмунда III 107
- Соловьев С.М., историк 34, 45
- Солтан Старший 82
- Сомме Христиерн, шведский военачальник 312
- Сопугин-Нехорошев, посол московского царя 177

- Соснин Селифонко, галичанин, посадский человек 380
Софронов Осип, устюжанин 388
Стаборовский, ротмистр Ажедмитрия II 54
Стадницкий 172, 215, 224, 334, 348, 415
Стадницкий Андрей, шляхтич 111
Стадницкий Иоан, кастелян перемышльский 37, 133
Стадницкий Станислав, кастелян перемышльский 115, 116, 133, 136, 182
Станиславский А.А., историк 12, 34, 167, 341
Степанов Захар, каргополец 391
Стогов Никита, сын боярский 358
Стравинский Ярош, полковник Тушинского вора 24, 54, 56, 63, 174, 366
Стрешнев Иван 368
Строганов Максим Яковлевич, купец, солепромышленник 371
Строганов Никита Григорьевич, купец, солепромышленник 371
Струсь Николай, польский военачальник, староста хмельницкий 59, 118, 131, 143–145, 161–163
Суспольский 99
Сутупов Богдан Иоаким Иванович, дьяк 350, 388
Сыдавный Васильев (Васильев Сыдавной Семен Зиновьевич), думный дьяк 374
Талафусов, ротмистр Ажедмитрия II 63
Тарло, шляхтич 111, 121, 129
Таскаев Тимофей, атаман 376
Татев Борис Петрович, кн., боярин 260
Татищев Михаил Игнатьевич, думный дворянин, окольничий 70, 250
Татищев Семен 188
Телятевский Андрей Андреевич, кн., боярин 256, 404
Теннирг фон-Виссен, ливонец 212
Теннисен Генрих, шведский комиссар и адмирал 289
Титов А.А., историк 22
Тихомиров М.Н., историк 29
Третьяков 232
Трубецкой Дмитрий Тимофеевич, кн. 12, 45, 56, 156, 161, 232, 371–372, 402–403
Трубецкой Юрий 372, 439
Тупальский, ротмистр Ажедмитрия II 169, 193
Тушин Григорий 391
Тышкевич Самуил, воевода Ажедмитрия II 51, 169, 177, 211, 220, 331, 333
Тышкевич Януш, ротмистр Ажедмитрия II 179, 180, 188, 195
Тышкевич Януш, литовский писарь 133
Уншинский Ян, шляхтич 373
Урвищ, кн. 142, 146
Урусов Петр Арасланович, кн. 44, 166, 203, 204, 241, 242, 306, 322–323, 400–401, 408, 412, 426, 439
Усенко О.Г., историк 33
Усов Поспел, пристав устюжский 368, 370–371
Успенский Дурашко, галичанин, посадский человек 380
Устрялов Н.Г., историк 15, 64
Федор Иванович, сын Ивана IV Васильевича, царь 7, 25, 43, 248
Федоров Федор, галичанин, сын боярский 382
Федотов Иван, галичанин, посадский человек 381
Федотов Иван, земский целовальник 380
Фердинанд I, имп., австрийский эрцгерцог, кор. венгерский и чешский 164
Филарет (Романов Федор Никитич), митр. ростовский и ярославский, патриарх московский и всея Руси 30, 55, 135, 199, 217, 226
Филатов Парфенка, крестьянин Рязанского уезда 446
Филатов Пятый, подьячий 397
Флетчер Джильс, английский посол в Россию, автор соч. о ней 7
Флоря Б.Н., историк 17, 33–34, 448
Френев Василий, галичанин, сын боярский 382
Халецкий Иоанн, член ордена иезуитов 116
Харламко Ярославец 372
Харламов Иван 372
Хвалибог, ротмистр казачий 143
Хворостин Иван Дмитриевич, кн., воевода астраханский 403
Хованский Андрей Иванович, кн. 419
Ходкевич Ян-Карл, в. гетман литовский, маршал 161–163
Хорошкевич А.А., историк 35

- Хреслинский (Хрислинский), ротный Ажедмитрия II 179, 192
- Хрипунов Савелий Кирилович, гонец А. Гонсевского 387, 389
- Хромушкин Тимофей, староста в Соль-Галиче 380
- Хруслинский (Хрослинский), полковник Ажедмитрия II 54, 56, 169, 190, 191, 195, 202
- Цеглинский, ротмистр Ажедмитрия II 179
- Цырков Иван, галичанин, посадский человек 381
- Чаплинский, ротмистр 155, 180, 190
- Чаплинский В., польский историк 34
- Чебышев Гаврила, сотник 387
- Чеглоков Корнил, воевода 394
- Черепов Второй Дмитриев, галичанин, сын боярский 383
- Черкасский Дмитрий Матрюкович, кн., боярин 12
- Шапкин Семен, каргополец 374
- Шатун Игнат, крестьянин Комарицкой волости 447
- Шаховской Григорий Петрович, кн. 45, 127, 154, 178, 206, 210, 225, 232, 234, 271, 272, 294, 313, 324–328, 336, 394
- Шединг Филипп, маршалк, шведский наместник в Нарве 311
- Шейн Михаил Борисович, боярин, окольный, воевода в Смоленске 14, 43, 130, 146, 152, 385
- Шепелев И.С., историк 34
- Шереметев Петр Никитич, боярин 254, 261, 265, 270
- Шереметев Федор Иванович, боярин, воевода 354, 364, 374, 379, 385, 391–392, 395
- Шерупцов Давид 223
- Шмидт Иохим, немец, второй воевода Ажедмитрия II в Ярославле 220, 290, 291
- Шнейдер Ганс, ливонец 216
- Шотуцкий, воевода 211
- Шуйский Александр Иванович, кн., боярин 408
- Шуйский Василий Иванович, кн., боярин, затем царь 10, 11, 14, 16, 22, 24, 25, 29, 33, 36–38, 43, 50–51, 53, 62, 64, 66–68, 72, 73, 76, 78–79, 87, 90, 93, 94, 98–100, 102–103, 105–107, 112–114, 117, 118, 121, 124–127, 131, 134, 135, 141, 142, 147, 148, 156, 161, 167, 168, 170–174, 178, 186, 189, 194–196, 198–199, 204, 206, 208–217, 219–220, 223, 225–226, 228–230, 238, 240, 243, 255, 277, 282, 283, 287, 293, 298, 302, 304–305, 309–312, 314–317, 319–320, 326, 332, 337, 343, 360, 365–366, 370–371, 374, 376, 378–381, 383–384, 388–389, 391, 398, 400–402, 404, 407–410, 412, 416–417, 424–425, 428–429, 431–436, 438
- Шуйский Дмитрий Иванович, кн., воевода, кравчий, боярин, брат Василия Шуйского 21, 38, 64, 67–69, 71, 72, 76, 86, 118, 122, 124, 125, 142, 144, 146, 148, 169, 194, 198, 297–299, 300, 309, 401, 431
- Шуйский Иван Иванович, кн., боярин, брат Василия Шуйского 38, 148, 173, 199, 260, 285, 404, 421
- Щедринский, шляхтич 145
- Щенкин Петр, пристав 447
- Эберт, капитан 232
- Экгольмский, барон 284
- Юшков Михаил Константинович 232
- Яйковский, шляхтич 52
- Яковлев А.И., историк 14
- Яковлев Меншик, казак 447
- Яниковский Матвей, шляхтич 46, 47
- Янковский, ротный Ажедмитрия II 191, 192
- Ярцев Андрей, костромич 378

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- С. 38. Русские женщины оплакивают своих покойников. — *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.
- С. 41. Василий Шуйский. — Собрание гравюр Ф.Ф. Вигеля. Отдел редких книг НБ МГУ.
- С. 44. Польская знать. — *Sokolowski A.* Dzieje polski ilustrowane. Т. 3. Warszawa, 1899.
- С. 49. Сигизмунд III Ваза, король польский.
- С. 55. Изображение Смоленска на медали, выбитой Сигизмундом III в 1611 г. — Сказания о русской земле. СПб., 1913. Ч. 4.
- С. 61. Ян Петр Сапега, староста Усвятский, с изображенным позади него монастырем живоначальной Троицы. — Сказания о русской земле. СПб., 1913. Ч. 4.
- С. 63. Польские всадники. — *Sokolowski A.* Указ. соч.
- С. 70. Двор боярина. Рис. И.-Р. Сторна. — *Мейерберг А.* Виды и бытовые картины России XVII в. СПб., 1903.
- С. 75. Василий Шуйский. — *Айбрович С.* Царь в плену. М., 1911.
- С. 80. Русский купец. Гравюра XVI в. — Сказания о русской земле. СПб., 1913. Ч. 3.
- С. 84. Село Печоры. — *Мейерберг А.* Указ. соч.
- С. 91. Марина Мнишек. — Сказания о русской земле. СПб., 1913. Ч. 3.
- С. 99. Монета королевича Владислава. — *Айбрович С.* Указ. соч.
- С. 106. Околица у деревни Опока. — *Мейерберг А.* Указ. соч.
- С. 108. Погребение усопших. — *Олеарий А.* Указ. соч.
- С. 113. Печать государственная малая Ажедмитрия I. — Сказания о русской земле. СПб., 1913. Ч. 4.
- С. 116. Польская знать. — *Sokolowski A.* Указ. соч.
- С. 123. План Московского кремля. XVII век.
- С. 126. Деревня Пешки. — *Мейерберг А.* Указ. соч.
- С. 130. Мушкетер. — Учение и хитрость ратного строения. М., 1647.
- С. 136. Самара. — *Олеарий А.* Указ. соч.
- С. 140. Церковь Вознесения. — *Витсен Н.* Путешествие в Московию. 1664–1665. СПб., 1996.
- С. 145. Процессия для водосвятия. — *Олеарий А.* Указ. соч.
- С. 149. Тушинский вор. С изображения конца XVII в. — Сказания о русской земле. СПб., 1913. Ч. 4.

- С. 159. Двор Лжедмитрия I на Взрубе в Москве. Рис. Исаака Массы. — Сказания о русской земле. СПб., 1913. Ч. 4.
- С. 170. Переправа через реку. — *Мейерберг А.* Указ. соч.
- С. 179. Князь Михаил Скопин-Шуйский. Иконописная парсуна, XVII в. ГТГ.
- С. 182. Сани и лыжи. — *Герберштейн С.* Записки о московитских делах. СПб., 1908.
- С. 190. Русская артиллерия в походе. — *Пальмквист Э.* Некоторые заметки о России, ее дорогах, крепостях и границах, сделанные во время последнего королевского посольства к царю Московскому в 1647 г. Новгород, 1993.
- С. 201. Лжедмитрий I. — Сказания о русской земле. СПб., 1913. Ч. 4.
- С. 208. Русский всадник. — *Герберштейн С.* Указ. соч.
- С. 216. Лобное место в Москве. — *Олеарий А.* Указ. соч.
- С. 221. Польская дама. — *Sokolowski А.* Указ. соч.
- С. 227. Лжедмитрий I. Гравюра Н.И. Уткина с медали, гравированной К.Я. Афанасьевым. Офорт. 1831. — *Принцева Г.А.* Николай Иванович Уткин. Л., 1983. С. 100.
- С. 230. Астрахань. — *Олеарий А.* Указ. соч.
- С. 240. Русский всадник. — *Пальмквист Э.* Указ. соч.
- С. 245. Лжедмитрий I. — Собрание гравюр Ф.Ф. Вигеля. Отдел редких книг НБ МГУ.
- С. 252. Наказания на Красной площади. — *Олеарий А.* Указ. соч.
- С. 259. Государственная печать Ивана IV. — Сказания о русской земле. СПб., 1913. Ч. 4.
- С. 266. Борисоглебский мужской монастырь в Торжке. — *Витсен Н.* Указ. соч.
- С. 274. Польские всадники. — *Sokolowski А.* Указ. соч.
- С. 282. Успенский собор в Москве. — *Олеарий А.* Указ. соч.
- С. 291. Марина Мнишек. — Сказания о русской земле. СПб., 1913. Ч. 4.
- С. 299. Монета Василия Шуйского. — *Айбрович С.* Указ. соч.
- С. 302. Тверь. — *Олеарий А.* Указ. соч.
- С. 314. Торжок. — *Олеарий А.* Указ. соч.
- С. 321. Густав II Адольф, король шведский. — Сказания о русской земле. СПб., 1913. Ч. 4.
- С. 322. Польские всадники. — *Sokolowski А.* Указ. соч.
- С. 330. Московские бояре. — *Олеарий А.* Указ. соч.
- С. 334. Пир. — *Олеарий А.* Указ. соч.
- С. 339. Якоб Делагарди, шведский полководец.
- С. 342. Польский всадник. — *Sokolowski А.* Указ. соч.
- С. 344. Юрий Мнишек. — Сказания о русской земле. СПб., 1913. Ч. 4.

- С. 357. Русские всадники. — *Герберштейн С.* Указ. соч.
- С. 359. Московский патриарх Филарет. Гравюра И. Штенглина (до 1770 г.) —
Собрание гравюр Ф.Ф. Вигеля. Отдел редких книг НБ МГУ.
- С. 364. Войско в походе.
- С. 370. Село Заулки. — *Мейерберг А.* Указ. соч.
- С. 377. Ян Кароль Ходкевич, литовский гетман, староста жмудский. Гравюра Ж. Зегерса. XVII в.
- С. 380. Принятие присяги. — *Олеарий А.* Указ. соч.
- С. 386. Московиты. — *Олеарий А.* Указ. соч.
- С. 392. Московская улица. — *Олеарий А.* Указ. соч.
- С. 407. Троице-Сергиев монастырь. — *Полевой П.Н.* История русской словесности. Т. I. СПб., 1900.
- С. 411. «Петров чертеж». План г. Москвы конца XVI — начала XVII в.
- С. 414. Иностранцы на улицах Москвы. — *Олеарий А.* Указ. соч.
- С. 417. Русский лучник. — *Герберштейн С.* Указ. соч.
- С. 423. Патриарх Иов. Гравюра XVII в. — Собрание гравюр Ф.Ф. Вигеля. Отдел редких книг НБ МГУ.
- С. 433. Дмитрий Трубецкой. Гравюра XVII в. — Собрание гравюр Ф.Ф. Вигеля. Отдел редких книг НБ МГУ.
- С. 437. Венчание Михаила Федоровича на царство.
- С. 442. Сватовство. — *Олеарий А.* Указ. соч.
- С. 451. Копейка Тушинского вора.

Научное издание

ПАМЯТНИКИ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

ТУШИНСКИЙ ВОР:

Личность, окружение, время

Зав. редакцией *Г.М. Степаненко*

Редактор *В.П. Протасова*

Технический редактор *Г.Д. Колоскова*

Корректор *Н.И. Коновалова*

Оформление и макет *В.В. Пономаревой*

Изд. лиц. № 040414 от 18.04.97

Подписано в печать 13.06.2000

Формат 60х90 1/16 Бумага офс. №1

Офсетная печать

Усл. печ. л. 29,0 Уч.-изд. л. 28,31

Тираж 3000 экз. Заказ 3352—01 Изд. № 6618

Ордена “Знак Почета” издательство Московского университета
103009, Москва, ул. Б. Никитская

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в 12 Центральной типографии МО РФ
121019, г. Москва, ул. Староваганьковский пер., д. 17